

ДЖЕЙН
ОСТЕН

ДЖЕЙН ОСТЕН

1

ДЖЕЙН ОСТЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1988

ДЖЕЙН ОСТЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ПЕРВЫЙ

ЧУВСТВО
И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Роман

ГОРДОСТЬ
И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

Роман

*Перевод
с английского*

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1988

ББК 84. 4Вл
0—76

JANE AUSTEN
1775—1817

Редколлегия:

Г. АНДЖАПАРИДЗЕ, Е. ГЕНИЕВА, М. КЛИМОВА, Н. МИХАЛЬСКАЯ

Составление и предисловие
Е. ГЕНИЕВОЙ

Комментарии
Е. ГЕНИЕВОЙ и Н. ДЕДУРОВОЙ

Оформление
А. ЛЕПЯТСКОГО

Иллюстрации
Х. ТОМСОНА и Ч. БРОКА

В издании использованы работы английских художников-современников Дж. Остен и иконографический материал конца XVIII — начала XIX в.

О $\frac{470300000-132}{028(01)-88}$ подписное

ISBN 5—280—00304—2 (Т. 1)
ISBN 5—280—00303—4

© Состав, предисловие, перевод, отмеченный в содержании*, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1988 г.

ОБАЯНИЕ ПРОСТОТЫ

18 июля 1817 г. в небольшом доме на одной из улиц английского города Уинчестера умирала женщина. Ей был сорок один год, она очень страдала. У постели умирающей, не отходя ни на минуту, дежурила ее сестра Кассандра. «Боже, пошли мне смерть,— шептали иссохшие губы.— Даруй мне терпение. Молись за меня». На рассвете ее не стало.

Похоронили умершую в Уинчестерском соборе, запечатлев на могильной плите ее добродетели: кротость нрава, отзывчивость сердца, дочернюю почтительность, жертвенность и богобоязненность. Забыли, правда, сказать главное: женщина, чей прах покоился здесь, была писательницей, которую последующие поколения причислили к классикам мировой литературы.

Джейн Остен решительно опередила свое время. В эпоху господства романтизма творчество этой писательницы, рассказывающей не о демонических героях и бурных страстях, а всего лишь о жизни английской провинции, осталось, по сути дела, незамеченным, а потому и не оцененным по достоинству. «Гордость и предубеждение», впоследствии самый известный роман Джейн Остен, издатель отверг, сочтя его скучным и незначительным. Современники Остен, даже самые благосклонные, пишет в своих воспоминаниях от 1870 г. первый биограф, племянник писательницы Эдвард Остен-Ли, были не слишком высокого мнения о ее сочинениях и искренне удивились бы, доведись им узнать, что их читают и век спустя. Мало что изменилось и в середине XIX в. Диккенс не подозревал о существовании Джейн Остен, Шарлотта Бронте высказалась о ней весьма уничижительно: «Точное воспроизведение обыденных лиц, тщательно огороженные и ухоженные сады... Ни одного яркого образа. Ни одного дикого ландшафта. Там нет свежего воздуха, голубых гор, суровых скал... Возможно, она разумна, реалистична... но великой она быть не может».

У Теккерея в одном из писем встречается упоминание Джейн Остен. Но оно столь беглое, что его нельзя считать суждением. Само по себе это довольно странно. Автор «Ярмарки тщеславия», «Генри Эсмонда», «Пенденниса», «Ньюкомов» объективно развивал традиции Джейн Остен и размышлял как раз над теми художественными, в первую очередь повествовательными задачами, которые на рубеже XVIII и XIX вв. с блеском решила мало кому известная писательница, долго подписывавшая свои произведения: «сочинения леди».

Однако и в XIX в. нашлись ценители таланта Джейн Остен. Саути писал, что в романах Остен «больше верности природе и подлинного чувства, чем в любом другом произведении ее века», восхищались ею Колридж, историк и блистательный стилист Маколей, известный критик Генри Льюис. Но самое пронизательное суждение принадлежит первому критику Джейн Остен Вальтеру Скотту, опубликовавшему в 1816 г. рецензию на «Эмму». «Создательница современного романа, события которого сосредоточены вокруг повседневного уклада человеческой жизни и состояния современного общества», — таков был восторженный отзыв Скотта.

Но ведь «отцом современного романа» Байрон, Бальзак, Стендаль, Белинский считали самого Вальтера Скотта. В XIX в., как, впрочем, и в первой половине XX, никому и в голову не пришло подвергнуть сомнению приоритет Вальтера Скотта. Однако мнение автора «Уэверли», потрясенного «точностью и четкостью» искусства Остен, «пониманием человеческих отношений, глубоким тактом, с которым она рисует характеры», заставляет по-новому взглянуть на некоторые литературные явления и на их последовательность.

Существует немалая путаница в датировке романов Джейн Остен, которые имеют две, а то и три «даты написания». Ее романы, как правило, становились известны публике через много лет после их создания. Например, роман «Гордость и предубеждение» писался в 90-е годы XVIII в., а вышел только в 1813 г. Похожая судьба у «Нортенгерского аббатства». Работу над рукописью Остен начала в 1798 г., опубликован роман был только после смерти писательницы, в 1818 г. Эти даты важны не только для установления хронологии творчества Джейн Остен. Восстановив истинную последовательность событий, можно сделать вывод, что в Англии не в 10—20 годы XIX в., но в 90-е годы XVIII столетия начал складываться новый тип реалистического искусства, видящего и запечатлевающего неразрывную связь между личностью и обществом, постигающего личность в постоянном движении, развитии, открывающего новые по сравнению с уходящей эпохой, более «правдоподобные» формы повествования.

Для столь раннего становления реализма были особые литературные условия. Во Франции реализм заявил о себе как о самостоятельном литературном направлении после эпохи романтизма, взорвавшего своей эстетикой эстетику Просвещения. Иная картина наблюдалась в Англии. Здесь романтизм оформился в эстетическую систему к 1798 г. — дата выхода манифеста английского романтизма, предисловия Вордсворта и Колриджа к «Лирическим балладам». Но уже к этому времени, то есть параллельно с романтизмом и сохраняя преемственность по отношению к просветительскому реализму, начал складываться, как раз в творчестве Джейн Остен, новый тип реализма.

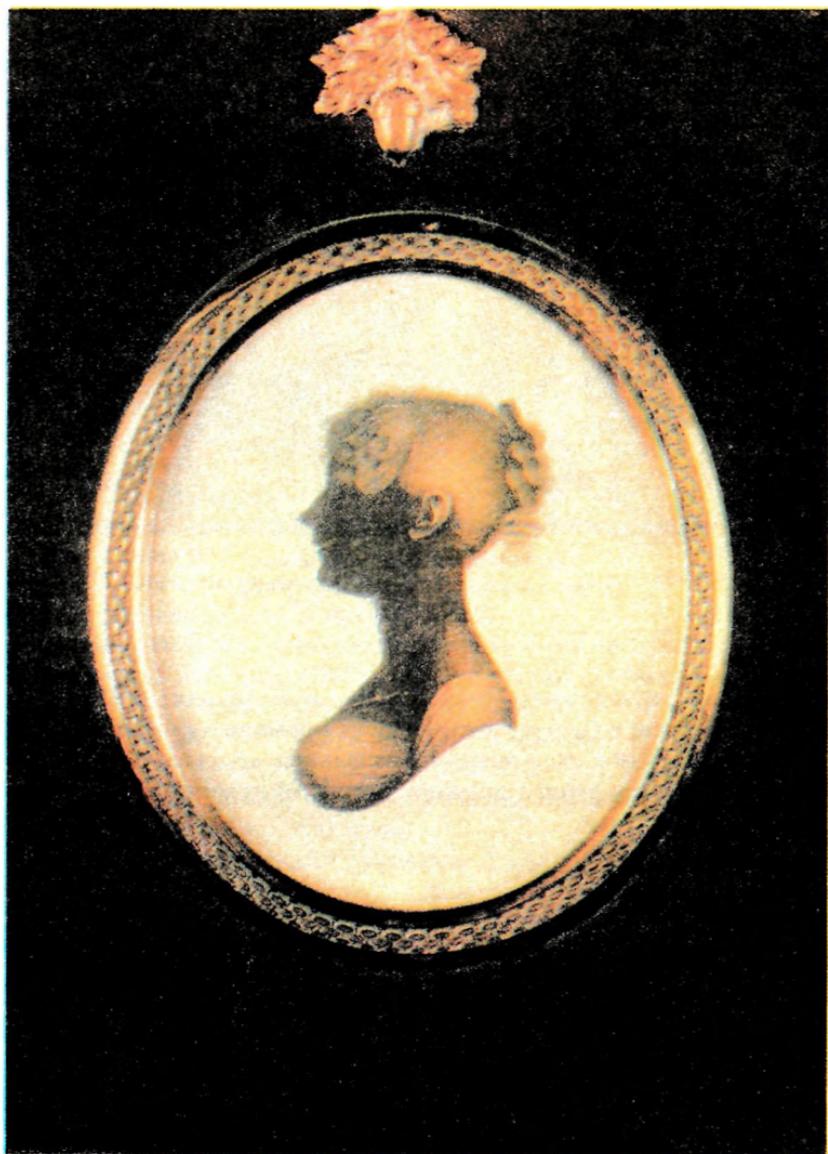
Однако в XIX в. это не осознали. Настоящее, широкое признание пришло к Джейн Остен лишь в XX в. Ее психологическое, пронизанное изящной иронией искусство оказалось созвучным писателям рубежа века и первых десятилетий XX столетия. Теперь в ряду поклонников Джейн Остен — Г.-К. Честертон, Р. Олдингтон, С. Моэм, В. Вулф, Э. Боуэн, Б. Пристли, Э.-М. Форстер. «Из всех великих писателей Джейн Остен труднее всего «поймать на величии», ей присущи особая законченность и совершенство», — замечала Вирджиния Вулф. «Благодаря своему незаурядному художественному темпераменту ей удастся интересно писать о том, что под пером тысячи других, внешне похожих на нее сочинительниц, выглядело бы смертельной скукой. Про такую писательницу, как Джейн Остен, не скажешь даже, что она оригинальна, — она проста и естественна, как сама природа», — писал один из самых пронизательных английских критиков Г.-К. Честертон. «Почему герои Джейн Остен, — задает вопрос мастер психологической прозы XX в. Э.-М. Форстер, — доставляют нам каждый раз все новое наслаждение по сравнению с одним и тем же наслаждением, которое мы испытываем, читая Диккенса? Почему они так хорошо сочетаются в диалоге? Почему они никогда не актерствуют? Дело в том, что ее герои, хотя они меньше размерами, чем герои Диккенса, организованы более сложно». Сравнение Джейн Остен с Диккенсом продолжил Р. Олдингтон: «Диккенс владел даром жить жизнью своих героев и умением передавать это чувство читателям. Погрешности вкуса, предрасположенность к мелодраме, сентиментальности и карикатуре часто ослабляют его. Дар этот у Остен был, возможно, более скромным и сдержанным, зато вкус ее был безупречным и никогда не изменял ей».

Начиная с 30-х годов нашего столетия Джейн Остен превращается у себя на родине в едва ли не самого популярного, самого читаемого автора XIX в. А сегодняшняя Англия переживает настоящий «бум» Джейн Остен. Ее произведения, причем не только зрелые, но и юношеские (пародии, наброски), и те, что остались незавершенными, пристально изучаются; о ней написаны сотни

статей; ее творчество стало предметом не одного десятка диссертаций. Ученые ведут споры, какой литературной эпохе — Просвещению, романтизму, классическому реализму — принадлежит эта писательница, кто она — рационалист, сатирик, романтик, бытописатель, бесстрастный хроникер, тонкий и глубокий писатель-реалист? Переиздаются большими тиражами романы Джейн Остен; их сопровождают превосходные иллюстрации, выполненные известными английскими художниками и графиками. Произведения Джейн Остен ставятся на сцене, экранизируются. Общество Джейн Остен выпускает ежемесячный бюллетень, публикующий информацию о всех новостях в «остеноведении», в частности, о переводах произведений Джейн Остен на языки мира. Организован музей Джейн Остен. В английском языке существует слово «джейнист» — почитатель творчества Джейн Остен. Соревнуясь друг с другом в знании текстов Джейн Остен, а заодно и в изобретательности, писатели и литературоведы дописывают ее незавершенные произведения — «Леди Сьюзен», «Сэндитон», «Уотсоны».

К сожалению, о самой писательнице известно досадно мало. Ее сестра, Кассандра Остен, то ли выполняла волю Джейн, то ли скрывая какую-то семейную тайну, а может быть, стремясь уберечь личную жизнь покойной от нескромных взглядов, уничтожила большую часть переписки и тем самым лишила биографов ценнейшего материала. Впрочем, сама же Кассандра, вовсе того не подозревая, выпустила джинна из бутылки, создав благодатную почву для всевозможных домыслов, дерзких гипотез, невероятных догадок. Почему все же Джейн Остен так и не вышла замуж — ведь ей не раз делали предложения? Правда ли, что она хранила верность брату поэту Уильяму Вордсворта, моряку, погибшему во время кораблекрушения? Была она с ним помолвлена или ее избранником стал кто-то другой? Почему на стене Уинчестерского собора, где похоронена Джейн Остен, лишь в 1872 г. появилась доска, где упоминают, и то вскользь, что Остен была писательницей? Почему близкие так настойчиво уверяли, что в жизни их родственницы не было никаких значительных событий? Почему им хотелось убедить мир, что Джейн была добрейшим и милейшим существом на свете, когда известно, каким быстрым был ее ум и острым язык? А что, если и в самом деле была какая-то тайна и прав Моэм, когда искренне недоумевает, как «дочь довольно скучного и безупречного в своей респектабельности священника и очень недалекой маменьки могла написать «Гордость и предубеждение».

Впрочем, охотников разгадать эту загадку и ответить на бесконечные «почему» немало. Английские писатели давно сделали Джейн Остен героиней романов, рассказов, поэм, пьес. О ней писал Редьярд Киплинг в рассказе «Джейнисты»; современная

Кассандра, сестра Джейн Остен.
Миниатюра работы Джона Мейерса, 1809 г.

Усыновление Эдварда Остена,
брата писательницы, семьей Найтов.
Силуэт.

английская писательница Фэй Уэлдон в «Письмах к Алисе по прочтении Джейн Остен»; австралийская романистка Барбара Кер Уилсон в романе с неожиданным названием «Джейн Остен в Австралии». XX век воздал должное автору «Гордости и предубеждения»!

Джейн Остен родилась 16 декабря 1775 года в небольшом городке Стивентоне в графстве Хэмпшир. Отец ее, Джордж Остен, которого Моэм в сердцах назвал воплощением скучной респектабельности, был приходским священником, но необычным. Происходил он из старинной кентской семьи, был просвещенным и широко образованным человеком. Его жена, Кассандра Ли, тоже принадлежала к старинному, но обедневшему роду. У Джорджа и Кассандры Остен было восемь детей: шесть сыновей и две дочери. Предпоследним ребенком была Джейн.

Для XVIII века такое количество детей не было чем-то из ряда вон выходящим. Необычно было другое: при высокой детской смертности в то время все они выжили. Старший брат, Джеймс, имел склонность к литературным занятиям: писал стихи, прозу, но пошел по стопам отца. О втором брате, Джордже, в семье предпочитали не говорить: он был психически неполноценным, говорить так и не научился. Видимо, ради него Джейн Остен изучила аз-

буку немых, которой, судя по отзывам близких, владела вполне сносно. Третьего брата, Эдварда, усыновили богатые бездетные родственники Остенов Найты, что открыло перед ним широкие возможности — из класса джентри он перешел в класс нобилити.

Самая яркая, самая романтическая судьба была у четвертого, любимого брата Джейн Остен, Генри Томаса. Человек увлекающийся и не слишком практичный, он перепробовал на своем веку немало профессий: служил в армии, был банкиром, поначалу преуспевал, но потом разорился, принял сан. Женат он был на Элизе де Фейид, вдове французского дворянина, окончившего свои дни на гильотине. Элиза оказала немалое влияние на Джейн Остен. Именно Элизе Джейн обязана неплохим знанием французского языка и французских авторов: Ларошфуко, Монтеня, Лабрюйера, а также любовью к театру. До того как Элиза получила печальное известие из Франции о смерти мужа, она часто ставила домашние спектакли, привлекая к этому занятию всех членов семейства Остен.

Два других брата, Фрэнсис и Чарлз, были моряками, дослужились до адмиральского чина.

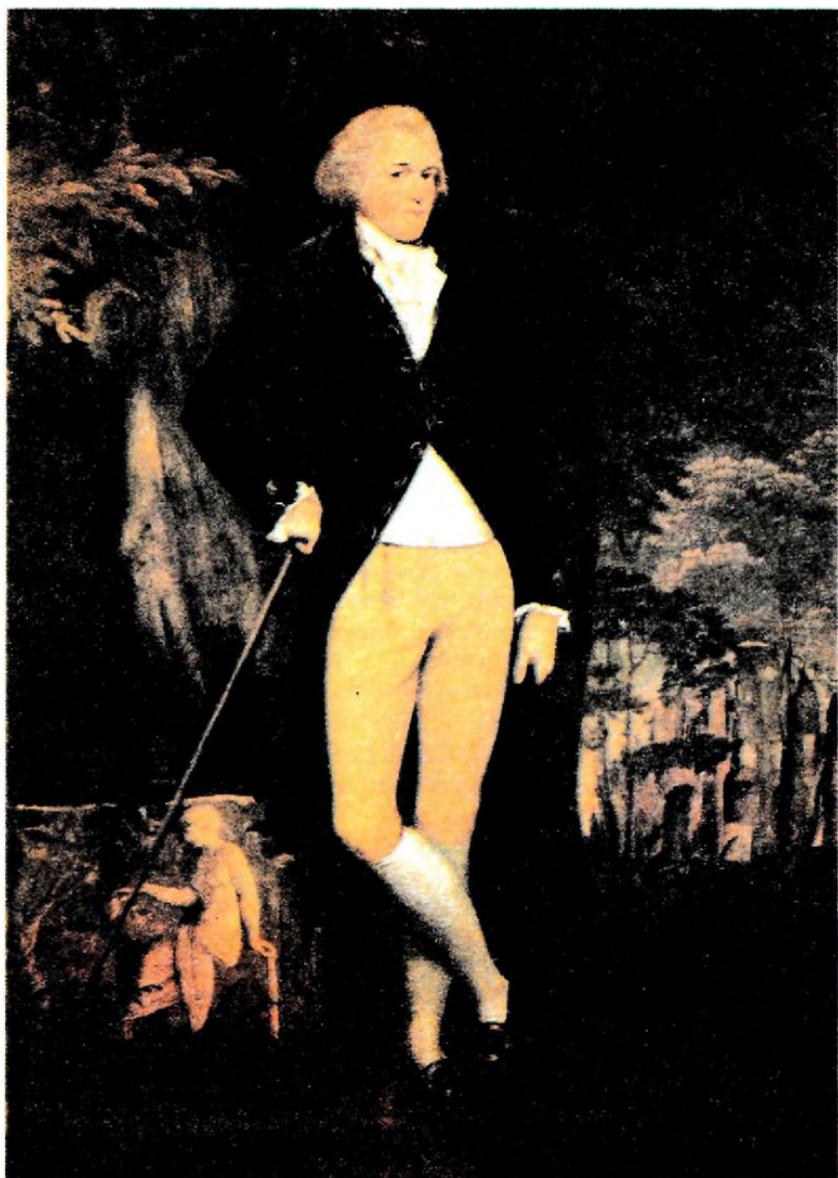
Но особенная дружба связывала Джейн с Кассандрой. «Если бы Кассандре отрубили голову, — говорила миссис Остен, — Джейн настояла бы, чтобы с нею поступили так же». С Кассандрой она делилась всеми своими замыслами, Кассандра, конечно же, знала имя человека, которому хранила верность Джейн Остен, на руках у Кассандры Джейн Остен умерла. Кассандра, как и сестра, замуж не вышла. Ее избранник, молодой священник Томас Фаул, умер от желтой лихорадки в Вест-Индии, куда отправился в надежде заработать деньги на предстоящую свадьбу. Когда его не стало, Кассандре было только двадцать четыре года.

Гораздо меньше определенных сведений мы имеем о самой Джейн Остен. Мнения современников даже о ее внешности и те противоречивы. Джейн «совсем не хорошенькая, она очень чопорна для своих двенадцати лет, капризна и неестественна», — замечает ее кузина Филадельфия. «В жизни своей не видела другой такой хорошенькой вертушки, всецело занятой поисками мужа, как Джейн», — вспоминает некая миссис Митфорд, а ее подруга, навестившая Джейн Остен за два года до ее смерти, в 1815 г.,

Миссис Остен,
мать писательницы
(1739—1827).

Силуэт.

Эдвард Найт, брат писательницы (1768—1852).
Портрет работы неизвестного художника, 1789 г.

Фанни Найт, любимая племянница Джейн Остен.
Акварель работы Кассандры Остен.

замечает: «Джейн превратилась в застывший, молчаливый перпендикуляр — образец «счастливого безбрачия», и до той поры, пока «Гордость и предубеждение» не открыли всем, какой драгоценный алмаз скрывается в этом жестком футляре, в обществе на нее обращали не больше внимания, чем на кочергу или на каминную решетку». Иной виделась Джейн Остен С.-Э. Бриджесу, брату ее близкой приятельницы: «Она привлекательна, хороша собой, тонка и изящна, только щеки несколько кругловаты». С этим описанием схож и портрет Джейн, сделанный Кассандрой.

Хотя Джейн Остен и казалась кому-то «перпендикулярной», синим чулком она не была. Напротив, любила наряды, балы, ве-

Страница из книги «История добродетельной туфельки»,
бывшей в библиотеке Джейн Остен.

селье. Ее письма полны описаний фасонов шляпок, рассказов о новых платьях и новых кавалерах. Веселье счастливо сочеталось в ней с природным умом и очень неплохим, особенно для девушки ее круга и положения, даже не окончившей школу, образованием. Со школами Джейн в самом деле не везло; в первой она и Кассандра страдали от деспотичного нрава директрисы, чуть было не умерли, заразившись сыпным тифом. Другой школой в Рединге, напротив, руководила очень добродушная особа, но знания учениц были последней заботой в ее жизни. Вернув дочерей домой, Джордж Остен решил заняться их образованием сам и, надо сказать, весьма в этом преуспел. Умело руководя их чтением, он привил девочкам хороший литературный вкус, научил их любить классических авторов, которых отменно знал по роду собственных занятий. По вечерам, собравшись у камина в гостиной, читали вслух Сэмюэла Джонсона в изложении его биографа Босвелла. Любовь и почтение к «великому лексикографу», которого Джейн Остен нежно называла «мой милый доктор Джонсон», она сохранила на всю жизнь. Читали Шекспира, Голдсмита, Юма. Увлекались и романами, в первую очередь сочинениями Ричардсона, Филдинга, Стерна, Марии Эджуорт, Фанни Берни. Из поэтов в семье особенно почитали Каупера, Томсона, Грея, Крабба. Последнего Джейн как-то мельком увидела на улице в Лондоне и пошутила, что он единственный мужчина, за кого она вышла бы замуж.

Формирование личности Джейн Остен проходило, как бы мы сказали сегодня, в интеллигентной обстановке — среди книг,

постоянных разговоров о них, обсуждений прочитанного и происходящего. Хотя всю свою недолгую жизнь Джейн Остен провела в провинции, Стивентоне, Бате, Чотэне, Уинчестере, лишь изредка наезжая в Лондон, большой мир с его событиями и катаклизмами: войнами, восстаниями, революциями — постоянно врвался во внешне спокойное и размеренное существование дочери английского священника. Шли наполеоновские войны, война за независимость в Северной Америке, Англия была охвачена промышленным переворотом, по ней уже прокатились первые выступления луддитов, в Ирландии бушевали восстания. Не только газеты приносили в Стивентон, Бат или Чотэн волнующие новости. Джейн Остен состояла в оживленной переписке с братьями, их женами, детьми, дальними родственниками, а некоторые из них были непосредственными участниками исторических драм. Французская революция коренным образом изменила судьбу Элизы де Фейид, братья Чарлз и Фрэнсис воевали с Францией. В Вест-Индии умер жених Кассандры; в течение нескольких лет в семье Остенов воспитывался сын бывшего губернатора Индии Уоррена Гастингса. Письма соединяли английскую провинцию с революционной Францией, незнакомой и далекой Америкой, экзотической Индией и давали Джейн Остен бесценный материал для ее романов. Правда, ни в одном из них не найти рассказа о войнах или революциях, да и действие никогда не выносится за пределы Англии. Но по некоторым фразам, на первый взгляд кажущимся неважными, случайными, а главное по тому, как Джейн Остен изображает своих героев, людей, живущих в мире, охваченном постоянным движением, ясно, что она неплохо ориентировалась в происходящем. Это особенно ощутимо в ее последнем романе «Доводы рассудка», где немало моряков, только что вернувшихся на сушу после военных действий, отличившихся в сражениях, плававших

Неоконченный портрет Джейн Остен, выполненный Кассандрой. Национальная галерея, Лондон.

Ноты, принадлежавшие Джейн Остен.

в Вест-Индию. Другое дело, что Остен не считала себя компетентной подробно писать о тех же военных действиях и начавшейся колониальной экспансии Англии. Сдержанность — черта не только творческого облика этой писательницы, сдержанность — основа всей ее жизненной позиции. И в этом отношении важно, что Джейн Остен происходила из семьи очень английской по царившей в ней атмосфере. Здесь умели глубоко чувствовать, но в то же время были сдержанными в изъятии чувств. Преподобный Джордж Остен воспитывал своих дочерей не только воскресными проповедями, но и каждодневным примером — дух человека должен быть выше тягот жизни, болезней, голода, нищеты, смерти. Остены не рыдали, во всяком случае на людях, когда отправляли сыновей на войну, с которой те могли и не вернуться. Не лили слез, когда эпидемии косили жителей окрестных деревень, но в меру своих сил пытались помочь бедствию.

Вдумываясь в скупые факты ее биографии, приходишь к довольно безрадостному выводу. Жизнь не слишком баловала Остен. Оплакивала ли она погибшего жениха или не нашла достойного себе человека в своем окружении, но в тридцать лет Джейн Остен надела чепчик, объявив тем самым миру, что отныне она старая дева, простившаяся с надеждами на личное счастье. А ведь удел старой девы даже в такой дружной семье, как Остены, был не са-

Сидни-Гарденз, Бат.

мым сладким. Приходилось подлаживаться под характер матери, женщины властной, требовавшей себе полного подчинения, мириться с капризами отца. Остены никогда не были богатыми, а после смерти отца, не позаботившегося о благосостоянии жены и дочерей, их обстоятельства стали еще более стесненными. Джейн обшивала семью, помогала матери по хозяйству.

Многое в своей жизни она, наверное, ненавидела — монотонную домашнюю работу, необходимость видаться с тупыми соседями, вести нелепые разговоры с их необразованными и духовно неразвитыми дочерьми, скрывать от них, что она пишет.

Дом в Чотэне, где жили Остены в 1809 г.

Сколько горькой иронии в рассказе о скрипящей двери в гостиной, которую не разрешала смазывать Джейн Остен. Скрип предупреждал ее о появлении неожиданных гостей, и она успевала спрятать под скатерть листки почтовой бумаги, убористо исписанные ее аккуратным и решительным почерком. Свои шедевры она создавала за столом, где семья собиралась за завтраками, обедами и ужинами.

Джейн Остен начала писать рано — в четырнадцать лет. Начала не с подражания, а с пародии, да еще какой дерзкой! «Любовь и дружба» (ошибка в заглавии, конечно же, умышленная) — пародийный роман в письмах, в котором автор весело, впрочем, иногда и довольно зло смеется над традицией — над бывшими в те годы в большом ходу сентиментальными и чувствительными романами, где герои чуть что падают в обморок, умирают от любви, сходят с ума от горя и обо всем этом пишут друг другу в нескончаемых письмах. Эту книгу отличает юношеский задор, упоение от сознания, что автору под силу затеянное дело и что оно у нее так славно получается. Но легкость и очарование не должны нас обмануть. В изящной болтовне, льющейся со страниц «Любви и дружбы», несложно увидеть бурлеск, сатиру будущих, зрелых произведений Джейн Остен. «Остерегайся обмороков... Поверь мне, при всей их пикантности и даже уместности, они могут, если ими злоупотреблять, самым пагубным образом сказаться

Гостиная в доме Остенов в Чотэне.

на твоём здоровье», — в этих словах умирающей Софи, с которыми она обращается к безутешной Лауре, уже чувствуется ирония «Гордости и предубеждения», «Эммы», «Доводов рассудка».

Эти забавные письма писала молодая девушка, которую природа щедро наделила драматургическим даром: у каждого письма свое лицо, в каждом чувствуется личность автора, каждое способствует развитию действия и предлагает новый взгляд на происходящее.

Честертон первым обратил внимание на важность «Ювенилий», ранних произведений Джейн Остен: «В еще сырых сочинениях Джейн Остен подспудно проявляется острота ее воображения. Ее вдохновение, пусть еще совсем робкое, питается не внешними впечатлениями, но глубоким чувством. В ее юных опытах уже намечается тот острокритический взгляд на жизнь, которым она прославится со временем».

Этот острокритический взгляд, сокрушительная стихия смеха, упоение весельем ощущаются и в ее пародийной «Истории Англии», которую она по всей форме посвятила Кассандре, правда, тут же разрушила серьезность и торжественность, назвав себя «пристрастным, предубежденным и неграмотным историком», который не знает толком ни одной даты. Всю историю Англии она уложила в пятнадцать страниц. Впрочем, это было нетрудно при выбранном ею методе повествования. «События, пришедшиеся на время правления этого монарха (Карла I), были столь многочисленны, что мне с ними не справиться, да и вообще перечисле-

Акварельные рисунки Кассандры Остен к «Истории Англии»
Джейн Остен: № 1 — Мария Тюдор; № 2 — Мария Стюарт;

ние каких-либо событий (если они не имеют непосредственного отношения ко мне) кажется мне ужасно скучным занятием». Кстати, «историческая» задача Джейн Остен сводится к тому, чтобы доказать невинность любимой ею Марии Стюарт и осудить ее противницу, Елизавету.

Такую решительность в обращении с материалом может позволить себе только прирожденная романистка, нутром чувствующая, что важно, а что только затормозит действие. Так же решительно, без затянувшихся экспозиций будут начинаться и зрелые романы Джейн Остен.

«Историю Англии» сопровождали забавные, несколько наивные в своем примитивизме рисунки Кассандры. Впрочем, они таковы не потому, что Кассандра плохо владела карандашом. Конечно же, и здесь игра, определенный замысел: именно такие «детские» изображения королей и королей соответствовали ироническому видению автора этого исторического сочинения.

Из-под пера Джейн Остен не вышло ни одной теоретической работы. Но вопросы эстетики явно занимали ее, и составить представление о литературных взглядах писательницы можно, обратившись к письмам, романам и даже «Ювенилиям». Ведь, читая «Любовь и дружба», ясно, что четырнадцатилетняя писательница принимает в традиции, а что отвергает. Воспитанная на прозе Филдинга, Ричардсона, Джонсона, Стерна, она высмеивает эпигонов сентиментализма — авторов «романов чувствительности». Polemica с ними определила не только структуру, но и само название ее первого зрелого романа «Чувство и чувствительность».

Акварельные рисунки Кассандры Остен к «Истории Англии»
Джейн Остен: № 3 — Елизавета I; № 4 — Эдуард IV.

С точки зрения Остен, эти авторы вульгаризировали открытия Стерна и Голдсмита, подменяли изображение естественных чувств описанием слезливой чувствительности. Джейн Остен отвергла и распространенный в 80—90-е годы эпистолярный роман, в котором приемы Ричардсона, новаторские в середине века, превратились в застывшие формы, а стремление романистов искусственно сохранить жанр привело к выхолащиванию сути: переписка героев стала многословной, надуманной. Весьма отрицательно она относилась к «готическому роману» английских предромантиков. Особенно ей были ненавистны картины злодеяний и жестокости в «романах ужасов» ее знаменитого современника Мэтью Грегори Льюиса. Его роман «Монах», принесший особую известность автору, она считала безнравственным и не упускала случая это высказать. Более снисходительна она была к другому «готическому автору» — Анне Радклиф. С интересом и удовольствием читала ее книги: «Сицилийский роман», «Лесной роман», «Удольфские тайны». Она многое прощала Радклиф за естественность, которая даже описываемые ею ужасы делала не такими омерзительными. Впрочем, и Радклиф досталось в «Нортенгерском аббатстве»: «Как бы хороши ни были сочинения миссис Радклиф и как бы хороши ни были сочинения всех ее подражателей, они едва ли способствуют раскрытию человеческой природы — по крайней мере, в средних английских графствах. Об Альпах и Пиренеях, с присущими им людскими пороками и дремучими сосновыми чащами, они дают, возможно, верное представление. Быть может, Италия, Швейцария и Южная Франция в самом

деле изобилуют описываемыми в романах ужасами... В Альпах и Пиренеях, возможно, отсутствуют смешанные характеры, и тот, кого нельзя назвать ангелом, видимо, обладает душой демона. Но в Англии это не так».

Байрона Джейн Остен не слишком жаловала. В его сочинениях, за которыми, судя по ее переписке и упоминаниям в романах, она внимательно следила, Остен со свойственной ей интеллектуальной чуткостью не приняла в первую очередь «байронизма», хотя в первые десятилетия XIX в. никто еще не помышлял о «байронизме» и само понятие не было еще изобретено. В Англии об этом в конце 40-х годов заговорил Теккерей, обнаружив в своих взглядах удивительную близость Джейн Остен.

Романтическая поэзия казалась Джейн Остен плохой наставницей в жизни, о чем она с присущей ей определенностью и высказалась в романе «Доводы рассудка», вложив свое суждение в уста Энн Эллиот, беседующей с капитаном Бенвиком, который в начале книги предстает эдаким романтическим страдальцем. «Капитан Бенвик... кажется, рад был случаю выказать свои чувства; и, порассуждав о поэзии, о нынешнем ее расцвете, о сравнительных достоинствах славных поэтов, попытавшись установить, что следует предпочесть — «Мармион» ли «Деве озера» или совершенно даже напротив, как расценить «Гяура» и «Абидосскую невесту» и как произносить самое слово «Гяур», он выказал затем такое близкое знакомство со всеми горестными песнями одного поэта и вдохновенными описаниями безнадежных мук у другого; воспроизвел строки о разбитом сердце, а то и духе, рухнувшем под действием страстей... что наконец она решилась выразить надежду, что не всегда он питался одной только поэзией, и прибавила, что беда поэзии, на ее взгляд, в том и состоит, что редко кто наслаждается плодами ее безнаказанно и что она всего более впечатляет нас при том именно состоянии души, когда нам всего менее следовало бы ею упиваться».

Сложнее было отношение Джейн Остен к Вальтеру Скотту. Но он, как и Радклиф, подкупал ее своей естественностью, хотя само романтическое видение мира, присущее ему, не могло не раздражать Остен: «По какому праву Вальтер Скотт пишет романы, к тому же еще и хорошие? Это несправедливо. Ему достаточно должно быть славы и доходов как поэту. К чему лишать людей последнего куса хлеба? Мне он не нравится, и Уэверли мне не понравится,— я это твердо решила и не намерена отступить от своего решения. Боюсь только, что мне придется это сделать».

Собственные критерии истины и красоты Остен выработала, основываясь на творчестве просветителей. Как и у них, истинно у нее лишь то, что открывается путем личного опыта, а потому художник, как завещал Филдинг, должен неустанно трудиться,

изучая «Книгу Природы», — лишь она обеспечит ему необходимые знания.

Но как бы Джейн Остен ни преклонялась перед просветителями, их традиции уже оказались тесны для нее. Тем более что просветительский реалистический роман, который наиболее соответствовал ее художественному идеалу на рубеже XVIII—XIX вв., лишился свойственной ему эпичности, философской проблематики и выродился в творчестве Ф. Берни, М. Эджуорт. Отношение Джейн Остен к Просвещению строится с позиций нового времени и нового зарождающегося искусства, которое уже «оплодотворено» романтизмом с его повышенным, иногда даже болезненным интересом к человеку и его внутреннему миру.

Остен усвоила стиль и эстетические идеалы Джонсона, но уже, в отличие от Ф. Берни, не могла безоговорочно принять его дидактизм. Ричардсон интересовал ее проникновением в тайники души героев, учил улавливать малейшие нюансы настроения, но утомлял чрезмерным морализаторством и не удовлетворял изображением беспорочной добродетели. Нравственное чувство у Джейн Остен не изначально присуще «естественному человеку», но приобретает в процессе жизненных уроков.

Остен была близка теория «комического эпоса» Филдинга, его стремление увидеть и исправить смехом нелепое, неразумное, неестественное в природе человека. Но у Филдинга есть серьезный, с точки зрения Остен, недостаток — абсолютное всеведение автора. Ей же было больше по душе объективное изображение жизни, не рассказ, а показ ее. Поэтому она максимально драматизирует эпическую форму, организует свои романы как пьесы. При этом иногда она даже пытается «уйти» из повествования. Ее собственная авторская позиция как бы «стерта», а свое отношение к происходящему она никогда не доводит до сознания читателя путем активного вмешательства, которое она допускает лишь в тех случаях, когда необходимо сообщить в эпилогах, как же устроились судьбы ее героев. Герои, даже наиболее ей духовно и нравственно близкие, Элизабет Беннет в «Гордости и предубеждении», Генри Тилни в «Нортенгерском аббатстве», не бывают рупорами идей писательницы. Основой поэтики, средством выражения точки зрения автора впервые в английской литературе стал разработанный Остен диалог. Он бывает внешним — и здесь слова не обязательно соответствуют чувствам и настроению действующих лиц — и внутренним — отражающим эмоционально-духовное состояние персонажа.

Только в середине XIX в. нечто подобное попытается сделать в «Ярмарке тщеславия» Теккерей. Не подозревая о том, что он развивает заветы Остен, Теккерей поведет сложную, пока еще незнакомую XIX веку игру с читателем.

Каким бы иронически-презрительным ни было отношение Остен к предромантизму и романтизму, объективно ее реалистическое искусство впитало в себя достижения этих направлений. В изображении комической стихии, занимающей столь важное место в произведениях Остен, она не только наследница просветителей (просветительская сатира XVIII в., интеллектуальная игра Стерна), но и современница романтиков. Романтическая ирония отозвалась в иронии Остен и стала важнейшим компонентом ее поэтики.

Остен выдвигает определение человеческой природы как «сочетания... хорошего и дурного». Характер предстает у нее в развитии, в единстве частного и общего или, как говорила писательница, «таким ни на кого не похожим и таким похожим на других». Ей доступны сложные в своей противоречивости, тончайшие психологические нюансы, которые тем не менее, как она убедительно показывает, зависят от денежных отношений и моральных законов, существующих в обществе. Такое глубоко новаторское понимание природы характера позволило Джейн Остен создать психологически убедительный образ положительной героини. Элизабет Беннет («Гордость и предубеждение») — художественное открытие Джейн Остен и единственный образ такого рода в английской литературе XIX в. А в позднем романе, «Мэнсфилд-парк», в образе Фанни Прайс писательница раскрыла индивидуальный, но внешне ничем не примечательный «смешанный» характер обычного человека. Каждодневное, негероическое скрывает для Остен одну из самых интересных тайн жизни — тайну человеческого характера.

Джордж Мур, внимательно изучавший мастерство психологического рисунка Джейн Остен, писал, что впервые в английском романе было дано столь глубокое изображение «пылающего сердца». Вирджиния Вулф назвала Остен «мастером, способным увидеть даже те чувства, что не лежат на поверхности».

Джейн Остен действительно стоит на перепутье литературных эпох. Она соединяет XVIII в. с XIX, не только развивает традицию, но показывает ее исчерпанность. Недаром в творчестве Джейн Остен такое место занимают пародии.

В конце XX в. трудно во всей полноте понять степень новаторства Джейн Остен. Все ее положения — эстетические и этические — кажутся очевидными, но совсем не такими бесспорными они были на исходе XVIII в.

Не надо обманываться и мнимым добродушием Остен: она совсем не такая добрая писательница. Она все видит, все подмечает, но из-за того, что она подает свои наблюдения в изящной, отточенной, иронической форме, трудно увидеть глубину раны, которую наносят ее точные жалющие слова. Она не проповедница,

но исподволь доказывает на страницах своих внешне таких простых, даже незатейливых книг, что морально не то, что узаконено этическими канонами времени, морально лишь то, что соответствует личному нравственному представлению человека. А каждый человек у Остен самоценен. Пройдут десятилетия, пока над этим задумаются Томас Гарди, Джордж Мередит, Вирджиния Вулф, Дэвид Герберт Лоуренс. В этом отношении она соединила XIX в. с XX.

Обычно исследователи делят творчество Джейн Остен на два периода: первый, когда были созданы романы «Чувство и чувствительность», «Гордость и предубеждение», «Нортенгерское аббатство», и поздний, или зрелый, когда она написала «Мэнсфилд-парк», «Эмму», «Доводы рассудка». Это деление, однако, довольно условно. Над всеми своими романами Джейн Остен в общей сложности работала двадцать лет, если считать началом творческого пути 1795 г., время первых юношеских опусов. Вышли все ее произведения за достаточно краткий отрезок времени — с 1811 г. по 1818 г. Первое издание «Чувства и чувствительности» относится к 1811 г., последней прижизненной публикацией стала «Эмма» (1816); «Нортенгерское аббатство» и «Доводы рассудка» вышли в 1818 г. под общей обложкой, уже после смерти писательницы. Остен, как следует из ее переписки, записей Кассандры и воспоминаний ее племянника, постоянно возвращалась к написанному в ранние годы и существенно перерабатывала тексты. Суровой и неоднократной авторской редактуре подверглись «Чувство и чувствительность», «Гордость и предубеждение», «Нортенгерское аббатство». Даты показывают, что, вынашивая замысел, например, «Мэнсфилд-парка», романа зрелого периода, Остен продолжала работу над «Гордостью и предубеждением».

Однако есть разница между «Чувством и чувствительностью» и, скажем, «Эммой». При всей легкости, изящности стиля «Чувства и чувствительности» в романе ощущается его первооснова, до конца так и не изжитая автором. Диалоги отменно написаны, но при этом очень длинные и напоминают письма, из которых они и родились. В начальных редакциях такими письмами обменивались герои. В процессе работы, отказавшись от эпистолярной фактуры, Джейн Остен все же не смогла придать повествованию по-настоящему драматизированную форму и необходимый динамизм. Но уже в «Гордости и предубеждении» Остен исправила этот недочет. При том, что роман ранний, здесь налицо единство идеи и ее воплощения. Замечательны диалоги, они изящны и остроумны, как диалоги в пьесах Конгрива и Уайльда. В романе каждая сюжетная линия получает подобающее ей по значимости разрешение;

каждый образ, даже второстепенный, подан автором в соответствии с ее представлением о полноте характера. Ирония входит в книгу с первым же предложением, ставшим в английской литературе классическим («Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену»), и пронизывает весь роман.

Ранние произведения Джейн Остен отличаются от поздних и степенью психологизма, которая, конечно, выше в «Мэнсфилд-парке», «Эмме», «Доводах рассудка» даже по сравнению с «Гордостью и предубеждением».

Но современникам Джейн Остен, их детям и даже внукам, преклонявшимся перед Льюисом и Анной Радклиф, боготворившим Вальтера Скотта и Байрона, книги писательницы и в самом деле могли показаться скучными и пресными. В них нет тайн, необъяснимых случайностей, трагических совпадений, роковых страстей и ангельской добродетели. Не найти в них и широкой панорамы общества и исторического и социального размаха. Нет изображения вызывающего богатства, как, впрочем, и картин ужасающей нищеты. Даже смертей и тех нет в романах Остен: ее персонажи если и умирают, то до того как поднялся занавес.

В строгом соответствии со своими эстетическими принципами и представлениями о задачах писателя Остен бралась описывать лишь то, что хорошо знала по собственному опыту. А это была обычная, внешне ничем не примечательная жизнь ее современников: представителей многоликого английского среднего класса, джентри, аристократов.

Мир романов Джейн Остен — это мир обычных мужчин и обычных женщин: молоденьких девушек, мечтающих о замужестве, повес, гонящихся за наследством, почтенных матрон, отнюдь не блистающих умом, себялюбивых и эгоистичных красоток, думающих, что им позволено распоряжаться судьбами других людей. Хотя этот мир лишен таинственности, но отнюдь не безоблачен. Здесь властвуют эмоции, случаются ошибки, порожденные неправильным воспитанием, дурным влиянием среды. Джейн Остен смотрит на этот мир и на своих героев иронично. Она не навязывает читателям моральной позиции, но сама никогда не выпускает ее из поля зрения.

Однако скромность «картин семейной жизни», или, как писала сама Остен, рассказов о «двух-трех семействах в провинции», обманчива. При всей их внешней камерности, ее романы социальны. Денежные отношения играют в них немалую роль. Не только отрицательные персонажи, но и те, кому симпатизирует Джейн Остен, постоянно ведут разговоры о состояниях, выгодных партиях, наследствах. Первая характеристика едва ли не каждого человека — сумма годового дохода. Даже самые

романтические идеалистки Джейн Остен, Марианна из «Чувства и чувствительности», Кэтрин Морланд из «Нортенгерского аббатства», только по неопытности считают, что «с милым рай и в шалаше». Но уже сестра Марианны, разумная Элинор, очень обеспокоена тем, что мать ее будущего мужа, миссис Феррарс, не намерена предоставить сыну в распоряжение сумму, необходимую для жизни на широкую ногу.

Задолго до Теккерея Остен обратила внимание и на типично английскую «болезнь» — снобизм — и показала ее различные проявления в образах миссис Феррарс, презирающей всех, кто стоит ниже на социальной лестнице, вульгарных сестриц Стил, заискивающих перед знатностью и богатством.

Можно только поражаться, что уже в первом романе, «Чувство и чувствительность», критицизм Джейн Остен был настолько выражен. Сатирическое перо писательницы, довольно безжалостно нарисовало всю эту малопривлекательную галерею социальных типов — аристократов, дворян разного достатка, выскочек-натуровников. Но особенно досталось представителям высшего света: вот уж, поистине, скопище различных пороков и нравственных уродств. Леди Мидлтон и Фанни Дэшвуд при всей их светскости холодны, пусты, завистливы и черствы; сэр Джон — живое олицетворение праздности; миссис Феррарс — воплощение злонамеренности и чванства; миссис Дженнингс благодушна, но вульгарна; мистер Палмер умен, но черств и эгоистичен, а его жена беспредельно глупа; мистер Уиллоби беспринципен.

Удивительно, что у молодого автора было так мало иллюзий. Хотя у романа счастливый конец, героини, сестры Дэшвуд, удачно выходят замуж, зло вовсе не побеждено, а добродетель отнюдь не торжествует. Зло продолжает процветать, отравляя своими бактериями все вокруг. Зло может замаскироваться, но оно неискоренимо. Может быть, поэтому о браках Остен говорит такой скороговоркой, в нескольких предложениях. Рассказ о будущем счастье ее героинь, видимо, казался ей неуместным в этой мрачной книге, в которой так ошутим человеческий, нравственный дефицит, а все герои, даже милые сердцу Остен, заслуживают осуждения.

Социальный смысл произведений Джейн Остен, ее сатирические эскапады и обобщения были ясны и современникам. Ее первые читатели, родные и соседи, советовали ей обуздать свой острый язык. Ее мистер Коллинз в «Гордости и предубеждении» — само низкопоклонство, помпезность, чванство. Разве прилично ей, дочери преподобного Джорджа Остена, быть столь резкой и нелюбезной по отношению к священнослужителям? Почему она так непочтительна к аристократам? Ведь ей уже указывали на это после «Чувства и чувствительности»? И что

же — леди де Бер в «Гордости и предубеждении» совсем не блещет достоинствами и добродетелями, генерал Тилни в «Нортенгерском аббатстве» — настоящий самодур, а сэр Уолтер Эллиот в «Доводах рассудка» — недалекий сноб, читавший во всех случаях жизни лишь одну книгу — «Книгу баронетов». «Подумай,— увещевали близкие,— у всех на памяти события во Франции, штурм Бастилии. Как бы кто не подумал, читая твои романы, что чернь права».

Остен пытались «приручить» и вельможные особы. В 1814 г., когда она гостила у брата в Лондоне, будущий король Георг IV велел своему секретарю, преподобному Джеймсу Кларку, оказать автору «Гордости и предубеждения» всевозможные знаки внимания, обласкавать ее, а заодно намекнуть, что было бы желательно посвятить новое произведение его высочеству. Принц-регент, печально известный своим безнравственным поведением, вызывал у Остен неприязнь. И сделать то, что ей рекомендовал Кларк, она могла в единственном случае, если совет следовало воспринимать как приказ. В изящной форме она задала этот вопрос Кларку. Полученный ответ не оставлял сомнений: это был приказ.

«Эмма» — единственный роман в английской литературе, посвященный монарху, да еще такому, как Георг IV. О нем ведь Теккерей писал: «Он предавал и убеждения, и друзей». Посвящение, однако, было кратким, сдержанным и ироничным: «Его Королевскому Высочеству Принцу-Регенту с разрешения Его Королевского Высочества труд этот посвящает Его Королевского Высочества послушный и скромный слуга, автор». Георг IV, несомненно, рассчитывал на что-то более изысканное, но изысканными стали только томики, выпущенные специально для принца-регента в роскошном переплете по распоряжению издателя.

Хотя Остен всем своим поведением показывала, что высочайшие указы не для нее, Кларк сделал еще одну попытку повлиять на нее. Свою атаку он возобновил в 1815 г. Рассыпавшись в комплиментах в адрес романа «Мэнсфилд-парк», он заговорил о «нравственном чувстве» автора и попутно заметил, что Остен следовало бы отказаться от губительной, с его точки зрения, страсти к сатире и создать образ просвещенного священника. Очевидно, он имел в виду себя и потому предложил писательнице для начала познакомиться с его проповедями.

Остен медлила с ответом. Но когда все сроки приличия истекли, она ответила с присущей ей решительностью и сарказмом: «Я чрезвычайно польщена тем, что Вы считаете меня способной нарисовать образ священника, подобный тому, который Вы набросали в своем письме от 16 ноября. Но уверяю, Вы ошибаетесь. Я умею изображать комические характеры, но

изображать хороших, добрых, просвещенных людей выше моих сил. Речь такого человека должна была бы временами касаться науки и философии, о которых я решительно ничего не знаю... Думаю, что не преувеличу и не погрешу против истины, если скажу, что являюсь самой необразованной и самой непросвещенной женщиной, когда-либо бравшейся за перо».

Настойчивость Кларка была беспрецедентной. В марте 1816 г. он направляет Джейн Остен еще одно письмо; на сей раз с советом попробовать себя в жанре исторического романа. Почему бы не прославить Саксен-Кобургский дом? Ведь с ним собирается породниться принц-регент. Не без раздражения Остен отвечает: «Уверена, что исторический роман... более способствовал бы моему обогащению и прославлению, чем картины семейной жизни в деревне, которые так меня занимают. Но я так же не способна написать исторический роман, как и эпическую поэму. Право, не могу представить, что бы заставило меня всерьез приняться за историческое сочинение — разве что спасение моей жизни! И если бы мне нельзя было ни разу посмеяться над собой и над другими, уверена, что к концу уже первой главы я повесилась бы от отчаяния. Так не лучше ли мне идти по выбранному пути и придерживаться своего стиля; может быть, меня и ждут неудачи, но я убеждена, что они будут еще большими, если я изменю себе».

Впрочем, один раз, поддавшись уговорам Кларка, она изменила себе и изобразила просвещенного священника, но, разумеется, не в серьезном романе, а в пародии, которую, вспомнив наставления королевского секретаря, назвала «План романа». В герое, идеальном пастыре, знатоке истории, любителе изящной словесности, неподражаемом проповеднике, без труда узнается преподобный Кларк, а в нелепом сюжете его безвкусные литературные советы. Создав эту пародию, Джейн Остен лишней раз объяснила всем, кто намеревался ее воспитать, что у нее есть собственные художественные и этические представления и отступать от них она не собирается.

Каждый роман Остен можно назвать историей нравственного прозрения. Она не подводит своих героев к признанию возвышенных, но при этом мало реальных, утопических идеалов. Напротив, основываясь на критерии опыта, она требует от них разумного постижения нравственных ценностей и сильного, психологически возможного исправления пороков. Под воздействием жизненных уроков Марианна и Элинор, Элизабет Беннет, Кэтрин Морланд, героини трех первых романов Джейн Остен, учатся отличать чувства от чувствительности, распознавать романтическую экзальтацию в себе и окружающих, не считать, что она гарантия нравственной доброкачественности человека, а на-

против, нередко скрывает фальшь. Ее герои ценой испытаний и нравственных потерь учатся не принимать видимость за сущность, литературу за жизнь. В плену самообмана долго пребывал гордый Дарси и полная предрассудков и чужих мнений о людях Элизабет. Они учатся понимать и любить друг друга, и это становится основой их будущего счастья. Кэтрин Морланд, начитавшись «готических романов», перенесла литературные представления на живых людей, которые совсем не похожи на злодеев и демонов. При этом она, правда, не подумала, что бояться следует не демонического зла, а собственных низменных страстей — корысти, лжи, глупости.

Очень внимательно изучает Остен и другой порок — равнодушие, показывает, какой опасной, с нравственной точки зрения, может быть остранившая позиция в жизни, которую выбрали для себя мистер Беннет («Гордость и предубеждение») и мистер Палмер («Чувство и чувствительность»). Оба женились на недалеких, духовно не развитых женщинах. Но вместо того чтобы воспитать их, они сочли за лучшее для себя отгородиться от их глупости, а заодно и от мира, стенами библиотеки или газетой. Они презирают всех вокруг, может быть, в том числе и самих себя, иронизируют, видя в этом едва ли не главную свою задачу в жизни. И мистер Палмер, и мистер Беннет, сыплющие направо и налево дерзостями, парадоксами и язвительными шуточками, — люди, существование которых еще более бессмысленно, чем их жен, которые глупы, но не циничны.

Вопросы брака, не только самого устройства жизни, но ответственности в выборе спутника и спутницы, которую несут родители и сами молодые люди, — постоянно обсуждаются в романах Остен, с той только разницей, что в поздних, зрелых, «Мэнсфилд-парке», «Эмме», «Доводах рассудка», выводы, к которым подводит своих героев писательница, философичнее и мудрее. Кассандра умоляла сестру изменить концовку «Мэнсфилд-парка»: ей очень хотелось, чтобы героиня, бесприданница Фанни Прайс, вышла замуж за богатого светского фата Генри Крофорда, добивавшегося ее руки. Однако писательница была непреклонна: выходить замуж без любви безнравственно — к такому выводу постепенно приходят ее героини, а деньги никак не могут считаться единственным мерилем счастья. Те же, кто выходит замуж ради денег, должны отдавать себе отчет в том, что плата за комфорт, благополучие может оказаться слишком высокой, — отчужденность, равнодушие, потеря интереса к жизни. Одиночество порой, дает понять Джейн Остен, бывает лучше, чем одиночество вдвоем в браке-сделке. Ни в одном другом романе Остен нет такого неприкрытого осуждения материального подхода к жизни, как в «Мэнсфилд-парке».

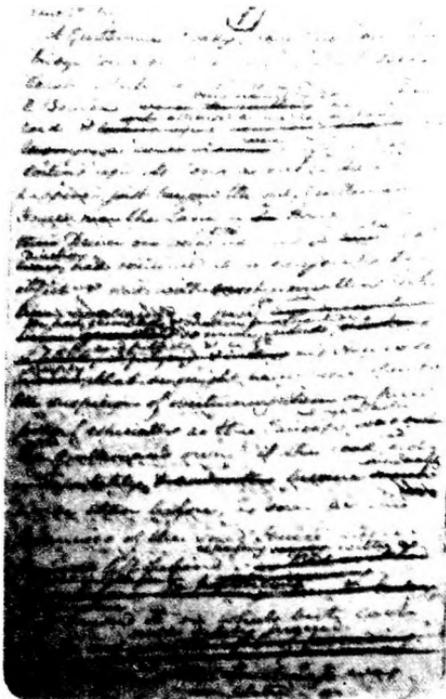
«Мэнсфилд-парк» — это «Ярмарка тщеславия» Джейн Остен. И было бы только справедливо предпослать этой книге подзаголовок «роман без героя». Здесь царство никчемных, мелких и вредных людишек: столп общества, баронет Томас Бертрам, исполнен спеси и корысти; леность души леди Бертрам зашла так далеко, что она не интересуется даже собственными детьми; не лучше ее сестра, циничная, ищущая во всем выгоду миссис Норрис; сосед Бертрамов, Рашуот, хотя и завидный жених, настолько туп, что не может связать двух слов. «Эгоизм надо прощать, потому что его вряд ли можно искоренить», — замечает красавица Мэри Крофорд, испорченная неправильным воспитанием. Кстати, Джейн Остен всегда объясняет, что сделало ее героев такими, какие они есть, — среда, воспитание, дурные влияния, плохая наследственность. Любопытно, что только в конце века Джордж Элиот впервые после Джейн Остен заговорит о наследственности и о ее роли в духовном и социальном развитии личности.

Многие критики, озадаченные таким скоплением себялюбцев, которые при всем их внешнем блеске не столько живут, сколько существуют, и тем, что главные герои, Эдмунд и особенно Фанни, бледны и тусклы по сравнению с Элиной Дэшвуд, Элизабет Беннет, Дарси, Генри Тилли, сочли «Мэнсфилд-парк» творческой неудачей писательницы. Однако выбрав в герои антигероев, Джейн Остен утверждала свое право на изображение обычных в своих пороках и своих добродетелях людей. Кстати, и ее отрицательные персонажи совсем не отпетые негодяи; сквозь спесь и чванство в характере сэра Бертрама пробивается доброта и чувство такта; не лишена человечности и Мэри, на настоящее и глубокое чувство способен ее брат Генри.

Отсутствие ярких, броских красок в палитре Джейн Остен, изображающей Фанни Прайс и Эдмунда, безусловно, сознательно. Порок именно из-за своей яркости и броскости бывает привлекательным, а ей хотелось научить своих читателей распознавать добродетель в жизненном, обычном, видеть достоинство в самой скромной одежде.

Читателям и в самом деле непросто разобраться в этом романе: авторский комментарий практически отсутствует, появляется лишь в конце, когда Джейн Остен, верная своей неприязни к подробным заключительным сценам, вмешивается в повествование лишь затем, чтобы рассказать, как сложились судьбы ее героев. В основном же все повествование держит мастерски выстроенный диалог, который и раскрывает поведение героев, их психологию, нравственные борения.

В «Эмме» степень авторского погружения в психологию обычного человека, а то и в тайники его души, еще больше.

Страница из неоконченного романа
Джейн Остен «Сэндитон»,
над которым она работала перед смертью.

Джейн Остен, закончив роман, выражала сомнение, что ее Эмма, самовлюбленная, самоуверенная, эгоистичная, нравственно близорукая, «едва ли кому-нибудь понравится, разве что мне самой».

В этическом отношении «Эмма» — это роман не только о вреде разного рода мечтаний (об этом Остен подробно писала в «Чувстве и чувствительности»), не только о необходимости трезвого, не отягченного никакими предрассудками взгляда на жизнь (это занимало писательницу в «Гордости и предубеждении»), не только о губительности эгоизма, — это произведение о терпимости и о порочности насилия, в какой бы форме оно ни проявлялось.

Эмма убеждена, что происхождение, образование дают ей особые права в отношении окружающих людей. Ей кажется, что она может распоряжаться их судьбами по своему усмотрению. Только пройдя через испытания, связанные с собственным чувством, Эмма прекращает свои «недолжные» опыты над людьми и познает очень важный, с точки зрения Джейн Остен, нравственный урок самопознания.

В отличие от других книг Остен, действие в «Эмме» не переносится ни в Бат, ни в Лондон. Оно на протяжении всего романа сосредоточено в одном месте, в небольшом городке в Суррее. Но отсутствие движения внешнего с избытком компенсируется наличием движения внутреннего. Рассказывая о сложном внутреннем мире Эммы, Джейн Остен местами подходит если не к потоку сознания, то к внутреннему монологу, передающему сбивчивое, противоречивое течение мыслей героини. Трудно удержаться от соблазна и не сравнить эту прозу, основу которой составляет не авторский рассказ, а восприятие происходящего героями, с произведениями Генри Джеймса и Марселя

Пруста. Кстати, именно «Эммой» был так потрясен Вальтер Скотт.

О важности самопознания и последний роман Джейн Остен «Доводы рассудка», заверченный ею за два месяца до кончины. Это особый роман. Он единственный, в котором Джейн Остен, изменив своей обычной иронической манере рассказа о счастливом будущем своих героев, заключила книгу полноценной главой, в которой герои признаются друг другу в своем чувстве, а автор не «комкает» повествование, а напротив, предоставляет им полную возможность самораскрыться в такой непривычной для писательницы ситуации.

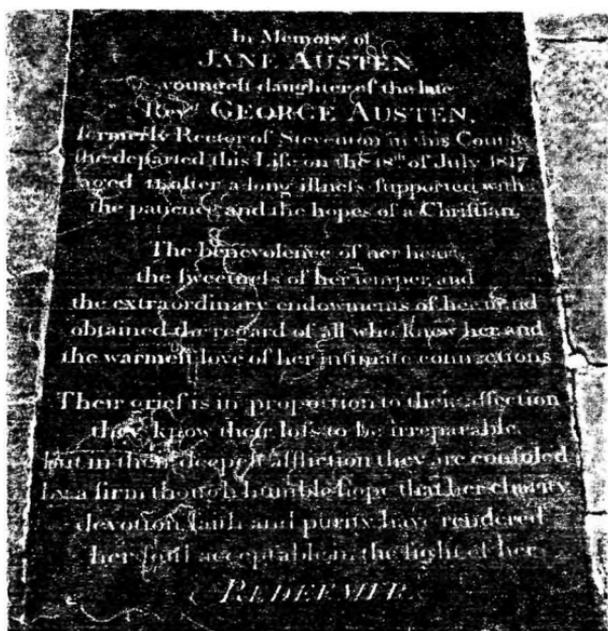
Надо сказать, что в первой редакции концовка романа была иной, в духе «Чувства и чувствительности», «Мэнсфилд-парка», и только после долгих раздумий и колебаний Джейн Остен переписала ее, показав, что и об этой стороне жизни она может писать не только со всей серьезностью, но и с глубоким психологическим проникновением. Замечательно, что так, а не иначе кончается последний роман писательницы, который мы невольно воспринимаем как ее духовное завещание. Ведь и слова, вынесенные в заглавие — «доводы рассудка», — ключевые для Остен. Лишь доводы рассудка, но только обязательно собственные доводы, а не те, что взяты напрокат по неопытности или неразумию у родственников и друзей, считающих, например, что бедный капитан Уэнтворт не пара Энн Эллиот, дочери баронета, должны руководить нашими поступками, сдерживать и обуздывать наши страсти, предостерегать нас от предательства, в том числе и предательства в любви. Ведь Энн, поддавшись уговорам леди Рассел, в сущности, предает Фредерика, за что и расплачивается годами одиночества и сомнений.

«Как жить, как любить?» — главный вопрос зрелых книг Джейн Остен.

Английская литература славится своими женщинами-романистками: Фанни Берни, Мария Эджуорт, Мэри Шелли, сестры Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот, Вирджиния Вулф, Элизабет Боуэн, Айви Комптон-Бернетт, Мюриэл Спарк, Айрис Мердок. Наверное, самая великая среди них — Джейн Остен. Она совершила революцию в повествовательном искусстве, утвердив за романом его главенствующую роль и доказав, что женщина имеет право на творчество. Ведь Джейн Остен взялась за перо, когда романы считались не женским делом, взялась, зная, что ей, в отличие от Фанни Берни, знакомой с самим доктором Джонсоном, или Марии Эджуорт, писавшей вместе с отцом и имевшей влиятельных литературных покровителей, не от кого

ждать помощи и поддержки. Но она писала для своих читателей и победила. «Сочинения леди» проложили себе путь в вечность. Творчество «несравненной Джейн», как назвал ее Вальтер Скотт, продолжает быть живой традицией и на исходе XX в., а ее суждения о романе, произведении, в «котором выражены сильнейшие стороны человеческого ума» и дано «проникновеннейшее знание человеческой природы», не потеряли своего значения и в сегодняшних литературных битвах.

Е. Гениева

Могильная плита Джейн Остен в Уинчестерском соборе.

ЧУВСТВО
И ЧУВСТВИ-
ТЕЛЬНОСТЬ

*Перевод
М. Гуровой*

SENSE AND SENSIBILITY

1811

ГЛАВА I

эшвуды принадлежали к старинному роду, владевшему в Сассексе большим поместьем, которое носило название Норленд-парк, и в усадьбе, расположенной в самом сердце их обширных угодий, из поколения в поколение вели столь почтенную жизнь, что пользовались среди соседей самой доброй репутацией. Последним хозяином поместья был доживший до весьма преклонного возраста старый холостяк, много лет деливший свое уединение с сестрой, которая вела дом. Но она умерла — что произошло лет за десять до его собственной кончины, — отчего домашняя его жизнь совершенно переменилась, ибо, потеряв ее, он пригласил поселиться у себя семью своего племянника мистера Генри Дэшвуда, законного наследника Норленда, которому он так или иначе намеревался завещать свое имение. Общество племянника, племянницы и их детей приятно скрашивало жизнь старика. Его привязанность к ним все возрастала и крепла. Мистер и миссис Дэшвуд с заботливым попечением покоили его старость, угождая всем его желаниям не столько из своекорыстия, сколько по душевной доброте, веселость же детей служила ему развлечением.

У мистера Генри Дэшвуда был сын от первого брака, а вторая жена подарила ему трех дочерей. Сын, благоразумный и степенный молодой человек, не был стеснен в средствах, получив по достижении двадцати одного года половину состояния своей покойной матери, которое было весьма большим. А вскоре затем вступив в брак, еще приумножил свое богатство. Вот почему для него дальнейшая судьба Норленда была не столь важна, как для его сестер, чьи ожидания, если бы их отец не унасле-

довав имения, оказались бы далеко не радужными. Мать их никакого собственного состояния не имела, а отец по собственной воле мог распорядиться лишь семью тысячами фунтов, так как остальная часть наследства его первой жены также должна была отойти ее сыну, он же лишь пожизненно пользовался процентами с нее.

Почтенный джентльмен скончался. Его завещание было оглашено и, как почти всегда в подобных случаях, принесло столько же огорчения, сколько и радости. Нет, он не был настолько несправедлив и неблагодарен, чтобы вовсе обойти племянника, и поместье отказал ему — но на таких условиях, что в значительной мере обесценил его. Наследства мистер Дэшвуд желал более ради жены и дочерей, нежели ради себя и сына, — однако как раз этому сыну и его сыну, четырехлетнему малютке, и предназначил свое имение старик, связав племяннику руки всяческими ограничениями, отнимавшими у него возможность обеспечить тех, кто был особенно дорог его сердцу и особенно нуждался в обеспечении: завещание возбранило ему распоряжаться поместьем по своему усмотрению или продавать дорогой лес. Сделано это было для того, чтобы оно со временем во всей целостности перешло его внуку, который, приезжая с отцом и матерью погостить в Норленде, настолько обворожил двоюродного прадедушку такими отнюдь не редкими у двух-трехлетних детей милыми особенностями, как забавный лепет, упорство в желании поставить на своем, изобретательность в проказах и шумливость, что они совершенно перевесили все нежные заботы, какими его окружали племянница и ее дочери. Впрочем, он вовсе не думал обидеть их и в знак расположения оставил каждой из трех девиц по тысяче фунтов.

Первое время мистер Дэшвуд переносил свое разочарование очень тяжело. Но человек по натуре бодрый и не склонный унывать, он вскоре утешился мыслью, что впереди у него еще много времени и, живя экономно, он сумеет отложить порядочную сумму из доходов от поместья, — они и так уже были немалыми, но он надеялся незамедлительно увеличить их, введя некоторые улучшения. Увы, поместье, полученное им столь поздно, принадлежало ему один год. Он пережил дядю лишь на этот срок, и его вдове и дочерям осталось всего десять тысяч фунтов, включавшие и те три тысячи, которые завещал барышням двоюродный дед.

Едва стало ясно, что болезнь мистера Дэшвуда принимает опасный оборот, он послал за сыном и со всей

настойчивостью и убедительностью, на какие у него еще достало духа, поручил мачеху и сестер его заботам.

Мистер Джон Дэшвуд, в отличие от остальных членов семьи, не был склонен к сильным чувствам, но подобная отцовская просьба в подобных обстоятельствах не могла не тронуть сына, и он обещал сделать для их благополучия все, что будет в его силах. Такое заверение облегчило последние минуты умирающего, а затем у мистера Джона Дэшвуда оказалось достаточно досуга поразмыслить, что, собственно, он может сделать для них, не выходя из пределов благоразумия.

Он вовсе не был дурным человеком — конечно, если черствость и эгоистичность не обязательно делают людей дурными — и, во всяком случае, пользовался общим уважением, так как в обычных обстоятельствах всегда вел себя с безукоризненной порядочностью. Женясь он на более мягкосердечной женщине, то, быть может, стал бы еще более порядочным или даже сам умягчился сердцем, потому что вступил в брак совсем юным и очень любил жену. Однако миссис Джон Дэшвуд была как бы преувеличенной карикатурой на него самого — еще более себялюбивой и холодной.

Давая обещание отцу, он решил было добавить к состоянию сестер по тысяче фунтов для каждой. В те минуты он искренне считал, что это вполне в его силах. Мысль о том, что теперь его доход пополнится четырьмя тысячами фунтов в год, не говоря уж о второй половине материнского наследства, согрела его душу, вознесла над мелочными расчетами. Да, он подарит им три тысячи фунтов: это щедро, благородно. Они будут вполне обеспечены. Три тысячи фунтов! И столь внушительную сумму он может отдать, не причинив себе сколько-нибудь заметного ущерба! Эту мысль он лелеял весь день, а потом и еще много дней, ничуть не раскаиваясь в принятом решении.

Едва его отец был погребен, как прибыла миссис Джон Дэшвуд с сыном и собственными слугами. Никто не мог бы оспорить ее права приехать: дом принадлежал ее мужу с того мгновения, как его отец скончался. Но это лишь усугубляло бездушную неделикатность поведения, которое в подобных обстоятельствах больно ранило бы и женщину, не наделенную особенно тонкой натурой. Понятия же миссис Дэшвуд о чести были столь высоки, а представления об истинном благородстве столь романтически, что поступок такого рода, независимо от того, кем

и по отношению к кому он был совершен, мог вызвать у нее лишь непреходящее отвращение. Миссис Джон Дэшвуд никогда не пользовалась особенной любовью близких ее мужа, но до сих пор ей не выпадало случая показать им, с каким пренебрежением к душевному покою и чувствам других людей способна она вести себя, когда ей это представляется нужным.

Миссис Дэшвуд подобная грубая бессердечность возмутила так сильно и внушила ей столь жгучее презрение к невестке, что она, вероятно, в ту же минуту навсегда покинула бы дом, если бы не убеждения старшей дочери, которые заставили ее вспомнить, что подобная спешка была бы непростительным нарушением всех приличий. А затем любовь к трем ее девочкам внушила ей, что ради них она должна остаться и не порывать отношений с их братом.

Элинор, старшая из сестер, чьи уговоры оказались столь успешными, обладала живым умом и спокойной рассудительностью, позволившими ей в девятнадцать лет стать советницей матери: не раз она к их общему благу успевала предупредить тот или иной необдуманный порыв миссис Дэшвуд. Душа у нее была прекрасная, сердце доброе и привязчивое, а чувства очень сильные, но она умела ими управлять. Умение это ее мать так пока и не приобрела, а одна из сестер твердо решила никогда не приобретать.

Достоинствами Марианна во многих отношениях не уступала Элинор. Она была умна, но впечатлительна и отличалась большой пылкостью: ни в печалях, ни в радостях она не знала меры. Она была великодушна, мила, загадочна — все что угодно, но только не благоразумна. Сходство между ней и матерью казалось поразительным.

Чувствительность сестры внушала Элинор тревогу, но миссис Дэшвуд восхищалась этим качеством дочери и всячески его лелеяла. Теперь они с Марианной неустанно поддерживали друг в друге бурную печаль. Сразившее их горе от невозвратимой утраты теперь нарочито растревлялось, усугублялось, воскрешалось вновь и вновь. Они всецело предались его мукам, питали их всеми способами и твердо отвергали даже мысль о возможном утешении пусть в самом далеком будущем. Элинор тоже горевала всем сердцем, но она боролась с собой, старалась взять себя в руки. У нее достало сил советоваться с братом, а также достойно встретить невестку и держаться с ней, как требовали правила хорошего тона. Она пыталась побу-

дить к тому же и свою мать, вдохнуть в нее такую же терпеливую твердость.

Маргарет, третья сестра, была доброй, хорошей девочкой, но уже успела впитать немалую толику романтичности Марианны, хотя далеко уступала ей в уме, и в свои тринадцать лет, разумеется, не могла считаться равной более взрослым сестрам.

ГЛАВА 2

Теперь хозяйкой Норленда стала миссис Джон Дэшвуд, а ее свекровь и золовки были низведены на положение гостей. Однако в таком их качестве она обходилась с ними со спокойной вежливостью, а ее муж — со всей добротой, на какую он был способен, когда речь шла не о нем самом, его жене или сыне. Он с вполне искренней настойчивостью просил их считать Норленд своим домом, и его приглашение было принято, так как миссис Дэшвуд не видела иного выхода — во всяком случае, до тех пор, пока она не подыщет для себя дом где-нибудь в окрестностях.

Необходимость жить там, где все напоминало ей о былых радостях, превосходно отвечала особенностям ее натуры. В безоблачные времена никто не мог сравниться с ней веселостью духа, никто не уповал на счастье с той светлой надеждой, которая сама по себе уже счастье. Но и печали она предавалась с такой же беззаветностью и так же отвергала самую возможность утешения, как прежде не позволяла даже тени сомнения омрачить ее восторги.

Миссис Джон Дэшвуд отнюдь не одобрила того, что ее муж решил сделать для своих сестер. Отнять три тысячи фунтов у их драгоценного сыночка! Но это же нанесет страшнейший ущерб его состоянию! Она умоляла его хорошенько подумать. Какое оправдание найдет он себе, если ограбит свое дитя, свое единственное дитя? Ведь это же огромная сумма! И какое, собственно, право есть у девиц Дэшвуд, всего лишь сводных его сестер — а такое родство она вообще родством не признает, — на подобную его щедрость? Давно известно, что между детьми от разных браков их отца вообще никакой привязанности и быть не положено. Почему должен он разорить себя и их бедного Гарри, отдав все свои деньги сводным сестрам?

— На смертном одре отец просил меня,— ответил ее муж,— чтобы я помог его вдове и дочерям.

— Вероятно, он не понимал, что говорит. Десять против одного, у него был бред. Будь он в здравом уме, ему и в голову не пришло бы просить, чтобы ты отнял половину своего состояния у собственного сына!

— Он не называл никаких сумм, милая Фанни, а лишь в общих словах просил меня оказать им помощь, обеспечить их будущее надежнее, чем было в его власти. Пожалуй, было бы лучше, если бы он просто положился на меня. Неужели он думал, что я брошу их на произвол судьбы! Но раз уж он потребовал от меня обещания, я не мог отказать. Во всяком случае, так мне это представилось в ту минуту. Но как бы то ни было, обещание я дал и его необходимо сдержать. Надо будет сделать для них что-то, когда они покинут Норленд и устроятся в своем новом доме.

— Так и сделай для них что-то. Но почему этим «что-то» непременно должны быть три тысячи фунтов? Ну, подумай сам! — добавила она. — Стоит отдать деньги, и они уже к тебе не вернутся. Твои сестры выйдут замуж, и ты лишишься этих денег навсегда. Конечно, если бы они все-таки когда-нибудь достались нашему бедному малютке...

— Да, бесспорно,— с величайшей серьезностью согласился ее муж,— это меняло бы дело. Ведь может настать время, когда Гарри пожалеет, что столь крупная сумма была отдана на сторону. Если, например, у него будет много детей, такая добавка оказалась бы очень кстати.

— О конечно!

— Так, пожалуй, для всех будет лучше, если эту сумму сократить наполовину. И пятьсот фунтов заметно увеличат их состояние!

— Очень намного! Какой еще брат сделал бы даже вполовину столько для своих сестер, причем для родных сестер! Ну, а для сводных... Но ты так великодушен!

— Да, мелочность тут неуместна,— ответил он.— В подобных случаях всегда предпочтешь сделать больше, а не меньше. Никто, во всяком случае, не сможет сказать, что я сделал для них недостаточно. Даже они сами вряд ли ожидают большего.

— Чего они ожидают, знать невозможно,— сказала его супруга.— Но об их ожиданиях нам думать незачем. Важно, что можешь позволить себе ты.

— Разумеется. И мне кажется, я могу позволить себе подарить им по пятьсот фунтов. Но ведь и без моего

добавления каждая из них после смерти матери получит более трех тысяч фунтов. Состояние для любой девицы вполне завидное.

— О конечно! И, по-моему, никаких добавок им не требуется. Они же разделят между собой десять тысяч фунтов! Если они выйдут замуж, то, без сомнения, за людей состоятельных. А если нет, то отлично проживут вместе на проценты с десяти тысяч.

— Совершенно верно, а потому, принимая во внимание все обстоятельства, я прихожу к выводу, что лучше будет назначить что-нибудь не им, а их матери — пожизненно. Я имею в виду что-нибудь вроде ежегодной пенсии. И это будет на пользу не только ей, но и моим сестрам. Сто фунтов в год вполне их всех обеспечат.

Однако его жена не поторопилась одобрить и этот план.

— О конечно, — сказала она, — это лучше, чем отдать полторы тысячи фунтов сразу. Но если миссис Дэшвуд проживет еще пятнадцать лет, мы понесем именно этот убыток.

— Пятнадцать лет! Милая Фанни, ее жизнь и половины этого срока не продлится.

— Да, бесспорно. Но, наверно, ты замечал, что люди, которым выплачивают пенсии, живут вечно. А она очень бодрa, здоровье у нее отменное, и ей только-только исполнилось сорок. Ежегодная пенсия — расход весьма серьезный. Ее приходится выплачивать из года в год, и изменить уже ничего нельзя. Ты не отдаешь себе отчета в том, что делаешь. Мне хорошо известно, какой обузой оборачиваются пенсии. Ведь моя маменька была обременена выплатой целых трех пенсий, которые папенька в своей духовной назначил трем престарелым слугам, и просто удивительно, как ей это досаждало. Дважды в год плати, да еще хлопоты с отсылкой денег! А потом пришла весть, будто кто-то из них умер. Но только после выяснилось, что ничего подобного. Маменька совсем измучилась. Собственные доходы ей вовсе не принадлежат, говаривала она, раз какая-то их часть изымается безвозвратно. И бессердечие папеньки было тем больше, что без этих пенсий маменька могла бы распоряжаться всеми деньгами без всяких ограничений. У меня теперь такое отвращение к пенсиям, что я ни за какие блага в мире не связала бы себя по рукам и ногам подобным обязательством!

— Да, безусловно, — ответил мистер Дэшвуд, — всякие ежегодные отчисления от доходов крайне неприятны. Соб-

ственное состояние, как справедливо замечает твоя маменька, человеку уже не принадлежит. Связать себя постоянными выплатами подобной суммы каждое полугодие — значит лишиться независимости. Нет, это вовсе ни к чему.

— Несомненно! И тебя за это даже спасибо не ждет. Они полагают себя обеспеченными, то, что ты им уделяешь, словно само собой разумеется и никакой благодарности не вызывает. На твоём месте, если бы я что-либо и делала, то лишь тогда, когда сама находила бы это нужным. А ежегодными выплатами себя не связывала бы. Вдруг в тот или иной год нас очень стеснит необходимость отнять у себя сто или даже пятьдесят фунтов?

— Любовь моя, ты совершенно права! Лучше будет обойтись без твердой пенсии. То, что я смогу уделять им от случая к случаю, принесет им значительно больше пользы, чем ежегодная пенсия. Ведь, рассчитывая на больший доход, они просто стали бы жить на более широкую ногу и к концу года не оказались ни на йоту богаче. Нет, нет, так будет гораздо разумнее. Пятьдесят фунтов в подарок время от времени поспособствуют тому, чтобы они никогда не чувствовали себя стесненными в средствах, и, мне кажется, таким образом я более чем выполню данное отцу обещание.

— О конечно! Да и, по правде говоря, я убеждена, что твой папенька вовсе и не думал о том, чтобы ты дарил им деньги. Право же, он имел в виду лишь ту помощь, какую от тебя действительно можно требовать. Например, подыскать для них удобный небольшой дом, облегчить им хлопоты с переездом, посылать рыбу, дичь и прочие такие же подарки, в зависимости от времени года. Головой ручаюсь, ни о чем другом он и не помышлял. Да и странно было бы, и вовсе неразумно, считай он иначе. Милый мой мистер Дэшвуд! Подумай хорошенько, как чудесно могут жить на проценты с семи тысяч фунтов твоя мачеха и ее дочери. И ведь у каждой барышни, кроме того, есть своя тысяча, а она приносит в год пятьдесят фунтов. Разумеется, из них они будут платить матери за стол. То есть у них на всех будет в год пятьсот фунтов! Ну, скажи на милость, разве этого не более чем достаточно для четырех женщин? Они ведь могут жить так дешево! Ведение хозяйства расходов вообще не потребует. У них не будет ни экипажа, ни лошадей. Прислуги почти никакой. Принимать у себя и ездить по гостям им незачем. Так какие же тут расходы? Только представь себе, как отлично они заживут! Пятьсот

Сельская Англия.
Кент.

фунтов в год! Я просто вообразить не в состоянии, на что они сумеют потратить хотя бы половину такой суммы. А о том, чтобы ты им что-то еще дарил, даже думать смешно. Им куда легче будет уделить что-нибудь тебе!

— Слово благородного человека! — сказал мистер Дэшвуд. — Ты совершенно права! Мой отец, безусловно, имел в виду только то, о чем сказала ты. Теперь мне это совершенно ясно, и я буду скрупулезно соблюдать свое обещание, оказывая им ту помощь и те знаки внимания, о которых ты говорила. Когда моя мать решит переехать, я с удовольствием позабочусь оказать ей все посильные услуги. Пожалуй, излишним будет и подарить ей по этому случаю кое-какую мебель.

— О конечно! — сказала миссис Джон Дэшвуд. — Впрочем, тут уместно вспомнить одно обстоятельство. Когда твои папенька и маменька переселились в Норленд, стэнхиллская мебель, правда, была продана, но фарфор, столовое серебро и белье — все осталось и теперь завещаны твоей маменьке. Поэтому ее дом, как только она его снимет, сразу же будет почти полностью обставлен.

— Это, бесспорно, очень важное соображение. Очень, очень недурное наследство! А ведь кое-что из серебра совсем не помешало бы добавить к тому, что у нас здесь есть.

— Да. И чайный сервиз куда великолепнее здешнего! Такая роскошь, по моему мнению, будет даже излишней в жилище, какое подойдет им теперь. Но ничего не поде-лаешь. Твой папенька думал только о них. И как хочешь, а я все-таки скажу: ты вовсе не обязан питать к нему особенную благодарность или свято исполнять его волю. Ведь мы же прекрасно знаем, что, будь у него такая воз-можность, он все, все, все, кроме разве что какой-нибудь малости, отказал бы им!

Этот довод был неотразим. И вдохнул в него решимость, положившую конец его колебаниям. Теперь он твердо знал, что предложить вдове и дочерям его отца что-нибудь, помимо тех добрососедских услуг, какие перечислила его жена, было бы не только совершенно лишним, но, пожалуй, и в высшей степени неприличным.

ГЛАВА 3

Миссис Дэшвуд провела в Норленде еще несколько месяцев, но вовсе не потому, что ей не хотелось никуда переезжать. Напротив, едва вид столь хо-рошо знакомых мест перестал вызывать прежнее бурное горе и ее душа немного оживилась, а разум не столь непрерывно терзался печальными воспоминаниями, как она преисполнилась нетерпением поскорее уехать и без устали наводила справки о подходящих домах в окрестностях Норленда, — уехать далеко от всего, что было столь дорого ее сердцу, у нее не хватало сил. Но ей никак не удавалось найти жилище, которое отвечало бы ее понятиям о комфор-те и удобствах и было бы одобрено благоразумной стар-шей дочерью, чьи более трезвые суждения уже заставили ее отказаться от нескольких домов, слишком больших для их ограниченного дохода, на которых она совсем готова была остановить свой выбор.

Муж сообщил миссис Дэшвуд о торжественном обеща-нии позаботиться о них, которое дал ему сын и которое облегчило его последние часы. В искренность этих завере-ний она поверила столь же непоколебимо, как и покой-ный, и теперь при мысли о них радовалась — не за себя, но за своих дочерей. Самой же ей, была она убеждена, чтобы жить, ни в чем не нуждаясь, хватило бы и половины семи тысяч фунтов. И еще она была рада за их брата,

рада, что ошиблась в нем, и укоряла себя за прежнее свое несправедливое к нему отношение: ведь она считала его неспособным на великодушие. Его неизменная внимательность к ней и сестрам убедила ее, что он принимает к сердцу их благополучие, и она долго полагалась на благородство его намерений.

Презрение, каким она в самом начале их знакомства прониклась к своей невестке, неизмеримо возросло, когда она лучше узнала ее характер, прожив с ней под одним кровом полгода. И возможно, обе дамы не выдержали бы такого длительного испытания, несмотря на требования приличий и материнские чувства миссис Дэшвуд, если бы не одно обстоятельство, которое, по мнению этой последней, более чем оправдывало дальнейшее пребывание ее дочерей в Норленде.

Обстоятельством этим была крепнущая взаимная симпатия между ее старшей девочкой и братом миссис Джон Дэшвуд, очень приятным молодым человеком с благородными манерами, который познакомился с ними вскоре после переезда его сестры в Норленд и с тех пор почти постоянно гостил там.

Некоторые матери поощряли бы такое сближение из меркантильных соображений, — ведь Эдвард Феррарс был старшим сыном человека, скончавшегося очень богатым; другие же, напротив, постарались бы воспрепятствовать ему из благоразумия, так как, если не считать пустякового дохода, он всецело зависел от воли своей матушки. Но на миссис Дэшвуд ни то, ни другое обстоятельство несколько не влияло. Ей было достаточно, что молодой человек, видимо, очень порядочный, полюбил ее дочь и что Элино́р отвечает ему взаимностью. По ее глубокому нравственному убеждению, разница в состоянии никак не служила препятствием для соединения молодой пары, связанной симпатией душ, а что кто-нибудь из знающих Элино́р мог остаться слеп к ее достоинствам, и вовсе представлялось ей немыслимым.

Эдвард Феррарс не завоевал их расположения с первых же минут интересной наружностью или особой ловкостью обхождения. Он не был красив, а манеры его обретали привлекательность лишь при более близком знакомстве. Застенчивость мешала ему показывать себя с наивыгоднейшей стороны, но, когда он преодолевал эту природную робость, все его поведение говорило об открытой и благородной натуре. Ему был присущ немалый ум, прекрасно развитый образованием. Но у него не было ни способностей, ни склонности отличиться, как того желали его

мать и сестра, на... они и сами не знали на каком поприще. Им не терпелось, чтобы он так или иначе занял блестящее положение в свете. Мать хотела, чтобы он занялся политикой, стал членом парламента или доверенным помощником того или иного государственного мужа. Не меньшего для него хотела и миссис Джон Дэшвуд, хотя в ожидании этих великих свершений она удовлетворялась бы и тем, чтобы он ловко правил щегольским экипажем. Но Эдварда Феррарса не влекли ни государственные мужи, ни щегольские экипажи. Сам он мечтал лишь о домашнем уюте и тихой жизни частного лица. К счастью, у него был младший брат, обещавший гораздо больше.

Эдвард гостил в Норленде уже несколько недель, когда миссис Дэшвуд, еще вся во власти своего горя, начала обращать на него внимание. Прежде она замечала только, что в нем нет никакой развязности, и этим он ей нравился. Он не нарушал ее скорби неуместными разговорами. Приглядываясь же к нему, причем все более одобрительно, она стала после того, как Элинор однажды упомянула, насколько мало походит он характером на сестру. Для ее матери трудно было найти рекомендацию лучше.

— Если он не похож на Фанни, — сказала она, — чего же более! Это ведь подразумевает все самые приятные качества. Я его уже полюбила.

— Мне кажется, — ответила Элинор, — он правда вам понравится, когда вы узнаете его поближе.

— Понравится! — с улыбкой возразила ее мать. — Для меня одобрять — значит любить. На более слабое чувство я неспособна.

— Но вы можете питать к нему уважение.

— Я всегда полагала, что уважение и любовь нераздельны.

Миссис Дэшвуд начала привечать молодого человека. Манеры ее были очень располагающими, и вскоре он забыл о своей застенчивости. Она же не замедлила убедиться в его достоинствах: возможно, уверенность, что он любит Элинор, сделала ее особенно проникательной. Однако оценила она его от всей души, и даже скромная сдержанность, противоречившая всем ее понятиям о светскости, приличной молодым людям, перестала быть в ее глазах признаком незначительности, едва ей открылись отзывчивость его сердца и мягкость натуры.

Стоило же ей усмотреть в его поведении с Элинор признаки любви, как она уверовала в серьезность их взаимного чувства и уже предвкушала их скорую свадьбу.

— Еще несколько месяцев, милая Марианна,— сказала она,— и судьба Элино́р, судя по всему, устроится навсегда наилучшим образом. Нам будет грустно без нее, но зато ее ждет счастье.

— Ах, мама! Как же мы будем жить без нее?

— Но, душечка, мы ведь почти не разлучимся. Поселимся в двух-трех милях друг от друга и станем видеться каждый день. А у тебя будет брат, истинно любящий брат. Я самого высокого мнения о сердце Эдварда... Марианна! У тебя такой опечаленный вид! Или ты не одобряешь выбор своей сестры?

— Пожалуй, я несколько удивлена,— ответила Марианна.— Эдвард очень мил, и я нежно его люблю. И все же... он не... ему чего-то недостает... В его внешности нет ничего незаурядного. Ему недостает того изящества манер, какое мне представлялось обязательным в человеке, покоровшем сердце моей сестры. Его взгляд лишен той пылкости, того огня, которые неопровержимо свидетельствуют и о высоких достоинствах, и о тонком уме. И, ах, мама, боюсь, он не обладает подлинным вкусом. К музыке он словно бы равнодушен, и, как ни восхищается он рисунками Элино́р, это не восхищение истинного ценителя, способного понять, до чего они на самом деле хороши. Хотя он и не отходит от нее, когда она рисует, легко заметить, что он ничего в этом не понимает. Он восторгается, как влюбленный, а не как знаток. Для меня же необходимо соединение того и другого. На меньшем я не примирилась бы. Я не могла бы найти счастье с человеком, чей вкус не во всем совпадал бы с моим. Он должен разделять все мои чувства. Те же книги, та же музыка должны равно пленять нас обоих. О, мама! Какой скучной, какой невыразительной была манера Эдварда, когда он читал нам вчера вечером! Как я сострадала Элино́р! Она сносила его чтение спокойно, словно ничего не замечала. А я с трудом удерживалась, чтобы не убежать. Слушать, как дивные строки, которые столь часто приводили меня в экстаз, произносятся с такой холодной невозмутимостью, с таким ужасающим равнодушием...

— Да, бесспорно, ему больше подошла бы легкая изящная проза. Я уже тогда так подумала. Но ты настояла, чтобы он читал Каупера!

— Ах, мама! Если и Каупер его не трогает... Впрочем, вкусы бывают разные. Элино́р мои чувства не свойственны, а потому она может не придавать этому такого значения и быть с ним счастливой. Но если бы его любила я, у меня сердце разбилось бы, едва я услышала бы, как мало чувстви-

тельности в его манере читать. Мама, чем больше я узнаю свет, тем больше убеждаюсь, что никогда не встречу того, кого могла бы полюбить по-настоящему. Я требую столь многого! Он должен обладать не только всеми достоинствами Эдварда, но и сочетать их с чарующей внешностью и обворожительностью манер.

— Душечка, не забывай, что тебе нет и семнадцати лет. Отчаиваться еще рано. Почему тебе не может выпасть то же счастье, что и твоей матери? Лишь в одном, моя Марианна, да будет твой удел иным, чем у нее!

ГЛАВА 4

Как жаль, Элино́р,— сказала Марианна,— что у Эдварда нет никакого вкуса к рисованию!

— Никакого вкуса? — повторила Элино́р.— Почему ты так думаешь? Правда, сам он не рисует, но чужие рисунки доставляют ему большое удовольствие, и, уверяю тебя, он вовсе не лишен вкуса, хотя ему и не представилось случая усовершенствовать его. Будь у него возможность учиться, мне кажется, он рисовал бы прекрасно. Но он так мало доверяет своему суждению, что предпочитает не высказывать о картинах никакого мнения. Однако врожденная верность и простота вкуса ведут его по правильному пути.

Марианна опасалась обидеть сестру и промолчала. Однако то одобрение, какое, по словам Элино́р, вызывали у Эдварда чужие картины, нисколько не походило на восторженное упоение, которое одно она соглашалась признать истинным вкусом. Тем не менее, и улыбаясь про себя подобному заблуждению, она считала, что породившая его готовность безоговорочно восхищаться Эдвардом делает ее сестре только честь.

— Надеюсь, Марианна,— продолжала Элино́р,— ты не думаешь, что он вообще лишен истинного вкуса? Нет, разумеется, ты так думать не можешь! Ведь ты с ним очень мила, а будь ты о нем столь дурного мнения, то, не сомневаюсь, у тебя недостало бы сил обходиться с ним хотя бы вежливо.

Марианна не знала, что ответить. Ей ни в коем случае не хотелось причинять сестре хоть малейшую боль, но солгать она тоже не могла. В конце концов она сказала:

— Не обижайся, Элинор, если я не хвалю его так, как он, по-твоему, заслуживает. У меня было меньше случаев, чем у тебя, узнать и оценить все мельчайшие особенности его ума, склонностей и вкуса. Однако я самого высокого мнения о его душевных качествах и здравом смысле. Мне он кажется во всех отношениях приятным и достойным человеком.

— Полагаю,— ответила Элинор с улыбкой,— подобная рекомендация удовлетворила бы и самых близких его друзей. Право, ничего более лестного сказать невозможно.

Марианна только обрадовалась, что ее сестре довольно и такой похвалы.

— В его здравом смысле и душевных качествах,— продолжала Элинор,— навряд ли усомнится хоть кто-нибудь из тех, с кем при более коротком знакомстве он вел непринужденные беседы. Лишь застенчивость, побуждающая его к молчанию, мешает сразу понять живость его ума и твердость нравственных устоев. Ты успела сойтись с ним поближе и сумела оценить благородство его натуры. Что же до мельчайших особенностей его склонностей и вкуса, как ты выразилась, волей обстоятельств тебе не представилось столько случаев узнать их, как мне. Мы часто проводили время вместе, когда матушка нуждалась в твоих нежных заботах. Вот каким образом мне открылись его нравственные понятия, его мнения о литературе, об истинном вкусе. И я возьму на себя смелость утверждать, что ум его превосходно образован, любовь к чтению глубока, воображение богато, суждения остры и верны, а вкус тонок и безупречен. Его способности выигрывают от близкого знакомства так же, как манеры и весь его облик. Да, в первые минуты он не пленяет обходительностью и не кажется красавцем, но лишь до тех пор, пока не замечаешь прекрасного выражения его глаз, добросердечности, какой светится его лицо. Теперь я знаю его так хорошо, что считаю подлинно красивым. Во всяком случае, почти. А ты, Марианна?

— Пока еще нет, Элинор, но очень скоро я начну видеть в нем красавца. Едва ты попросишь, чтобы я полюбила его как брата, и я перестану замечать недостатки в его внешности, как уже не вижу их в его сердце.

Элинор растерялась, выслушав заверения сестры, и пожалела о горячности, с какой невольно защищала Эдварда. Конечно, она была о нем самого высокого мнения и полагала, что уважение это взаимно, но, пока оставалось место для сомнений, безмятежное убеждение Марианны

в силе их привязанности никак не могло доставить ей удовольствия. Слишком хорошо она знала, что для Марианны, как и для их матери, простое предположение тотчас оборачивается непоколебимой уверенностью. Для них пожелать чего-то — значило надеяться, а надеяться значило ожидать незамедлительного исполнения надежд. Она попыталась объяснить сестре истинное положение дел.

— Не стану отрицать,— сказала Элинор,— что я высоко его ценю, что уважаю его, что он мне нравится.

— Уважаю! Нравится! Как холодно твое сердце, Элинор! Нет, хуже! Ты стыдилась бы, будь оно иным! Посмей повторить эти слова, и я тотчас выйду из комнаты!

Элинор засмеялась.

— Извини меня,— сказала она.— Право же, я вовсе не хотела тебя оскорбить, столь спокойно описывая свои чувства. Верь, что они более горячи, чем я призналась. Короче говоря, верь, что они соразмерны его достоинствам и догадке... то есть надежде, что я ему небезразлична,— однако не безрассудны и не выходят за пределы благоразумия. Но постарайся сверх этого не верить ничему. Я отнюдь не убеждена в его расположении ко мне. По временам оно кажется не столь уж большим. И пока он не объяснился открыто и прямо, вряд ли тебя должно удивлять, что я избегаю поощрять свою симпатию, полагая или называя ее чем-то иным. В глубине души я не сомневаюсь... почти не сомневаюсь в его сердечном влечении. Но ведь кроме чувств надо принять во внимание еще и многое другое. Он не свободен сам распоряжаться своей судьбой. С его матерью мы не знакомы. Но судя по тому, что Фанни порой рассказывает о ее поступках и суждениях, она не кажется добросердечной. И я не ошибусь, предположив, что сам Эдвард прекрасно понимает, какие испытания его ожидают, если он выберет невесту без большого состояния или без титула.

Марианна растерялась, услышав, как далеко они с матерью опередили в воображении действительное положение вещей.

— Так ты еще не помолвлена с ним! — воскликнула она.— Но, бесспорно, ждать этого недолго. Впрочем, у такой отсрочки есть две светлые стороны. Во-первых, я потеряю тебя не так скоро, а, во-вторых, Эдварду представится больше случаев развить тот естественный вкус к твоему любимому занятию, который столь необходим для вашего будущего счастья. Ах, если бы твой прекрасный талант

подвинул его заняться рисованием, как это было бы чудесно!

Элинор сказала сестре то, что действительно думала. Вопреки твердому убеждению Марианны, сама она вовсе не полагала, что склонность ее к Эдварду уже ничем омрачиться не может. Порой в нем замечалась сдержанность, которая, если и не свидетельствовала о равнодушии, все же ничего хорошего не сулила. Сомнения в ее взаимности, даже если он их испытывал, должны были бы внушать ему лишь тревожное волнение, но не унылость, столь часто им владевшую. Разумеется, причиной могло быть зависимое положение, не позволявшее ему дать волю чувствам. Как ей было известно, обхождение с ним его матери не только сделало для него чуждым родительский дом, но и указывало, что обзавестись собственным семейным очагом ему будет дозволено, только если он безропотно покорится ее намерениям устроить для него блестящее будущее. Вот почему, зная все это, Элинор не позволяла себе питать особые надежды. И отнюдь не полагалась на предпочтение, какое он отдавал ей, как упрямо продолжали считать ее мать и сестра. Более того, чем дольше продолжалось их знакомство, тем менее ясным становилось его отношение к ней: в тягостные минуты ей начинало казаться, что это не более чем дружеское расположение.

Но каково бы ни было это чувство, стоило сестре Эдварда его заметить, как оно вызвало у нее тревогу и (что отнюдь не редкость) заставило забыть о вежливости. При первом же удобном случае она сделала из этого повод, чтобы больно задеть свою свекровь, и столь подробно описывала великолепные ожидания брата, завидные партии, которые миссис Феррарс прочит обоим своим сыновьям, и беды, грозящие молодой особе, если она попытается его завлечь, что миссис Дэшвуд не могла ни пропустить ее намеки мимо ушей, ни сохранить спокойствие. Она ответила ей со всей презрительностью и тотчас вышла из комнаты, исполненная твердой решимости пренебречь неудобствами и лишними расходами, сопряженными со спешным отъездом, лишь бы возможно скорее оградить свою любимую Элинор от подобных оскорбительных намеков.

Ее возмущение не успело остыть, как ей подали доставленное по почте письмо, которое содержало предложение, пришедшееся как нельзя более кстати. Ее родственник, богатый джентльмен, проживавший в Девоншире, готов был сдать ей на самых выгодных условиях небольшой, принадлежавший ему дом. Письмо, написанное им собствен-

норучно, несомненно, свидетельствовало об истинном родственном расположении. Ему стало известно, что она нуждается в собственном крове, и, хотя предоставить ей он может лишь простой деревенский дом, если местоположение этого скромного жилища ей понравится, оно будет подновлено и благоустроено, как она сочтет нужным. Подробно описав дом и сад, он с любезнейшей настойчивостью пригласил ее с дочерьми приехать погостить в Бартон-парке, его имени, чтобы она сама решила, в какой перестройке нуждается Бартонский Коттедж — оба дома расположены в одном приходе, — прежде чем сочтет возможным поселиться там. Казалось, он был движим искренним желанием услужить им, и все письмо дышало такой сердечностью, что не могло не обрадовать его кузину, да еще в минуту, когда она в полной мере испытала холодное бездушие тех, кто состоял с ней в более близком родстве. Она не стала тратить времени на размышления или на наведение справок. Решение ее было принято, едва она дочитала письмо до конца. Если какой-нибудь час назад то обстоятельство, что Бартон находится в графстве столь удаленном от Сассекса, как Девоншир, представилось бы ей препятствием, которое перевесило бы в ее глазах все преимущества подобного плана, теперь оно явилось лучшим доводом в его пользу. Необходимость поселиться вдали от Норленда уже не представлялась немислимым несчастьем. Напротив, ничего другого она теперь и не желала. Какое блаженство и лишнего часа не оставаться гостьей Фанни! А навсегда покинуть место, столь дорогое сердцу, все же менее мучительно, чем жить там или хотя бы приезжать туда с визитом, пока хозяйкой его остается подобная женщина. Она тотчас написала сэру Джону Мидлтону, что с глубокой радостью принимает его любезное предложение, а затем поспешила показать оба письма дочерям, чтобы заручиться их одобрением, прежде чем отправить ответ.

Элинор всегда полагала, что было бы благоразумнее не оставаться по соседству с Норлендом среди нынешнего круга их знакомых. И против желания матери переселиться в Девоншир возражать она не могла. К тому же дом, каким его описал сэра Джон, был настолько скромнее, а плата настолько умеренной, что и тут она не сочла себя вправе сказать что-нибудь против. Вот почему, хотя план этот ее несколько не обрадовал и ей вовсе не хотелось уезжать так далеко от Норленда, она не стала отговаривать миссис Дэшвуд от ее намерения тотчас отослать письмо с согласием.

письмо было отослано, и миссис Дэшвуд не отказала себе в удовольствии немедленно сообщить пасынку и его супруге, что у нее уже есть дом и она перестанет обременять их своим присутствием, едва он будет приведен в надлежащий порядок. Они выслушали ее с удивлением. Миссис Джон Дэшвуд промолчала, но мистер Дэшвуд выразил надежду, что дом расположен неподалеку от Норленда, и миссис Дэшвуд поспешила ответить, что уезжает в Девоншир. Тут Эдвард быстро взглянул на нее и голосом, полным растерянности и тревоги, которые она легко себе объяснила, повторил:

— В Девоншир! Неужели? Так далеко отсюда? Но куда именно?

Она объяснила, что ее будущий дом находится в четырех милях севернее Эксетера.

— Это всего лишь коттедж,— продолжала она,— но я надеюсь видеть там многих моих друзей. Пристроить одну-две комнаты не составит затруднений. И если мои друзья готовы будут пренебречь неудобствами дальней дороги, чтобы навестить меня, то они могут не опасаться, что мне негде будет их принять.

В заключение она самым учтивым образом пригласила мистера Дэшвуда с супругой непременно погостить у нее в Бартоне и еще более ласково пригласила туда Эдварда. Хотя после недавнего разговора с невесткой она твердо решила покинуть Норленд как можно скорее, у нее не было ни малейшего намерения способствовать тому, ради чего, собственно, Фанни его и завела. Она вовсе не собиралась разлучать Эдварда с Элинор и даже нарочно поспешила пригласить его в Бартон именно в эту минуту, чтобы показать миссис Джон Дэшвуд, как мало значит, одобряет она брак между ними или нет.

Мистер Джон Дэшвуд вновь и вновь растолковывал своей мачехе, как он огорчен, что она выбрала дом на таком расстоянии от Норленда: ведь это лишает его возможности помочь ей с перевозкой вещей. Он действительно испытывал досаду, и его добродетель уязвляло то, что у него отняли случай выполнить данное отцу обещание в тех пределах, которые он для себя положил. Вещи были отправлены водой. Груз, если не считать прекрасного фортепьяно Марианны, состоял главным образом из всякого рода белья, столового серебра, фарфора и книг. Миссис Джон Дэшвуд поглядела

вслед тюкам со вздохом: мысль, что миссис Дэшвуд, чей доход был ничтожен в сравнении с их собственным, остается хозяйкой прекрасных сервизов и прочего, причиняла ей истинное страдание.

Миссис Дэшвуд сняла коттедж на год. Он был меблирован и готов к обитанию. Формальности никаких затруднений ни с той, ни с другой стороны не составили, и миссис Дэшвуд, прежде чем отправиться на запад, надо было только распорядиться тем имуществом, которое она с собой не брала, а также решить, какая прислуга ей там потребуется. У нее не было привычки мешкать, когда она чего-нибудь хотела, и все эти дела удалось закончить быстро. Лошади, оставленные ей покойным мужем, были проданы вскоре после его кончины, а теперь, по настоянию старшей дочери, она согласилась продать и карету, благо представился удобный случай. Следуя она собственным желаниям, то сохранила бы карету ради дочерей, но благоразумный совет Элинор возымел свое действие. Ее же благоразумие ограничило и число прислуги двумя горничными и лакеем, незамедлительно выбранными из тех, кто служил им в Норленде.

Лакей и одна горничная тут же отправились в Девоншир убирать дом к приезду их госпожи, — миссис Дэшвуд не была знакома с леди Мидлтон, а потому предпочла не гостить в Бартон-парке, но сразу поселиться в своем коттедже, предварительно его не осматривая, так как всецело полагалась на описание, которое прислал ей сэр Джон. Желание покинуть Норленд как можно скорее поддерживалось и укреплялось в ней явной радостью, с какой ее невестка предвкушала их отъезд, ограничившись лишь самым холодным приглашением не торопиться со сборами. Теперь настало время, наиболее приличное для того, чтобы ее пасынок выполнил обещание, данное умирающему отцу. Раз он не сделал этого, когда вступил во владение имуществом, то предстоящее расставание с ними давало ему достаточно веский повод поступить должным образом. Однако миссис Дэшвуд незамедлительно оставила эту надежду, убедившись по множеству оброненных им намеков, что, по его мнению, он оказал им более чем достаточную помощь, почти полгода предоставляя им стол и кров в Норленде. Он то и дело сетовал, что расходы по содержанию дома все время растут, что человек, занимающий не последнее положение в свете, обречен на бесчисленные непредвиденные траты, и начинало даже казаться, что он бьется в тисках нужды и даже пенса не в состоянии кому-нибудь уделить.

Не прошло и нескольких недель после получения первого письма от сэра Джона Мидлтона, как будущее жилище миссис Дэшвуд и ее дочерей было уже совсем готово к их приему, и им оставалось только отправиться туда.

Прощаясь с местом, столь дорогим их сердцу, они пролили немало слез.

— Милый, милый Норленд! — твердила Марианна, прогуливаясь в одиночестве перед домом в последний вечер.— Когда перестану я тосковать по тебе! Когда почувствую себя дома где-нибудь еще! О счастливая обитель, если бы ты могла понять, как я страдаю сейчас, созерцая тебя с места, откуда, быть может, мне уже более не доведется бросить на тебя хотя бы взгляд! И вы, столь хорошо знакомые мне деревья! Но вы пребудете такими же, как теперь. Ни единого листка вы не уроните оттого, что нас здесь более нет, ни единая ветка не засохнет, хотя мы уже не сможем любоваться вами! Да, вы ни в чем не изменитесь, не ведая ни о радости, ни о сожалениях, вами рождаемых, не замечая, кого теперь укрываете в своей сени! Но кто останется здесь восхищаться вами?

ГЛАВА 6

Грусть не лучший спутник в пути, а потому первое время путешествие казалось им и скучным, и утомительным. Однако же, когда оно приблизилось к концу, интерес к краю, где им предстояло жить, рассеял уныние, а открывшийся перед ними вид Бартонской долины вернул им бодрость духа, так веселила она глаз густыми рощами и сочными лугами. Они проехали более мили по прихотливо вьющейся дороге и оказались перед новым своим домом, выходившим фасадом на зеленый дворик, куда они и вошли через крепкую калитку.

Бартонский Коттедж как дом, хотя и не большой, был удобен и уютен, но как сельский коттедж оставлял желать лучшего: никакой беспорядочности в постройке, крыша черепичная, ставни не выкрашены зеленой краской, стены не увиты жимолостью. Узкий коридор вел прямо к задней двери, выходившей в сад. По сторонам его располагались две парадные комнаты, обе примерно шестнадцать на шестнадцать футов. За ними ютились кухня, кладовая, про-

чие такие же помещения и лестница. Второй этаж занимали четыре спальни, а над ними помещались два просторных чердака. Старинной от коттеджа не веяло, и содержался он в образцовом порядке. Разумеется, в сравнении с Норлендом это было бедное и тесное жилище, но слезы, вызванные такими мыслями, едва они переступили порог, скоро высохли. Радость, с какой их встретили слуги, послужила им утешением, и каждая решила быть веселой ради остальных трех. Сентябрь едва начался, погода стояла ясная, в свете солнца все вокруг производило самое приятное впечатление, и они уже не сомневались, что не пожалеют о своем переезде сюда.

Расположен был дом очень живописно. Позади поднимались высокие холмы, продолжавшиеся также слева и справа. Некоторые были пологими и травянистыми, другие поросли лесом или же их покрывали поля. Рассыпанная по склону одного из них деревушка Бартон издали казалась прелестной. Вид же перед фасадом открывался весьма широкий — на всю долину и просторы за ней. Холмы, дугой огибавшие коттедж, замыкали долину с этого конца, но за узким проходом между двумя самыми крутыми она вилась дальше, хотя носила уже другое название.

Размерами и меблировкой коттеджа миссис Дэшвуд осталась более или менее довольна. Правда, очень многого из того, что ей, привыкшей к светской жизни, представлялось совершенно необходимым, тут недоставало. Но она всегда любила улучшать и добавлять, тем более что в ее распоряжении теперь оказалась порядочная сумма наличными, позволявшая подумать о том, чтобы обставить комнаты с желанным изяществом.

— Дом, разумеется, для нашей семьи маловат, но пока мы потерпим, потому что дело идет к зиме и начинать что-нибудь уже поздно. Однако весной, если у меня найдутся лишние деньги, а найтись они должны, можно будет подумать и о перестройке. Обе нижние комнаты слишком тесны, чтобы принимать наших друзей, которых я надеюсь часто здесь видеть. Вот если присоединить к одной из них коридор и, пожалуй, часть второй, превратив остальную часть в переднюю, то с гостиной, которую добавить очень просто, с еще одной спальней над ней и мансардой, домик у нас будет очень уютный. Жаль, что лестница не парадная. Но нельзя же требовать всего! Впрочем, почему бы не сделать ее шире? Весной мне будет известно, какими средствами могу я располагать, и тогда мы решим, что и как тут изменить.

В ожидании же того, как все эти переделки будут произведены на суммы, которые намеревалась откладывать из пятисот фунтов годового дохода женщина, никогда не умевшая ни на чем экономить, они благоразумно удовлетворились коттеджем в его настоящем виде. Каждая занялась собственной комнатой, расставляя книги и безделушки, чтобы почувствовать себя дома. Фортепьяно Марианны было распаковано и бережно водворено на отведенное для него место, а рисунки Элинор украсили стены гостиной.

На следующий день вскоре после завтрака их отвлек от этих занятий владелец коттеджа, который приехал, чтобы приветствовать их в Бартоне и осведомиться, не нуждаются ли они с дороги в чем-либо: его дом и сад к их услугам. Сэр Джон Мидлтон оказался представительным мужчиной лет сорока. Он, бывало, гостил в Стэнхилле, но так давно, что его молодые родственницы не сохранили о нем никаких воспоминаний. Лицо у него сияло добротой, а манеры были не менее сердечны, чем его письмо. Он, видимо, искренне радовался их приезду и от души хотел помочь им устроиться как можно удобней, многократно выражая горячую надежду, что отношения между ними и его семьей будут самыми дружественными. И с таким радушием приглашал их ежедневно обедать в Бартон-парке, пока они окончательно не устроятся, что настойчивость эта, хотя и несколько выходила за пределы требований хорошего тона, никого обидеть не могла. Любезность его не ограничивалась одними словами: всего лишь час спустя после того, как он с ними простился, в коттедж явился лакей с большой корзиной, полной овощей и плодов, а вечером была прислана дичь. Кроме того, он, не слушая никаких возражений, обещал доставлять их письма с почты и на почту, а также ежедневно присылать им свою газету — этим они доставят ему величайшее удовольствие.

Леди Мидлтон весьма учтиво поручила ему передать миссис Дэшвуд, что она желала бы нанести ей визит, как только это будет им удобно. Ответом было столь же вежливое приглашение, и они познакомились с ее милостью на следующий же день.

Разумеется, им не терпелось увидеть особу, от которой в столь большой мере зависело, насколько приятной будет их жизнь в Бартоне, и наружность ее произвела на них самое выгодное впечатление. Леди Мидлтон было не более двадцати шести — двадцати семи лет. Красивые черты, высокая статная фигура, утонченное изящество — все

располагало к ней. Ее манеры обладали полированностью, какой не хватало ее мужу. Но им не повредила бы некоторая толика его прямоты и сердечности, и визит ее оказался достаточно долгим для того, чтобы их первые восторги поугасли. Безупречная светскость сочеталась с холодной сухостью, беседа же исчерпывалась общепринятыми вопросами и самыми банальными замечаниями.

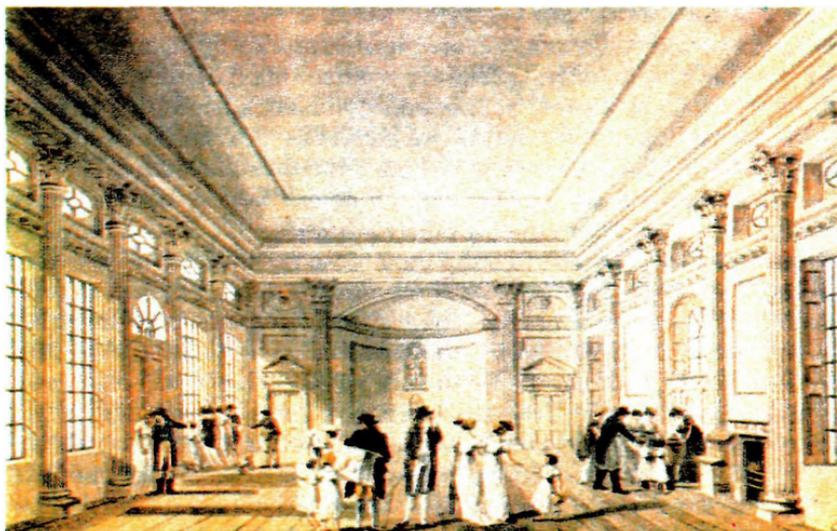
Впрочем, разговор поддерживался без труда: сэр Джон не отличался молчаливостью, а леди Миддлтон благообразно привезла с собой старшего сына — прелестного шестилетнего малютку, и при малейшей заминке в их распоряжении была неисчерпаемая тема. Хозяйки не преминули осведомиться, как его зовут, сколько ему лет, а также восхищались его миловидностью и задавали ему вопросы, на которые отвечала его маменька, пока он, потупившись, прижимался к ней, и ее милость не переставала изумляться тому, как он застенчив в обществе, хотя дома болтает без умолку. Во время светских визитов ребенок, право же, необходим, чтобы разговор не иссякал. Вот и на этот раз потребовалось не менее десяти минут, чтобы определить, на кого более похож мальчик — на папеньку или маменьку — и в чем это сходство заключается: разумеется, никто не сходил в во мнении и все поразились, как слепы остальные.

Миссис Дэшвуд и ее дочерям вскоре представился случай восхититься достоинствами и младших детей, так как сэр Джон не успокоился, пока не заручился их обещанием отобедать в Бартон-парке на следующий день.

ГЛАВА 7

клон холма заслонял Бартон-парк от Коттеджа, но до него было не более полумили, и, спускаясь в долину по пути в свое новое жилище, они проехали почти рядом с ним. Дом был красивый и обширный, под стать образу жизни Миддтонов столь же светскому, как и гостеприимному. Второе отвечало наклонностям сэра Джона, как первое — наклонностям его супруги. Под их кровом почти все время гостили какие-нибудь знакомые, и общество там собиралось самое разнообразное, как нигде более в округе. Только так могли супруги

Галерея. Минеральные источники в Бате.
С рисунка Дж. Нэтса.

быть счастливы, ибо, как ни отличались они по складу характера и манерам, между ними существовало одно неоспоримое сходство, заключавшееся в полном отсутствии каких-либо талантов или серьезных интересов, что почти не оставляло им занятий, помимо тех, которые предлагает светская жизнь. Сэр Джон был любитель охоты, леди Мидлтон была матерью. Он ездил на лисью травлю и стрелял дичь, она баловала своих детей. Ничему другому они посвятить себя не умели. Леди Мидлтон имела перед мужем то преимущество, что потакать детским прихотям она могла круглый год, тогда как половину этого срока ему возбранялось предаваться своей страсти. Однако постоянные поездки в гости и прием гостей у себя заполняли пустоту, оставленную природой и воспитанием, поддерживали веселость сэра Джона и позволяли его жене блистать безупречностью манер.

Леди Мидлтон гордилась изысканностью своего стола, а также и тем, как поставлен ее дом во всех остальных отношениях, и в их открытом образе жизни находила главным образом удовлетворение своему тщеславию. Но сэр Джон искренне любил общество и обожал собирать вокруг себя молодежь в числе даже большем, чем мог вместить его дом, — и чем громче шум они поднимали, тем приятнее ему

было. В нем наиболее молодая часть его соседей находила истинного благодетеля: летом он постоянно приглашал всех на пикники, откусывать ветчины и холодных цыплят на свежем воздухе, а зимой устраивал столько домашних танцевальных вечеров, что лишь ненасытные пятнадцатилетние барышни могли пожелать, чтобы они бывали чаще.

Появление в их краях любой новой семьи всегда приводило его в восхищение, а обитательницы, которых он раздобыл для своего коттеджа, ни в чем не обманули его надежд. Барышни Дэшвуд были молоды, хороши собой и держались с приятной естественностью. Большого и не требовалось: естественность придавала очарование и уму миловидной девицы. Добряк по натуре, он был счастлив предложить приют тем, кого судьба лишила былых благ. А потому, оказав услугу своим дальним родственницам, он доставил радость собственному сострадательному сердцу, поселив же в коттедже семью, состоящую из одних лишь представительниц прекрасного пола, он ублажил в себе охотника, ибо охотник, хотя и уважает тех мужчин, которые делят его увлечение, поостережется селить их у себя в поместье, ибо тогда ему придется делить с ними и свою дичь.

Сэр Джон встретил миссис Дэшвуд и ее дочерей на пороге, с безыскусной искренностью приветствуя их в Бартон-парке, а затем по пути в гостиную, как и накануне, выразил барышням свое огорчение, что на этот раз ему не доведется познакомить их с любезными молодыми кавалерами. Кроме него самого, сказал он, их нынче ждет общество лишь еще одного джентльмена — его дорогого друга, который гостит в Бартон-парке, но он не особенно молод и не особенно весел. Все же он уповает, что они извинят его за столь скромный прием и не усомнятся, что впредь все будет по-иному. Утром он побывал у некоторых соседей, стараясь собрать общество побольше, но теперь ведь вечера лунные и все уже куда-нибудь да приглашены. К счастью, не далее как час назад в Бартон приехала погостить матушка леди Мидлтон, дама очень приятного живого нрава, а потому барышням, быть может, не придется скучать так, как они опасались.

Барышни и их мать заверили любезного хозяина, что удовольствия от двух новых знакомств им будет вполне достаточно.

Матушка леди Мидлтон добродушная веселая женщина, уже в годах, очень говорливая, выглядела всем довольной и порядком вульгарной. Она не скупилась на шутки и смех и до конца обеда успела обронить множество прозрачней-

ших намеков на тему о поклонниках и женихах, выражая опасения, не остались ли их сердечки в Сассексе, и заявляя, что она видит, видит, как они краснеют,— что отнюдь не соответствовало действительности. Марианна страдала за сестру и посматривала на нее с такой тревогой, что Элинор ее сочувственные взгляды мучили куда больше неделикатных поддразниваний миссис Дженнингс.

Полковник Брэндон так разительно не походил на сэра Джона, что, казалось, столь же не подходил для роли его друга, как леди Миддлтон для роли его жены, а миссис Дженнингс для роли матери этой последней. Полковника отличали молчаливость и серьезность, что, впрочем, отнюдь не лишало его внешность известной привлекательности, хотя Марианна с Маргарет и признали его про себя скучнейшим старым холостяком — ведь ему было никак не меньше тридцати пяти лет! Тем не менее, хотя лицо его и не поражало красотой черт, оно несло на себе печать благообразия, а держался он, как истый джентльмен.

Ничто в этом обществе не пробудило в миссис Дэшвуд и ее дочерях надежды на дальнейшее интересное знакомство, однако холодная бесцветность леди Миддлтон настолько их отталкивала, что по сравнению с ней и серьезность полковника Брэндона, и даже неумная шутливость сэра Джона и его тещи приобретали некоторое обаяние. Леди Миддлтон оживилась, только когда после обеда к обществу присоединились четверо ее шумных детей: они поминутно ее дергали, порвали ей платье и положили конец всякому разговору, кроме как о них одних.

Вечером, когда выяснилось, что Марианна — прекрасная музыкантша, ее попросили сыграть. Отперли инструмент, все приготовились внимательно слушать, и Марианна, у которой к тому же был чудесный голос, уступая их настояниям, пропела почти все романсы, которые леди Миддлтон привезла в Бартон-парк после свадьбы и которые с тех пор так и лежали на фортепьяно в полном покое, ибо ее милость отпраздновала свое замужество тем, что навсегда оставила музыку, хотя, по словам ее матушки, она просто блистала за фортепьяно, а по ее собственным — очень любила играть.

Марианну осыпали похвалами. После окончания каждой песни сэр Джон громогласно выражал свое восхищение — не менее громогласно, чем рассказывал что-нибудь остальным гостям, пока она пела. Леди Миддлтон часто ему пеняла, удивлялась вслух тому, как можно хотя бы на мгновение перестать упиваться музыкой, и просила Марианну не-

пременно, непременно спеть ее любимый романс — как раз тот, который Марианна только что допела. Один полковник Брэндон слушал ее без изъявлений восторга, но так внимательно, что это было лучшим комплиментом. И она почувствовала к нему некоторое уважение, выделив его среди прочих слушателей, которые без всякого стеснения выдавали полное отсутствие у них изящного вкуса. Удовольствие, которое доставляла ему музыка, хотя и не могло сравниться с экстазом, подобным ее собственному, было все же много предпочтительнее омерзительной глухоты остальных. К тому же она вполне понимала, что в тридцать пять лет можно утратить былую способность бурно чувствовать и упиваться наслаждениями, которые дарует искусство, а потому была готова извинить дряхлость полковника, как того требует милосердие.

ГЛАВА 8

Миссис Дженнингс осталась состоятельной вдовой с двумя дочерьми, и обе они сделали прекрасные партии, а потому теперь у нее не было иных забот, кроме того как переженить между собой весь прочий свет. Тут уж она не знала устали и, насколько хватало ее сил, не упускала ни единого случая сосватать знакомых ей молодых людей и девиц. С поразительной быстротой она обнаруживала сердечные склонности и уж тут давала себе полную волю вызывать краску на щеках юной барышни и пробуждать в ее душе тщеславие, прохаживаясь по поводу власти, которую эта барышня приобрела над тем-то или тем-то кавалером. Такого рода проницательность помогла ей вскоре после ее приезда в Бартон решительнейшим образом объявить, что полковник Брэндон по уши влюбился в Марианну Дэшвуд. Она сразу заметила, к чему дело идет, еще в первый же вечер их знакомства, когда он с таким вниманием слушал, как она пела. После же того как Мидлтоны, возвращая визит, отобедали в коттедже, уже никаких сомнений остаться не могло: он опять внимательно слушал, как она поет. Да-да, это так, и не спорьте! И какая прекрасная пара будет — он ведь богат, а она красива. Миссис Дженнингс мечтала женить полковника Брэндона с той самой поры, как впервые увидела его на свадьбе своей дочери с сэром Джоном.

А при виде любой недурной собой девицы она тотчас принималась мысленно подыскивать ей хорошего мужа.

Сама же она незамедлительно начала извлекать выгоду из собственных предположений, не скупясь на шуточки по адресу их обоих. В Бартон-парке она посмеивалась над полковником, а в коттедже — над Марианной. Первого ее поддразнивания, вероятно, оставляли совершенно равнодушным ко всему, что касалось его одного, Марианна же вначале их просто не понимала, а когда разобралась, то не знала, улыбнуться ли подобной нелепости или возмутиться бесчувственности подобных насмешек над почтенными годами полковника и унылым одиночеством старого холостяка.

Миссис Дэшвуд, полагая, что человек, на пять лет моложе ее самой, отнюдь не так уж близок к дряхлости, как рисовалось юному воображению ее дочери, попробовала очистить миссис Дженнингс от обвинения в столь бессердечных намерениях.

— Однако, мама, нелепость таких выдумок вы отрицать не станете, пусть, по-вашему, злы они и непреднамеренно. Бесспорно, полковник Брэндон моложе миссис Дженнингс, но мне он в отцы годится, и даже если некогда обладал достаточной пылкостью, чтобы влюбиться, так, несомненно, давным-давно ее утратил. Невообразимо! Если уж годы и старческая слабость не ограждают мужчину от подобных неуместных намеков, то когда же он может считать себя в безопасности от них?

— Старческая слабость! — повторила Элинор. — Неужели ты говоришь это серьезно? Я охотно допускаю, что тебе он кажется много старше, чем маме, но, согласись, его еще не сковал паралич!

— Разве ты не слышала, как он жаловался на ревматизм? И разве это не вернейший признак дряхлости?

— Девочка моя! — со смехом сказала ее мать. — Если так, то ты должна жить под вечным страхом моей скорой кончины. И каким чудом кажется тебе, что я дожила до целых сорока лет!

— Мама, вы ко мне несправедливы! Я прекрасно знаю, что полковник Брэндон еще не в тех годах, когда друзьям надо опасаться его смерти от естественных причин. Он вполне может прожить еще хоть двадцать лет, но тридцать пять — не тот возраст, когда помышляют о браке.

— Пожалуй, — заметила Элинор, — тридцати пяти и семнадцати не стоит помышлять о браке между собой. Но если бы нашлась одинокая женщина лет двадцати семи,

то в свои тридцать пять полковник Брэндон вполне мог бы сделать ей предложение.

— Женщина в двадцать семь лет,— объявила Марианна после недолгого раздумья,— уже должна оставить всякую надежду вновь испытать самой или внушить кому-нибудь нежные чувства, и, если дома ей живется плохо или если у нее нет состояния, она, полагаю, может дать согласие взять на себя обязанности сиделки, ради обеспеченности, которую обретет в замужестве. Вот почему брак с женщиной в годах вполне приемлем. Он заключается ради взаимного удобства, и свет не найдет в нем ничего предосудительного. В моих же глазах подобный брак — вообще не брак. В моих глазах это торговая сделка, в которой каждая сторона находит собственную выгоду.

— Я знаю,— возразила Элинор,— тебя невозможно убедить, что женщина в двадцать семь лет вполне способна питать к тридцатипятилетнему мужчине подлинную любовь и лишь поэтому дать согласие стать спутницей его жизни. Но я отнюдь не согласна с тем, как ты уже приковала полковника Брэндона и его супругу к вечному одру болезни потому лишь, что вчера он мимоходом пожаловался — а день, не забывая, был очень холодный и сырой — на легкое ревматическое покалывание в плече.

— Но он упомянул про фланелевый жилет! — сказала Марианна.— А для меня фланелевые жилеты неотъемлемы от ломоты в костях, ревматизма и прочих старческих немощей.

— Если бы он слег в горячке, ты презирала бы его куда меньше! Ну, признайся, Марианна, ведь воспаленное лицо, потускневшие глаза и частый пульс горячки таят для тебя особую привлекательность, не так ли?

С этими словами Элинор вышла из комнаты, и Марианна тотчас обернулась к матери.

— Мама! — воскликнула она.— Не скрою от вас, что мои мысли все время обращаются к болезням. Я не сомневаюсь, что Эдвард Феррарс тяжело занемог. Мы здесь уже вторую неделю, а он все не едет! Лишь серьезный недуг может объяснить подобное промедление. Что еще задержало бы его в Норленде?

— Ты ждала его так скоро? — сказала миссис Дэшвуд.— Я тут иного мнения. Меня скорее тревожит, что перед нашим отъездом, когда я говорила о том, как он будет гостить у нас в Бартоне, то не замечала в нем ни особой радости, ни готовности принять мое приглашение. А Элинор полагает, что он уже должен был примчаться сюда?

— Я с ней об этом не говорила, но как же иначе?

— Мне кажется, ты ошибаешься. Ведь вчера, когда я упомянула, что в комнате для гостей надо бы заменить каминную решетку, она ответила, что торопиться незачем, так как понадобится эта комната вряд ли очень скоро.

— Как странно! Что это может означать? Впрочем, все их поведение друг с другом необъяснимо. Каким холодным, каким сдержанным было их прощание! Как спокойно они разговаривали накануне, в свой последний вечер вместе! Эдвард простился с Элинор совсем так же, как со мной, — с братской дружественностью, не более. В последнее утро я дважды нарочно оставляла их наедине, и оба раза он тут же, непонятно почему, выходил следом за мной. И Элинор, расставаясь с Норлендом и Эдвардом, плакала гораздо меньше меня. А теперь она все время держит себя в руках. Ни унылости, ни меланхолии! Притом ничуть не избегает общества, не уединяется, не тоскует!

ГЛАВА 9

Эшвуды теперь уже устроились в Бартоне достаточно удобно. Дом, сад и ближние окрестности стали для них привычными, и они обратились к занятиям, которым Норленд был обязан половиной своего очарования, и занятия эти вновь приносили им ту радость, какой они не знали в Норленде после кончины отца. Сэр Джон Мидлтон, первые две недели навещавший их ежедневно и не привыкший у себя дома ни к чему подобному, не умел скрыть своего изумления, всегда заставляя их за каким-нибудь делом.

Но, если не считать обитателей Бартон-парка, их редко кто посещал, так как вопреки настойчивым советам сэра Джона почаще видеться с соседями и постоянным заверениям, что его карета всегда к их услугам, дух независимости в сердце миссис Дэшвуд пересиливал желание видеть своих девочек в обществе, и она решительно отказывалась делать визиты соседям, кроме тех, кого они могли навещать и пешком. А таких было мало, и не все они принимали визиты. Милях в полутора от коттеджа в узкой извилистой Алленемской долине, которая, как упоминалось выше, была продолжением Бартонской, барышни во время одной из

первых своих прогулок оказались вблизи внушительного вида старинного господского дома, который воспламенил их воображение, напомнив им Норленд, и обоим захотелось побывать в нем. Однако, справившись, они узнали, что владелица, пожилая, весьма почтенная дама, к несчастью, слишком слаба здоровьем, чтобы бывать в обществе, никуда не выезжает и никого у себя не принимает.

Окрестности коттеджа изобиловали прелестными уголками для прогулок. А когда распутица мешала любоваться красотами долин, видные почти из всех окон высокие холмы, пусть более суровые, так и манили насладиться чистейшим воздухом на их вершинах. Вот к такому-то холму в одно достопамятное утро и направили свои шаги Марианна с Маргарет, соблазненные солнечными лучами, порой прорывавшимися сквозь тучи. Перед этим два дня дождь лил не переставая, и они истомились от вынужденного заключения в четырех стенах. Мать и старшая сестра, не слишком доверяя затишью, не захотели расстаться с карандашами и книгой, вопреки уверениям Марианны, что скоро совсем прояснится и в небе над их холмами не останется ни единой хмурой тучи, а потому младшие барышни решили пройти вдвоем.

Они весело поднимались по склону, радостно приветствовали каждый открывшийся в вышине клочок голубизны как доказательство своей правоты и с восторгом подставляли лицо порывам юго-западного ветра, жалея, что неразумные опасения помешали их матери и Элинор разделить с ними это восхитительное удовольствие.

— Можно ли вообразить что-нибудь чудеснее? — сказала Марианна. — Маргарет, мы пробудем здесь два часа, не меньше!

Маргарет охотно согласилась, и, звонко смеясь, они продолжали идти навстречу ветру еще минут двадцать, но внезапно тучи у них над головой сомкнулись и струи косога дождя принялись хлестать их по лицу. Захваченные врасплох, они с огорчением вынуждены были повернуть обратно, так как ближе дома укрыться было негде. Однако одно утешение нашлось и тут: капризы погоды смягчали строгость приличий, позволяя пуститься бегом вниз по крутому склону, который вел прямо к самой их калитке.

И они побежали. Марианна было опередила сестру, но вдруг споткнулась и упала, а Маргарет, не в силах остановиться, чтобы помочь ей, благополучно достигла подножья холма.

Но навстречу им поднимался какой-то джентльмен с охотничьим ружьем и двумя пойнтерами. От упавшей Марианны его отделяло лишь несколько шагов, и, положив ружье на траву, он бросился к ней. Она попробовала встать, но удержалась на ногах лишь с большим трудом, так как вывихнула щиколотку. Джентльмен предложил свою помощь, но, заметив, что стыдливость препятствует ей согласиться на требования необходимости, без дальних слов подхватил ее на руки и бережно снес вниз. Маргарет оставила калитку открытой, и он, пройдя через сад, последовал за Маргарет в дом и расстался со своей ношей только в гостиной, где осторожно опустил ее в кресло.

Элинор и миссис Дэшвуд при их появлении растерянно встали, глядя на него с явным удивлением и тайным восхищением, какого не могла не внушить им его наружность, а он принес извинения за свое внезапное вторжение, объяснив причину с такой учтивой простотой и непринужденностью, что его бесспорная красота приобрела новое обаяние благодаря чарующему голосу и изысканной речи. Окажись он старым, безобразным и вульгарным, миссис Дэшвуд испытывала бы к нему за услугу, оказанную ее девочке, точно такую же признательность, но молодость, благородный облик и изящество придали его поступку в ее глазах особый интерес.

Она несколько раз поблагодарила его, а затем с обычной своей мягкой ласковостью пригласила сесть. Но он отказался; одежда его совсем промокла и к тому же выпачкана в глине. Тогда она осведомилась, кому столь обязана. Он ответил, что его фамилия Уиллоби, что он гостит сейчас в Алленеме, а затем попросил оказать ему честь, разрешив завтра побывать у них, чтобы он мог справиться о здоровье мисс Дэшвуд. Честь эту ему оказали с большой охотой, после чего он удалился под проливным дождем, что сделало его еще интереснее.

Благородная красота и редкое изящество их нового знакомого тотчас стали темой всеобщего восхищения: необыкновенная эта привлекательность в сочетании с галантностью придавала особую забавность маленькому приключению Марианны. Сама она, в отличие от матери и сестер, почти его не разглядела. Смущение, которое заставило ее заалеть, когда он подхватил ее в объятия, не позволило ей в гостиной поднять на него глаза. Но и того, что ей удалось заметить, было достаточно, чтобы она присоединилась к общему хору с бурностью, которая всегда сопутст-

вовала ее похвалам. Внешность его и манеры были в точности такими, какими она в воображении наделяла героев любимейших своих романов, а то, как он без лишних церемоний отнес ее домой, говорило о смелости духа и совершенно оправдывало в ее мнении такую вольность. Все связанное с ним было исполнено чрезвычайного интереса. Прекрасная фамилия, и живет он в прелестнейшей из окрестных деревушек, а охотничья куртка, бесспорно, самый бесподобный наряд для мужественного молодого человека. Фантазия ее работала без устали, мысли были одна приятнее другой и она даже не вспоминала о ноющей щиколотке.

Сэр Джон явился к ним еще до истечения утра, едва наступило новое затишье, позволившее ему выйти из дома. Ему тотчас поведали о том, что случилось с Марианной, и с живейшим волнением задали вопрос, не известен ли ему джентльмен по фамилии Уиллоби, который живет в Алленеме.

— Уиллоби! — вскричал сэр Джон. — Как! Неужели он приехал? Превосходная новость, превосходная! Я завтра же побываю в Алленеме и приглашу его отобедать у нас в четверг.

— Так вы знакомы с ним? — сказала миссис Дэшвуд.

— Знаком с ним? Разумеется! Он же приезжает сюда каждый год.

— И что он за человек?

— Лучше не найти, уверяю вас! Очень недурно стреляет, а уж такого отчаянного наездника во всей Англии не сыщется.

— И ничего больше вы о нем сказать не можете! — негодующе воскликнула Марианна. — Но каков он в обществе? В чем его вкусы, склонности, гений?

Сэр Джон был несколько сбит с толку.

— Об этом я, право, ничего не знаю. Но он добрый малый. А пойнтера лучше его черной суки я не видывал. Он взял ее с собой сегодня?

Но Марианна была не более способна описать масть собаки, чем сэр Джон — тонкости души ее хозяина.

— Но кто он такой? — спросила Элинора. — Откуда он? У него в Алленеме есть собственный дом?

Вот подобными сведениями сэр Джон располагал и не замедлил сообщить им, что никакой собственности у мистера Уиллоби в здешних краях нет, а приезжает он погостить у старой владелицы Алленем-Корта, потому что он ее родственник и наследник.

— Да-да,— продолжал сэра Джон,— его очень и очень стоит поймать, мисс Дэшвуд, уж поверьте мне. К тому же у него есть и собственное недурное имение в Сомерсетшире. На вашем месте я не уступил бы его младшей сестрице, как бы там она ни падала на кручах. Нельзя же, чтобы все кавалеры доставались одной мисс Марианне. Если она не поостережется, как бы Брэндон не взревновал!

— Мне кажется,— со снисходительной улыбкой вмешалась миссис Дэшвуд,— мистер Уиллоби может не опасаться, что мои дочери будут пытаться поймать его, как вы выразились. Они воспитаны не в тех правилах. Мужчинам мы ничем не угрожаем, даже самым богатым. Однако я рада заключить из ваших слов, что он благородный молодой человек и знакомство с ним не будет нежелательным.

— Отличнейший малый, каких поискать,— повторил сэра Джон свою рекомендацию.— Помню, в прошлый сочельник у нас был маленький вечер. Так он танцевал с восьмью часов вечера до четырех утра и даже не присел ни разу!

— Неужели! — воскликнула Марианна, и глаза ее заблестели.— И, разумеется, грациозно, с самозабвением?

— Весьма. А в восемь утра уже встал, чтобы отправиться пострелять дичь.

— Как мне это нравится! Таким и должен быть молодой человек. Чем бы он ни занимался, пусть в нем горит жар увлечения, пусть он не знает усталости!

— Э-э-э! Понимаю, понимаю,— объявил сэра Джон.— Теперь вы приметесь ловить в свои сети его, а про беднягу Брэндона и думать забудете!

— Этого выражения,— с горячностью возразила Марианна,— я особенно не терплю. Не выношу вульгарности, которые почему-то принимают за остроумие. А «ловить в сети» и «покорять» — самые из них невыносимые. Какой невзыскательный вкус, какая грубость чувств кроются в них. А если когда-нибудь они и казались оригинальными, то время давно отняло у них и такое оправдание.

Сэра Джон не вполне понял эту отповедь, но расхохотался так, словно выслушал что-то чрезвычайно забавное, а затем ответил:

— Вот-вот! Уж вы-то будете покорять направо и налево. Бедняга Брэндон! Он-то давно влюблен по уши, а его поймать в сети стоит, уж поверьте мне, как там ни падай с круч и ни вывихивай щиколотки!

паситель Марианны, как, блеснув красноречием, но слегка уклонившись от истины, назвала Уиллоби Маргарет, явился в коттедж спозаранку узнать о здоровье мисс Марианны. Миссис Дэшвуд приняла его не просто любезно, но с сердечностью, рожденной и признательностью, и тем, что она услышала о нем от сэра Джона. Этот визит должен был уверить молодого человека, что в семье, с которой свела его судьба, царят благовоспитанность, утонченность, взаимная привязанность и домашняя гармония. В чарах же их самих убеждать его вторично необходимости не было ни малейшей.

У мисс Дэшвуд был очень нежный цвет лица, черты которого отличались правильностью, и прелестная фигура. Но Марианна не уступала сестре в миловидности и даже превосходила ее. Может быть, сложена она была не столь гармонично, но более высокий рост лишь придавал ее осанке известную величавость, а лицо было таким чарующим, что называвшие ее красавицей меньше уклонялись от истины, чем это обычно при светских похвалах.

Прозрачная смуглость кожи не умаляла яркости румянца, все черты обворожали, улыбка пленяла, а темные глаза искрились такой живостью и одушевлением, что невольно восхищали всех, кто встречал их взор. От Уиллоби в первые минуты их блеск был скрыт смущением, которое вызвали воспоминания о его услуге. Но когда оно рассеялось, когда она вновь стала сама собой и успела заметить, что безупречность манер в нем сочетается с открытым и веселым характером, а, главное, когда он признался в страстной любви к музыке и танцам, она одарила его взглядом, полным такого горячего одобрения, что до конца визита он обращал почти все свои слова к ней.

Чтобы вовлечь ее в разговор, достаточно было упомянуть какое-нибудь любимое ее занятие. В подобных случаях промолчать у нее не доставало силы, и говорила она со всем жаром искренности, без тени робости или сдержанности. Как они с Уиллоби не замедлили обнаружить, танцы и музыка доставляли им равное наслаждение, и причина заключалась в общности их склонностей и суждений. Марианне тотчас захотелось узнать его мнение о других подобных же предметах, и она заговорила о книгах, перечисляя любимых авторов и описывая их достоинства столь восторженно, что молодой человек двадцати пяти лет был бы бесчув-

ственным истуканом, если бы тотчас же не превратился в их пылкого поклонника, даже не прочитав ни единой принадлежащей им строчки. Вкусы и тут оказались поразительно схожими. И он и она обожали одни и те же книги, одни и те же страницы в них, а если и обнаруживались какие-нибудь разногласия, все возражения тотчас уступали силе

ее доводов и пламени ее глаз. Он соглашался со всеми ее приговорами, вторил всем ее хвалам, и, задолго до того как его визит подошел к концу, они беседовали со всей свободой давних знакомых.

— Ну, что же, Марианна,— сказала Элинор, едва он откланялся,— мне кажется, за одно короткое утро ты успела очень много! Тебе уже известно, какого мнения мистер Уиллоби придерживается о всех сколько-нибудь важных предметах. Ты знаешь, что он думает о Каупере и Вальтере Скотте, ты убедилась, что достоинства их он ценит так, как они того заслуживают, и получила все возможные заверения, что Поуп восхищает его в должной мере и не более. Но если и дальше предметы для разговора будут обсуждаться с такой поразительной быстротой, долго ли вам удастся поддерживать знакомство? Скоро все интересные темы исчерпаются! Достаточно еще одной встречи, чтобы он изложил свои взгляды на красоту пейзажей и вторые браки, и тебе больше не о чем будет его спрашивать...

— Элинор! — вскричала Марианна.— Честно ли это? Справедливо ли? Неужели мои интересы так убоги? Но я поняла твой намек. Я была слишком непринужденной, слишком откровенной, слишком счастливой! Я погрешила против всех светских правил. Я была искренней и чистосердечной, а не сдержанной, банальной, скучной и лицемерной. Говори я только о погоде и плохих дорогах, открывая рот не чаще двух раз в двадцать минут, мне не пришлось бы выслушать этот упрек.

— Душечка,— поспешила сказать миссис Дэшвуд,— не надо обижаться на Элинор. Она ведь просто пошутила. Разумеется, я строго побранила бы ее, если бы она и правда осуждала радость, которую доставили тебе разговоры с нашим новым знакомым.

И Марианна тут же перестала сердиться.

Уиллоби, со своей стороны, всем поведением показывал, как приятно ему знакомство с ними и как хотел бы он его упрочить. Он бывал у них каждый день. Вначале предлогом служило желание справиться о здоровье Марианны, однако ласковый прием, который он встречал, с каждым разом становился все ласковее, и необходимость в этом предлоге отпала прежде, чем выздоровление Марианны заставило бы отказаться от него. Она не выходила из дома несколько дней, но никогда еще невольное заключение не протекало столь необременительно. Уиллоби обладал недурными талантами, живым воображением, веселостью нрава, умением держаться с дружеской непринужден-

ностью. Он словно создан был завоевать сердце Марианны, ибо ко всему перечисленному добавлялась не только красивая наружность, но и природная пылкость ума, которая пробуждалась и питалась ее собственным примером, ей же представлялась главным его очарованием. Мало-помалу его общество начало доставлять ей упоительную радость. Они беседовали, вместе читали, пели дуэты. Пел и играл он превосходно, а читал с тем чувством и выразительностью, каких, к сожалению, недоставало Эдварду.

Миссис Дэшвуд восторгалась им не менее, чем Марианна. Да и Элинор могла поставить ему в упрек лишь склонность — которая была свойственна и Марианне, а потому особенно ее в нем восхищала — склонность при любом случае высказывать собственные мысли, не считаясь ни с кем и ни с чем. Привычка скоропалительно составлять и объявлять во всеуслышание свое мнение о других людях, приносить в жертву требования вежливости капризам сердца, завладевать всем желанным ему вниманием и высокомерно пренебрегать общепринятыми правилами поведения, обнаруживала легкомысленную беспечность, которую Элинор одобрить не могла, как бы и он сам, и Марианна ее не оправдывали.

Марианна все более убеждалась, что в шестнадцать с половиной лет навеки отчаявшись встретить свой идеал, она несколько поторопилась. Уиллоби воплощал все качества, которые в тот черный час, как и в другие более светлые, представлялись ей в мечтах обязательными для ее будущего избранника. Вел же себя он так, что в серьезности его намерений сомневаться должно было не более, чем в его совершенствах.

И миссис Дэшвуд еще до истечения первой недели уже с надеждой и нетерпением ждала их свадьбы, хотя мысль о предполагаемом богатстве молодого человека в ее ображениях никакой роли не играла, и втайне поздравляла себя с двумя такими зятями, как Эдвард и Уиллоби.

Друзья полковника Брэндона, столь быстро обнаружившие, что он пленился Марианной, забыли о своем открытии как раз тогда, когда Элинор начала по некоторым признакам подмечать, что это наконец действительно произошло. Их внимание и остроумие отвлек его более счастливый соперник, и шуточки, сыпавшиеся на полковника, пока он еще не был покорен, прекратились как раз тогда, когда его чувства начали оправдывать насмешки, какие весьма заслуженно навлекает сердечный жар. Элинор вынуждена была против воли поверить, что он на самом деле питает

к ее сестре склонность, которую миссис Дженнингс приписывала ему для собственного развлечения, и что как бы близость вкусов ни воспламеняла мистера Уиллоби, столь же поразительное несходство их характеров отнюдь не стало помехой для полковника Брэндона. Это ее удручало: на что могли рассчитывать молчаливые тридцать пять лет против полных огня двадцати пяти? Пожелать ему успеха она не могла и потому желала для него равнодушия. Он ей нравился — молчаливая сдержанность придавала ему интерес в ее глазах. Серьезность его не была суровой, сдержанность же казалась следствием каких-то душевных невзгод, а не природной угрюмости нрава. Намеки сэра Джона на прошлые горести и разочарования подтверждали ее заключение, что он несчастен, и внушали ей уважение и сострадание к нему.

Быть может, она уважала и жалела его даже больше из-за пренебрежения Уиллоби и Марианны, которые словно не могли извинить ему, что он не молод и не весел, и, казалось, нарочно искали случая сказать что-нибудь уничижительное по его адресу.

— Брэндон принадлежит к тем людям, — объявил однажды Уиллоби, когда речь зашла о полковнике, — о ком все отзываются хорошо, но чьего общества не ищут, кого все счастливы видеть, но с кем забывают затем обменяться даже двумя-тремя словами.

— Как раз таким он представляется и мне! — воскликнула Марианна.

— Но чем тут гордиться? — заметила Элинора. — Вы оба несправедливы. В Бартон-парке все глубоко его уважают, и я всегда бываю рада случаю побеседовать с ним.

— Ваша к нему снисходительность, — ответил Уиллоби, — бесспорно, свидетельствует в его пользу. Но что до уважения тех, на кого вы сослались, чести ему оно не делает. Кто предпочтет уничижительное одобрение женщин вроде леди Мидлтон и миссис Дженнингс безразличию остального общества?

— Но, быть может, брань людей, подобных вам и Марианне, искупает доброе мнение леди Мидлтон и ее матери? Если их похвалы — хула, то ваша хула не равна ли похвалам? Пусть они неразборчивы, но вы не менее предубеждены и несправедливы.

— Защищая своего протеже, вы даже способны на колкости!

— Мой протеже, как вы его назвали, умный человек, а ум я всегда ценю. Да-да, Марианна, даже в тех, кому уже

за тридцать. Он повидал свет, бывал за границей, много читал и умеет думать. Я убедилась, что могу почерпнуть у него много разных интересных мне сведений, и он всегда отвечал на мои вопросы любезно и с удовольствием.

— Ну, разумеется! — презрительно перебила Марианна. — Он поведал тебе, что в Индии очень жарко и там много москитов.

— Не сомневаюсь, что поведал бы, если бы я его об этом спросила, но это я и так уже знаю.

— Пожалуй, — вставил Уиллоби, — с его наблюдательностью он заметил еще существование набобов, безоаровых козлов и паланкинов.

— Осмелюсь предположить, что его наблюдательность много тоньше, чем ваши шпильки по его адресу. Но почему вы питаете к нему такую неприязнь?

— Вовсе нет! Напротив, я считаю его весьма почтенным человеком, которого всякий готов хвалить, и никто не замечает, у которого столько денег, что он не знает, на что их тратить, и столько досуга, что ему нечем занять время, и еще по два новых костюма каждый год.

— Добавьте к этому, — вскричала Марианна, — что у него нет ни талантов, ни вкуса, ни смелости духа. Что ум его лишен остроты, его чувства — пылкости, а голос — хотя бы малейшего выражения!

— Вы приписываете ему такое множество недостатков, — возразила Элинор, — опираясь главным образом на собственное воображение, что мои похвалы кажутся в сравнении холодными и малозначащими. Я ведь могу только утверждать, что он умный, благовоспитанный, образованный человек с приятными манерами и, мне кажется, добрым сердцем.

— Мисс Дэшвуд! — вскричал Уиллоби. — Вы поступаете со мной жестоко! Вы пытаетесь обезоружить меня доводами рассудка и насильно меня переубедить. Но своей цели вам не достичь! Вашему искусству вести спор я могу противопоставить равное ему упрямство. У меня есть три самые веские причины недолюбливать полковника Брэндона: он пригрозил мне дождем, когда я надеялся на ясную погоду, он выбрал спицы моего кабриолета, и мне не удастся продать ему мою гнедую кобылу. Однако, если вам доставит удовольствие услышать, что во всех остальных отношениях я считаю его репутацию безупречной, то я готов тотчас это признать. А вы за такую уступку, которая для меня не столь уж легка, должны оставить мне право недолюбливать его точно так же, как прежде.

Миссис Дэшвуд и ее дочерям, когда они переехали в Девоншир, даже в голову не приходило, что их уединенной жизни так скоро придет конец и постоянные приглашения, постоянные гости почти не оставят им времени для серьезных занятий. Но произошло именно это. Когда Марианна поправилась, сэр Джон принялся приводить в исполнение задуманный им план развлечений дома и на свежем воздухе. В Бартон-парке один танцевальный вечер сменялся другим, и едва стихал октябрьский дождь, как устраивались катания на лодках. Уиллоби был неизменным участником этих увеселений, и сопутствующая им свобода от стеснительных церемоний как нельзя более способствовала его дальнейшему сближению с Дэшвудами, позволяла ему находить в Марианне все новые совершенства и выражать свое живейшее восхищение, а в ее словах и поступках обнаруживать знаки расположения к себе.

Их взаимная склонность не могла удивить Элинор, хотя она от души желала, чтобы они не показывали ее столь откровенно, и раза два попыталась убедить Марианну, что некоторая сдержанность была бы приличнее. Но Марианна не терпела скрытности, если могла быть повинна лишь в искренности: подавлять чувства, которые не таили в себе ничего непохвального, значило бы не только обрекать себя на лишние усилия, но и постыдно уступить пошлым и ошибочным понятиям. Уиллоби разделял ее мысли, а их поведение всегда было наглядным доказательством тех убеждений, которым они следовали.

В его присутствии она никого другого не видела. Все, что он делал, было правильно. Все, что он говорил, было умно. Если вечер в Бартон-парке завершался картами, он передергивал в ущерб себе и всем остальным, лишь бы она выиграла; если развлечением служили танцы, то половину их он был ее кавалером, а остальное время они умудрялись стоять рядом и разговаривали только между собой. Разумеется, подобное поведение вызывало всеобщий смех, но даже это не принудило их его переменить. Они, казалось, ничего не замечали.

Миссис Дэшвуд так симпатизировала им, что ей и в голову не приходило несколько умерить столь безудержное выражение их чувства. Она видела в этом естественное следствие пылкости юных душ.

Характерный наряд дамы времен Джейн Остен.

Для Марианны настала пора счастья. Сердце ее принадлежало Уиллоби, и его присутствие одарило их новый дом таким очарованием, что нежная привязанность к Норленду, которую она привезла из Сассекса, совсем изгладилась из ее памяти, каким бы невероятным это ни представлялось ей прежде.

Элинор столь безоблачного счастья не испытывала. На сердце у нее было не так легко и беззаботно, а развлечения не приносили ей такой радости. Заменить ей то, что осталось в прошлом, они не могли, как не могли и смягчить грусть разлуки с Норлендом. Ни в леди Миддлтон, ни в миссис Дженнингс она не обрела собеседниц, способных заинтересовать ее, хотя вторая не умолкала ни на минуту и с самого начала одарила Элинор своим расположением, а потому обращалась преимущественно к ней. Элинор выслушала историю ее жизни уже три или четыре раза, и будь она способна запомнить каждое дополнение и изменение, то еще в самом начале их знакомства уже наизусть знала бы все подробности последней болезни мистера Дженнингса, а также слова, с какими он обратился к жене за несколько минут до того, как скончался. Леди Миддлтон была предпочтительнее своей матушки только потому, что подобной словоохотливостью не отличалась. Элинор не потребовалось особой наблюдательности, чтобы убедиться, что такая сдержанность была только следствием вялости натуры, а не свидетельством ума. С мужем и матерью она вела себя точно так же, как с гостями, а потому дружеской близости с ней не приходилось ни искать, ни желать. Нынче она могла лишь повторить то, что говорила вчера. И каждое ее слово наводило скуку, потому что даже настроения у нее не менялись. Хотя она не возражала против вечеров, которые устраивал ее муж — при условии, что правила хорошего тона будут свято соблюдаться, а она оставит при себе двоих старших сыновей, но никакой радости такие вечера ей, казалось, не доставляли, и с не меньшим удовольствием она могла бы проводить это время у себя наверху. К беседе она добавляла так мало, что гости порой вспоминали о ее присутствии, только когда она начинала нежно унимать своих проказливых сынков.

Из всех их новых знакомых Элинор лишь в полковнике Брэндоне нашла человека, не обойденного талантами, способного вызвать дружеский интерес и быть занимательным собеседником. О Уиллоби говорить не приходилось. Он внушал ей восхищение и теплые, даже сестринские чувства, но он был влюблен, все свое внимание отдавал Марианне,

а для остальных от его присутствия толку было меньше, чем от далеко не таких приятных людей. Но полковнику Брэндону, на его беду, не предоставлялось случая посвящать все мысли одной Марианне, и в разговорах с Элинор он находил некоторое утешение от полного безразличия ее сестры.

Сочувствие Элинор к нему возросло еще больше, когда у нее появились причины подозревать, что ему уже довелось испытать все муки несчастной любви. Подозрение это породили случайно оброненные слова, когда на вечере в Бартон-парке они по взаимному согласию предпочли пропустить свой танец. Несколько минут полковник не спускал глаз с Марианны, а потом прервал молчание, сказав с легкой улыбкой:

— Ваша сестра, насколько я понимаю, не одобряет вторые привязанности.

— Да,— ответила Элинор.— Она ведь очень романтическая.

— Вернее, если не ошибаюсь, она просто не верит, что они возможны.

— Пожалуй. Но как ей удастся согласить подобное убеждение с тем, что ее собственный отец был женат дважды, я, право, объяснить не берусь. Впрочем, года через два-три в своих приговорах она, несомненно, будет опираться на здравый смысл и наблюдения. И тогда они станут ясны и оправданны не только для нее самой, но и для других.

— Вероятно, так и произойдет,— сказал полковник.— И все же в предубеждениях юного ума есть особая прелесть, и невольно сожалешь, когда они уступают место мнениям более общепринятым.

— В этом я согласиться с вами не могу,— возразила Элинор.— Чувства, подобные чувствам Марианны, чреватые известной опасностью, и никакие чары искренности и наивной неопытности искупить этого не могут. Всем ее убеждениям присуще злосчастное пренебрежение правилами приличия, и лучшее знакомство со светом, как я ожидаю, принесет ей только пользу.

После короткого молчания полковник вернулся к теме их разговора, спросив:

— В своем осуждении второй привязанности ваша сестра не признает никаких смягчающих обстоятельств? В ее глазах она равно преступна для всех? И те, кто был разочарован в своем первом выборе, из-за непостоянства ли предмета своей привязанности или из-за каприза судьбы, обязаны равно хранить безразличие до конца своих дней?

— Все тонкости ее принципов мне, по чести говоря, неизвестны. Знаю лишь, что ни разу не слышала, чтобы она признала хотя бы один случай второй привязанности извинительным.

— Пребывать в таком убеждении, — заметил он, — долго нельзя. Однако перемена, полная перемена мнений... Нет, нет, не желайте этого! Ведь когда юный ум бывает вынужден поступиться романтическими понятиями, как часто на смену им приходят мнения и слишком распространенные и слишком опасные! Я сужу по опыту. Когда-то я был знаком с барышней, которая и натурой и складом ума очень походила на вашу сестру, и мыслила, и судила о вещах подобно ей, но затем из-за насильственной перемены... из-за злосчастного стечения обстоятельств... — Тут он внезапно оборвал свою речь, по-видимому, решив, что наговорил лишнего. Это-то и пробудило у мисс Дэшвуд подозрения, которые иначе, вероятно, у нее не зародились бы. Элинор скорее всего оставила бы его слова без внимания, если бы не заметила, как он сожалеет, что они сорвались с его губ. И уж тут не требовалось особой проницательности, чтобы усмотреть в его волнении намек на грустные воспоминания о былом. Элинор дальше этого заключения не пошла, хотя Марианна на ее месте не удовольствовалась бы такой малостью. Пылкое воображение тут же нарисовало бы ей всю печальнейшую череду событий повести о трагической любви.

ГЛАВА 12

а следующее утро во время их прогулки Марианна сообщила сестре новость, которая, несмотря на все, что Элинор знала о безоглядной порывистости и опрометчивости Марианны, поразила ее, как совсем уж неожиданное подтверждение того и другого. Сестра с величайшим восторгом поведала ей, что Уиллоби подарил ей лошадь, которую сам вырастил в своем сомерсетширском поместье и которая словно нарочно объезжена под дамское седло! Ни на мгновение не задумавшись о том, что держать лошадей их мать не собиралась и что, если из-за такого подарка она вынуждена будет переменить свое намерение, ей придется купить лошадь для лакея, и нанять лакея, который ездил бы на второй лошади, и, вопреки всем прежним планам, построить

конюшню для этих двух лошадей, Марианна приняла такой подарок без малейших колебаний и рассказала о нем сестре с восхищением.

— Он сейчас же пошлет за ней своего грума в Сомерсетшир,— добавила она.— И тогда мы с ним будем кататься верхом каждый день. Разумеется, она будет и в твоём распоряжении, Элинор. Нет, ты только представь себе, какое наслаждение — скакать галопом по этим холмам!

Она никак не хотела пробудиться от блаженных грез и признать неприятные истины, сопряженные с осуществлением подобной затеи. Первоначально она наотрез отказалась с ними смириться. Еще один слуга? Но расход такой пустячный! И мама, несомненно, ничего против иметь не будет. А для лакея подойдет любая кляча. К тому же и покупать ее необязательно: всегда ведь можно брать для него лошадь в Бартон-парке. А что до конюшни, достаточно будет самого простого сарая. Тогда Элинор осмелилась выразить сомнение, прилично ли ей принимать подобный подарок от человека, с которым она так мало... во всяком случае... так недолго знакома.

— Ты напрасно думаешь, Элинор,— горячо возразила Марианна,— будто я мало знакома с Уиллоби. Да, бесспорно, узнала я его недавно. Но в мире нет никого, кроме тебя и мамы, кого я знала бы так хорошо! Не время и не случай создают близость между людьми, но лишь общность наклонностей. Иным людям и семи лет не хватит, чтобы хоть сколько-нибудь понять друг друга, иным же и семи дней более чем достаточно. Я сочла бы себя виновной в куда худшем нарушении приличий, если бы приняла в подарок лошадь от родного брата, а не от Уиллоби. Джона я почти не знаю, хотя мы жили рядом много лет, суждение же об Уиллоби я составила давным-давно!

Элинор почла за благо оставить эту тему. Она знала характер своей сестры. Возражения в столь деликатном вопросе только утвердили бы ее в собственном мнении. Но обращение к ее дочерней привязанности, перечисление всех забот, которые их снисходительная мать навлечет на себя, если — как вполне вероятно — даст согласие на такое добавление к их домашнему устройству, вскоре заставили Марианну отступить, и она обещала ничего не говорить матери (которая по доброте сердца, наверное, не прислушалась бы к голосу благоразумия) о предложенном подарке и при первом же случае сказать Уиллоби, что она не может его принять.

Слово свое она сдержала и, когда в тот же день Уиллоби пришел с визитом, Элинор услышала, как ее сестра вполголоса сообщила ему, что должна отказаться от его любезного предложения. Затем она объяснила причины такой перемены в своих намерениях, лишив его возможности настаивать и упрашивать. Однако он не скрыл, как разочарован, и, выразив свое огорчение, добавил столь же тихо:

— Но, Марианна, лошадь по-прежнему принадлежит вам, пусть пока вы и не можете на ней ездить. Я оставляю ее у себя только до тех пор, пока вы ее не потребуете. Когда вы покинете Бартон и заживете собственным домом, Королева Мэб будет вас ждать.

Вот что услышала мисс Дэшвуд. И эти слова, и тон, каким они были произнесены, и его обращение к Марианне по имени без обычного «мисс» — все было настолько недвусмысленным и говорило о такой короткости между ними, что она могла дать ей только одно истолкование. И с этой минуты Элинор уже не сомневалась, что они помолвлены. Подобное открытие ее нисколько не удивило, хотя она и недоумевала, почему натуры столь откровенные представили случаю открыть это как ей, так и остальным их друзьям.

На следующий день она услышала от Маргарет новое подтверждение своему заключению. Уиллоби накануне провел у них весь вечер, и Маргарет некоторое время оставалась с ними в гостиной одна, и вот тогда-то она и увидела кое-что, о чем торжественно поведала утром старшей сестре.

— Ах, Элинор! — воскликнула она. — Я тебе расскажу про Марианну такой секрет! Я знаю, она очень скоро выйдет замуж за мистера Уиллоби!

— Ты это говорила, — заметила Элинор, — чуть ли не каждый день с тех пор, как они познакомились на Церковном холме. И, по-моему, они и недели знакомы не были, как ты возвестила, что Марианна носит на шее медальон с его портретом. Правда, портрет оказался миниатюрой нашего двоюродного деда.

— Но теперь совсем другое дело! Конечно, они поженятся очень скоро: ведь у него есть ее локон!

— Поберегись, Маргарет! А вдруг это локон его двоюродного дедушки?

— Да нет, Элинор! Вовсе не дедушки, а Марианны. Ну, как я могу ошибиться? Я же своими глазами видела, как он его отрезал. Вчера вечером, после чая, когда вы с мамой вышли, они начали шептаться, ужасно быстро,

и он как будто ее упрасивал. А потом взял ее ножницы и отстриг длинную прядь — у нее ведь волосы были распущены по плечам. А потом поцеловал прядь, завернул в белый листок и спрятал в бумажник.

Такие подробности, перечисленные с такой уверенностью, не могли не убедить Элинор; к тому же они лишь подтверждали все, что видела и слышала она сама.

Но в других случаях проницательность Маргарет досаждала старшей сестре куда больше. Когда миссис Дженнингс как-то вечером в Бартон-парке принялась требовать, чтобы она назвала молодого человека, который пользуется особым расположением Элино́р — миссис Дженнингс уже давно умирала от желания выведать это, — Маргарет поглядела на сестру и ответила:

— Я ведь не должна его называть, правда, Элино́р?

Разумеется, раздался общий смех, и Элино́р постаралась к нему присоединиться. Но удалось ей это с трудом. Она не сомневалась, кого имеет в виду Маргарет, и чувствовала, что не вынесет, если его имя послужит пищей для назойливых шуточек миссис Дженнингс.

Марианна сострадала ей всем сердцем, но только ухудшила положение, когда, вся красная, сказала Маргарет сердито:

— Не забудь, что всякие догадки высказывать вслух непозволительно!

— Да какие же догадки! — ответила Маргарет. — Ты ведь мне сама сказала!

Общество совсем развеселилось, и Маргарет подверглась настойчивому допросу.

— Ах, мисс Маргарет! Ну, расскажите же нам все! — не отступала миссис Дженнингс. — Назовите имя этого счастливого!

— Я не должна, сударыня. Но я очень хорошо знаю его имя. И знаю, где он живет.

— Да-да! Где он живет, мы догадываемся. В собственном доме в Норленде, конечно. Я полагаю, он младший приходский священник.

— Вот уж нет! Он еще ничем не занимается.

— Маргарет! — горячо вмешалась Марианна. — Вспомни же, что это все твои выдумки и такого человека вообще не существует.

— Ну, так, значит, он безвременно скончался, Марианна! Я же знаю, что прежде он существовал, и фамилия его начинается на «эф».

В эту минуту леди Мидлтон громко высказала мнение, что «погода стоит очень дождливая», и Элино́р испытала к ней глубокую благодарность, хотя прекрасно понимала, что ее милость вмешалась не ради нее, но потому лишь, что терпеть не могла несветские поддразнивания, которыми так обожали развлекаться ее супруг и матушка. Однако полковник Брэндон, всегда деликатный с чувствами других людей, не замедлил вступить в обсуждение погоды.

Затем Уиллоби открыл крышку фортепьяно и попросил Марианну сыграть. Эти старания разных людей переменить разговор увенчались успехом, и неприятная тема была оставлена. Однако Элинор не так легко оправилась от тревоги, которую она в ней пробудила.

В тот же вечер общество уговорилось на следующий день отправиться осмотреть великолепное имение в двенадцати милях от Бартона, принадлежащее родственнику полковника Брэндона, и полковник должен был открыть им доступ туда, ибо владелец находился за границей и отдал строжайшее распоряжение не допускать в дом посторонних. Тамошние сады славились красотой, и сэр Джон, рассыпавшийся в похвалах им, мог считаться надежным судьей, ибо он уже десять лет как возил своих гостей осматривать их по меньшей мере дважды в одно лето. В парке было обширное озеро, утро можно будет занять прогулкой на лодках. Они возьмут холодную провизию, отправятся в открытых экипажах, и все будет сделано, чтобы пикник удался на славу.

Кое-кто из присутствующих счел этот план несколько смелым для такого времени года, тем более что последние две недели не выпало даже дня без дождя, и Элинор уговорила миссис Дэшвуд, которая уже немного простудилась, остаться дома.

ГЛАВА 13

Их предполагаемая поездка в Уайтвелл обманула все ожидания Элинор. Она приготовилась вымокнуть, утомиться, пережить бесчисленные страхи, но дело обернулось даже еще хуже: они вообще никуда не поехали.

К десяти часам компания собралась в Бартон-парке, где им предстояло позавтракать. До рассвета шел дождь, но утро сулило некоторую надежду, потому что тучи рассеивались и довольно часто из них выглядывало солнце. Все пребывали в веселом расположении духа и были полны решимости вопреки тяготам и неприятным неожиданностям сохранять бодрость.

Они еще сидели за столом, когда принесли почту. Среди писем одно было адресовано полковнику Брэндону. Он взял конверт, взглянул на надпись на нем, переменялся в лице и тотчас вышел из столовой.

— Что с Брэндоном? — спросил сэр Джон.

Ответить никто ничего не мог.

— Надеюсь, он не получил дурных известий, — сказала леди Мидлтон. — Если полковник Брэндон встал из-за стола, даже не извинившись передо мной, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

Минут через пять полковник вернулся.

— Надеюсь, вы не получили дурных вестей, полковник? — тотчас осведомилась миссис Дженнингс.

— Отнюдь нет, сударыня. Благодарю вас.

— Вам пишут из Авиньона? Надеюсь, вашей сестрице не стало хуже?

— Нет, сударыня. Оно из Лондона. Обычное деловое письмо.

— Так почему же оно вас взволновало, если оно деловое и обычное? Ни-ни, полковник, вы нас не обманете! Придется вам во всем признаться.

— Право, сударыня! — вмешалась леди Мидлтон. — Подумайте, что вы такое говорите!

— Или вас извещают, что ваша кузина Фанни сочеталась браком? — продолжала миссис Дженнингс, пропуская упрек дочери мимо ушей.

— Нет, ничего подобного.

— Ну, так мне известно от кого оно, полковник. И надеюсь, она в добром здравии.

— О ком вы говорите, сударыня? — сказал он, слегка краснея.

— А! Вы прекрасно знаете о ком.

— Я крайне сожалею, сударыня, — сказал полковник, обращаясь к леди Мидлтон, — что получил это письмо именно сегодня, так как оно связано с делом, которое требует моего немедленного присутствия в Лондоне.

— В Лондоне! — воскликнула миссис Дженнингс. — Но что вам делать там в такую пору?

— Мне чрезвычайно грустно отказываться от столь приятной поездки, — продолжал он. — Тем более что, боюсь, без меня вас в Уайтвелл не впустят.

Какой удар для них всех!

— Но если бы вы написали записку экономке, мистер Брэндон? — огорченно спросила Марианна. — Неужели этого будет недостаточно?

Он покачал головой.

— Но как же так, вдруг не поехать, когда все готово? — воскликнул сэр Джон. — Вы отправитесь в Лондон завтра, Брэндон, и не спорьте!

— Будь это возможно! Но не в моей власти задержать-ся даже на день.

— Если бы вы, по крайней мере, объяснили нам, что это за дело,— заявила миссис Дженнингс,— мы могли бы решить, можно его отложить или никак нельзя.

— Но вы задержитесь только на шесть часов,— заметил Уиллоби,— если отложите отъезд до нашего возвращения.

— Я не могу позволить себе потерять хотя бы час...

Элинор услышала, как Уиллоби сказал Марианне вполголоса:

— Есть люди, которые не терпят пикников, и Брэндон принадлежит к ним. Попросту он испугался схватить простуду и придумал эту историю, чтобы не ездить. Готов поставить пятьдесят гиней, что письмо он написал сам.

— Нисколько в этом не сомневаюсь,— ответила Марианна.

— Ну, мне давно известно, Брэндон,— сказал сэр Джон,— что вас, если уж вы приняли решение, не переубедить! Однако подумайте! Мисс Кэри с сестрицей приехала из Ньютона, три мисс Дэшвуд прошли пешком всю дорогу от коттеджа, а мистер Уиллоби встал на два часа раньше обычного — и все ради пикника в Уайтвелле.

Полковник Брэндон вновь выразил глубокое сожаление, что стал причиной столь неприятного разочарования, но много выбора у него, к несчастью, нет.

— Ну, а когда же вы вернетесь?

— Надеюсь, как только ваши дела в Лондоне будут окончены, мы снова увидим вас в Бартоне,— добавила ее милость.— И поездку в Уайтвелл отложим до вашего возвращения.

— Вы очень любезны. Но пока совершенно неизвестно, когда я сумею вернуться, и я не смею что-либо обещать.

— А! Он должен вернуться и вернется! — вскричал сэр Джон.— Я подожду неделю, а потом сам за ним отправлюсь!

— Непременно, сэр Джон, непременно! — подхватила миссис Дженнингс.— И может быть, вы тогда узнаете, что он от нас утаивает.

— Ну, я не охотник совать нос в чужие дела. И кажется, это что-то такое, в чем ему неловко открыться.

Лакей доложил, что лошади полковника Брэндона поданы.

— Вы ведь не верхом отправитесь в Лондон? — осведомился сэр Джон, оставляя прежнюю тему.

— Нет. Только до Хонитона. А оттуда на почтовых.

— Ну, раз уж вы положили уехать, желаю вам счастливого пути. А может, все-таки передумаете, а?

— Уверяю вас, это не в моей власти.

И полковник начал прощаться.

— Есть ли надежда, мисс Дэшвуд, увидеть зимой вас и ваших сестер в столице?

— Боюсь, что ни малейшей.

— В таком случае я вынужден проститься с вами на больший срок, чем мне хотелось бы.

Марианне он лишь молча поклонился.

— Ах, полковник! — сказала миссис Дженнингс. — Уж теперь-то вы можете сказать, зачем вы уезжаете!

В ответ он пожелал ей доброго утра и в сопровождении сэра Джона вышел из комнаты.

Теперь, когда вежливость уже не замыкала уста, сожаления и негодующие возгласы посыпались со всех сторон. Все вновь и вновь соглашались в том, как досадно, как непереносимо подобное разочарование.

— А я догадываюсь, какое это дело! — вдруг торжествующе объявила миссис Дженнингс.

— Какое же, сударыня? — хором спросили все.

— Что-нибудь с мисс Уильямс, ручаюсь вам.

— Но кто такая мисс Уильямс? — спросила Марианна.

— Как! Вы не знаете? Нет-нет, что-то о мисс Уильямс вы, конечно, слышали! Она родственница полковника, душенька. И близкая. Такая близкая, что юным барышням и знать не следует. — Чуть понизив голос, она тут же общила Элинора: — Это его незаконная дочь!

— Неужели!

— Да-да. И суший его портрет. Помяните мое слово, полковник завещает ей все свое состояние.

Вернувшийся в столовую сэр Джон немедленно присоединился к общим сетованиям, но в заключение сказал, что раз уж они собрались, то им следует придумать, как провести время наиболее приятным образом. После недолгого совещания, все согласилось, что, хотя счастье они могли обрести лишь в Уайтвелле, тем не менее прогулка в экипажах по окрестностям может послужить некоторым утешением. Приказали подать экипажи. Первым подъехал кабриолет Уиллоби, и никогда еще Марианна не сияла таким счастьем, как в ту минуту, когда впорхнула на сиденье. Уиллоби хлестнул лошадей, они скрылись среди деревьев парка, и общество снова увидело их, только когда они возвратились в Бартон-парк, причем много позднее остальных. Оба были в самом радостном расположении духа, однако

объяснили лишь несколько неопределенно, что кружили по проселкам, а не отправились в холмы, как прочие.

Затем уговорились вечером потанцевать, а день провести как можно веселее. К обеду подъехали другие члены семейства Кэри, и сэр Джон с большим удовольствием заметил, что за стол село без малого двадцать человек. Уиллоби занял свое обычное место между двумя старшими мисс Дэшвуд, миссис Дженнингс села справа от Элинон, и еще не подали первого блюда, как она, наклонившись к Марианне за спиной Элинон и Уиллоби, сказала достаточно громко, чтобы услышали и они:

— А я все узнала, несмотря на ваши хитрости! Мне известно, где вы провели утро.

Марианна порозовела и быстро спросила:

— Так где же?

— А разве вы не знали,— вмешался Уиллоби,— что мы катались в моем кабриолете?

— Как не знать, шалопай вы эдакий! Вот потому-то я и потрудились справиться, где вы катались... Надеюсь, мисс Марианна, ваш дом вам нравится. Он очень обширен, как мне хорошо известно, но я полагаю, к моему первому визиту вы его обставите заново. Когда в последний раз я была там шесть лет назад, он очень в этом нуждался.

Марианна отвернулась в большом смущении. Миссис Дженнингс принялась смеяться, и Элинор пришлось выслушать, как она, в решимости докопаться до истины, не более и не менее как подослала свою горничную к груму мистера Уиллоби и таким образом установила, что они ездили в Алленем и провели там долгое время, гуляя по саду и осматривая дом.

Элинор ушам своим не верила. Она не могла даже вообразить, чтобы Уиллоби пригласил Марианну, а она согласилась войти в дом миссис Смит, с которой была совершенно незнакома.

Едва они покинули столовую, как Элинор спросила об этом Марианну, и, к величайшему ее изумлению, оказалось, что миссис Дженнингс нигде не погрешила против истины. Марианна даже рассердилась на нее за подобные сомнения.

— Почему ты думаешь, Элинор, что мы не могли поехать туда и осмотреть дом? Ведь ты же сама не раз выражала такое желание!

— Да, Марианна. Но я не переступила бы его порога без ведома миссис Смит и в обществе одного лишь мистера Уиллоби.

— Но мистер Уиллоби — единственный человек, имеющий право показывать этот дом, а раз мы ехали в кабриолете, никого третьего с нами быть не могло. Такого приятного утра я еще никогда не проводила!

— Боюсь,— сказала Элинор,— приятность еще не залог приличия.

— Напротив, Элинор, более верного залога и найти нельзя. Преступи я истинные требования приличия, то все время чувствовала бы это: ведь, поступая дурно, мы всегда это сознаем, и в таком случае вся приятность была бы для меня испорчена.

— Но, милая Марианна, теперь, когда тебе пришлось выслушать нестерпимо бесцеремонные намеки, неужели ты не убедилась в неосмотрительности своего поведения?

— Если считать бесцеремонные намеки миссис Дженнингс доказательством нарушения приличий, все мы только и делаем, что нарушаем их каждый миг нашей жизни. Ее осуждение трогает меня не более ее похвал. Я не вижу ничего дурного в том, что гуляла в саду миссис Смит и осмотрела ее дом. Со временем они будут принадлежать мистеру Уиллоби и...

— Даже если бы со временем им предстояло принадлежать тебе, Марианна, твоему поступку оправдания нет.

При последних словах Марианна покраснела, но тем не менее нетрудно было заметить, что это был скорее румянец удовольствия. Поразмыслив минут десять, она подошла к сестре и с большим оживлением сказала:

— Пожалуй, Элинор, мне, действительно, не следовало ездить в Алленем, но мистер Уиллоби непременно хотел показать мне усадьбу. И дом прекрасен, поверь мне. На втором этаже есть очаровательная гостиная, как раз такой величины, какая особенно удобна для постоянного пользования. И будь она хорошо обставлена, ничего прелестнее и представить себе было бы невозможно. Угловая комната, окна выходят на две стороны. За одними лужайка для игры в шары простирается до роши на крутом склоне, за другими виднеются церковь, деревня и высокие холмы вдаль — те самые, которые столько раз возбуждали наше восхищение. Правда, вид ее меня огорчил: более убогой мебели вообразить нельзя, но если ее отделать заново... Уиллоби говорит, что двухсот фунтов будет достаточно, чтобы превратить ее в одну из самых очаровательных летних гостиных в Англии.

Если бы им не мешали другие, Элинор пришлось бы выслушать столь же восторженное описание всех парадных комнат в Алленеме.

ГЛАВА 14

незапный отъезд полковника Брэндона и его упорное желание скрыть причину, занимали миссис Дженнингс еще два-три дня, и она продолжала строить всевозможные предположения, на что была большая мастерица, как все те, кого живо интересуется, что, зачем и почему делают их знакомые. Она без конца прикидывала, какое этому может быть объяснение, не сомневалась, что известие он получил дурное,

и перебирала всевозможные беды, которые только могли его постигнуть, в твердой решимости не оставить ему никакого избавления хотя бы от двух-трех.

— Разумеется, случилось что-то очень печальное,— рассуждала она.— Я по его лицу прочитала. Бедняжка! Боюсь, он находится в весьма стесненном положении. Поместье в Делафорде, говорят, никогда не приносило дохода более двух тысяч, а его брат оставил дела в очень расстроенном состоянии. Право же, за ним послали по поводу денежных затруднений. Как же иначе? Но так ли это? Я бы все на свете отдала, лишь бы узнать правду. Или все-таки мисс Уильямс? Да, пожалуй, недаром он так смутился, когда я о ней осведомилась. Не лежит ли она в Лондоне больная? Скорее всего так, ведь, как я слышала, она никогда не была крепкого здоровья. Бьюсь об заклад, с мисс Уильямс что-то неладно. Навряд ли у него могли сейчас случиться денежные неприятности, потому что он хороший хозяин и, наверное, уже освободил поместье от долгов. Нет, все-таки что же это может быть? Или его сестре в Авиньоне стало хуже и она послала за ним? Потому-то он так и торопился! Ну, да я от души желаю ему благополучного конца всем его тревогам и хорошую жеману в придачу.

Так размышляла, так рассуждала миссис Дженнингс, меняя заключения с каждым новым предположением, которые все представлялись ей одно другого правдоподобнее. Элинор, хотя она искренне принимала к сердцу благополучие полковника Брэндона, не ломала голову над его поспешным отъездом, как того хотелось бы миссис Дженнингс. Не только она полагала, что это обстоятельство не заслуживало ни столь длительного удивления, ни столь многочисленных догадок, но мысли ее поглощала совсем иная непонятная тайна. Она дивилась необъяснимому молчанию, которое ее сестра и Уиллоби хранили о том, что имело особую важность для остального общества, как им было хорошо известно. И с каждым днем молчание это становилось все более непостижимым и не совместимым с натурой обоих. Элинор не могла понять, почему они открыто не объявят миссис Дэшвуд и ей то, что, судя по их поведению друг с другом, несомненно, уже произошло.

Она вполне допускала, что со свадьбой придется повременить, так как полагать Уиллоби богатым, хотя он себе ни в чем не отказывал, особых причин не было. Его поместье, по расчетам сэра Джона, приносило в год фунтов семьсот—восемьсот, но жил он на более широкую ногу,

Поместье и парк в Чотэне. Рисунок гуашью.

чем позволял подобный доход, и часто жаловался на безденежье. Но странному покрову тайны, который они набрасывали на свою помолвку, хотя покров этот ничего не прятал, Элинор объяснения не находила. Подобная скрытность столь не гармонировала с их взглядом на вещи и обычным поведением, что порой ей в душу закрадывались сомнения, а дали ли они друг другу слово, и они мешали ей спросить Марианну прямо.

Поведение Уиллоби казалось лучшим свидетельством его к ним всем отношения. Марианну он окружал той нежностью, на какую только способно влюбленное сердце, а с ее матерью и сестрами держался, как почтительный сын и ласковый брат. Казалось, коттедж стал для него вторым домом, и он проводил у них гораздо больше часов, чем в Алленеме. И если только их всех не приглашали в Бартон-парк, его утренняя прогулка почти неизменно завершалась там, где весь остальной день он проводил с Марианной, а его любимая собака лежала у ее ног.

Как-то вечером, неделю спустя после отъезда полковника Брэндона, он, казалось, дал особую волю привязанности ко всему, что его окружало у них. Миссис Дэшвуд заговорила о своем намерении заняться весной перестройкой коттеджа, и он принялся с жаром возражать против каких-либо изменений дома, который его пристрастным глазам являл вид совершенства.

— Как! — восклицал он. — Перестроить милый коттедж! Нет. На это я своего согласия не дам. Если здесь хоть немного считаются с моими чувствами, к его стенам не добавится ни единого камня, а к его высоте — ни единого дюйма.

— Успокойтесь, — сказала мисс Дэшвуд. — Ничего подобного не произойдет. У мамы никогда не наберется денег на такую перестройку.

— От всего сердца рад этому! — вскричал он. — Да будет она всегда бедна, если для ее денег не найдется лучшего применения.

— Благодарю вас, Уиллоби. Но можете быть уверены, что никакие улучшения не соблазнят меня принести в жертву нежность, которую вы или другие, кого я люблю, могут питать к этим стенам. Поверьте, какая бы свободная сумма ни оказалась в моем распоряжении после весеннего сведения счетов, я лучше оставлю ее без употребления, чем потрачу на то, что причинит вам такие страдания! Но неужели этот домик вам серьезно так нравится, что вы не видите в нем никаких недостатков?

— О да! — ответил он. — В моих глазах он само совершенство. Более того, на мой взгляд, счастье возможно лишь в таком домике, и будь я достаточно богат, так немедля снес бы Комбе-Магна и построил его заново точно по плану вашего коттеджа.

— Вместе с темной узкой лестницей и дымящей плитой на кухне, я полагаю? — заметила Элинора.

— Непременно! — вскричал он с тем же жаром. — И с ними, и со всем, что в нем есть. Так, чтобы и по удобствам, и по неудобствам он ни на йоту не отличался от этого. Только тогда, только точно под таким же кровом я смогу быть счастлив в Комбе, как я был счастлив в Бартоне.

— Позволю себе предположить, — сказала Элинор, — что вопреки более просторным комнатам и более широкой лестнице вы все же обнаружите, что ваш собственный дом не уступает в совершенстве этому.

— Бесспорно, есть нечто, что может сделать его неизмеримо дороже для меня, — ответил Уиллоби, — но право вашего коттеджа на мою привязанность навсегда останется особым и несравненным.

Миссис Дэшвуд с радостью поглядела на Марианну, чьи прекрасные глаза были устремлены на Уиллоби с выражением, не оставлявшим ни малейшего сомнения, как хорошо она его понимает.

— Сколько раз, — продолжал он, — год тому назад, гостя в Алленеме, желал я, чтобы Бартонский Коттедж перестал пустовать! Проходя или проезжая мимо, я всегда любовался его живописным местоположением и огорчался, что в нем никто не живет. Мне и в голову не приходило, что, не успею я приехать в следующем году, как тут же услышу от миссис Смит, что Бартонский Коттедж сдан. Эта новость пробудила во мне такой интерес и такую радость, что их можно признать только предчувствием счастья, какое меня ждало. Не правда ли, Марианна? — добавил он, понижая голос, а затем продолжал прежним тоном: — И вот этот-то дом вы замыслили испортить, миссис Дэшвуд! Лишить его простоты ради воображаемых улучшений? Эту милую гостиную, где началось наше знакомство и где с тех пор мы провели столько счастливых часов, вы низведете до передней, и все будут равнодушно проходить через комнату, которая до сих пор была прелестней, уютней и удобней любых самых величественных апартаментов, какие только есть в мире!

Миссис Дэшвуд вновь завершила его, что о подобной перестройке больше и речи не будет.

— Вы так добросердечны! — ответил он с пылкостью. — Ваше обещание меня успокоило. Но добавьте к нему еще одно и сделайте меня счастливым. Заверьте меня, что не только ваш дом останется прежним, но и вы, и ваше семейство никогда ко мне не переменитесь и всегда будете относиться ко мне с той добротой, которая делает для меня столь дорогим все с вами связанное.

Обещание было охотно дано, и до конца вечера Уиллоби вел себя так, что нельзя было сомневаться ни в его чувствах, ни в счастье, им владевшем.

— Вы у нас завтра обедаете? — спросила миссис Дэшвуд, когда он начал прощаться.— Утром я вас не зову, так как мы должны сделать визит леди Мидлтон.

Уиллоби обещал быть у них в четыре часа.

ГЛАВА 15

а следующий день миссис Дэшвуд отправилась к леди Мидлтон с двумя дочерьми: Марианна предпочла остаться дома под каким-то не слишком убедительным предлогом, и ее мать, не сомневаясь, что накануне Уиллоби обещал прийти, пока их не будет, настаивать не стала.

Вернувшись из Бартон-парка, они увидели перед коттеджем кабриолет Уиллоби и его слугу, и миссис Дэшвуд убедилась в верности своей догадки. Именно это она и предвидела. Но в доме ее ожидало нечто, о чем никакое предвидение ее не предупредило. Едва они вошли в коридор, как из гостиной в сильном волнении выбежала Марианна, прижимая платок к глазам. Она поднялась по лестнице, не заметив их. Полные недоумения и тревоги, они направились в комнату, которую она только что покинула, и увидели там только Уиллоби, который спиной к ним прислонился к каминной полке. На их шаги он обернулся. Его лицо отражало те же чувства, которые возобладали над Марианной.

— Что с ней? — воскликнула миссис Дэшвуд.— Она заболела?

— О, надеюсь, что нет,— ответил он, стараясь придать себе веселый вид. И с вымученной улыбкой добавил: — Заболеть должен я, так как меня сразило неожиданное несчастье.

— Несчастье?

— Да. Я вынужден отказаться от вашего приглашения. Нынче утром миссис Смит прибегла к власти, какую богатство имеет над бедными, зависимыми родственниками, и дала мне неотложное поручение в Лондон. Я был отправлен в дорогу только что, простился с Алленемом и, для утешения, захотел проститься с вами.

— В Лондон! И нынче утром?

— Теперь же.

— Как жаль! Но миссис Смит, разумеется, вы отказать не можете. И, надеюсь, ее поручение разлучит нас с вами ненадолго.

Отвечая, он покраснел.

— Вы очень добры. Но вернуться в Девоншир немедленно мне не удастся. У миссис Смит я гощу не чаще раза в год.

— И кроме миссис Смит, у вас тут друзей нет? И кроме Алленема, вас нигде в здешних краях не примут? Стыдитесь, Уиллоби! Неужели вам нужно особое приглашение?

Он еще больше залился краской, потупился и сказал только:

— Вы очень добры...

Миссис Дэшвуд с недоумением поглядела на Элинора, которая была удивлена не менее. Несколько секунд царил молчание. Его прервала миссис Дэшвуд.

— Могу лишь добавить, милый Уиллоби, что в Бартонском Коттедже вам всегда будут рады. Я не жду, что вы вернетесь сразу же, так как лишь вы один можете судить, как взглянула бы на это миссис Смит. Вашему суждению в этом я так же доверяю, как не сомневаюсь в том, чего хотели бы вы сами.

— Мои обязательства,— сбивчиво ответил Уиллоби,— таковы, что... что... боюсь... мне нельзя тешить себя надеждой...

Он умолк. От изумления миссис Дэшвуд не могла произнести ни слова, и наступило новое молчание. На этот раз первым заговорил Уиллоби.

— Мешкать всегда неразумно,— произнес он с легкой улыбкой.— Я не стану долее терзать себя, медля среди друзей, чьим обществом мне уже не дано наслаждаться.

Затем он торопливо простился с ними и вышел из гостиной. Они увидели, как он вскочил в кабриолет и минуту спустя скрылся за поворотом.

Миссис Дэшвуд не могла говорить и сразу же ушла к себе, чтобы в одиночестве предаться волнению и тревоге, которые вызвал этот неожиданный отъезд.

Элинора была встревожена несколько не меньше, если не больше. Она перебирала в памяти их разговор с недоумением и беспокойством. Поведение Уиллоби, когда он прощался с ними, его смущение, притворная шутливость и, главное, то, что приглашение ее матери он выслушал без малейшей радости, с неохотностью, противоестественной во влюбленном, неестественной в нем — все это вызвало у нее глубокие опасения. То она начинала бояться, что у него никогда не было серьезных намерений, то приходила к мысли, что между ним и ее сестрой произошла бурная ссора. Тогда становилось понятно, почему Марианна выбежала из гостиной в подобном расстройстве, но, с другой стороны, любовь Марианны к нему была такова, что ссора между ними, даже пустяковая, представлялась вовсе невероятной.

Но каковы бы ни были обстоятельства их разлуки, горе ее сестры сомнений не оставляло, и Элинора с нежным состраданием представила себе неистовую печаль, которой

Марианна предается, не только не ища в ней облегчения, но, наоборот, видя свой долг в том, чтобы всячески растравлять ее и усугублять.

Через полчаса миссис Дэшвуд вернулась с покрасневшими глазами, но без печати уныния на лице.

— Наш милый Уиллоби уже отъехал от Бартона на несколько миль, Элинор,— сказала она, садясь за рукоделие.— И как тяжело у него должно быть на сердце!

— Все это так странно! Столь внезапный отъезд! Слово решенный тут же. Вчера вечером он был такой счастливый, такой веселый, такой милый со всеми нами! А сегодня, едва предупредив... Уехал без намерения вернуться! Нет, бесспорно, произошло что-то, о чем он нам не сказал. Он был совсем на себя не похож — и в том, как говорил, и в том, как держался. Вы, конечно, тоже это заметили! Так в чем же дело? Или они поссорились? Почему бы иначе ему уклоняться от вашего приглашения?..

— Во всяком случае, не из-за отсутствия желания его принять. Это я заметила! Просто он не мог. Я все обдумала, и, поверь, способна объяснить то, что вначале показалось мне не менее странным, чем тебе.

— Неужели?

— Я всему нашла объяснения, которые мне кажутся вполне убедительными. Но ты, Элинор, ты всегда готова сомневаться в чем угодно, и тебя они, конечно, не убедят, я это предвижу. Но меня переменить мнение ты не заставишь. Я не сомневаюсь, что миссис Смит подозревает о его чувствах к Марианне, не одобряет его знакомство с нами, и он пока не решается признаться ей в помолвке с Марианной, но вынужден из-за своего зависимого положения уступить ее замыслам и покинуть Девоншир на некоторое время. Ты, конечно, ответишь, что, может быть, это и так, но может быть, и нет. Только я не стану слушать никаких придилок, пока ты не найдешь, как истолковать все это столь же убедительно. Так что же ты скажешь, Элинор?

— Ничего. Ведь вы предвосхитили мой ответ.

— Значит, по-твоему, это может быть и так и не так? Ах, Элинор, твои чувства просто непостижимы! Ты всегда склонна верить в дурное больше, чем в хорошее. Ты предпочтешь сделать Марианну несчастной, а бедняжку Уиллоби виноватым, вместо того чтобы оправдать его! Ты во что бы то ни стало ищешь в нем злокозненности потому лишь, что он простился с нами без обычной своей сердечности? И никакого снисхождения к рассеянию и унылости после подобного удара? Неужели же правдоподобнейшее объяс-

нение следует заранее отвергать оттого лишь, что ему можно найти опровержение? Разве человек, которого у нас всех есть столько оснований любить и ни малейшего — подозревать в неблагородстве, не должен в наших глазах стоять выше обидных сомнений? И сразу же надобно забывать, что могут существовать безукоризненные причины, которые, однако, некоторое время должно сохранять в тайне? В конце концов, в чем, собственно, ты его подозреваешь?

— Ответить на это мне трудно. Однако столь внезапная перемена в человеке невольно наводит на неприятные подозрения. Но совершенная правда и то, что для него, как вы настаиваете, можно сделать исключение, а я стараюсь судить обо всех справедливо. Бесспорно, у Уиллоби могут найтись достаточно веские причины поступить так, но ведь для него естественнее было бы сразу их объявить? Иногда возникает необходимость сохранять что-нибудь в секрете, но в нем подобная сдержанность меня удивляет.

— Тем не менее не ставь ему в вину насилие над собственной природой, если этого потребовала необходимость. Но ты правда признала справедливость того, что я говорила в его защиту? Я очень рада, а он оправдан!

— Не совсем. Можно предположить, что их помолвку (если они помолвлены!) следует скрывать от миссис Смит, и в таком случае Уиллоби благоразумнее всего некоторое время не возвращаться в Девоншир. Но это не причина держать в неведении нас!

— Держать в неведении нас? Душечка, ты упрекаешь Уиллоби и Марианну в скрытности? Вот уж поистине странно! Ведь каждый день твои глаза укоряли их за неосторожность!

— Мне нужно доказательство не их взаимного чувства, — сказала Элинора, — но того, что они помолвлены.

— Я ничуть не сомневаюсь ни в том, ни в другом.

— Но ведь ни она, ни он ни словом вам об этом не обмолвились!

— Зачем мне слова, когда поступки говорят куда яснее их? По-моему, его поведение с Марианной и со всеми нами, во всяком случае последние полмесяца, неопровержимо доказывало, что он любит ее и видит в ней свою будущую жену, а к нам питает приязнь близкого родственника, не так ли? Разве мы не понимали друг друга вполне? Разве его взоры, его манера держаться, его почтительное и заботливое внимание не испрашивали моего согласия ежедневно и ежечасно? Элинора, дитя мое, как можно сомне-

«Охота на уток».
Рисунок Дж. Морланда, 1790 г.

ваться в том, что они помолвлены? Откуда у тебя подобные подозрения? Разве мыслимо, чтобы Уиллоби, несомненно зная о любви твоей сестры к нему, простился бы с ней, вероятно, на долгие месяцы и не признался ей во взаимности? Чтобы они расстались, не обменявшись клятвами?

— Признаюсь,— ответила Элинор,— что все обстоятельства свидетельствуют о их помолвке, кроме одного. Но это обстоятельство — их молчание, и для меня оно почти перевешивает прочие свидетельства.

— Право, я тебя не понимаю! Значит, ты самого низкого мнения о Уиллоби, если после того, как они столь открыто и постоянно искали общества друг друга, природа их короткости способна вызвать у тебя малейшие сомнения! Или с его стороны не было ничего, кроме притворства? Ты полагаешь, что он к ней равнодушен?

— Нет, так я думать не могу. Он должен ее любить, и я уверена, что он ее любит.

— Но какая же это странная любовь, если он покидает ее с такой беззаботностью, с таким безразличием к дальнейшему, какие ты ему приписываешь!

— Не забывайте, милая матушка, я ведь никогда не считала, что все уже решено. Не спорю, у меня были сомне-

ния, но они слабеют и, вероятно, скоро вовсе рассеются. Если мы узнаем, что они переписываются, всем моим опасениям придет конец.

— Ах, какая уступка! Если ты увидишь, как их в церкви благословляет священник, то, пожалуй, согласишься, что они намерены пожениться. Гадкая упряmica! Но мне такие доказательства не нужны. По моему мнению, не произошло ничего, что могло бы оправдать подобное недоверие. Ни тени скрытности, ни утаек, ни притворства. Сомневаться в своей сестре ты не можешь, следовательно, подозреваешь ты Уиллоби. Но почему? Разве он не благородный человек с чувствительной душой? Было в его поведении хоть что-нибудь способное внушить тревогу? Можно ли видеть в нем коварного обманщика?

— Надеюсь, что нет. Думаю, что нет! — вскричала Элинор. — Уиллоби мне нравится, искренне нравится, и сомнение в его чести причиняет мне не меньше страдания, чем вам. Оно возникло невольно, и я постараюсь подавить его. Признаюсь, меня смутило, что утром он был столь мало похож на себя. Он говорил совсем не так, как прежде, и ваша доброта не отозвалась в нем благодарностью. Но все это может объясняться его положением, как вы и сказали. Он только что простился с Марианной, видел, в какой горести она удалилась, но, опасаясь вызвать неудовольствие миссис Смит, должен был побороть искушение незамедлительно сюда вернуться; понимая, однако, в какой неблагоприятной, в какой подозрительной роли представит его в наших глазах отказ от вашего приглашения и ссылка на неопределенность дальнейших его планов, он, бесспорно, мог испытывать стеснительное смущение и растерянность. И все же откровенное, безыскусственное признание в своих затруднениях, мне кажется, сделало бы ему больше чести и более гармонировало бы с его характером. Впрочем, я не возьму на себя право порицать чужое поведение потому лишь, что оно не совсем отвечает моим понятиям или не соответствует тому, что мне представляется правильным и последовательным.

— Очень похвально! Уиллоби, бесспорно, не заслужил нашего недоверия. Пусть мы с ним знакомы недавно, но в этих краях он хорошо известен и у кого нашлось хотя бы одно слово порицания ему? Располагай он возможностью поступать по своему усмотрению и не откладывать женитьбы, действительно, было бы странно, если бы он простился с нами, не объяснив мне прежде своих намерений. Но ведь дело обстоит иначе. Обстоятельства не благо-

приятствуют их помолвке, так как неизвестно, когда могла бы состояться свадьба, и, пожалуй, пока даже желательнее держать ее в тайне, насколько это удастся.

Появление Маргарет прервало их разговор, и Элинор могла на досуге обдумать доводы матери, признать правдоподобность многих из них и от души пожелать, чтобы верными оказались они все.

Марианну они увидели только за обедом, когда она вошла в столовую и села на свое место в полном молчании. Глаза у нее покраснели и опухли, и казалось, что она лишь с трудом удерживает слезы. Она избегала их взглядов, была не в силах ни есть, ни разговаривать, и, когда несколько минут спустя мать с безмолвным сочувствием погладила ее по руке, она не смогла долее сдерживаться и, разрыдавшись, выбежала из комнаты.

Это бурное отчаяние длилось весь вечер. Она была совсем разбита, потому что даже не пыталась совладать с ним. Малейшее упоминание всего, что так или иначе касалось Уиллоби, повергало ее в неистовую печаль, и, как мать и сестры ни старались шадить бедняжку, о чем бы они ни начинали разговора, им не удавалось избежать предметов, которые не напоминали бы ей о нем.

ГЛАВА 16

Марианна не простила бы себе, смежи она веки хоть на миг в первую ночь после разлуки с Уиллоби. Ей было бы стыдно смотреть в глаза матери и сестрам, если бы на следующее утро она не поднялась с постели еще более истомленной, чем легла в нее, но чувства, которым минута облегчения представлялась изменой, избавили ее от опасности такого позора. Она провела бессонную ночь и проплакала почти до утра. Встала она с головной болью, была не в силах произнести ни слова, проглотить ни кусочка, каждую минуту причиняя боль матери и сестрам и противясь всем их стараниям предложить ей утешение. Чувствительность ее поистине не знала предела.

Когда завтрак кончился, она ушла гулять в одиночестве и бродила по окрестностям деревни Алленем, терзаясь воспоминаниями о прошлых радостях, и почти все утро проливали слезы печали.

Весь вечер она предавалась такой же тоске. Переиграла все любимые песни, которые игрывал Уиллоби, все дуэты, в которых чаще всего сливались их голоса, и сидела за инструментом, вглядываясь в каждую строчку нот, которые он для нее переписывал, пока ее сердце не исполнилось такой тяжестью, что более не могло принять ни капли грусти. И эту пищу ее горе получало каждый день. Она проводила за фортепьяно долгие часы и то пела, то рыдала, нередко совсем лишаясь голоса от слез. В книгах, как и в музыке, она искала мук, которые приносят сравнение счастливого прошлого с горьким настоящим. Она не читала ничего, кроме того, что они читали вместе.

Выносить долго столь неистовое горе, разумеется, было невозможно, и несколько дней спустя оно перешло в тихую меланхолию, но ежедневные одинокие прогулки продолжались, и порой тягостные мысли вновь вызвали бурные припадки отчаяния.

От Уиллоби писем не было, но Марианна, казалось, их не ждала. Мать ее недоумевала, а Элинор вновь охватила тревога. Но миссис Дэвшуд, когда наступала нужда в объяснениях, умела находить их, во всяком случае, к собственному удовольствию.

— Вспомни, Элинор, как часто сэр Джон сам привозит нам наши письма с почты и отвозит их туда. Мы ведь уже согласились, что некоторая тайна необходима, и нельзя не признать, что сохранить ее не удалось бы, если бы их переписка проходила через руки сэра Джона.

Справедливости этого соображения Элинор отрицать не могла и попыталась поверить, что таких опасений достаточно для их молчания. Однако был очень простой и бесхитростный способ узнать правду и сразу развеять все сомнения, причем на ее взгляд настолько хороший, что она прямо посоветовала матери прибегнуть к нему:

— Почему бы вам без обиняков не спросить Марианну, — сказала она, — помолвлена она с Уиллоби или нет? В устах матери, да еще такой доброй, такой снисходительной матери, как вы, подобный вопрос не может обидеть или огорчить. В нем ведь будет говорить ваша любовь к ней. А Марианна всегда была откровенной, и особенно с вами.

— Такого вопроса я не задам за все сокровища мира! Если предположить, что вопреки очевидности они все-таки не дали слова друг другу, какие муки он причинит! И сколько в нем бездушия, как бы ни обстояло дело! Вырвав у нее признание в том, о чем пока ей не хотелось бы говорить вслух никому, я навеки и заслуженно утрачу ее доверие.

Я знаю сердце Марианны, знаю, как нежно она меня любит, и, конечно, не последней услышу о помолвке, когда обстоятельства позволят объявить о ней свету. Я не стала бы добиваться откровенности ни от кого, а уж тем более от собственной дочери, потому что чувство долга помешает ей уклониться от ответа, как бы она того ни хотела.

По мнению Элинор, подобная деликатность в подобном деле была излишней, и, напомнив матери, как еще молода Марианна, она повторила свой совет, но тщетно: здравый смысл, здравая осторожность, здравая материнская тревога были бессильны перед романтической щепетильностью миссис Дэшвуд.

Прошло несколько дней, прежде чем близкие Марианны решились упомянуть имя Уиллоби в ее присутствии. Сэр Джон и миссис Дженнингс не были столь тактичны, и их шуточки делали еще чернее многие черные часы. Но как-то вечером миссис Дэшвуд, случайно взяв в руки том Шекспира, не удержалась от восклицания:

— Мы так и не кончили «Гамлета», Марианна! Наш милый Уиллоби уехал прежде, чем мы дошли до последнего акта. Но отложим книгу до его возвращения... Хотя ждать, возможно, придется многие месяцы...

— Месяцы? — вскричала Марианна в сильнейшем удивлении. — Нет. Несколько недель.

Миссис Дэшвуд ее оплошность огорчила, но Элинор обрадовалась, так как слова Марианны неопровержимо доказывали, что она уверена в Уиллоби и осведомлена о его намерениях.

Примерно через неделю после разлуки с ним сестрам удалось убедить Марианну отправиться на обычную прогулку вместе с ними, вместо того чтобы блуждать в одиночестве. До этих пор она всячески избегала сопровождать их: если они намеревались отправиться в холмы, она ускользала в лабиринт проселочных дорог, если же они решали пройтись по долине, она уже исчезала на каком-нибудь склоне, прежде чем они успевали выйти из дома. Но в конце концов Элинор, которой очень не нравилось это стремление все время быть одной, настояла на том, чтобы Марианна осталась с ними. По дороге, уводившей из долины, они шли почти не разговаривая, так как Марианна едва владела собой, и Элинор, добившись одной победы, остерегалась предпринимать что-нибудь еще. Они достигли устья долины, где холмы уступали место столь же плодородной, хотя и менее живописной равнине, и перед ними открылось длинное протяжение почтового тракта, по которому они

приехали в Бартон. Прежде они еще ни разу не уходили в этом направлении так далеко и теперь остановились, чтобы обозреть вид, совсем иной, чем открывавшийся из окон их коттеджа.

Вскоре на фоне ландшафта они заметили движущуюся фигуру: к ним приближался какой-то всадник. Несколько минут спустя они различили, что это не фермер, но джентльмен, и еще через мгновение Марианна воскликнула с восторгом:

— Это он! Да-да, я знаю! — И поспешила навстречу. Но Элинор тут же ее окликнула:

— Марианна, ты ошибаешься! Это не Уиллоби. Этот джентльмен не так высок, и у него другая посадка!

— Нет-нет! — с жаром возразила Марианна. — Конечно, это он. Его осанка, его плащ, его лошады! Я знала, знала, что он вернется скоро!

Она убыстрила шаги, но Элинор, не сомневавшаяся, что перед ними не Уиллоби, поторопилась нагнать сестру, чтобы избавить ее от неизбежной неловкости. Теперь их от всадника отделяло лишь шагов пятьдесят. Марианна взглянула еще раз, и отчаяние сжало ее сердце. Она повернулась и почти побежала назад, но тут же до нее донеслись голоса обеих ее сестер, к которым присоединился третий, почти столь же знакомый, как голос Уиллоби: они все просили ее остановиться. Она подчинилась, с удивлением обернулась и увидела перед собой Эдварда Феррарса.

Только ему во всем мире могла она простить, что он оказался не Уиллоби, только ему могла она приветственно улыбнуться. И она улыбнулась, почти сквозь слезы, на миг при виде счастья сестры забыв о собственном горьком разочаровании.

Эдвард спешил, отдал поводья слуге и пошел с ними в Бартон, куда и направлялся, предполагая погостить у них.

Все трое поздоровались с ним очень сердечно, но особенно Марианна, которой, казалось, его появление было приятней, чем самой Элинор. Собственно говоря, во встрече Эдварда с ее сестрой Марианна вновь почувствовала ту же необъяснимую холодность, которую в Норленде так часто подмечала в поведении их обоих. Особенно ее поразило Эдвард, который и выглядел и выражался совсем не так, как положено влюбленным в подобных случаях. Он казался смущенным, словно бы вовсе им не обрадовался, на лице его не отразилось ни восторга, ни даже просто удовольствия, сам он почти ничего не говорил и лишь отвечал на вопросы и не подарил Элинор ни единого знака особого внимания. Марианна смотрела, слушала, и ее изумление все возрастало. Эдвард начал даже внушать ей что-то похожее на неприязнь, а потому, как, впрочем, было бы неизбежно в любом случае, ее мысли вновь обратились к Уиллоби, чьи манеры являли столь разительный контраст с манерами ее предполагаемого зятя.

После краткого молчания, сменившего первые возгласы и приветствия, Марианна осведомилась у Эдварда, приехал ли он прямо из Лондона. Нет, он уже полмесяца, как в Девоншире.

— Полмесяца! — повторила она, пораженная тем, что он уже столько времени находился неподалеку от Элинор и не выбрал времени повидаться с ней раньше.

Он с некоторым смущением добавил, что гостил у знакомых в окрестностях Плимута.

— А давно ли вы были в Сассексе? — спросила Элинор.

— Около месяца тому назад я заезжал в Норленд.

— И как выглядит милый, милый Норленд? — вскричала Марианна.

— Милый, милый Норленд, — сказала Элинор, — вероятно, выглядит так, как всегда выглядел в эту пору года. Леса и дорожки густо усыпаны опавшими листьями.

— Ах! — воскликнула Марианна, — с каким восторгом, бывало, я наблюдала, как они облетают! Как я наслаждалась, когда ветер закручивал их вихрями вокруг меня во время прогулок! Какие чувства пробуждали и они, и осень, и самый воздух! А теперь там некому любоваться ими. В них видят только ненужный сор, торопятся вымести их, спрятать подалеке от всех взоров!

— Но ведь не все, — заметила Элинор, — разделяют твою страсть к сухим листьям.

— Да, мои чувства редко разделяются, их редко понимают. Но иногда... — Тут она погрузилась в задумчивость, но вскоре очнулась и продолжала: — Взгляните, Эдвард, — начала она, указывая на вид перед ними, — вот Бартонская долина. Взгляните и останьтесь невозмутимы, если сумеете! Взгляните на холмы. Доводилось вам видеть что-нибудь равное им? Слева среди этих роц и посадок лежит Бартон-парк. Отсюда виден один его флигель. А там под сенью вот того самого дальнего и самого величественного из холмов прячется наш коттедж.

— Места здесь очень красивые, — ответил он, — но зимой дороги, вероятно, утопают в грязи.

— Как можете вы вспоминать о грязи, видя перед собой такое великолепие!

— Потому лишь, — ответил он с улыбкой, — что вижу перед собой и весьма грязный проселок.

— Не понимаю! — сказала Марианна как бы про себя.

— А как вы находите своих новых знакомых? Мидлтоны — приятные люди?

— Ах нет! — ответила Марианна. — Мы не могли бы оказаться в худшем положении!

— Марианна! — с упреком воскликнула ее сестра.— Как ты можешь? Это очень достойные люди, мистер Феррарс, и окружают нас самым дружеским вниманием. Неужели ты забыла, Марианна, сколько приятных дней мы провели благодаря им?

— Нет, не забыла,— негромко ответила Марианна,— как и все мучительные минуты.

Элинор пропустила ее слова мимо ушей и постаралась занять гостя разговором об их новом жилище, о его расположении и прочем, иногда добиваясь от него вежливых вопросов и замечаний. Его холодность и сдержанность больно ее задевали, пробуждали в ней досаду и даже раздражение. Но, решив исходить только из прошлого, а не из настоящего, она ничем не выдала того, что чувствовала, и держалась с ним так, как, по ее мнению, требовало свойство между ними.

ГЛАВА 17

Миссис Дэшвуд удивилась лишь на мгновение: она считала, что ничего естественнее его приезда в Бартон быть не могло, и не скупилась на самые радостные восклицания и приветствия. Никакая застенчивость, холодность и сдержанность не устояла бы против столь ласкового приема (а они изменили ему еще прежде, чем он переступил порог коттеджа), радушие же миссис Дэшвуд и вовсе заставило их бесследно исчезнуть. Да и не мог человек, влюбленный в одну из ее дочерей, не перенести часть своего чувства на нее самое, и Элинор с облегчением заметила, что он опять стал похож на себя. Словно привязанность к ним всем вновь воскресла в его сердце, и интерес к их благополучию казался неподдельным. Однако какая-то унылость не оставляла его: он расхваливал коттедж, восхищался видами из окон, был внимателен и любезен, но унылость не проходила. Они это заметили, и миссис Дэшвуд, приписав ее новым стеснительным требованиям его матери, села за стол, полная негодования против всех себялюбивых и черствых родителей.

— Каковы, Эдвард, теперь планы миссис Феррарс на ваш счет? — осведомилась она, когда после обеда они расположились у топящегося камина.— От вас по-прежнему ждут, что вы вопреки своим желаниям станете великим оратором?

— Нет. Надеюсь, матушка убедилась, что таланта к деятельности на общественном поприще у меня не больше, чем склонностей к ней.

— Но как же вы добьетесь славы? Ведь на меньшем ваши близкие не помирятся, а без усердия, без готовности не останавливаться ни перед какими расходами, без стремления очаровывать незнакомых людей, без профессии и без уверенности в себе обрести ее вам будет нелегко!

— Я не стану и пытаться. У меня нет никакого желания обрести известность и есть все основания надеяться, что мне она не угрожает. Благодарение небу, насильственно одарить меня талантами и красноречием не по силам никому!

— Да, я знаю, что вы лишены честолюбия. И очень умеренны в своих помыслах.

— Не более и не менее, чем все люди, я полагаю. Как всякий человек, я хочу быть счастлив, но, как всякий человек, быть им могу только на свой лад. Величие меня счастливым не сделает.

— О, еще бы! — воскликнула Марианна. — Неужели счастье может зависеть от богатства и величия!

— От величия, может быть, и нет, — заметила Элинор, — но богатство очень способно ему содействовать.

— Постыдитесь, Элинор! — сказала Марианна с упреком. — Деньги способны дать счастье, только если человек ничего другого не ищет. Во всех же иных случаях тем, кто располагает скромным достатком, никакой радости они принести не могут!

— Пожалуй, — с улыбкой ответила Элинор, — мы с тобой пришли к полному согласию. Разница между твоим «скромным достатком» и моим «богатством» вряд ли так уж велика; без них же при нынешнем положении вещей, как, я думаю, мы обе отрицать не станем, постоянная нужда в том или ином будет неизбежно омрачать жизнь. Просто твои представления выше моих. Ну, признайся, что, по твоему, составляет скромный достаток?

— Тысяча восемьсот, две тысячи фунтов в год, не более! Элинор засмеялась.

— Две тысячи фунтов в год! Я же одну тысячу называю богатством. Так я и предполагала.

— И все-таки две тысячи в год — доход очень скромный, — сказала Марианна. — Обойтись меньшим никакая семья не может. Я убеждена, что мои требования очень умеренны. Содержать приличное число прислуги, экипаж или два и охотничьих лошадей на меньшую сумму просто невозможно.

Элинор вновь улыбнулась тому, с какой точностью ее сестра подсчитала их будущие расходы по содержанию Комбе-Магна.

— Охотничьи лошади! — повторил Эдвард. — Но зачем они? Далеко ведь не все охотятся.

Порозовев, Марианна ответила:

— Но очень многие!

— Вот было бы хорошо, — воскликнула Маргарет, пораженная новой мыслью, — если б кто-нибудь подарил каждой из нас по огромному богатству!

— Ах, если бы! — вскричала Марианна, и ее глаза радостно заблестели, а щеки покрылись нежным румянцем от предвкушения воображаемого счастья.

— В таком желании мы все, разумеется, единодушны, — заметила Элинор. — Несмотря на то, что богатство значит так мало!

— Как я была бы счастлива! — восклицала Маргарет. — Но как бы я его тратила, хотелось бы мне знать?

Судя по лицу Марианны, она такого недоумения не испытывала.

— И я не знала бы, как распорядиться большим богатством, — сказала миссис Дэшвуд. — Ну, конечно, если бы все мои девочки были тоже богаты и в моей помощи не нуждались!

— Вы занялись бы перестройкой дома, — заметила Элинор, — и ваше недоумение скоро рассеялось бы.

— Какие бы великолепные заказы посылались отсюда в Лондон, — сказал Эдвард, — если бы случилось что-нибудь подобное! Какой счастливый день для продавцов нот, книгопродавцев и типографий! Вы, мисс Дэшвуд, распорядились бы, чтобы вам присылали все новые гравюры, ну, а что до Марианны, я знаю величие ее души — во всем Лондоне не наберется нот, чтобы она пресытилась. А книги! Томсон, Каупер, Скотт — она покупала бы их без устали, скупала бы все экземпляры, лишь бы они не попали в недостойные руки! И не пропустила бы ни единого тома, который мог бы научить ее, как восхищаться старым корявым дубом. Не правда ли, Марианна? Простите, что я позволил себе немного подразнить вас, но мне хотелось показать вам, что я не забыл наши былые споры.

— Я люблю напоминания о прошлом, Эдвард, люблю и грустные, не только веселые, и вы, заговаривая о прошлом, можете не опасаться меня обидеть. И вы совершенно верно изобразили, на что расходовались бы мои деньги —

во всяком случае, некоторая их часть. Свободные суммы я, разумеется, тратила бы на ноты и книги.

— А капитал вы распределили бы на пожизненные ренты для авторов и их наследников.

— Нет, Эдвард. Я нашла бы ему другое применение.

— Быть может, вы обещали бы его в награду тому, кто напишет наиболее блистательную апологию вашего любимого утверждения, что любить человеку дано лишь единожды в жизни... Полагаю, вы своего мнения не переменили?

— Разумеется. В моем возрасте мнений так легко не меняют. Навряд ли мне доведется увидеть или услышать что-то, что убедило бы меня в обратном.

— Марианна, как вы замечаете, хранит прежнюю твердость,— сказала Элинора.— Она ничуть и ни в чем не изменилась.

— Только стала чуточку серьезней, чем была прежде.

— Нет, Эдвард,— сказала Марианна,— не вам упрекать меня в этом. Вы ведь сами не очень веселы.

— Почему вы так полагаете? — спросил он со вздохом.— Веселость ведь никогда не была мне особенно свойственна.

— Как и Марианне,— возразила Элинора.— Я не назвала бы ее смешливой. Она очень серьезна, очень сосредоточенна, какое бы занятие себе не выбирала. Иногда она говорит много и всегда с увлечением, но редко бывает весела, как птичка.

— Пожалуй, вы правы,— ответил он.— И все же я всегда считал ее веселой, живой натурой.

— Мне часто приходилось ловить себя на таких же ошибках,— продолжала Элинора,— когда я совершенно неверно толковала ту или иную черту характера, воображала, что люди гораздо более веселы или серьезны, остроумны или глупы, чем они оказывались на самом деле, и не могу даже объяснить, почему или каким образом возникало подобное заблуждение. Порой полагаешься на то, что они говорят о себе сами, гораздо чаще — на то, что говорят о них другие люди, и не даешь себе времени подумать и судить самой.

— Но мне казалось, Элинора,— сказала Марианна,— что как раз и следует совершенно полагаться на мнения других людей. Мне казалось, что способность судить дана нам лишь для того, чтобы подчинять ее приговорам наших ближних. Право же, именно это ты всегда проповедовала!

Интерьер аристократического дома времен Джейн Остен.

— Нет, Марианна, никогда. Никогда я не проповедовала подчинение собственных мыслей чужим. Я пыталась влиять только на поведение. Не приписывай мне того, что я не могла говорить. Признаю себя виновной в том, что часто желала, чтобы ты оказывала больше внимания всем нашим знакомым. Но когда же я советовала тебе безоговорочно разделять их чувства и принимать их суждения в серьезных делах?

— Так, значит, вам не удалось убедить вашу сестру в необходимости соблюдать равную вежливость со всеми? — спросил Эдвард у Элиноর. — И вы в этом совсем не продвинулись?

— Напротив! — ответила Элинор, бросая на сестру выразительный взгляд.

— Душой я весь на вашей стороне, — сказал он, — но, боюсь, поведением ближе к вашей сестрице. Я от души хотел бы быть любезным, но моя глупая застенчивость так велика, что нередко я выгляжу высокомерным невежей, хотя меня всего лишь сковывает злосчастная моя неловкость. Мне нередко приходит в голову, что природа, видимо, предназначала меня для низкого общества, настолько несвободно чувствую я себя с новыми светскими знакомыми.

— У Марианны для ее невежливости такого извинения нет,— возразила Элинор.— Застенчивость ей несвойственна.

— Ее достоинства слишком велики, чтобы оставлять место для должного смущения,— ответил Эдвард.— Застенчивость ведь всегда порождается ощущением, что ты в том или ином отношении много хуже других людей. Если бы я мог убедить себя, что способен держаться с приятной непринужденностью, то перестал бы смущаться и робеть.

— Но остались бы замкнутым,— заметила Марианна.— А это ничуть не лучше!

— Замкнутым? — переспросил Эдвард с недоумением.— Разве я замкнутый человек, Марианна?

— Да. На редкость.

— Не понимаю,— ответил он, краснея.— Замкнутый! Но как? В чем? Что я от вас скрываю? Какой откровенности вы от меня ждали бы?

Элинор удивила его горячность, но, пытаясь свести все к шутке, она сказала:

— Неужели вы так мало знаете мою сестрицу, что не понимаете ее намека? Неужели вам неизвестно, что она называет замкнутыми всех, кто не сыплет словами столь же быстро и не восхищается тем, что восхищает ее, столь же пылко, как она сама?

Эдвард ничего не ответил. И, вновь погрузившись в еще более невеселую задумчивость, продолжал хранить угрюмое молчание.

ГЛАВА 18

Элинор наблюдала унылость своего друга с большой тревогой. Радость от его приезда для нее омрачилась тем, что сам он, казалось, почти никакой радости не испытывал. Очевидно было, что он очень несчастен. Но она желала бы, чтобы столь же очевидным было и то чувство, которое ранее, как ей представлялось, он к ней, несомненно, питал. Теперь же она утратила прежнюю уверенность. Если в его взоре вдруг появлялась былая нежность, то мгновение спустя это впечатление опровергалось его сдержанностью с ней.

На следующее утро он присоединился к ней и Марианне перед завтраком, раньше миссис Дэшвуд и Маргарет, и

Марианна, всегда готовая содействовать их счастью, насколько это было в ее силах, поспешила под каким-то предлогом оставить их одних. Но не успела она подняться и на несколько ступенек, как услышала скрип отворяющейся двери, и, оглянувшись, к своему удивлению, увидела, что Эдвард вышел в коридор следом за ней.

— Я схожу в деревню взглянуть на моих лошадей,— сказал он.— Ведь вы еще не сели завтракать, а я скоро вернусь.

* * *

Вернулся он, полный нового восхищения окружающим пейзажем. По дороге в деревню один очаровательный уголок долины сменялся другим, и из деревни, расположенной выше коттеджа, ему открылся обширный вид на окрестности, чрезвычайно ему понравившийся. Разумеется, Марианна была само внимание, а затем принялась описывать собственное восхищение этими картинами и расспрашивать его в подробностях, что особенно его поразило, но тут Эдвард ее перебил:

— Марианна, вам не следует экзаменовывать меня с таким пристрастием. Не забывайте, я мало разбираюсь в живописности и, если мы перейдем к частностям, могу ненароком оскорбить ваш слух своим невежеством и дурным вкусом. Я назову холм крутым, а не гордым, склон — неровным и бугристым, а не почти неприступным, скажу, что дальний конец долины теряется из вида, хотя ему надлежит лишь тонуть в неясной голубой дымке. Удовольствуйтесь простыми похвалами, на какие я способен. Это отличная местность, холмы крутые, деревья в лесу один к одному, а долина выглядит очень приятно — сочные луга и кое-где разбросаны добротные фермерские постройки. Именно такой пейзаж я и называю отличным — когда в нем красота сочетается с полезностью — и полагаю, что он живописен, раз заслужил ваше восхищение. Охотно верю, что тут полным-полно скал и утесов, седого мха и темных чащ, но эти прелести не для меня. Я ничего в живописности не понимаю.

— Боюсь, вы не преувеличиваете,— сказала Марианна.— Но к чему хвастать этим?

— Мне кажется,— вмешалась Элинора,— что Эдвард, желая избежать одной крайности, впадает в другую. Оттого что, по его мнению, многие люди вслух восторгаются красотами природы, когда на самом деле без-

различны к ним, и такое притворство ему противно, он напускает на себя равнодушие, хотя красоты эти трогают его гораздо больше, чем он готов признаться.

— Совершенно справедливо,— сказала Марианна,— что восхищение прелестью пейзажа превратилось в набор банальных слов. Все делают вид, будто понимают ее, и тщатся подражать вкусу и изяществу того, кто первым открыл суть живописности. Мне противна любая пошлость выражений, и порой я не высказываю своих чувств, потому что не нахожу для излияния их достойного языка, а лишь избитые, тривиальные сравнения, давно утратившие смысл.

— Я убежден,— ответил Эдвард,— что красивый вид действительно вызывает в вас тот восторг, который вы выражаете. Однако ваша сестрица не должна взамен приписывать мне чувства, которых я не испытываю. Красивый вид мне нравится, но не тем, что слывет живописным. Корявые, искривленные, разбитые молнией деревья меня не восхищают, я предпочитаю видеть их стройными, высокими, непокалеченными. Мне не нравятся ветхие, разрушающиеся хижины. Я не слишком люблю крапиву, репы и бурьян, пусто цветущий. Добротный фермерский дом радует мой взгляд более сторожевой башни, и компания довольных, веселых поселян мне несравненно больше по сердцу, чем банда самых великолепных итальянских разбойников.

Марианна поглядела на Эдварда с изумлением, а затем бросила на сестру сострадательный взгляд. Но Элинор только засмеялась.

На этом разговор прервался, и Марианна погрузилась в молчаливую задумчивость, пока внезапно ее вниманием не завладел совершенно новый предмет. Она сидела рядом с Эдвардом, и, когда он протянул руку за чашкой чая, которую налила ему миссис Дэшвуд, ей бросилось в глаза кольцо у него на пальце — кольцо с вделанной в него прядкой волос.

— Я еще ни разу не видела, чтобы вы носили кольца, Эдвард! — воскликнула она. — Это волосы Фанни? Помнится, она обещала вам локон. Но мне казалось, что они темнее.

Марианна сказала первое, что ей пришло на язык, но, увидев, как ее слова расстроили Эдварда, рассердилась на себя даже больше него. Он густо покраснел и, быстро взглянув на Элинор, ответил:

— Да, это волосы моей сестры. В оправе они несколько меняют цвет.

Элинор перехватила его взгляд и смущенно отвела глаза. Она, как и Марианна, тут же решила, что это ее собственные волосы, но, если Марианна не сомневалась, что он получил их в подарок от ее сестры, Элинор не могла даже предположить, каким образом они у него оказались. Однако, пусть даже он их украл, она не была расположена усмотреть в этом оскорбление и, сделав вид, будто ничего не заметила, тотчас заговорила о чем-то постороннем, тем не менее решив про себя при первом же случае удостовериться, что волосы эти точно такого же оттенка, как ее собственные.

Смущение Эдварда не проходило довольно долго, а затем сменилось еще более упорной рассеянностью. Все утро он выглядел даже еще более мрачным, чем накануне, и Марианна не уставала мысленно корить себя за бездумную неосторожность. Впрочем, она давно бы простила себя, будь ей известно, что ее сестре случившееся отнюдь не было неприятно.

Вскоре после полудня их навестили сэр Джон с миссис Дженнингс, которые, прослышав о том, что в коттедж приехал гость, явились посмотреть его своими глазами. С помощью тещи сэр Джон не замедлил обнаружить, что фамилия Феррарс начинается с буквы «эф», и тут же была заложена мина будущих поддразниваний, взорвать которую без промедления помешала лишь краткость их знакомства с Эдвардом. И пока только их многозначительные взгляды открыли Элинор, какие далеко идущие выводы постытели сделать они из сведений, добытых от Маргарет.

Сэр Джон никогда не приезжал в коттедж без того, чтобы не пригласить их либо отобедать в Бартон-парке на следующий день, либо выпить там чаю в этот же вечер. На сей раз, чувствуя, что его долг — помочь им принять их гостя наилучшим образом, он объединил оба эти приглашения:

— Вы обязательно должны выпить у нас чаю сегодня,— сказал он,— потому что мы будем только в своем кругу, а завтра непременно ждем вас к обеду, так как соберется большое общество.

Миссис Дженнингс подтвердила, что об отказе и речи быть не может.

— И как знать,— добавила она,— не кончится ли вечер танцами. А уж это должно вас соблазнить, мисс Марианна.

— Танцы! — вскричала Марианна.— Ни в коем случае! Кто же будет танцевать?

— Как кто? Вы сами, и Уиттекры, и Кэри... Да неужто вы думали, что никто не станет танцевать, потому что кое-кто, кого мы называть не будем, взял да уехал!

— Я от всего сердца жалею, что Уиллоби не может к нам присоединиться! — вскричал сэр Джон.

Эта игривость и пунцовый румянец Марианны возбудили у Эдварда неожиданное подозрение.

— Кто такой Уиллоби? — тихо осведомился он у мисс Дэшвуд, рядом с которой сидел.

Она ответила очень коротко. Но лицо Марианны сказало ему гораздо больше. Он увидел достаточно, чтобы

не только понять тонкие намеки визитеров, но и новые особенности в поведении Марианны, которые ранее ставили его в тупик. И когда сэр Джон с миссис Дженнингс отправились восвояси, он тут же подошел к Марианне и сказал вполголоса:

— Я кое о чем догадался. Сказать вам, о чем?

— Не понимаю.

— Так сказать?

— Разумеется.

— Ну, хорошо: по-моему, мистер Уиллоби любит охотиться.

Марианна удивилась и смутилась, однако его шутовское лукавство вызвало у нее улыбку, и, помолчав, она сказала:

— Ах, Эдвард! Как вы можете!.. Но надеюсь, придет время... Я уверена, он вам понравится!

— Я в этом не сомневаюсь,— ответил он, несколько растерявшись из-за того, с каким жаром это было сказано; ведь он ни в коем случае не позволил бы себе вернуться к намекам недавних гостей, если бы не счел их привычной шуткой среди их знакомых, для которой она и мистер Уиллоби если и подали повод, то самый незначительный.

ГЛАВА 19

Эдвард прогостил в Коттедже неделю. Миссис Дэшвуд радушно настаивала, чтобы он остался подольше. Но его цель словно заключалась в том, чтобы терзать себя: он, казалось, был преисполнен решимости уехать именно тогда, когда общество друзей доставляло ему наибольшее удовольствие. Последние два-три дня его настроение, хотя и оставалось неровным, заметно посветлело, дом и окрестности все больше ему нравились, о расставании он говорил со вздохом, упомянул, что совершенно свободен и даже не знает, куда отправится от них, и тем не менее уехать ему необходимо. Редкая неделя проходила так быстро — просто не верится, что она уже промелькнула. Он повторял это снова и снова. Говорил он и многое другое, что приоткрывало его чувства и опровергало поступки. В Норленде ему тоскливо, Лондона он не переносит, но либо в Норленд, либо в Лондон уехать он должен. Их доброту он ценит

превыше всего, быть с ними — величайшее счастье. И тем не менее в конце недели он должен расстаться с ними вопреки их настояниям, вопреки собственному желанию и вполне распоряжаясь своим временем.

Элинор относила все несообразности такого поведения на счет его матери, характер которой, к счастью, был известен ей столь мало, что она всегда могла найти в нем извинения для странностей сына. Но несмотря на разочарование, досаду, а порой и раздражение, которые вызывались подобным его обхождением с ней, она очень охотно находила для него разумные извинения и великодушные оправдания, каких ее мать лишь с большим трудом добилась у нее для Уиллоби. Унылость Эдварда, его замкнутость и непоследовательность приписывались зависимому его положению и тому, что ему лучше знать наклонности и намерения миссис Феррарс. Краткость его визита, упорное желание уехать в назначенный срок объяснялись тем же бесправием, той же необходимостью подчиняться капризам матери. Причина заключалась в извечном столкновении долга с собственной волей, родителей с детьми. Элинор дорого дала бы, чтобы узнать, когда все эти затруднения уладятся, когда возражения придет конец — когда миссис Феррарс преобразится, а ее сын получит свободу быть счастливым. Но, понимая тщету таких надежд, она была вынуждена искать отраду в укреплении своей уверенности в чувствах Эдварда, в воспоминаниях о каждом знаке нежности во взгляде или в словах, которые она замечала, пока он оставался в Бартоне, а главное — в лестном доказательстве их, которое он постоянно носил на пальце.

— Мне кажется, Эдвард, — заметила миссис Дэшвуд за завтраком в день его отъезда, — вы были бы счастливее, если бы избрали профессию, которая занимала бы ваше время, придавала интерес вашей жизни, вашим планам на будущее. Правда, это нанесло бы некоторый ущерб вашим друзьям, так как у вас осталось бы для них меньше досуга. Однако, — добавила она с улыбкой, — вы получили бы от этого одну значительную выгоду: во всяком случае, вы бы знали, куда отправитесь, расставаясь с ними.

— Поверьте, — ответил он, — я и сам давно держусь того же мнения. Для меня было и, возможно, всегда будет тяжким несчастьем, что мне нечем занять себя, что я не смог посвятить себя профессии, которая дала бы мне независимость. Но, к несчастью, моя щепетильность и

Модные костюмы времен Джейн Остен.

щепетильность моих близких превратила меня в то, что я есть, — в никчемного бездельника. Мы так и не пришли к согласию, какую мне выбрать профессию. Я предпочитал и предпочитаю церковь. Однако моей семье это поприще кажется недостаточно блестящим. Они настаивали на военной карьере. Но это слишком уж блестяще для меня. Юриспруденция признавалась достаточно благородным занятием — многие молодые люди, подвигающиеся в Темпле, приняты в свете и разъезжают по Лондону в щегольских колясках. Только правоведение никогда меня не влекло, даже самые практические его формы, которые мои близкие одобрили бы. Флот? На его стороне мода, но мой возраст уже не позволял думать о нем, когда про него вспомнили... И в конце концов, поскольку настоятельной нужды в том, чтобы я занялся делом, не было, поскольку я мог вести блестящий и расточительный образ жизни не только в красном мундире, но и без него, безделье было признано и имеющим свои преимущества, и вполне приличным благородному молодому человеку. В восемнадцать же лет редко у кого есть призвание к серьезным занятиям и трудно устоять перед уговорами близких не делать решительно ничего. А потому я поступил в Оксфорд и с тех пор предаюсь безделью по всем правилам.

— Но раз оно не сделало вас счастливым, — сказала миссис Дэшвуд, — я полагаю, ваши сыновья получат воспитание, которое подготовит их для стольких же занятий, профессий, служб и ремесел, как сыновей Колумелы.

— Они получают такое воспитание, — ответил он серьезно, — которое сделает их как можно менее похожими на меня. И в чувствах, и в поведении, и в целях — во всем.

— Полноте! В вас говорит грустное расположение духа, не более! Вы поддались меланхолии, Эдвард, и вообразили, будто все, кто не похож на вас, должны быть счастливы. Не забывайте, что всякий человек, каково бы ни было его образование и положение, время от времени испытывает боль от разлуки с друзьями. Подумайте о своих преимуществах. Вам ведь требуется только терпение... или, если воспользоваться более прекрасным словом — надежда. Со временем ваша матушка обеспечит вам ту независимость, о которой вы тоскуете. Ее долг — помешать вам и дальше бессмысленно растрчивать юность, и, поверьте, она сделает это с радостью. Столько может произойти за недолгие несколько месяцев!

— Боюсь, — ответил Эдвард, — мне и сотни месяцев ничего хорошего не принесут.

Такая мрачность, хотя и не могла передаться миссис Дэшвуд, сделала еще грустнее их прощание, которое вскоре за этим последовало, а на Элинор произвела такое тягостное впечатление, что ей не без труда и совсем не быстро удалось его преодолеть. Но она твердо намеревалась не показывать, что его отъезд огорчил ее больше, чем мать и сестер, а потому не стала прибегать к способу, который столь благоразумно избрала в подобном же случае Марианна, дабы усугублять и укреплять свою печаль, и не старалась проводить часы в безмолвии, одиночестве и безделье. Способы их различались не менее, чем цели, и равно подходили для достижения их.

Едва он скрылся за дверью, как Элинор села рисовать и весь день находила себе разные занятия, не искала и не избегала случая упомянуть его имя, старалась держаться с матерью и сестрами как обычно и если и не смягчила свою печаль, то не растравила ее без нужды и избавила своих близких от лишней тревоги.

Марианна так же не могла одобрить подобное поведение, как ей не пришло бы в голову порицать свое собственное, столь ему противоположное. Вопрос об умении властвовать собой она решала очень просто: сильные, бурные чувства всегда берут над ним верх, спокойные его не требуют. А чувства ее сестры, пришлось ей со стыдом признать, были, как ни горько и не обидно, очень спокойными; силу же собственных чувств она блистательно доказала, продолжая любить и уважать эту сестру вопреки столь уничижительному заключению.

Но и не затворяясь у себя в комнате от своих близких, не отправляясь на одинокие прогулки в стремлении избежать их общества, не проводя бессонные ночи в горестных мечтаниях, Элинор каждый день находила время думать об Эдварде и о поведении Эдварда со всем разнообразием чувств, какие рождало ее собственное настроение, — с нежностью, с жалостью, с одобрением, с порицанием и сомнениями. Искать для этого уединения она не видела надобности. Ведь даже если они сидели все вместе в одной комнате, выпадало множество минут, когда каждая занималась делом, препятствовавшим вести общую беседу, и ничто не отвлекало мыслей Элинор от единственного занимавшего их предмета. Внимание и память сосредоточивались на прошлом, разум и воображение стремились отгадать будущее.

Однажды утром, вскоре после отъезда Эдварда, от этих размышлений над альбомом для рисования ее отвлекло появление гостей. Она была одна в гостиной. Стук калитки в зеленом дворике перед домом заставил ее поднять голову, и она увидела, что к входной двери направляется многочисленное общество, состоящее из сэра Джона, леди Миддлтон, миссис Дженнингс и какого-то неизвестного джентльмена с дамой. Она сидела возле самого окна, и сэр Джон, заметив ее, предоставил остальным стучать в дверь, как того требовали правила вежливости, а сам без церемонии направился к ней по траве, и ей пришлось открыть окно. Он тотчас вступил с ней в разговор, хотя до двери было совсем близко и только глухой его не услышал бы.

— Ну-с,— объявил сэр Джон,— мы привели к вам кое-кого. Как вы их находите?

— Ш-ш-ш! Они вас слышат!

— И на здоровье! Это же Палмеры. Шарлотта на редкость хорошенькая, уж поверьте мне. Высуньте голову и сами увидите!

Но Элинор предстояло ее увидеть через две-три минуты и без такой невоспитанности, и она не последовала его настояниям.

— А где Марианна? Сбежала от нас? Я вижу, ее инструмент открыт!

— Она ушла погулять, если не ошибаюсь.

Тут к ним присоединилась миссис Дженнингс, у которой не достало терпения молча ждать, пока дверь откроют, и она направилась к окну, рассыпаясь в приветствиях:

— Как поживаете, душечка? Как поживает миссис Дэшвуд? А где же ваши сестрицы? Как! Вы совсем одна! Ну, вот и отлично: в компании вам будет веселее! Я привела к вам знакомиться других моих сына и дочь. Вообразите только, пожаловали без предупреждения! Вчера вечером пьем мы чай и я словно бы слышу стук кареты. Но я и представить себе не могла, что это они! Думаю только: никак, полковник Брэндон возвратился. И говорю сэру Джону: кажется, карета подъехала. Может быть, полковник Брэндон возвратился...

Элинор вынуждена была в самый разгар ее повествования отвернуться от нее, чтобы встать навстречу остальным гостям. Леди Миддлтон представила новоприбывших. В эту минуту сверху спустились миссис Дэшвуд с Маргарет, все сели и принялись разглядывать друг друга, пока миссис Дженнингс продолжала свою историю, шествуя по коридору в сопровождении сэра Джона.

Миссис Палмер была несколькими годами моложе леди Мидттон и во всех отношениях на нее непохожа. Невысокая толстуха с миловидным личиком и приветливейшим выражением, какое только можно вообразить. Манеры ее были далеко не столь изысканными, как у сестры, но зато гораздо более располагающими. Она вошла с улыбкой, продолжала улыбаться до конца визита, за исключением тех минут, когда смеялась, и попрощалась с улыбкой. Муж ее был невозмутимый молодой человек лет двадцати пяти или двадцати шести, более светский и чинный, чем его жена, но менее склонный радовать и радоваться. Он вошел в гос-

тиную с чопорным видом, слегка поклонился хозяйкам, не произнеся ни слова, коротко обозрел их, а также комнату и взял со столика газету, которую продолжал читать, пока не настало время откланяться.

Напротив, миссис Палмер, с ее природной приветливостью и счастливым характером, не успела сесть, как принялась изливать восторг, в который ее ввергла гостиная и вся обстановка.

— Ах, какая прелестная комната! Никогда не видела ничего очаровательнее! Только подумайте, мама, как она украсилась с тех пор, как я в последний раз ее видела! Мне она всегда казалась милой, сударыня (это было адресовано миссис Дэшвуд), но вы сделали ее восхитительной! Сестрица, погляди, ну, просто чудо, как тут все хорошо! Ах, как мне хотелось бы жить в таком доме! А вам, мистер Палмер? — Мистер Палмер ничего не ответил и даже не поднял глаз от газеты.

— Мистер Палмер меня не слышит! — воскликнула его жена со смехом. — Иногда он становится совсем глух. Так смешно!

Для миссис Дэшвуд это было нечто совсем новое: она никогда не находила ничего остроумного в пренебрежительности и теперь невольно поглядела на них обоих с некоторым удивлением.

Миссис Дженнингс тем временем продолжала, как могла громче, живописать свое изумление накануне вечером, когда увидела зятя и дочь, умолкнув лишь после того, как исчерпала все малейшие подробности. Миссис Палмер от души смеялась, вспоминая, до какой степени были они поражены, и все согласились — по меньшей мере три раза, — что сюрприз оказался преприятнейший.

— Вы понимаете, как рады мы были увидеть их, — добавила миссис Дженнингс, наклоняясь в сторону Элинор и слегка понижая голос, словно обращалась к ней одной, хотя они сидели в противоположных концах комнаты. — Однако я предпочла бы, чтобы они ехали не так быстро и избрали бы не столь кружной путь... ведь они отправились через Лондон, из-за каких-то дел там... а, вы понимаете (тут она многозначительно кивнула, указывая на дочь), это опасно в ее положении. Я хотела, чтобы сегодня она никуда утром не выходила и отдохнула, но она и слышать ничего не желала: так ей не терпелось познакомиться с вами всеми!

Миссис Палмер засмеялась и сказала, что ей это несколько не повредит.

— Она ожидает в феврале...— продолжала миссис Дженнингс.

Леди Миддлтон не могла долее выносить подобного разговора и потому взяла на себя труд осведомиться у мистера Палмера, нет ли чего-нибудь нового в газете.

— Нет, ничего,— ответил он и продолжал читать.

— А вот и Марианна! — вскричал сэр Джон.— Сейчас, Палмер, вы увидите убийственную красавицу!

Он тотчас вышел в коридор, отворил входную дверь и проводил Марианну в гостиную. Не успела она переступить порог, как миссис Дженнингс осведомилась, не в Алленеме ли она была, а миссис Палмер звонко засмеялась, показывая, как хорошо она понимает подоплеку такого вопроса. Мистер Палмер при появлении Марианны поднял голову, некоторое время смотрел на нее, а затем вновь занялся газетой. Тут взгляд миссис Палмер остановился на рисунках, висевших по стенам. Она встала, чтобы рассмотреть их.

— Ах! Подумать только! До чего же они прелестны! Просто восхитительны! Мама, мама, ну, взгляните же, что за прелесть! Просто глаз оторвать невозможно! — Затем она вновь опустилась в кресло и тотчас про них забыла.

Когда леди Миддлтон поднялась, прощаясь, мистер Палмер поднялся следом за ней, положил газету, потянулся и обвел их всех взглядом.

— Любовь моя, да вы спали? — со смехом спросила его жена.

Он ей ничего не ответил и только сказал, еще раз оглядев комнату, что она низковата, а потолок скошен. После чего поклонился и вышел вместе с остальными.

Сэр Джон потребовал, чтобы они все отобедали в Бартон-парке на следующий день. Миссис Дэшвуд, предпочитающая не обедать у них чаще, чем они обедали в Коттедже, ответила, что она принять его приглашения никак не может, но дочерям предоставляет решать самим. Однако тем было нисколько не любопытно посмотреть, как мистер и миссис Палмер кушают свой обед, а никаких других развлечений это посещение не сулило, и потому они тоже попытались отказаться: погода стоит ненастная и обещает стать еще хуже. Но сэр Джон и слышать никаких отговорок не хотел: он придет за ними карету, вот и вся недолга! Леди Миддлтон, хотя отказ миссис Дэшвуд она приняла, тут тоже начала настаивать. Миссис Дженнингс и миссис Палмер присоединили свои мольбы к их уговорам — всем им, видимо, равно не хотелось обедать в тесном семейном кругу, и барышням пришлось уступить.

— Зачем они нас приглашают? — сказала Марианна, едва гости удалились.— Считается, что арендная плата за коттедж очень мала, но тем не менее мы снимаем его на весьма тяжелых условиях, если обязаны обедать у них всякий раз, когда к ним или к нам приезжают гости!

— Они продолжают часто приглашать нас из той же любезности и доброты, как и несколько недель назад,— возразила Элиноор.— И если бывать у них нам стало тягостно и скучно, то не потому, что они стали другими. Перемену следует искать не в них.

ГЛАВА 20

два барышни Дэшвуд вошли в гостиную Бартон-парка в одну дверь, в другую вбежала миссис Палмер, такая же оживленная и веселая, как накануне. Она пожалала им всем руки с большой сердечностью и выразила чрезвычайный восторг, что снова их видит.

— Я так вам обрадовалась! — сказала она, садясь между Элиноор и Марианной.— День такой хмурый, и я боялась, что вы останетесь дома, а это было бы ужасно! Ведь мы завтра уезжаем. И ничего нельзя поделать, потому что на той неделе мы ждем Уэстонов. Мы же приехали сюда так неожиданно! Я ничего и не знала, как вдруг подают карету, и мистер Палмер спрашивает, поеду ли я с ним в Бартон. Он такой чудак! Никогда ни о чем меня не предупреждает! Мне так жаль, что мы не сможем остаться подольше. Однако, надеюсь, мы очень скоро увидимся в Лондоне!

Им пришлось положить конец этим надеждам.

— Как! Не приедете в Лондон? — воскликнула миссис Палмер со смехом.— Я буду так огорчена! Я могу снять для вас чудеснейший дом, совсем рядом с нами, на Гановерсквер. Нет, вы должны, должны приехать! Если миссис Дэшвуд не пожелает появляться в обществе, я буду вас сопровождать, пока не подойдет мое время.

Они поблагодарили ее, но остались тверды.

— Ах, любовь моя,— воззвала миссис Палмер к мужу, который как раз вошел в гостиную,— помоги мне убедить мисс Дэшвуд и ее сестриц, что им непременно надо зимой приехать в Лондон.

Ответа от ее любви не последовало, и, слегка поклонившись гостям, он начал бранить погоду.

— Такая гадость! — сказал он. — В подобную погоду все и вся кажется омерзительным. Дождь наводит скуку в доме не менее, чем снаружи. На знакомые лица смотреть противно. Какого дьявола сэр Джон не поставил у себя бильярда? Мало кто знает, что это за чудесное развлечение. Сэр Джон глуп, как эта погода!

Вскоре к ним присоединились и остальные.

— Боюсь, мисс Марианна, — сказал сэр Джон, — сегодня вам пришлось отказаться от вашей обычной прогулки в Алленем.

Марианна нахмурилась и ничего не ответила.

— Ах, не таитесь от нас! — воскликнула миссис Палмер. — Нам все-все известно, уверяю вас. И я восхищена вашим вкусом, он ведь редкий красавец! И, знаете ли, в деревне мы почти соседи. От нас до его имения, право, не более десяти миль.

— По меньшей мере тридцать, — сказал ее муж.

— А! Ну, что за разница! В доме у него я не бывала, но, говорят, там все прелестно.

— Более гнусного сарая мне видеть не приходилось, — сказал мистер Палмер.

Марианна хранила молчание, но по ее лицу было видно, с каким интересом она слушает.

— Неужели все там так уж безобразно? — продолжала миссис Палмер. — Значит, мне говорили про какой-то другой очаровательный дом.

Когда они сели за стол, сэр Джон с сожалением заметил, что их всего восемь.

— Душа моя, — сказал он, обращаясь к своей супруге, — какая досада, что нас так мало. Почему ты не пригласила Гилбертов приехать к нам сегодня?

— Разве, сэр Джон, когда вы говорили со мной об этом, я не объяснила вам, что вы просите невозможного? Ведь последними обедали они у нас.

— Мы с вами, сэр Джон, о таких церемониях и думать не стали бы, — сказала миссис Дженнингс.

— И показали бы, что дурно воспитаны! — вскричал мистер Палмер.

— Любовь моя, вы всех опровергаете, — заметила его жена с обычным своим смехом. — Знаете ли, это очень грубо.

— Не вижу, кого я опровергал, сказав, что ваша мать дурно воспитана.

— Поносите, поносите меня сколько вашей душе угодно, — вмешалась его добродушная теща. — Шарлотту с шеи

у меня вы сняли и назад водворить ее не можете. Тут уж верх остается за мной.

Шарлотта от всего сердца рассмеялась при мысли, что муж не может от нее избавиться. Пусть дуется на нее сколько ему угодно, объявила она с торжеством, жить-то они все равно должны вместе. Более счастливую натуру, упрямо сохраняющую веселое расположение духа, чем миссис Палмер, и вообразить было невозможно. Нарочитое равнодушие, грубость и брюзгливость мужа ничуть ее не трогали, и, когда он бранил или язвил ее, она только весело смеялась.

— Мистер Палмер такой чудак! — шепотом сообщила она Элинор. — Он всегда в дурном настроении.

Элинор после некоторых наблюдений не была склонна поверить, что он и в самом деле такой неисправимый брюзга и неблаговоспитанный невежа, каким тщился выставить себя. Быть может, характер у него стал несколько более кислым, когда, подобно многим другим мужчинам, он обнаружил, что, по неизъяснимой причине отдав предпочтение красоте, оказался мужем очень глупой женщины, — Элинор знала, что подобного рода промахи весьма обычны и разумный человек довольно скоро перестает страдать и свыкается со своим положением. Нет, решила она, это презрительное обхождение со всеми и поношение всего, что он видел, были скорее плодом стремления выделяться среди других людей, желанием показать свое превосходство над ними. Само это желание не представляло собой ничего удивительного или редкого, но средства его достижения, как бы успешно они ни утверждали его бесспорное превосходство в невоспитанности и грубости, не придавали ему привлекательности ни в чьих глазах, кроме его жены.

— Ах, милая мисс Дэшвуд, — сказала миссис Палмер несколько минут спустя, — я хочу просить вас и вашу сестрицу о величайшем одолжении. Не приехали бы вы на рождество погостить в Кливленде? Прошу вас! И приезжайте, чтобы застать Уэстонов. Вы и вообразить не можете, как счастлива я буду! Любовь моя, — обратилась она к мужу, — ведь вы бы очень желали, чтобы мисс Дэшвуд и мисс Марианна погостили в Кливленде?

— Разумеется, — ответил он с презрительной усмешкой. — Иначе зачем бы я приехал в Девоншир?

— Ну вот! — воскликнула миссис Палмер. — Как видите, мистер Палмер приглашает вас. И отказать вы не можете!

Но они обе поспешно и с большой твердостью ответили отказом.

— Но нет же! Вы обязательно должны приехать и приедете. Я знаю, вам у нас очень понравится. И Уэстоны приедут. Все будет восхитительно. Вы и вообразить не можете, какое Кливленд прелестное место! И у нас сейчас так весело, потому что мистер Палмер все время ездит по графству, чтобы заручиться поддержкой на выборах в парламент. И к нам обедать съезжаются столько людей, кого я прежде в глаза не видела! Это одно очарование! Но беденький! Как его это утомляет! Ему же надо всем нравиться!

Элинор еле сдержала улыбку, согласившись с тем, что подобная необходимость весьма тяжела.

— Как будет очаровательно,— продолжала Шарлотта,— когда он станет членом парламента, не правда ли? Как я буду смеяться! Так забавно, что на всех его письмах будет ставиться «Ч. П.»! Но знаете, он говорит, что моих писем ни за что франкировать не станет. Ни в коем случае, говорит он. Не так ли, мистер Палмер?

Мистер Палмер словно ее не слышал.

— Вы знаете,— он терпеть не может писать! — продолжала она.— Он говорит, что это просто ужасно!

— Нет,— сказал ее муж,— я никогда подобной нелепости не говорил. Не приписывайте мне собственные упражнения в изящной словесности.

— Вот! Видите, какой он смешной чудак! И так всегда! Иногда он по полдня со мной не разговаривает, а потом скажет что-нибудь такое смешное! Ну, о чем угодно!

Когда они удалились в гостиную, миссис Палмер чрезвычайно удивила Элинор, выразив убеждение, что мистер Палмер ей, несомненно, чрезвычайно понравился.

— Разумеется,— ответила Элинор,— он так любезен!

— Ну... Я очень рада. Я так и полагала, он ведь такой обходительный! И вы мистеру Палмеру чрезвычайно нравитесь, как и ваша сестрица, поверьте мне. И вы даже вообразить не можете, как он будет огорчен, если вы не приедете в Кливленд. Я просто понять не могу, почему вы отказываетесь!

Элинор вновь была вынуждена отклонить ее приглашение и переменяла тему, чтобы положить конец дальнейшим разговорам. Она подумала, что миссис Палмер как соседка Уиллоби по имению, вероятно, лучше осведомлена о характере и репутации Уиллоби, чем Мидлтоны, знакомые с ним не особенно близко. А ей очень хотелось получить от кого-нибудь такое подтверждение его достоинств, какое позволило бы долее не опасаться за Марианну. Она начала

с того, что осведомилась, часто ли они принимают мистера Уиллоби в Кливленде и хорошо ли они знакомы.

— Ах, разумеется! Я отлично его знаю,— ответила миссис Палмер.— Правда, я ни разу с ним словом не перемолвилась. Но я постоянно вижу его в Лондоне. Как-то так получалось, что я ни разу не приезжала в Бартон, когда он гостил в Алленеме. Мама один раз видела его здесь прежде, но я гостила у моего дяди в Уэймуте. Впрочем, мы, наверное, часто виделись бы с ним в Сомерсетшире, если бы, к сожалению, не бывали там в разное время. Если не ошибаюсь, он редко живет в Комбе, но и в ином случае мистер Палмер, мне кажется, не ездил бы к нему,— ведь он, как вы понимаете, принадлежит к оппозиции, да и дорога туда от нас такая длинная! Знаю-знаю, почему вы о нем спрашиваетесь: ваша сестрица выходит за него. Я ужасно рада, потому что тогда она будет моей соседкой!

— Право,— сказала Элинора,— вам известно об этом гораздо больше, чем мне, если у вас есть причины ожидать этого брака.

— Не спорьте, не спорьте! Вы же знаете, все только про это и говорят! Уверяю вас, я услышала об этом проездом в Лондоне.

— Милая миссис Палмер, помилуйте!

— Даю вам слово. Утром в понедельник я встретила полковника Брэндона на Бонд-стрит, когда мы уже совсем собрались в дорогу, и он мне все рассказал.

— Вы меня крайне удивили! Полковник Брэндон рассказал вам подобную вещь? Нет, тут какое-то недоразумение. Я не могу себе представить, чтобы полковник Брэндон, даже будь это правдой, счел нужным сообщать подобную новость особе, для которой она ни малейшего интереса не представляет.

— Однако, уверяю вас, все так и было. И я расскажу вам все по порядку. Когда мы встретились, он повернулся и пошел нас проводить; и мы заговорили про мою сестру и зятя, слово за слово, и я ему сказала: «Как я слышала, полковник, в Бартонском Коттедже поселились родственницы сэра Джона, и мама пишет, что дочери все очень хорошенькие и одна из них выходит за мистера Уиллоби из Комбе-Магна. Скажите, это правда? Вы же должны знать, раз вы только что из Девоншира!»

— И что ответил полковник?

— О! Да почти ничего. Только по его глазам было видно, что так оно и есть. Какие же тут могут быть сомнения! Я просто в восторге! А когда свадьба?

«Охота на зайцев».
Рисунок Дж. Морланда, 1790 г.

— Надеюсь, мистер Брэндон был здоров?

— О да! И в полном от вас восхищении. Он так и сыпал похвалами вам.

— Его доброе мнение мне льстит. Он, по-видимому, превосходный человек, и я нахожу его приятным во всех отношениях.

— Как и я! Очаровательнейший человек, и какая жалость, что он такой серьезный и такой скучный! Мама говорит, что и он влюблен в вашу сестрицу. Могу заверить вас, если так, это очень для нее лестно, потому что он почти никогда ни в кого не влюбляется.

— Мистера Уиллоби хорошо знают в вашей части Сомерсетшира? — спросила Элинор.

— О да! Чрезвычайно хорошо! То есть, по-моему, с ним мало кто знаком, потому что до Комбе-Магна так далеко! Но уверяю вас, все находят его очаровательным. Где бы мистер Уиллоби ни появлялся, он всех обвораживает, так и передайте вашей сестрице. Честное слово, она просто счастливица, что выходит за него. Ну, конечно, и он счастливеец: ведь она чудо, как хороша собой и так мила, и могла бы выбрать, кого угодно! Впрочем, я вовсе не

думаю, что вы много уступаете ей в красоте, уверяю вас. По-моему, вы обе чудо как прелестны. И конечно, мистер Палмер того же мнения, хотя вчера мы так и не добились, чтобы он в этом признался.

Как ни мало могла сказать миссис Палмер о Уиллоби, любое свидетельство в его пользу, пусть даже самое незначительное, было приятно Элиноর.

— Я так рада, что мы наконец познакомились,— продолжала Шарлотта.— И надеюсь, мы теперь навсегда останемся большими друзьями. Вы и вообразить не можете, как я жаждала вас увидеть! Так восхитительно, что вы поселились в Коттедже! Ничего приятнее этого и не придумать! И я так рада, что ваша сестрица делает прекрасную партию. Надеюсь, вы будете часто гостить в Комбе-Магна. Все говорят, что это прелестное место.

— Вы давно знакомы с полковником Брэндоном, не так ли?

— Да, порядочно. С тех пор как моя сестрица вышла замуж. Он такой близкий друг сэра Джона. По-моему,— продолжала она, понизив голос,— он был бы рад просить моей руки. Сэр Джон и леди Мидлтон очень этого желали. Но мама решила, что я могу найти партию получше, не то бы сэр Джон намекнул полковнику и мы тотчас обвенчались бы.

— Но разве полковник Брэндон не знал заранее, что сэр Джон намерен был говорить с вашей матушкой от его имени. И никогда не признавался вам в своих чувствах?

— Нет-нет! Но если бы мама не стала возражать, он, конечно, был бы в восторге. Он видел меня не больше двух раз, я тогда еще училась в пансионе. Впрочем, счастливее я быть никак не могла бы. Мистер Палмер именно такой мужчина, какие мне нравятся.

ГЛАВА 21

Палмеры отправились к себе в Кливленд на следующий день, и две бартонские семьи вновь вынуждены были довольствоваться обществом только друг друга. Однако длилось это недолго. Элинор едва перестала думать о своих последних знакомых — удивляться тому, что Шарлотта столь беспричинно счастлива, а мистер Палмер, человек словно бы не без та-

лантов, ведет себя столь бесцеремонно, и размышлять о том, как часто муж и жена совершенно друг другу не подходят, а усердие сэра Джона и миссис Дженнингс и их страсть к большому обществу уже снабдили ее новыми предметами для наблюдений и заметок.

Однажды утром сэр Джон и миссис Дженнингс отправились в Эксетер и встретили там двух барышень, которые, к большому удовольствию миссис Дженнингс, оказались с ней в родстве, и этого было достаточно, чтобы сэр Джон пригласил их погостить в Бартоне, едва их визит к друзьям в Эксетере подойдет к концу. После такого приглашения тут же оказалось, что в Эксетере их ничто не удерживает, и леди Мидлтон была ввергнута в немалую тревогу, услышав от сэра Джона еще с порога, что ей предстоит принять двух девиц, которых она никогда прежде не видела и чья светскость или хотя бы благовоспитанность оставались под сомнением, ибо заверения ее мужа и матери в подобных случаях не стоили ничего. Родство между ними лишь подливало масла в огонь, и миссис Дженнингс, стараясь ее успокоить, выбрала, к несчастью, не самое лучшее утешение, посоветовав дочери не обращать внимания на их скромное положение: кровные узы это кровные узы, и уж тут ничего не поделаешь! Воспрепятствовать их приезду, однако, было теперь невозможно, и леди Мидлтон, как истинно светская дама, философски смирилась с неизбежным и лишь кротко пеняла мужу не чаще пяти-шести раз на дню.

Барышни прибыли. И выглядели они отнюдь не чуждыми светскому тону. Платья их были очень модными, манеры очень учтивыми: они пришли в восторг от дома, восхищались мебелью и так нежно любили детей, что и часа не прошло, как леди Мидлтон составила о них самое лучшее мнение. Она объявила, что они весьма приятные девицы, а это в устах ее милости было равно самому горячему одобрению. От такой похвалы сэр Джон проникся еще большим уважением к своему умению судить о людях и тут же отправился в Коттедж объявить мисс Дэшвуд и ее сестрам о прибытии мисс Стил с сестрой и заверить их, что это милейшие в мире барышни. Однако такая рекомендация мало о чем говорила. Элинор прекрасно знала, что любой уголок Англии изобилует милейшими в мире барышнями, удивительно различными и лицом, и характером, и умом. Сэр Джон требовал, чтобы они немедленно всей семьей посетили Бартон-парк и познакомились с его гостями. Великодушный добряк! Ему в тягость было толь-

ко самому пользоваться обществом даже самых дальних родственников.

— Так идемте же! — говорил он. — Прошу вас, идемте, вы должны пойти, право же должны! Вы и вообразить не можете, как они вам понравятся! Люси убийственная красотка, и такая веселая, такая приятная! Дети все уже от нее ни на шаг не отходят, словно знакомы с ней всю жизнь. И обе они сторают от нетерпения увидеть вас, потому что слышали в Эксетере, что вы бесподобнейшие красавицы, а я их заверил, что так оно и есть, но только вы еще красивее. Вы придете от них в восторг, право слово. Они привезли целую карету подарков для детей. Как у вас хватает совести не пойти? Ведь они с вами почти в родстве. Вы же родня мне, а они — моей жене, значит, между собой вы тоже родня.

Но все уговоры сэра Джона остались тщетными. Он сумел лишь добиться обещания, что они на днях побывают в Бартон-парке, и, изумленный таким равнодушием, пошел домой, чтобы вновь расписать их барышням Стил, как только что расписывал им барышень Стил.

Когда, исполняя данное слово, они отправились в Бартон-парк и знакомство состоялось, ничего восхитительного в наружности старшей мисс Стил, девицы лет под тридцать с невзрачным простоватым лицом, они не нашли, но совсем отказать в красоте младшей сестре, которой было не более двадцати двух — двадцати трех лет, они не могли. Черты ее лица были миловидными, взгляд живым и быстрым, а ловкость манер, хотя и не заменяла истинного благородства и изящества, все же придавала ей вид определенного достоинства. Держались обе с неопишуемой любезностью, и Элинор, наблюдая, как усердно и умело стараются они завоевать расположение леди Мидлтон, должна была признать за ними немалую толику житейской мудрости. Перед ее детьми они млели от восторга, рассыпались в похвалах их ангельской красоте, старались развлекать их, исполняли все их прихоти, а в минуты, свободные от этих важных, возложенных на них вежливостью забот, приходили в экстаз по поводу того, что делала ее милость, если ее милость в эти минуты что-то делала, или же снимали выкройку с нового модного платья, в котором она накануне повергла их в неистовый восторг. К счастью для тех, кто заискивает в других, потакая таким пристрастиям и слабостям, любящая маменька, превосходящая в жадности, когда речь идет о похвалах ее детям, все живые существа, превосходит их и доверчивостью. Требования ее непомерны, зато она охотно проглатывает любую самую

грубую лесть, и леди Мидлтон без малейшего удивления или сомнения наблюдала нежнейшую любовь, которую обе мисс Стил изливали на ее детей, и их поистине святое терпение. С материнской гордостью она взирала на дерзкие выходки и проказы, покорно сносившиеся ее родственницами. Она смотрела, как развязываются их шарфы, как растрепываются их локоны, как обыскиваются их рабочие шкатулки и похищаются их ножички и ножницы, пребывая

в твердой уверенности, что обе получают от этого такую же радость. Удивило ее лишь равнодушие, с каким Элинор и Марианна не пожелали принять в происходящем никакого участия.

— Джон нынче неистощим на выдумки! — заметила она, когда находчивый малютка вытащил у мисс Стил носовой платок и выбросил его в окно.

А когда несколько минут спустя второй ее сынок принял из всей мочи щипать пальцы той же барышни, она сказала только:

— Как Уильям всегда мило играет!

— А какая прелесть моя Аннамария, — добавила она, нежно лаская трехлетнюю девочку, которая вот уже целых две минуты как перестала бегать и кричать. — Такая всегда послушная и тихая. Настоящая мышка!

К несчастью, наклонившись, ее милость булавкой, закальвавшей чепчик, слегка царапнула шейку девочки, и этот образец послушания и кротости разразился такими оглушительными воплями, что никакое самое голосистое существо не смогло бы превзойти их пронзительностью. Материнское отчаяние не знало пределов, однако тревога обеих мисс Стил мало чем ему уступала, и они втроем наперебой делали все, что в подобном ужасном случае могло, как подсказывала им любовь, утишить муки маленькой страдальцы. Ее водворили в материнские объятия, осыпали поцелуями, одна мисс Стил коленопреклоненно промывала ее рану лавандовой водой, а другая набивала волящий ротик засахаренными сливами. Получая такие награды за слезы, мудрая девочка и не думала униматься. Она продолжала вопить и рыдать, брыкала братцев при малейшей попытке прикоснуться к ней, и все их объединенные усилия оставались втуне, пока леди Мидлтон, к счастью, не вспомнила, что на прошлой неделе при таких же трагических обстоятельствах ушибленный висок удалось излечить при помощи абрикосового мармелада, и не предложила применить то же целительное средство и к гадкой царапине. Легкое затишье в воплях маленькой барышни позволило надеяться, что оно отвергнуто не будет, и она отправилась в материнских объятиях на его поиски. Оба мальчугана последовали за ней, как ни заклинала их мать не покидать гостиной, и четыре девицы остались одни среди тишины, воцарившейся в комнате впервые за много часов.

— Бедненькая крошка! — тут же воскликнула мисс Стил. — Ведь это ужас как опасно!

— Не понимаю, почему! — возразила Марианна. — Пустячная царापинка... Но тревогу всегда преувеличивают, если для нее нет настоящих причин.

— Что за очаровательная дама леди Мидлтон! — сказала Люси Стил.

Марианна промолчала. Она не умела говорить неискренне даже в светской беседе, а потому обязанность лгать, когда того требовала вежливость, всегда падала на Элинора. Выполнила она ее и теперь, отозвавшись о леди Мидлтон с восторженностью, какой не испытывала — правда, менее горячо, чем мисс Люси.

— И сэр Джон тоже! — вскричала старшая сестра. — Ах, какой бесподобный мужчина!

И вновь мисс Дэшвуд отдала должное ему без особого восхищения, сказав просто, что он очень добр и любезен.

— А детки у них, ну, чистые ангельчики. Прелестней малюток я не видывала. Признаюсь, я совсем без ума от них. Но, правду сказать, мне милей деток в жизни ничего нет!

— Об этом нетрудно догадаться, — с улыбкой сказала Элинора, — если судить по тому, чему я сейчас была свидетельницей.

— По-моему, — заметила Люси, — вы полагаете, что маленьких Мидлтонов слишком уж балуют. Ну, может быть, им и позволяют чуть-чуть лишнее, но столь нежной матери, как леди Мидлтон, это так простительно! И мне всегда нравится, если дети веселы и шаловливы. Не терплю чинных тихонь!

— Должна признаться, — сказала Элинора, — что в Бартон-парке мысль о тихих чинных детях мне особого отвращения не внушает.

Вслед за ее словами наступило молчание, которое мисс Стил, видимо, большая охотница до разговоров, прервала, внезапно осведомившись:

— А Девоншир вам нравится, мисс Дэшвуд? Уезжать из Сассекса вам, натурально, не очень хотелось?

Несколько удивленная фамильярностью вопроса, а главное, тоном, каким он был задан, Элинора тем не менее ответила утвердительно.

— Норленд же бесподобное место, а?

— Сэр Джон нам его очень расхваливал, — поторопилась объяснить Люси, по-видимому, желая смягчить бесцеремонность сестры.

— Каждому, кто видел Норленд, — сказала Элинора, —

он, мне кажется, не может не понравиться. Но, конечно, как мы, его красот не знает никто.

— Душки-то кавалеры там были? И много? В здешних краях их что-то не видать. А по мне, без них никакое общество не в общество.

— Но с какой стати ты вообразила,— перебила Люси, краснея за сестру,— будто в Девоншире должно быть меньше благородных молодых людей, чем в Сассексе?

— Ах, сестрица, я же не говорю, что их тут нету. Уж конечно, в Эксетере душек-кавалеров полным-полно. Только откуда мне знать, какие кавалеры бывали в Норленде! Вот я и подумала, может, в Бартоне мисс Дэшвуд с сестрицами скучно, если тут их не так много, как им привычно. Но может, вам, барышни, кавалеры и ни к чему, может, вам и без них превесело. А я так думаю, что бесподобнее ничего нет, только бы они прифрантились и были обходительны. Коли они неопрятны да невежи, так на них и смотреть не хочется. Вот мистер Роуз в Эксетере уж такой душка, такой кавалер! Он, знаете, писец у мистера Симпсона, а встретить его поутру, так глаза бы мои на него не глядели! Уж натурально, ваш братец, мисс Дэшвуд, пока не женился, был бесподобный кавалер, при его-то деньгах!

— Право, не могу сказать,— ответила Элиноор.— Мне не совсем понятен смысл этого слова. Но во всяком случае, если до того, как жениться, он когда-либо был бесподобным кавалером, то он им и остался, потому что никакой перемены в нем незаметно.

— Ах, помилуйте! Да как женатый может быть кавалером? У женатых другие занятия!

— Боже мой, Анна! — воскликнула ее сестра.— Неужели тебе, кроме кавалеров, говорить не о чем? Мисс Дэшвуд подумает, что у тебя голова только ими и полна.

И, чтобы переменить разговор, она принялась восхищаться домом и мебелью.

Обе мисс Стил достаточно себя показали. Вульгарная назойливость и глупость старшей ничем не искупались, а красота и вкрадчивость младшей не помешали Элиноор заметить, что в ней нет ни истинной благовоспитанности, ни душевной прямоты, и она вернулась домой без малейшего желания свести с ними более короткое знакомство.

Но мисс Стил и Люси были иного мнения. Они приехали из Эксетера с большим запасом восторгов, чтобы одаривать ими сэра Джона Мидлтона, его супругу, детей и всех его близких, а потому не поскупились на них и для его прекрасных родственниц: по их словам, столь красивых,

изящных, образованных и обворожительных девиц они еще не встречали, и пылали желанием сойтись с ними поближе. И, как скоро обнаружила Элино́р, сойтись с ними поближе и она и ее сестры были обречены, ибо сэ́р Джон был всецело на стороне девиц Стил, а при таком союзнике сопротивление оказалось бесполезным, и им пришлось терпеть ту короткость, которая означает, что люди почти каждый день проводят час-два в одной комнате. Большого сэ́р Джон достичь не мог, чего, впрочем, сам он и не подозревал, искренне полагая, будто проводить время вместе и быть друзьями — это одно и то же, и, до тех пор пока его непрерывные усилия сводить их под одним кровом увенчивались успехом, он не питал ни малейших сомнений, что их уже связывает самая задушевная дружба. Надо отдать ему справедливость: он употреблял все усилия, чтобы утвердить между ними доверенность, сообщая барышням Стил самые сокровенные подробности всего, что он знал или предполагал о своих родственницах, — и чуть ли не на второй раз, как они увиделись, мисс Стил поздравила Элино́р с тем, что мисс Марианна и приехать-то не успела, а уже покорила бесподобнейшего душку-кавалера.

— Выдать ее замуж такой молоденькой, чего уж лучше! — сказала она. — А он, как я слышала, всем кавалерам кавалер и писанный красавец. От всего сердца желаю вам того же, да поскорее. Но может, у вас уже припрятан миленький дружок?

У Элино́р не было оснований полагать, что сэ́р Джон, не пощадив Марианну, вдруг пощадит ее и не станет оглашать своих подозрений о ней и Эдварде. Тем более что теперь он даже предпочитал прохаживаться на ее счет, так как эти поддразнивания обладали прелестью новизны и открывали более широкое поле для всяческих догадок. После отъезда Эдварда, всякий раз когда они обедали вместе, сэ́р Джон пил за ее сердечные чувства с таким многозначительным видом, подмигивая и кивая, что обращал на нее всеобщее внимание. Притом непременно упоминалась буква «эф», которая затем давала пищу для такого количества шуточек, что Элино́р давно уже вынуждена была признать ее самой остроумной буквой алфавита.

Как она и ожидала, этими шуточками теперь ублажались сестрицы Стил, и в старшей они возбудили нестерпимое желание узнать имя молодого человека, о котором шла речь. Желание это она часто изъясляла с немалой наглостью, что, кстати, ни в чем не противоречило ее постоянному стремлению выведать побольше о их семье. Впрочем,

сэр Джон недолго играл с любопытством, которое обожал разжигать, ибо назвать имя ему было не менее соблазнительно, чем мисс Стил — услышать его.

— Его зовут Феррарс,— сообщил он весьма громким шепотом.— Но, прошу вас, не проговоритесь, это большой секрет!

— Феррарс! — повторила мисс Стил.— Мистер Феррарс большой счастливец, а? Как! Брат вашей невестки, мисс Дэшвуд? Очень миленький молодой человек, очень. Я его прототлично знаю.

— Анна, ну что ты говоришь! — вскричала Люси, которая обычно подправляла все утверждения сестры.— Если мы и видели его раза два у дядюшки, это еще не повод считать его близким знакомым.

Элинор слушала их внимательно, удивляясь про себя. Кто этот дядюшка? Где он живет? Как они познакомились? Она от души желала, чтобы разговор этот продолжался, хотя сама к нему не присоединилась, но тема была тут же оставлена, и впервые, к ее изумлению, миссис Дженнингс либо утратила интерес к мелким сплетням, либо пожелала сохранить при себе то, что было известно ей. Тон, каким мисс Стил говорила про Эдварда, усугубил ее собственное любопытство, потому что в нем ей почудилось злорадство, словно эта девица знала или же воображала, будто знает нечто, не делающее ему чести. Но любопытство ее так и осталось неудовлетворенным, ибо с этих пор мисс Стил пропускала мимо ушей имя мистера Феррарса, когда сэр Джон намекал на него или даже произносил его вслух.

ГЛАВА 22

Марианна всегда не терпела наглости, вульгарности, невоспитанности и даже иных вкусов, кроме своих собственных, и все эти дни находилась в таком расположении духа, что девицы Стил уж никак не могли ей понравиться, и она отвергала все их попытки сойтись с ней поближе. Этой-то холодностью, обрывавшей все их изъявления дружбы, Элинор и объясняла предпочтение, которое вскоре обе они начали оказывать ей, и особенно Люси, не упускавшая случая вступить с ней в разговор и расположить к себе непринужденной откровенностью.

Люси отличалась природной остротой ума, ее наблюдения нередко казались меткими и забавными, а потому на полчаса Элино́р порой находила ее приятной собеседницей. Однако ее способности не подкреплялись образованием, она была невежественна и никогда не пыталась воспитать свой ум с помощью книг. Как ни старалась она выставлять себя в самом выгодном свете, ей не удавалось скрыть от мисс Дэшвуд, насколько малы ее познания, насколько она не осведомлена в самых, казалось бы, обычных предметах. Элино́р видела, что образование могло бы развить и облагородить способности, оставшиеся в небрежении, и жалела ее, но видела она также, и без всякой снисходительности, отсутствие душевной утонченности, нравственных устоев и уважения к себе, которые ее угодливость, льстивость и раболепствование перед обитателями Бартон-парка выдавали ежечасно. А потому она недолго могла находить удовольствие от общества особы, в чьей душе фальшь сопутствовала невежеству, чья необразованность мешала им беседовать как равным и чье поведение с остальными лишало всякой цены знаки внимания и уважения, оказываемые ей.

— Вы, полагаю, сочтете мой вопрос странным,— как-то сказала Люси, когда они вместе шли из Бартон-парка в Коттедж,— но, прошу вас, ответьте, знакомы ли вы с матерью вашей невестки, с миссис Феррарс?

Элино́р, бесспорно, сочла такой вопрос более чем странным, что и отразилось на ее лице, когда она ответила, что с миссис Феррарс не знакома.

— Ах, неужели! — воскликнула Люси.— Меня это удивляет, потому что, казалось мне, вы могли видеть ее в Норленде. В таком случае вы вряд ли можете рассказать мне, какова она.

— О да,— ответила Элино́р, остерегаясь высказать свое мнение о матери Эдварда и не испытывая ни малейшей охоты удовлетворить то, что могла счесть лишь вульгарным любопытством.— Я ничего о ней не знаю.

— Вы, конечно, сочли очень странным, что я навожу о ней справки подобным образом,— сказала Люси, внимательно вглядываясь в лицо Элино́р,— но, быть может, есть причины... Если бы я осмелилась... И все же льщу себя надеждой, вы поверите, что это не праздное, не дерзкое любопытство.

Элино́р вежливо сказала, что подобная мысль была от нее далека, и несколько минут они шли в молчании. Нарушила его Люси, которая вернулась к прежней теме, сказав робким голосом:

— Мне невыносимо думать, что вы сочли меня вульгарно любопытной. Право, я готова сделать что угодно, лишь бы не выглядеть такой в глазах особы, чье доброе мнение стоит так дорого. И, натурально, вам я могла бы довериться без опасений. Мне был бы неоценим ваш совет, как следует поступить в столь неловком положении, в каком я очутилась. Однако докучать вам у меня повода нет. Как жаль, что вы незнакомы с миссис Феррарс!

— И мне жаль,— в большом изумлении произнесла Элино́р,— если мое мнение о ней могло бы сослужить вам пользу. Но, право, я понятия не имела, что семья эта вам знакома, а потому, признаюсь, была немного удивлена подобным вопросом о характере миссис Феррарс.

— А, конечно, конечно! Я вполне это понимаю. Но если бы я смела рассказать вам все, вы перестали бы удивляться. Пока миссис Феррарс для меня никто, но может настать время... и это в ее воле... когда мы окажемся в очень близком родстве...

При этих словах она стыдливо потупилась, бросив лишь один быстрый взгляд на свою спутницу, проверяя, какое они произвели впечатление.

— Неужели! — воскликнула Элино́р.— Как же так? Вы знакомы с мистером Робертом Феррарсом? Возможно ли? — Мысль, что у нее будет такая свойственница, вовсе ее не обрадовала.

— Ах нет, не с мистером Робертом Феррарсом,— ответила Люси, подчеркивая имя.— Я ни разу в жизни его не видела. Но с его,— добавила она, устремив пристальный взгляд на Элино́р,— старшим братом.

Что почувствовала Элино́р в этот миг? Изумление, которое было бы столь же мучительным, как и сильным, если бы к нему тотчас не примешалось недоверие. Она повернулась к Люси в немом недоумении, не понимая причины или цели подобного признания, и, хотя цвет ее лица изменился, она все больше утверждалась в своем недоверии и не боялась заплакать или упасть в обморок.

— Натурально, вы удивлены,— продолжала Люси,— откуда вам было знать? Полагаю, он ни словом не намекнул ни вам, ни вашим близким. Потому что это было решено держать в глубочайшей тайне, и я до сих пор свято ее соблюдала. Никто из моих родных, кроме Анны, ничего об этом не знает, и я никогда бы вам даже не намекнула, если бы не чувствовала, что могу без колебаний положить на вашу сдержанность. И, право же, я вдруг подумала, что мои расспросы про миссис Феррарс, наверное,

должны показаться странными, а потому решила объяснить их причину. И, полагаю, мистер Феррарс не будет недоволен, когда узнает, что я доверилась вам: ведь я знаю, как высоко он чтит все ваше семейство и смотрит на вас, мисс Дэшвуд, и двух других барышень, как на родных сестер...— Она выжидающе умолкла.

Элинор на несколько мгновений онемела от растерянности, так она была поражена. Но затем, принудив себя заговорить и тщательно выбирая слова, произнесла со спокойствием, которое в достаточной мере скрывало ее изумление и горечь:

— Могу ли я спросить, давно ли вы помолвлены?

— Вот уже четыре года.

— Четыре!

— Да.

Элинор, как ни была она потрясена, все еще была не в силах поверить.

— Я только на днях услышала, что вы вообще знакомы.

— Тем не менее знакомы мы очень давно. Видите ли, он довольно долго был поручен заботам моего дядюшки.

— Вашего дядюшки?

— О да! Мистера Прэтта. Разве он никогда не упоминал про мистера Прэтта?

— Кажется, он что-то говорил,— ответила Элинор с большим самообладанием, которое укреплялось по мере того, как возрастало ее волнение.

— Он четыре года жил у дядюшки в Лонгстейпле неподалеку от Плимута. Тогда и началось наше знакомство, ведь мы с сестрицей часто гостим у дядюшки. И там же мы заключили помолвку, но уже через год после того, как кончился срок его ученичества. Только он все равно постоянно приезжал к нам. Как вы легко можете вообразить, я не хотела действовать тайком, без согласия его матушки, но я была слишком молода, слишком горячо его любила и не последовала голосу благоразумия, как было должно... Ведь, мисс Дэшвуд, хотя вы и не знаете его так хорошо, как я, все же, полагаю, вы могли заметить, что он очень способен завоевать девичье сердце.

— Бесспорно,— ответила Элинор, сама не зная, что говорит. Однако после минутного размышления она добавила с прежней верой в честь Эдварда и его любовь к ней, вновь убедив себя в лживости своей собеседницы: — Вы помолвлены с мистером Эдвардом Феррарсом! Признаюсь, ваши слова так меня удивили, что, право ... прошу вашего извинения, но, право же, тут какое-то недоразу-

мение. Невозможно, чтобы мы имели в виду одного и того же человека. Вероятно, здесь либо ошибка в имени, либо есть какой-то другой мистер Эдвард Феррарс.

— Нет, какая же ошибка! — воскликнула Люси с улыбкой. — Я говорю про мистера Эдварда Феррарса, старшего сына миссис Феррарс, проживающей на Парк-стрит, брата вашей невестки миссис Джон Дэшвуд. Согласитесь же, что я не могу ошибиться в имени человека, от которого зависит все мое счастье.

— Очень странно, — сказала Элинор в мучительном недоумении, — что я ни разу не слышала, чтобы он хотя бы упомянул ваше имя.

— Но что тут странного, если вы представите себе наше положение? Важнее всего нам было сохранить это дело в секрете. Вам ведь ни я, ни моя семья неизвестны, и потому причины упомянуть в беседах с вами мое имя представиться никак не могло. И он всегда особо опасался, как бы его сестрица чего-нибудь не заподозрила, и уж одного этого довольно, чтобы он остерегался называть мое имя.

Люси замолчала. Уверенность Элинор была сильно поколеблена, но не ее самообладание.

— Вы помолвлены вот уже четыре года! — сказала она твердым голосом.

— Да. И одному небу известно, сколько еще нам придется ждать. Бедняжка Эдвард. Это приводит его в такое уныние! — Затем, достав из кармана миниатюру, она добавила: — Чтобы не оставалось уже никаких сомнений, любезно взгляните на этот портрет. Натурально, он не воздаст должного его наружности, но все же, мне кажется, ошибиться, с кого он рисован, нельзя. Я храню его уже более трех лет.

С этими словами она вложила ей в руку миниатюру, и, едва Элинор взглянула на портрет, какие бы сомнения ей еще ни подсказывали опасение поспешить с вынесением приговора или желание поймать Люси на лжи, усомниться, что перед ней лицо Эдварда, она не могла. И тут же возвратила миниатюру, заметив, что сходство схвачено превосходно.

— Мне так и не удалось подарить ему взамен мой портрет, — продолжала Люси. — К большой моей досаде, потому что он так хотел бы его иметь! Но я решила при первом же удобном случае исполнить его просьбу.

— Вы в своем праве, — спокойно ответила Элинор, и несколько шагов они шли в молчании. Первой его нарушила Люси.

— Я знаю,— сказала она,— я могу положиться на то, что вы не проговоритесь. Ведь вы, конечно, понимаете, как для нас важно сохранить этот секрет от его матери. Боюсь, она никогда не даст согласия. У меня нет приданого, а она, полагаю, очень гордая дама.

— Я не искала вашей доверенности,— ответила Элинора,— но вы вполне правы, думая, что можете положиться на мою скромность. Ваша тайна в полной безопасности. Но извините, если я несколько удивлена столь ненужным признанием. Ведь, открывая мне свой секрет, вы понимали, что, во всяком случае, сохранению его это способствовать не может.

При этих словах она пристально поглядела на Люси, надеясь прочесть что-нибудь по ее лицу — ведь большая часть ее признания могла быть ложью! Однако выражение Люси не изменилось.

— Боюсь, вам кажется, что я допустила большую вольность,— сказала она,— открывшись вам. Да, конечно, мы с вами знакомы недолго, то есть лично, но по описанию вы и ваше семейство известны мне довольно давно, и, едва увидев вас, я почувствовала себя с вами, как со старой знакомой. К тому же сейчас я, правда, сочла, что обязана дать вам объяснения после того, как задала такой вопрос про мать Эдварда, тем более что, к несчастью, мне не у кого просить совета. О нас знает только Анна, но на ее суждение совсем нельзя полагаться. И мне от нее больше вреда, чем пользы, ведь я все время боюсь, как бы она меня не выдала. Она совсем не умеет держать язык за зубами, что вы, конечно, заметили, и, право же, когда давеча сэр Джон назвал его имя, я ужас как перепугалась, что она сейчас все и распишет. Даже невообразимо, сколько я душевных мук терплю из-за этого. Дивлюсь, право, что я еще жива после всех страданий, какие переносу ради Эдварда вот уже четыре года. И ничего не известно, и надежды так зыбки, и ведь мы почти не видимся, много-много два раза в год. Право, я даже не понимаю, как у меня еще сердце не разорвалось.

Тут она достала носовой платок, но Элинора не почувствовала к ней особого сострадания.

— Порой,— продолжала Люси, утерев глаза,— я даже думаю, не лучше бы для нас обоих вернуть друг другу слово.— Тут она поглядела прямо в лицо своей собеседницы.— Но у меня недостает решимости. Мне невыносима мысль о том, каким несчастным его сделает одно упоминание о нашем разрыве. Да и я сама... он так

мне дорог, что у меня нет сил с ним расстаться. Что бы вы мне посоветовали, мисс Дэшвуд? Как бы вы сами поступили в таком случае?

— Извините меня,— ответила Элинор, которую этот вопрос поверг в изумление,— но в подобных обстоятельствах я никакого совета дать вам не могу. Вы должны положиться на собственное суждение.

— Оно конечно,— продолжала Люси после того, как обе они некоторое время хранили молчание,— его матушка когда-нибудь да должна так или иначе его обеспечить, но бедняжка Эдвард в такой тоске! Он не показался вам унылым, когда гостил у вас в Бартоне? Когда он простился с нами в Лонгстейпле, чтобы отправиться к вам, он был в таком расстройстве, что я боялась, как бы вы не подумали, что он болен.

— Так он приехал к нам от вашего дяди?

— Да-да. Он прогостил у нас две недели. А вы полагали, что он прямо из Лондона?

— Нет,— ответила Элинор, с грустью все более убеждаясь, что Люси не лжет.— Он, помнится, сказал нам, что провел две недели у друзей в окрестностях Плимута.— Вспомнила она и как удивилась тогда, что он больше ничего про этих друзей не сказал и умолчал даже об их имени.

— И вы заметили его уныние? — повторила Люси.

— О да! Особенно в первые дни.

— Я умоляла его побороть себя, опасаясь, как бы вы не заподозрили о причине. Но он впал в такую меланхолию оттого, что не мог провести с нами больше двух недель и видел, как страдаю я. Бедняжка! Боюсь, ему не стало легче: письма его так печальны! Это я получила, когда мы уезжали из Эксетера.— Она достала из кармана письмо и небрежно показала Элинор, кому оно было адресовано.— Полагаю, вы знаете его руку. Почерк у него бесподобный, хотя на этот раз писал он не так хорошо, как обычно. Наверное, устал, потому что исписал весь листок как мог теснее.

Элинор увидела знакомый почерк и уже не могла долее сомневаться. Миниатюра, тешила она себя надеждой, попала к Люси случайно и вовсе не была подарком Эдварда, но если они переписываются, то, значит, они действительно помолвлены — ведь только помолвка дает им подобное право. И на несколько мучительных мгновений она почти утратила власть над собой, сердце ее сжалось, ноги подкашивались, но совладать с волнением было

необходимо во что бы то ни стало, и, решительно подавив бурю своих чувств, она почти тотчас сумела возвратить себе спокойствие и сохранить его до конца их беседы.

— В переписке,— сказала Люси, пряча письмо в карман,— мы находим единственное утешение в долгие месяцы постоянных разлук. Да, правда, у меня есть еще его портрет, но бедняжка Эдвард лишен даже такого средства утешения печали. Он говорит, что, будь у него мой портрет, его страдания утишились бы. Когда он последний раз был в Лонгстейпле, я подарила ему свой локон, вделанный в кольцо, и он клянется, что на сердце у него стало легче, хотя, натурально, портрет утешал бы его гораздо больше. Возможно, вы заметили у него на руке это кольцо, когда он был у вас?

— О да,— ответила Элинор ровным голосом, твердость которого прятала такую душевную боль и горечь, каких она еще никогда не испытывала. Она была потрясена, ошеломлена, уничтожена.

К счастью для нее, они уже подходили к Коттеджу и разговор оборвался. Посидев с ними несколько минут, Люси с сестрой отправились назад в Бартон-парк, и Элинор могла теперь вволю думать и страдать.

ГЛАВА 23

Как ни мало Элинор доверяла правдивости Люси, на этот раз по зрелом размышлении она не нашла повода заподозрить ее во лжи: никакой соблазн не толкнул бы ее на столь глупую выдумку. И Элинор более не могла, не смела сомневаться в словах Люси, истинность которых подтверждалась множеством всяческих свидетельств и доказательств, а опровергалась лишь ее собственной безрассудной надеждой, что они один обман. Эдвард, бесспорно, мог познакомиться с Люси в доме мистера Прэтта, и это делало все остальное и неопровержимым и невыразимо тягостным. То, что Эдвард гостил где-то в окрестностях Плимута, его меланхолия, горечь, с какой он говорил о неопределенности своего будущего, противоречивость его поведения с ней самой, подробные сведения о Норленде и всей их семье, которыми столько раз удивляли ее обе мисс Стил, миниатюра, письмо, кольцо — все это слагалось в

доказательства, которые уже не позволяли опасаться, не винит ли она Эдварда несправедливо, а, наоборот, неумолимо свидетельствовали, как дурно он поступил с ней, и иного объяснения им она не находила, как бы того ни хотела. Возмущение столь бессердечным двуличием, гнев, что ее ввели в подобное заблуждение, вначале мешали ей видеть что-нибудь, кроме собственной обиды. Однако вскоре их сменили новые мысли и догадки. Намеренно ли Эдвард ее обманывал? Притворялся ли он, будто питает к ней чувство, которое вовсе не испытывал? Он помолвлен с Люси, но по велению ли сердца? Нет! Что бы ни было прежде, теперь его сердце принадлежит ей одной. И она не тешит себя ложными мечтами. В Норленде ее мать, сестры, Фанни постоянно замечали его внимание к ней. Нет, в ней говорит не тщеславие! Он, бесспорно, любит ее. Ах, как эта мысль в единый миг утишила негодование! Как соблазнительно было немедля его простить! Да, разумеется, он виноват, очень виноват, что остался в Норленде, когда начал понимать, какую власть она приобретает над ним. Тут ему извинения нет. Но если он ранил ее, то на какие страдания обрек себя! Если ее положение тяжело, то его лишено и тени надежды. Своей опрометчивостью он причинил ей горе, но лишь на время, себя же навсегда обрек бедственному существованию. Когда-нибудь она, быть может, исцелится от печали. Но он — что ждет его впереди? Найдет ли он с Люси Стил хотя бы подобие счастья? Какую жизнь будет влачить он, с его благородством, деликатностью чувств и образованным умом, имея такую жену, как она, — невежественную, лживую и себялюбивую?

В девятнадцать лет пылкое юношеское увлечение затуманило ему глаза на все в ней, кроме красоты и живости характера. Но с тех пор прошли четыре года — те четыре года, когда, если они проведены со смыслом, рассудок обретает силу, — и он должен был увидеть все недостатки ее воспитания, тогда как она, проведя эти годы в далеко не лучшем обществе среди вздорных занятий, несомненно, утратила ту безыскусственную простоту, которая, быть может, прежде придавала ее красоте особую обворожительность.

Полагая, что Эдвард намерен искать ее руки, они предвидели, как нелегко ему будет получить согласие матери на такой брак; но какие же препятствия начнет чинить та, если выбранная им невеста уступает ей не только происхождением, но, вероятно, и состоянием? Правда, мысль об

«Путешествие».
Рисунок Т. Роуландсона, 1798 г.

этих трудностях, если его сердце настолько охладело к Люси, вряд ли столь уж для него тяжка, но грустен жребий человека, когда мысль, что его ожидают упреки и неудовольствие близких, приносит с собой облегчение!

Пока эти догадки тягостной чередой сменяли одна другую, Элинор уже плакала о нем больше, чем о себе. Поддерживаемая убеждением, что ничем не заслужила постигшего ее несчастья, утешенная уверенностью, что Эдвард не совершил ни единого неблагородного поступка и достоин прежнего ее уважения, она даже в эти первые минуты после того, как ей был нанесен столь страшный удар, нашла в себе достаточно сил, чтобы держаться спокойно и ничем не вызвать подозрений у матери и сестер. И ей удалось настолько справиться с собой, что за обедом, всего лишь два часа спустя после того, как ей пришлось отказаться от самых своих заветных надежд, никто при взгляде на обеих сестер даже не предположил бы, что Элинор втайне оплакивает судьбу, навсегда разлучившую ее с предметом ее любви, а Марианна мысленно перебирает совершенства человека, чье сердце считала всецело своим и чье лицо ожидала увидеть в каждом экипаже, приближающемся к их дому.

Необходимость скрывать от матери и Марианны то, что было доверено ей под секретом, хотя и требовала от Элинор постоянной осторожности, однако не углубляла ее горести. Напротив, она находила облегчение в том, что могла пощадить их, и в том, что ей поэтому не приходилось выслушивать негодующие приговоры Эдварду, которые им, несомненно, подсказала бы их любовь к ней и которые ей было бы невмочь терпеть.

Она знала, что их советы и утешения ей не помогут, их нежность и сочувствие лишь питали бы ее страдания, а их собственный пример и похвалы подтчивали бы в ней решимость не терять власти над собой. Терпеть одной ей было легче, а собственный здравый смысл служил такой хорошей поддержкой, что она сохраняла всю свою твердость и выглядела настолько бодрой и веселой, насколько это было совместимо с душевной болью, еще несколько не утихшей.

Как ни мучителен был для нее первый разговор с Люси, вскоре ее охватило желание возобновить его, и по нескольким причинам. Ей хотелось вновь выслушать подробности их помолвки, ей хотелось яснее понять, каковы на самом деле чувства Люси к Эдварду и есть ли хоть тень искренности в ее изъявлениях нежной любви к нему, а главное, ей хотелось убедить Люси своей готовностью вернуться к этой теме и спокойствием при новом ее обсуждении, что интерес ее — лишь дружеский, ибо она сильно опасалась, что невольным волнением во время их утренней беседы могла по меньшей мере пробудить некоторые сомнения. Что Люси готова ревновать к ней, представлялось вполне вероятным. Ведь Эдвард, бесспорно, отзывался о ней с неизменными похвалами, что явствовало не только из слов Люси, но и из поспешности, с какой та лишь после самого короткого знакомства решилась доверить ей тайну, которую сама же, и справедливо, называла столь важной. И даже шуточные намеки сэра Джона могли оказать свое влияние. Впрочем, пока Элинор была в душе неколебимо уверена, что любима Эдвардом она, ревность Люси подразумевалась сама собой и без побочных свидетельств, а что она им любима, доказывалось этой же уверенностью. Для чего понадобилось посвящать ее в такую тайну, если не для того, чтобы уведомить ее о давних правах Люси на Эдварда и не вынудить в будущем всячески его избегать? Разгадать такие намерения соперницы не составляло труда, и, хотя Элинор твердо решила, как требовали ее понятия о чести и порядочности, пре-

возмочь свое чувство к Эдварду и видеться с ним настолько редко, насколько это будет от нее зависеть, отказаться себе в утешительной попытке убедить Люси, что сердце ее ничуть не ранено, она не могла. А в том, что она сумеет выслушать повторение подробностей с полным спокойствием, Элино́р не сомневалась: ведь удар был уже нанесен и ничего горше добавить Люси не могла.

Но случай привести это намерение в исполнение представился не сразу, хотя Люси не менее ее самой была склонна продолжить их разговор, чтобы извлечь из него новые выгоды. Однако погода не располагала к прогулкам, во время которых им было бы легче уединиться от общества, и несмотря на то, что они встречались по меньшей мере каждый второй вечер иногда в Коттедже, но чаще в Бартон-парке, им просто не позволили бы вести свой разговор. Ни сэ́р Джон, ни леди Миддлтон ничего подобного не допустили бы. Времени почти не отводилось и для общей беседы: они собирались, чтобы вместе есть, пить и развлекаться, сидя за картами или играя в «чем дело кончилось» и прочие шумные игры.

После двух-трех таких встреч, когда Элино́р так и не перемолвилась с Люси хотя бы словом, утром в Коттедж явился сэ́р Джон и, взывая к их милосердию, умолял, чтобы они непременно отобедали у леди Миддлтон,— ему необходимо заглянуть в свой эксетерский клуб, и она будет вынуждена сесть за стол в полном одиночестве, если не считать ее матушки и мисс Сти́л с Люси. Предвидя, что благовоспитанная чинность леди Миддлтон предоставит им больше свободы, так как в отсутствие ее супруга никто не станет собирать их в тесный кружок для шумных забав, и она сумеет достигнуть своей цели, Элино́р тотчас приняла приглашение. Маргарет с материнского разрешения охотно последовала ее примеру, и Марианна, хотя всегда старалась уклониться, на этот раз дала согласие, уступив настояниям миссис Дэшвуд, которую очень огорчало, что она так упрямо избегает всех развлечений.

Сестры сдержали обещание, и леди Миддлтон была счастливо избавлена от грозившего ей ужасного одиночества. Все было очень чинно и скучно, как и предполагала Элино́р. Никто не сказал ничего хотя бы сколько-нибудь нового, и нельзя было бы придумать ничего менее интересного, чем разговор, который они вели за столом, а затем в гостиной. Туда следом за ними явились и дети, и, пока они оставались там, Элино́р даже не пыталась привлечь внимание Люси к себе, понимая всю бесполезность

этого. Детей увели, только когда был убран чайный поднос. Тотчас разложили ломберный столик, и Элино́р уже дивилась собственному простодушию: как могла она хотя бы на миг вообразить, будто в Бартон-парке удастся найти время для такого разговора. Они все встали, готовясь составить партию.

— Я рада,— сказала леди Мидлтон, обернувшись к Люси,— что сегодня вечером вы не станете доплетать корзиночку для бедненькой Аннамари́и. Работа при свечах утомила бы ваши глаза! Завтра мы что-нибудь придумаем, чтобы утешить милую крошку, и, надеюсь, она скоро забудет о своем огорчении.

Этого намека было достаточно. Люси сразу опомнилась и ответила:

— Ах, леди Мидлтон, вы ошибаетесь! Я только ждала, чтобы узнать, нужна ли я за карточным столом, не то бы я уже вернулась к своему рукоделию. Я ни за что в мире не соглашусь огорчить нашего ангелочка, а если без меня партия не состоится, я кончу корзиночку после ужина.

— Вы очень добры, и, надеюсь, вашим глазам это не повредит... Не позвоните ли вы, чтобы вам принесли свечи для работы? Моя бедная малютка так невыразимо огорчится, если корзиночка завтра утром не будет готова. Хотя я ее и предупредила, что этого никак быть не может, я знаю, что она все-таки ждет.

Люси тотчас придвинула рабочий столик с такой поспешностью и веселой улыбкой, словно не знала наслаждения выше, чем плести корзиночки для избалованных малюток. Остальным леди Мидлтон предложила роббер казино. Все согласились, кроме Марианны, которая с обычным своим пренебрежением к требованиям вежливости воскликнула:

— Меня, ваша милость, прошу извинить, вы знаете, я не выношу карт. С вашего разрешения я сяду за фортепьяно. Я ведь еще его не пробовала после того, как оно было настроено.

И без дальнейших церемоний она направилась к инструменту.

Судя по лицу леди Мидлтон, она возблагодарила небо, что сама ни разу в жизни так грубо никому не отвечала.

— Сударыня, вы же знаете, что Марианну невозможно надолго отлучить от вашего фортепьяно,— сказала Элино́р, пытаясь загладить неловкость.— И не удивительно, потому что такого прекрасного звучания мне у других слышать не доводилось.

Оставшиеся пятеро собрались тянуть карты, которые решили бы, кому и в каком порядке садиться играть.

— Если мне выпадет пропустить роббер,— продолжала Элино́р,— я могла бы помочь мисс Люси скручивать полоски для корзиночки. Мне кажется, одна она не успеет кончить ее вечером. Ведь работы еще много. А я буду очень рада заняться этим, если она мне разрешит.

— Ах, я была бы чрезвычайно вам признательна! — тотчас отозвалась Люси.— Дела, как вижу, и правда, гораздо больше, чем мне показалось, а все-таки огорчить нашу милую Аннамарию было бы так ужасно!

— Да, убийственно! — подхватила мисс Стил.— Душечка, прелесть, как я ее обожаю!

— Вы очень добры,— сказала леди Миддлтон, обращаясь к Элино́р.— И раз вам нравится эта работа, то, может быть, вы предпочтете пропустить этот роббер или все же возьмете карту, положившись на судьбу?

Элино́р поспешила воспользоваться первым из этих предложений и таким образом, с помощью вежливой уловки, до каких Марианна никогда не снисходила, и собственной цели добилась, и сделала приятное леди Миддлтон. Люси с готовностью подвинулась, и две прекрасные соперницы, сидя за одним столиком, в полном согласии занялись одним рукоделием. К счастью, фортепьяно, за которым Марианна, вся во власти собственной музыки и собственных мыслей, уже успела забыть, что кроме нее в комнате есть кто-то еще, стояло совсем близко от них, и мисс Дэшвуд решила, что под его звуки может без опасения коснуться интересующего ее предмета, не страшась, что их услышат.

ГЛАВА 24

лино́р начала твердым, хотя и негромким голосом:

— Я не заслуживала бы доверия, которым вы меня удостоили, если бы не желала и далее им пользоваться и не любопытствовала бы узнать побольше. А потому я не стану извиняться, что вернусь к нашему разговору.

— Благодарю вас,— с жаром воскликнула Люси,— что вы разбили лед! Вы так облегчили мне сердце! Поче-

му-то я все время опасалась, что оскорбила вас своим признанием в тот понедельник.

— Оскорбили? Неужели у вас были подобные опасения? Поверьте,— продолжала Элинор с глубокой искренностью,— я никоим образом не хотела внушить вам такую мысль. Из каких побуждений могли вы довериться мне, если не из самых достойных и самых лестных для меня?

— И все же,— ответила Люси с многозначительным взглядом острых глазок,— уверяю вас, в том, как вы меня слушали, мне почудились холодность и неудовольствие, очень меня расстроившие. Я не сомневалась, что вы на меня сердитесь, и с тех пор все время бранила себя за вольность, с какой решилась обременить вас своими делами. Но я очень рада, что это было лишь мое воображение и на самом деле вы меня ни в чем не вините. Когда бы вы знали, каким утешением было для меня излить вам мое сердце, открыв то, что занимает мои мысли каждый миг моей жизни, право же, ваша сострадательность заставила бы вас простить все прочее.

— О да, мне не трудно поверить, что для вас было большим облегчением открыться мне, и не сомневайтесь, что у вас никогда не будет причины пожалеть об этом. Ваше положение очень тяжело; вы, по-моему, со всех сторон окружены серьезными препятствиями, и вам понадобится вся ваша взаимная привязанность, чтобы выдержать подобные испытания. Мистер Феррарс, если не ошибаюсь, всецело зависит от своей матери.

— Собственных у него есть только две тысячи, и было бы безумием жениться, не рассчитывая ни на что другое. Хотя сама я без единого вздоха отказалась бы от надежд на большее. Я привыкла жить в стесненных обстоятельствах и ради него безропотно переносила бы любую бедность. Но я так его люблю, что не позволю себе эгоистично отнять у него все то, что, быть может, даст ему мать, если он найдет невесту по ее вкусу. Мы должны ждать, и, быть может, много лет. Если бы речь шла о любом другом мужчине, кроме Эдварда, это было бы непереносимо. Но я знаю, что нежности Эдварда и его верности у меня не отнимет никто.

— Подобное убеждение должно служить вам бесценной опорой, и его, конечно, поддерживает такая же вера в вас. Если бы ваша взаимная привязанность ослабела, как, естественно, могло бы произойти на протяжении четырех лет помолвки со многими людьми под воздействием разных обстоятельств, ваше положение было бы действительно прискорбным.

Люси внимательно на нее посмотрела, но Элино́р постаралась, чтобы на ее лице не появилось выражения, которое придало бы ее словам скрытый смысл.

— Любовь Эдварда ко мне,— сказала Люси,— подверглась решительному испытанию во время нашей долгой, очень долгой разлуки, наступившей почти сразу после того, как мы дали друг другу слово, и она выдержала его с такой честью, что мне было бы непростительно усомниться в ней теперь. Могу твердо сказать, что с самого начала в этом смысле он ни разу не подал мне хотя бы малейшего повода тревожиться.

Элино́р, выслушав это заверение, не знала, то ли вздохнуть, то ли улыбнуться. А Люси продолжала:

— По природе я довольно ревнива, и то, что я ему неровня, что он чаще меня бывает в свете, и наши вечные разлуки сделали меня такой подозрительной, что я во мгновение ока угадала бы правду, если бы его поведение со мной во время наших встреч хоть чуточку переменилось, если бы им овладело непонятное мне уныние, если бы он упоминал бы какую-нибудь барышню чаще других или же в чем-то чувствовал себя в Лонгстейпле не таким счастливым, как прежде. Я вовсе не хочу сказать, что вообще так уж наблюдательна или проницательна, но в подобном случае я бы не ошиблась.

«Все это,— подумала Элино́р,— очень мило, но не способно обмануть ни вас, ни меня».

— Тем не менее,— сказала она после краткого молчания,— каковы ваши намерения? Или вы предполагаете просто ждать кончины миссис Феррарс, крайности столь печальной, что даже мысль о ней недопустима? Неужели ее сын согласен смириться с подобным положением вещей и обречь вас всем тяготам многолетней неопределенности, вместо того чтобы, не побоявшись на время вызвать ее неудовольствие, признаться во всем?

— Если бы мы могли быть уверены, что лишь на время! Но миссис Феррарс очень гордая женщина, привыкшая всегда настаивать на своем, и в первом приступе гнева она может отдать все Роберту, и ради Эдварда я должна остерегаться поспешности.

— И ради себя. Или же ваше бескорыстие выходит за все пределы благоразумия.

Люси вновь посмотрела на Элино́р, но промолчала.

— А с мистером Робертом Феррарсом вы знакомы? — спросила Элино́р.

— Нет. Я никогда в жизни его не видела. Но, кажется, он совсем не похож на брата — глуп и большой модник.

— Большой модник! — повторила мисс Стил, чей слух различил эти слова, потому что Марианна на мгновение отняла пальцы от клавиш. — А-а! Они толкуют про своих душек-кавалеров!

— Вот и ошибаешься, сестрица! — воскликнула Люси. — Среди наших кавалеров модников никогда не бывало.

— За кавалера мисс Дэшвуд я могу поручиться,— с веселым смехом подхватила миссис Дженнингс.— Более скромного и благовоспитанного молодого человека редко встретишь. Но Люси такая скрытная плутовка, что никому не догадаться, кто ей по сердцу.

— О! — вскричала мисс Стил, многозначительно на них оглядываясь.— Право слово, кавалер Люси точнехонько такой же скромный и благовоспитанный, как у мисс Дэшвуд.

Элинор невольно покраснела. Люси закусил губу и бросила на сестру сердитый взгляд. На некоторое время воцарилось полное молчание. Положила ему конец Люси, сказав вполголоса, хотя Марианна, словно оберегая их секреты, уже заиграла великолепный концерт:

— Я расскажу вам про план, как положить конец этой неопределенности. Он совсем недавно пришел мне в голову. И я даже должна вас в него посвятить, потому что он отчасти от вас зависит. Натурально, вы, зная Эдварда столько времени, успели понять, что из всех профессий он предпочел бы церковь. Так вот, ему надо поскорее получить сан, а затем с вашей помощью, в которой вы, полагаю, не откажете из дружбы к нему и, смею надеяться, из некоторой симпатии ко мне, убедить вашего братца отдать ему норлендский приход — как я слышала, отличный. Нынешний священник, видимо, долго не проживет. Этого нам было бы достаточно, чтобы пожениться, а в остальном положиться на время и судьбу.

— Я всегда буду рада,— ответила Элинор,— доказать делом мое уважение и дружбу к мистеру Феррарсу. Но не кажется ли вам, что моя помощь тут вовсе не нужна? Он — брат миссис Джон Дэшвуд. И иной рекомендации ее мужу вряд ли потребуются.

— Но миссис Джон Дэшвуд может не захотеть, чтобы Эдвард принял сан.

— В таком случае, боюсь, от моей помощи толку будет мало.

Они вновь надолго замолчали. Наконец Люси с тяжелым вздохом воскликнула:

— Пожалуй, разумнее было бы сразу положить всему конец, расторгнув помолвку. Вокруг нас столько неодолимых препятствий. Пусть мы будем долго очень несчастны, но со временем к нам, наверное, все же вернется душевный покой. Но вы своего совета мне не дадите, мисс Дэшвуд?

— Нет,— ответила Элино́р с улыбкой, прятая́вшей смятение чувств.— Только не в подобном деле. И вы прекрасно знаете, что мое мнение никакого значения для вас иметь не будет, если только не совпадет с тем, чего вы сами хотите.

— Право, вы ко мне несправедливы,— произнесла Люси с чрезвычайной серьезностью.— Ничье мнение я не ставлю столь высоко, как ваше. И, мне кажется, услышь я из ваших уст: «Да, я советую вам расторгнуть вашу помолвку с Эдвардом Феррарсом, это вас обоих сделает счастливее», я не замедлила бы это сделать.

Элино́р, краснея за фальшивость будущей жены Эдварда Феррарса, сказала:

— После такого комплимента я побоялась бы высказать свое мнение, даже если бы оно у меня было. Он придает моему влиянию незаслуженную силу. У постороннего человека не должно быть власти разлучить тех, кого связывает нежное чувство.

— Но именно потому, что вы посторонний человек,— с некоторой злостью ответила Люси, подчеркивая каждое слово,— ваше мнение и обретает для меня подобное значение. Если бы по той или иной причине вы были бы беспристрастны, ваше мнение ничего не стоило бы.

Элино́р сочла за благо промолчать, опасаясь, как бы они не толкнули друг друга на излишнюю откровенность и несдержанность, и даже почти решила раз и навсегда прекратить этот разговор. Наступила долгая пауза, длившаяся добрые десять минут, и опять первой заговорила Люси.

— Естественно, вы зимой будете в Лондоне, мисс Дэшвуд? — спросила она с обычной своей бесцеремонностью.

— Разумеется, нет.

— Какая жалость! — вздохнула Люси, но ее глаза радостно заблестели.— Мне доставило бы такое удовольствие увидеться с вами там. Но, полагаю, вы все же туда приедете. Уж конечно, ваш братец и невестка пригласят вас погостить у них в столице.

— Я не смогу принять их приглашения.

— Ах, какая досада! А я-то надеялась встретиться с вами в Лондоне! Мы с Анной поедem туда в конце января к одним нашим родственникам, они нас уже несколько лет приглашают. Но я еду только ради Эдварда. Он будет там в феврале. А так Лондон совсем меня не манит. У меня не то расположение духа.

Вскоре первый роббер завершился, Элино́р позвали к карточному столику, на чем задушевная беседа и кончи-

лась, что нисколько не огорчило ни ту, ни другую, так как за все это время не было произнесено ни единого слова, которое могло бы смягчить их взаимную неприязнь. Элинор села за карты в грустном убеждении, что Эдвард не только не питает ни малейшей нежности к своей будущей жене, но и не найдет в браке даже того счастья, которое она могла бы дать ему, если бы ее сердце хранило хотя бы какое-то чувство к нему — ведь только корысть и эгоизм могли понудить женщину не расторгнуть помолвку с мужчиной, который, как ей, видимо, было прекрасно известно, давно ею тяготился.

После этого вечера Элинор сама к теме их беседы больше не возвращалась, хотя Люси редко упускала случай коснуться ее и, получив письмо от Эдварда, никогда не забывала поделиться своим счастьем с наперсницей. Но Элинор отвечала ей спокойно и осторожно, прекращая разговор, едва позволяла вежливость, так как полагала, что Люси он доставляет ничем не заслуженное удовольствие, а ей самой грозит некоторой опасностью.

Барышни Стил прогостили в Бартон-парке много дольше, чем предполагалось, когда их только пригласили. Они все больше входили там в милость, без них уже не могли обойтись. Сэр Джон и слышать не желал об их отъезде, и вопреки многочисленным давно данным обещаниям, призывавшим их в Эксетер, и настоятельной необходимости немедленно уехать, чтобы сдержать эти обещания, которая наступала в конце каждой недели, они сдавались на уговоры и пробыли в Бартоне почти два месяца, принимая должное участие в приготовлениях к тому празднику, особая святость которого подтверждается сугубой многочисленностью балов и званых обедов.

ГЛАВА 25

отя миссис Дженнингс имела обыкновение большую часть года проводить у своих дочерей и друзей, отсюда еще не следовало, будто собственного постоянного жилища у нее не было. После кончины мужа, который вел выгодную торговлю не в самой аристократической части столицы, зимой она возвращалась в дом на одной из улиц, примыкающих к Портмен-сквер. И с приближением января ее мысли все чаще обращались

к этому дому, куда она в один прекрасный день внезапно, и для них совершенно неожиданно, пригласила поехать с собой старших мисс Дэшвуд. Элинора, не заметив, ни как вспыхнуло и тотчас побледнело лицо сестры, ни радостного блеска в ее глазах, с благодарностью, но решительно отказалась за них обеих в полной уверенности, что Марианна вполне с ней согласна. Сослалась она на то, что они не могут оставить свою мать одну в такое время года. Миссис Дженнингс выслушала ее с удивлением и тут же повторила приглашение.

— Ах господи! Да ваша матушка прекрасно без вас обойдется, уж поверьте мне, а я от души прошу вас составить мне компанию и ничего даже слушать не хочу! И не бойтесь, что вы меня стесните. Мне никакого беспокойства это не доставит. Отправлю Бетти почтовой каретой, — уж это я, право слово, могу себе позволить! Втроем мы прекрасно уместимся в моем дорожном экипаже. А коли в Лондоне вы не пожелаете всякий раз выезжать со мной, так и отлично, поедете не с одной моей дочкой, так с другой. Я знаю, ваша матушка не будет против. Мне так хорошо удалось сбыть с рук моих девочек, что кому же ей и поручить вас, как не мне! И коли я не выдам замуж хоть одну из вас, так вина будет не моя. Уж я всем молодым людям замолвлю за вас словцо, можете быть уверены!

— Сдается мне, — вмешался сэр Джон, — что мисс Марианна спорить не станет, если ее старшая сестрица даст свое согласие. Ну, разве хорошо лишать ее маленькой радости оттого, что мисс Дэшвуд заупрямилась. А потому я вам, двоим, советую укатить в столицу, когда Бартон вам прискучит, ни слова мисс Дэшвуд не говоря.

— Право же, — сказала миссис Дженнингс, — я буду убийственно рада обществу мисс Марианны, поедет с нами мисс Дэшвуд или нет, да только, по-моему, чем больше, тем веселее, и я думала, им будет приятнее поехать вместе, потому что, чуть я им надоем, они смогут болтать между собой и смеяться у меня за спиной над моими чудачествами. Но если не обеих, так одну из них я заполучить должна! Господи помилуй, да что же, по-вашему, я буду делать дома одна-одинешенька? Ведь до этой зимы при мне всегда была Шарлотта. Ну-ка, мисс Марианна, ударим по рукам, а если мисс Дэшвуд возьмет да передумает, будет еще лучше.

— Благодарю вас, сударыня, от всего сердца благодарю! — пылко воскликнула Марианна. — Своим приглаше-

нием вы заслужили мою вечную благодарность, и для меня было бы большим счастьем, нет, великим счастьем его принять. Но моя мать, самая нежная, самая добрая из матерей... Элинора права, и если наш отъезд огорчит ее, лишит душевного покоя... Ах, нет! Ничто, ничто не соблазнит меня покинуть ее. Тут не должно, тут не может быть никаких борений!

Миссис Дженнингс повторила свои заверения, что миссис Дэшвуд превосходно без них обойдется, и Элинора, которая теперь поняла сестру и убедилась, какое безразличие ко всему остальному внушает ей нетерпеливая мечта скорее увидеть Уиллоби, не стала прибегать к новым возражениям и сказала лишь, что решать должна их мать, хотя не надеялась найти в ней союзницу в попытке избежать поездки в Лондон, которой она не могла одобрить для Марианны, а сама имела веские причины опасаться. Конечно, их мать поддержит всякое желание Марианны! И как внушить ей, что в этом деликатном деле необходимо соблюдать величайшую осторожность, если она с самого начала не слушала никаких предостережений? Объяснить же, почему она сама не хочет ехать в Лондон, Элинора не осмеливалась. Если Марианна, такая нетерпимая, прекрасно знакомая с грубоватыми манерами миссис Дженнингс, к которым неизменно выражала глубокое отвращение, была согласна, ради достижения своей цели, смириться и с ними и с прочим, что должно было постоянно невыносимо ранить ее раздражительную чувствительность, отсюда неопровержимо следовало, насколько важна для нее эта цель, и подобное доказательство явилось для Элинора, несмотря на все, что она наблюдала в прошлом, полной неожиданностью.

Когда она рассказала матери о приглашении, миссис Дэшвуд, убежденная, что в Лондоне ее дочери проведут время пресвесело, и, вопреки всем нежным заверениям Марианны, заметив, как той хочется поехать, не пожелала и слышать, чтобы они отказались ради нее. Но тут же настояла, чтобы они безотлагательно сообщили миссис Дженнингс о своем согласии, а затем с обычной живостью начала перечислять различные выгоды, которые им всем принесет эта временная разлука.

— Я в восторге от этого плана! — воскликнула она. — В нем все, чего я могла бы пожелать. Мы с Маргарет выиграем от него не меньше, чем вы. После того как вы и Мидлтоны уедете, мы будем тихо и приятно проводить время за книгами и музыкой. И когда вы верне-

тес, Маргарет удивит вас своими успехами. К тому же я давно задумала кое-что переделать в ваших спальнях, и теперь это можно будет сделать без всяких неудобств. А вам полезно поехать в Лондон! Я считаю, что всем девицам вашего положения необходимо знакомиться со столичными нравами и развлечениями. Вы будете под опекой превосходной женщины, и я без малейших опасений поручу вас ее добрым заботам и материнскому сердцу. И ведь почти наверное вы увидите со своим братом, а каковы бы ни были его недостатки или недостатки его жены, я не могу забыть, чей он сын, и мне невыносима мысль, что вы станете совсем чужими друг другу.

— Как всегда, думая только о нашем счастье,— сказала Элинор,— вы сгладили все помехи, какие могли бы, по-вашему, воспрепятствовать исполнению этого плана. Но остается одно возражение, которое, мне кажется, обойти будет не так просто.

Лицо Марианны вытянулось.

— И о чем же,— сказала миссис Дэшвуд,— моя милая благоразумная Элинор хочет меня предупредить? Какое неодолимое препятствие она назовет? Только ни слова о расходах!

— Вот мое возражение: я самого лучшего мнения о сердце миссис Дженнингс, и все же она не такая женщина, чье общество может быть нам приятно, а покровительство — послужит хорошей рекомендацией в свете.

— Совершенно справедливо,— ответила ее мать.— Но наедине вам с ней оставаться почти не придется, а на людях вы чаще всего будете появляться в сопровождении леди Мидлтон.

— Если Элинор готова отказаться, потому что миссис Дженнингс ей несимпатична, это не может помешать мне принять ее приглашение! — воскликнула Марианна.— Меня такие соображения не смущают, и, полагаю, я без особых усилий сумею терпеть неприятности подобного рода.

Элинор невольно улыбнулась на такое безразличие к манерам дамы, с которой Марианна держалась едва вежливо, и то лишь после долгих уговоров, и решила ехать. Она равно опасалась и покинуть Марианну без иной опоры, кроме собственных ее суждений, и оставить миссис Дженнингс в ее собственной гостиной в часы досуга лишь на милость Марианны. С необходимостью ехать она примирилась еще больше, когда вспомнила, что, по словам Люси, Эдвард Феррарс ожидался в Лондоне не ранее февра-

ля, а еще до того времени срок их визита подойдет к концу, и прервать его можно будет без неприличной спешки.

— Нет, конечно, вы поедете обе! — объявила миссис Дэшвуд.— Эти возражения вздорны. Жизнь в Лондоне доставит вам много радостей, и особенно потому, что вы будете там вместе. А если Элиноор снизойдет до того, чтобы, кроме помех, провидеть и удовольствия, она, несомненно, обнаружит, что источники их могут быть самыми разными. Например, почему бы ей не познакомиться поближе с родными ее невестки?

Элиноор часто думала о том, как бы нарушить безмятежность, с какой ее мать полагалась на то, что их с Эдвардом связывает взаимное чувство, чтобы несколько смягчить удар, когда обнаружится истина, и вот теперь в ответ на этот намек она, хотя и без всякой надежды на успех, заставила себя приступить к исполнению своего замысла, сказав:

— Мне очень нравится Эдвард Феррарс, и я всегда буду рада его видеть, но что до его близких, мне, право, безразлично, познакомлюсь я с ними или нет.

Миссис Дэшвуд улыбнулась и ничего не ответила. Марианна удивленно подняла на нее глаза, и Элиноор поняла, что слова ее пропали втуне.

На этом споры кончились, и вскоре они сошлись на том, что приглашение будет принято без всяких оговорок. Миссис Дженнингс от восторга рассыпалась в обещаниях опекать и развлекать барышень, как родных. И обрадовалась не только она. В восторг пришел и сэр Джон. Для человека, больше всего боявшегося хотя бы день провести в одиночестве, добавление к числу обитателей Лондона еще двух было уже кое-что. Даже леди Мидлтон, отступив от своего обыкновения, потрудились изъяснить радость. Ну, а мисс Стил и особенно Люси в жизни не были так счастливы, как в ту минуту, когда узнали столь приятную новость.

Хотя и наперекор своим желаниям, но Элиноор уступила с меньшей неохотой, чем ожидала. Что до нее, теперь уже не имело значения, поедет она в Лондон или нет, а видя, как довольна ее мать, как восхищена Марианна, чье лицо, голос, манеры тотчас обрели былую живость и даже большую, чем прежде, веселость, она не могла досадовать на причину и не позволила себе опасаться последствий.

Радость Марианны скорее походила на экстаз, так велико было ее волнение и желание скорее отправиться в путь. Лишь приближающаяся разлука с матерью сдерживала ее, и в минуту прощания горе ее не знало пределов.

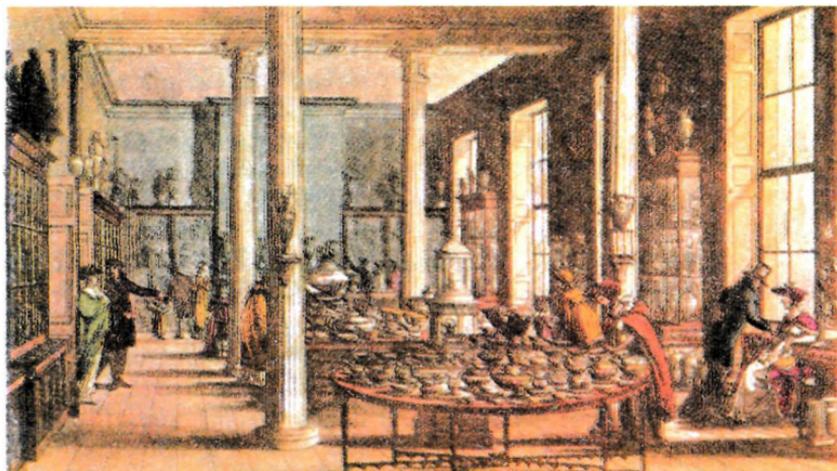
Миссис Дэшвуд страдала немногим меньше, и из них троих только Элино́р, казалось, помнила, что расстанутся они отнюдь не на век.

Уехали они в первую неделю января. Мидлтоны собирались следом дней через десять. Барышни Стил до конца удержали свои позиции в Бартон-парке и должны были уехать вместе с семьей.

ГЛАВА 26

казавшись в карете миссис Дженнингс, направляясь в Лондон под покровительством этой дамы, как ее гостя, Элино́р невольно дивилась своему положению — столь коротко было их знакомство, столь мало подходили они друг к другу как по возрасту, так и по склонностям и столь неистощимы были ее собственные возражения против этого визита лишь несколько дней назад! Но все их опровергли или обошли с той счастливой юной пылкостью, которой Марианна и их мать были наделены в равной мере, и Элино́р, хотя постоянство Уиллоби порой и пробуждало в ней сомнения, не могла, наблюдая блаженное предвкушение, переполнявшее душу Марианны и сиявшее в ее глазах, не чувствовать, как безнадежно ее собственное будущее, как, по сравнению, тягостно настоящее и с какой радостью приняла бы она неопределенность, в которой оставалась Марианна, лишь бы впереди ей также светила заветная цель, лишь бы у нее было право на такие же мечты. Однако через короткое, через очень короткое время намерения Уиллоби должны будут стать ясными. Вероятно, он уже в Лондоне. Нетерпение Марианны скорее добираться туда показывало, что она полагает найти его там. И Элино́р собиралась не только узнать все подробности о его характере, какие только откроют ей ее собственная наблюдательность и сведения, полученные от других, но и с ревностным вниманием следить за его поведением с Марианной, чтобы после первых же их встреч удостовериться, каков он на самом деле и чего ищет. Если заключение будет неблагоприятным, она, во всяком случае, постарается открыть глаза сестре, а если нет — те же усилия употребит на то, чтобы избегать эгоистических сравнений и отгонять сожаления, которые могут омрачить ее радость за Марианну.

Магазин в фешенебельной части Лондона
по продаже веджвудского фарфора.

Ехали они три дня, и поведение Марианны служило прекрасным образчиком того, какую любезность и внимательность могла в дальнейшем ожидать от нее миссис Дженнингс. Почти всю дорогу она молчала, занятая своими мыслями, и сама не вступала ни в какие разговоры, если не считая восхищенных возгласов при виде той или иной живописной картины природы, но и тогда она обращалась только к сестре. Чтобы загладить подобные выходки, Элинор тотчас заняла пост вежливой гостыи, который себе назначила, и каждую минуту была к услугам миссис Дженнингс, болтала с ней, смеялась с ней и слушала ее сколько могла. Миссис Дженнингс со своей стороны обходилась с ними обеими с величайшей добротой, неустанно заботилась, как бы устроить их поудобнее и облегчить им тяготы пути, и страдала лишь от того, что они отказывались сами заказывать себе обед в гостинице и не желали признаться, предпочтут ли лососину треске или вареную курицу телячьим котлетам. В столицу они въехали в три часа на третий день, радуясь после такого путешествия, что могут покинуть тесноту кареты и вкусить все радости отдыха перед топящимся камином.

Дом был прекрасный, прекрасно обставлен, и барышень немедля проводили в очень уютную комнату. Прежде там обитала Шарлотта, и над каминной полкой еще висел вышитый цветными шелками пейзаж ее работы,

доказывая, что она не без пользы воспитывалась семь лет в прославленном столичном пансионе.

Обедать им предстояло не раньше чем через два часа, и Элинор решила воспользоваться этим временем, чтобы написать матери. Через несколько минут Марианна тоже взяла перо.

— Я пишу домой, Марианна,— сказала Элинор.— Так не лучше ли тебе отложить свое письмо на день-два?

— Но я пишу вовсе не маме,— ответила Марианна то-ропливо, словно желая избежать дальнейших расспросов.

Элинор промолчала, сразу заключив, что в таком случае она пишет Уиллоби, из чего немедленно последовало второе заключение: в какой тайне ни пытаются они это хранить, но помолвлены они несомненно. Такой вывод, хотя и оставлял место для тревоги, ее обрадовал, и она продолжала писать с большей охотой. Марианна отбросила перо через две-три минуты, видимо удовольствовавшись короткой записочкой, которую сложила, запечатала и надписала с нетерпеливой поспешностью. Элинор показалось, что адрес начинался с заглавного «У», но Марианна тут же позвонила и поручила вошедшему на звонок лакею отправить это письмо с двухпенсовой почтой. Что развеяло последние сомнения.

Марианна все еще была в очень веселом расположении духа, но веселость эта прятала возбуждение, которое очень не нравилось Элинор и с приближением вечера заметно усилилось. За обедом она почти ни к чему не притронулась, а когда они затем расположились в гостиной, взволнованно вздрагивала, едва с улицы доносился шум подъезжающего экипажа.

Элинор была рада, что миссис Дженнингс разбирала вещи у себя в спальне и не могла наблюдать за происходящим. До того как подали чай, Марианне пришлось пережить не одно разочарование, потому что всякий раз стучали в чужие двери. Но тут раздался такой громкий стук, что ошибиться было уже нельзя. Элинор не сомневалась, что он возвещает о Уиллоби, а Марианна вскочила и направилась к двери. Воцарилась тишина, и, не выдержав ожидания, которое длилось уже несколько секунд, она открыла дверь, сделала шаг к лестнице, прислушалась и возвратилась в гостиную вне себя от волнения, вполне понятного, так как ей послышался его голос. В безумном восторге она не удержалась и воскликнула:

— Ах, Элинор, это Уиллоби! Это он, он!

И, казалось, готова была броситься в его объятия, когда в дверях появился полковник Брэндон.

Перенести такой удар в спокойствии оказалось невозможным, и Марианна тотчас покинула гостиную. Элинор разделяла ее разочарование, но полковнику Брэндону она была от души рада и только огорчилась при мысли, что человек, столь преданный ее сестре, мог заметить, как раздосадована и разочарована была та, увидев его. И она тут же убедилась, что от его пронизательности это не ускользнуло: он проводил Марианну взглядом, полным такой растерянности и грусти, что даже забыл поздороваться с ней, но сразу спросил:

— Ваша сестра нездорова?

Элинор с некоторым смущением ответила утвердительно и тут же заговорила о головных болях, дорожном утомлении, расстроенных нервах и обо всем том, чем можно было бы объяснить невежливость Марианны.

Полковник слушал ее с величайшим вниманием, но, видимо, успел взять себя в руки и, больше к этой теме не возвращаясь, сказал, что очень счастлив видеть их в Лондоне, а затем осведомился, как они доехали и как поживают их общие знакомые.

Они продолжали вести светскую беседу, несколько им не интересную, оба в унынии, оба думая о другом. Элинор хотела бы спросить, в Лондоне ли Уиллоби, но боялась причинить ему боль, упомянув его соперника, и в конце концов, не зная, о чем говорить дальше, спросила, все ли время с тех пор, как они виделись в последний раз, он провел в Лондоне.

— Да, — ответил он с некоторым колебанием. — Почти. Раза два я на несколько дней уезжал в Делафорд, но вернуться в Бартон никак не мог.

Его слова и тон немедленно напомнили ей все обстоятельства его отъезда, а также назойливые расспросы и подозрения миссис Дженнингс, и она испугалась, что собственный ее вопрос мог быть истолкован как свидетельство любопытства, какого она вовсе не испытывала ни тогда, ни теперь.

Но тут в гостиную вошла миссис Дженнингс.

— А, полковник! — вскричала она с обычной своей шумной приветливостью. — Я убийственно рада вас видеть... извините, что замешкалась... Прошу покорно простить меня, но мне надо было оглядеться и заняться делами, я ведь очень давно не была дома, а вы знаете, сколько всяких мелочей набирается, стоит отлучиться. И потом еще Картрайт, нужно было расплатиться. Господи помилуй, да после обеда я ни минуты покоя не знала! Но,

скажите, полковник, как вы-то догадались, что я приехала?

— Я имел удовольствие услышать об этом от мистера Палмера. Я нынче у них обедал.

— Вообразите! И как они все поживают? Что Шарлотта? Уж, наверное, в три объёма стала?

— Миссис Палмер, кажется, в полном здравии и поручила передать вам, что завтра же будет у вас.

— Да-да, так я и думала. Но, полковник, я, как видите, привезла с собой двух барышень... То есть видите-то вы сейчас одну, но где-то тут и вторая есть. И не кто иная, как ваша приятельница мисс Марианна, что вам, разумеется, приятно услышать. Право, не знаю, как вы с мистером Уиллоби между собой разберетесь из-за нее! Быть молодой и красивой уж чего лучше! Я тоже вот была когда-то молодой, да только не очень чтобы красивой, на свою беду. Впрочем, замуж я вышла за преотличнейшего человека, а лучше такой судьбы и самой первой красавице не найти! Бедняжка! Он скончался вот уже восемь лет, а то и больше. Но, полковник, где вы были с тех пор, как мы вас видели в последний раз? И как идет ваше дело? Ах, ну к чему секреты между друзьями?

Он ответил на все ее вопросы с обычной своей мягкостью, но так, что она не сумела удовлетворить своего любопытства. Затем Элинора села заваривать чай, и Марианна волею-неволею должна была выйти к ним.

С ее появлением полковник Брэндон стал еще более серьезным и молчаливым, а затем откланялся, как ни уговаривала его миссис Дженнингс посидеть еще немного. Больше никто с визитом не явился, и они единодушно решили лечь спать пораньше.

На следующее утро Марианна проснулась в прекрасном расположении духа, вновь вся сияя радостью. Разочарование прошлого вечера было забыто в предвкушении того, что сулил новый день. Они только встали из-за завтрака, как у дверей остановилась карета миссис Палмер, и минуту спустя она со смехом вошла в гостиную, так радуясь им всем, что трудно было сказать, кого ей приятнее видеть — свою маменьку или бартонских знакомых. Так удивляясь, что они приехали в Лондон, хотя она ничего другого и не предполагала с самого начала! Так сердясь, что они приняли приглашение ее маменьки, после того как ей ответили отказом! Но, натурально, она никогда им не простила бы, если бы они все-таки не приехали!

— Мистер Палмер будет так счастлив вас видеть! — продолжала она. — Как, по-вашему, что он сказал, узнав, что вы едете с мамой? Я, право, запомнила, но это было так забавно!

Часа два они провели за приятной беседой, как выразилась миссис Дженнингс, — иными словами, она сыпала всевозможными вопросами о всех их знакомых, а миссис Палмер смеялась без всякой причины, после чего эта последняя предложила им всем поехать с ней по магазинам, где ей непременно требовалось побывать в это утро, и миссис Дженнингс с Элинор тотчас согласились, так как тоже хотели сделать кое-какие покупки, а Марианна сначала отказалась, но затем сдалась на их уговоры.

Но куда бы они ни заезжали, она все время была настрое. Особенно на Бонд-стрит, где они провели большую часть времени, ее взгляд постоянно скользил по сторонам. И в каком бы магазине они ни находились, она в рассеянии не замечала того, что им показывали, нисколько не разделяя интереса своих спутниц. Она хмурилась, не находила себе места, и напрасно сестра спрашивала ее мнения, даже когда выбор равно касался их обеих. Ничто не доставляло ей никакого удовольствия, она сгорала от нетерпения поскорее вернуться домой и лишь с трудом сдерживала досаду на мешкотность миссис Палмер, чьи глаза замечали каждую красивую, новую или дорогую вещь, которые она жаждала купить все, но не могла выбрать ни единой и проводила время в восторгах и колебаниях.

Домой они вернулись перед полуднем и не успели переступить порога, как Марианна вспорхнула вверх по лестнице, и, когда Элинор поднялась следом за ней, она уже отвернулась от стола с печальным лицом, сказавшим ее сестре без слов, что Уиллоби с визитом не являлся.

— Мне не оставляли письма, пока нас не было? — спросила она у лакея, вошедшего со свертками. Нет, никакого письма не оставляли.

— А вы уверены, что ни слуга, ни посыльный не приходили с письмом или запиской?

Лакей ответил, что никто не приходил.

«Как, право, странно! — думала Элинор, с тревогой глядя на сестру. — Если бы она не знала наверное, что он в городе, то написала бы ему не на его лондонский адрес, а в Комбе-Магна. Но если он здесь, как странно, что он не приехал и не написал! Ах, мама, вероятно, вы напрасно разрешили помолвку совсем еще юной девочки с человеком, о котором мы, в конце концов, знаем так мало, и позволили,

чтобы все осталось столь неопределенным, столь таинственным! Мне трудно удержаться от расспросов, но мне не простят, если я вмешаюсь!»

После некоторых размышлений она приняла решение, в случае если такое тягостное положение вещей будет продолжаться, постараться убедить миссис Дэшвуд в необходимости навести самые серьезные справки.

В этот день у них, кроме миссис Палмер, обедали еще две пожилые дамы, приятельницы миссис Дженнингс, которых она пригласила утром, встретившись с ними на Бонд-стрит. Первая покинула их вскоре после чая, чтобы успеть на званый вечер, и Элиноর пришлось сесть за вист четвертой. Марианна в подобных случаях оказывалась бесполезной, ибо не пожелала выучиться этой игре, однако вечер, хотя она и могла бы заняться чем хотела, прошел для нее не более приятно, чем для Элинор, потому что лихорадка ожидания постоянно сменялась болью разочарования. Она садилась с книгой, но вскоре отбрасывала ее и возвращалась к более интересному времяпрепровождению, расхаживая из угла в угол, на мгновение задерживаясь у окна в надежде услышать долгожданный стук.

ГЛАВА 27

Если такая ясная погода будет стоять и дальше,— заметила миссис Дженнингс, когда они встретились за завтраком на следующее утро,— сэр Джон навряд ли пожелает уехать из Бартон и на той неделе. Ведь заядлому охотнику упустить даже день всегда такая досада. Бедняги! Я очень жалею, когда что-нибудь мешает их забаве. Так они огорчаются!

— Это правда! — вскричала Марианна повеселевшим голосом и подбежала к окну взглянуть на небо.— Как я не подумала! Да, такая погода многих охотников удержит в деревне.

Слова миссис Дженнингс пришлись как нельзя вовремя, и к Марианне вернулось отличное расположение духа.

— Да, для них погода стоит чудесная,— продолжала она, вновь садясь за стол с сияющим от счастья лицом.— Как должны они ей радоваться! (Ее лицо немного омрачилось.) Но долго ведь она не продлится. В это время года и после таких дождей перемена должна наступить очень

скоро. Воцарится холод и, вероятно, жестокий. Еще день-два, пожалуй, но такое редкое тепло не замедлит кончиться. Быть может, уже сегодня к вечеру все замерзнет!

— Ну, во всяком случае,— сказала Элинор, боясь, как бы миссис Дженнингс не прочитала мысли ее сестры с такой же легкостью, как она сама,— мы увидим сэра Джона и леди Мидлтон в городе не позже конца будущей недели.

— Да, душечка, за это я поручусь. Мэри всегда умеет поставить на своем.

«А теперь,— мысленно заключила Элинор,— она напишет в Комбе, чтобы успеть к первой же почте».

Но если Марианна так и поступила, письмо было написано и отослано в такой тайне, что Элинор этого не узнала, хотя и следила за сестрой. Так или иначе, спокойной себя Элинор чувствовать не могла, и все же, видя Марианну вновь веселой, не могла она и слишком предаваться тревоге. А Марианна была очень весела, радовалась теплой погоде и еще более радовалась холодам, скорого наступления которых ожидала.

Утром они главным образом объезжали дома знакомых миссис Дженнингс, оставляя визитные карточки, чтобы оповестить их о ее возвращении в город, и все это время Марианна бдительно следила за направлением ветра, высматривала перемены в небе и воображала перемены в воздухе.

— Не находишь ли ты, Элинор, что сейчас холоднее, чем утром? Право же! У меня руки мерзнут даже в муфте. Вчера, мне кажется, было теплее. И тучи как будто расходятся, вот-вот выглянет солнце, и вечер будет ясный.

Элинор это и смешило и огорчало. Но Марианна упорствовала и каждый вечер в пылании огня, а каждое утро — в состоянии неба видела несомненные признаки наступающих холодов.

У них с Элинор было не больше причин досадовать на образ жизни миссис Дженнингс и круг ее знакомых, чем на ее обхождение с ними, неизменно ласковое и заботливое. В доме у нее все было поставлено на широкую ногу, и, если исключить нескольких старинных друзей из Сити, с которыми она, к большому сожалению леди Мидлтон, и не подумала порвать, среди тех, с кем она обменивалась визитами, не было никого, чье знакомство могло бы показаться нежелательным ее молодым гостям. Радуясь, что эти ее опасения оказались напрасными, Элинор охотно терпела скуку званых вечеров и дома у миссис Джен-

нингс, и у ее друзей, где единственным занятием были карты, ее нисколько не привлекавшие.

Полковник Брэндон, приглашенный бывать у них запросто, навещал их почти ежедневно. Он приезжал, чтобы смотреть на Марианну и беседовать с Элинор, которой эти разъезды нередко доставляли больше удовольствия, чем все остальные события дня. Но она с беспокойством убеждалась в постоянстве его чувства к ее сестре и боялась, что оно становится все более сильным. Ей было тягостно видеть, с какой тоской он часто следил за Марианной, и, бесспорно, он стал гораздо печальнее, чем казался в Бартоне.

Примерно через неделю после их приезда не осталось никаких сомнений, что Уиллоби тоже в столице. Когда они вернулись с утренней прогулки в экипаже, на столе лежала его карточка.

— Великий боже! — вскричала Марианна. — Он приходил, пока мы катались!

Элинор, успокоенная тем, что он, во всяком случае, в Лондоне, осмелилась сказать:

— Разумеется, он заедет завтра утром.

Но Марианна, казалось, не услышала ее и поспешила скрыться с бесценной карточкой, увидев входящую миссис Дженнингс.

Если Элинор воспрянула духом, то к ее сестре сторицей вернулось прежнее волнение. С этой минуты она не могла думать ни о чем другом и, ежечасно ожидая увидеть его, не была способна ничем заняться. На следующее утро она настояла на том, что останется дома.

Элинор поехала с миссис Дженнингс, но ее мысли все время возвращались к тому, что происходило в доме на Беркли-стрит во время ее отсутствия. Однако по возвращении одного взгляда было достаточно, чтобы понять — Уиллоби вторично с визитом не пришел. В эту минуту принесли записку и положили на стол.

— Это мне! — воскликнула Марианна, делая поспешный шаг вперед.

— Нет, мисс, госпоже.

Но Марианна все же схватила записку.

— Да, правда, она адресована миссис Дженнингс! Какая досада!

— Значит, ты ждешь письма? — спросила Элинор, не в силах сдерживаться долее.

— Да... быть может, немножко...

— Ты мне не доверяешь, Марианна, — после некоторого молчания сказала Элинор.

— Ах, Элино́р, такой упрек — и от тебя! Ведь сама ты никому не доверяешь!

— Я? — воскликнула Элино́р в некотором смущении.— Но, право, Марианна, мне нечего сказать.

— И мне нечего! — с силой возразила Марианна.— Следовательно, мы в одном положении. Нам обeim нечего сказать: тебе, потому что ты молчишь, и мне, потому что я ничего не скрываю!

Элино́р, удрученная этим обвинением в скрытности, которое у нее не было права опровергнуть, не знала, как теперь добиться от Марианны.

Но тут вошла миссис Дженнингс и, когда ей вручили записку, прочла ее вслух. Леди Миддлтон оповещала, что накануне ночью они прибыли к себе на Кондуит-стрит, и приглашала мать и кузин пожаловать к ним вечером. Дела сэра Джона и ее сильная простуда не позволили им самим заехать на Беркли-стрит. Приглашение было принято. Но когда приблизился назначенный час, хотя простая вежливость требовала, чтобы они обе сопровождали миссис Дженнингс, Элино́р не без труда удалось добиться, чтобы Марианна поехала с ними; та, все еще не увидевшись с Уиллоби, была не только не склонна искать развлечений вне дома, но к тому же опасалась, что он опять заедет в ее отсутствие.

Когда вечер подошел к концу, Элино́р окончательно убедилась, что перемена жилища не оказывает существенного влияния на характер — едва приехав, сэр Джон уже успел собрать вокруг себя почти два десятка молодых людей и устроить для их развлечения маленький бал. Однако леди Миддлтон этого не одобрила. В деревне позволительно устраивать танцы когда вздумается, но в Лондоне, где светская репутация много важнее, а приобретаетсЯ с большими трудностями, нельзя было ставить ее на карту ради того, чтобы поразвлечь нескольких девиц, — вдруг пойдут слухи, что у леди Миддлтон танцевали какие-то восемь-девять пар под две скрипки и с холодным буфетом вместо ужина!

Среди присутствующих были мистер и миссис Палмер. Первого они после приезда в город еще не видели, ибо, тщательно избегая оказывать теще хоть малейшие знаки внимания, он никогда к ней не ездил. А теперь он, казалось, их не узнал и лишь бегло посмотрел на них, словно спрашивая себя, кто они такие, миссис же Дженнингс сухо кивнул из противоположного угла комнаты. Марианна обвела гостиную быстрым взглядом. Этого оказалось достаточно: Уиллоби среди гостей не было, и она тотчас села в стороне,

равно не расположенная ни развлекаться, ни развлекать. Примерно через час мистер Палмер небрежно направился к ним и выразил свое удивление, что видит их в городе, хотя полковник Брэндон услышал об их приезде у него на обеде, а сам он, узнав об их намерении погостить в столице, сказал что-то ужасно забавное.

— Я полагал, что вы обе в Девоншире, — сказал он.

— Да? — ответила Элино́р.

— Когда вы намерены вернуться?

— Право, не знаю.

И на этом их беседа завершилась.

Еще никогда Марианна не танцевала с такой неохотой, как в этот раз, и никогда не утомлялась так сильно. На что и пожаловалась, когда они возвращались домой.

— Да-да, — сказала миссис Дженнингс, — и мы хорошо знаем почему. Будь там один кавалер, называть которого не станем, вы ни чуточки бы не устали. И по чести говоря, не слишком-то мило он поступил, не поспешив повидать вас, хотя был приглашен.

— Как приглашен! — вскричала Марианна.

— Мне про это сказала моя дочка Мидлтон. Сэр Джон утром где-то с ним повстречался.

Марианна промолчала, но ее лицо страдальчески омрачилось. Полная нетерпеливого желания избавиться сестру от столь ложного положения, Элино́р решила завтра же написать матери в надежде, что, встревоженная состоянием Марианны, она наконец добьется ясного ответа, который следовало бы получить давным-давно. Утром она еще больше укрепилась в своем намерении, когда после завтрака увидела, что Марианна пишет Уиллоби. (Адресатом мог быть только он: никому другому Марианна писать сейчас не стала бы, в этом Элино́р не сомневалась.)

Днем миссис Дженнингс уехала куда-то по делам одна, и Элино́р села писать матери, а Марианна, не находя себе места, то бродила по гостиной от окна к окну, то опускалась в кресло у камина и погружалась в меланхолические размышления, слишком занятая ими, чтобы отвлечься разговором. Элино́р без утайки изложила матери все подробности происходящего, не скрыла, что сомневается в постоянстве Уиллоби, и заклинала ее материнским долгом и любовью добиться от Марианны ответа об истинных отношениях между ними.

Не успела она отложить перо, как стук в дверь возвестил приход визитера и лакей доложил о полковнике Брэндоне. Марианне всякое общество было в тягость, и, успев увидеть

его в окно, она поднялась к себе прежде, чем он вошел. Полковник выглядел даже серьезнее обычного и, хотя изъясил удовольствие, что застал мисс Дэшвуд одну, точно у него было намерение сообщить ей нечто конфиденциальное, тем не менее довольно долго сидел молча. Элинор, полагая, что речь пойдет о чем-то имеющем отношение к ее сестре, с нетерпением ждала, когда он наконец заговорит. Уже не впервые испытывала она такое чувство. Несколько раз ранее, начав со слов вроде «ваша сестра выглядит нынче нездоровой» или «ваша сестра, видимо, в грустном расположении духа», он, казалось, был готов либо открыть что-то важное для Марианны, либо задать вопрос, близко ее касающийся. Прошло несколько минут, прежде чем он прервал молчание и с некоторым волнением осведомился, когда ему можно будет поздравить ее с новым братом. К такому вопросу Элинор готова не была и, не найдясь сразу, волей-неволей прибегла к самому простому и обычному средству защиты, спросив в ответ, о чем он говорит. Попытавшись улыбнуться, полковник объяснил, что «о помолвке вашей сестры с мистером Уиллоби знают очень многие».

— Этого никак не может быть, — ответила Элинор, — потому что ее родные ничего ни о какой помолвке не знают.

Полковник с видимым удивлением сказал:

— Прошу у вас прощения. Мой вопрос, боюсь, был неизвинительно дерзок. Но я не предполагал, что это держится в тайне, так как они открыто переписываются и все говорят о их скором браке.

— Как же так? От кого вы это слышали?

— От многих. И от тех, кого вы вовсе не знаете, и от тех, с кем вы близки — от миссис Дженнингс, миссис Палмер и Мидлтонов. Тем не менее я, возможно, все же не поверил бы — ведь рассудок всегда умеет найти доводы против того, в чем ему не слишком хотелось бы убедиться, — но в руке слуги, открывшего мне дверь, я случайно увидел письмо с адресом мистера Уиллоби, написанным почерком вашей сестры. Я пришел узнать, но получил ответ, еще не задав вопроса. Так все наконец решено? И невозможно... Но у меня нет никакого права... да и никакой надежды преуспеть. Прошу у вас прощения, мисс Дэшвуд. Мне кажется, я позволил себе сказать много лишнего, но я не знаю, как поступить, и всегда глубоко уважал ваше благоразумие. Скажите мне, что все бесповоротно решено, что любая попытка... короче говоря, что остается только скрывать, если скрыть еще возможно...

Его слова, в которых она увидела прямое признание в любви к ее сестре, очень тронули Элинора. Она не сразу нашла в себе силы заговорить и, даже когда успокоилась, некоторое время раздумывала над ответом. Она сама столь мало знала об истинном положении вещей между Уиллоби и ее сестрой, что, пытаясь объяснить его, могла сказать слишком много или слишком мало. Однако чувства Марианны к Уиллоби, по ее глубокому убеждению, не оставляли надежды для полковника Брэндона, каков бы ни был исход, и, желая уберечь поступки сестры от осуждения, она после некоторого размышления решила, что и безопаснее и лучше для него будет сказать больше, чем она на самом деле знала или предполагала. Поэтому она призналась, что, хотя от них самих ни разу ничего прямо о помолвке не слышала, в их взаимной привязанности она не сомневается и поэтому их переписка удивления у нее не вызывает.

Он слушал ее с безмолвным вниманием, а когда она кончила, тут же встал, сказал взволнованным голосом: «Вашей сестрице я желаю всевозможного счастья, а Уиллоби — чтобы он попытался быть достойным ее», попрощался и ушел.

Этот разговор произвел на Элинора тягостное впечатление и не только не развеял другие ее тревоги, но добавил к ним новые; всем сердцем сострадав полковнику Брэндону, она тем не менее не могла пожелать облегчения его душевным мукам, а напротив, больше всего желала, чтобы произошло событие, которое стократно их усугубило бы.

ГЛАВА 28

В течение следующих трех-четырёх дней не случилось ничего, что заставило бы Элинора пожалеть о письме, которое она отправила матери: Уиллоби не появлялся и не писал. Затем подошло время званого вечера, куда им предстояло поехать с леди Мидлтон, так как миссис Дженнингс не могла оставить младшую дочь, которой нездоровилось. Марианна одевалась к этому вечеру в глубоком унынии, без единого вздоха надежды или радостного слова, и с таким пренебрежением к тому, как она выглядит, словно ей было безразлично, ехать или остаться дома. После чая она в ожидании леди Мидлтон села у камина в гостиной и ни разу не встала со стула, не

изменила позы, уйдя в свои мысли и не замечая присутствия сестры. Когда же лакей доложил, что леди Мидлтон ждет их у дверей, она вздрогнула, как будто совсем забыв, зачем она тут сидит.

Они прибыли к назначенному часу, вышли из кареты в свой черед, когда опередившие их экипажи отъехали от

крыльца, поднялись по ступенькам, услышали, как звучные голоса повторяют их имена от одной площадки лестницы к другой, и вошли в великолепно освещенный зал, где толпилось множество гостей и было невыносимо жарко. Когда они исполнили долг вежливости, сделав реверанс хозяйке дома, им было дозволено присоединиться к остальным гостям и вкусить свою долю жары и тесноты, которые с их появлением, естественно, несколько увеличились. После того как они некоторое время постояли, почти ничего не говоря и вовсе не двигаясь, леди Мидлтон села играть в казино, а Элино́р с Марианной, которая не выразила ни малейшего желания прогуливаться по зале, посчастливилось найти свободные стулья неподалеку от карточного стола.

Не прошло и нескольких минут, как Элино́р увидела, что всего в нескольких шагах от них стоит Уиллоби, оживленно разговаривая с чрезвычайно модно одетой молодой дамой. Она перехватила его взгляд, и он тотчас ей поклонился, но ничего не сказал и не подошел к ним, хотя не мог не увидеть Марианны, а продолжал болтать со своей собеседницей. Элино́р с невольной тревогой повернулась к Марианне. Однако Марианна заметила его лишь в этот миг и, просяв от восторга, тут же побежала бы к нему, если бы сестра не успела ее удержать.

— Боже мой! — воскликнула она. — Он здесь! Он здесь! Ах, почему он не смотрит на меня? Почему я не могу к нему подойти?

— Прошу тебя, успокойся, — сказала Элино́р. — И не показывай всем вокруг, что ты чувствуешь. Быть может, он просто тебя еще не увидел.

Однако этому она и сама поверить не могла, а у Марианны в такую минуту не только не хватило бы сил успокоиться, но она нисколько не хотела успокаиваться. Она продолжала сидеть, снедаемая нетерпением, которое отражалось в каждой черте ее лица.

Наконец он обернулся и поглядел на них. Она встала, с нежностью назвала его по имени и протянула ему руку. Он подошел к ним и, обращаясь более к Элино́р, чем к Марианне, словно избегая ее взгляда и не замечая протянутой руки, торопливо осведомился о здоровье миссис Дэшвуд и спросил, давно ли они в городе. Элино́р так растерялась, что не нашлась что сказать. Но ее сестра не стала сдерживать своих чувств. Лицо ее залилось пунцовой краской, и она воскликнула взволнованным голосом:

— Боже великий! Уиллоби, что все это означает? Разве вы не получили моих писем? Вы не хотите пожать мне руку?

Ему оставалось только подчиниться, но ее прикосновение словно причинило ему боль, и он ни на миг не задержал ее руки в своей. Казалось, он старался овладеть собой. Элинор, не спускавшая глаз с его лица, заметила, что оно обретает невозмутимость. После мгновенной паузы он сказал спокойно:

— Я имел удовольствие заехать на Беркли-стрит в прошлый вторник и весьма сожалел, что не застал дома ни вас, ни миссис Дженнингс. Надеюсь, моя карточка не пропала?

— Но разве вы не получили моих записок? — вскричала Марианна в величайшем расстройстве. — Наверное, произошла ошибка, какая-то ужасная ошибка! Что все это означает? Скажите же мне, Уиллоби, что все это означает?

Он не ответил, но переменялся в лице, и к нему вернулась недавняя неловкость. Однако, как будто перехватив взгляд девицы, которая с ним только что беседовала, и почувствовав, что должен незамедлительно справиться с собой, он вновь взял себя в руки и ответил:

— Да, я имел счастье получить уведомление о вашем приезде в столицу, которое вы столь любезно послали мне.

Затем он с легким поклоном поспешно отошел к своей знакомой.

Марианна, смертельно побледнев, опустилась на стул, ноги ее не держали, и Элинор, боясь, что она вот-вот лишится чувств, постаралась заслонить ее от любопытных глаз и смочила ей виски лавандовой водой.

— Пойди к нему, Элинор! — воскликнула ее сестра, едва к ней вернулся дар речи. — И заставь его подойти ко мне. Скажи, что я должна его еще раз увидеть, должна немедленно поговорить с ним... У меня нет сил... У меня не будет спокойной минуты, пока все не разъяснится... Какое-то страшное недоразумение... Ах, ну иди же за ним!

— Но как можно? Нет, милая, милая Марианна, ты должна потерпеть. Здесь не место для объяснений. Подожди всего лишь до завтра.

Тем не менее ей лишь с большим трудом удалось удержать сестру, которая хотела сама броситься к нему. Однако убедить ее сдерживать волнение, выждать, сохраняя хотя бы внешнее спокойствие, пока ей не представится случай поговорить с ним в большем уединении и более разумно, оказалось невозможным: Марианна продолжала изливать свою горечь тихими восклицаниями и тяжелыми вздохами. Вскоре Элинор увидела, что Уиллоби вышел в две-

ри, ведущие на лестницу, и, сказав Марианне, что он уехал, вновь умоляла ее успокоиться: ведь все равно сегодня она уже не сможет с ним объясниться! Марианна тотчас послала ее просить леди Мидлтон увезти их сию же минуту домой, — в своем отчаянии она была не в силах остаться здесь ни на лишний миг.

Леди Мидлтон, хотя роббер только начался, была слишком благовоспитанна, чтобы, услышав о недомогании Марианны, возразить против ее желания немедленно уехать, тотчас отдала свои карты приятельнице, и они уехали, едва была подана их карета. На Беркли-стрит они возвращались в полном молчании. Муки Марианны были столь велики, что глаза у нее оставались сухи, но, к счастью, миссис Дженнингс еще не вернулась и они смогли сразу же подняться в свою комнату, где Элинор с помощью нюхательной соли удалось несколько привести ее в чувство. Она вскоре разделась и легла, но, видимо, ей хотелось остаться одной, а потому Элинор спустилась в гостиную, где в ожидании миссис Дженнингс у нее было достаточно времени обдумать события вечера.

Сомневаться в том, что Марианна и Уиллоби дали друг другу слово, она не могла. Столь же очевидным было, что его это тяготит: как бы Марианна ни истолковывала все в лад своим желаниям, сама она не видела, каким образом возможно счастье подобные поступки следствием ошибки или недоразумения. Только в полной перемене чувств нашлось бы им объяснение. Ее гнев был бы еще сильнее, если бы она не заметила в Уиллоби смущения, которое, казалось, говорило о том, что он понимает низость своего поведения, а потому все же не настолько лишен всяких правил, чтобы с самого начала без всяких честных намерений только играть с сердцем Марианны. Разлука могла угасить его чувство, или обстоятельства потребовали, чтобы он его подавил, но ей никак не верилось, что этого чувства вообще не существовало.

Тем не менее она с глубокой тревогой думала о страданиях, которые причинила Марианне эта злополучная встреча, — и о тех, еще более мучительных, которые сулила она в будущем. Собственное ее положение представилось ей несравненно более легким. Ведь пока она сохраняет уважение к Эдварду, у нее всегда остается опора, пусть они и будут разлучены навеки. Горе же Марианны усугублялось всем тем, что могло сделать еще более тяжким подобный невыносимый удар — потерю Уиллоби, неизбежный и скорый разрыв с ним.

азавтра горничная не успела еще затопить камин у них в комнате, а солнце — набрать силу в холодной хмурости январского утра, как Марианна, даже не одевшись, уже стояла на коленях на диванчике у окна, где было светлее, и писала со всей быстротой, какую допускали непрерывно льющиеся слезы. Разбуженная ее вздохами и рыданиями, Элинор несколько минут с тревогой следила за ней, а затем сказала как могла мягче:

— Марианна, разреши мне спросить...

— Нет, Элинор, — ответила та, — не спрашивай ни о чем. Скоро ты узнаешь все.

Спокойствие отчаяния, с каким это было произнесено, иссякло, едва она договорила, и тут же к ней вернулось прежнее бурное горе. Прошло несколько минут, прежде чем она вновь взяла перо и частые рыдания, вынуждавшие опять его откладывать, подтверждали убеждение Элинор, что ее сестра в последний раз пишет Уиллоби.

Элинор оказывала сестре все ласковые и ненавязчивые знаки внимания, какие были в ее власти, и еще больше постаралась бы отвлечь ее и утешить, если бы сама Марианна не умоляла ее в величайшем нервическом раздражении не заговаривать с ней. В таких обстоятельствах для обеих было лучше не оставаться дольше в обществе друг друга, и терзания духа не только побудили Марианну, едва она оделась, тотчас выйти из комнаты, но и заставили ее в поисках одновременно и одиночества и перемены мест бродить по дому до завтрака, старательно избегая всех.

Во время завтрака она ничего не ела и даже не пыталась есть, однако Элинор не только не уговаривала ее, не выражала ей сочувствия и даже не смотрела на нее, но отдавала все усилия тому, чтобы занимать миссис Дженнингс и сосредоточить внимание ее на одной себе.

Миссис Дженнингс предпочитала завтрак всем другим трапезам, а потому длился он довольно долго, и они только намеревались по его окончании сесть за общий рабочий столик, как Марианне подали письмо. Побледнев как полотно, она поспешно взяла его у слуги и выбежала из комнаты. Элинор, даже не увидев адреса, без колебаний заключила, что оно от Уиллоби, и сердце ее сжалось от боли. Она с трудом заставила себя сидеть прямо, не в силах сдерживать дрожь, которую, опасалась она, миссис Дженнингс

должна была неминуемо заметить. Однако добрая дама увидела лишь, что Марианна получила письмо от Уиллоби, сочла это весьма забавным и со смехом пожелала ей всяких от него радостей. Не заметила она и трепета Элинор, потому что отматывала шерсть для коврика и в своей сосредоточенности по сторонам не смотрела. Едва за Марианной закрылась дверь, миссис Дженнингс весело продолжала:

— Право слово, в жизни не видывала такой влюбленной девицы! Куда до нее моим дочкам, хотя и они в свое время без глупостей не обошлись. Но мисс Марианну прямо как подменили. От души надеюсь, что он ее долго томить не станет, ведь просто сердце надрывается, на нее глядя, такая она бледненькая и несчастная. Когда же они думают пожениться?

Элинор, которая в эту минуту совершенно не была расположена разговаривать, не могла не ответить на подобный выпад и, принуждая себя улыбнуться, сказала:

— Неужели, сударыня, вы в конце концов и правда убедили себя, будто моя сестра помолвлена с мистером Уиллоби? Я всегда полагала, что вы лишь шутите, но подобный вопрос слишком для этого серьезен, а потому прошу вас долее не предаваться такому обману. Уверю вас, я была бы чрезвычайно изумлена, услышав, что они намерены пожениться.

— Ай, ай, ай, мисс Дэшвуд! Как вы можете так говорить! Разве мы все не видели, что дело идет к свадьбе? Что они по уши влюбились друг в друга с первого взгляда? Разве я не видела их в Девоншире каждый день вместе — с утра до ночи? И разве я не знала, что ваша сестрица поехала со мной в Лондон, чтобы заказать подвенечное платье? Нет, нет, меня вы не проведете! Оттого, что сами вы большая скрытница, вам и кажется, будто никто вокруг ни о чем не догадывается. Ан нет! Уж поверьте мне, весь город об этом знает. Я про это твержу направо и налево, и Шарлотта тоже.

— Право же, сударыня,— с большой твердостью сказала Элинор,— вы заблуждаетесь. И поступаете очень дурно, поддерживая такие слухи, как сами не замедлите убедиться, хотя сейчас мне и не верите.

Миссис Дженнингс только снова засмеялась, но у Элинор не было сил продолжать разговор, и к тому же, желая поскорее узнать, что написал Уиллоби, она поспешила в их комнату. Отворив дверь, она увидела, что Марианна лежит, распростершись на кровати, задыхаясь от рыданий и сжимая в руке письмо, а рядом разбросаны еще два-три.

Карлтон-Хаус, Королевская резиденция в Лондоне.
Этот дом Джейн Остен посетила в 1815 г.
по приглашению секретаря принца-регента.

Элинор молча подошла, села на край кровати, взяла руку сестры, несколько раз ласково ее поцеловала и разразилась слезами, вначале почти столь же бурными, как слезы Марианны. Та, хотя не могла произнести ни слова, видимо, была благодарна ей за сочувствие и, после того как они некоторое время плакали вместе, вложила все письма в руку Элинор, а сама закрыла лицо платком, чуть не крича от муки. Элинор, понимая, что подобное горе, как ни тягостно его наблюдать, должно излиться само, не спускала глаз с сестры, пока ее отчаянные страдания не поутихли, и тогда, торопливо развернув письмо Уиллоби, прочла следующее:

«Бонд-стрит, январь.»

Милостивая государыня!

Я только что имел честь получить ваше письмо и прошу принять мою искреннейшую за него благодарность. Я был весьма удручен, узнав, что мое поведение вчера вечером не совсем снискало ваше одобрение, и, хотя мне не удалось понять, чем я имел несчастье досадить вам, тем не менее умоляю простить мне то, что, заверяю вас, никак не было с моей стороны преднамеренным. Я всегда буду вспоминать мое бывшее знакомство с вашим семейством в Девоншире с самым живейшим удовольствием и льщу себя надеждой, что оно не будет омрачено какой-либо ошибкой или неверным истолкованием моих поступков. Я питаю искреннейшее почтение ко всему вашему семейству, но если по злополучной случайности я и дал повод предположить большее, чем я чувствовал или намеревался выразить, то могу лишь горько упрекнуть себя за то, что не был более сдержан в изъявлении этого почтения. И вы согласитесь, что я никак не мог подразумевать большего, когда узнаете, что сердце мое уже давно было отдано другой особе и что в недалеком будущем самые дражайшие мои надежды будут увенчаны. С величайшим сожалением я, как вы того потребовали, возвращаю письма, которые имел честь получать от вас, а также локон, коим вы столь услужливо меня удостоили.

С глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью честь имею быть вашим усерднейшим и покорнейшим слугой

Джон Уиллоби».

Легко себе представить, с каким негодованием прочла мисс Дэшвуд это послание. Признание в непостоянстве, подтверждение, что они расстались навсегда,— этого она

ожидала, еще не взяв листок в руки, но ей и в голову не приходило, что в подобном случае можно прибегнуть к подобным фразам, как не могла она вообразить, что Уиллоби настолько лишен благородства и деликатности чувств и даже обыкновенной порядочности джентльмена, чтобы послать письмо, столь бесстыдно жестокое, письмо, в котором желание получить свободу не только не сопровождалось приличествующими сожалениями, но отрицалось какое бы то ни было нарушение слова, какое бы то ни было чувство,— письмо, в котором каждая строка была оскорблением и доказывала, что писал его закоренелый негодяй.

Несколько минут Элинор пыталась опомниться от гневного удивления, затем перечитала письмо опять и опять. Но с каждым разом ее отвращение к этому человеку только возрастало, и она так против него ожесточилась, что не решалась заговорить, боясь, как бы не ранить Марианну еще больней, увидев в этом разрыве не потерю для нее, но, напротив, избавление от худшего из зол — от уз, навеки скрепивших бы ее с безнравственным человеком,— истинное спасение, милость providения.

Размышляя над содержанием письма, над низостью сердца, способного продиктовать его, и, быть может, над совсем иным сердцем совсем иного человека, который вспомнился ей в эту минуту только потому, что он всегда жил в ее мыслях, Элинор забыла о льющихся слезах сестры, забыла о трех еще не прочитанных письмах у себя на коленях и сидела в задумчивости, не замечая времени. Подойдя затем к окну на стук колес внизу, чтобы посмотреть, кто приехал так неприлично рано, она в величайшем изумлении узнала экипаж миссис Дженнингс, который, как она знала, велено было подать в час. Не желая оставлять Марианну одну, хотя и не надеясь пока сколько-нибудь ее утешить, она поспешила найти миссис Дженнингс и извиниться, что не поедет с ней — ее сестре нездоровится. Миссис Дженнингс приняла ее извинения без всякой досады и лишь добросердечно огорчилась из-за их причины. Проводив ее, Элинор вернулась к Марианне, которая попыталась подняться с кровати, так что сестра только-только успела подхватить ее, когда она чуть было не упала на пол, совсем обессилив после многих дней, проведенных без необходимого отдыха и подкрепления сил. Она давно уже утратила всякий аппетит и почти не смыкала глаз по ночам, и вот теперь, когда лихорадка ожидания перестала ее поддерживать, долгий пост и бессонница обернулись мигренью, желудочным головокружением и общей нервической сла-

бостью. Рюмка вина, которую ей поспешила принести Элино́р, несколько подкрепила ее, и наконец у нее достало силы показать, что она не осталась нечувствительна к заботам сестры.

— Бедняжка Элино́р! Как я тебя огорчила! — сказала она.

— Я только жалею, что ничем не могу тебе помочь или утешить тебя, — ответила Элино́р.

Этого — как, впрочем, и чего бы то ни было другого — Марианна не вынесла и вновь разрыдалась, сумев только воскликнуть с горестью:

— Ах, Элино́р, как я несчастна!

Но Элино́р более не могла быть безмолвной свидетельницей этих безудержных мук.

— Постарайся совладать с собой, Марианна, — сказала она настойчиво, — если ты не хочешь убить себя и всех, кто тебя любит. Подумай о маме, подумай, как тяжелы будут для нее твои страдания. Ради нее ты должна успокоиться.

— Не могу! Не могу! — восклицала Марианна. — Уйди, оставь меня, если я тебе в тягость! Ах, как легко тем, кто не знает печали, уговаривать других успокоиться! Счастливица Элино́р, ты ведь даже представить себе не можешь, какие терзания я испытываю!

— Ты называешь меня счастливицей, Марианна! Ах, если бы ты только знала... Да и как я могу быть счастлива, видя твои страдания?

— Прости, прости меня, — сказала Марианна, обнимая сестру. — Я знаю, как ты мне сочувствуешь, я знаю твое любящее сердце. И все же ты... ты должна быть счастлива. Эдвард любит тебя, так что же, что может омрачить подобное счастье?

— Очень, очень многое, — грустно ответила Элино́р.

— Нет, нет, нет! — вскричала Марианна, как безумная. — Он любит тебя, и только тебя. Так какое же может быть у тебя горе?

— Пока я вижу тебя в подобном состоянии, я не в силах радоваться.

— Но другой ты меня никогда не увидишь! Мое горе ничто не способно исцелить!

— Не говори так, Марианна. Неужели у тебя нет никакого утешения? Нет друзей? Разве твоя утрата такова, что ее невозможно возместить? Как ни страдаешь ты теперь, подумай, насколько больше были бы твои страдания, если бы истинный его характер открылся позже, если бы ваша помолвка длилась еще долгие месяцы, прежде чем он воз-

намерился бы положить ей конец. Каждый лишний день злополучного твоего неведения сделал бы удар еще более ужасным.

— Помолвка? — повторила Марианна.— Но мы не были помолвлены!

— Не были?

— Нет. Он не столь дурен, как ты считаешь. Он не давал мне слова.

— Но он говорил, что любит тебя?

— Да... нет... прямо никогда. День за днем это разуме-лось само собой, но прямого признания я от него не слышала. Порой мне казалось, что вот-вот... но этих слов он так и не произнес.

— И тем не менее ты писала к нему?

— Да... Что могло быть в этом плохого, после всего, что было? Но у меня нет сил говорить...

Элинор промолчала и, вновь взяв три письма, пробежала их с новым любопытством. Первое, которое Марианна отправила ему в день их приезда, было следующего содержания:

«Беркли-сквер, январь.

Как вы будете удивлены, Уиллоби, получив эту записку! И мне думается, вы ощутите не только удивление, узнав, что я в Лондоне. Возможность приехать сюда, даже в обществе миссис Дженнингс, была искушением, перед которыми мы не устояли. Мне очень бы хотелось, чтобы вы получили это письмо вовремя, чтобы побывать у нас еще сегодня, но я не очень тешу себя такой надеждой. Как бы то ни было, завтра я вас жду. Итак, до свидания.

М. Д.»

Второе письмо, отосланное наутро после танцев у Мидлтонов, гласило следующее:

«Не могу выразить ни разочарования, которое охватило меня, когда позавчера вы нас не застали, ни удивления, что вы все еще не ответили на записку, которую я вам послала почти неделю тому назад. Ежедневно, ежечасно я ждала, что получу от вас ответ и еще больше — что увижу вас. Прошу, приезжайте опять, как только сможете, и объясните причину, почему я ждала напрасно. В следующий раз лучше приезжайте пораньше, потому что обычно около часа мы куда-нибудь едем. Вчера вечером мы были у леди Мидлтон, устроившей танцы. Мне сказали, что вы были приглашены.

Но может ли это быть? Верно, вы сильно переменялись с тех пор, как мы виделись в последний раз, если вас приглашали и вы не пришли. Но не стану даже предполагать такую возможность и надеюсь в самом скором времени услышать из ваших уст, что это было не так.

М. Д.»

В третьем ее письме говорилось:

«Как должна я понимать, Уиллоби, ваше вчерашнее поведение? Снова я требую у вас объяснения. Я была готова встретить вас с радостью, естественной после такой долгой разлуки, с дружеской простотой, какую, мне казалось, наша близость в Бартоне вполне оправдывала. И как же меня оттолкнули! Я провела ужасную ночь, ища оправдания поступкам, которые иначе, чем оскорбительными, назвать, пожалуй, нельзя. Но хотя мне пока не удалось найти сколько-нибудь правдоподобного извинения вашим поступкам, я тем не менее готова выслушать ваши объяснения. Быть может, вас ввели в заблуждение или сознательно обманули в чем-то, касающемся меня, и это уронило меня в ваших глазах? Скажите же мне, в чем дело, назовите причины, побудившие вас вести себя так, и я приму ваши оправдания, сама оправдавшись перед вами. Мне было бы горько думать о вас дурно, но если так будет, если я узнаю, что вы не таков, каким мы вас до сих пор считали, что ваши добрые чувства ко всем нам были притворством, что меня вы с самого начала намеревались лишь обманывать, пусть это откроется как можно скорее. Моя душа пока находится в страшном борении. Я хотела бы оправдать вас, но и в ином случае мои страдания будут все же легче, нежели теперь. Если ваши чувства переменялись, верните мои письма и мой локон.

М. Д.»

Элинор, ради Уиллоби, предпочла бы не поверить, что на письма, полные такой нежности, такого доверия, он был способен ответить подобным образом. Но, как ни осуждала она его, это не заставило ее закрыть глаза на неприличие того, что они вообще были написаны, и она про себя оплакивала пылкую неосторожность, не поскупившуюся на столь опрометчивые доказательства сердечной привязанности, которых даже не искали и для которых ничто им предшествовавшее не давало оснований — неосторожность, приводящую к неизмеримо тяжким последствиям. Но тут Марианна, заметив отложенные в сторону письма, сказала,

что на ее месте в подобных обстоятельствах кто угодно написал бы то же самое, и ничего сверх этого в них нет.

— Я чувствовала,— добавила она, что помолвлена с ним столь же нерушимо, как если бы нас связала самая торжественная и незаконнейшая церемония.

— Этому я легко верю,— ответила Элинор.— Но, к сожалению, он того же не чувствовал.

— Нет, чувствовал, Элинор! Много, много недель чувствовал! Я знаю это. Почему бы он теперь ни переменялся — а причиной может быть лишь самая черная клевета, использованная против меня,— но прежде я была ему так дорога, как только могла желать моя душа. Локон, со столь равнодушной готовностью возвращенный мне, он молил подарить ему с таким жаром! Если бы ты могла видеть его взгляд, его лицо в ту минуту и слышать его голос!.. Неужели ты забыла последний наш с ним вечер в Бартоне? И утро нашего расставания? Когда он сказал мне, что, возможно, пройдут месяцы, прежде чем мы вновь увидимся... его отчаяние... Как я могу забыть его отчаяние!

На несколько мгновений голос ее прервался, но, когда пароксизм горя прошел, она добавила уже более твердо:

— Элинор, со мной обошлись безжалостно, но это не Уиллоби.

— Милая Марианна, но кто же, если не он? Кто мог подвигнуть его на подобное?

— Весь свет, но только не его собственное сердце! Я скорее поверю, что все, кто с нами знаком, сговорились погубить меня в его мнении, чем признаю его натуру способной на такую жестокость. Эта особа, о которой он пишет,— кто бы она ни была — и все, да все, кроме тебя, дорогая сестра, мамы и Эдварда, способны были жестоко меня оболгать. Кроме вас троих, есть ли в мире человек, которого я не заподозрю раньше, чем Уиллоби, чье сердце знаю так хорошо?

Элинор не стала спорить и сказала только:

— Но кто бы ни были эти презренные твои враги, не допусти, милая сестра, чтобы они злобно торжествовали победу, но покажи, как уверенность в своей незапятнанности и чистоте намерений твердо поддерживает твой дух. Гордость, противостоящая такой низкой злобе, благородна и похвальна.

— Нет, нет! — вскричала Марианна.— Горе, подобное моему, лишено всякой гордости. Мне все равно, кто будет знать, как я несчастна. И пусть кто хочет торжествует над моим унижением. Элинор, Элинор, те, чьи страдания не-

велики, могут быть горды и непреклонны сколько им угодно, могут пренебрегать оскорблениями или отплачивать за них презрением, но у меня нет на это сил. Я должна мучиться, я должна лить слезы... и пусть радуются те, кто способен на подобное.

— Но ради мамы и меня...

— Для вас я сделала бы больше, чем для себя. Но казаться веселой, когда я так страдаю... Ах, кто может этого требовать!

Вновь они обе умолкли. Элинор задумчиво прохаживалась от камина к окну, от окна к камину, не замечая не веющего от огня тепла, ни того, что происходило за стеклами, а Марианна, сидя в ногах кровати, прислонилась головой к столбику, опять взяла письмо Уиллоби, с содроганием перечла каждую его фразу, а затем воскликнула:

— Нет, это слишком! Ах, Уиллоби, Уиллоби, неужели это писал ты! Жестоко... жестоко, и найти этому прощенья невозможно. Да, Элинор, невозможно. Что бы ему про меня ни наговорили, не должен ли он был отсрочить приговор? Не должен ли был сказать мне об этом, дать мне случай очиститься? «Локон, коим вы столь услужливо меня удостоили»,— повторила она слова письма.— Нет, этого извинить нельзя. Уиллоби, где было твое сердце, когда ты писал эти слова? Такая грубая насмешка!.. Элинор, можно ли оправдать его?

— Нет, Марианна, оправданий ему нет.

— И тем не менее эта особа... как знать, на что она способна?.. И сколько времени тому назад все это было задумано и подстроено ею? Кто она такая?.. Кем она может быть?.. Хотя бы раз в наших разговорах он упомянул про какую-нибудь молодую красавицу среди своих знакомых. Ах, ни про одну, никогда! Он говорил со мной только обо мне.

Опять наступило молчание. Марианна приходила во все большее волнение и наконец не смогла его сдержать.

— Элинор, я должна уехать домой. Я должна вернуться и утешить маму. Не можем ли мы отправиться завтра?

— Завтра, Марианна?

— Да. Для чего мне оставаться здесь? Я приехала только ради Уиллоби... А теперь зачем мне быть здесь? Ради кого?

— Завтра уехать мы никак не можем. Мы обязаны миссис Дженнингс не только вежливостью, а ведь даже простая вежливость воспрещает столь спешный отъезд.

— Ну хорошо, тогда послезавтра или еще через день. Но я не могу остаться здесь надолго. Остаться, чтобы терпеть расспросы и намеки всех этих людей? Мидлтоны, Палмеры — как я снесу их жалость? Жалость женщины вроде леди Мидлтон! Ах, что сказал бы на это он!

Элинор посоветовала ей снова прилечь. Она послушалась, но не нашла облегчения. Душевные и телесные страдания не оставляли ее ни на миг, она металась на постели, рыдая все более иступленно, и сестре было все труднее помешать ей встать, так что она уже со страхом подумала, не позвать ли на помощь; однако лавандовые капли, которые она в конце концов уговорила ее выпить, оказали некоторое действие, и до возвращения миссис Дженнингс Марианна лежала на одре своих мук тихо и неподвижно.

ГЛАВА 30

Миссис Дженнингс тотчас поднялась к ним, не дожидаясь ответа на свой стук, открыла дверь и вошла с искренней тревогой на лице.

— Как вы себя чувствуете, душенька? — спросила она Марианну с ласковым состраданием, но та молча отвернулась.

— Как она, мисс Дэшвуд? Бедняжка! Выглядит она очень плохо. Да и понятно. Да-да, все верно. У него скоро свадьба, у этого мерзавца. Даже слышать о нем не хочу! Мне миссис Тейлор рассказала про это полчаса тому назад, а ей сообщила близкая подруга самой мисс Грей, иначе я бы ни за что не поверила. А так просто провалиться готова была. Ну, ответила я, могу только сказать, что он обошелся с одной моей знакомой барышней, как самый подлый человек, и от всей души желаю ему, чтобы жена терзала его с утра до ночи. И так я всегда буду говорить, уж положитесь на меня, душенька. Не терплю подобных проказ, и, если где-нибудь его повстречаю, уж я ему такую острастку задам, что он не скоро опомнится. Только, милая моя мисс Марианна, есть одно утешение: кроме него в мире найдется еще много молодых людей куда достойнее, и у вас, с вашим-то хорошеньким личиком, недостатка в обожателях не будет. Ах, бедняжечка! Не стану ее больше беспокоить, потому что ей нужно хорошенько выплакаться, да и дело с концом. К счастью, как вы

помните, вечером приедут Перри и Сэндерсоны, это ее развлечет.

И она вышла из комнат на цыпочках, словно опасаясь, что даже легкий шум может усугубить страдания ее юной подопечной.

Марианна, к большому изумлению Элинор, решила обедать с ними. Элинор даже попробовала возражать, но нет — она спустится в столовую, она прекрасно все перенесет, а шума вокруг нее будет меньше. Элинор обрадовалась, что она оказалась способной последовать такому побуждению, и, хотя полагала, что Марианна не выдержит до конца обеда, больше не спорила, но, как могла, привела в порядок ее платье и осталась сидеть рядом с ней, чтобы помочь ей подняться с кровати, когда их придут звать к обеду.

За столом Марианна держалась спокойнее и ела больше, чем ожидала ее сестра. Если бы она попробовала заговорить или заметила знаки внимания, какими миссис Дженнингс из самых лучших намерений, но совершенно неуместно ее окружала, это спокойствие, вероятно, быстро ее покинуло бы, но с ее губ не сорвалось ни единого слова и, поглощенная своими мыслями, она не замечала ничего вокруг.

Элинор, отдававшая должное доброте миссис Дженнингс, как ни бесцеремонны, а порой и нелепы были изъявления этой доброты, благодарила ее и отплачивала любезностью за любезность вместо сестры. Их заботливая хозяйка видела, что Марианна несчастна, и считала себя обязанной сделать все, чтобы облегчить ее печаль. А потому опекала ее с любовной ласковостью матери, балующей любимое дитя в последний день школьных каникул. Марианну усадили на лучшее место у камина, ей предлагались самые изысканные яства, какие только нашлись в доме, ее развлекали самыми свежими сплетнями. Грустное лицо сестры убивало в душе Элинор всякую мысль о веселии, не то ее позабавили бы попытки миссис Дженнингс исцелить разбитое сердце с помощью разных лакомств, маслин и ярко пылающего огня. Однако эта ласковая настойчивость в конце концов пробудила Марианну от задумчивости. Что-то невнятно пробормотав и сделав знак сестре не следовать за ней, она поднялась и торопливо вышла из комнаты.

— Бедняжка! — воскликнула миссис Дженнингс, едва она скрылась. — У меня сердце надрывается глядеть на нее. Ах, господи, она даже вина не допила. И к вяленным

вишням не притронулась! Ничего ей не хочется. Да знай я, чего бы она согласилась отведать, я бы хоть на другой конец города за этим послала! Только диву даюсь, как вдруг мужчина — и устроил подобную подлость такой красавице! Ну, да когда у одной денег куры не клюют, а у другой всего ничего, так, господи, уж тут они не задумываются!..

— Так эта девица... мисс Грей, кажется, вы сказали... очень богата?

— Пятьдесят тысяч фунтов, душенька! А вы ее не видели? Говорят, большая щеголиха, но собой не так чтоб уж очень. Вот ее тетку я хорошо знала — Бидди Хеншоу. Вышла за богача. Ну, да у них в семье все богатые. Пятьдесят тысяч фунтов! И, как послушаешь, они в самую пору придутся. Говорят, он совсем профуфырился. Ну, да еще бы! И тебе коляски самые модные, и охотничьи лошади лучших кровей! Только говори не говори, а когда молодой человек, уж кто бы он ни был, обхаживает красивую барышню и обещает руку и сердце, так нет у него никаких прав нарушать слово только потому, что он обеднел, а девица побогаче не прочь за него выскочить. Взял бы продал лошадей, дом сдал внаймы, слуг рассчитал да и привел бы свои дела в порядок, что ему мешало? Уж мисс Марианна подождала бы, ручаюсь. Но где там, по нынешним-то временам! Нынешняя молодежь только о своих удовольствиях и думает!

— А вы не знаете, каков характер мисс Грей? Говорят, она мила?

— Ничего дурного я про нее не слыхала. Правда только, я про нее вообще толком ничего не слышала до нынешнего утра. А тут миссис Тейлор сказала, дескать, намедни мисс Уокер намекнула, что, сдается ей, мистер и миссис Эллисон не слишком огорчатся, выдав мисс Грей замуж, потому что она никогда не соглашалась с миссис Эллисон, что...

— Но кто такие Эллисоны?

— Ее опекуны, душенька. Но теперь она совершеннолетняя и сама может выбирать. Вот и выбрала, ничего не скажешь!.. Как же теперь? — продолжала она после паузы. — Ваша сестрица поднялась к себе поплакать, я думаю. И ничем ее утешить нельзя? И одну ее оставлять так просто бессердечно. Ну да скоро придут наши друзья, это ее немножко развлечет. Во что бы нам поиграть? Вист, я знаю, она терпеть не может. Ну, а если попробовать что-нибудь другое?

— Право же, сударыня, я очень благодарна вам за вашу доброту, но вы напрасно затрудняетесь. Марианна, полагаю, сегодня больше не захочет выходить из комнаты. Я попробую уговорить ее лечь пораньше. Ей необходимо отдохнуть.

— Пожалуй, это ей будет полезней всего. Пусть только скажет, что подать ей на ужин, да и ляжет! Господи, не удивительно, что она последние недели две была такая бледная и унылая! Уж наверное, она все это время знала, к чему дело идет. А нынешнее письмо положило всему конец! Бедняжка! Да знай я, так не стала бы шутить с ней о нем за все мои деньги! Только откуда мне было догадаться? Я же думала, это просто любовная записочка, а уж вам-то известно, как молодежь любит, когда их поддразнивают по таким поводам. Господи! До чего расстроится сэр Джон и леди Миддлтон, когда узнают! Не растеряйся я так, то заехала бы на Конduit-стрит по дороге домой предупредить их. Ну, я к ним завтра съезжу.

— Я полагаю, вам незачем предупреждать миссис Палмер и сэра Джона, чтобы они никогда больше не упоминали о мистере Уиллоби в присутствии моей сестры и даже косвенно не намекали на прошлое. И собственное доброе сердце подскажет им, как жестоко было бы показать ей, что им все известно. И чем меньше будут они говорить об этом со мной, тем мне будет легче, как вам, сударыня, с вашей добротой легко понять.

— Господи помилуй! Как не понять! Вам, естественно, ничего слышать про это не хочется. А уж при вашей сестрице я ни за что в мире неосторожного словечка не оброню. Как вот сегодня за обедом, вы же сами видели. И сэр Джон тоже, и мои дочери — они ведь все очень обходительные и деликатные, — а уж тем более коли я им намекну, а это я не премину сделать. Вот и по-моему, чем меньше в таких случаях говорится, тем скорее все проходит и забывается. А какая польза от разговоров?

— Тут они могут только повредить, и даже более, чем обычно в подобных случаях, так как есть обстоятельства, которые ради всех, кого они касаются, не следует делать предметом сплетен. В одном я тем не менее должна оправдать мистера Уиллоби, помолвлен с моей сестрой он все-таки не был.

— Ну уж, душенька, не защищайте его! Не был помолвлен! После того как водил ее в Алленеме по всему дому и даже указывал, какие комнаты они отделают для себя!

Ради сестры Элинор уклонилась от дальнейших объяснений, в душе надеясь, что ради мистера Уиллоби продолжать их она не обязана, ибо установление истины причинило бы Марианне большой вред, а ему принесло бы очень мало пользы. Обе они помолчали, но затем миссис Дженнингс с неукротимой своей бодростью разразилась новой речью.

— Что же, душечка, не зря говорится, худа без добра не бывает: полковник Брэндон зато в выигрыше. Теперь-то он ее добьется. Это уж как пить дать. Помяните мое слово, к иванову дню они поженятся, не иначе. Господи! Как он будет посмеиваться, когда узнает! Вот бы ему прийти сегодня вечером! И для вашей сестрицы он партия куда лучше. Две тысячи в год, и ни долгов, ни обязательств... кроме, конечно, побочной дочки... Да-да, про нее-то я забыла. Ну да ее можно отдать в учение, это недорого обойдется. Вот и с плеч долой. Делафорд прекрасное имение, уж поверьте мне. И дом прекрасный, как говорится, по старинной моде строен, отменно и со всеми мыслимыми удобствами. По сторонам загорожен длинными садовыми стенами, а вдоль них выращены лучшие в стране фруктовые деревья. А в углу такая шелковица, доложу я вам! Господи, да мы с Шарлоттой просто объелись ягодами с нее в тот единственный раз, когда там побывали! И голубятня, и бесподобнейшие рыбные садки, и прелестный канал,— ну, словом, все, чего душа ни пожелает. А главное — до церкви рукой подать и всего четверть мили от почтового тракта, вот всегда и найдется развлечение от скуки — стоит только пойти посидеть в старой тисовой беседке за домом, откуда видны все проезжающие кареты. Бесподобное место. Мясник в деревне совсем рядом, и до дома священника десять шагов. На мой вкус, оно в тысячу раз прелестней Бартон-парка: там ведь мясо покупать приходится за три мили, а ближе вашей матушки соседей никого. Ну, я подбодрю полковника, едва случай выпадет. Как говорится, где потеряешь, там и найдешь. Вот только бы нам добиться, чтобы она выкинула Уиллоби из головы!

— Если бы нам это удалось, сударыня,— сказала Элинор,— мы прекрасно обойдемся и без полковника Брэндона!

С этими словами она поднялась и отправилась на поиски Марианны, которая, как она и ожидала, уединилась у себя в комнате и, когда она вошла, в безмолвной тоске склонялась над угасающим огнем, даже не засветив свечи.

— Оставь меня одну,— только и сказала она.

— Оставлю,— ответила Элинор.— Если ты ляжешь.

Но Марианна в нервическом раздражении сначала было наотрез отказалась, но потом все-таки уступила ласковым настояниям сестры, и Элинор ушла, только когда увидела, что она преклонила измученную голову на подушку и что, как ей показалось, была готова отдаться благодетельному сну.

В гостиную, куда она затем спустилась, вскоре вошла миссис Дженнингс, держа в руках до краев полную рюмку.

— Душенька,— сказала она еще с порога,— я только сейчас вспомнила, что у меня хранится немного отменнейшего старого констанциевского вина, лучше какого никто не пробовал, и я налила рюмочку для вашей сестрицы. Мой бедный муженек! Уж как он его любил! Свою желчную подагру только им и пользовал и все приговаривал, что помогает оно лучше всех снадобий на свете. Так отнесите его вашей сестрице!

— Сударыня,— ответила Элинор, улыбнувшись разнице недугов, которые это средство излечивало,— вы очень, очень добры! Но когда я ушла от Марианны, она уже засыпала, я надеюсь. Мне кажется, сон для нее сейчас лучшее целительное средство, а потому, с вашего позволения, я выпью это вино сама.

Миссис Дженнингс, как ни сожалела она, что опоздала на пять минут, удовольствовалась таким выходом из положения, а Элинор, выпив полрюмки, подумала, что пока еще не ей решать, полезно ли оно при желчной подагре, но вот испробовать, насколько оно целебно для разбитого сердца, можно и на ней не хуже, чем на ее сестре.

Когда подали чай, приехал полковник Брэндон и по тому, как он оглядел комнату, Элинор тотчас заключила, что он и не ждал и не желал увидеть Марианну,— что, короче говоря, он уже знает, чем объясняется ее отсутствие. Миссис Дженнингс это в голову не пришло, и, направившись к чайному столику, за которым председательствовала Элинор, она ей шепнула:

— Полковник все такой же хмурый. Ему ничего еще не известно. Так вы скажите ему, душенька.

Вскоре полковник пододвинул свой стул поближе к ней и, бросив на нее взгляд, который сказал ей, что он знает все, спросил, как чувствует себя ее сестра.

— Марианна занемогла,— ответила Элинор.— Ей нездоровилось весь день, и мы уговорили ее лечь.

— Так, значит,— произнес он нерешительно,— то, что мне довелось услышать утром, возможно, близко... возможно, ближе к истине, чем сначала я был в силах поверить.

— Но что вы слышали?

— Что джентльмен, которого я имел основания полагать... вернее, что человек, который, насколько я знал, был связан словом... Но сказать вам это? Если вам уже все известно, а, конечно, это так, то я буду избавлен...

— Вы говорите,— ответила Элинор с принужденным спокойствием,— о женитьбе мистера Уиллоби на мисс Грей? Да, мы все знаем. Как видно, нынче это стало всеобщим достоянием, и нас оповестили еще утром. Мистер Уиллоби непостижим. А где услышали про это вы?

— В книжной лавке на Пэлл-Мэлл, куда я зашел по делу. Две дамы поджидали свою карету, и одна рассказывала второй про какую-то свадьбу голосом столь громким, что я невольно все слышал. Мое внимание остановило часто повторявшееся имя «Уиллоби», «Джон Уиллоби», а затем последовало безоговорочное утверждение, что свадьба его с мисс Грей дело решенное и ее можно больше не держать в секрете — назначена она через несколько недель. А затем последовал подробный рассказ о приготовлениях к ней и прочем. Одно обстоятельство особенно запечатлелось у меня в памяти, так как оно окончательно подтвердило, о ком шла речь: сразу же после венчания молодые отправятся в Комбе-Магна, сомерсетширское имение жениха. Представьте мое изумление! Но бесполезно описывать, что я почувствовал. Справившись у приказчика, когда они уехали, я узнал, что разговорчивая дама была некая миссис Эллисон, а это, как я выяснил позднее, фамилия опекуна мисс Грей.

— Совершенно верно. Но довелось ли вам услышать, что у мисс Грей есть пятьдесят тысяч фунтов? Полагаю, именно в этом кроется объяснение.

— Вполне возможно. Однако Уиллоби способен... так, по крайней мере, кажется мне... — Он было умолк, но затем добавил голосом, которому словно сам не доверял. — А ваша сестра... как она перенесла?..

— Ее страдания были беспредельны. Могу только надеяться, что они окажутся столь же краткими. Ей был... ей нанесен тяжелейший удар. Мне кажется, до вчерашнего дня она ни разу не усомнилась в его чувствах к ней. И даже сейчас, быть может... Но я почти убеждена, что он никогда не питал к ней искренней нежности. Вкрадчивый обманщик! И многое свидетельствует, что у него нет сердца.

— О да,— сказал полковник Брэндон,— очень многое! Но ваша сестра... Если не ошибаюсь, вы полагаете, что она не вполне разделяет ваше мнение?

— Вы же знаете ее натуру и понимаете, с каким восторгом она оправдала бы его, если бы могла.

Он ничего не ответил, а затем чайный поднос унесли, гости начали усаживаться за карты, и они не могли продолжать свой разговор. Миссис Дженнингс, с удовольстви-

ем наблюдавшая за их беседой, ждала, что после объяснения мисс Дэшвуд лицо полковника озарится внезапной радостью, как пошло бы человеку в цвете молодости, надежд и счастья, но, к большому ее недоумению, до конца вечера оно оставалось даже еще более серьезным и задумчивым, чем обычно.

ГЛАВА 31

ротив своих ожиданий, почти всю ночь Марианна довольно спокойно спала, но утром, едва она открыла глаза, горе обрушилось на нее с той же силой.

Элинор всячески побуждала ее изливать свои чувства, и до завтрака они много раз возвращались все к одному и тому же — Элинор, не колеблясь в своем убеждении, ласково, но настойчиво уговаривала сестру, а Марианна с прежней бурностью утверждала то одно, то другое. Порой она не сомневалась, что Уиллоби столь же несчастен и ни в чем не повинен, как она сама, то в беспредельном отчаянии не находила ему никаких оправданий. В эту минуту она была исполнена глубокого безразличия к мнению света, а в ту намеревалась бежать от него навсегда — для того лишь, чтобы в третью готовиться с гордостью им пренебречь. Но в одном ее твердость была неизменна: всеми силами она избегала общества миссис Дженнингс, а когда это оказывалось невозможным, хранила упорное молчание. Ей была противна мысль, что миссис Дженнингс может искренне ей сострадать.

— Нет, нет! — восклицала она. — Участливость ей недоступна. Ее добродушие это не доброта, а сердце не способно на истинную симпатию. Ей нужна только пища для сплетен, и я ей интересна лишь как их источник.

Элинор не требовались эти доказательства пристрастности и несправедливости во мнениях сестры о других людях, — мнениях, порождаемых нетерпимой щепетильностью ее собственной природы и излишней важностью, которую она придавала утонченной чувствительности и безупречной изящности манер. Подобно доброй половине людей — если среди них наберется половина умных и порядочных, — Марианна, при всех своих превосходных талантах и превосходных качествах души, не всегда была справедлива и доступна доводам рассудка. Она требовала

от других мнений и чувств, подобных ее собственным, и судила об их побуждениях по тому, какое впечатление на нее производили их поступки сию минуту. И пока они с Элинор сидели у себя в комнате после завтрака, сердце миссис Дженнингс упало в ее мнению, упало еще ниже потому лишь, что по собственной своей слабости она превратила в источник новых страданий искреннейшее поползновение миссис Дженнингс немного ее утешить из наилучших побуждений.

Миссис Дженнингс вошла к ним с письмом в вытянутой руке и, сияя веселой улыбкой, в полной уверенности, что доставит Марианне радость, сказала:

— Ну, душенька, уж это, конечно, вас подбодрит!

Марианне больше ничего не потребовалось. В мгновение ока воображение начертало ей письмо от Уиллоби, полное нежности и раскаяния, без ущерба для него убедительно разъясняющее все, что произошло. И она уже видела, как следом вбегает Уиллоби, кидается к ее ногам и красноречивейшим взглядом подтверждает каждое слово письма. Но следующее мгновение рассеяло грезы, рожденные первым. Почерк был почерком матери. Впервые при виде него она не испытала никакой радости и от горчайшего разочарования, сменившего миг упоительной надежды, а вернее, экстаза, почувствовала, что лишь теперь узнала подлинные муки.

Даже в самую красноречивую минуту у нее не нашлось бы слов, чтобы выразить всю неслыханную жестокость миссис Дженнингс, и теперь она могла упрекнуть ее лишь неудержимо хлынувшим потоком слез. Впрочем, упрек этот пропал втуне, и миссис Дженнингс, не скупясь на самые заботливые изъявления сочувствия, удалилась, все еще советуя ей поскорее прочесть письмо, чтобы утешиться. Однако письмо это, когда Марианна настолько успокоилась, что смогла его вскрыть, отнюдь не послужило к ее утешению. Уиллоби заполнял каждую его страницу. Просьба Элинор побудила миссис Дэшвуд, все еще убежденную в их помолвке и с прежней доверчивостью полагававшуюся на его постоянство, всего лишь попросить Марианну быть откровеннее с ними обоими, причем с такой любовью к ней, с такой нежностью к Уиллоби и с таким упованием на их будущее взаимное счастье, что Марианна к концу его разрыдалась еще больше.

Вновь нетерпеливое желание поскорее вернуться домой овладело ею. Ее матушка стала ей еще дороже, чем прежде, — дороже как раз из-за чрезмерного, хотя и вовсе не-

заслуженного ее доверия к Уиллоби, и она, как безумная, настаивала, чтобы они немедля, сейчас же отправились в путь. Элино́р, которая не могла решить, что было бы лучше для Марианны — остаться в Лондоне или возвратиться в Бартон, ничего не стала ей советовать, но попросила потерпеть, пока они не узнают мнения их матери, и в конце концов добилась от сестры такой уступки.

Миссис Дженнингс покинула их ранее обычного, страдая от того, что Палмеры и Мидлтоны еще не разделяют с ней ее огорчения, и, решительно отказавшись от предложения Элино́р поехать с ней, рассталась с ними до конца утра. Элино́р с очень тяжелым сердцем села писать матери, расстроенная тем, как плохо, судя по этому письму к Марианне, сумела подготовить ее к дурным новостям, но поставить миссис Дэшвуд в известность о том, что произошло, и получить распоряжения относительно будущего было необходимо, и со всей возможной быстротой. Марианна же, спустившаяся в гостиную, едва миссис Дженнингс уехала, присела к столу, за которым писала Элино́р, и, следя за движением ее пера, сетовала, что ей выпала столь тяжкая обязанность, и еще больше сетовала на то, каким ударом письмо это будет для их матери.

Так продолжалось около четверти часа, как вдруг Марианна, чьи нервы не выдерживали никакого внезапного звука, вздрогнула от стука в дверь.

— Кто это может быть? — воскликнула Элино́р. — И так рано! А я полагала, что мы покуда в безопасности.

Марианна подошла к окну.

— Полковник Брэндон! — произнесла она с досадой. — От него мы никогда в безопасности не бываем!

— Но миссис Дженнингс дома нет, и он не станет заходить.

— Даже в этом я на его деликатность не положусь, — возразила Марианна, уже направляясь к лестнице. — Человек, которому некуда девать собственное время, всегда без малейшего зазрения совести посягает на чужое.

Ее заключение оказалось верным, хотя строилось оно на ложной предпосылке и предубеждении. Но как бы то ни было, полковник Брэндон попросил доложить о себе, и Элино́р, не сомневаясь, что сюда его привела искренняя тревога за Марианну, свидетельство которой она увидела в расстроенном, опечаленном выражении его лица и в том, как обеспокоенно, хотя и кратко осведомился он о ее здоровье, не могла извинить сестре подобное пренебрежение к нему.

— Я встретил миссис Дженнингс на Бонд-стрит,— сказал он, поздоровавшись,— и она уговорила меня захватить. Впрочем, без особого труда, так как я предполагал, что, вероятно, застану вас одну, чего мне очень хотелось. Моя цель... мое желание... единственная причина, почему я этого желал... Мне кажется... я надеюсь, это может принести утешение... Нет-нет, какое же утешение?.. Об утешении пока, разумеется, нет речи... Но убедить вашу сестру... раз и навсегда... Мои чувства к ней, к вам, к вашей матушке — вы позволите мне дать им доказательство, открыв вам кое-какие обстоятельства, которые ничто, кроме самого искреннего уважения... кроме горячего желания быть полезным... Мне кажется, моя смелость оправдана... хотя я потратил много часов, убеждая себя, что поступаю правильно, но ведь я могу и ошибаться? — Он умолк.

— Я понимаю,— ответила Элинора.— Вы хотели бы сообщить мне что-то о мистере Уиллоби. Нечто такое, что еще больше обличит его характер. Разумеется, это самая дружеская услуга, какую вы можете оказать Марианне. Я буду благодарна за все, что услышу, как будет и она... но только со временем. Прошу, прошу вас рассказать мне все.

— Непременно. Короче говоря, когда я уехал из Бартон в октябре... Нет, так вам будет трудно понять... Я должен вернуться в прошлое. Боюсь, мисс Дэшвуд, во мне вы найдете очень плохого рассказчика. Не знаю даже, с чего начать. Нет, без моей собственной истории, к сожалению, обойтись нельзя. Но тут я, правда, буду краток. Такая тема,— добавил он с тяжелым вздохом,— не соблазнит меня на излишние подробности.

Он умолк, собираясь с мыслями, а затем с новым вздохом продолжал:

— Вероятно, вы забыли разговор... ведь на вас он, полагаю, никакого впечатления произвести не мог... Наш разговор как-то вечером в Бартон-парке — во время танцев — когда я упомянул, что ваша сестра Марианна немного напоминает мне одну мою давнюю знакомую.

— Нет-нет,— сказала Элинора,— я отлично помню. Ему как будто было приятно, что она не забыла.

— Если меня не обманывает, не дразнит пристрастная память, они были сходны не только наружностью, но и по натуре. Тот же сердечный жар, та же пылкость воображения и характера. Та, о ком я говорю, была близкая моя родственница, осиротевшая во младенчестве и находившаяся под опекой моего отца. Почти однолетки, мы с самого нежного возраста играли вместе и делили все забавы.

Вид Бата.
Рисунок Дж. Молтона.

Не помню времени, когда б я не любил Элизы. Когда же мы выросли, я питал к ней чувство, на которое, возможно, вы, судя по нынешней моей угрюмости, не сочтете меня способным. Ее же привязанность ко мне, я убежден, была столь же горячей, как вашей сестры — к мистеру Уиллоби, и столь же злосчастной, хотя и по иной причине. В семнадцать лет я потерял ее навеки. Ее выдали замуж, выдали против ее воли за моего брата. Она была богата, а наше родовое имение обременяли долги. Боюсь, лишь этим объяснялось поведение того, кто был ее дядей и опекуном. Мой брат был ее не достоин, он даже не любил ее. Я лелеял надежду, что ее чувство ко мне послужит ей опорой во всех бедах, и некоторое время так оно и было. Но, наконец, горестность ее положения — с ней обходились с большой жестокостью — ослабила ее решимость, и хотя она обещала мне, что ничему... Но как путанно я рассказываю! Я ведь даже не упомянул, как все это произошло. Мы решили бежать в Шотландию, и ждать оставалось лишь несколько часов, когда горничная моей кухни выдала нашу тайну, то ли по легкомыслию, то ли из коварства. Меня отослали к родственнику, жившему совсем в другой части страны, а ее лишили свободы, общества, каких бы то ни было развлечений, пока мой отец не настоял на своем. Я слишком полагался на ее твердость,

и удар оказался суровым, но, будь ее брак счастливым, наверное, я, тогда еще совсем юный, через несколько месяцев примирился бы с ним, и, уж во всяком случае, не сожалел бы о нем сейчас. Но счастливым он не был. Мой брат не питал к ней ни малейшей привязанности, его влекли низменные удовольствия, и с самого начала он обходился с ней дурно. Следствие всего этого для столь молодой, живой и неопытной женщины, как миссис Брэндон, было лишь естественным. Вначале она смирилась со своей злополучной участью, и было бы лучше, если бы она не пережила тех страданий, которые вызывали в ней воспоминания обо мне. Но можно ли удивляться, что верность подобному мужу хранить было трудно и что, не имея друга, который мог бы дать ей добрый совет или удержать ее (мой отец прожил после их свадьбы лишь несколько месяцев, я же находился с моим полком в Индии), она пала? Если бы я остался в Англии, быть может... Но я решил ради счастья их обоих не видеться с нею несколько лет и ради этого добился перевода в другой полк. Потрясение, которое я испытал, узнав о ее свадьбе,— продолжал он с необыкновенным волнением,— было пустяком по сравнению с тем, что я почувствовал, когда примерно два года спустя до меня дошла весть о ее разводе. Вот откуда эта мрачность... Даже сейчас мысль о тех страданиях...

Его голос прервался, он поспешно встал и несколько раз прошелся по комнате. Элинор, тронутая его признанием и, еще больше, этой душевной бурей, не могла вымолвить ни слова. Он увидел ее исполненный сочувствия взгляд, подошел к ней, взял ее руку, пожал, а затем поцеловал с почтительной благодарностью. Через две-три минуты он справился с собой и продолжал уже спокойно:

— После этих тягостных дней прошло почти три года, прежде чем я вернулся в Англию. Едва приехав, я тут же, разумеется, попытался ее разыскать. Но поиски эти были столь же тщетными, как и печальными. Мне удалось найти только первого ее соблазнителя, и были все основания опасаться, что, расставшись с ним, она лишь еще более погрузилась в греховную жизнь. Положенное ей по закону содержание совсем не соответствовало ее приданому и было далеко не достаточно для обеспеченного существования, а от брата я узнал, что за несколько месяцев до моего приезда право на получение этих денег было передано другому лицу. Он полагал, и с полнейшим притом хладнокровием, что ее мотовство и воспоследовавшая нужда принудили ее отказаться от небольшого, но постоянного до-

хода, ради единовременного получения необходимой ей в ту минуту суммы. В конце концов, когда я пробыл в Англии более полугода, я все же отыскал ее. Сочувствие к бывшему моему слуге, для которого наступили черные дни, привело меня в дом тюремного смотрителя, где он содержался как несостоятельный должник, и вот там-то, в таком же заключении я увидел мою несчастную сестру. Как она изменилась, как увяла, измученная всеми страданиями, какие только можно вообразить! Я был не в силах поверить, что изможденная больная женщина передо мной была когда-то той прелестной, цветущей здоровьем красавицей, которую я обожал. Что я вынес при виде ее... но зачем ранить ваши чувства подобным описанием? Я и так уже вас расстроил. И то, что она, казалось, была в последней стадии чахотки, послужило... да, в таком положении это послужило единственным мне утешением. Жизнь уже не могла дать ей ничего, кроме возможности достойнее приготовиться к смерти. И эта возможность была ей дана. Я поместил ее в удобную квартиру, где за ней был самый лучший уход, и навещал ее каждый день остававшегося ей недолгого срока. Я был с ней в ее последние минуты.

Он снова умолк, чтобы смирить волнение, и Элинор полным жалости восклицанием выразила свое сострадание судьбе его бедной кузины.

— Надеюсь, вашу сестру не оскорбит,— сказал он затем,— что я нашел сходство между ней и моей несчастной опозоренной родственницей. Их жребий, их судьбы не могут быть одинаковы, и, если бы нежная от природы натура одной нашла бы опору в более твердом духе или более счастливом браке, она могла бы стать всем тем, чем, как вы увидите, станет со временем другая. Но к чему все это ведет? Я словно бы расстроил вас без всякой нужды. Ах, мисс Дэшвуд! Подобные воспоминания... погребенные уже четырнадцать лет... к ним опасно возвращаться! Я постараюсь не отвлекаться и сосредоточусь на важнейшем. Она доверила моим заботам свое единственное дитя, малютку-девочку, плод ее первого греха, которой тогда было три года. Она любила дочь и не расставалась с ней. Для меня это было дорогим, священным поручением, и с радостью я исполнил бы его в полной мере, сам следя за ее воспитанием, если бы мое положение это позволяло. Но у меня не было ни семьи, ни дома, и поэтому я отдал малютку Элизу в пансион. Я навещал ее там, когда мог, а после смерти моего брата около пяти лет тому назад, когда фамильное имение перешло ко мне, она часто гостила

у меня в Делафорде. Я называл ее своей дальней родственницей, но мне хорошо известно, что меня подозревают в куда более близком с ней родстве. Три года тому назад — ей тогда едва исполнилось четырнадцать лет — я взял ее из пансиона и поручил заботам весьма почтенной дамы, проживающей в Дорсетшире и опекавшей еще трех-четырёх девочек примерно того же возраста. Два года у меня были все основания быть довольным ее пребыванием там. Но в прошлом феврале, почти год тому назад, она внезапно исчезла. Я разрешил ей — неосторожно, как показало дальнейшее, — по ее настойчивой просьбе, поехать погостить в Бате у подруги, которая ухаживала там за больным отцом. Я знал его за превосходного человека и был хорошего мнения о его дочери — лучшего, чем она заслуживала, так как эта девица с неколебимым и неразумным упрямством отмалчивалась и отказывалась сказать хотя бы что-то, зная, разумеется, все. Ее отец, человек весьма порядочный, но не слишком наблюдательный, мне кажется, действительно ни о чем не подозревал, потому что редко покидал дом и девушки гуляли по городу одни и заводили знакомства, какие хотели. Он даже пытался убедить меня, как свято верил сам, что его дочь не была ни во что посвящена. Короче говоря, мне удалось узнать только, что она уехала неведомо куда, об остальном же восемь месяцев я мог лишь строить предположения. Вы можете себе представить, о чем я думал, чего боялся и как страдал.

— Великий боже! — вскричала Элинор, — неужели... неужели Уиллоби?

— Первое известие о ней, — продолжал полковник, — пришло в прошлом октябре. Ее письмо мне переслали из Делафорда, и я получил его в то самое утро, когда мы намеревались посетить Уайтвелл. В этом заключалась причина моего внезапного отъезда из Бартонна — отъезда, который, несомненно, показался всем крайне странным, а некоторых, боюсь, и обидел. Мистер Уиллоби, полагаю, и не подозревал, когда каждый его взгляд осуждал меня за неучтивость, с какой я расстроил пикник, что мне необходимо было торопиться на помощь той, кого он обездолил и вверг в несчастье! Но и знай он это, что переменилось бы? Угасла бы его веселость? Перестал бы он находить радость в улыбках вашей сестры? Нет. Ведь он уже совершил то, на что не способен ни один человек, чье сердце открыто состраданию. Он оставил девушку, чью юность и невинность погубил, в самом отчаянном положении — без дома, без помощи, без друзей, скрыв от нее даже свой

адрес! Он уехал, обещая вернуться. Но не вернулся, не написал ей и никак о ней не позаботился.

— Это превосходит всякое вероятие! — воскликнула Элинор.

— Теперь вы знаете его — мот, повеса и даже хуже. А я, зная все это уже не один месяц... Вы можете представить себе, что я пережил, убедившись, что ваша сестра все так же им увлечена, и услышав заверения, что их свадьба чуть ли уже не назначена. Представьте себе, что я почувствовал, думая обо всех вас! Когда на прошлой неделе я застал вас одну, я приехал, чтобы узнать правду, хотя еще не решил, как поступлю, когда ее узнаю. Мое поведение в тот день вы, конечно, не могли не счесть странным, но теперь вам оно понятно. Видеть, как вы все обмануты, наблюдать, как ваша сестра... Но что я мог сделать? Надежды, что мое вмешательство принесет пользу, у меня не было, а к тому же порой мне казалось, что под влиянием вашей сестры он может исправиться. Но теперь, после такого бесчестного оскорбления, как знать, каковы были его истинные намерения в отношении нее? Но во всяком случае, она даже теперь и, уж конечно, в дальнейшем может поблагодарить судьбу, когда сравнит нынешнее свое положение с положением моей бедной Элизы, когда подумает, как оно тяжело и безнадежно, когда вообразит, как должна страдать эта несчастная, любя его, все еще любя его не менее сильно, чем она сама, и терзаясь раскаянием до конца своих дней. Конечно же, такое сравнение может принести ей пользу. Она поймет, как, в сущности, ничтожны ее страдания. В них нет ее вины, и они не навлекут на нее позора. Напротив, всех ее друзей они привяжут к ней еще сильнее. Сострадание к ее несчастью, уважение к твердости, с какой она его переносит, укрепят их чувства к ней. Однако вы должны по своему усмотрению решить, сообщать ли ей то, что услышали от меня. Вам лучше знать, какое это произведет впечатление. Но если бы я искренне, от всей души не был убежден, что могу оказать ей услугу, смягчить ее сожаления, я ни в коем случае не стал бы обременять вас рассказом о моих семейных горестях, рассказом, который к тому же можно истолковать как желание возвысить себя в вашем мнении за счет других.

Элинор тотчас от всего сердца поблагодарила его за откровенность и доверие, добавив, что Марианне подобные сведения должны помочь.

— Меня больше всего страшат, — сказала она, — ее старания найти ему оправдание. Твердое убеждение в его

недостойности не так ее терзало бы. Теперь же, хотя вначале она и будет страдать еще больше, исцеление придет быстрее, я уверена. А вы,— продолжала она после недолгого молчания,— видели мистера Уиллоб после того, как расстались с ним в Бартоне?

— Да,— ответил он мрачно.— Один раз я с ним встретился. Это было неизбежно.

Элинор, пораженная его тоном, с тревогой посмотрела на него, говоря:

— Как? Вы встретились с ним, чтобы?..

— Иной встречи между нами быть не могло. Элиза, хотя и с величайшей неохотой, назвала мне имя своего любовника, и, когда он приехал в Лондон — через полмесяца после меня,— мы встретились в назначенном месте, он — чтобы защищать, а я — чтобы покарать его поступок. Мы оба остались невредимы, вот почему наша встреча не получила огласки.

Элинор вздохнула, подумав, насколько воображаема такая необходимость, но говорить об этом мужчине и солдату сочла бесполезным.

— Столь схожа,— сказал полковник Брэндон после паузы,— злополучная судьба матери и дочери! И так дурно исполнил я взятый на себя долг!

— А она все еще здесь?

— Нет. Едва она оправилась после родов — она написала мне незадолго до них,— я увез ее с ребенком в деревню, где она и будет жить.

Затем он спохватился, что Элинор, вероятно, следует быть с сестрой, и поспешил откланяться, а она еще раз от всего сердца поблагодарила его, исполненная сострадания и уважения к нему.

ГЛАВА 32

Когда мисс Дэшвуд пересказала сестре содержание этого разговора, что она не замедлила сделать, впечатление оно произвело не совсем такое, как она ожидала. Нет, Марианна, казалось, не усомнилась в истине ни одной из подробностей, а слушала с начала до конца с неизменным и покорным вниманием, не прерывала, не возражала, не пыталась найти оправдание Уиллоби и лишь тихими слезами словно подтверждала, что это невозможно. Однако, хотя все это

уверило Элинор в том, что она уже не сомневается в его виновности, хотя, к большому удовольствию сестры, она перестала избегать полковника Брэндона, когда он приходил с визитом, и разговаривала с ним, порой даже сама к нему обращаясь с сочувственным уважением, и хотя она уже не предавалась исступленному отчаянию, но облегчение к ней не приходило. Недавнее борение духа лишь сменилось тягостным унынием. Убеждение в бесчестности Уиллоби причиняло ей муки даже еще более горькие, чем те, какие она переносила, полагая, что потеряла его сердце. Мысли о том, как он соблазнил и бросил мисс Уильямс, о несчастьях злополучной его жертвы, подозрения, какую судьбу он, быть может, уготовлял ей самой, так угнетали ее, что у нее не хватало сил открыться даже Элинор, и она предавалась тоске в молчании, удручавшем ее сестру куда сильнее, чем могли бы ее удручить самые несдержанные и самые частые излияния этого горя.

Описывать, какие чувства испытала миссис Дэшвуд, получив письмо Элинор, и излагать ее ответ — значило бы повторить описание того, что чувствовали и говорили ее дочери, — разочарование, лишь немногим менее горькое, чем пережитое Марианной, возмущение, даже превосходящее негодование Элинор. От нее, одно за другим, приходили длинные письма, повествуя о всех ее страданиях и мыслях, выражая тревогу и нежное сочувствие Марианне, умоляя, чтобы она с твердостью переносила это несчастье. Поистине тяжкой была беда Марианны, если ее мать говорила о твердости! И унижительным, ранящим гордость — источник сожалений, которым она умоляла ее не предаваться!

Вопреки собственным своим желаниям миссис Дэшвуд решила, что пока Марианне ни в коем случае не следует возвращаться в Бартон, где все будет напоминать ей о прошлом особенно сильно и мучительно, постоянно воскрешая в ее памяти Уиллоби таким, каким она всегда видела его там. А потому она настоятельно советовала дочерям и дальше остаться у миссис Дженнингс, не сокращая своего визита, срок которого, хотя точно и не назывался, должен был согласно всем ожиданиям составить никак не меньше пяти-шести недель. В Бартоне они не смогут найти того разнообразия занятий, впечатлений и общества, какое в Лондоне по временам, как она всем сердцем надеется, будет отвлекать Марианну от ее горя, и быть может, даже пробудит в ней некоторый интерес к жизни, как бы сейчас она ни отвергала самую мысль о чем-либо подобном.

Ну, а опасность еще раз увидеть Уиллоби была, по мнению ее матери, в столице лишь немногим больше, чем в деревенской глуши — ведь все те, кто считаются ее друзьями, теперь порвут с ним всякое знакомство. С умыслом их никто сводить не станет, по недосмотру такая неожиданность произойти не может, случайная же встреча среди лондонских толп даже менее вероятна, чем в уединении Бартон, когда после свадьбы он придет в Алленем погостить, что миссис Дэшвуд вначале полагала вероятным, а затем мало-помалу убедила себя считать неизбежным.

У нее была еще одна причина желать, чтобы ее дочери остались в Лондоне: пасынок известил ее в письме, что прибудет с супругой туда во второй половине февраля, а им, была она убеждена, следовало иногда видеться с братом.

Марианна обещала покориться решению матери и теперь подчинилась ему без возражений, хотя оно было прямо противоположным тому, чего она хотела и ждала, а также казалось ей совершенно неверным, опирающимся на ошибочную предпосылку: продлевая время их пребывания в Лондоне, оно лишало ее единственного возможного утешения, ласкового материнского сочувствия, и обрекало на такое общество и такие светские обязанности, которые, несомненно, не позволят ей обрести хотя бы минуту покоя.

Впрочем, она нашла большое облегчение в мысли, что несчастье для нее должно было обернуться радостью для Элинор. Эта последняя со своей стороны, предполагая, что избежать встреч с Эдвардом вовсе ей не удастся, тешила себя надеждой, что продление их визита, как ни тяжело будет оно для нее, окажется полезнее Марианне, чем немедленное возвращение в Девоншир.

Ее тщательные старания уберечь сестру от каких-либо упоминаний о Уиллоби, не остались втуне. Марианна, ничего не подозревая, пожинала их плоды: ни миссис Дженнингс, ни сэр Джон, ни даже миссис Палмер при ней о нем никогда не заговаривали. Элинор предпочла бы, чтобы эта сдержанность распространялась и на нее, но об этом нельзя было и мечтать, и день за днем ей приходилось выслушивать, как они изливают свое негодование.

Сэр Джон просто не поверил бы! Человек, о котором у него были все основания придерживаться самого высокого мнения! Такой веселый! Он всегда полагал, что лучше наездника не найти во всей стране! Нет, понять тут что-нибудь немислимо. Пусть отправляется к дьяволу, туда ему и дорога. Он больше с ним слова не скажет, где бы они ни повстречались, да ни за что на свете! Даже в бар-

тонской роще в засаде на птиц, хотя бы они два часа ждали там бок о бок! Какой негодяй! Какая подлая собака! А ведь когда они в последний раз виделись, он предложил ему выбрать любого щенка Шалуньи! И нате вам!

Миссис Палмер по-своему гневалась не меньше. Решено, она тут же порвет с ним всякое знакомство! И она очень рада, что никогда не была с ним знакома. Как жаль, что Комбе-Магна в таком близком соседстве от Кливленда! А впрочем, что за важность, раз ездить туда с визитами все

равно слишком далеко! Он так ей ненавистен, что она даже имени его больше никогда не упомянет, и уж всем расскажет, кого только ни увидит, какой он бессердечный шалопай!

Остатки своего сочувствия миссис Палмер тратила на то, чтобы узнавать все подробности приближающейся свадьбы и пересказывать их Элинор. Она скоро уже знала, у какого каретника заказан новый экипаж, какой художник пишет портрет мистера Уиллоби и в каком магазине можно увидеть туалеты мисс Грей.

Невозмутимо вежливое безразличие леди Мидлтон проливалось бальзам на душу Элинор, измученную шумными соблазнами остальных. Ей была приятна уверенность, что в кругу их друзей есть кто-то, кому она несколько не интересна, ей служило большим утешением знать, что есть кто-то, кто не любопытствует о подробностях и не исполнен тревоги о здоровье ее сестры.

Свое мнение о случившемся леди Мидлтон выражала примерно один раз в день или дважды, если к теме возвращались слишком уж часто, произнося: «О, ужасно!», и благодаря этому постоянному, хотя и краткому излиянию чувств, не только с самого начала виделась с обеими мисс Дэшвуд без малейшего расстройств, но вскоре и без малейшего воспоминания о недавних событиях; а, поддерживая таким образом достоинство своего пола и подвергнув суровому осуждению все дурное в другом, могла позаботиться и о блеске своих званных вечеров, решив (хотя в большой мере и против мнения сэра Джона) сразу же после свадьбы непременно завезти карточку миссис Уиллоби, чье состояние сулило ей весьма завидное положение в свете.

Однако деликатные неназойливые расспросы полковника Брэндона несколько мисс Дэшвуд не досаждали. Он более чем заслужил дружеское право касаться несчастья ее сестры своими ревностными и благородными стараниями облегчить его. Главной наградой за тягостное признание в прошлых печалях и нынешних ранящих его гордость обстоятельствах служила ему жалость, с какой Марианна порой смотрела на него, и ласковость в ее голосе, когда (хотя случалось это и очень редко) она бывала вынуждена или вынуждала себя заговорить с ним. Так он убеждался, что ответом на его самоотверженность была возросшая симпатия к нему, а у Элинор появлялась надежда, что симпатия эта в дальнейшем возрастет и укрепитя. Но миссис Дженнингс, которая ни во что посвящена не была и знала лишь, что полковник хранит прежний печальный вид, не сдаваясь на ее уговоры сделать предложе-

ние или поручить ей сделать это за него, на исходе второго дня уже мысленно перенесла их свадьбу с иванова дня на михайлов, а к концу недели вообще перестала верить в этот брак. Сближение между полковником и мисс Дэшвуд наводило на мысль, что все прелести шелковицы, канала и тисовой беседки достанутся ей, и миссис Дженнингс последнее время совсем позабыла про мистера Феррарса.

В начале февраля, примерно через две недели после письма Уиллоби, Элинор досталась тяжкая обязанность сообщить сестре, что он женат. Она позаботилась, чтобы Марианна услышала об этом от нее, едва обряд был совершен, не желая, чтобы она узнала все из газет, которые торопливо проглядывала каждое утро.

Марианна выслушала ее со сдержанным спокойствием, не обронив ни слова и сначала без слез. Но вскоре они хлынули бурным потоком, и до конца дня она терзалась почти так же, как в тот день, когда поверила в неизбежность его женитьбы.

Новобрачные покинули Лондон сразу же после церемонии, и, так как встречи с ними пока можно было не опасаться, в Элинор проснулась надежда, что ей удастся убедить сестру, которая не покидала дома с рокового дня, мало-помалу начать снова выезжать.

Тогда же барышни Стил, только-только водворившиеся у своей родственницы, проживавшей в Бартлетовских Домах в Холборне, поспешили нанести визит более знатной и богатой родне на Кондуит-стрит и Беркли-стрит, где были приняты с большим удовольствием.

Только Элинор не почувствовала ни малейшей радости. Их присутствие всегда было ей тягостно, и она не знала, как более или менее вежливо ответить на неумеренные восторги Люси, восхищенной, что она все-таки успела застать ее в столице.

— Я была бы ужасно расстроена, если бы все-таки не застала вас здесь,— повторяла она, делая ударение на «все-таки». — Но я знала, что так и будет. Я почти не сомневалась, что вы покуда еще задержитесь в Лондоне, хотя, если помните, в Бартоне вы мне сказали, что не останетесь дольше месяца. Но я тогда же подумала, что вы перемените решение, когда наступит время. Какая жалость была бы уехать прежде, чем приедут ваш братец с сестрицей. А уж теперь вы, естественно, не станете торопиться с отъездом. Я до смерти рада, что вы не сдержали слова.

Элинор прекрасно ее поняла, и ей потребовалось все ее самообладание, чтобы не показать этого.

Модное платье начала XIX в.

— Ну, моя миленькая, и как же вы доехали? — осведомилась миссис Дженнингс.

— Только не в дилижансе, уж позвольте вас заверить! — тотчас с торжеством воскликнула мисс Стил. — Мы всю дорогу ехали на почтовых в сопровождении уж такого душки-кавалера! Доктор Дэвис ехал в Лондон, вот мы и придумали попроситься с ним. И он вел себя так благородному и заплатил за наем дорожной коляски не то на десять, не то на двенадцать шиллингов больше нас.

— А! А! — вскричала миссис Дженнингс. — Очень любезно! И конечно,

доктор холостяк, хоть об заклад побьюсь!

— Ну вот! — сказала мисс Стил, хихикнув в притворном смущении. — Все меня дразнят доктором, уж не знаю почему. Кузины твердят, что я обзавелась обожателем. А я-то, я-то и помнить о нем забываю. «Ах, Нэнси, твой кавалер пожаловал!» — говорит намедни кузина, когда увидела, как он переходит улицу. Мой кавалер, говорю. О ком бы это ты? Доктора за своего кавалера я и не считаю вовсе.

— Отнекивайтесь, отнекивайтесь! Так я вам и поверю. Я ведь вижу, что доктор попался!

— Вот уж нет! — объявила ее родственница с притворным жаром. — И вы уж, прошу, если где зайдет такой разговор, прямо так и скажите!

Миссис Дженнингс не поскупилась на приятные заверения, что и не подумает возражать, и мисс Стил вознеслась на вершину счастья.

— Полагаю, вы останетесь погостить у вашего братца с сестрицей, мисс Дэшвуд, когда они приедут в город? — спросила Люси, переходя после краткого прекращения враждебных намеков к новой атаке.

— Не думаю.

— Ах, что вы! Как можно!

Элинора не стала доставлять ей дальнейшего удовольствия новыми возражениями.

— Как очаровательно, что миссис Дэшвуд могла отпустить вас на столь долгое время...

— Долгое? — перебила миссис Дженнингс, — да они только-только приехали!

Люси была вынуждена замолчать.

— Такая жалость, что нам нельзя повидать вашу сестрицу, — сказала мисс Стил. — Такая жалость, что ей недужится! (Марианна при их появлении покинула гостиную.)

— Вы очень добры. Моя сестра будет не менее огорчена, что не повидала вас. Но последние дни ее постоянно мучают мигрени, общество и разговоры ее слишком утомляют.

— Вот жалость-то! Но такие старые знакомые, как мы с Люси! Уж мы-то ее не утомим. Да мы и словечка не скажем...

Элинора с величайшей вежливостью отклонила такое предложение. Ее сестра, вероятно, прилегла или в домашнем платье и не может к ним выйти.

— Только-то и всего! — вскричала мисс Стил. — Так мы сами к ней поднимемся!

Элинора почувствовала, что больше не в силах терпеть эту бесцеремонную назойливость, но от необходимости положить ей конец ее избавило резкое замечание Люси, которое, как не раз случалось прежде, не сделав приятнее манеры одной сестры, тем не менее помогло обуздать вульгарность другой.

Дама в купальном костюме.
Конец XVIII—начало XIX в.

начале Марианна возражала, но в конце концов уступила уговорам сестры и согласилась выехать утром с ней и миссис Дженнингс на полчаса. Однако она поставила непременно условием, что не будет никому наносить визитов, а только проводит их в магазин Грея на Секвилл-стрит, где Элино́р вела переговоры об обмене некоторых старомодных украшений ее матери.

Когда они остановились у дверей ювелира, миссис Дженнингс вспомнила, что в дальнем конце улицы проживает дама, которую ей давно надо было навестить, и, так как никаких дел у Грея ее не ждало, было решено, что она отправится к своей знакомой, пока ее юные приятельницы будут заняты в магазине, а затем вернется за ними туда.

Поднявшись по лестнице, Элино́р с Марианной оказались среди настоящей толпы и, так как не нашлось ни одного свободного приказчика, им оставалось только ждать. Они выбрали прилавок, перед которым стоял только один джентльмен, и сели сбоку, полагая, что он задержится не особенно долго, да и благовоспитанность, как надеялась Элино́р, должна была заставить его поторопиться. Однако взыскательность глаза и тонкость вкуса оказались у него сильнее благовоспитанности. Он заказывал для себя футлярчик под зубочистку и, пока не выбрал наилучшую форму, размер и узор, почерпнув их из собственной фантазии, после того как четверть часа разглядывал каждый из имевшихся в магазине футлярчиков, его учтливое внимание к ожидающим барышням ограничилось двумя-тремя весьма бесцеремонными взглядами, которые помогли запечатлеть в памяти Элино́р его фигуру и лицо, отличавшиеся прирожденной бесспорной и сугубой незначительностью, несмотря на все прикрасы, какие только могла им придать новейшая мода.

Это наглое их разглядывание и щенячья заносчивость, с какой он объявлял чудовищным или ужасным каждый футлярчик для зубочистки, ему предлагаемый, не вызвали у Марианны досадливого презрения, так как она ничего не заметила: она была способна погрузиться в свои мысли и ничего вокруг не видеть в магазине мистера Грея с той же легкостью, как у себя в спальне.

В конце концов важный вопрос был решен. Остановив выбор на слоновой кости, золоте и жемчуге и указав, как их сочетать, джентльмен назвал последний день, до какого он мог продлить свое существование без футлярчика для зубочистки, неторопливо натянул перчатки и, удостоив Элино́р с Марианной еще одного взгляда, более требовавшего восхищения, нежели его выражавшего, удалился со счастливым видом подлинного самодовольства и притворного равнодушия.

Элино́р не стала тратить время попусту и почти закончила свои переговоры, когда возле нее остановился еще один джентльмен. Она взглянула на него и не без удивления узнала своего брата.

Их родственная нежность и радость от неожиданной встречи оказались как раз в меру для магазина мистера Грея. Джон Дэшвуд отнюдь не был огорчен, вновь увидев сестер, они разделяли это чувство, а о здоровье их матушки он справился с надлежащим почтением и интересом.

Элино́р узнала, что они с Фанни в городе уже два дня.

— Я весьма желал навестить вас вчера, — сказал он, — но это оказалось невозможным, так как мы повезли Гарри на Экстерскую биржу посмотреть диких зверей, а остаток дня провели у миссис Феррарс. Гарри был чрезвычайно доволен. Нынче утром я твердо намеревался заехать к вам, если бы у меня нашлись свободные полчаса, но по приезде в город всегда бывает столько неотложных дел! Сюда я заглянул заказать Фанни печатку. Но уж завтра я непременно смогу заехать на Беркли-стрит и познакомиться с вашей приятельницей миссис Дженнингс, дамой, как я понимаю, весьма состоятельной. И, разумеется, Мидлтоны! Вы должны меня им представить. Я буду счастлив оказать им всяческое уважение, как родственникам моей мачехи. Как я понимаю, вы нашли в них добрейших соседей.

— О да! Их заботы о наших удобствах, их дружеское внимание ко всем мелочам выше всяких похвал.

— Я чрезвычайно рад это слышать. Право, чрезвычайно рад. Но иначе и быть не могло. Они люди весьма богатые, они в родстве с вами, и желание услужить вам, различные знаки расположения лишь естественны. Итак, вы отлично устроились в своем коттедже и ни в чем не нуждаетесь! Эдвард весьма мило описал нам его — совершенство в своем роде, как он выразился, и вам всем как будто чрезвычайно нравится. Нам было весьма приятно это услышать, уверяю вас.

Элинор стало немного стыдно за брата, и она несколько не пожалела, что лакей миссис Дженнингс, пришедший сообщить, что его госпожа ждет их внизу, помешал ей ответить.

Мистер Дэшвуд проводил их по лестнице до дверей, был представлен миссис Дженнингс у дверцы ее кареты и, вновь выразив надежду, что сможет заехать к ним на следующее утро, попрощался с ними.

Визит он нанес, как обещал, и передал извинение их невестки, которая не смогла приехать с ним, но «она столько времени проводит со своей матушкой, что, право же, не в состоянии бывать где-нибудь еще». Однако миссис Дженнингс тут же его заверила, что между ними церемонии ни к чему, что все они свойственники или почти, а потому она не замедлит побывать у миссис Джон Дэшвуд и привезет к ней ее сестриц. Он держался с ними спокойно, но очень ласково, с миссис Дженнингс был весьма внимателен и учтив, а на полковника Брэндона, приехавшего почти следом за ним, глядел с интересом, словно подтверждавшим его готовность быть не менее учтивым и с ним, если окажется, что и он богат.

Пробыв у них полчаса, он попросил Элинор прогуляться с ним до Кондуит-стрит и представить его сэру Джону и леди Мидлтон. Погода была на редкость хорошей, и она охотно согласилась. Не успели они выйти из дома, как он начал наводить справки.

— Кто этот полковник Брэндон? Состоятельный человек?

— Да. У него в Дорсетшире прекрасное имение.

— Очень рад это слышать. Он показался мне весьма благородным джентльменом, и, полагаю, Элинор, я почти наверное могу поздравить тебя с превосходным устройством твоего будущего.

— Меня, братец? О чем вы говорите?

— Ты ему нравишься. Я внимательно за ним следил и твердо в этом убежден. Но каковы его доходы?

— Около двух тысяч в год, если не ошибаюсь.

— Две тысячи в год! — и со всей пробудившейся в нем великодушной щедростью он добавил: — Элинор, от всего сердца я желал бы ради тебя, чтобы их было вдвое больше.

— Охотно верю, — ответила Элинор, — но я убеждена, что у полковника Брэндона нет ни малейшего желания жениться на мне.

— Ты ошибаешься, Элинор, очень-очень ошибаешься. Тебе стоит пальцем пошевелить, и он — твой. Быть может,

пока он еще не совсем решился, быть может, скромность твоего состояния его удерживает, быть может, друзья ему отсоветывают. Но те легкие знаки внимания и поощрения, которые девице оказать нетрудно, поймают его на крючок, хочет он того или нет. А тебе нет никаких причин не попробовать. Ведь нельзя же предположить, что какая-либо прежняя привязанность... короче говоря, тебе известно, что о той привязанности и речи быть не может, что

препятствия непреодолимы — с твоим ли здравым смыслом не видеть этого! Останови свой выбор на полковнике Брэндоне. И с моей стороны ты можешь рассчитывать на всяческую учтивость, которая расположит его и к тебе, и к твоей семье. Эта партия всех удовлетворит. Короче говоря, такой оборот дела... — он понизил голос до внушительного шепота, — будет чрезвычайно приятен всем заинтересованным сторонам. — Опомившись, он поспешил добавить: — То есть я хотел сказать, что все твои друзья

горячо желают, чтобы ты была устроена. И особенно Фанни! Твои интересы очень дороги ее сердцу, уверяю тебя. И ее матушке, миссис Феррарс, добрейшей женщине, это, право, доставит истинное удовольствие. Она сама на днях так сказала.

Элинор не удостоила его ответом.

— Вот будет поразительно,— продолжал он,— и даже забавно, если брат Фанни и моя сестра вступят в брак в одно и то же время! И все же такое совпадение не столь уж невероятно.

— Так, значит,— с решимостью спросила Элинор,— мистер Эдвард Феррарс намерен жениться?

— Это еще решено не окончательно, но некоторые приготовления ведутся. У него превосходнейшая мать! Миссис Феррарс с величайшей щедростью закрепит за ним тысячу фунтов годового дохода, если этот брак состоится. Речь идет о высокородной мисс Мортон, единственной дочери покойного лорда Мортонна, с тридцатью тысячами фунтов приданого. Весьма желательная партия для обеих сторон, и я не сомневаюсь, что со временем они соединятся узами брака. Тысяча фунтов в год — сумма, с какой матери расстаться нелегко и тем более отдать ее навсегда, но у миссис Феррарс очень благородная душа. Вот тебе еще один пример ее щедрости: позавчера, едва мы приехали сюда, она, зная, что в деньгах мы должны быть стеснены, вложила Фанни в руку пачку банкнот на сумму в двести фунтов. И это весьма и весьма кстати, так как расходы, пока мы здесь, у нас чрезмерно велики.

Он помолчал, ожидая от нее согласия и сочувствия, и она принудила себя сказать:

— Ваши расходы и в городе и в деревне, бесспорно, должны быть значительны, но ведь и доход у вас большой.

— О, совсем не такой большой, как, быть может, полагают многие люди. Впрочем, я не намерен жаловаться, он, бесспорно, недурен и, надеюсь, со временем увеличится. Огораживание норлендского выгона, которое сейчас ведется, поглощает значительную его часть. А к тому же за последние полгода я сделал небольшое приобретение. Исткингемская ферма. Ты должна ее помнить, там еще жил старик Гибсон. Земля эта во всех отношениях очень меня прельщала, и примыкала она к моим землям, а потому мой долг был ее приобрести. Я провинился бы перед своей совестью, если бы допустил, чтобы она попала в чужие руки. Человеку приходится платить за свои удобства, и она обошлась мне в огромную сумму.

— Какой на самом деле, по-вашему мнению, не стоила?

— Ну, надеюсь, что не так. Я бы мог на следующий же день продать ее дороже, чем приобрел. Но вот платеж наличными мог поставить меня в весьма тяжелое положение, ибо курсы были очень низки, и, не оказись у меня в банке достаточной суммы, мне пришлось бы продать ценные бумаги с большим убытком.

Элинор могла только улыбнуться.

— Другие огромные и неизбежные расходы ожидали нас, когда мы переехали в Норленд. Наш досточтимый батюшка, как тебе прекрасно известно, отказал всю стэнхиллскую движимость — вещи все очень ценные — твоей матери. Я отнюдь не сетую на такой его поступок. Он имел бесспорное право распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению, но мы по этой причине вынуждены были в весьма значительном количестве приобретать столовое белье, фарфор и прочее, чтобы заменить то, что было увезено. Ты без труда поймешь, сколь мало можно почесть нас богатыми после всех этих расходов и сколь кстати пришлась доброта миссис Феррарс.

— О разумеется, — сказала Элинор. — И надеюсь, благодаря ее щедрости, вам еще доведется жить не в столь стесненных обстоятельствах.

— Ближайшие год-два должны немало этому поспособствовать, — ответил он с глубокой серьезностью. — Однако пока остается сделать еще очень много. Для оранжереи Фанни даже фундамент не заложен, а цветник разбит только на бумаге.

— А где будет оранжерея?

— На пригорке за домом. Вырубили старые ореховые деревья, чтобы освободить для нее место. Ею можно будет любоваться из разных уголков парка, а цветник расположится по склону прямо перед ней — вид обещает быть прелестным. Мы уже расчистили пригорок от старых кустов шиповника и боярышника.

Элинор скрыла и свою грусть и негодование, радуясь, что с ними нет Марианны, которая, разумеется, не промолчала бы.

Достаточно подробно объяснив, как он сейчас беден, и разделившись с необходимостью купить сестрам в подарок серьги, когда он следующий раз заглянет к Грею, мистер Джон Дэшвуд повеселел и поздравил Элинор с тем, что она сумела заручиться дружбой миссис Дженнингс.

— Она кажется весьма почтенной дамой. Ее дом, ее образ жизни — все говорит о превосходнейшем доходе, и знакомство это не только уже было весьма вам полезным, но сулит немалые выгоды в будущем. То, что она пригласила вас в город, указывает на большую к вам привязанность, и, по всей видимости, когда она скончается, вы забыты не будете. А наследство она, судя по всему, должна оставить немалое.

— Напротив, по-моему, никакого. Ведь у нее лишь право пожизненного пользования доходами с имущества, которое затем отойдет ее дочерям.

— Но откуда ты взяла, что она тратит весь свой доход? Благоразумные особы всегда что-нибудь экономят. А всем накопленным она может распоряжаться по собственному усмотрению.

— Но не думаете ли вы, что она, вероятнее, оставит все своим дочерям, а вовсе не нам?

— Обе ее дочери сделали чрезвычайно выгодные партии, а потому я не вижу, с какой стати она должна и дальше их обеспечивать. С другой стороны, по моему мнению, обходясь с вами с таким вниманием и добротой, она дала вам некое право на будущие ее заботы, которое добропорядочная женщина не может не признать. Ее доброта к вам превосходит всякое описание, и, поступая так, она, естественно, понимает, какие это порождает надежды.

— Но не у тех, кого это касается больше всего. Право, братец, в своих заботах о нашем благополучии и благосостоянии вы преступаете границу вероятия.

— Ах да, разумеется! — воскликнул он, опомнившись. — Люди так часто и хотели бы что-нибудь сделать, но не могут. Не могут. Кстати, милая Элинор, что такое с Марианной? Она выглядит нездоровой, очень бледная, похудела. Она больна?

— Да, ей нездоровится. Несколько недель она страдает от нервного недомогания.

— Весьма сожалею. В ее годы болезнь — неумолимый враг красоты. И как недолго она цвела! Еще в сентябре я готов был поклясться, что мало найдется красавиц равных ей и более способных пленять мужчин. В ее красоте было что-то такое, что всегда их чарует. Помните, Фанни говорила, что она выйдет замуж раньше тебя и сделает партию гораздо лучше. Нет-нет, Фанни чрезвычайно тебя любит, но так ей казалось. Однако она, бесспорно, ошиблась. Я сомневаюсь, чтобы теперь Марианна

нашла жениха с доходом более чем пятьсот-шестьсот фунтов годовых, и то в самом лучшем случае; и я весьма и весьма заблуждаюсь, если тебя не ждет нечто куда более внушительное. Дорсетшир! Я плохо знаю Дорсетшир, но, милая Элинора, с большим удовольствием узнаю его теперь. И полагаю, могу поручиться, что Фанни и я будем среди самых первых и самых счастливых за тебя твоих гостей.

Элинора постаралась как могла убедительней внушить ему, что нет ни малейших оснований ожидать, что она станет женой полковника Брэндона, но брак этот сулил столько приятного для него самого, что он не мог отказаться от такой надежды и принял твердое решение сойтись с указанным джентльменом поближе и всеми возможными знаками внимания способствовать его заключению. Некоторые угрызения совести, что сам он ничего не сделал для сестер, только возбуждали в нем настойчивое желание, чтобы другие люди делали для них как можно больше, и брак с полковником Брэндоном или наследство от миссис Дженнингс превосходнейшим образом искупили бы его собственное небрежение своим долгом.

К своему удовольствию, они застали леди Мидлтон дома, а сэр Джон вернулся, когда они еще не ушли. Все обменивались множеством учтивостей. Сэр Джон всегда готов был дарить расположение каждому встречному, и, хотя мистер Дэшвуд, по-видимому, ничего не понимал в лошадях, он вскоре уже считал его весьма добрым малым, а леди Мидлтон нашла его достаточно бонтонным, чтобы счесть знакомство с ним приятным, и мистер Дэшвуд удалился очарованный ими обоими.

— Фанни будет в восхищении,— сказал он сестре на обратном пути.— Леди Мидлтон истинно светская дама. Я убежден, что Фанни будет рада познакомиться с ней. И миссис Дженнингс также весьма и весьма превосходная женщина, хотя в светскости несколько и уступает дочери. Твоя сестра может без малейших сомнений нанести ей визит, что, признаюсь, нас слегка смущало — и вполне естественно: мы ведь знали только, что миссис Дженнингс вдова человека, нажившего деньги самым плебейским образом, и Фанни с миссис Феррарс полагали, что и она и ее дочери не принадлежат к тем женщинам, в чьем обществе Фанни прилично бывать. Но теперь я могу вполне ее разуверить, сообщив о них всех самые лестные сведения.

Миссис Джон Дэшвуд настолько полагалась на суждение мужа, что на следующий же день нанесла визиты миссис Дженнингс и ее старшей дочери. И доверие ее было вознаграждено, когда она убедилась, что даже первая, даже женщина, у которой гостят ее золовки, вполне достойна ее внимания. Леди же Мидлтон ее совершенно очаровала.

Леди Мидлтон была не менее очарована миссис Дэшвуд. Холодный эгоизм в характере обеих оказался взаимно привлекательным и способствовал их сближению, как и чинная благопристойность манер, и душевная черствость.

Однако те же самые манеры, которыми миссис Дэшвуд заслужила доброе мнение леди Мидлтон, пришлось не по вкусу миссис Дженнингс, которая увидела в ней просто невысокую, заносчивого вида, чопорную женщину, которая поздоровалась с сестрами мужа без малейшей нежности и просто не находила, о чем с ними говорить: из той четверти часа, которой она удостоила Беркли-стрит, по меньшей мере семь с половиной минут она просидела в полном молчании.

Элинор, хотя она предпочла сама об этом не спрашивать, очень хотела узнать, в городе ли Эдвард, но Фанни ни под каким видом не согласилась бы произнести это имя в присутствии золовки до той поры, пока у нее не появилась бы возможность сообщить ей о дне его свадьбы с мисс Мортон или пока не сбылись бы надежды, которые ее супруг возлагал на полковника Брэндона. По ее неколебимому убеждению, они все еще были настолько привязаны друг к другу, что при каждом удобном случае следовало и словом и делом ослаблять эту привязанность. Впрочем, сведения, на которые поспешила она, были незамедлительно получены из другого источника. Вскоре пришла Люси, ища у Элинор сочувствия: они с Эдвардом не могут увидеться, хотя он приехал в город вместе с мистером и миссис Дэшвуд! Заехать к их кухне он не хочет из опасения, что все откроется, и, хотя их обоюдное желание поскорее встретиться поистине неописуемо, судьба обрекает их пока лишь переписываться.

Затем Эдвард сам известил их о своем приезде, дважды заехав на Беркли-стрит. Дважды, вернувшись после утренних визитов, они находили на столе его карточку. Элинор

была рада, что он приезжал, и еще более рада, что он ее не застал дома.

Дэшвуды пришли в такой восторг от Мидлтонов, что решили — как ни мало были они склонны давать что-либо кому-либо — дать в их честь обед. И несколько дней спустя после первого знакомства пригласили сэра Джона с супругой отобедать у них на Харли-стрит, где они сняли на три месяца отличный дом. Приглашены были также Элино́р с Марианной и миссис Дженнингс, а кроме того, Джон Дэшвуд позаботился заручиться согласием полковника Брэндона, который принял его приглашение и все сопровождавшие его любезности не без удивления, но с удовольствием, потому что всегда был рад оказаться в одном обществе с обеими мисс Дэшвуд. Им предстояло познакомиться с миссис Феррарс, но Элино́р так и не удалось выяснить, будут ли на обеде сыновья этой последней. Впрочем, присутствие и одной миссис Феррарс придало для нее интерес этому обеду: правда, теперь она могла думать о предстоящей встрече без былой тревоги, которую прежде внушала ей мысль о знакомстве с матерью Эдварда, и больше ее совсем не трогало, какое мнение та о ней составит, однако желание собственными глазами увидеть миссис Феррарс и узнать, какова же она на самом деле, несколько в ней не угасло.

Интерес, который вызывал в ней предстоящий обед, еще более возрос, хотя радости ей это никакой не доставило, когда оказалось, что на обеде будут присутствовать и обе мисс Стил.

Так хорошо зарекомендовали они себя леди Мидлтон, так угодили ей своим усердием, что она с не меньшей охотой, чем сэ́р Джон, пригласила их погостить неделю на Кондуит-стрит, хотя Люси отнюдь не отличалась светскостью манер, а ее сестру нельзя было назвать даже благовоспитанной; и едва они услышали про приглашение Дэшвудов, как оказалось, что им будет особенно удобно начать свой визит незадолго до того дня, на который был назначен обед.

То обстоятельство, что они были племянницами джентльмена, несколько лет обучавшего брата миссис Джон Дэшвуд, вряд ли особенно способствовало тому, что им нашлось место за ее столом, но они были гостями леди Мидлтон и это не могло не распахнуть перед ними двери ее дома. Люси, которая давно желала быть представленной близким Эдварда, самой узнать их характеры и понять, какие ее ждут трудности, а также попробо-

«Дом в Гилфордском церковном дворе».
С картины Джона Селла Котмена, 1800 г.

вать им понравиться, пережила одну из счастливейших минут своей жизни, когда получила карточку миссис Джон Дэшвуд.

На Элинор карточка эта произвела совсем иное впечатление. Она тут же подумала, что Эдвард живет у матери и, следовательно, не может не быть приглашен вместе с матерью на обед, который дает его сестра. Но увидеть его в первый раз после всего, что произошло, в обществе Люси! Нет, у нее вряд ли достанет сил вынести подобное испытание.

Эти опасения, быть может, не вполне опирались на доводы рассудка и, уж конечно, не на истинное положение вещей. Однако ее избавило от них не собственное благоразумие, но доброе сердце Люси, которая, рассчитывая причинить ей жестокое разочарование, сообщила, что во вторник Эдвард на обеде никак быть не может, и, в надежде уколоть ее побольнее, добавила, что мешает ему

чрезвычайная любовь к ней — он не способен в ее присутствии скрывать свои чувства.

И вот наступил знаменательный вторник, в который должно было состояться знакомство обеих барышень с этой грозной свекровью.

— Пожалейте меня, дорогая мисс Дэшвуд! — шепнула Люси, когда они рядом поднимались по лестнице, так как Мидлтоны приехали почти одновременно с миссис Дженнингс и все они вместе последовали за лакеем.— Здесь ведь только вы знаете, как я нуждаюсь в сочувствии... Ах, право же, я еле держусь на ногах. Подумать только! Еще миг, и я увижу особу, от которой зависит все мое счастье... которая станет моей матерью!..

Элинор могла бы незамедлительно утешить бедняжку, указав, что, вполне вероятно, им миг спустя предстоит увидеть мать мисс Мортон, а вовсе не ее, однако она лишь ответила, и с большой искренностью, что от души ее жалеет — к величайшему изумлению Люси, которая, хотя и ощущала немалую робость, однако надеялась, что внушает Элинор жгучую зависть.

Миссис Феррарс оказалась маленькой шуплой женщиной с осанкой прямой до чопорности и лицом серьезным до кислотности. Цвет его был землисто-бледный, черты — мелкие, лишенные красоты и выразительности. Однако природа все-таки не сделала их совсем уж незначительными, наградив ее выпуклым лбом, который придавал им внушительность чванливой гордости и недоброжелательности. Она была скупа на слова, ибо в отличие от большинства людей соизмеряла их с количеством своих мыслей, но и из тех немногих, которые она все-таки обронила, ни одно не было обращено к мисс Дэшвуд, в отличие от взглядов, говоривших о решимости в любом случае проникнуться к ней неприязнью.

Однако теперь это поведение несколько не ранило Элинор, хотя еще недавно оно сделало бы ее глубоко несчастной. Но у миссис Феррарс больше не было власти причинять ей страдания, и ее только позабавило совсем иное обращение с обеими мисс Стил, рассчитанное, по видимому, на то, чтобы она во всем почувствовала, как ею пренебрегают. Но Элинор не могла сдержать улыбки, наблюдая милостивое обхождение и матери и дочери именно с той — ибо особое внимание было обращено на Люси — кого, будь им известно столько, сколько ей, они поторопились бы обдать холодом, тогда как к ней, хотя у нее не было никакой власти уязвить их гордость, обе нарочито не обращались. Но и улыбаясь на любезность, расточаемую

столь неудачно, Элинор невольно задумалась о мелкой злобности, эту любезность породившую, и, видя, как мисс Стил и Люси усердно тщатся ее заслужить, не могла не почувствовать глубокого презрения ко всем четверем.

Люси упивалась счастьем оттого, что ее так отличают, а мисс Стил для полного блаженства не хватало только шуточек по адресу ее и доктора Дэвиса.

Обед был великолепный, лакеи многочисленными, и все свидетельствовало о любви хозяйки дома к показной пышности и возможностях хозяина потакать ей. Несмотря на улучшения и новые постройки в Норленде, несмотря на то, что его владелец, если бы не несколько тысяч наличными, был бы вынужден с убытком продать ценные бумаги, ничто не свидетельствовало о безденежье, на которое он намекал своими сетованиями, или о скудости в чем-либо, кроме скудости разговоров, но зато уж ее не заметить было нельзя. Джон Дэшвуд не находил сказать ничего, что стоило бы послушать, а его супруга — и того меньше. Впрочем, особо в вину им этого ставить не следовало, так как в подобном положении находились и почти все их гости, которым для того, чтобы быть приятными собеседниками, не хватало либо ума, как природного, так и развитого образованием, либо истинной светскости, либо живости мысли, либо благожелательности.

В гостиной, куда после конца обеда удалились дамы, скудость эта стала особенно очевидной, так как джентльмены все же вносили в беседу некоторое разнообразие, касаясь то политики, то огораживания, то выездки лошадей, дам же, пока не подали кофе, занимал лишь один предмет — сравнение роста Гарри Дэшвуда и Уильяма, второго сына леди Мидлтон, так как они оказались почти ровесниками.

Если бы оба мальчика присутствовали тут, тема быстро исчерпалась бы, ибо их можно было бы просто поставить затылком друг к другу. Но в наличии имелся только Гарри, а потому с обеих сторон высказывались лишь предположения, причем никому не возбранялось твердо придерживаться собственного мнения и повторять его опять и опять; сколько им было угодно.

Партии распределялись следующим образом.

Обе маменьки, хотя каждая была убеждена, что ее сынок выше, любезно уступали пальму первенства другому.

Обе бабушки с той же пристрастностью, хотя и большей искренностью утверждали каждая, что выше, бесспорно, ее собственный внук.

Люси, которая равно стремилась угодить и тем и другим, полагала, что оба мальчика для своего возраста удивительно высоки, и даже вообразить не могла, что один хотя бы на волосок выше другого, а мисс Стил со всей поспешностью еще горячее высказывалась в пользу и того и другого.

Элиор, один раз заметив, что, по ее мнению, выше Уильям — чем еще сильнее оскорбила миссис Феррарс и Фанни, — не считала нужным отстаивать свое мнение

новыми его повторениями, а Марианна, когда воззвали к ней, оскорбила их всех, объявив, что ей нечего сказать, так как она никогда над этим не задумывалась.

Перед отъездом из Норленда Элинор очень искусно расписала для невестки два экрана, и они, только что натянутые на рамки и доставленные сюда, украшали гостиную; на них упал взгляд Джона Дэшвуда, когда он сопровождал остальных джентльменов в гостиную, и они тут же были услужливо вручены полковнику Брэндону, чтобы тот мог ими полюбоваться.

— Это рукоделие моей старшей сестры, — сказал мистер Дэшвуд, — и вы, как человек с тонким вкусом, полагаю, оцените их по достоинству. Не знаю, доводилось ли вам уже видеть ее рисунки, но, по мнению всех, они бесподобны.

Полковник, хотя и заметил, что он отнюдь не знаток, но похвалил экраны с жаром, как, впрочем, похвалил бы любую вещь, расписанную мисс Дэшвуд. Это, как и следовало ожидать, возбудило общее любопытство, и экраны начали переходить из рук в руки. Миссис Феррарс, не расслышавшая, что это работа Элинор, непременно пожелала взглянуть на них, и, после того как они удостоились лестного отзыва леди Миддлтон, Фанни подала их матери, заботливо освещив ее, что они расписаны мисс Дэшвуд.

— Гм, — заметила миссис Феррарс, — очень мило! — И, даже не взглянув на них, возвратила их дочери.

Быть может, Фанни все-таки на миг показалося, что такая грубость чрезмерна, потому что, чуть-чуть покраснев, она поторопилась сказать:

— Да, не правда ли, они очень-очень милы? — Но тут же, по-видимому, испугалась, что позволила себе излишнюю вежливость, которую можно счесть за одобрение, и добавила: — Не кажется ли вам, что они несколько напоминают стиль мисс Мортон, сударыня? Вот кто пишет красками поистине восхитительно! Как очарователен последний ее пейзаж!

— Да, очарователен. Но да ведь она во всем бесподобна!

Этого Марианна стерпеть не могла. Миссис Феррарс сразу же ей не понравилась, а такие неуместные хвалы другой художнице в ущерб Элинор — хотя она не подозревала, что за ними кроется на самом деле, — заставили ее тут же пылко воскликнуть:

— Очень странная дань восхищения! Что нам мисс Мортон? Кто ее знает, кому она интересна? Мы думаем и говорим сейчас об Элинор! — И, взяв экраны из рук невестки, принялась восхищаться ими так, как они заслуживали.

Миссис Феррарс, видимо, разгневалась и, еще выпрямив и без того прямую спину, ответила на эту язвительную тираду:

— Мисс Мортон — дочь лорда Мортона!

Фанни, казалось, рассердилась не меньше, и ее муж совсем перепугался дерзости сестры. Вспышка Марианны ранила Элино́р гораздо больше, чем причина, ее вызвавшая, но устремленные на Марианну глаза полковника Брэндона свидетельствовали, что он видит лишь ее благородство, лишь любящее сердце, которое не снесло обиды, причиненной сестре, пусть и по столь ничтожному поводу.

Но Марианна не успокоилась. Спесивое пренебрежение, с каким миссис Феррарс с самого начала обходилась с Элино́р, сулило ее сестре, как ей казалось, терзания и горе, к которым ее собственная раненая чувствительность внушала ей особый ужас, и, подчинившись порыву любви и возмущения, она подбежала к сестре, обвила рукой ее шею и, прижавшись щекой к ее щеке, произнесла тихим, но ясным голосом:

— Милая, милая Элино́р, не обращай на них внимания. Они не стоят твоего огорчения.

Речь ее прервалась. Не в силах справиться с собой, она спрятала лицо на плече Элино́р и разразилась слезами. Все обернулось к ней,— почти все с искренней тревогой. Полковник Брэндон вскочил и направился к ним, сам не понимая зачем. Миссис Дженнингс с весьма многозначительным: «Ах, бедняжка!» тут же подала ей свою нюхательную соль, а сэр Джон воспыгал таким негодованием против виновника этого нервического припадка, что немедленно подсел к Люси Стил и шепотом вкратце поведал ей всю возмутительную историю.

Впрочем, несколько минут спустя Марианна настолько оправилась, что отказалась от дальнейших забот и села на свое прежнее место. Однако до конца вечера она пребывала в угнетенном состоянии духа.

— Бедная Марианна! — сказал вполголоса ее брат полковнику Брэндону, как только ему удалось заручиться его вниманием.— Она слабее здоровьем, чем ее сестра, и очень нервна. Ей не хватает крепкой конституции Элино́р. И нельзя не признать, насколько тяжело переносить юной девице, которая была красавицей, утрату былой прелести. Возможно, вы не поверите, но всего лишь несколько месяцев назад Марианна была очень красива,— не менее, чем Элино́р. Теперь же, как вы видите, она совсем увяла.

Любопытство Элинор было удовлетворено — она увидела миссис Феррарс. И нашла в ней все, что могло сделать нежелательным новое сближение между их семьями. Она получила достаточно доказательств ее чванливости, ее мелочности и упрямого предубеждения против нее самой, чтобы отлично себе представить, какие помехи и трудности препятствовали бы помолвке и вынуждали бы откладывать свадьбу ее и Эдварда, если бы он был свободен. То, что она успела увидеть, почти внушило ей радость, что одно непреодолимое препятствие навеки избавило ее от необходимости терпеть новые грубые выходки миссис Феррарс, зависеть от ее капризов или пытаться заслужить ее доброе мнение. Хотя она все же не могла радоваться тому, что Эдвард связан неразрывными узами с Люси, ее не оставляла мысль, что, будь Люси более его достойной, ей правда следовало бы радоваться.

Она недоумевала, как может Люси столь оболыщаться милостивым вниманием к ней миссис Феррарс, как могут своекорыстие и тщеславие настолько ослеплять ее, что она приняла за чистую монету знаки расположения, которыми ее одаривали только в пику Элинор, и возложила какие-то надежды на предпочтение, которое было ей оказано лишь из неведения об истинном положении вещей. Тем не менее так оно и было, что доказывали не только взгляды Люси в то время, но и восторги, которые она откровенно излила на следующее утро, когда попросила леди Мидлтон завезти ее на Беркли-стрит, рассчитывая застать Элинор одну и поведать ей о своем счастье. Судьба ей улыбнулась: не успела она войти, как миссис Дженнингс получила записочку от миссис Палмер и поспешила к ней.

— Милый мой друг! — воскликнула Люси, едва они остались вдвоем. — Я приехала поделиться с вами своим счастьем. Может ли что-нибудь быть более лестным, чем вчерашнее обхождение со мной миссис Феррарс? Такая снисходительность! Вы ведь знаете, как я пугалась даже мысли о встрече с ней. Но едва меня ей представили, она меня так обласкала, что, как ни суди, я должна была ей очень понравиться! Разве не правда? Вы ведь сами все видели. Ну можно ли истолковать это иначе?

— Она действительно была с вами весьма любезна.

— Любезна! Неужто вы ничего, кроме любезности, не заметили? Нет, это больше, много больше. Такая добро-

та — и только со мной одной! Ни гордости, ни высокомерия. И ваша сестрица тоже была так внимательна и ласкова!

Элинор предпочла бы переменить разговор, но Люси продолжала требовать подтверждения, что у нее есть причины радоваться, и Элинор вынуждена была сказать:

— Бесспорно, если бы они знали о вашей помолвке, такое обхождение было бы весьма лестным, но при настоящих обстоятельствах...

— Я догадывалась, что вы это скажете! — быстро перебила Люси. — Но с какой стати миссис Феррарс было делать вид, будто я ей нравлюсь, если бы на самом деле это было не так? А мне важнее всего ей понравиться. Нет, вам не удастся убедить меня в противном. Я теперь уверена, что все кончится хорошо и никаких помех не будет. Миссис Феррарс обворожительная дама, как и ваша сестрица. Обе они бесподобны, право, бесподобны! Не понимаю, почему я ни разу от вас не слышала. какая приятная дама миссис Дэшвуд.

На это Элинор ответить было нечего, и она ничего не сказала.

— Вам нездоровится, мисс Дэшвуд? Вы какая-то грустная... все время молчите. Нет, вы решительно нездоровы.

— Я никогда не чувствовала себя лучше.

— От всей души рада этому, но только вот вид у вас совсем больной! Мне было бы так жаль, если бы вы захворали! Вы ведь были для меня такой опорой и поддержкой! Только богу известно, что я делала бы без вашей дружбы...

Элинор попыталась найти вежливый ответ, но сомневалась, что ей это удалось, однако Люси, видимо, была им удовлетворена, так как тотчас сказала:

— О да, я нисколько не сомневаюсь в вашем расположении ко мне, и, если не считать любви Эдварда, оно величайшее из моих утешений. Бедняжка Эдвард! Но, кстати, одна хорошая новость: теперь мы сможем видеться, и видеться часто, потому что леди Мидлтон в восторге от миссис Дэшвуд и мы, полагаю, станем постоянными гостями на Харли-стрит, Эдвард же половину времени проводит у сестры, а кроме того, и миссис Феррарс будет теперь обмениваться визитами с леди Мидлтон. А миссис Феррарс и ваша сестрица были столь добры, что несколько раз повторили, как они будут рады видеть меня у себя. Ах, они такие обворожительные дамы! Право же, если вы когда-нибудь скажете вашей сестрице, какого я о ней мнения, вам будет даже трудно выразить, насколько оно высоко!

Но Элинор не дала ей никаких оснований надеяться,

что она передаст ее слова миссис Джон Дэшвуд. А Люси продолжала:

— Естественно, я в один миг заметила бы, если бы миссис Феррарс меня сразу невзлюбила. Если бы она, например, только слегка мне поклонилась, не сказав ни слова, а потом перестала бы вовсе меня замечать, ни разу бы не взглянула на меня приветливо... ну, вы понимаете, что я хочу сказать... если бы со мной обошлись столь сурово, я в отчаянии оставила бы всякую надежду. Я бы этого не перенесла. Ведь уж если она кого невзлюбит, так, я знаю, это уж навсегда.

От необходимости отвечать на это вежливое злорадство Элинор избавила внезапно распахнувшаяся дверь. Лакей доложил о мистере Феррарсе, и следом за ним в гостиную вошел Эдвард.

Воцарилась тягостная неловкость, ясно отразившаяся на лицах всех троих. Вид у них был очень глупый, и Эдвард, казалось, предпочел бы не входить, а тотчас уйти. Они попали в то самое положение, которого все трое всячески стремились избежать, — да к тому же и при наиболее неприятных обстоятельствах. Не только они встретились все трое, но вдобавок наедине. Первыми опомнились барышни. Люси была гостьей, видимость тайны следовало сохранить, а потому она могла ограничиться лишь нежным взглядом и, поздоровавшись, больше ничего не говорить.

Но Элинор должна была играть свою роль хозяйки, и ей ради него так хотелось сыграть эту роль хорошо, что она после лишь самого легкого колебания поздоровалась с ним почти непринужденно, почти естественно, а после еще одного усилия и вовсе справилась с собой. Ни присутствие Люси, ни некоторая обида не помешали ей сказать, как рада она его видеть и как жалеет, что ее не было дома, когда он раньше заходил на Беркли-стрит. И она не побоялась быть с ним по-дружески приветливой (на что он имел право как друг семьи и почти родственник), несмотря на наблюдательные глаза Люси, которые, как она не замедлила убедиться, пристально за ней следили.

Ее приветливость несколько успокоила Эдварда, и он осмелился даже сесть, но его смущение превосходило их смущение в пропорции, оправданной положением вещей, хотя, быть может, и редкой для пола, к которому он принадлежал. Но его сердце не было равнодушно, как у Люси, а совесть не была чиста, как у Элинор.

Люси сидела скромно и чинно, решительно не желая помочь остальным, а потому хранила молчание, и разго-

вор поддерживала почти одна Элино́р, которая сама общи́ла, как чувствует себя их мать, и как им нравится Лондон, и все то, о чем он должен был бы справиться, но не справился. На этом ее усилия не завершились: вскоре она нашла в себе столько героизма, что решила оставить их наедине, сославшись на то, что ей следует позвать Марианну. И не только решила, но сделала, причем самым великодушным образом, мужественно помедлив несколько минут на площадке, прежде чем войти к сестре. Но после этого, однако, времени на восторги Эдварду уже более не осталось, ибо радость заставила Марианну тут же поспешить в гостиную. Эта радость, как и все ее чувства, была очень бурной, а выражалась еще более бурно. Она протянула ему руку и воскликнула с нежностью любящей сестры:

— Милый Эдвард! Вот счастливая минута! Она почти искупает все остальное.

Эдвард попытался ответить должным образом на ее искренность, но на глазах таких свидетельниц он не осмелился сказать и половину того, что чувствовал на самом деле. Они снова все сели и минуты две молчали. Марианна переводила выразительный, полный нежности взгляд с Эдварда на Элино́р, сожалея лишь, что совершенно ненужное присутствие Люси препятствует им выразить все восхищение от этой встречи. Первым заговорил Эдвард: у нее нездоровый вид, уж не вреден ли ей Лондон?

— Ах, не думайте обо мне! — ответила она пылко, хотя ее глаза наполнились слезами.— Не думайте о моем здоровье. Элино́р ведь здорова, как вы видите. Этого должно быть довольно для нас обоих.

Такое утверждение никак не могло облегчить положение и Эдварда и Элино́р или пролить бальзам в душу Люси, которая поглядела на Марианну отнюдь не с благодарным выражением.

— Но Лондон вам нравится? — задал Эдвард первый подвернувшийся на язык вопрос, лишь бы переменить тему.

— Нисколько. Я полагала, что найду в нем много приятного, но не нашла ничего. Ваш визит, Эдвард, вот единственная радость, которую он мне подарил. И слава богу, вы такой же, каким были всегда!

Она умолкла, но никто ничего не сказал.

— Мне кажется, Элино́р,— продолжала Марианна,— нам следует поручить себя попечению Эдварда на обратном пути в Бартон. Я полагаю, что мы уедем через неделю или две, и, надеюсь, Эдвард не будет очень недоволен такой обязанностью.

Бедный Эдвард пробормотал что-то, но что — не понял никто и он сам в том числе. Однако Марианна, которая заметила его смущение и без труда нашла ему причину, наиболее ей приятную, была совершенно довольна и вскоре заговорила о другом.

— Ах, какой день, Эдвард, мы провели вчера на Харли-стрит! Такой скучный, такой невыносимо скучный! Но мне об этом надо сказать вам очень много такого, чего сейчас я сказать не могу.

С этой похвальной сдержанностью она отложила до другого времени, когда они будут избавлены от постороннего присутствия, рассказ о том, что их общих родственников она нашла еще более неприятными, чем прежде, а уж его мать и вовсе ужасной.

— Но почему вас там не было, Эдвард? Почему вы не пришли?

— Я обещал быть в другом месте.

— Обещали! Но что значит подобное обещание, когда речь шла о встрече с такими близкими друзьями.

— Быть может, мисс Марианна,— воскликнула Люси, радуясь случаю немножко свести с ней счеты,— вы полагаете, что молодые джентльмены никогда не держат обещаний, как в малом, так и в большом, если им того не хочется?

Элинор очень рассердилась, но Марианна, по-видимому, не заметила шпильки, потому что ответила с полным спокойствием:

— Нет-нет. Если говорить серьезно, я убеждена, что только щепетильность помешала Эдварду все-таки прийти на Харли-стрит. Я всей душой верю, что более щепетильного человека на свете не существует. И все свои обещания он исполняет с неизменной точностью, пусть оно будет самым пустячным или в ущерб его собственным интересам или удовольствию. Он совестится причинять огорчения, обманывать ожидания и совершенно лишен себялюбия, как никто среди тех, кого я знаю. Да, Эдвард, это так, и я не собираюсь молчать. Как? Неужели вы никогда не слышали, чтобы вас хвалили? Ну, в таком случае вам нельзя быть моим другом. Ведь все, кто принимает мою любовь и уважение, должны смиряться с тем, как я вслух отдаю должное их достоинствам.

Однако на сей раз две трети ее слушателей предпочли бы, чтобы она воздала должное каким-нибудь другим достоинствам, и Эдварда это так мало подбодрило, что он вскоре встал, собираясь откланяться.

— Как, вы уже уходите! — воскликнула Марианна.— Дорогой Эдвард, я вас не отпущу!

И, отведя его в сторону, она прошептала, что Люси, конечно же, уйдет очень скоро. Но даже такие заверения пропали втуне и он все-таки ушел. Люси, которая пересидела бы его, продлись его визит даже два часа, теперь не замедлила последовать его примеру.

— И почему она завела обыкновение постоянно бывать здесь? — вскричала Марианна, едва они остались вдвоем.— Неужели она не видела, что она лишняя? Какая досада для Эдварда!

— Но почему? Мы ведь все его друзья, и с Люси он знаком много дольше, чем с нами. Вполне естественно, что ему было так же приятно увидеть ее, как и нас.

Марианна устремила на нее пристальный взгляд и сказала:

— Ты знаешь, Элинор, я не переносу, когда говорят так. Если же ты, как я подозреваю, просто хочешь выслушать возражения, то тебе следовало бы вспомнить, что я для этого не гожусь. Я никогда не снизойду до того, чтобы у меня исторгали заверения, в которых не нуждаются.

С этими словами она вышла из комнаты, и Элинор не решилась пойти за ней для продолжения разговора, потому что данное Люси обещание не позволяло ей привести доводы, которые убедили бы Марианну, и как ни тяжки могли быть для нее последствия упорного заблуждения сестры, ей оставалось только смириться с ними. Правда, она могла тешиться надеждой, что Эдвард постарается пореже подвергать себя и ее опасности выслушивать не, к месту радостные заверения Марианны и избавит их от повторения тех страданий, которые оба они испытывали во время последнего их свидания. И надеяться на это у нее были все причины.

ГЛАВА 36

Несколько дней спустя газеты поведали миру, что супруга Томаса Палмера, эсквайра, благополучно разрешилась сыном и наследником. Весьма интересное и приятное оповещение,— во всяком случае, для всех их близких, которые уже знали о радостном событии.

Событие это, столь важное для полноты счастья миссис Дженнингс, тотчас изменило обычные порядки в ее

доме, а тем самым и привычный порядок дня гостивших у нее барышень. Миссис Дженнингс, желая как можно долее оставаться с Шарлоттой, теперь уезжала к ней с раннего утра, едва успев одеться, и возвращалась поздно вечером, Элино́р же с Марианной по настоятельному приглашению Мидлтонов проводили весь день на Кондуит-стрит. Если бы им предоставили выбор, они предпочли бы

не покидать Беркли-стрит хотя бы до исхода утра, но пойти наперекор всеобщим настояниям они, разумеется, не могли. Поэтому им было суждено весь день составлять компанию леди Мидлтон и обеим мисс Стил, в чем эти трое не находили ни малейшего удовольствия, как бы вслух ни заверяли в обратном.

Для леди Мидлтон они были слишком умны и образованны, а мисс Стил и Люси видели в них узурпаторш, вторгнувшихся в их владения и присваивающих часть благ, которые они почитали собственным достоянием. Хотя леди Мидлтон всегда была любезна с Элино́р и Марианной, она терпеть их не могла. Они не льстили ни ей, ни ее детям, и она считала их черствыми, а потому, что они любили чтение, подозревала их в сатиричности, быть может, не совсем зная, что такое сатиричность. Но стоило ли обращать внимание на такой пустяк? Словечко было модным и употреблялось по всякому поводу.

Их присутствие тяготило и ее и Люси. Ей оно мешало бездельничать, а Люси — заниматься делом. Сидеть перед ними сложа руки леди Мидлтон стыдилась, а Люси, опасаясь их презрения, не решалась пускаться в ход лесть, которую обычно с такой гордостью изобретала и тщательно обдумывала. Одна лишь мисс Стил не особенно огорчалась, и в их власти было вполне примирить ее с собой. Если бы одна или другая рассказала бы ей все подробности интрижки Марианны с мистером Уиллоби, она сочла бы себя вполне вознагражденной за потерю лучшего послеобеденного места у камина, какого лишилась с их появлением в доме. Но этот жест умиротворения сделан не был, как часто она ни изъясляла Элино́р сочувствие ее сестрице и ни роняла намеки на непостоянство кавалеров, когда Марианна оказывалась поблизости. Первая выслушивала ее с полным безразличием, а вторая отвечала лишь брезгливым взглядом. Тем не менее они все же могли бы заручиться ее дружбой без особого труда. Что им стоило пройти иногда насчет нее и доктора! Но они, подобно почти всем остальным, были столь мало склонны одолжить ее, что в те дни, когда сэ́р Джон дома не обедал, мисс Стил, случалось, не слышала ни единой шуточки по своему адресу, кроме тех, которые отпускала сама.

Однако вся эта зависть, неудовольствие, раздражение оставались неизвестны миссис Дженнингс, и она, наоборот, считая, что барышням должно быть куда как весело в обществе друг друга, вечером не забывала вслух порадоваться за своих молодых приятельниц, которым уже столько

времени не приходится скучать со старухой. Иногда она заезжала за ними к сэру Джону, а иногда встречала их уже дома, но каждый раз в превосходнейшем расположении духа, очень веселая, очень довольная собой — ведь если Шарлотта чувствует себя хорошо, то, конечно, лишь благодаря ее заботам! — и горя желанием поведать новости о здоровье Шарлотты с такой полнотой и подробностями, что заинтересовать они могли бы разве что мисс Стил. Правда, одно ее тревожило, как она ежедневно жаловалась: мистер Палмер придерживался обычного для его пола, но противоестественного для отца, убеждения, будто все младенцы на одно лицо, и, хотя в этом младенце сама она ясно замечала поразительное сходство с любыми его родственниками с обеих сторон, переубедить жестокосердого родителя ей не удавалось. Он упорно стоял на том, что их младенец ничем не отличается от остальных младенцев того же возраста, и от него не удавалось получить подтверждения даже такой простой и непререкаемой истины, что это самое прелестное дитя в мире.

Теперь мне предстоит поведать о несчастье, которое примерно тогда же постигло миссис Джон Дэшвуд. Когда ее сестры в первый раз заехали с миссис Дженнингс к ней на Харли-стрит, судьба привела туда одну ее знакомую — обстоятельство, которое само по себе, казалось бы, никакой опасностью ей не угрожало. Но до тех пор, пока воображение других людей подстрекает их неверно толковать наше поведение и выносить суждения, опираясь на никчемные пустяки, наше счастье всегда в известной мере предано воле случая. И вот эта дама, к тому же приехавшая несколько поздно, позволила своему воображению увести ее так далеко от истинного положения вещей и даже простой вероятности, что, едва познакомившись с двумя мисс Дэшвуд, которых ей представили как сестер мистера Дэшвуда, она тотчас вбила себе в голову, будто они гостят тут. И дня два спустя, вследствие этого недоразумения, прислала приглашения и им вместе с мистером и миссис Дэшвуд на небольшой музыкальный вечер, который устраивала у себя. Таким образом, миссис Джон Дэшвуд не только пришлось с большими для себя неудобствами одолжить золовкам свою карету, но и — что было еще хуже — ей предстояло терпеть все неприятные последствия такого невольного внимания к ним; как знать, не сочтут ли они ее обязанной и во второй раз взять их куда-нибудь? Правда, у нее всегда была в запасе возможность отказать им. Но этого ей было мало: когда люди знают, что поступают

дурно, их оскорбляет, если от них ждут более достойного поведения.

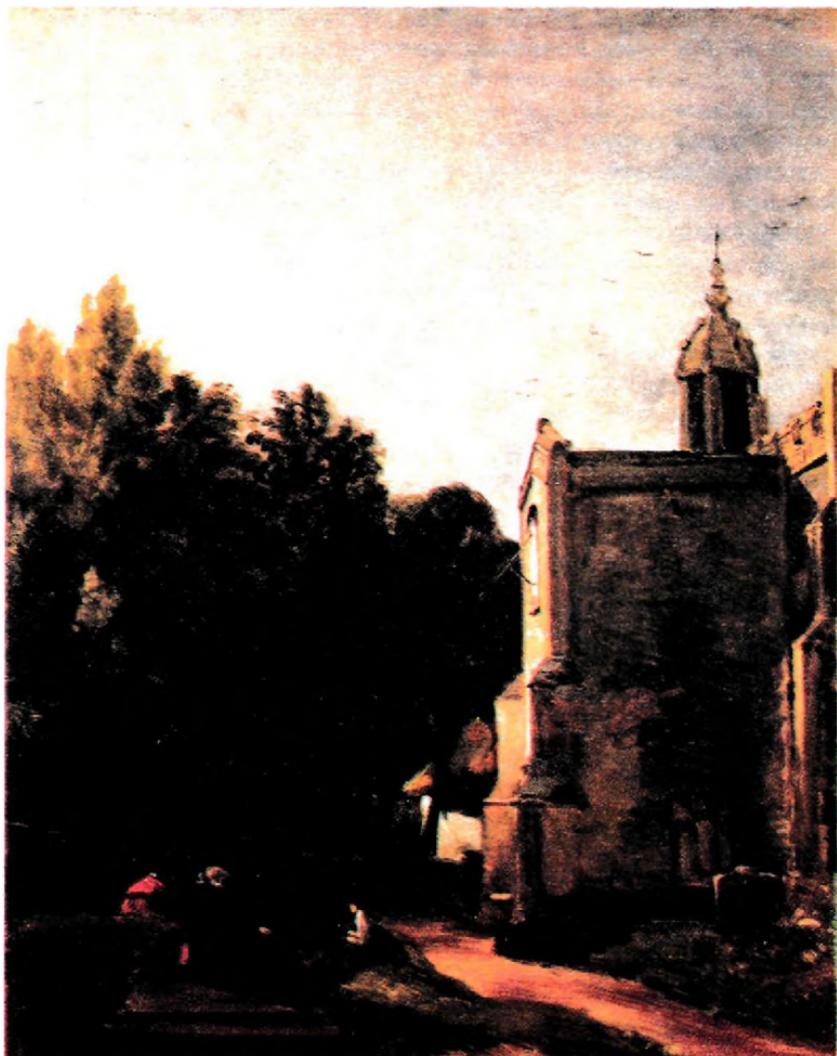
Марианна постепенно так привыкла выезжать каждый день, что ей уже было все равно, ехать или нет, и она спокойно и машинально одевалась перед каждым вечером, не ожидая от него ни малейшего удовольствия, а часто даже и не зная, куда они отправляются.

К своему туалету и наружности она стала так равнодушна, что не тратила на них и половины того внимания и интереса, какими, едва она была готова, их успевала одарить мисс Стил за пять минут. От взыскательного взгляда этой девицы и ее жадного любопытства не ускользала ни единая мелочь, она видела все, осведомлялась обо всем, не находила покоя, пока не узнавала, что стоила каждая часть туалета Марианны, могла назвать число ее платьев точнее самой Марианны и лелеяла надежду выведать, прежде чем они расстанутся, во сколько ей обходится еженедельная стирка и сколько ежегодно она тратит на себя. Бесцеремонность этих расспросов обычно увенчивалась комплиментом, который Марианна, хотя он добавлялся для ее умиротворения, полагала совсем уж бесстыдной наглостью: после того, как ее подвергали допросу о цене и выкройке ее платья, о цвете ее туфельек и о прическе, ей почти непременно объявлялось, что она, «право слово, выглядит первойшей щеголихой и всеконечно заведет много обожателей».

Подобным напутствием ее проводили и на этот раз, когда подъехала карета их брата, которую они не заставили дожидаться и пяти минут, весьма огорчив такой пунктуальностью свою невестку: приехав первой, та надеялась, что они замешкаются, чем причинят неудобства ее кучеру или же ей самой.

Ничего особо примечательного во время вечера не произошло. Среди гостей, как всегда на музыкальных вечерах, было много истинных ценителей и гораздо больше тех, кто в музыке ничего не понимал. Музыканты же, как обычно, по собственному мнению и мнению ближайших их друзей, еще раз доказали, что среди английских любителей лучше их никого не найдется.

Элинор не была музыкальна и не притворялась музыкальной, а потому не стеснялась отводить взгляд от фортепьяно, когда ей того хотелось, и, не смущаясь присутствием ни арфы, ни виолончели, останавливала взгляд на чем-нибудь другом. Таким образом она обнаружила в группе молодых людей того самого джентльмена, который

«Церковный дворик».
С картины Джона Констебля, 1811 г.

прочел им у Грея лекцию о футлярчиках для зубочисток. Вскоре она заметила, что он поглядывает на нее и что-то фамильярно говорит ее брату. Она уже решила позднее спросить у этого последнего, кто он такой, как они оба подошли к ней и мистер Дэшвуд представил ей мистера Роберта Феррарса.

Он обратился к ней с развязной учтивостью и изогнул шею в поклоне, который лучше всяких слов подтвердил, что он и в самом деле тот пустой модник, каким его когда-то отрекомендовала Люси. Как счастлива была бы она, если бы ее чувство к Эдварду питалось не его достоинствами, но достоинствами его родственников! Ибо тогда этот поклон его брата довершил бы то, чему начало положила злобная вздорность матери и сестры. Но удивляясь столь большому различию между братьями, она убедилась, что бездушие и самодовольство одного нисколько не принизили в ее мнении скромность и благородные качества другого. Откуда взялось такое различие, ей объяснил сам Роберт за четверть часа их беседы: говоря о своем брате и оплакивая чрезвычайную *gaucherie*¹, которая мешала тому вращаться в свете, он с безыскусственной откровенностью приписал ее великодушно не какому-либо природному недостатку, но лишь злосчастной судьбе брата, получившего частное образование, тогда как он, Роберт, хотя, возможно, ни в чем его от природы особенно и не превосходя, но лишь благодаря преимуществам образования, какое дается в наших лучших школах, может быть принят в самом взыскательном обществе наравне с кем угодно.

— Клянусь душой,— заключил он,— я убежден, что иной причины здесь нет, о чем я постоянно твержу маменьке, когда она огорчается из-за этого. «Сударыня,— говорю я ей,— не стоит так терзать себя! Сделанного не вернешь, и вина только ваша. Почему вы допустили, чтобы мой дядюшка, сэр Роберт, против вашей же воли, убедил вас поручить Эдварда заботам частного учителя в самую решающую пору его жизни? Пошли вы его не к мистеру Прэтту, а в Вестминстер, как послали меня, и у вас сейчас не было бы никаких поводов к огорчению». Вот как гляжу на это я, и маменька теперь тоже видит, что совершила непоправимую ошибку.

Элинор ничего не возразила, ибо, какое бы мнение ни сложилось у нее о преимуществах школьного образования вообще, одобрить пребывание Эдварда в лоне семьи мистера Прэтта она не могла.

— Вы, если не ошибаюсь, проживаете в Девоншире,— сказал он затем.— В коттедже близ Долиша.

Элинор вывела его из заблуждения относительно местоположения их дома, и он, по-видимому, весьма удивился,

¹ Неловкость (фр.).

что в Девоншире можно жить и не близ Долиша. Но зато весьма одобрил выбранное ими жилище.

— Сам я,— объявил он,— обожаю коттеджи. В них всегда столько всяческих удобств и бездна изящества. Ах, право же, будь у меня деньги, я купил бы кусок земли и построил себе коттедж где-нибудь под Лондоном, чтобы ездить туда в кабриолете, когда мне заблагорассудится, приглашать к себе близких друзей и наслаждаться жизнью. Всем, кто намеревается строить себе дом, я советую построить коттедж. Недавно ко мне пришел мой друг лорд Кортленд, чтобы узнать мое мнение, и положил передо мной три плана, начерченные Бономи. Мне предстояло указать лучший. «Мой дорогой Кортленд,— сказал я, бросая их все три в огонь,— не останавливайте выбора ни на одном из них, но постройте себе коттедж!» И, полагаю, это решит дело. Некоторые люди воображают, будто в коттедже не может быть никаких удобств из-за тесноты,— продолжал он.— Но это заблуждение. В прошлом месяце я гостил у моего друга Эллиота близ Дартфорда. Леди Эллиот очень хотелось дать небольшой бал. «Но, боюсь, это невозможно,— сказала она.— Ах, милый Феррарс! Посоветуйте же мне, каким образом его устроить? В коттедже не найдется ни единой комнаты, в которой поместилось бы более десяти пар, а где сервировать ужин?» Я тотчас понял, что ничего трудного тут нет, и ответил: «Дражайшая леди Эллиот, не тревожьтесь. В столовой будет просторно и для восемнадцати пар, карточные столы можно расставить в малой гостиной, в библиотеке сервируйте чай и легкую закуску, а ужин прикажите подать в большой гостиной». Леди Эллиот пришла в восторг от этого плана. Мы обмерили столовую, и оказалось, что она как раз подходит для восемнадцати пар, и все было устроено точно по моему совету. Таким образом, если только знать, как взяться за дело, в коттедже можно столь же себя не стеснять, как и в более обширном доме!

Элинор со всем согласилась, ибо не сочла, что он заслуживает того, чтобы с ним разговаривали серьезно.

Джон Дэшвуд получал от музыки не больше удовольствия, чем старшая из его сестер, и, подобно ей, мог думать о другом, а потому ему в голову пришла мысль, которую по возвращении домой он сообщил жене, чтобы получить ее одобрение.

Раздумывая над ошибкой миссис Деннисон, предположившей, будто его сестры гостят у него, он решил, что, пожалуй, было бы прилично действительно пригласить

их к себе, пока миссис Дженнингс не перестанет проводить все время с дочерью. Лишних расходов это почти не потребует, не причинит им никаких неудобств, а подобный знак внимания, как подсказывала ему его чувствительная совесть, позволит считать, что он щепетильно выполняет данное отцу слово. Фанни такое предложение изумило.

— Не вижу, как это сделать,— сказала она,— не обидев леди Миддлтон, у которой они проводят все дни. Иначе я, натурально, была бы очень-очень рада. Ты знаешь, я всегда готова оказывать им все знаки внимания, какие только могу,— ведь вывезла же я их в свет не далее как сегодня. Но пригласить их, когда они — гости леди Миддлтон? Так не делают!

Ее муж с большим смирением все же не признал этот довод весомым.

— Они проводят все дни на Кондуит-стрит уже неделю,— возразил он.— И леди Миддлтон не обидится, если они проведут такой же срок у своих ближайших родственников.

Фанни помолчала, а затем с новой энергией сказала:

— Любовь моя, я с восторгом пригласила бы их, будь это в моей власти. Но я уже решила попросить милейших мисс Стил провести у нас несколько дней. Они очень благовоспитанные, достойные девицы, и, мне кажется, мы должны оказать им это внимание, потому что их дядюшка был наставником Эдварда, и превосходным. Видишь ли, твоих сестриц нам ничто не помешает пригласить и на другой год, но мисс Стил, возможно, больше в Лондон не приедут. Я не сомневаюсь, что они тебе понравятся. Да ведь они тебе уже очень нравятся, как ты сам прекрасно знаешь. И маменька к ним расположена, и Гарри к ним так привязался!

Мистер Дэшвуд больше не колебался. Он признал, что милейших мисс Стил следует пригласить безотлагательно, и умиротворил свою совесть, твердо решив пригласить сестер в следующем же году, впрочем, не без тайной надежды, что через год нужды в таком приглашении не будет: Элинор приедет в Лондон уже супругой полковника Брэндона, а с ними и Марианна в качестве их гости.

Фанни, радуясь своему счастливому избавлению и гордясь находчивостью, с какой избежала опасности, на следующее же утро написала Люси, приглашая ее с сестрой провести несколько дней на Харли-стрит, как только леди Миддлтон будет это удобно. Этого было достаточно, чтобы Люси почувствовала себя очень счастливой, и с весомой

на то причиной. В миссис Дэшвуд она словно бы обрела союзницу, разделяющую все ее надежды, способствующую достижению ее целей! Подобный случай постоянно бывать в обществе Эдварда и его близких наиболее практическим образом помогал осуществлению ее заветных планов, а само приглашение весьма льстило ее самолюбию. Его можно было лишь принять с величайшей благодарностью и безотлагательно, а потому тут же оказалось, что они предполагали уехать от леди Мидлтон как раз через два дня — хотя раньше об этом никем ни слова сказано не было.

Когда приглашение было предъявлено Элино́р, что произошло через десять минут после того, как его принесли, она впервые подумала, что у Люси, пожалуй, и правда есть повод для надежд. Такая любезность после столь краткого знакомства, казалось, подтверждала, что ее порождает отнюдь не просто желание побольше уязвить ее, Элино́р, и обещала, что со временем и при известной ловкости старания Люси увенчаются полным успехом. Ее лезть уже возобладала над чванством леди Мидлтон и пробила брешь в крепости сердца миссис Джон Дэшвуд. А такие победы сулили другие, и более важные.

Барышни Стил отбыли на Харли-стрит, и все новые и новые вести об их фаворе там укрепляли уверенность Элино́р. Сэр Джон, несколько раз заезжавший туда, описывал дома, в какой они милости, приводя убедительнейшие ее примеры. Миссис Джон Дэшвуд никогда еще не встречала девиц, которые так ей нравились бы; она подарила обеим по игольнику работы какого-то французского эмигранта; она называет Люси по имени и представить себе не может, что должна будет расстаться с ними!

ГЛАВА 37

концу второй недели миссис Палмер настолько оправилась, что ее мать уже не считала необходимым посвящать ей все свое время, но начала ограничиваться двумя или даже одним визитом в день, а в промежутках возвращалась домой, возобновляя обычный свой образ жизни, и ее молодые гости с большой охотой приняли в нем прежнее участие. На третье или на четвертое утро после того, как они перестали покидать Беркли-стрит спозаранку, миссис Джен-

нингс, вернувшись от миссис Палмер, вошла в гостиную так торопливо и с таким многозначительным видом, что Элинор, сидевшая там одна, тотчас приготовилась выслушать что-то из ряда вон выходящее, и правда, почтенная дама без промедления вскричала:

— Господи! Мисс Дэшвуд, душенька, вы слышали новости?

— Нет, сударыня. Но что случилось?

— Такое, что даже вообразить нельзя! Но я вам расскажу все по порядку. Приезжаю я к Шарлотте, а она насмерть из-за младенчика перепугана. Думала, он опасно захворал — плакал, ворочался и весь пошел прыщичками. Я только на него глянула и говорю: «Господи, душечка, это же вовсе вздор, это потница!» И нянька то же самое твердит. Но Шарлотта ничего слышать не желала, пока не послали за мистером Донаваном. А он, к счастью, как раз воротился с Харли-стрит и — сразу сюда. Ну, едва он посмотрел на мальчика, как следом за нами повторил: потница, мол, и ничего больше. У Шарлотты отлегло от сердца. А мне, когда он совсем собрался уходить, возьми да и взбреди в голову — вот уж, право, не знаю с чего бы! — но только я возьми и спроси его, нет ли чего-нибудь новенького. Тут он ухмыльнулся, хихикнул и напустил на себя серьезность, будто невесть какой ему секрет известен, а потом и говорит шепотом: «Я опасаясь, как бы до барышень, которые у вас гостят, не дошли какие-нибудь неверные слухи о нездоровье их сестрицы, а потому, полагаю, мне следует сказать, что, по моему мнению, поводов особо тревожиться вовсе нет. К миссис Дэшвуд, уповаю, скоро вернется прежнее здоровье».

— Как! Фанни заболела?

— Точь-в-точь что я сказала, душенька. «Помилуйте! — говорю, — миссис Дэшвуд заболела?» Тут-то все наружу и выплыло. А узнала я, чтобы долго не повторять, вот что: мистер Эдвард Феррарс, тот самый молодой человек, о котором я с вами все шутила (по правде сказать, я убийственно рада, что на самом-то деле ничего тут не было), так мистер Эдвард Феррарс, оказывается, вот уж год, как не два, помолвлен с моей кузиной Люси! Вот оно что, душенька! И ни одна живая душа ничего ведать не ведала, кроме Нэнси. Нет, вы только вообразите! Что они друг другу понравились, тут удивляться нечему, но что между ними дело сладилось, а никому и невдомек, вот это странно! Мне, правда, вместе их ни разу видеть не довелось, не то, думаю, я сразу поняла бы, куда ветер дует. Ну,

ЛГ

как бы то ни было, они все держали в страшном секрете, потому что боялись миссис Феррарс; и ни она, ни ваш братец, ни сестрица ничегошеньки даже не подозревали до нынешнего утра. А тут бедная Нэнси,— вы ведь знаете, намерения у нее всегда самые лучшие, только звезд она с неба не хватает,— тут бедная Нэнси взяла да все и выло-

жила. «Помилуйте,— думает она про себя,— они же от Люси совсем без ума и не станут им чинить никаких помех!» И отправляется к вашей сестрице, которая сидит себе одна за пяльцами и знать не знает, что ей сейчас предстоит услышать. Да она всего за пять минут до того говорила вашему братцу, что задумала сосватать Эдварду дочку лорда, уж не помню какого. А тут, вообразите, такой удар ее гордости и спеси! У нее тотчас начался сильнейший нервический припадок, и ваш братец услышал ее крики внизу у себя в кабинете, где он сел писать распоряжения управляющему в деревню. Естественно, он бросился наверх и произошла ужасная сцена — Люси как раз вошла в комнату, ни о чем не ведая. Бедняжка! Мне ее жаль. И должна сказать, обошлись с ней дурно: ваша сестрица бранилась на чем свет стоит и скоро довела ее до обморока. Нэнси упала на колени и обливалась горючими слезами, а ваш братец расхаживал взад и вперед по комнате и твердил, что, право, не знает, как тут быть. Миссис Дэшвуд кричала, чтобы духу их в доме сию же минуту не осталось, и вашему братцу тоже пришлось упасть на колени, упрашивая позволить им остаться, пока они вещи свои не уложат. У нее начался новый нервический припадок, и он так перепугался, что послал за мистером Донаваном, и мистер Донаван застал в доме страшную сумятицу. У дверей уже стояла карета, чтобы увезти моих бедненьких кузин, а когда он уходил, они как раз в нее садились. Бедняжке Люси, сказал он, было так дурно, что она еле на ногах держалась. Да и Нэнси чувствовала себя не лучше. Признаюсь, на вашу сестрицу я сердита и от всего сердца надеюсь, что они поженятся назло ей. А каково будет бедному мистеру Эдварду, когда он про это узнает! Чтобы с его невестой обошлись так низко! Говорят, он в нее убийственно влюблен, да почему бы и нет! Не удивлюсь, если он придет в ярость! И мистер Донаван того же мнения. Мы с ним преподробно все обсудили, а к тому же он немедля должен был вернуться на Харли-стрит, чтоб быть под рукой, когда миссис Феррарс услышит новость. За ней послали, едва Люси с Нэнси уехали, и ваша сестрица была уверена, что с ней тоже случится нервический припадок. И поделом ей! Мне их ничуть не жаль. Терпеть не могу, когда люди льстятся только на деньги и знатность. Почему бы мистеру Эдварду и Люси не пожениться? Миссис Феррарс, уж конечно, может обеспечить сына очень прилично, а если у Люси за душой всего ничего, так зато лучше нее никто не умеет из ничего сделать многое. Да если бы мис-

сис Феррарс назначила ему всего пятьсот фунтов ежегодно, Люси все бы устроила, как иные и на восемьсот фунтов не устроят. Господи, как бы они уютно жили в коттеджике вроде вашего или чуть попросторней, с двумя горничными и двумя лакеями. А у меня для них и старшая горничная на примете есть: сестра моей Бетти сейчас как раз без места, и она им отлично пришлась бы.

Тут миссис Дженнингс умолкла, и Элинора, у которой было достаточно времени собраться с мыслями, сумела ответить так, как следовало, и сказать то, что оправдывалось обстоятельствами. Радуюсь, что ее не подозревают в особом интересе к случившемуся, что миссис Дженнингс (как последнее время она и надеялась) перестала искать в ней тайную любовь к Эдварду, и, главное, радуясь, что Марианны не было рядом, она могла говорить без неловкости и, как ей казалось, вынести беспристрастное суждение о поведении всех участников интриги.

Но она не бралась решать, чем случившееся может обернуться для нее самой, хотя старательно гнала от себя надежду, что следствием не обязательно должна явиться свадьба Эдварда с Люси. Ей не терпелось узнать, что скажет и сделает миссис Феррарс, хотя в общих чертах предположить это было и нетрудно. Но еще больше она хотела бы знать, как поведет себя Эдвард. Его она очень жалела, Люси весьма мало, да и то ценой значительных усилий, остальных же — ничуть.

Миссис Дженнингс была не способна говорить ни о чем другом, и Элинора скоро поняла, что ей необходимо подготовить Марианну, незамедлительно вывести ее из заблуждения, открыть ей истинное положение вещей, чтобы у нее нашлась сдержанность слушать эти разговоры, не выдавая ни тревоги за сестру, ни досады на Эдварда.

Задача ей предстояла тяжкая. Ведь она должна была отнять у сестры, как она искренне верила, главное ее утешение, сообщить ей об Эдварде подробности, которые, думала она со страхом, могут навеки уронить его во мнении Марианны; ведь та, разумеется, не замедлит обнаружить в ее положении сходство с собственным, в мыслях чрезвычайно усилит это сходство, неверно его истолкует и со всей силой воскресит свое горе. Но тягостную эту обязанность выполнить было тем не менее необходимо, и Элинора поспешила к сестре.

Она не собиралась останавливаться на собственных чувствах или описывать свои страдания: лишь власть над

собой, которую она неизменно сохраняла с той минуты, когда узнала о помолвке Эдварда, могла что-то сказать о них Марианне. Рассказ Элинора был кратким и ясным. И хотя совсем сохранить бесстрашие она все же не сумела, но не сопровождала свою речь ни бурным волнением, ни неистовыми сетованиями. Чего нельзя сказать о ее слушательнице: Марианна смотрела на сестру с ужасом и безудержно рыдала. Элинора была осуждена утешать других не только в их горе, но и в своем собственном. Она всячески настаивала, что переносит его спокойно, и старалась доказать, что Эдвард ни в чем, кроме опрометчивости, не повинен.

Однако Марианна довольно долго не желала верить ни тому, ни другому. Эдвард представлялся ей вторым Уиллоби, а раз уж Элинора призналась, что любила его всем сердцем, значит, и муки ее столь же велики! Люси же Стил казалась ей до того противной, до того неспособной покорить сколько-нибудь чувствительного молодого человека, что сначала она никак не хотела поверить в пусть и угасшую любовь Эдварда к подобной девице, а затем отказывалась найти ему извинение. Нет, нет, как можно хотя бы говорить, что это вполне естественно! И Элинора перестала ее убеждать, понимая, что признать, насколько это естественно, она сумеет, лишь когда ей будет дано лучше узнать человеческую натуру.

Она едва успела сказать про помолвку Эдварда с Люси и о том, сколько времени они были помолвлены, как Марианна дала волю своим чувствам, и Элинора, вместо того чтобы излагать события в их последовательности, очень долго успокаивала ее, умоляла не принимать все так близко к сердцу и опровергала обвинения, сыпавшиеся на Эдварда. Наконец Марианна вернулась к предмету разговора, спросив:

— Но как давно тебе было известно об этом, Элинора? Он тебе написал?

— Четыре месяца. Когда Люси в ноябре приехала в Бартон-парк, она очень скоро под секретом рассказала мне про свою помолвку.

Взгляд Марианны выразил изумление, для которого она не сразу нашла слова. После долгого молчания она воскликнула.

— Четыре месяца! Ты знала об этом уже четыре месяца?

Элинора кивнула.

— Как! Все время, пока ты ухаживала за мной в моем горе, ты хранила в сердце такую тайну? И я еще упрекала тебя в том, что ты счастлива!..

— Но сказать тебе тогда, насколько ты ошибаешься, было невозможно.

— Четыре месяца! — вновь вскричала Марианна.— И ты была так спокойна! Так весела! Но откуда брались у тебя силы?

— Из сознания, что я исполняю свой долг. Я обещала Люси сохранить ее тайну, а потому обязана была избегать всего, что могло бы намекнуть на истинное положение вещей, и я не имела права причинять моим близким и друзьям тревогу, рассеять которую было бы не в моей власти.

Марианну это, казалось, глубоко поразило.

— Мне часто хотелось разуверить тебя и маму,— добавила Элинора.— И раза два я пыталась. Но убедить вас, не нарушив оказанного мне доверия, я не сумела.

— Четыре месяца!.. И ты ведь его любила!..

— Да. Но любила я не только его. Мне был дорог душевный покой других, и я радовалась, что могу скрыть от них, как мне тяжело. Теперь я способна думать и говорить об этом без боли. И не хочу, чтобы ты страдала из-за меня, потому что, поверь, я сама уже почти не страдаю. У меня есть опора, и не одна. Насколько я могу судить, горе постигло меня не из-за какого-нибудь моего безрассудства, и я старалась переносить его так, чтобы никого им не удручать. Эдварда мне обвинять не в чем. Я желаю ему счастья в уверенности, что он всегда будет исполнять свой долг, и, хотя сейчас, быть может, его и терзают сожаления, в конце концов он это счастье обретет. Люси достаточно разумна, а это надежная основа для всего лучшего в семейной жизни. И ведь какой бы чарующей, Марианна, ни была мысль об единственной и неизменной любви, и как бы ни провозглашалось, что все наше счастье навсегда зависит от одного-единственного человека, так нельзя... так не годится, так не может быть! Эдвард женится на Люси, он женится на женщине, которая красотой и умом превосходит очень многих, и время, и привычка заставят его забыть, что когда-то другая, как ему казалось, ее превосходила...

— Если ты способна так рассуждать,— сказала Марианна,— если, по-твоему, утрату самого драгоценного так легко восполнить чем-то другим, то твоя решимость, твое

самообладание, пожалуй, не столь уж удивительны. Они становятся для меня постижимыми.

— Я понимаю. Ты полагаешь, будто я вообще особых страданий не испытывала. Но, Марианна, четыре месяца все это тяготело надо мной и у меня не было права никому открыться! Я знала, как глубоко опечалиться вы с мамой, когда вам станет известна правда, и не могла никак вас подготовить. Мне рассказала об этом, чуть ли не насильно сделав меня своей наперсницей, та, чья давняя помолвка разрушила мои надежды,— и рассказала, как мне чудилось, со злорадным торжеством. В ответ на ее подозрения мне следовало сохранять безразличный вид, хотя речь шла о том, что для меня было важнее всего. И так повторялось не один раз. Мне вновь и вновь приходилось выслушивать, как она описывает свои чаяния и торжествует. Я знала, что навеки разлучена с Эдвардом, и не узнала ни единой подробности, которая заставила бы меня подумать, не к лучшему ли это! Ничто не умалило его достоинств и не доказало, что он ко мне равнодушен. Я должна была сносить злобу его сестры и оскорбительное обращение его матери, терпеть кару за чувство, которое не могло подарить мне никакой радости. И все это происходило тогда, когда, как тебе известно, у меня были и другие горести. Если ты все-таки допускаешь, что и я способна чувствовать, то, конечно, сумеешь представить себе, как я страдала эти дни. Спокойствие, с каким я сейчас говорю, утешения, какие я пытаюсь найти,— все это плоды постоянных и мучительных усилий, они возникли не сами собой и вначале не приносили мне никакого облегчения. Нет, Марианна. Если бы тогда я не была связана обещанием молчать, пожалуй, ничто — даже любовь к самым дорогим для меня людям — не удержало бы меня от того, чтобы открыто показать, как я несчастна!

Марианна совсем присмирела.

— Ах, Элинор! — воскликнула она.— Из-за тебя я себя навсегда возненавидела. Как безжалостна была я с тобой! С тобой — единственным моим утешением, опорой во всех моих муках, когда казалось, что ты страдаешь только со мной и из-за меня! И это — моя благодарность? И так-то я тебе отплачиваю? Твое благодордство — горький укор мне, потому-то я и порицала твое поведение!

За этим признанием последовали нежнейшие ласки. Марианна была готова на все, лишь бы искупить свою

вину перед сестрой, и Элинор без труда заручилась ее обещанием говорить о случившемся без малейшей горечи, при встречах с Люси ничем не выдавать возросшей неприязни к ней, а если случай сведет ее с Эдвардом, выказывать ему всю былую сердечность. Уступки были велики, но уж если Марианна признавала себя неправой, никакие жертвы ее не останавливали.

Обещание сдерживаться она исполнила безупречно. Слушая рассуждения миссис Дженнингс о случившемся, она ни разу не изменилась в лице, не возражала ей и даже трижды сказала «да, сударыня». Когда же та принялась хвалить Люси, она только пересела с одного стула на другой, а спазму в горле, которую у нее вызвало описание пылкой любви Эдварда, мужественно скрыла. Столь героическое поведение сестры внушило Элинор уверенность, что сама она выдержит любое испытание.

Следующее утро принесло с собой новые мучения — их брат почел необходимым нанести им визит, дабы с весьма мрачным видом обсудить ужасное событие, а также сообщить им, как чувствует себя его супруга.

— Полагаю, вы слышали,— начал он с грустной серьезностью, едва опустил на стул,— о возмутительнейшем открытии, которое имело вчера место под нашим кровом?

Они ответили ему лишь утвердительным взглядом, минута была слишком опасной для слов.

— Ваша сестра,— продолжал он,— страдала безмерно. Как и миссис Феррарс... Короче говоря, это была сцена столь необоримого отчаяния... Но уповаю, буря все же пронесется, не сокрушив никого из нас. Несчастливая Фанни! Вчера у нее один нервический припадок тотчас сменялся другим. Но не стану излишне вас тревожить. Донаван утверждает, что особой опасности нет. Конституция у нее здоровая, а решимость возобладает над чем угодно. Перенесла она все это с поистине ангельской кротостью! Она говорит, что никогда больше ни о ком хорошего мнения не будет. И не удивительно — после того, как ее столь коварно обманули! Столь черная неблагодарность в ответ на такую снисходительность, такое доверие! Ведь она пригласила этих девиц погостить у нее только из доброты сердечной. Только полагая, что они заслуживают некоторого поощрения, что они скромны и благовоспитанны и будут приятными собеседницами. Ведь мы лишь поэтому, вопреки самому горячему нашему желанию, не пригласили тебя с Марианной пожить у нас, пока

вы, милостивая государыня, ухаживали за вашей дочерью. И так ее вознаградить! «Ах, я от всей души хотела бы,— говорит бедняжка Фанни с обычной своей сердечностью,— чтобы мы вместо них пригласили твоих сестриц!»

Тут он умолк, чтобы выслушать положенные изъявления благодарности, после чего продолжал:

— Что перенесла несчастная миссис Феррарс, когда Фанни ей все рассказала, не поддается никакому описанию! Подумать только! Она с истинно материнской любовью находит для него отличную партию, а он все это время тайно помолвлен с совсем другой особой! Подобное подозрение ей и в голову прийти не могло. И тем более в отношении такой особы. «Уж тут-то,— говорила она,— казалось, я могла ничего не опасаться!» Муки ее были просто неопишуты! Однако мы обсудили, что следует предпринять, и в конце концов она послала за Эдвардом. Он явился. Но мне грустно рассказывать о том, что произошло. Все уговоры миссис Феррарс расторгнуть помолвку, подкрепляемые моими доводами и мольбами Фанни, оказались тщетными. Долг, сыновья и братская привязанность — все было забыто. Никогда бы прежде я не поверил, что Эдвард способен на подобное упрямство и бесчувственность. Мать открыла ему свое великодушное намерение: если он женится на мисс Мортон, она передаст ему в полное владение норфолкское поместье, которое после уплаты поземельного налога приносит чистый годовой доход в тысячу фунтов. И в отчаянии даже пообещала добавить еще двести фунтов. А затем указала, какая нищета его ждет, если он не откажется от этого мезальянса. Ему придется довольствоваться собственными двумя тысячами фунтов, и пусть не смеет являться к ней на глаза, пусть не только не надеется на ее помощь, но более того, пусть знает: если он попытается найти себе какое-нибудь доходное занятие, она постарается воспрепятствовать ему, насколько это будет в ее власти.

Тут Марианна, вне себя от негодования, хлопнула в ладоши и вскричала:

— Боже милосердный, неужели это возможно?!

— Ты вправе изумляться, Марианна, упрямству, перед которым бессильны даже такие доводы,— сказал ее брат.— Твое восклицание вполне естественно.

Марианна собралась было возразить, но вспомнила свое обещание и промолчала.

«Мельница во Флэтфорде».
С картины Джона Констебля. 1817 г.

— Да-да,— возобновил он свой рассказ,— все оказалось тщетным. Эдвард говорил мало, но зато самым решительным тоном. Ничто не подвигнет его расторгнуть помолвку. Он сдержит слово, во что бы это ему ни обошлось.

— Значит,— с грубоватой прямоотой перебила миссис Дженнингс, не в силах долее молчать,— он вел себя как

порядочный человек! Прошу у вас прощенья, мистер Дэшвуд, но, поступи он иначе, я бы сказала, что он негодяй! Это дело имеет такое же отношение ко мне, как и к вам, потому что Люси Стил моя родственница, и я убеждена, что в мире не найти девушки лучше и более достойной хорошего мужа!

Джон Дэшвуд весьма удивился, но он был флегматичен, неуязвим к уколам и предпочитал со всеми ладить, а уж тем более с обладателями приличных состояний, и потому ответил без малейшей досады.

— Сударыня, я никогда не позволю себе отозваться непочтительно о тех, кто имеет честь состоять с вами в родстве. И мисс Люси Стил, не спорю, особа, возможно, весьма достойная, но брак этот, как вы сами понимаете, невозможен. Согласиться же на тайную помолвку с юношей, порученным попечениям ее дяди, и тем более с сыном столь состоятельной дамы, как миссис Феррарс, это все-таки, пожалуй, немного чересчур. Но, впрочем, миссис Дженнингс, я вовсе не намерен бросать тень на поведение тех, кто пользуется вашим расположением. Мы все желаем ей всяческого счастья, а миссис Феррарс с начала и до конца вела себя так, как на ее месте вела бы себя любая нежная и заботливая мать. Великодушно и щедро. Эдвард сам выбрал свой жребий и, боюсь, тяжкий.

Марианна вздохнула, разделяя его пасения, а сердце Элинор разрывалось при мысли, что должен был чувствовать Эдвард, пренебрегая угрозами матери ради той, кто ничем не могла его вознаградить за подобное благородство.

— Но как же все это кончилось, сударь? — спросила миссис Дженнингс.

— Сколь ни грустно, сударыня, самым прискорбным разрывом. Мать отреклась от Эдварда. Он вчера же покинул ее дом, но, куда он отправился и в Лондоне ли он еще, мне неизвестно. Ведь мы, разумеется, никаких справок наводить не можем.

— Бедный молодой человек! Что с ним теперь будет?

— Поистине, сударыня, весьма печальная мысль! Рождением предназначенный для столь обеспеченной жизни! Право, не представляю себе участи более злополучной! Проценты с двух тысяч фунтов — кто способен прожить на них? И терзания при мысли, что он, если бы не его собственное безумие, через какие-то три месяца получал бы годовой доход в две тысячи пятьсот фунтов. (Мисс

Мортон ведь имеет тридцать тысяч фунтов.) Более тяжело положение я вообразить не могу. Мы все должны ему сочувствовать, тем более что не в нашей власти хоть чем-нибудь облегчить его участь.

— Бедняжка! — вскричала миссис Дженнингс. — У меня он всегда найдет стол и кров, как я и скажу ему, едва только увижу. Нельзя же допустить, чтобы он сейчас жил на свой счет в каком-нибудь захудалом пансионе или дешевой гостинице!

Элинора мысленно поблагодарила ее за доброту к Эдварду, хотя и не могла не улыбнуться тому, как доброта эта была выражена.

— Если бы он только соизволил позаботиться о себе в той мере, в какой его близкие желали позаботиться о нем, — сказал мистер Джон Дэшвуд, — то уже занял бы приличествующее ему положение и ни в чем не нуждался. Но теперь никто не в силах оказать ему помощь. И ему готовится еще один удар, пожалуй, самый тяжкий. Его матушка в весьма естественном гневе решила немедленно передать в собственность Роберту имение, предназначавшееся Эдварду, если бы он вел себя достойно. Когда я расстался с ней нынче утром, она советовалась об этом со своим поверенным.

— Что же! — сказала миссис Дженнингс. — Такова ее месть. Каждый сводит счеты по-своему. Но вот я бы не стала обогащать одного сына, потому что другой мне перечил!

Марианна встала и прошлась по комнате.

— Что может язвить молодого человека сильнее, — продолжал Джон, — чем зреть младшего брата владельцем имения, которое должно было принадлежать ему самому? Несчастный Эдвард! Я всей душой ему сострадаю.

После нескольких минут таких же сетований он встал, неоднократно заверил сестер, что недуг Фанни, по его искреннему убеждению, большой опасностью не угрожает, а потому им не следует излишне тревожиться, и наконец удалился, оставив своих собеседниц при едином мнении — во всяком случае, во всем, что касалось поведения миссис Феррарс, его с Фанни и Эдварда.

Едва дверь за ним закрылась, как Марианна дала волю своему негодованию, и столь бурно, что Элинора тоже не сдержалась, а миссис Дженнингс и не намеревалась сдерживаться, и все трое с превеликим жаром принялись обсуждать и осуждать.

Миссис Дженнингс горячо хвалила поведение Эдварда, хотя и пребывала в неведении всей меры его благородства, известной лишь Элиноর и Марианне. Только они знали, как скуден был источник, питавший его непокорность, и какое малое ждало его утешение — если не считать сознания исполненного долга — за утрату близких и богатства. Элинор гордилась его твердостью, а Марианна простила ему все его прегрешения, сочувствуя ему в его несчастье. Однако, хотя Элинор уже не должна была таиться от сестры и между ними восстановилось прежнее доверие, ни той, ни другой, когда они оставались наедине, не хотелось касаться этой темы. Элинор избегала ее, потому что слишком пылкие, слишком настойчивые убеждения Марианны еще больше укрепляли в ней веру в любовь Эдварда, как ни старалась она гнать от себя такие мысли. У Марианны же не хватало духа вести разговоры, после которых она испытывала возрастающее недовольство собой, невольно сравнивая поведение Элинор со своим.

Сравнение это неизменно ее удручало, но не побуждало, как надеялась Элинор, хотя бы теперь побороть свое горе. Она непрестанно упрекала себя, горько сожалела, что не пыталась сдерживаться ранее, но все ограничивалось лишь муками раскаяния, без попыток как-то поправить былое. Дух ее очень ослабел, она не верила, что у нее достанет на это сил, а потому только еще более предавалась унынию.

Следующие два дня не принесли никаких новостей о том, что происходило на Харли-стрит или в Бартлетовских Домах. Хотя им уже было известно очень много и у миссис Дженнингс нашлось бы, что порассказать своим приятельницам, почтенная дама, однако, положила себе сначала побывать у своих родственниц, утешить их и узнать побольше, и лишь необычное число визитеров помешало ей навестить их в пределах этого срока.

Третий день пришелся на воскресенье, и такое ясное, такое солнечное, что многие выбрали его для прогулок по Кенсингтонским садам, хотя завершилась лишь вторая неделя марта. Отправились туда и Элинор с миссис Дженнингс. Марианна, которая, зная, что Уиллоби вернулись в Лондон, постоянно опасалась случайной встречи с ними,

предпочла не ездить в столь публичное место и осталась дома.

В садах к ним вскоре присоединилась задушевная подруга миссис Дженнингс и всецело завладела ее вниманием, чему Элино́р была рада, так как могла спокойно предаться размышлениям. Ни Уиллоби, ни его жену, ни Эдварда она нигде не заметила и некоторое время вообще не видела знакомых лиц, как вдруг, к немалому ее удивлению, с ней поздоровалась мисс Стил, которая с некоторым смущением изъявила большое удовольствие, что повстречала их, а когда миссис Дженнингс обошлась с ней весьма ласково, покинула на время своих спутников и присоединилась к ним. Миссис Дженнингс поспешно шепнула Элино́р:

— Душечка, узнайте, как у них там. Только спросите, а уж она сама вам все доложит. Я ведь не могу бросить миссис Кларк.

К счастью для любопытства миссис Дженнингс, да и самой Элино́р, мисс Стил готова была доложить обо всем без каких-либо вопросов, иначе им бы не пришлось ничего узнать.

— Уж до чего я рада, что повстречалась с вами,— начала мисс Стил, фамильярно беря ее под руку.— Ведь вас-то мне хотелось видеть больше всех на свете.— Она понизила голос: — Миссис Дженнингс небось все слышала? Очень она сердита?

— На вас, как мне кажется,— нисколько.

— Это хорошо. А леди Мидлтон, она-то сердится?

— Мне это представляется маловероятным.

— Ну, я убийственно рада. Господи помилуй! Чего я только не натерпелась! В жизни не видывала Люси в такой злости. Она даже поклялась, что не станет отделявать мне новую шляпку и до могилы ничего делать для меня не будет. Теперь-то она поостыла, и у нас с ней опять все ладно. Вот поглядите, бант на шляпку она пришила, и перо вставила тоже она. Вчера вечером. Теперь вы, натурально, будете надо мной смеяться. Но почему бы мне и не носить розовых лент, а? Пусть это любимый цвет доктора, мое-то какое дело? Да, я бы и знать не знала, что оно так, коли бы он сам не упомянул, что из всех цветов ему подавай розовый. От моих кузин мне просто житья нет! Признаюсь, когда они принимаются за свои шутки, я порой не знаю, куда глаза девать!

Обнаружив, что она сбилась на тему, которую Элино́р предпочитает обходить полным молчанием, мисс Стил почла за благо вернуться к прежнему предмету их беседы.

— Знаете, мисс Дэшвуд,— произнесла она с торжеством,— пусть люди болтают про мистера Феррарса что хотят, и будто он откажется от Люси, так ничего подобного, уж можете мне поверить! Одна подлость распускать такие

пакостные слухи. Люси про себя может думать что ей за-
благорассудится, тут спора нет, но другие-то с какой стати
выдают это за решенное дело!

— Уверяю вас, ничего подобного я не слышала,—
ответила Элинор.

— Да неужто? Но мне доподлинно известно, что про
это ходят толки. И среди многих. Мисс Годби так прямо
и отпечатала мисс Спаркс, что только полоумному может
взбрести в голову, будто мистер Феррарс откажется от
такой невесты, как мисс Мортон, у которой тридцать тысяч
фунтов, из-за Люси Стил, у которой всего ничего. Это
я знаю от самой мисс Спаркс. И сверх того Ричард, мой
кузен, все твердил, что мистер Феррарс, когда дойдет
до дела, с крючка сорвется, это уж как пить дать. А Эдвард
три дня к нам глаз не казал, так уж я сама прямо не знала,
что и вообразить. Да и Люси, сдается мне, тоже думала,
что все пропало. Ведь мы уехали от вашего брата в среду,
а Эдварда не видели ни в четверг, ни в пятницу, ни в субботу
и даже вообразить не могли, что с ним случилось. Но нынче
утром он объявился. Как раз мы домой вернулись из
церкви, и тут все и разъяснилось: как его в среду вызвали
на Харли-стрит, и как маменька и все они его уговаривали,
и как он перед ними всеми объявил, что никого, кроме
Люси, не любит и ни на ком, кроме Люси, не женится.
И из-за всего этого он пришел в такое расстройство, что
вскочил на лошадь и ускакал куда-то за город и весь
четверг и всю пятницу просидел в какой-то гостинице, чтобы
прийти в себя. И все хорошенько обдумав и не один раз,
сказал он, порешил он, что, коли у него нет никакого
состояния, ну ровнехонько ничего, с его стороны небла-
городно ждать, чтобы она сдержала слово в ущерб себе:
у него за душой всего две тысячи фунтов и никаких надежд.
Ведь даже если он примет сан, как порой подумывал, то
прихода не получит, а на жалованье младшего священника
разве смогут они прожить? Ему невыносимо думать, на
какую нужду она себя обрекает, и потому он ее умоляет,
если у нее есть сомнения, положить сейчас же всему конец
и предоставить его собственной его судьбе. Я своими ушами
слышала, как он изъяснялся. И про то, чтобы расторгнуть
помолвку, он заговорил только ради нее, и для нее, а вовсе
не потому, что ему так приспичило. Я хоть под присягой
покажу, что он и словечком не заикнулся, что, мол, она ему
надоела или что ему бы жениться на мисс Мортон. И не
намекнул даже. Ну, да Люси, натурально, и слушать такие
разговоры не пожелала, а прямо ему сказала (ну, там и про

нежность, и про любовь, знаете ли, как положено, и все прочее, чего повторять не годится), она ему прямо сказала, что и думать о расторжении помолвки не желает, и с ним может прожить на такие пустяки, и пусть у него есть самая малость, она будет очень рада и это заполучить, знаете ли. Ну, и все прочее. Он был прямо-таки убийственно счастлив и некоторое время толковал о том, как им поступить, и они порешили, что он безотлагательно получит сан, а свадьбу они отложат, пока для него не отыщется прихода. А больше я ничего не услышала, потому что кузина крикнула снизу, мол, миссис Ричардсон заехала в карете и приглашает одну из нас с ней в Кенсингтонские сады. Вот мне и пришлось войти к ним и прервать их разговор. Только Люси отказалась поехать, потому что не хотела расставаться с Эдвардом, а я сбегала наверх, надела шелковые чулочки и уехала с Ричардсонами.

— Я не совсем поняла, как вы могли прервать их разговор, — вы же были все вместе?

— Вот уж нет! Да неужто, мисс Дэшвуд, вы думаете, что люди будут нежничать, коли они не одни? И не совестно вам? Так-таки вы и не знаете, как оно бывает! — Тут она притворно хихикнула. — Естественно, они заперлись вдвоем в гостиной, а я под дверью слушала.

— Как! — воскликнула Элинора. — Вы повторяли мне то, что узнали, подслушивая в замочную скважину? Мне жаль, что я не знала этого прежде, не то бы, разумеется, я не допустила, чтобы вы пересказали мне подробности разговора, который вообще не должны были знать. Как вы можете так обманывать доверие вашей сестры?

— Ах ты господи! Пустяки какие. Я ведь просто стояла у двери и слышала, что можно было услышать. Будто Люси того же не сделала бы, сиди в гостиной я с кавалером! Да что там! Года два тому назад, когда мы с Мартой Шарп секретничали где-нибудь в уголке, она то в чуланчике пряталась, то за ширмой, лишь бы узнать, про что такое мы шушукаемся.

Элинора попыталась переменить тему, но мисс Стил не замедлила вернуться к тому, что занимало все ее мысли.

— Эдвард говорит, что скоро поедет в Оксфорд, а пока он поселился в доме на Пэлл-Мэлл. Ну и злыдня его маменька, а? Да и ваш братец с сестрицей не добрее. Ну, уж я не стану вам на них наговаривать. И правду сказать, они нас отправили в собственном экипаже, чего я, признаюсь, и не ожидала. Я-то страх как боялась, что ваша сестрица потребует назад рабочие шкатулочки, которые подарила

нам чуть не накануне. Однако про них и не упомянули, а я свою припрятала, чтобы она никому на глаза не попала. Эдвард говорит, у него в Оксфорде дела и он должен поехать туда на время, а потом, как только подыщет епископа, так и будет посвящен в сан. Хотела бы я знать, в каком приходе ему сыщется место младшего священника? Господи помилуй,— продолжала она, захихикав,— голову прозакладываю, я знаю, что скажут мои кузины, когда узнают. Они скажут, чтобы я поскорее отписала доктору: пусть похлопочет за Эдварда в приходе, где он сейчас поселился. От них другого и не жди, только я на такое ни за что на свете не решусь. «Фи! — отвечу,— да как вам такое в голову прийти могло? Стану я доктору писать, как бы не так!»

— Что же,— заметила Элинора,— всегда полезно приготовиться к худшему. Ответа им вам, во всяком случае, придумывать не придется.

Мисс Стил намеревалась продолжать, но, увидев, что к ним приближаются ее спутники, воскликнула:

— А! Вон и Ричардсоны. Я бы вам много еще чего порассказала, да только они меня ждут. Очень благородные люди, можете мне поверить. Он деньги так и гребет, и они свой выезд держат. У меня нет времени самой поговорить с миссис Дженнингс, так вы уж передайте ей, будьте добреньки, как я рада, что она на нас сердца не держит, и леди Миддлтон тоже. И если вам с вашей сестрицей понадобится куда уехать, а миссис Дженнингс одна останется не пожелает, так, натурально, мы счастливы будем погостить у нее, сколько ей захочется. Леди Миддлтон, пожалуй, в этом сезоне нас уж больше не пригласит. Так до свидания. Жалко, мисс Марианны тут не было. Кланяйтесь ей от меня. А-а! Да на вас ваш муслин в горошек. И как это вы не боитесь порвать его об ветки?

И выразив это опасение, она только успела попрощаться с миссис Дженнингс, как миссис Ричардсон позвала ее, и Элинора получила новую пищу для размышлений, хотя почти все, что ей пришлось услышать, она заранее предвидела, а об остальном догадывалась. Как она и предполагала, брак Эдварда с Люси был настолько же твердо решен, насколько неопределенным оставалось время их свадьбы — в полном согласии с ее умозаключениями все зависело от того, когда он получит приход, на что пока надежды, казалось, не было никакой.

Едва они сели в карету, как миссис Дженнингс приготовилась слушать новости, но Элинора не хотелось передавать дальше подробности, сообщенные ей особой, которая

узнала их самым недостойным образом, и она ограничилась кратким изложением того, что, по ее мнению, сама Люси поспешила бы предать огласке ради собственной чести. Она сказала только, что помолвку они не расторгают, а затем объяснила, как они надеются приблизить счастливую развязку. На что миссис Дженнингс, естественно, ответила следующее:

— Решили обождать, пока он получит приход! Ну, мы все знаем, чем это кончится. Подождут-подождут да через год и согласятся на место младшего священника с жалованием фунтов пятьдесят в год вдобавок к процентам от его двух тысяч и тем крохам, какие сумеют уделить ей мистер Стил и мистер Прэтт. И пойдет у них прибавление семейства каждый год! Помилуй их боже! Ну и бедны же они будут. Надо поглядеть, какая у меня для них мебель найдется... Две горничные и два лакея, как бы не так! Что бы я там прежде ни говорила. Нет-нет, им нужна служанка покрепче для всей черной работы. А сестра Бетти им теперь не подойдет!

На следующее утро почта за два пенни доставила Элинор письмо от самой Люси.

«Бартлетовские Дома, март.»

Уповаю, моя милая мисс Дэшвуд простит меня за вольность, что я ей пишу. Но я знаю, из дружбы ко мне вам будет приятно услышать такие добрые вести обо мне и моем дорогом Эдварде, после всех бед, какие нас постигли, а потому не буду больше просить извинения, но продолжу, что, слава богу, мы, хотя и ужасно перестрадали, теперь спокойны и так счастливы взаимной нашей любовью, как должны быть всегда. Мы перенесли тяжкие испытания, претерпели злые гонения, но тем не менее полны признательности ко многим друзьям, и в их числе к вам, чью великую доброту я всегда буду помнить с благодарностью, как и Эдвард, которому я про нее рассказала. Полагаю, вы, как и дражайшая миссис Дженнингс, будете довольны узнать, что вчера днем я провела с ним два счастливых часа: он ничего слышать не желал о нашей разлуке, как настойчиво я, полагая в этом мой долг, ни уговаривала его вернуть мне слово благоразумия ради, и, дай он только согласие, тут же простилась бы с ним навсегда. Но он сказал, что ни за что этого не сделает, что готов терпеть материнский гнев, лишь бы мое сердце было ему отдано. Натурально, будущее у нас не блестящее, но мы можем лишь ждать и уповать на лучшее. Он вскоре примет сан и, буде в вашей

власти рекомендовать его какой-нибудь персоне, в чьем распоряжении окажется вакантный приход, я верю, вы про нас не забудете, и дражайшая миссис Дженнингс, льщу себя надеждой, замолвит о нас словечко сэру Джону, или мистеру Палмеру, или еще кому-нибудь из своих друзей, кто мог бы нас облагодетельствовать. Бедная Анна, что говорить, очень виновата, но она хотела сделать как лучше, а потому я промолчу. Уповаю, миссис Дженнингс не сочтет за большой труд навестить нас, ежели как-нибудь утром окажется в этой стороне. Уж такая бы это была снисходительность! А родственники мои почтут за большую честь познакомиться с ней. Листок напоминает мне, что пора кончать, и потому прошу вас передать мою почтительную благодарность и поклон ей, и сэру Джону, и леди Мидлтон, и прелестным деткам, когда вам случится их увидеть, а также нежный привет мисс Марианне.

Остаюсь ваша и проч. и проч.».

Едва дочитав письмо, Элинор исполнила то, чего, по ее мнению, старалась добиться та, кто его сочинил, и тут же вручила листок миссис Дженнингс, которая начала читать вслух, сопровождая чтение множеством замечаний.

— Право, отлично!.. Как мило она пишет... Да-да, и надо было предложить ему свободу, если бы он захотел... Но от Люси другого и ждать нельзя... Бедняжка! Ах, как мне жалко, что у меня нет для него прихода... Называет меня «дражайшая миссис Дженнингс», как вы заметили. Другой такой добросердечной девочки не найти... Бесподобно, право слово, бесподобно! Как она изящно все выразила. Да-да, натурально, я у нее побываю. И как она внимательна: никого не позабыла!.. Спасибо, душенька, что дали мне его прочесть. Такое хорошее письмо мне редко доводилось читать, оно делает и уму и сердцу Люси большую честь!

ГЛАВА 39

Элинор с Марианной провели в Лондоне уже больше двух месяцев, и последняя изнемогала от нетерпения поскорее уехать. Она тосковала по деревенскому воздуху, свободе, тишине и уверила себя, что если и может найти облегчение, то в Бартоне, и нигде боле. Элинор желала вернуться домой лишь немногим менее сестры и отказывалась назначить отъезд на

завтра лишь потому, что помнила о всех тяготах долгого пути, которые Марианна объявляла ничтожными пустяками. Однако она начала серьезно подумывать об отъезде и даже упомянула про это их радушной хозяйке, восставшей против такого намерения со всем красноречием гостеприимства, но затем возник план, который представился Элинор наиболее практичным, хотя и означал, что домой они вернутся не сразу, а лишь еще через несколько недель. В конце марта Палмеры решили возвратиться в Кливленд, чтобы провести там пасху, и Шарлотта самым настоятельным образом пригласила поехать с ними как миссис Дженнингс, так и ее молодых приятельниц. Только ее приглашение мисс Дэшвуд не сочла бы возможным принять из щепетильности, но мистер Палмер искренне поддержал жену, и Элинор согласилась с удовольствием, тем более что с тех пор, как стало известно о несчастье Марианны, он обходился с ними несравненно учтивее, чем прежде.

Но когда она сообщила о своем согласии Марианне, та сначала воспротивилась.

— Кливленд! — вскричала она с сильным волнением. — Нет-нет, в Кливленд я поехать не могу...

— Ты забываешь, — мягко перебила Элинор, — что Кливленд расположен совсем не там... Совсе не по соседству с...

— Однако он в Сомерсетшире! В Сомерсетшир я поехать не в силах... Нет, Элинор, ты не можешь требовать, чтобы я...

Элинор не стала настаивать, что подобные чувства необходимо побороть просто из приличия, но лишь попыталась возбудить другие, которые возобладали бы над ними, а потому представила этот план, как наиболее удобный и надежный способ осуществить ее желание вернуться к любимой матери, причем, возможно, и без особого промедления. От Кливленда, расположенного в нескольких милях от Бристоля, до Бартона был лишь день пути, хотя и полный день, и мать могла послать своего слугу сопровождать их, а так как больше недели им в Кливленде оставаться незачем, то, следовательно, они будут дома через три недели с небольшим. Мать Марианна любила настоящей любовью, и это чувство без особого труда восторжествовало над воображаемыми страхами.

Миссис Дженнингс ее гости надоели столь мало, что она неотступно уговаривала их вернуться с ней из Кливленда в Лондон. Элинор была ей очень признательна за такое расположение, но своих намерений они не изменили, и, ког-

да получили на них материнское согласие, данное очень охотно, затруднения с их возвращением домой оказались настолько улажены, что Марианна обрела некоторое облегчение, подсчитывая часы, которым предстояло миновать, прежде чем она увидит Бартон.

— Ах, полковник! Уж и не знаю, что мы с вами будем делать без наших мисс Дэшвуд! — воскликнула миссис Дженнингс, здороваясь с ним, когда он впервые навестил ее после того, как их отъезд был решен. — Ведь от Палмеров они поедут прямо домой, как я их ни упрашивала. Вот и остается нам с вами позевывать в одиночестве, когда я возвращусь! Господи, так вот и будем сидеть и смотреть друг на дружку, будто две сонные кошки.

Быть может, миссис Дженнингс, набрасывая столь выразительную картину их грядущей скуки, уповала таким способом подтолкнуть полковника на объяснение, которое избавило бы его от столь томительной судьбы. Если это было так, у нее вскоре могла появиться уверенность, что своей цели она добилась: едва Элинор отошла к окну, где ей удобнее было снять размеры гравюры, которую она намеревалась скопировать, он тотчас решительно последовал за ней и несколько минут что-то ей серьезно говорил. От миссис Дженнингс не ускользнуло и впечатление, которое его слова производили на Элинор; хотя почтенная дама никогда не унизилась бы до того, чтобы подслушивать, и даже пересела поближе к Марианне, игравшей на фортепьяно, она не могла не заметить, что Элинор переменилась в лице, слушала с большим волнением и даже отложила гравюру. Ее надежды еще более укрепились, когда музыка на мгновение смолкла и до нее донеслись слова полковника, который, по-видимому, извинялся за то, что его дом недостаточно хорош. Какие еще нужны были доказательства! Правда, ее несколько удивило, зачем вообще потребовались подобные извинения, но затем она подумала, что это лишь положенная в таких случаях формальность. Ответ Элинор заглушила музыка, но, судя по движению ее губ, она, по-видимому, не придавала состоянию дома ни малейшей важности, и миссис Дженнингс мысленно похвалила ее за искренность. Они продолжали разговаривать, но больше она ничего не слышала до тех пор, пока Марианна вновь не сделала паузу, и тут полковник произнес спокойным голосом:

— Боюсь только, что произойти это может не так уж скоро.

Изумленная и возмущенная такой бессердечной холодностью, миссис Дженнингс чуть было не вскричала: «Гос-

поди помилуй! Да что же вам мешает!» Однако вовремя спохватилась и ограничилась следующим безмолвным восклицанием: «Странно! Он ведь с каждым днем не молодеет!»

Впрочем, эта отсрочка как будто не оскорбила и не раздосадовала его прекрасную собеседницу, потому что миссис Дженнингс совершенно явственно расслышала, когда минуту-другую спустя они отошли от окна, как Элинор сказала, причем голосом, исполненным истинного чувства:

— Я всегда буду считать себя весьма вам обязанной.

Это признание восхитило миссис Дженнингс, и она лишь не могла понять, каким образом полковник после столь лестных для него слов нашел в себе силы почти тотчас откланяться с полнейшей невозмутимостью, ничего даже Элинор не ответив! Вот уж она не подумала бы, что ее друг окажется столь бесстрастным женихом!

Разговор же между ними шел на самом деле вот о чем:

— Я слышал,— сказал полковник с глубоким сочувствием,— как несправедливо и бессердечно обошлись с вашим молодым другом мистером Феррарсом его родные. Ведь, если не ошибаюсь, они отреклись от него за то, что он отказался разорвать помолвку с весьма достойной девицей. Меня не ввели в заблуждение? Это так?

Элинор ответила утвердительно.

— Как ужасна жестокость, безумная жестокость,— продолжал он горячо,— с какой разлучают... или пытаются разлучить молодых людей, связанных давним чувством. Миссис Феррарс не понимает, что она делает... на что может толкнуть своего сына. Я раза два-три встречал мистера Феррарса на Харли-стрит, и он мне очень понравился. Он не принадлежит к тем молодым людям, которых узнаешь близко за столь короткий срок, однако я видел его достаточно, чтобы пожелать ему счастья ради него самого, и тем более — как вашему другу. Насколько я понял, он намерен принять сан. Не откажите в любезности передать ему, что делафордский приход, как мне сообщили с утренней почтой, теперь вакантен, и он может его получить, если сочтет для себя подходящим... Но в последнем, принимая во внимание нынешние его обстоятельства, вероятно, сомнений быть не может. К сожалению, он не принадлежит к богатым приходам, так как весьма невелик, и приносит не более двухсот фунтов в год. Правда, доходы, вероятно, можно несколько увеличить, однако, боюсь, не

настолько, чтобы избавиться от всех забот. Тем не менее, если мистеру Феррарсу он подойдет, я буду чрезвычайно рад услужить ему. Заверьте его в этом, прошу вас.

Удивление, в которое ввергло Элинор это поручение, вероятно, было бы лишь немногим больше, если бы он и правда предложил ей руку и сердце. Всего два дня тому назад она не сомневалась, что Эдвард обречен очень долго пребывать в младших священниках — и вот ему предлагают приход, а с ним и возможность жениться! И не кого-нибудь другого, но ее — ее! — просят сообщить ему эту приятную новость! Миссис Дженнингс почти угадала, какое чувство ей овладело, хотя и приписала его совершенно неверной причине. Пусть к нему примешивалось многое не столь чистое и радостное, но ее уважение к добросердечию полковника и благодарность за дружбу, подказавшую ему, какую услугу он может оказать, возросли во сто крат и она выразила их с искренним жаром. От души поблагодарила его, отозвалась о нравственных устоях и убеждениях Эдварда с той похвалой, какой они в ее глазах заслуживали, и обещала исполнить его просьбу с удовольствием, если уж ему угодно возложить такую приятную обязанность на кого-то другого. Но, право же, лучше него самого этого никто не сделает! Иными словами, она, бесспорно, предпочла бы уклониться, чтобы избавить Эдварда от той боли, которую он не мог не почувствовать, услышав такую новость из ее уст; однако полковник Брэндон по столь же деликатным причинам желал избежать прямого разговора и вновь попросил ее стать посредницей с такой настойчивостью, что у нее не хватило духа ему отказать. Эдвард, насколько ей было известно, еще не покинул Лондона, и по счастливой случайности мисс Стил сообщила ей его адрес. А потому она полагала, что сумеет исполнить возложенное на нее поручение еще до исхода дня. Затем полковник заговорил о том, как он рад обзавестись таким приятным во всех отношениях соседом, и вот тут-то с сожалением и упомянул, что дом невелик и несколько запущен, но Элинор, не обманув ожиданий миссис Дженнингс, не придала этому никакого значения — во всяком случае, небольшим размерам дома.

— Мне кажется, маленький дом для них даже удобнее, более соответствует величине и их семьи, и их доходов.

Из чего полковник с изумлением заключил, что, по ее мнению, мистер Феррарс, получив приход, не замедлит

вступить в брак. Сам он не сомневался, что делафордский приход не может обеспечить молодому человеку, если он женится, тот образ жизни, к которому он привык. Что он и поспешил объяснить.

— Доход столь невелик, что и одинокого человека он почти не обеспечит. Жениться, располагая только им, мистер Феррарс никак не сможет. С сожалением должен сказать, что большего я сделать не в силах,— ничего другого в моем распоряжении нет. Если же какой-то непредвиденный случай доставит мне возможность оказать ему новую услугу, то мое мнение о нем должно перемениться самым неожиданным образом, если я тогда не сделаю для него столько, сколько от всей души хотел бы сделать теперь. Ведь все, чем я могу услужить ему сейчас, это сущий пустяк и нисколько не приблизит его к осуществлению того, что должно быть его главным, его единственным заветным желанием. Нет, жениться еще будет нельзя. Во всяком случае, боюсь, произойти это может не так уж скоро...

Последняя фраза, понятая неправильно, не могла не оскорбить чувствительности миссис Дженнингс. Однако после точного изложения беседы полковника Брэндона и Элинора у окна благодарность, которую та выразила ему на прощание, в целом могла бы показаться и достаточно взволнованной, и вполне достойной даже в том случае, если бы ей действительно сделали предложение.

ГЛАВА 40

у, мисс Дэшвуд,— сказала миссис Дженнингс с многозначительной улыбкой, едва они остались одни,— я не спрашиваю вас, что говорил вам полковник,— хотя я, право же, постаралась сесть подальше, но тем не менее кое-что невольно расслышала. Поверьте, в жизни я не была так довольна. И от всего сердца желаю вам всяческой радости.

— Благодарю вас, сударыня,— сказала Элинора.— Для меня это правда большая радость, и доброту полковника Брэндона я очень ценю. Мало кто поступил бы так! Столь сострадательное сердце редко можно встретить. Я так удивилась...

— Господи помилуй! Душенька, вы уж слишком скромны! Меня вот это ничуть не удивило. Я последнее время ничего другого и не ждала.

— Да, разумеется, вам хорошо известна благожелательность полковника. Но предвидеть, что случай представится так скоро, вы все же не могли!

— Случай! — повторила миссис Дженнингс. — Ну, если уж мужчина примет такое решение, случай он всегда сумеет сыскать. Так что же, душенька, еще раз поздравляю вас и желаю вам радости. И если в мире бывают счастливые парочки, я знаю, что скоро такую увижу!

— И поедете для этого в Делафорд, я полагаю? — заметила Элино́р с легкой улыбкой.

— Всенепременно, душенька! А что дом нехорош, уж, право, не понимаю, о чем полковник и думал. Лучше дома я не видывала.

— Он просто сказал, что дом надо подновить.

— А кто виноват? Почему он его не подновил? Кому этим заняться, как не ему?

Но тут вошел лакей и доложил, что карета подана. Миссис Дженнингс тотчас начала собираться, говоря:

— Ах, душенька, мне пора ехать, а я еще и половины не сказала, чего хотела. Ну да потолкуем вечером, когда нам никто не помешает. Вас я с собой не приглашаю, головка ведь у вас сейчас совсем другим занята, до общества ли тут! Да вам и не терпится все поскорее рассказать сестрице!

(Марианна вышла из гостиной следом за полковником.)

— Разумеется, сударыня, я расскажу Марианне. Но больше пока никому.

— Ах вот как! — разочарованно вздохнула миссис Дженнингс. — Значит, вы не хотите, чтобы я и Люси сказала? Я нынче думаю заехать в Холборн.

— Нет, сударыня. И Люси. Прошу вас. Отсрочка на один день большого значения не имеет, а, пока я не напишу мистеру Феррарсу, мне кажется, никому больше об этом знать не следует. Я сейчас же сяду писать. Ведь для него каждый час дорог, так как ему предстоит еще получить сан.

Это объяснение сначала чрезвычайно изумило миссис Дженнингс. Она никак не могла взять в толк, почему мистера Феррарса надо ставить об этом в известность, да еще в такой спешке. Но ее тут же осенила блестящая мысль, и она воскликнула:

— О-о! Понимаю, понимаю! Так это будет мистер Феррарс! Ну, тем лучше для него. Да, конечно, ему надо побыстрее получить сан. И я ужасно рада, что между вами и это решено. Только, душечка, удобно ли, чтобы вы сами? А не полковник? Кому же написать, как не ему?

Элинор не вполне поняла начало этой речи, но не стала спрашивать объяснения и ответила только на последний вопрос.

— Полковник Брэндон настолько деликатен, что ему неловко самому сообщить мистеру Феррарсу о своем намерении.

— И он поручает это вам! Странная деликатность, право! Однако не буду вам мешать. (Элинор уже приготовилась писать.) Вам виднее. Ну, так до свидания, душечка. Ничего приятнее я не слышала с тех пор, как Шарлотта разрешилась!

И она вышла — только для того, чтобы тотчас вернуться.

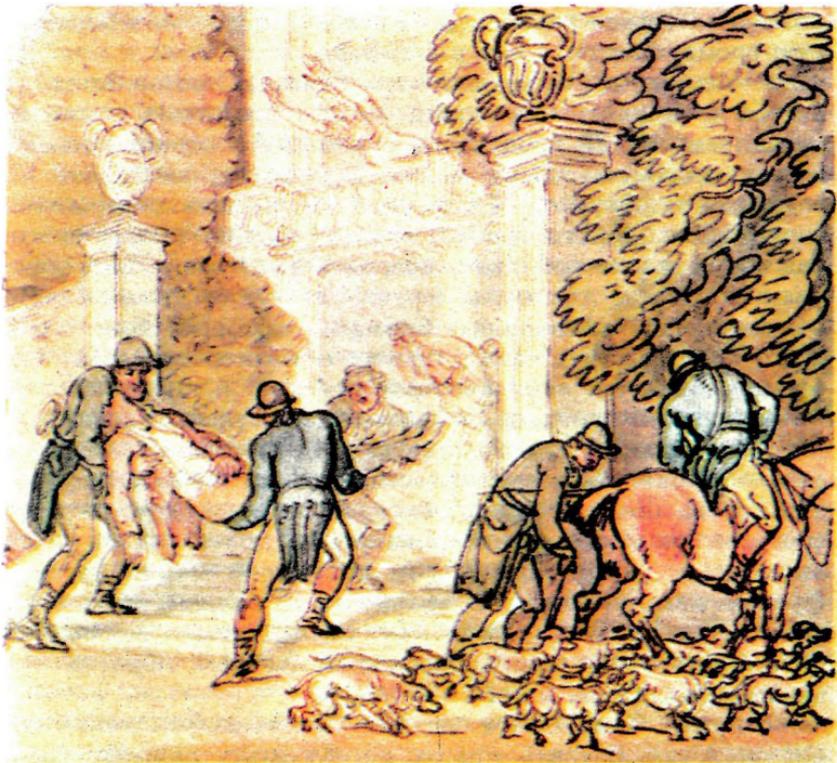
— Душечка, я как раз вспомнила про сестру Бетти. Мне было бы очень приятно устроить ее к такой хорошей госпоже. Но, честно скажу, годится ли она в камеристки, я не знаю. Горничная она превосходная и шьет преискусно. Ну, да у вас еще будет время обо всем этом поразмыслить.

— Ах разумеется, сударья, — ответила Элинор, почти ее не слушая и думая лишь о том, как бы поскорее остаться одной.

Ее теперь всецело занимала мысль, с чего начать письмо Эдварду, каким образом изложить все? Казалось бы, что могло быть проще? Но только не для нее. Она равно боялась сказать слишком много или слишком мало и в задумчивости склонялась над листом бумаги с пером в руке, пока ее размышления не прервало появление самого Эдварда.

Он намеревался занести карточку вместо прощального визита, но столкнулся в дверях с миссис Дженнингс, которая, извинившись, что не может вернуться в комнаты вместе с ним, настояла, чтобы он поднялся в гостиную: мисс Дэшвуд сейчас там и желала бы поговорить с ним по весьма важному и неотложному делу.

Элинор как раз в утешение себе подумала, что написать все-таки много легче, чем передать ему поручение полковника устно, и тут в дверях появился он, обрекая ее на более тягостное испытание. Она совсем смешалась. Они еще не виделись с тех пор, как его помолвка получила

«Возвращение домой молодого повесы».
Рисунок Т. Роуландсона, ок. 1812 г.

огласку, а он, конечно, полагал, что для нее это явилось новостью. Подобная неловкость в совокупности с недавними ее мыслями и необходимостью исполнить поручение полковника ввергли ее в тягостное смущение, не уступавшее его собственному, и несколько минут они сидели друг против друга, испытывая величайшую неловкость. Эдвард никак не мог вспомнить, извинился ли он за свое вторжение, когда переступил порог гостиной, но на всякий случай испросил у нее прощение по всем правилам, едва сумел заговорить, после того как опустил на стул.

— Миссис Дженнингс передала мне,— сказал он,— что вы желаете о чем-то со мной поговорить... то есть если я верно ее понял... иначе я не позволил бы себе войти столь бесцеремонно... хотя мне было бы очень грустно уехать из Лондона, не повидав вас и вашу сестру. Тем более что теперь лишь очень нескоро... то есть маловероят-

но, чтобы я имел удовольствие увидаться с вами в ближайшее время. Завтра я еду в Оксфорд.

— Однако вы не уехали бы,— сказала Элинора, приходя в себя и решаясь как можно скорее покончить с самым страшным, что ей предстояло,— без самых лучших наших пожеланий, пусть даже мы не сумели бы высказать их вам самому. Миссис Дженнингс вы поняли совершенно верно. Мне действительно нужно сообщить вам нечто важное, и я уже собралась доверить это бумаге. Мне дано очень приятное для меня поручение (тут ее дыхание чуть убыстрилось). Полковник Брэндон, который был здесь всего десять минут назад, просил меня передать вам, что будет очень рад, если вы получите сан, предложить вам делафордский приход, в настоящее время вакантный, и только сожалеет, что доход от него невелик. Мне хотелось бы принести вам свои поздравления с тем, что у вас есть столь почтенный и предупредительный друг, и присоединиться к его пожеланию, чтобы доход, на который вы можете рассчитывать — он составляет около двухсот фунтов в год,— был бы значительно больше и дал бы вам... вместо того чтобы оказаться лишь временной опорой... короче говоря, позволил бы вам обрести все счастье, какого вы ищете.

Так как сам Эдвард не мог бы выразить того, что почувствовал, сделать это за него никому другому было не дано. Лицо его выразило все изумление, какое должно было вызвать столь неожиданное, столь непредвиденное известие, но произнес он только два слова:

— Полковник Брэндон!

— Да,— продолжала Элинора, собираясь с духом, раз уж худшее осталось позади.— Полковник Брэндон полагает таким способом выразить вам сочувствие по поводу того, что недавно произошло... к тяжкому положению, на которое обрекла вас ваша семья,— сочувствие, разделяемое, разумеется, и мной, и Марианной, и всеми вашими друзьями. И это — знак его глубокого уважения к вам и, особенно, одобрения того, как вы поступили в недавних обстоятельствах.

— Полковник Брэндон предлагает мне приход! Возможно ли?

— Оттого что ваши близкие вас оттолкнули, вы удивляетесь, что находите дружбу у других!

— Нет,— ответил он, вновь смутившись,— только не тому, что нахожу ее у вас. Неужели я не понимаю, что всем этим обязан вам, вашей доброте! Мои чувства...

я выразил бы их, если бы мог. Но вы знаете, что красно-речием я не наделен...

— Вы ошибаетесь! Уверяю вас, обязаны вы этим только... или почти только собственным достоинствам и умению полковника Брэндона оценить их. Я тут ни при чем. О том, что приход вакантен, я узнала от него, и лишь после того, как он объяснил свое намерение. А прежде я даже не подозревала, что у него есть в распоряжении приход. Как мой друг... друг всей нашей семьи, возможно, он... нет, я знаю, что он с тем большим удовольствием готов услужить вам. Но, право же, моим ходатайствованиям вы ничем не обязаны.

Правдивость вынудила ее признать, что очень маленькую роль она все же тут сыграла, но ей вовсе не хотелось выглядеть в глазах Эдварда его благодетельницей, а потому призналась она в этом с большой неохотой, чем, возможно, укрепила проснувшееся в нем подозрение. Когда Элинор умолкла, он некоторое время сидел в задумчивости и наконец, словно бы с усилием, произнес:

— Полковник Брэндон кажется весьма благородным и во всех отношениях достойным человеком. Ничего, кроме похвал ему, я не слышал, и ваш брат, как мне известно, самого высокого о нем мнения. Без всяких сомнений, он превосходный человек и держится как истый джентльмен.

— О да,— ответила Элинор.— При более коротком знакомстве вы, несомненно, убедитесь, что он именно таков, каким вы представляете его себе понаслышке, а это очень важно, так как вы будете ближайшими соседями — мне говорили, что от господского дома до церковного расстояние самое небольшое.

Эдвард ничего не ответил, но, когда она отвернула лицо, обратил на нее взгляд, полный невыразимой грусти, словно говорившей, что ему было бы легче, если бы это расстояние вдруг стало длиннее и на очень много.

— Полковник Брэндон, кажется, живет на Сент-Джеймс-стрит,— сказал он затем, вставая.

Элинор назвала ему номер дома.

— Я должен поспешить, чтобы успеть выразить ему ту благодарность, которую вы не захотели выслушать, и сказать, что он сделал меня очень... необыкновенно счастливым человеком.

Элинор не стала его удерживать и на прощание заверила его, что неизменно желает ему счастья, какой бы оборот ни приняла его судьба. Он попытался ответить ей такими же пожеланиями, но язык плохо ему повиновался.

«Когда я увижу его в следующий раз,— сказала себе Элинор, глядя на закрывшуюся за ним дверь, я увижу его мужем Люси!»

С этим приятным предвкушением она вновь опустилась в кресло и мысленно вернулась в прошлое, перебирая в памяти все сказанные Эдвардом слова, стараясь постигнуть его чувства и, разумеется, вспоминая собственные без малейшей радости.

Миссис Дженнингс возвратилась после визита к прежде ей незнакомым людям, и, хотя ей было о чем порассказать, открывшийся ей важный секрет настолько ее занимал, что она заговорила о нем, едва увидела Элинор.

— Ну, душечка! — воскликнула она. — Я послала к вам вашего молодого человека. Вы на меня не в обиде? И, полагаю, вам оказалось нетрудно... Он согласился охотно?

— Да, сударыня. И как могло быть иначе?

— Ну, и скоро ли он будет готов? Раз уж все зависит от этого?

— Я столь мало осведомлена в подобных вещах,— ответила Элинор,— что не решусь даже высказать предположение, сколько времени и каких приготовлений это потребует. Но полагаю, месяца через два-три он будет облечен в сан.

— Два-три месяца! — вскричала миссис Дженнингс. — Господи помилуй, душенька! Вы говорите так спокойно, словно речь идет о дне-другом! И полковник согласен ждать два-три месяца? Господи, спаси меня и помилуй! Уж я бы не стерпела! И как ни приятно услужить бедному мистеру Феррарсу, по-моему, ждать ради него два-три месяца — это уж чересчур! И можно ведь подыскать кого-нибудь не хуже. И уже облеченного саном!

— Но, сударыня, о чем вы говорите? — спросила Элинор. — Ведь цель полковника Брэндона в том и заключается, чтобы помочь мистеру Феррарсу.

— Ах, душенька! — Да неужто, по-вашему, я поверю, будто полковник Брэндон женится на вас только ради того, чтобы заплатить десять гиней мистеру Феррарсу!

Недоразумение долее продолжаться не могло, и последовали объяснения, которые немало повеселили обеих собеседниц и не причинили им особого огорчения, так как миссис Дженнингс просто заменила одну причину радоваться на другую, причем не закаялась надеяться, что просто поторопила события.

— Да, да! Дом священника там невелик,— сказала она после того, как первая буря удивления и восторга поутих-

ла,— и, может быть, требует починки. Но услышать, будто человек извиняется, как мне показалось, за тесноту дома с пятью гостиными на первом этаже, что мне доподлинно известно, и где можно разместить — мне так экономка сказала — пятнадцать кроватей!.. Да еще перед вами, хотя вы и на свой коттедж никогда не жаловались! Ну, как тут было не всплеснуть руками! Но, душечка, мы уж должны

постараться, чтобы полковник подправил дом, приготовил его для них, прежде чем Люси туда поедет.

— По мнению полковника Брэндона, доход настолько невелик, что для женатого человека его совсем недостаточно...

— Полковник вздор говорит, душенька. Раз сам он получает в год две тысячи, так ему и чудится, будто женатому человеку на меньшее не прожить. Уж поверьте мне, если только я жива буду, то еще до михайлова дня поеду погостить в делафордском приходе. А если там не будет Люси, так меня туда ничем не заманить!

Элинор вполне согласилась с ней, что со свадьбой времени не станут.

ГЛАВА 41

двард, поблагодарив полковника Брэндона, отправился сообщить о своем счастье Люси, и к тому времени, когда он добрался до Бартлетовских Домов, оно настолько било через край, что Люси, как на следующий день она завершила миссис Дженнингс, никогда еще не видела его в столь радостном расположении духа.

В ее собственном счастье и радостном расположении духа сомнений, во всяком случае, быть никаких не могло, и она с восторгом разделила надежды миссис Дженнингс, что еще до михайлова дня они все встретятся под уютным кровом церковного дома в Делафорде. В то же время она не только не уклонилась от того, чтобы воздать должное Элинор, как упрямо воздавал его Эдвард, но, напротив, говорила о дружеском расположении Элинор к ним обоим с самой теплой благодарностью, охотно признала все, чем они были ей обязаны, и без обиняков объявила, что никакие старания мисс Дэшвуд оказать им услугу, в прошлом или в будущем, ее не удивят, ибо мисс Дэшвуд, как она твердо убеждена, способна сделать все на свете ради тех, в ком принимает участие. Ну, а полковнику Брэндону она не только готова была поклоняться, как святому, но и от души желала избавить его от всех забот житейской суеты, не подобающих святым,— желала, чтобы десятина его прихода была увеличена, насколько возможно, и втайне решила, что в Делафорде постарается прибрать к рукам его слуг, его карету, коровник и птичник.

С тех пор как Джон Дэшвуд побывал на Беркли-стрит, прошло более недели, а они оставили нездоровье его жены без внимания, лишь один раз устно о ней осведомившись, и Элинор почувствовала, что долее откладывать визит к ней никак нельзя. Однако исполнение этого светского долга совсем ее не манило, а к тому же она не нашла поддержки ни у Марианны, ни у миссис Дженнингс. Первая не только наотрез отказалась поехать к невестке, но и всячески пыталась отговорить сестру, вторая же, хотя ее карета всегда была к услугам Элинор, питала к миссис Джон Дэшвуд такую антипатию, что не пожелала сделать ей визит, сколь ни любопытно было ей взглянуть, как та выглядит после скандального открытия, и сколь ни хотелось ей уязвить все семейство, открыто став на сторону Эдварда. Таким образом, Элинор волей-неволей вынуждена была отправиться на Харли-стрит в одиночестве, обрекая себя на тет-а-тет с женщиной, причин не терпеть которую у нее было куда больше, чем у Марианны и миссис Дженнингс.

Лакей, однако, объявил, что миссис Дэшвуд никого не принимает. Но карета еще не успела тронуться, как из дверей вышел супруг этой последней. Увидев Элинор, он изъявил величайшее удовольствие, сообщил, что как раз направлялся на Беркли-стрит и пригласил ее войти — Фанни будет ей так рада!

Они поднялись в гостиную.

— Наверное, Фанни у себя, — сказал он. — Я сейчас схожу за ней, так как, полагаю, ничего против того, чтобы увидеться с тобой, она иметь не может. Отнюдь! Отнюдь! И особенно теперь... А впрочем, она всегда особенно благоволила к тебе и Марианне... Но почему Марианна не приехала?

Элинор произнесла какие-то извинения.

— Впрочем, я не жалею, что вижу тебя одну, — сказал он, — так как мне необходимо о многом с тобой поговорить. Полковник Брэндон... Неужели это так? Он правда предложил Эдварду свой вакантный приход? Я услышал об этом вчера совершенно случайно и собрался к вам, чтобы узнать достоверно.

— Да, это правда. Полковник Брэндон отдает дела-фордский приход Эдварду.

— Право! Кто бы мог поверить? Никакого родства! И они ведь даже не знакомы! И это в наши дни, когда за приход можно взять вполне приличную сумму! Сколько он приносит?

— Около двухсот фунтов в год.

— Очень недурно! Если священник стар и болен, так что вакансия должна скоро открыться, владелец может обещать приход заранее и получить, я полагаю, эдак полторы тысячи. Почему он не уладил этого до кончины старика? Теперь, натурально, думать о продаже уже поздно. Но столь разумный человек, как полковник Брэндон! Право, не понимаю, как он мог быть столь нерасторопен, когда речь шла о самом обычном, самом естественном деле! Что же, не стану спорить: в человеческих характерах таится множество противоречий. А впрочем, поразмыслив, я, кажется, догадался. Приход предоставляется Эдварду временно, пока тот, кому полковник его продал, не достигнет надлежащего возраста. Да-да, так оно и есть, можешь мне поверить.

Однако Элинор решительно опровергла это заключение и объяснила, что передать предложение полковника Эдварду было поручено ей, а потому не зная его условий она никак не может, и брату осталось только смириться с достоверностью ее сведений.

— Право, трудно поверить! — вскричал он, дослушав ее. — И что могло побудить полковника Брэндона на подобный поступок?

— Очень просто: желание оказать услугу мистеру Феррарсу.

— Ну-ну... Но, как ни судить о полковнике Брэндоне, Эдвард должен почитать себя большим счастливецом. Однако при Фанни ты лучше об этом не упоминай. Хотя я ее подготовил и она перенесла это известие с большим мужеством, но навряд ли ей будет приятен такой разговор.

Элинор не без труда удержалась и не сказала, что, по ее мнению, Фанни могла бы и вовсе не огорчаться из-за прихода, предоставленного ее брату, поскольку никакого денежного ущерба это обстоятельство ни ей, ни ее сыночку не причиняет.

— Миссис Феррарс, — добавил Джон, понижая голос, — пока ничего не знает, и я убежден, что лучше всего будет скрывать от нее правду как можно дольше... Конечно, когда они поженятся, боюсь, она узнает все.

— Но к чему такие предосторожности? Разумеется, миссис Феррарс вряд ли порадуется, что ее сыну будет на что жить, тут никаких сомнений нет. Судя по ее поведению, от нее нельзя ожидать ничего, кроме полного к нему равнодушия. Она отказалась от сына, навсегда отреклась от него и принудила всех, кого могла, порвать

с ним всякие отношения. Как же можно даже вообразить, что после подобного поступка она способна испытывать из-за него печаль или радость? Его судьба должна быть ей безразлична. Вряд ли она настолько слаба духом, что, отказавшись от утешения, каким дети служат матери, все-таки сохранила материнскую заботливость!

— Ах, Элино! Рассуждения твои вполне логичны, но опираются они на неведение человеческой природы. Не сомневайся: когда Эдвард заключит свой злополучный брак, для чувств его матери не будет ни малейшей разницы, отрекась она от него или нет. А потому от нее необходимо скрывать все, что может ускорить наступление этого ужасного события. Миссис Феррарс не способна забыть, что Эдвард ее сын!

— Право, вы меня удивляете. Казалось бы, это обстоятельство должно уже совершенно изгладиться из ее памяти!

— Ты к ней непростительно несправедлива. Миссис Феррарс — нежнейшая в мире мать!

Элинор промолчала.

— Теперь,— продолжал мистер Дэшвуд после краткой паузы,— мы подумываем о том, чтобы на мисс Мортон женился Роберт.

Элинор, улыбнувшись серьезной важности в тоне своего брата, ответила невозмутимо:

— Мне кажется, ей самой никакого выбора не предоставляется?

— Выбора? О чем ты говоришь?

— Только о том, что, судя по вашим словам, мисс Мортон совершенно безразлично, выйдет ли она за Эдварда или за Роберта.

— Бесспорно! Ведь ничего не изменилось. Роберт теперь во всех смыслах займет положение старшего сына. Ну, а что до прочего, так оба они весьма приятные молодые люди и не вижу, в чем один хоть немного уступал бы другому.

Элинор ничего не ответила, и Джон также некоторое время молчал. Размышления его разрешились следующей тирадой:

— В одном, дражайшая сестра, я могу тебя заверить,— произнес он жутким шепотом, беря ее за руку,— и непременно сделаю это, ибо знаю, как ты будешь польщена. У меня есть веские причины полагать... То есть мне это известно из надежнейшего источника, или я промолчал бы, так как непозволительно говорить что-либо

подобное на ветер... Но мне из самого надежного источника известно... сам я этого от миссис Феррарс не слышал, но она сказала своей дочери, а я узнал от нее... Короче говоря, какие бы возражения не вызвала некая... некий союз... ну, ты понимаешь... Ей он все же был бы предпочтительней и не причинил бы столько досады, как нынешний! Я был безмерно рад услышать, что миссис Феррарс видит это в подобном свете... Весьма приятно и лестно для всех нас! «Ах, это было бы несравнимо,— сказала она,— несравнимо меньшее из двух зол! И теперь

она смирилась бы с этим без возражений, лишь бы избежать худшего». Но впрочем, об этом теперь и речи быть не может... Не следует ни думать, ни упоминать... то есть о чем-либо подобном... Совершенно несбыточно... и осталось позади, давно позади. Но я почел за благо рассказать тебе об этом, так как понимаю, какую радость тебе доставлю. Впрочем, дорогая Элинор, у тебя нет никаких причин для сожалений. Для тебя, бесспорно, все складывается превосходно. Нисколько не хуже, а может быть, и лучше, если принять во внимание все обстоятельства. Давно ли ты видела полковника Брэндона?

Элинор услышала достаточно если не для того, чтобы ее тщеславие было польщено и она возвысилась бы в собственных глазах, так для того, чтобы взволноваться и задуматься, а потому с облегчением увидела, что в гостиную входит мистер Роберт Феррарс, избавляя ее от необходимости отвечать и от опасности услышать из уст брата еще что-нибудь не менее утешительное. Они немного побеседовали, но тут мистер Джон Дэшвуд спохватился, что Фанни все еще пребывает в неведении о визите его сестры, и отправился на ее розыски, а Элинор представилась возможность узнать Роберта поближе. Обнаружив, что его беззаботное легкомыслие и слепое самодовольство остались прежними и он нисколько не смущен тем, что в ущерб отринутому за душевное благородство брату ему досталась столь несправедливо большая доля материнской любви и щедрости, которые он заслужил лишь распушенным образом жизни, она окончательно утвердилась в своем весьма низком мнении о его уме и сердце.

Они и двух минут не пробыли наедине, как Роберт заговорил об Эдварде. Он тоже прослышал про приход и сгорал от любопытства. Элинор повторила все, что уже сказала Джону, и на Роберта это произвело столь же сильное, хотя и совсем иное впечатление. Он неприлично захохотал. Эдвард станет священником и поселится в крохотном сельском доме — о, это чрезвычайно смешно! А когда он нарисовал воображаемую картину, как Эдвард в белом стихаре возносит молитву и объявляет о предстоящем бракосочетании пастуха Джона Смита с птичницей Мэри Браун, веселью его уже не было предела.

Элинор в полном молчании без тени улыбки ожидала, когда он даст отдохнуть своему остроумию, но не сумела удержаться и глаза ее выразили все презрение, которое оно в ней пробудило. Однако раскаиваться ей не пришлось: она облегчила свое сердце, Роберт же не сумел прочесть

ее взгляда и оставил насмешки ради мудрых назиданий, побуждаемый не ее неодобрением, но лишь собственной чувствительностью.

— Да, бесспорно, мы можем смотреть на это, как на недурную шутку,— сказал он наконец, оборвав притворный смех, когда искренний уже довольно давно перестал его душить,— но, слово благородного человека, дело это весьма серьезное. Бедный Эдвард! Он погиб безвозвратно. Я чрезвычайно об этом сожалею... Ведь кому, как не мне, знать, какой он добрый малый. Не много найдется людей, которые могли бы сравниться с ним порядочностью. Вы не должны, мисс Дэшвуд, судить его слишком строго после столь недолгого с ним знакомства. Бедный Эдвард! Манерами он, бесспорно, не блистает. Но ведь мы, как вам известно, не все от рождения наделены равными талантами, равным умением держаться в свете. Бедняга! Увидеть его в столь низком кругу! Да, это достойно жалости. И все же, слово благородного человека, другого такого доброго сердца во всей стране не найдется. И заверяю вас, я, право же, никогда в жизни не был так удручен, как в ту минуту, когда все обнаружилось. Просто поверить не мог! Первой мне сообщила об этом маменька, и я, почувствовав, что должен проявить решимость, тотчас сказал ей: «Сударыня, не знаю, как намерены поступить вы, но что до меня, так я, если Эдвард женится на этой молодой особе, больше не желаю его видеть!» Вот что я тотчас сказал. Я никогда не был столь удручен. Бедный Эдвард! Он безвозвратно погубил себя. Закрыл перед собой все двери в порядочное общество! Но, как я тут же сказал маменьке, меня это нисколько не удивило, если вспомнить, какое воспитание он получил. Ничего иного и ждать было нельзя. Моя бедная мать была вне себя!

— Вы когда-нибудь видели эту молодую особу?

— Да, один раз, когда она гостила тут. Я как-то заглянул сюда на десять минут, и этого было более чем достаточно. Жалкая провинциалочка — ни светскости, ни манер, ни даже особой красоты. О, я превосходно ее помню! Именно такая девица, какая могла пленить беднягу Эдварда. Едва маменька рассказала мне все, как я предложил поехать к нему и отговорить его от этого брака. Но, как ни жаль, было уже поздно что-нибудь сделать: к несчастью, все произошло в мое отсутствие, а после разрыва, вы понимаете, я уже не мог вмешаться. Но если бы меня осведомили на несколько часов раньше, весьма вероятно, еще удалось бы найти то или иное средство.

«Зеленая лампа».
С картины Джона Селла Котмена, 1839 г.

Натурально, я употребил бы самые веские доводы: «Милый мой,— сказал бы я,— подумай, что ты вознамерился сделать! Обзавестись столь низким родством! Решиться на подобный мезальянс, когда вся твоя семья против!» Короче говоря, я убежден, что еще можно было бы принять меры. Но теперь уже поздно. Он будет голодать! О да, голодать!

Едва он с величайшим спокойствием пришел к такому выводу, как появление миссис Джон Дэшвуд положило конец разговору на эту тему. Однако, хотя Фанни касалась ее лишь в самом тесном семейном кругу, Элинор не замедлила обнаружить, какое действие произвело на нее все происшедшее: к обычной холодной надменности теперь примешивалось некоторое смущение, и с золовкой она обшлаась гораздо приветливее обычного, а услышав, что Элинор с Марианной намерены на днях покинуть столицу, даже выразила огорчение — она так надеялась видеться с ними почаще! Муж, вошедший в гостиную следом за ней и восхищенно ловивший каждое ее слово, усмотрел в усилиях, которое она над собой сделала, доказательство несравненной нежности сердца и пленительной обходительности.

еще один короткий визит на Харли-стрит, во время которого Элино́р выслушала поздравления брата по поводу того, что они доедут почти до самого Бартона, совсем не тратясь на дорогу, а также и того, что полковник Брэ́ндон собрался приехать в Кливленд через день-два после них, заключил свидания брата и сестер в Лондоне, а весьма неопределенное приглашение Фанни непременно завернуть в Норленд, если они окажутся где-нибудь поблизости — что было весьма маловероятно, — как и более сердечное, хотя и данное с глазу на глаз, обещание Джона незамедлительно навестить Элино́р в Делафорде, остались единственным залогом их будущих встреч в деревне.

Элино́р забавляло упорство, с каким все старались отправить ее в Делафорд, хотя именно там она вовсе не хотела бы гостить, и уж тем более поселиться. Не только ее брат и миссис Дженнингс уже видели в нем ее будущий дом, но и Люси, когда они прощались, настоятельно просила, чтобы она непременно туда приехала.

В ранний апрельский день и почти ранним утром от дома на Гановер-сквер и от дома на Беркли-стрит тронулись дорожные экипажи, которым предстояло встретиться в условленном месте на дороге. Чтобы Шарлотта и младенец не очень утомлялись, путешествовать они намеревались не спеша и лишь на третьи сутки прибыть в Кливленд, где вскоре к ним должны были присоединиться мистер Палмер с полковником Брэ́ндоном, предполагавшие ехать гораздо быстрее.

Марианна, как ни мало приятных часов провела она в Лондоне и как ни торопилась его покинуть, тем не менее испытывала горькие муки, когда настал час проститься с домом, с последним местом, где она еще лелеяла те надежды, ту веру в Уиллоби, которые теперь угасли навсегда. Не могла она и не пролить слез, покидая город, где оставался Уиллоби, чьи новые занятия и планы ей не было дано разделить.

Элино́р же уезжала с радостью. Никакие сходные мысли ее к Лондону не приковывали: с теми, кто оставался там, ей легко было не видеться хоть век; она освобождалась от дружбы, которую навязывала ей Люси, была довольна, что увозит сестру и что Уиллоби после свадьбы так с ней и не встретился, и с надеждой думала о том,

как несколько месяцев тихой жизни в Бартоне вернут душевный покой Марианне и укрепят ее собственный.

В пути с ними ничего не случилось, на второй день они достигли благословенного — или рокового — графства Сомерсет, ибо в воображении Марианны он рисовался то таким, то эдаким, а на третий еще задолго до полудня прибыли в Кливленд.

Кливлендский дом, вместительный, новой постройки, стоял на пригорке, и перед ним простиралась уходящая вниз лужайка. Парка при нем не было, но сады возмещали это обширностью. Как во всех столь же богатых поместьях там имелись и обсаженные кустами дорожки, и тенистая, усыпанная песком аллея, которая огибала лесные посадки, заканчиваясь у парадного фасада, и живописные купы деревьев на лужайке. Сам дом окружали ели, рябины и акации, густой стеной вместе с черными итальянскими тополями заслоняя от него службы.

Марианна переступила его порог с бурным волнением, рожденным мыслью, что от Бартона ее отделяют всего восемьдесят миль и менее тридцати миль — от Комбе-Магна. Не пробыв в его стенах и пяти минут, она, пока остальные хлопотали вокруг Шарлотты, помогая ей показывать ее дитя экономке, вновь переступила порог и поспешила по дорожке между кустами, уже одевавшими весенний наряд, к отдаленному холму, увенчанному греческим храмом, и там ее тоскующему взору за широкой равниной на юго-востоке открылась гряда холмов на горизонте, с которых, как ей вообразилось, можно было увидеть Комбе-Магна.

В эти минуты неизъяснимого бесценного страдания она сквозь горькие слезы радовалась, что приехала в Кливленд и, возвращаясь в дом иной дорогой, наслаждаясь приятным правом деревенской свободы вольно бродить по окрестностям в блаженном одиночестве, положила себе все свободные часы каждого дня их пребывания в гостях у Палмеров отдавать таким блужданиям наедине с собой.

Марианна вернулась как раз вовремя, чтобы вместе с остальными осмотреть ближайшие окрестности дома, и утро прошло незаметно, пока они прогуливались по огороду, любовались цветущими фруктовыми деревьями в шпалерах у его стен, слушали сетования садовника на черную гниль и ржу, посещали оранжереи, где Шарлотта долго смеялась, услышав, что ее любимые растения по недосмотру были высажены в землю слишком рано и их побили утренние заморозки, — а затем отправились на

птичий двор, и там она нашла еще множество причин для веселья: скотница жаловалась, что коровы дают куда меньше молока, чем ожидалось, куры не желали высиживать цыплят, их повадилась таскать лиса, а выводок уж таких хороших индюшат весь скосила болезнь.

Утро было ясное, и Марианна, строя свои планы, даже и не подумала, что погода может перемениться, прежде чем они покинут Кливленд. А потому после обеда она с большим изумлением обнаружила, что зарядил дождь — и надолго. Она мечтала вновь посетить в сумерках греческий храм, а может быть, и побродить по садам,

и, будь вечер просто холодным и сырым, она ни за что не отказалась бы от своего намерения. Но даже она не была способна убедить себя, что затяжной и сильный дождь — это самая приятная или сухая погода для прогулок.

Общество их было невелико, и они тихо коротали вечерние часы. Миссис Палмер занималась своим младенцем, а миссис Дженнингс — рукоделием. Они разговаривали о друзьях, оставшихся в Лондоне, обсудили, какие вечера даст и на каких побывает леди Миддлтон, и долго рассуждали, добрались ли мистер Палмер с полковником Брэндоном только до Рединга или успели проехать больше. Элино́р, сколь ни мало все это ее интересовало, присоединилась к их беседе, а Марианна, обладавшая особым даром отыскивать дорогу в библиотеку в любом доме, как бы ни избегали этой комнаты его хозяева, скоро нашла себе книгу.

Неизменная дружеская приветливость миссис Палмер не оставляла никаких сомнений, что для нее они — самые желанные гости. Безыскусственность и сердечность ее манер более чем искупали недостаток такта и вкуса, нередко заставлявший ее отступать от правил хорошего тона. Доброта, которой дышало ее хорошенькое личико, пленяла, глуповатость, хотя и очевидная, не отталкивала, потому что в ней не было даже капли самодовольства, и Элино́р была готова извинить ей все, кроме ее смеха.

Джентльмены прибыли на следующий день к очень позднему обеду, увеличив самым приятным образом их общество и внося желанное разнообразие в темы беседы, которые за долгий и по-прежнему дождливый день успели порядком исчерпаться.

Элино́р мало видела мистера Палмера, но и в эти краткие часы наблюдала столько перемен в его обращении с ней и ее сестрой, что совершенно не представляла себе, каков он будет в лоне собственной семьи. Но она не замедлила убедиться, что со всеми своими гостями он держится как истый джентльмен и лишь очень редко бывает груб с женой и тещей. Оказалось, что он может быть очень приятным собеседником, чему мешала лишь склонность воображать, будто и всех прочих людей он превосходит так же, как, несомненно, превосходил миссис Дженнингс и Шарлотту. В остальном характер и привычки, насколько могла судить Элино́р, ничем не выделяли его среди мужчин того же возраста и круга. Ел он очень изящно, вставал и ложился спать в самое неопределенное время, питал

любовь к своему ребенку, хотя и прятал ее под маской пренебрежения, и каждое утро развлекался бильярдом, вместо того чтобы заниматься делами. Однако теперь он нравился ей много больше, чем она ожидала, хотя в глубине сердца она ничуть не жалела, что сильнее он ей понравиться не может, как не жалела, что, наблюдая его эпикурейскую праздность, его эгоизм и самовлюбленность, невольно и с радостью возвращается в мыслях к благородству Эдварда, простоте его вкусов и скромности.

Об Эдварде, вернее о некоторых его делах, она кое-что узнала от полковника Брэндона, который недавно побывал в Дорсетшире и, видя в ней как дорогого друга мистера Феррарса, так и внимательную, расположенную к нему самому слушательницу, подробно рассказал ей про дом священника в Делафорде, про то, что там следовало бы подправить и какие именно починки он собирается произвести. Такое его поведение, а также нескрываемая радость от их встречи, хотя они не виделись всего десять дней, удовольствие, с каким он вступил в разговор с ней, и неизменный интерес к ее мнению вполне могли объяснить, почему миссис Дженнингс была столь убеждена, будто он к ней равнодушен; да и сама Элинора, пожалуй, заподозрила бы то же, если бы с самого начала не была уверена, что сердцем его всецело владеет Марианна. Вот почему ничего подобного ей все-таки и в голову бы не пришло, если бы не намеки миссис Дженнингс. Впрочем, она считала себя более тонкой наблюдательницей, потому что следила и за его глазами, тогда как миссис Дженнингс разбирала лишь его поведение, отчего не заметила его тревоги, когда Марианна пожаловалась на боль в висках и горле, ибо тревогу эту выражали только его взоры, а не слова, и она совершенно ускользнула от внимания почтенной дамы, но Элинора различила в них и нежное беспокойство, и чрезмерный испуг влюбленного.

Две восхитительные прогулки в сумерках на третий и четвертый их вечер в Кливленде (и не только по сухим дорожкам цветника, но и по всему саду, причем по самым укромным его уголкам, сохранившим некую дикость, где деревья были наиболее могучими, трава же — наиболее высокой и сырой) одарили Марианну, к тому же не потрудившуюся тотчас снять мокрые башмачки и чулки, сильнейшей простудой, которая через день-два, как ни пренебрегала она ею, как ее ни отрицала, настолько разыгралась, что все вокруг заметили, а она была вынуждена признать, как ей худо. Немедля ее засыпали

целительными советами, и, по обыкновению, она не приняла ни одного. Жар, лихорадка, слабость во всех членах, кашель, боль в горле — это пустяки и к утру после крепкого сна пройдут сами собой. Лишь с большим трудом Элинор уговорила сестру, когда та легла, все же испробовать одно-два простейших средства.

ГЛАВА 43

тром Марианна встала в урочное время, на все заботливые расспросы отвечала, что ей лучше, и в доказательство попыталась провести день за привычными занятиями. Но лишь час за часом сидела в ознобе у камина с книгой, которую не могла читать, или в томной слабости полулежала на диване. Когда же, расхворавшись еще более, она рано пожелала уйти к себе, полковник Брэндон был изумлен спокойствием ее сестры: Элинор весь день, не слушая возражений Марианны, преданно за ней ухаживала и заставила ее принять на сон грядущий все необходимые лекарства, но, подобно ей, верила во врачующую силу сна и не испытывала особой тревоги.

Однако ночь, проведенная в лихорадочных метаниях по постели, обманула ожидания обеих. И когда Марианна все-таки захотела подняться, она тут же вынуждена была признать, что ей трудно даже сидеть, и снова легла. Элинор не замедлила последовать совету миссис Дженнингс и послала за палмеровским аптекарем.

Он приехал, осмотрел больную и, хотя заверил мисс Дэшвуд, что через три-четыре дня ее сестра совсем оправится, однако упомянул о возможной горячке и обронил словечко «заразительность», перепугав миссис Палмер, которая тотчас подумала о своем малютке. Миссис Дженнингс с самого начала относилась к болезни Марианны более серьезно, чем Элинор, а выслушав мистера Гарриса, встревожилась еще больше, подтвердила все страхи Шарлотты и потребовала, чтобы она немедленно покинула Кливленд вместе с сыном. Мистер Палмер, хотя и утверждал, что их опасения беспричинны, тем не менее не мог противостоять тревоге и настояниям жены, и ее отъезд был решен. Менее чем через час после того, как мистер Гаррис поднялся к Марианне, Шарлотта с сыном и нянь-

кой уже отбыла к близкому родственнику мистера Палмера, чей дом был расположен за Батом. Муж, уступая ее мольбам, обещал последовать за ней туда через день-два. Она почти столь же настойчиво уговаривала и мать поехать с ней, но миссис Дженнингс с истинной добротой, которая навеки завоевала ей сердце Элинора, объявила, что не покинет Кливленда, пока Марианна совсем не выздоровеет, неусыпными заботами стараясь заменить ей мать, от которой ее увезла. И Элинора нашла в ней ревностную и деятельную помощницу, готовую делить с ней все тяготы ухода за больной, к тому же умудренную опытом, который не раз оказывался как нельзя более кстати.

Бедняжка Марианна, томимая лихорадкой и слабостью, испытывая боль во всем теле, уже оставила надежду встретить следующий день здоровой, и мысль о том, что принес бы этот день, если бы не злосчастный недуг, усугубляла ее страдания. Ведь поутру они должны были наконец-то отправиться домой в сопровождении лакея миссис Дженнингс и на второй день еще до двенадцати часов обрадовать мать неожиданным своим появлением. Молчание она прерывала лишь сетованиями на столь несносную отсрочку, как ни утешала ее Элинора, которая пока еще сама несколько не сомневалась, что продлится эта отсрочка недолго.

Следующий день никаких изменений в состоянии больной не принес. Лучше ей не стало, но, если не считать, что это само по себе уже было дурным признаком, не стало и хуже. Общество же их потеряло еще одного члена. Мистер Палмер, хотя и предпочел бы остаться, повинувшись как голосу истинного человеколюбия и душевной доброты, так и желанию показать, сколь мало значат для него страхи жены, все же сдался на уговоры полковника Брэндона исполнить данное ей обещание. А полковник в свой черед и с большей настойчивостью заговорил о собственном отъезде. Однако этому — и весьма уместно — воспрепятствовало доброе сердце миссис Дженнингс. Отослать полковника, когда его возлюбленная была в такой тревоге за сестру, значило бы, подумала она, обречь их обоих на лишние терзания, а потому тотчас объявила ему, что он непременно должен остаться в Кливленде ради нее — чтобы ей было с кем играть в пикет по вечерам, пока мисс Дэшвуд будет ухаживать за сестрой наверху, и еще по разным причинам. Она так настойчиво уговаривала его, что он не мог не дать согласия (уступив, кстати, заветному желанию собственного сердца). К тому же

просьбу миссис Дженнингс с жаром поддержал мистер Палмер, который, видимо, испытал немалое облегчение при мысли, что в Кливленде останется человек, как никто другой способный помочь мисс Дэшвуд и советом и делом, если они ей понадобятся.

Марианну, естественно, держали обо всем этом в неведении. Она не знала, что невольно вынудила хозяев Кливленда покинуть собственный дом лишь через неделю после того, как они туда вернулись. Ее не удивляло, что миссис Палмер не заходит к ней в спальню, и, вовсе про нее не вспоминая, она ни разу даже не произнесла ее имени.

После отъезда мистера Палмера прошло два дня, а ее состояние оставалось все тем же. Мистер Гаррис, навещавший ее каждый день, по-прежнему бодро предрекал скорое выздоровление, и мисс Дэшвуд придерживалась того же мнения. Но миссис Дженнингс и полковник Брэндон их надежд отнюдь не разделяли: почтенная дама почти в самом начале болезни уверовала, что Марианне более уж с постели не встать, а полковник, нужный ей главным образом для того, чтобы выслушивать ее печальные пророчества, не мог по состоянию своего духа не поддаться их влиянию. Он пытался доводами рассудка прогнать свои страхи, тем более вздорные, что аптекарь говорил совершенно другое, однако долгие часы, которые он ежедневно проводил в полном одиночестве, не могли не плодить грустных мыслей, и ему никак не удавалось избавиться от предчувствия, что более он уже Марианны не увидит.

Однако на утро третьего дня их с миссис Дженнингс мрачные опасения почти вовсе рассеялись — мистер Гаррис, выйдя от больной, объявил, что ей значительно лучше: пульс стал сильнее и все симптомы много благоприятнее, чем накануне. Элинор подтвердила его слова, была весела и радовалась, что в письмах к матери, полагаясь более на свое суждение, чем на суждение миссис Дженнингс, объясняла их задержку самым легким недомоганием и чуть ли не назвала срок, когда Марианна сможет отправиться домой.

Однако день этот кончился далеко не столь приятно, как начался. К вечеру Марианне опять стало очень худо, жар и боли вернулись с еще большей силой. Ее сестра, однако, по-прежнему отказывалась замечать всю серьезность этих симптомов, приписывая их утомлению больной, которая, пока ей перестилали постель, некоторое время сидела в креслах, и, напоив ее успокоительной микстурой,

с радостью увидела, как она погрузилась в сон, который мог быть только целительным. Сон этот, хотя далеко не такой спокойный, как хотелось бы Элино́р, был очень долгим, но она, желая своими глазами увидеть его следствия, приготовилась сидеть с сестрой, пока та не пробудится. Миссис Дженнингс, ничего не зная о перемене в состоянии больной, против обыкновения, легла спать очень рано, а ее горничная, одна из главных сиделок, отдыхала и ужинала в комнате экономки, оставив Элино́р в спальне наедине с Марианной.

А сон той становился все более тревожным, она металась на постели, жалобно стонала, и сестра, наблюдавшая за ней с неослабным вниманием, уже почти решилась пробудить ее от столь тяжелой дремы, но тут Марианна, возможно встревоженная каким-то звуком, вдруг донесшимся из коридора, внезапно очнулась сама, вскинулась и лихорадочно вскрикнула:

— Мама приехала?

— Еще нет,— ответила Элино́р, с трудом подавляя ужас и помогая Марианне лечь поудобнее.— Но, надеюсь, она скоро будет здесь. Ты ведь знаешь, что отсюда до Бартона путь неблизкий.

— Только путь не едет через Лондон,— с той же лихорадочной торопливостью продолжала Марианна.— Если она поедет через Лондон, я ее уже не увижу.

Элино́р со страхом поняла, что сестра бредит, и, стараясь ее успокоить, поспешно пощупала ей пульс. Таким слабым и частым он еще не был! Марианна же по-прежнему бессвязно говорила о матери, и сестра, перепугавшись, решила не только немедленно послать за мистером Гаррисом, но и отправить кого-нибудь в Бартон за миссис Дэшвуд. Естественно, ей тут же пришла в голову мысль, что об этом плане следует посоветоваться с полковником Брэндоном, и, едва горничная явилась на ее звонок, она, оставив ее с больной, поспешила спуститься в гостиную, где, как ей было известно, его можно было застать и в гораздо более поздний час.

Это были минуты не для колебаний или церемоний, и полковник без промедления узнал о всех ее страхах и затруднениях. Развеять ее страхи у него не хватало ни мужества, ни уверенности, и он слушал ее в скорбном молчании, однако затруднениям ее тут же пришел конец: с поспешностью, доказывавшей, что и эта причина, и эта услуга в его мыслях предвосхищались уже давно, он тотчас вызвался сам отправиться за миссис Дэшвуд, и Элино́р ско-

ро оставила слабые попытки возражать. Она поблагодарила его коротко, но с самой глубокой признательностью, и он вышел, чтобы послать своего слугу за мистером Гаррисом и распорядиться о почтовых лошадях для себя, а она села написать несколько строк матери.

Какой утешительной опорой был в подобную минуту друг, подобный полковнику Брэндону! Лучшего спутника для ее матери (эта мысль немного облегчила ей сердце) она и пожелать не могла. Спутник, чьи советы поддержат ее, чье участливое внимание облегчит ей тяготы пути, чья дружба, быть может, утишит ее тревогу! В той мере, в какой столь внезапный и страшный удар можно смягчить, его присутствие, его заботы, его помощь оберегут ее.

Он же, какие бы чувства его ни обуревали, отдавал распоряжения и собирался с хладнокровием деятельного ума и даже вычислил для Элинор примерный срок, когда его можно будет ждать обратно. Ни мгновения не было потеряно напрасно. Лошадей подали даже прежде, чем их ждали; полковник с сосредоточенным видом пожал ей руку и поспешил сесть в экипаж, сказав вполголоса несколько слов, которых она не расслышала. Время близилось к полуночи, и Элинор поднялась в спальню сестры, чтобы там дожидаться аптекаря и провести у ее постели оставшуюся часть ночи. Проходили часы, полные страданий, почти равных у обеих: Марианна была в бреду, не избавлявшем ее от боли, Элинор терзала жесточайшая тревога, а мистер Гаррис все не ехал. Теперь Элинор старицей расплачивалась за недавние беспечные надежды, горничная же, разделявшая ее бдение (она решительно запретила будить миссис Дженнингс), усугубляла эти муки намеками на мрачные пророчества своей госпожи.

Марианна в забытии по-прежнему жалобно звала мать, и всякий раз ее слова заставляли болезненно сжиматься сердце бедняжки Элинор. Она горько упрекала себя за то, что столько дней легкомысленно не замечала серьезности недуга, тщетно придумывала средство, которое принесло бы немедленное облегчение, воображала, что вскоре уже ничто не сможет принести этого облегчения, что они мешкали слишком долго, и уже словно видела, как приезжает ее сокрушенная горем мать и находит любимую дочь мертвой или же в тяжком бреду, более неспособную ее узнать и проститься с ней.

Элинор собралась вновь послать за мистером Гаррисом, и если его не нашли бы, то за кем-нибудь еще, но тут он — шел уже шестой час утра — приехал сам. Однако

его приговор несколько искупил такое промедление: признав, что в состоянии его пациентки произошло неожиданное и неблагоприятное изменение, он, однако, решительно отрицал, что опасность сколько-нибудь велика, и ручался, что новое лекарство непременно принесет облегчение с неколебимой уверенностью, которая отчасти передалась Элинор. Затем он пообещал приехать часа через три-четыре и отбыл восвояси, оставив и больную, и ее преданную сиделку несколько ободрившимися по сравнению с тем, какими он их нашел в первые минуты своего визита.

В большом расстройстве, пеняя всем, что ее тотчас не разбудили, узнала миссис Дженнингс поутру о событиях ночи. Недавние дурные предчувствия овладели ею с удвоенной силой, и она не сомневалась в печальном исходе; как ни пыталась она утешать Элинор, убеждение, что Марианна уже не жилица, не позволяло ей к выражениям сочувствия добавить слова надежды. Сердце почтенной дамы было исполнено искренней горести. Скоропостижная и безвременная смерть столь юной, столь прелестной девушки, как Марианна, не оставила бы равнодушным и человека вовсе постороннего, а на тревогу и сострадание миссис Дженнингс у Марианны были и другие права. Она три месяца прожила под ее кровом и сейчас все еще находилась под ее опекой, а к тому же не так давно стала жертвой тяжчайшего оскорбления и с тех пор все время томилась в грусти. Видела миссис Дженнингс и терзания ее сестры, своей любимицы, а когда вспоминала, что собственной матери Марианна, вероятно, столь же дорога, как ей самой — Шарлотта, ее переполняло живейшее сострадание к мукам миссис Дэшвуд.

Второй раз мистер Гаррис не заставил себя ждать долее обещанного времени, но надежды, с какими он оставил больную после первого своего визита, его обманули. Новые лекарства не помогли, жар не спал, и Марианна, так и не придя в себя, не металась более лишь потому, что погрузилась в тяжкое забытие. Элинор, распознавшая — и преувеличившая — опасения, охватившие его в эту минуту, выразила мнение, не следует ли им пригласить кого-нибудь для консилиума, но он почел это преждевременным: у него есть в запасе другое лекарство, целительностью, по его убеждению, не уступающее утреннему, и он отбыл со словами ободрения, которые достигли слуха мисс Дэшвуд, но не ее сердца. Она сохраняла спокойствие, пока мысли ее не обращались к матери, но надежду почти утратила. Так продолжалось почти до

полудня: она сидела возле сестры, боясь оставить ее хотя бы на минуту, воображение рисовало ей горесть всех их близких, а уныние подкреплялось и усугублялось вздохами миссис Дженнингс, которая без колебаний приписывала тяжесть и опасность недуга Марианны долгим предшествовавшим ему неделям страданий после постигшего ее удара. Элинор не могла не согласиться с правдоподобием такого заключения, и оно влило новую горечь в ее размышления.

Однако к полудню Элинор начала — но с трепетом, со страхом обмануться, понуждавшим ее ничего не говорить даже миссис Дженнингс, — как ей мнилось, замечать легкое улучшение пульса сестры. Она выжидала, не спуская глаз с больной, вновь и вновь его щупала и, наконец, с волнением, скрыть которое под маской внешнего спокойствия ей оказалось труднее, чем все предшествовавшие страхи, осмелилась выразить свою надежду вслух. Миссис Дженнингс, хотя, сама пощупав пульс Марианны, была вынуждена признать временное улучшение, тем не менее попыталась убедить молодую свою приятельницу не доверять ему, и Элинор, перебрав в уме все доводы в пользу столь мрачного взгляда, принялась и сама убеждать себя в том же. Но было поздно. Надежда уже проникла в ее сердце, и она наклонилась над сестрой в трепетном ожидании... сама не зная чего. Прошло полчаса, но благоприятные признаки не исчезали. И подкреплялись новыми. Дыхание, цвет лица, губы, уже не обметанные, — все, казалось, говорило, что болезнь отступает, и вот уже Марианна устремила на сестру разумный, хотя и томный от слабости взор. Теперь Элинор равно разрывалась между опасениями и надеждой и не находила ни минуты покоя, пока, наконец, в четыре часа не приехал мистер Гаррис. А тогда его поздравления, его заверения в том, что перелом в состоянии больной превзошел самые радужные его ожидания, убедили ее, утешили и вызвали слезы радости.

Марианне было настолько лучше, что аптекарь объявил ее вне опасности. Миссис Дженнингс, возможно удовлетворившись тем, что ее дурные предчувствия отчасти сбылись в недавней тревоге, позволила себе положиться на его суждение и с непритворной радостью, а вскоре уже с веселой бодростью признала большую вероятность полного и быстрого выздоровления.

Элинор такой же бодрости не испытывала. Радость ее была иного свойства и веселости не порождала. Мысль, что Марианна возвратится здоровой к жизни и друзьям, вливалась в ее сердце блаженное успокоение, преисполня-

ла его пылкой благодарностью провидению, но наружу эти чувства не вырвались ни в словах, ни в веселых улыбках. Чувства, теснившиеся в душе Элинор, были сильными, но немymi.

Весь день она провела рядом с сестрой, оставляя ее лишь изредка и ненадолго, рассеивала все страхи, отвечала на все вопросы, произносимые еле слышным голосом, предвосхищала все желания и внимательно следила за каждым ее взглядом, каждым вздохом. Разумеется, время от времени ее охватывала боязнь нового ухудшения и недавние тревоги воскресали с прежней силой, но затем тщательнейшая проверка подтверждала, что обнадеживающие признаки становятся все более явными, а когда около шести часов Марианна погрузилась в тихий и, по всей видимости, благодетельный сон, последние сомнения ее сестры рассеялись.

Теперь уже приближался час, когда можно было ожидать полковника Брэндона. В десять часов, полагала Элинор, или лишь немногим позднее ее мать отдохнет от невыносимой тревоги, которая должна томить ее в пути. И полковник тоже! Ведь и его муки, конечно, лишь немногим меньше. Ах, как невыносимо медленно тянется время, пока они обречены быть в неведении!

В семь часов, оставив Марианну все так же сладко спящей, она спустилась в гостиную к миссис Дженнингс выпить чаю. Страхи не дали ей позавтракать, а чувства прямо противоположные помешали съесть за обедом что-нибудь существовавшее, и теперь, когда все душевные бури сменились радостным спокойствием, она села за стол с большим удовольствием. После чая миссис Дженнингс посоветовала ей прилечь до приезда матери, а тем временем с Марианной посидит она, но Элинор не испытывала никакого утомления, предполагала, что не сумеет сейчас уснуть хотя бы на миг, и не хотела разлучаться с сестрой ни на одну лишнюю минуту. Поэтому миссис Дженнингс только проводила ее наверх в комнату больной, чтобы собственными глазами убедиться, все ли по-прежнему обстоит благополучно, после чего, оставив Элинор ее заботам и мыслям, удалилась к себе в спальню писать письма, а затем и отойти ко сну.

Вечер был холодный и бурный. Вокруг дома завывал ветер, в окна хлестал дождь, но Элинор, вся во власти счастья, не замечала ничего. Марианну шум бури не тревожил, ну, а что до путешественников — за все неудобства, которые они терпят сейчас, их ждет величайшая из наград.

Часы пробили восемь. Раздайся десять ударов, Элинор не усомнилась бы, что слышит стук колес подъезжающего экипажа. И хотя они никак не могли успеть так рано, она вопреки очевидности почти поверила своим ушам, вышла в гардеробную и открыла ставень, чтобы убедиться, не фантазия ли это. И тотчас увидела, что слух

ее не обманул: внизу блестели фонари кареты. В их неверном свете она различила, что запряжена карета как будто четверней, и это, хотя и свидетельствовало о том, как была встревожена ее мать, в какой-то мере объясняло столь быстрый их приезд.

Никогда еще Элинор не было так трудно сохранять спокойствие. Какие ее мать сейчас, когда карета остановилась у дверей, должна испытывать сомнения, страхи, а может быть, и отчаяние! Но она одним словом развеет их, снимет невыносимый гнет! Думать так и оставаться спокойной было невыносимо. Она могла лишь поторопиться. Задержавшись, только чтобы позвать к Марианне горничную миссис Дженнингс, Элинор сбежала с лестницы.

Шум в прихожей предупредил ее, что они уже в доме. Она бросилась в гостиную, вошла — и увидела там одного Уиллоби.

ГЛАВА 44

Элинор в ужасе замерла и, подчиняясь первому душевному движению, повернулась, чтобы покинуть гостиную; ее пальцы уже коснулись дверной ручки, но он остановил ее, поспешив следом и произнеся голосом, не столько молящим, сколько требовательным.

— Мисс Дэшвуд, на полчаса... на десять минут прошу вас остаться.

— Нет, сударь, — твердо ответила она, — я не останусь. Какое дело может быть у вас ко мне? Слуги, полагаю, не сообразили предупредить вас, что мистер Палмер в отъезде.

— Пусть бы они сто раз предупреждали меня, что мистер Палмер и все его присные провалились в тартарары, — вскричал он яростно, — это не помешало бы мне войти! Мое дело к вам и только к вам.

— Ко мне? — в величайшем изумлении воскликнула Элинор. — Если так, будьте кратки и, если можете, сдержитесь хоть немного.

— Сядьте, и я обещаю вам и то и другое.

Она помедлила, не зная, как поступить. Что, если сейчас подъедет долгожданный экипаж и полковник Брэндон застанет здесь Уиллоби? Однако она обещала выслушать его, к чему ее побуждало не только данное слово,

но и любопытство. И после недолгого колебания она сказала себе, что благоразумие требует поспешить, а ее согласие приблизит конец этого неожиданного свидания, и, молча направившись к столику, села возле него.

Уиллоби придвинул себе стул напротив и почти полминуты он и она хранили молчание.

— Прошу вас, поторопитесь, сударь, — наконец нетерпеливо сказала Элинор. — У меня нет лишнего времени.

Он продолжал сидеть в позе глубокой задумчивости, как будто не услышав ее слов.

— Ваша сестра,— вдруг воскликнул он,— вне опасности! Так мне сказал лакей. Благодарение богу! Но правда ли это?

Элинор не ответила, и он повторил свой вопрос с еще большей настойчивостью.

— Богом вас заклинаю, скажите мне: она вне опасности или же нет?

— Надеемся, что да.

Он вскочил и прошелся по комнате.

— Знай я это полчаса назад... Но раз уж я здесь,— с вымученной живостью добавил он, вновь опускаясь на стул,— то какая разница? Так порадуемся же вместе, мисс Дэшвуд, полагаю, в последний раз, но меня, право, все располагает к веселости. Скажите мне откровенно,— по его щекам разлился багровый румянец,— кем вы меня считаете более: негодяем или глупцом?

Элинор взглянула на него с еще большим изумлением. Ей оставалось только предположить, что он пьян: лишь так можно было объяснить и столь странный визит, и подобные манеры, и она тотчас встала со словами:

— Мистер Уиллоби, советую вам пока вернуться в Комбе, у меня нет более времени оставаться с вами. Какое бы дело ни привело вас ко мне, завтра вам будет легче обдумать его и объяснить.

— О, я понимаю ваш намек,— ответил он с выразительной улыбкой.— Да, я пьян, очень пьян: пинта портера с холодной говядиной в Мальборо совсем свалила меня с ног.

— В Мальборо! — воскликнула Элинор, все менее и менее что-нибудь понимая.

— Совершенно верно. Я уехал из Лондона утром в восемь и с этого часа не выходил из кареты, если не считать десяти минут в Мальборо, где я перекусил, пока меняли лошадей.

Твердость его тона и ясный взгляд убедили Элинор, что какое бы непростительное безумие ни привело его в Кливленд, порождено оно было не вином, и после недолгого раздумья она сказала:

— Мистер Уиллоби, вам следовало бы знать, как знаю я, что ваше появление здесь после всего, что произошло, и ваши настояния, чтобы я вас выслушала, требуют весомого извинения. Так в чем же оно? Чего вы хотите?

— Я хочу,— ответил он с жаром,— если сумею, чуть-чуть угасить вашу ненависть ко мне. Я хочу предложить некоторые объяснения, некоторые оправдания произошедшему; открыть перед вами мое сердце и, убедив вас, что я, хотя никогда не мог похвастать благоразумием, подлецом все же был не всегда, добиться пусть тени прощения от Ма... от вашей сестры.

— Вы правда приехали только ради этого?

— Клянусь душой! — ответил он с такой пылкостью, что она вспомнила прежнего Уиллоби и против воли поверила в его искренность.

— Если причина лишь в этом, вы можете сразу же успокоиться: Марианна проща... она давно вас простила.

— Неужели! — вскричал он все с той же пылкостью.— Но в таком случае она простила меня прежде, чем следовало бы. Но теперь она простит меня снова, и по более основательным причинам. Так вы согласны меня выслушать?

Элинор наклонила голову.

— Не знаю,— начал он после некоторого раздумья, пока она молча ждала его слов,— как сами вы объясняли себе мои поступки с вашей сестрой и какие дьявольские побуждения мне приписывали... Быть может, вы и теперь останетесь прежнего мнения обо мне, но почему бы не попытаться? Я расскажу вам все без утайки. Когда я только сблизился с вашей семьей, у меня не было иной цели, чем скрасить время, которое я должен был провести в Девоншире,— скрасить так, как прежде мне не доводилось. Пленительная красота вашей сестры и обворожительные манеры не могли оставить меня совсем равнодушным, а ее поведение со мной почти с первых же минут... Теперь, когда я думаю, каким оно было и какова она сама, то лишь дивлюсь бесчувственности своего сердца. Тем не менее, признаюсь, вначале польщено было лишь мое тщеславие. Не заботясь о ее счастье, думая лишь о собственном удовольствии, уступая побуждениям, которым я всегда давал над собой излишнюю власть, я всеми средствами, какие были в моем распоряжении, старался понравиться ей, отнюдь не помышляя ответить взаимностью.

Тут мисс Дэшвуд, обратив на него взгляд полный гневного презрения, перебила его словами:

— Мистер Уиллоби, едва ли стоит вам продолжать, а мне слушать. Подобное вступление не может привести ни к чему достойному. Не вынуждайте меня страдать, выслушивая и дальше ваши признания.

— Нет, я требую, чтобы вы выслушали все до конца! — возразил он.— Состояние мое никогда не было особенно велико, а мои вкусы всегда требовали больших расходов, и меня с ранней юности влекло общество людей много меня богаче. Каждый год по достижении совершеннолетия, и даже ранее, я умножал свои долги. И хотя кончина моей пожилой родственницы мисс Смит должна была бы поправить мои дела, однако полагаться на это не следовало, да к тому же и срок мог быть самым отдаленным; вот почему я уже довольно давно решил избавиться от долгов, подыскав себе богатую невесту. По той же причине я и помыслить не мог о том, чтобы связать свой жребий с вашей сестрой, и с бессердечием, эгоизмом, жестокостью, какие самый негодующий, самый презрительный взгляд — даже ваш, мисс Дэшвуд! — не способен осудить достаточно сурово, я потакал своему капризу и старался завоевать ее нежность, ничего не предлагая в ответ. Но одно все же чуть смягчает гнусность такого себялюбивого тщеславия: я попросту не представлял себе всю тяжесть удара, какой намеревался нанести, тогда еще не зная, что такое — любить. Но узнал ли я это потом? Тут есть место сомнениям. Ведь любил я истинно, мог ли бы я принести мою любовь в жертву эгоизму и алчности? Или, что еще важнее, мог ли бы я ради них пожертвовать ее любовью? Но я это сделал. В стремлении избежать относительной бедности, которую ее привязанность и ее общество превратили бы в ничто, я, обретя богатство, лишился всего, что могло бы сделать его желанным.

— Так, значит,— сказала Элинор, слегка смягчаясь,— вы верите, что одно время питали к ней искреннее чувство?

— Не покориться таким чарам, устоять перед такой нежностью? Какой мужчина в мире был бы на это способен? Да, сам того не замечая, я полюбил ее, и счастливейшими часами моей жизни были те, которые я проводил с ней, когда всем сердцем верил в честность своих намерений, в благородство каждого своего чувства! Но даже и тогда, когда я твердо намеревался просить ее руки, решительное объяснение я с непростительным легкомыслием откладывал со дня на день, не желая заключать помолвку, пока дела мои в таком беспорядке. Не стану искать извинений и приму любые ваши упреки во вздорности, и хуже чем вздорности, этого опасения связать себя словом, когда я был уже связан честью. Дальнейшее показало, что вел я себя, как хитрый глупец,

«Охотник за приданым».
Рисунок Т. Роуландсона, 1812 г.

предусмотрительно запасаящийся лазейкой для того, чтобы покрыть себя несмываемым позором и сделать несчастным навеки. Однако наконец я отбросил колебания и положил, как только мы останемся наедине, оправдать свои настойчивые ухаживания и открыто заверить ее в чувстве,

которое я столь старательно выставлял напоказ. Но в промежутке... Но за те несколько часов, которым суждено было пройти до того, как мне представился случай объясниться с ней, возникло одно... обстоятельство... злополучное обстоятельство, положившее конец моим намерениям, а с ними — и всякой надежде на счастье. Открылось, что... — Тут он запнулся и опустил глаза. — Миссис Смит каким-то образом узнала... полагаю, от весьма дальних своих родственников, в чьих интересах было бы лишить меня ее расположения... об интрижке, о связи... Но надо ли мне договаривать? — добавил он, еще более краснея и вопросительно глядя на Элиноর. — Ваша дружеская близость... Полагаю, вы уже давно обо всем этом осведомлены?

— Да, — ответила Элинор, краснея в свою очередь и вновь изгоняя из сердца всякое сочувствие к нему. — Я знаю все. И какое объяснение могли бы вы предложить, чтобы чуть уменьшить свою вину в этом ужасном деле, признаю, превосходит мое понимание.

— Вспомните, — вскричал Уиллоби, — от кого вы слышали об этом! Можно ли ожидать, что рассказ был беспристрастен? О, я признаю, что должен был бы с уважением отнестись к ее возрасту и положению. Я не собираюсь подыскивать извинения себе и все же не хочу, чтобы вы думали, будто для меня вовсе нет оправданий, будто, раз уж участь ее злополучна, значит, сама она безупречна, и если я распутник, то, следовательно, она святая! Если неистовство ее страсти, недалекость ее ума... Однако я не намерен защищать свое поведение. Ее чувства ко мне заслуживали лучшего обхождения, и я часто осыпаю себя горькими укоризнами, вспоминая нежность, которая оказалась способной на краткий срок вызвать взаимность. Я хотел бы, от всего сердца хотел бы, чтобы этого не случилось. Но я причинил страдания не только ей, но и той, чье чувство ко мне (позволено ли мне сказать это?) было не менее пылким, а ум и душа... о, насколько прекраснее!..

— Но ваше равнодушие к несчастной... Как ни неприятно мне говорить на подобную тему, но не могу не сказать, что ваше равнодушие к ней нисколько не оправдывает того, как жестоко вы с ней обошлись. Не думайте, что недалекость... что природная ограниченность ее ума хоть в чем-то извиняет столь очевидное ваше бессердечие. Вы ведь знали, что, пока вы развлекаетесь в Девоншире, приводя в исполнение новые планы, всегда

такой веселый, такой счастливый, она томится в безысходной нищете!

— Честью клянусь, я этого не знал! — воскликнул он горячо.— Я забыл, что не объяснил ей, куда мне писать. Но, право же, здравый смысл мог научить ее, как меня найти.

— Оставим это, сударь. Но что сказала миссис Смит?

— Она тотчас с величайшим негодованием спросила, правда ли это, и не трудно догадаться, в какое ввергла меня смятение. Чистота ее жизни, суровость понятий, удаленность от света — все было против меня. Отрицать своего проступка я не мог, а все попытки смягчить его оставались втуне. Мне кажется, она и прежде была склонна сомневаться в безупречной нравственности моего поведения, а к тому же ее обидело мое невнимание во время этого визита, мои постоянные отлучки. Короче говоря, дело кончилось полным разрывом. У меня был единственный способ спасти себя. Возмущаясь моей безнравственностью, добрая женщина обещала простить мне прошлое, если я женюсь на Элизе. Этого я сделать не мог, на что она объявила, что больше не желает меня знать, и отказала мне от дома. Всю ночь — мой отъезд был отложен до утра — я провел в размышлениях о том, как мне теперь поступить. Борьба была тяжелой, но длилась недолго. Моего чувства к Марианне, моей уверенности в ее взаимности оказалось мало, чтобы перевесить страх перед бедностью и возобладать над ложным понятием о необходимости располагать большими деньгами, которое было мне вообще свойственно и еще более укрепились в обществе людей богатых. Я имел причины полагать, что нынешняя моя жена не ответит мне отказом, если я соберусь сделать ей предложение, и убедил себя в благоразумии такого решения, не видя иного выхода. Но до того, как я покинул Девоншир, меня ожидало тяжелое испытание. Я в этот день обещал обедать у вас и обязан был принести вам какие-то извинения. Но вот написать или самому заехать? Я долго колебался. Я страшился увидеть Марианну и даже опасался, что встреча с ней может заставить меня переменить намерение. Но здесь, однако, я, как показало дальнейшее, не воздал должного силе своего духа: я приехал, я увиделся с ней, увидел ее горе и покинул ее в горе — покинул в надежде более никогда с ней не встречаться.

— Но почему вы все-таки приехали, мистер Уиллоби? — спросила Элинора с упреком.— Ведь достаточно бы-

ло бы записки с извинениями. Для чего вам нужно было приезжать?

— Ради моей гордости. Уехать почти тайком мне было невыносимо — я не хотел, чтобы вы — и все соседи — заподозрили то, что произошло между мной и миссис Смит, и решил побывать у вас по дороге в Хонитон. Но встреча с вашей милой сестрой была ужасна, да к тому же я застал ее одну. Ваша матушка и вы с младшей сестрой куда-то ушли, и я не знал, когда вы возвратитесь. Лишь накануне я ушел от нее с такой твердой, такой глубокой решимостью поступить как должно! Еще несколько часов — и она была бы связана со мной навеки! И я вспоминал, как весело, как легко было у меня на сердце, когда я возвращался пешком из Коттеджа в Алленем, довольный собой, полный нежности ко всем людям! Но во время этой последней нашей еще дружеской встречи я чувствовал себя настолько виноватым перед ней, что у меня едва хватило сил притворяться. Ее печаль, ее разочарование, ее горькие сожаления, когда я сообщил ей, что должен покинуть Девоншир без промедления — ах, никогда мне их не забыть! — вместе с такой доверчивостью, с такой уверенностью во мне!.. О, боже мой!.. Каким бессердечным я был некогда!

Наступило молчание. Первой заговорила Элинора:

— Вы сказали ей, что скоро вернетесь?

— Я не знаю, что я ей сказал! — ответил он с досадой. — Несомненно, меньше, чем требовало прошлое, но, вероятно, больше, много больше, чем оправдывалось будущим. У меня нет сил вспоминать об этом... Нет-нет! А потом пришла ваша добрая матушка, чтобы еще больше пытаться меня своей ласковостью и доверием. Слава богу, что все-таки для меня это было пыткой! Я был глубоко несчастен. Мисс Дэшвуд, вы и вообразить не можете, какое для меня сейчас утешение вспоминать ту свою горесть. Я так зол на себя за глупое подлое безумие собственного сердца, что все мои былые из-за него страдания теперь составляют единственную мою гордость и торжество. Что же, я уехал, покинув все, что любил, — уехал к тем, к кому в лучшем случае был лишь равнодушен. Мое возвращение в Лондон... Я ехал на своих лошадях, и потому медленно... И ни единого собеседника, а собственные мои мысли такие веселые... будущее, когда я о нем думал, такое манящее! А когда я вспоминал Бартон, картины представлялись моему взору такие успокоительные! О, это была поистине чудесная поездка!

Он умолк.

— Что же, сударь,— сказала Элинор, которая, хотя и жалела его, все больше желала, чтобы он поскорее уехал,— вы кончили?

— Кончил? О нет! Или вы забыли о том, что произошло в Лондоне. Это гнусное письмо... Она вам его показывала?

— Да, я видела все письма и записки.

— Когда я получил первую из них (а получил я ее сразу же, так как с самого начала был в столице), я почувствовал... Но слова, как принято выражаться, здесь бессильны. Если же сказать проще — даже настолько просто, что и жалости это не пробудит — мной овладели мучительнейшие чувства. Каждая строчка, каждое слово поражали меня — если прибегнуть к избитой метафоре, которую начертавшая их, будь она здесь, запретила бы мне произнести — кинжалом в сердце. Марианна в городе! Это было (выражаясь тем же языком) удар грома с ясно-го неба! Удары грома и кинжалы — как мило она попеняла бы мне! Ее вкусы, ее мнения, мне кажется, я знаю лучше, чем собственные, и, во всяком случае, они мне дороже!

Сердце Элинор, претерпевавшее множество перемен в течение этой странной беседы, вновь смягчилось. Тем не менее она почла своим долгом напомнить ему о неуместности утверждений, подобных заключительному.

— Это лишнее, мистер Уиллоби! вспомните, что вы женаты. Говорите только о том, что ваша совесть требует мне сказать.

— Записка Марианны, из которой я узнал, что дорог ей, как прежде, что, несмотря на долгие недели разлуки, она осталась верна собственным чувствам и по-прежнему свято верит в постоянство моих, пробудила во мне все былое раскаяние. Я сказал «пробудила», потому что время и столичные развлечения, дела и кутежи в какой-то мере усыпили его, и я мало-помалу превращался в очаровательного закоренелого злодея; воображал себя равнодушным к ней и внушал себе, что и она, конечно, давно меня забыла. Я убеждал себя, что наше взаимное чувство было лишь мимолетным пустяком, и в доказательство пожимал плечами, подавляя все угрызения, заглушая голос совести, мысленно повторяя: «Я буду сердечно рад услышать, что она вышла замуж!» Но эта записка заставила меня лучше узнать свои чувства. Я понял, что она бесконечно дороже мне всех женщин в мире и что обошелся я с ней так мерзко, как и вообра-

зить невозможно. Но между мной и мисс Грей все только что было улажено. Отступить я не мог. Мне оставалось лишь всячески избегать вас обеих. Марианне отвечать я не стал в надежде, что больше она мне писать не будет, и даже некоторое время соблюдал свое решение не заезжать на Беркли-стрит. Но затем подумав, что разумнее будет принять вид равнодушного знакомого, я как-то утром выждал, чтобы вы все трое уехали, и занес свою карточку.

— Выждали, чтобы мы уехали!

— Представьте себе! Вас удивит, когда я скажу, как часто я следил за вами, как часто едва не попадался вам на глаза. Сколько раз я скрывался в ближайшем магазине, пока ваш экипаж не проезжал мимо! Ведь я жил на Бонд-стрит, и почти не выпадало дня, когда бы я не видел кого-нибудь из вас, и только моя неусыпная бдительность, неизменное жаркое желание не попадаться вам на глаза помешали нам встретиться много раньше. Я всячески избегал Мидлтонов и всех тех, кто мог оказаться нашим общим знакомым. Однако, ничего не зная о том, что они в городе, я столкнулся с сэром Джоном, если не ошибаюсь, в первый же день после их приезда, то есть на другой день после того, как я заходил к миссис Дженнингс. Он пригласил меня на вечер к себе — на танцы. Даже если бы он, желая уж наверное заручиться моим присутствием, и не упомянул, что у них обещали быть вы и ваша сестра, я все равно побоялся бы принять его приглашение из осторожности. На следующее утро получаю еще одну записку Марианны, по-прежнему нежную, откровенную, непосредственную, доверчивую, — ну, словом, такую, какая делала мое поведение еще более отвратительным. Ответить у меня не нашлось сил. Я попытался... перо меня не слушалось. Но, право же, весь день я думал только о ней. Если вы способны пожалеть меня, мисс Дэшвуд, то лишь вообразите, в каком положении был я тогда. Мои мысли, мое сердце полны вашей сестрой, а я вынужден изображать счастливого жениха другой! Эти три-четыре недели были хуже всех остальных. И вот в конце концов, как мне незачем вам рассказывать, наша встреча все же произошла, и как прелестно я себя вел! Какой вечер адских мучений! Марианна, прекрасная, как ангел, называет меня Уиллоби... о боже мой!.. протягивает мне руку, просит объяснения, устремив на меня такой участливый взор чарующих глаз. И рядом — Софья, ревнивая, как дьявол, вся просто... Но к чему это! Все уже позади. Что за вечер! Я бежал от вас всех,

едва сумел, но не прежде, чем увидел милое лицо Марианны белым как смерть. Вот какой видел я ее в последний раз! Такой запечатлела ее моя память! Это было ужасно! И все же, когда нынче я думал, что она умирает, я обрел странное утешение в мысли, что знаю, какой она пред-

станет перед теми, кто проводит ее в последний путь. Всю дорогу я видел перед собой то ее лицо, тот ее взгляд.

Опять наступило молчание. Первым отвлекшись от своих мыслей, Уиллоби нарушил его словами:

— Что же, мне пора поторопиться. Но ваша сестра действительно вне опасности?

— Нас в этом заверили.

— И ваша бедная матушка! Она ведь так любит Марианну!

— Но письмо, мистер Уиллоби, ваше собственное письмо, о нем вам нечего сказать?

— Нет-нет, напротив! Вам известно, что ваша сестра написала мне на следующее же утро. И вы знаете что. Я завтракал у Эллисонов, и ее письмо вместе с другими мне принесли туда из моей квартиры. Софья успела заметить его прежде меня, и то, как оно было сложено, элегантность бумаги, почерк — все тотчас вызвало ее подозрение. Она и раньше слышала кое-что о моих ухаживаниях за кем-то в Девоншире, а встреча накануне у нее на глазах объяснила ей, о ком шла речь, и вовсе распалила ее ревность. И вот, приняв тот шаловливый вид, который пленяет нас в любимой женщине, она тотчас вскрыла письмо и прочла его. Бесцеремонность дорого ей обошлась. То, что она прочла, заставило ее страдать. Страдания ее я мог бы еще вытерпеть, но не ее гнев, не ее распаленную злобу. Любой ценой их надо было умиротворить. Говоря короче, какого вы мнения об эпистолярном стиле моей жены? Что за изящество, деликатность, истинная женственность, не так ли?

— Вашей жены? Но почерк был ваш!

— О да! Однако мне принадлежит лишь честь рабского переписывания перлов, под которыми мне было стыдно поставить свою подпись. Оригинал же всецело ее — и тонкость мысли, и изысканность выражений. Но что мне оставалось делать! Мы были помолвлены, приготовления завершались, день был уже назначен... Но о чем я говорю? Приготовления! День! К чему уловки? Мне необходимы были ее деньги, и в моем положении приходилось соглашаться на все, лишь бы предотвратить разрыв. И в конце концов, что менял язык моего письма в том мнении, которое уже сложилось о моем характере у Марианны и ее друзей? Напротив, он служил той же цели. Мое дело было представить себя отпетым негодяем, а сделал бы я это с вежливыми расшаркиваниями или нагло, значения не имело. «В их мнении я навеки погуб-

лен,— сказал я себе,— их общество навсегда для меня закрыто, они уже считают меня человеком без чести, и это письмо лишь превратит меня в невыразимого подлеца». Вот как я, примерно, рассуждал, когда с хладнокровием отчаяния переписывал слова моей невесты и расставался с последней памятью о Марианне. Три ее записочки — к несчастью, они все были у меня в бумажнике, не то бы я скрыл их существование и бережно хранил всю жизнь — я был вынужден отдать их, даже не поцеловав. А локон! Он тоже всюду был со мной в том же бумажнике, который теперь госпожа моя будущая супруга обыскала с пленительнейшей злостью... Бесценный локон, все, все милые напоминания о ней были у меня отняты.

— То, что вы сказали, мистер Уиллоби, очень дурно и недопустимо! — возразила Элинор, хотя голос выдал ее сострадание.— Вам не следует говорить в таких выражениях ни о миссис Уиллоби, ни о моей сестре. Свой выбор вы сделали сами. Вас к нему не принуждали. У вашей жены есть право на ваше уважение, на вашу сдержанность, во всяком случае. Вероятно, она любит вас, иначе она не стала бы вашей женой. Обходиться с ней грубо, говорить о ней презрительно — это ведь нисколько не искупает вашей вины перед Марианной и, как мне кажется, вряд ли может успокоить вашу совесть.

— Ах, оставьте мою жену! — сказал он с тяжелым вздохом.— Она не заслуживает вашего сочувствия. Выходя за меня, она знала, что я не питаю к ней никаких нежных чувств. Ну, как бы то ни было, мы сыграли свадьбу и отправились в Комбе-Магна, дабы вкусить счастье, а затем вернулись в столицу развлекаться... Теперь вы сожалеете обо мне, мисс Дэшвуд? Или все это я рассказывал напрасно? Поднялся ли я самую чуточку в ваших глазах? Сумел ли я хоть в чем-то смягчить свою вину?

— Да, бесспорно, в чем-то вы оправдались — пусть в малом. Вообще вы оказались менее распушенным, чем я вас считала. Вы доказали, что ваше сердце менее дурно, гораздо менее. Но... но... вы причинили столько горя, что, право, не знаю, что могло быть хуже!

— Вы расскажете вашей сестре, когда она поправится, все, о чем я вам говорил? Позвольте мне немного очиститься и в ее глазах. Вы сказали, что она меня уже простила. Позвольте же мне тешить себя мыслью, что, лучше узнав и состояние моего сердца, и нынешние мои чувства, она подарит мне более душевное, более непосредственное, более кроткое и не такое гордое прощение.

Расскажите ей о моих страданиях и о моем раскаянии — расскажите ей, что мое сердце всегда было верно ей, и что — не откажите мне! — в эту минуту она дороже мне, чем прежде.

— Я расскажу ей все, что необходимо для вашего оправдания, если тут подходит это слово. Но вы так и не объяснили мне, зачем вы приехали и откуда узнали о ее болезни.

— Вчера в коридоре Друри-Лейна я столкнулся с сэром Джоном Мидлтоном, и, узнав меня, он впервые за эти два месяца заговорил со мной. Я не удивлялся и не оскорблялся, когда прежде он поворачивался ко мне спиной. На этот раз, однако, его доброе, честное, глупое сердце, полное негодования против меня и тревоги за вашу сестру, не устояло перед искушением сообщить мне то, что должно было бы, по его убеждению, причинить мне большую боль, хотя, возможно, он этого от меня и не ждал. А потому без обиняков он объявил мне, что Марианна Дэшвуд умирает в Кливленде от гнилой горячки, что утром они получили письмо от миссис Дженнингс — по ее мнению, надежды почти больше нет, а Палмеры в страхе уехали — ну, и прочее в том же духе. Я был так потрясен, что не сумел сохранить вид равнодушия даже перед сэром Джоном, как ни мало свойственна ему проницательность. Страдания моего сердца смягчили его собственное, и его ожесточение против меня настолько прошло, что при расставании он чуть было не протянул мне руки, напоминая о давнем обещании подарить ему щенка пойнтера. Что я перечувствовал, услышав, что ваша сестра умирает... и умирает, считая меня величайшим негодяем на земле, презирая, ненавидя меня в свои последние минуты... Откуда мне было знать, какие ужасные замыслы мне приписывались? Во всяком случае, один человек, полагал я, должен был представить меня способным на все. То, что я чувствовал, было ужасно! Я тут же принял решение и нынче в восемь утра уже выехал из Лондона. Теперь вы знаете все.

Элинор ничего не ответила. Она думала о том, как непоправимо слишком ранняя независимость и порожденная ею привычка к праздности, распушенности и роскоши испортили душу, характер и счастье человека, у которого внешние достоинства и таланты сочетались с натурой от природы открытой и честной, с сердцем чувствительным и нежным. Свет сделал его тщеславным мотом. Мотовство и тщеславие сделали его холодным и себялюбивым. Тщеславие, ища грешного торжества в победе над

другим сердцем, привело к тому, что он познал истинное чувство, но мотовство, а вернее, нужда, его дочь, потребовали, чтобы оно было принесено в жертву. Каждая порочная склонность, ведя его ко злу, обрекала его на воздаяние. Чувство, которое он вопреки чести, собственным желаниям и всего в нем лучшего словно бы отторг от себя, теперь, когда оно стало недозволительным, властвовало над всеми его помыслами. Брак же, ради которого он обрек ее сестру на горе, тоже сулил стать для него источником вечного несчастья без надежды на избавление. От этой задумчивости несколько минут спустя ее отвлек Уиллоби, который, очнувшись от мыслей, по крайней мере столь же тяжелых, встал, собираясь попрощаться.

— Дольше оставаться здесь мне нет смысла. Пора в путь.

— Вы вернетесь в город?

— Нет. Сначала я заеду в Комбе-Магна. У меня там дела, а дня через два вернусь в Лондон. Прощайте же!

Он протянул ей руку, и не подать ему своей Элинор не могла, а он пожал ее с глубоким чувством.

— И вы правда думаете обо мне уже не так плохо, как прежде? — спросил он, опираясь о каминную полку, словно забыв, что собрался ехать.

Элинор заверила его, что переменяла мнение о нем, что она прощает его, жалеет, желает ему всех благ и даже рада будет услышать, что он счастлив, присовокупив несколько мягких советов о том, как ему следовало бы себя вести. Ответ его был не слишком обнадеживающим.

— Что до этого, — сказал он, — придется мне жить в свете, как уж сумею. О семейном счастье речи быть не может. Если, однако, мне будет дозволено думать, что вы и ваши близкие питаете благожелательный интерес к моей судьбе, это может привести к... это может заставить меня остеречься... Во всяком случае, мне будет ради чего жить. Марианна, конечно, потеряна для меня навеки. Даже если бы счастливый случай вернул мне свободу...

Элинор с негодованием перебила его.

— Ну, что же, — произнес он, — еще раз: прощайте. Теперь я уеду и буду жить в страхе перед одним событием.

— Каким же?

— Браком вашей сестры.

— Напрасно. Более, чем теперь, она быть для вас потеряна уже не может!

— Но она будет принадлежать другому! И если этим другим окажется тот, кому менее всего... Но не стану

лишаться вашей сострадательной доброжелательности ко мне, показав, что там, где я виновен более всего, я вовсе не способен простить. Так прощайте же, и благослови вас бог!

С этими словами он почти выбежал из комнаты.

ГЛАВА 45

Элинора после того, как он ее оставил, и даже после того, как стук колес его кареты замер в отдалении, все еще настолько пребывала во власти множества мыслей, хотя и противоречивых, но одинаково грустных, что забыла и про сестру.

Уиллоби, тот, кого всего полчаса назад она презирала с отвращением как самого недостойного из людей, Уиллоби, вопреки всем своим порокам, возбуждал сочувствие, ибо они же обрекли его на страдания, которые теперь, когда он был навеки отторгнут от их семьи, вынуждали ее думать о нем с нежностью, с сожалением, соотносимыми — как она вскоре признала про себя — более с тем, чего желал он сам, чем с тем, чего он заслуживал. Она чувствовала, что его влияние над ее духом усугублялось причинами, которые холодный рассудок оставил бы без внимания, — его на редкость привлекательным обликом, его живостью и обезоруживающей непосредственностью — всем тем, что вовсе не было его заслугой, и, наконец, по-прежнему пылкой любовью к Марианне, теперь вовсе недопустимой. Но она продолжала чувствовать так еще очень, очень долго, прежде чем влияние его наконец ослабело.

Когда Элинора наконец поднялась к ни о чем не ведавшей сестре, Марианна как раз пробудилась, освеженная долгим спокойным сном даже более, чем они надеялись. Сердце Элиноры переполнилось. Прошлое, настоящее, будущее, разговор с Уиллоби, уверенность в выздоровлении Марианны, близкое свидание с матерью — все это ввергло ее в волнение, развеявшее всякую усталость, и она боялась только, что невольно выдаст его сестре. Впрочем, ей недолго пришлось предаваться этому страху: не прошло и получаса после прощания с Уиллоби, как она вновь спустилась вниз, заслышав шум другого экипажа. Торопясь избавить мать от лишнего мгновения мучительного

страха, Элино́р побежала в переднюю, чтобы встретить и обнять ее еще на пороге.

Миссис Дэшвуд, чья безмерная тревога успела в последние часы пути убедить ее, что Марианны уже нет на свете, не нашла в себе силы осведомиться о ней или даже поздороваться с Элино́р, но та, не ожидая ни слов приветия, ни вопросов, тотчас сообщила радостное известие, и миссис Дэшвуд с обычной своей чувствительностью была обессилена счастьем даже еще больше, чем минуту назад — горем. Элино́р с полковником проводили ее в гостиную, поддерживая под руки, и там, проливая слезы радости, все еще не обретя дара речи, она вновь и вновь обнимала Элино́р, а в промежутках благодарно пожимала руку своего дорогого друга, обращая на него взгляд, который говорил и о ее признательности, и об убеждении, что он разделяет с ней все счастье этого мига. Но разделял он это счастье в молчании даже еще более глубоко, чем ее собственное.

Едва миссис Дэшвуд немного оправилась, она пожелала немедля подняться к Марианне, и две минуты спустя уже ласкала свою любимую дочь, ставшую ей еще дорожее из-за долгой разлуки, тяжкого горя и едва миновавшей опасности. Радость, с какой Элино́р наблюдала их встречу, умерялась только боязнью, что Марианна теперь долго не сумеет уснуть. Однако, когда дело касалось жизни ее детей, миссис Дэшвуд умела быть сдержанной и осмотрительной, а Марианна, успокоенная мыслью, что мать с ней, и слишком слабая, чтобы разговаривать, охотно подчинилась уговорам своих преданных сиделок соблюдать молчание и постараться уснуть. Разумеется, миссис Дэшвуд пожелала дежурить у ее постели до утра, и Элино́р, послушная настояниям матери, ушла к себе в спальню прилечь. Однако нервное раздражение долго мешало ей сомкнуть глаза, несмотря на предыдущую бессонную ночь и долгие часы томительной тревоги. Уиллоби, «бедный Уиллоби», как она теперь позволила себе его называть, не выходил у нее из головы. Нет, она ни за что на свете не отказалась бы выслушать его оправдания, то винила, то извиняла себя за то, что столь сурово судила о нем прежде. Но данное ему обещание рассказать о его признаниях сестре, ее угнетало. Она страшилась его исполнить, страшилась впечатления, какое этот рассказ мог произвести на Марианну, боялась, что после подобного объяснения та уже никогда не будет счастлива с другим, и даже на миг пожелала, чтобы Уиллоби овдовел. Но

тотчас вспомнила полковника Брэндона, попрекнула себя, всем сердцем решила, что своими страданиями и постоянством он куда больше, чем его соперник, заслужил в награду руку ее сестры, и от души пожелала миссис Уиллоби что угодно, кроме смерти.

Известие, с которым явился в Бартон полковник Брэндон, поразило миссис Дэшвуд меньше, чем можно было ожидать, ибо тревога ее давно уже стала невыносимой, и, опасаясь за Марианну, она, не ожидая новых писем, приготовилась одна отправиться в Кливленд в самый день его приезда и уже настолько собралась в дорогу, что ему пришлось лишь подождать, чтобы миссис Кэри захватила за Маргарет, которую мать не захотела взять с собой туда, где ей грозила опасность заразиться.

Марианна поправлялась с каждым днем, и веселость миссис Дэшвуд, ее сияющее лицо доказывали, что она и правда, как ей не надоедало повторять, одна из самых счастливых женщин в мире. Выслушав эти заверения, видя блаженный взгляд матери, Элинор иной раз спрашивала себя, не вовсе ли та забыла Эдварда. Однако миссис Дэшвуд, доверяя спокойствию, с каким Элинор написала ей о своих собственных обманутых надеждах, сейчас желала думать лишь о том, что еще увеличивало ее счастье. Марианна благополучно выздоравливала от болезни, опасности которой, как теперь начинала думать миссис Дэшвуд, немало способствовала она сама, поощряя злополучный интерес к Уиллоби; но у ее радости был и еще один источник, о котором Элинор не догадывалась. Впрочем, в неведении она оставалась лишь до той минуты, пока им с матерью не выпал случай поговорить наедине. И вот что она услышала:

— Наконец-то мы одни! Моя Элинор, тебе еще неизвестна вся глубина моего счастья. Полковник Брэндон любит Марианну! Я узнала это из его собственных уст.

Элинор, и довольная, и огорченная, удивленная и не удивленная, продолжала молча слушать.

— Ты никогда не была на меня похожа, милая Элинор, не то твоя сдержанность в такую минуту меня изумила бы. Если бы мне пришло в голову пожелать величайшего блага для нас, то я, ни минуты не задумываясь, сказала бы: «Пусть полковник Брэндон станет мужем одной из моих дочерей!» Но я убеждена, что из вас двух Марианна будет с ним более счастлива.

Элинор чуть было не спросила, откуда у нее такая уверенность, заранее догадываясь, что суждение, которое

«Шторм в Ярмуте».
С картины Джона Селла Котмена, 1831 г.

она услышала бы, не опиралось бы на беспристрастное сравнение их возраста, характера или чувств. Но она знала, как ее мать, если что-либо особенно ее занимает, всегда в воображении уносится далеко вперед, и потому ограничилась улыбкой.

— Вчера в дороге он открыл мне свое сердце. Произошло это непреднамеренно, по воле случая. Я, как ты легко поверишь, была способна говорить только о моей девочке, и он не сумел скрыть своего горя. Я заметила, что оно не уступает моему собственному, и он, возможно, подумал, что просто дружба в глазах нынешнего света не допускает столь горячего сочувствия, а вернее, мне кажется, вообще ни о чем не подумал, но, поддавшись неодолимому порыву, поведал мне про свою глубокую, нежную, верную привязанность к Марианне. Он полюбил ее, моя Элинор, с той минуты, когда впервые ее увидел!

Но тут, как не преминула заметить про себя Элинор, речь и признания полковника Брэндона уже сменились плодами деятельной фантазии ее матушки — фантазии, рисовавшей все в красках, наиболее ей угодных.

— Его чувство к ней, бесконечно превосходящее то, которое испытывал или разыгрывал Уиллоби, куда более

горячее, куда более искреннее и постоянное — а уж в этом мы сомневаться не можем! — не угасало, хотя он и видел злосчастное увлечение Марианны этим недостойным молодым человеком. И ни малейшего себялюбия! Он готов был отказаться от всякой надежды, лишь бы видеть ее счастливой — пусть с другим! Какой благородный дух! Какая прямота, какая искренность! Вот в нем обмануться нельзя!

— Репутация полковника Брэндона как превосходнейшего человека, — сказала Элинора, — давно и твердо признана.

— Я знаю это, — ответила ее мать с полной серьезностью. — Не то бы после подобного урока я поостереглась поощрять такое чувство и даже навряд ли его одобрила. Но то, как он приехал за мной, выказав столь деятельную, столь заботливую дружбу, уже достаточное свидетельство, что он — достойнейший человек.

— Однако, — возразила Элинора, — доказывается это отнюдь не единственным добрым поступком, на который, будь сострадание ему чуждо, его подвигла бы одна любовь к Марианне. Но миссис Дженнингс и Мидлтоны знают его давно и близко. Они равно любят и уважают его. Даже и я, хотя познакомилась с ним совсем недавно, успела хорошо его узнать и ценю его столь высоко, что, как и вы, сочту право назвать его братом за величайшее благо, если только Марианна поверит, что может быть с ним счастлива. Но какой ответ вы ему дали? Позволили надеяться?

— Ах, девочка моя! О какой надежде могла я говорить с ним в те минуты или даже думать о ней, когда Марианна, быть может, умирала! Но он не просил у меня разрешения надеяться или моей поддержки. Признание его было невольным, исторгнутым желанием излить душу другу в поисках утешения, а вовсе не просьбой о родительском согласии. Однако некоторое время спустя я все-таки сказала — ведь в первые минуты я была слишком растерянна! — что если, как я уповаю, она превозможет болезнь, для меня величайшим счастьем будет всемерно поспособствовать их браку. А после нашего приезда сюда, после радости, ожидавшей нас здесь, я, повторив это ему еще раз и подробнее, предложила ему всю ту поддержку, какая в моих силах. Время, и не слишком долгое время, сказала я ему, все исправит. Сердце Марианны не станет напрасно томиться по такому человеку, как Уиллоби, а будет завоевано его достоинствами.

— Если судить по настроению полковника, вам, однако, не удалось рассеять его сомнения!

— О да! Он полагает, что чувство Марианны слишком глубоко и нужен очень длительный срок, чтобы сердце ее вновь стало свободным. К тому же он слишком скромен и боится поверить, что при такой разнице в возрасте и склонностях ему удастся покорить ее и тогда. Но вот тут он ошибается. Старше он ее лишь ровно настолько, чтобы характер его и нравственные принципы успели твердо сложиться, а что до склонностей, я убеждена, они именно таковы, какие нужны для счастья твоей сестры. И его внешность, его манеры тоже говорят в его пользу. Нет, моя пристрастность к нему меня не ослепляет: он, бесспорно, не так красив, как Уиллоби, и все же в его облике есть что-то гораздо более приятное. Ведь, если помнишь, в глазах Уиллоби всегда мелькало нечто такое, что мне не нравилось!

Элино́р этого не помнила, но миссис Дэшвуд продолжала, не дожидаясь ее ответа:

— А его манеры, то есть манеры полковника, не только нравятся мне несравненно больше, чем когда-нибудь нравились манеры Уиллоби, но я прекрасно знаю, что и для Марианны они гораздо привлекательнее. Эта мягкость, это искреннее внимание к другим, эта мужественная, природная простота куда ближе ее истинным склонностям, чем живость Уиллоби, столь часто искусственная, столь часто неуместная! Я убеждена, что, даже будь Уиллоби тем, за кого он себя выдавал, Марианна все равно никогда не нашла бы с ним то счастье, какое найдет с полковником Брэндоном.

Миссис Дэшвуд умолкла. Ее дочь не вполне с ней согласилась, но возражения ее остались невысказанными, а потому не ранили материнской чувствительности.

— В Делафорде она будет жить неподалеку от меня,— добавила миссис Дэшвуд,— даже если я останусь в Бартоне. Но по всей вероятности,— это ведь обширное селение! — там, конечно, отыщется небольшой дом или коттедж, в котором мы устроимся не менее удобно, чем в Бартоне.

Бедняжка Элино́р! Еще один план водворить ее в Делафорд. Но она сохранила всю свою твердость.

— А его состояние!.. Ведь в мои годы все об этом думают... И я, хотя я не знаю и не испытываю желаний знать, каково оно на самом деле, тем не менее не сомневаюсь, что оно должно быть прекрасным!

Тут их уединение было нарушено, и Элино́р удалилась к себе, чтобы на досуге обдумать услышанное, пожелать успеха своему другу и при этом пожелании испытать прилив жалости к Уиллоби.

лезнь Марианны, хотя и вызвала упадок сил, тем не менее длилась не так долго, чтобы замедлить ее выздоровление, а юность и крепкая от природы конституция, которым к тому же помогало присутствие ее матери, так хорошо сделали свое дело, что уже на четвертый день после приезда этой последней она смогла спуститься в гостиную миссис Палмер, куда по ее настоянию к ней пригласили полковника Брэндона: ей не терпелось поблагодарить его за то, что он привез миссис Дэшвуд в Кливленд.

Чувства его, когда он вошел в комнату, увидел, как переменялась Марианна, и взял ее бледную руку, которую она тотчас ему протянула, были порождены, решила Элинор, не только его любовью к ее сестре или сознанием, что любовь эта известна другим. Меланхолический взгляд, который он устремил на больную, ежесекундно меняясь в лице, внушил ей мысль, что сходство между Марианной и Элизой, о котором он упоминал, привело его на память множество грустных сцен, тем более что теперь оно усугублялось бледностью щек, темными кругами под глазами, позой, полной слабости, и словами теплой признательности за неоценимую услугу.

Миссис Дэшвуд, следившая за происходящим не менее внимательно, чем Элинор, но совсем с иными мыслями и ожиданиями, не заметила в поведении полковника ничего, что нельзя было бы объяснить вполне естественными в такую минуту чувствами, а в поступках и словах Марианны поторопилась усмотреть первые признаки чего-то большего, нежели простая благодарность.

Еще через два дня, наблюдая, как силы Марианны крепнут с каждым часом, миссис Дэшвуд, равно побуждаемая собственными желаниями и желаниями дочерей, заговорила об отъезде в Бартон. От ее планов зависели планы двух их друзей: миссис Дженнингс не могла покинуть Кливленд, пока они оставались там, а полковник Брэндон после их дружных настояний также считал, что и он не должен уезжать раньше, хотя, разумеется, его пребывание в Кливленде и не было столь обязательным. В свой черед, миссис Дэшвуд уступила настояниям полковника и миссис Дженнингс отправиться обратно в его карете, более удобной для больной, а полковник в ответ на совместное приглашение миссис Дэшвуд и миссис Дженнингс, чье деятельное радушие подвигало ее дружески предлагать не только свое, но

и чужое гостеприимство, с удовольствием обещал через две-три недели приехать погостить в Коттедже, чтобы самому затем забрать оттуда свой экипаж.

Настал день разлуки и отъезда. Марианна прощалась с миссис Дженнингс так долго и так мило, с такой истинной благодарностью, с таким почтением и добрыми пожеланиями, какие только могло найти ее сердце, движимое тайным признанием былой неучтивости, а затем с дружеской приветливостью простилась и с полковником Брэндоном, который заботливо подсадил ее в карету, усердно стараясь, чтобы она заняла по крайней мере половину сиденья. Миссис Дэшвуд с Элинор последовали за ней, и миссис Дженнингс с полковником остались вдвоем беседовать об уехавших и скучать в обществе друг друга, пока миссис Дженнингс не подали коляску, в которой, болтая со своей горничной, она могла утешиться от потери двух своих юных протеже. Полковник же Брэндон незамедлительно отправился один в Делафорд.

Дэшвуды провели в дороге два дня, и Марианну они не слишком утомили. Две ее бдительные спутницы делали все, чем заботливая любовь и ревностное попечение могли облегчить ей тяготы пути, и каждая находила свою награду в телесной ее бодрости и душевном спокойствии. Второе особенно утешало Элинор. Ведь она неделю за неделей видела нескончаемые страдания сестры, терзания ее сердца, которые у той не хватало ни мужества излить в словах, ни стойкости скрыть от посторонних глаз; и вот теперь Элинор с ни с чем не сравнимой радостью наблюдала безмятежность духа, рожденную, как хотелось ей верить, серьезными размышлениями, а потому служившую залогом возвращения былой веселости и беззаботности.

Правда, когда они подъезжали к Бартону, где все окрестности, каждый луг и каждое дерево будили те или иные горькие воспоминания, Марианна погрузилась в безмолвную задумчивость и, отвернувшись от них, пристально смотрела в окошко кареты. Но это Элинор наблюдала без удивления и могла извинить. Когда же, помогая Марианне выйти из кареты, она заметила на лице сестры следы слез, она увидела за ними чувство столь естественное, что вызывало оно лишь сострадательную жалость и похвалу за старание его скрыть. И в том, как держалась сестра дальше, она подметила признаки пробудившейся власти рассудка: не успели они войти в гостиную, как Марианна с решимостью обвела комнату внимательным взглядом, точно сразу положив себе с равнодушием смотреть на любой предмет, кото-

рый напоминал бы об Уиллоби. Говорила она мало, но все ее слова были исполнены спокойствия, а если порой у нее и вырывался вздох, он тотчас искупался улыбкой. После обеда она пожелала попробовать свое фортепьяно. Но когда подошла к нему, ее взгляд упал на ноты оперы, подаренные ей Уиллоби, содержащие любимые их дуэты, с ее именем на титульном листе, начертанным его рукой. Это было уже слишком. Она покачала головой, убрала ноты, пробежала пальцами по клавишам, пожаловалась, что руки у нее еще слишком слабы, и закрыла крышку инструмента, однако с большой твердостью сказав, что намерена упражняться очень много.

На следующее утро эти обнадеживающие признаки не исчезли. Напротив, освеженная духом и телом после ночного отдыха, Марианна выглядела более бодрой и говорила с большим одушевлением: предвкушала скорую встречу с Маргарет, радовалась, что восстановится их милый семейный круг, упоминала их общие занятия и беседы как единственное счастье, какого можно пожелать.

— Когда установится погода, а силы совсем ко мне вернуться, — сказала она, — мы каждый день будем подолгу гулять. Сходим на ферму у подножия холмов проведать детей, осмотрим новые посадки сэра Джона у Бартон-Кросса и в Эббиденде и будем часто навещать древние руины аббатства, чтобы по фундаментам узнать, правда ли, что оно было так обширно, как рассказывают. Я знаю, мы будем очень счастливы. Я знаю, лето пройдет в тихих удовольствиях. Я намерена вставать всегда не позже шести и с этого часа до обеда делить время между музыкой и чтением. Я составила для себя план и намерена заниматься серьезно. Наши книги я знаю так хорошо, что могу лишь перечитывать их для развлечения. Но в библиотеке Бартон-парка есть немало томов, заслуживающих внимания, а новинки, полагаю, можно будет брать у полковника Брэндона. Читая всего по шесть часов в день, я за год почерпну много сведений из тех, которых мне пока, к сожалению, недостает.

Элинор похвалила ее за стремление к столь достойным целям, но не могла не улыбнуться при мысли, что то же живое воображение, которое предписывало ей томное безделье, теперь безудержно доводило до крайности план, предполагавший разумность занятий и добродетельное обуздание своих прихотей. Однако улыбка сменилась вздохом, едва она вспомнила, что обещание, данное Уиллоби, все еще не выполнено: ей стало страшно, что, сдержав его, она, быть может, вновь возмутит спокойствие Марианны и погубит, пусть

даже на время, все ее мечты о безмятежном и полезном препровождении времени. Ей захотелось отдалить роковой час, и она решила подождать, пока здоровье сестры не укрепитя, а уж тогда назначить его для себя. Но решение это было принято только для того, чтобы оно было нарушено.

Два-три дня Марианна провела в стенах дома, потому что погода не позволяла выходить на воздух после недавней болезни. Но затем выдалось удивительно ясное и теплое утро, именно такое, какое могло соблазнить Марианну, не взирая тревоги ее матери, и первой было разрешено

пройтись, опираясь на руку Элинор, по дороге перед домом на расстояние, которое ее не утомило бы.

Сестры шли медленно, как того требовала слабость Марианны, впервые совершавшей прогулку после выздоровления, и они прошли лишь до места, откуда открывался широкий вид на холм, роковой холм позади дома. Остановившись, Марианна сказала спокойно:

— Вон там,— и она указала рукой,— на том выступе я, споткнувшись, упала. И в первый раз увидела Уиллоби.

Это имя она произнесла тихим голосом, но затем добавила почти обычным тоном:

— Я рада убедиться, что могу смотреть на это место совсем без боли! Станем ли мы когда-нибудь говорить о том, что было, Элинор? Или же...— Она умолкла в нерешительности...— Или же этого делать не следует? Но мне кажется, я теперь могу говорить о прошлом, как подобает...

Элинор с участливой нежностью попросила ее быть откровенной.

— Сожалеть я больше не сожалею,— сказала Марианна.— То есть о нем. Я собираюсь говорить с тобой не о том, что чувствовала к нему прежде, но лишь о том, что чувствую теперь. И если бы одно я знала, если бы я могла верить, что он не все время только играл роль, не все время обманывал меня, если бы меня убедили, что он никогда не был таким злодеем, каким мои страхи порой рисовали его с тех пор, как мне стала известна судьба этой злополучной девушки...

Она умолкла. Каждое ее слово наполняло сердце Элинор радостью, и она сказала в ответ:

— Если бы ты могла в этом убедиться, тебя, ты полагаешь, больше ничто не мучило бы?

— Да. Мое душевное спокойствие зависит от этого двойко. Ведь не только страшно подозревать человека, который был для меня тем, чем был он, в подобных замыслах... Но какой я сама предстаю в собственных глазах? В положении, подобном моему, лишь чувство, выставленное напоказ без скромности и стыда, могло поставить меня...

— Но как бы,— перебила ее Элинор,— хотелось тебе объяснить его поведение?

— Я бы хотела думать... Ах, с какой радостью я предположила бы, что им двигало непостоянство, только, только непостоянство!

Элинор ничего не ответила. Она взвешивала про себя, начать ли свой рассказ немедленно или все-таки отложить его до тех пор, пока к Марианне не вернется все прежнее ее

здоровье, и они продолжали неторопливо идти вперед в полном молчании.

— Я не желаю ему особых благ,— наконец со вздохом произнесла Марианна,— когда желаю, чтобы его тайные мысли были не более тягостными, чем мои. И этого достаточно, чтобы он горько мучился.

— Ты сравниваешь свое поведение с его поведением?

— Нет, лишь с тем, каким ему следовало быть. Я сравниваю его с твоим!

— Но мое положение было совсем непохожим на твое!

— И все же сходства между ними отыщется больше, чем в том, как мы обе вели себя. Милая Элинор, не позволяй своей доброте оправдать то, что твой рассудок, как я прекрасно знаю, не мог не осуждать. Моя болезнь заставила меня задуматься. Она дала мне досуг и уединение для серьезных размышлений. А к ним я была способна задолго до того, как у меня появились силы разговаривать! Мое поведение с той минуты, когда мы познакомились с ним прошлой осенью, предстало передо мной непростительно опрометчивым во всем, что касалось меня самой, себялюбивым и нетерпимым по отношению ко всем другим. Я увидела, что залогом страданий, которые чуть не свели меня в могилу потому лишь, что я не умела стойко их переносить, были мои собственные чувства. Я ведь прекрасно понимала, что заболела только по собственной вине, пренебрегая своим здоровьем с упрямством, которое даже тогда представлялось мне неизвинительным. Умри я, это было бы самоубийством. В какой я находилась опасности, я узнала, только когда она осталась позади. Но я дивлюсь, как я могла выздороветь после всех этих размышлений,— дивлюсь, как само мое желание жить, чтобы успеть искупить мою вину перед богом и всеми вами, не убило меня сразу же! Умри я — в какую печаль я ввергла бы тебя, мою преданную сиделку, моего друга, мою сестру! Тебя, которая видела все мое раздражительное себялюбие последнего времени, которая знала все роптания моего сердца! Какой осталась бы я в твоей памяти? А мама! Как могла бы ты ее утешить? У меня нет слов, чтобы выразить мое отвращение к себе. Когда бы я ни оглядывалась на прошлое, я вижу какой-нибудь неисполненный долг, какое-нибудь потакание собственным недостаткам. Мне кажется, я успела обидеть всех. За доброту, неизменную доброту миссис Дженнингс я платила пренебрежительной неблагодарностью. С Мидлтонами, с Палмерами, с мисс Стил и Люси, даже с дальними знакомыми я была дерзка и нетерпима: мое сердце было закрыто

для их достоинств, а знаки их внимания вызывали у меня только досадливое раздражение. Джону, Фанни — да, даже им, пусть они этого и не заслуживают! — я отказывала в том, на что у них было право. Но ты, ты терпела от меня больше всех, даже больше мамы! Ведь я, и только я, знала твое сердце и его печали, но как это повлияло на меня? Вызвало ли сострадание, которое послужило бы к моему или твоему благу? О нет! Передо мной был твой пример, но что пользы? Думала ли я о тебе и о том, как тебе помочь? Заимствовала ли я твое терпение, уменьшила ли твое бремя, разделив с тобой обязанности, налагаемые благовоспитанностью и благодарностью? О нет! И когда я узнала, что ты несчастна, я точно так же, как прежде, когда полагала тебя спокойной и довольной, продолжала уклоняться от требований долга и дружбы, не допускала, что кто-то способен страдать, кроме меня, тосковала только о сердце, которое покинуло и предало меня, а тебя, распинаясь в безграничной к тебе любви, заставляла страдать вместе со мной.

Тут поток ее упреков себе за прошлое иссяк, и Элинор, торопясь утешить сестру, хотя честность и не позволяла ей преувеличивать, не поскупилась на похвалы и подержку, каких ее откровенность и раскаяние вполне заслуживали. Марианна нежно пожала ей руку и ответила:

— Ты очень добра. А моим доказательством станет будущее. Я обдумала свой план, и, если сумею его придерживаться, мои чувства подчинятся разуму, а характер станет лучше. Они больше не будут причинять беспокойство другим и подвергать пыткам меня. Теперь я буду жить только для моих близких. Ты, мама и Маргарет с этих пор будете всем моим миром, вся моя любовь и нежность будет отдана вам троим. Больше у меня никогда не появится даже малейшего искушения расстаться с вами, с моим домом; а если я и стану появляться в обществе, то лишь для того, чтобы показать, что мое высокомерие укрощено, мое сердце стало лучше и я способна исполнять свой светский долг и соблюдать общепринятые правила поведения с кротостью и терпимостью. Что до Уиллоби... Утверждать, будто я скоро... будто я когда-нибудь забуду его, было бы пустыми словами. Никакие перемены обстоятельств или убеждений не изгладят памяти о нем. Но лишней власти она не получит, а будет сдерживаться религией, доводами рассудка, постоянными занятиями...

Она помолчала, а затем добавила тихо:

— Если бы я только могла узнать его сердце, все остальное было бы просто!

Элинор, которая уже некоторое время взвешивала, уместно или неуместно будет ей поторопиться со своим рассказом, но все еще не могла прийти ни к какому выводу, при этих словах, убедившись, что от размышлений толку нет ни малейшего и надо просто решиться, вскоре перешла от мыслей к делу.

Рассказ свой она, как ей хотелось бы верить, построила очень умело: осторожно подготовила взволнованную слушательницу, просто и точно изложила основные пункты, на которых Уиллоби строил свои оправдания, воздала должное его раскаянию и умалила лишь изъявления по-прежнему пылкой любви. Марианна не проронила ни слова. Она трепетала, взгляд ее был устремлен на землю, а губы побелели куда больше, чем в первые дни после болезни. В ее груди теснились тысячи вопросов, но она не осмеливалась произнести их вслух. Она ловила каждое слово с жадным вниманием, рука незаметно для нее самой больно сжимала руку сестры, а по щекам струились слезы.

Элинор, боясь, что она утомится, повела ее назад к дому и до самых дверей, без труда догадываясь, какое любопытство сжигает Марианну, хотя она и не задала ни единого вопроса, говорила только об Уиллоби, о их беседе, во всех подробностях описывая, как он произносил те или иные фразы, и как при этом выглядел — кроме тех случаев, разумеется, когда подробности могли оказаться опасными. Едва они вошли в дом, Марианна благодарно поцеловала сестру, выговорила сквозь слезы только два слова «расскажи маме» и медленно поднялась по лестнице. Элинор не стала препятствовать столь понятному желанию побыть одной, но с беспokoйством воображая, к чему оно может привести, и твердо решив вернуться к этой теме вновь, если Марианна сама не начнет такого разговора, направилась в гостиную, чтобы исполнить прощальную просьбу сестры.

ГЛАВА 47

иссис Дэшвуд не осталась глуха к оправданию своего недавнего любимца. Ее обрадовало, что часть вины с него снята, она почувствовала к нему жалость, от души пожелала ему счастья. Но бывшее расположение не могло возвратиться. Ничто не могло представить его поведение с Марианной безукоризненным, его самого — незапятнанным. Ничто не могло

изгладить памяти о том, сколько та из-за него страдала, или искупить его поступка с Элизой. А потому ничто не могло возвратить ему прежнего места в ее сердце или повредить интересам полковника Брэндона.

Если бы миссис Дэшвуд выслушала историю Уиллоби, как ее дочь, из его уст, если бы она своими глазами видела его муки и попала под чары его облика и пылкости, возможно, ее сострадание было бы гораздо глубже. Но Элинора, пересказывая его оправдания, и не могла, и не хотела вызвать у матери те же чувства, какие в первые часы испытывала сама. Размышления вернули ей способность судить здраво и заставили более трезво взглянуть на то, чего Уиллоби заслужил своими поступками. Вот почему она старалась ограничиться одной правдой и представить лишь те извинения, на которые он имел право, не приукрашивая их нежным сочувствием, которое могло бы дать пищу фантазии.

Вечером, когда они вновь сидели в гостиной втроем, Марианна сама заговорила о нем. Но не без усилий, с тем беспокойством, с тревожной задумчивостью, какие уже некоторое время сквозили в ее позе, а теперь вызвали краску на ее лице и прерывистость в голосе.

— Я хочу заверить вас обоих,— сказала она,— что вижу все так... как вы того хотели бы.

Миссис Дэшвуд уже готова была перебить ее, приласкать, успокоить, но Элинора, которая желала узнать истинные мысли сестры, поспешила сделать матери умоляющий знак молчать. Марианна, запинаясь, продолжала:

— Для меня большое облегчение... Все, что Элинора рассказала мне утром... Я услышала то, что больше всего хотела услышать...— На несколько секунд голос перестал ей повиноваться, но она опомнилась и добавила уже гораздо спокойнее: — Теперь я всем довольна и не хочу никаких перемен. Я уже не могла бы найти с ним счастье, узнав все это, как неизбежно узнала бы. У меня не осталось бы доверия, уважения. Прежние чувства уже не вернулись бы...

— Я знаю это, знаю! — вскричала ее мать.— Быть счастливой с распутным повесой! С тем, кто сгубил душевный мир самого дорогого из наших друзей и лучшего человека на свете! О нет! Сердце моей Марианны не нашло бы счастья с подобным мужем! Ее совесть, ее чувствительная совесть испытывала бы все угрызения, на которые он оказал не способен!

Марианна вздохнула и повторила:

— Я не хочу никаких перемен.

— Ты смотришь на случившееся,— сказала Элинора,—

именно так, как того требуют ясный ум и здравый смысл. Думаю, ты не хуже меня видишь не только в этом, но еще во многом другом достаточно причин полагать, что твой брак с ним обречен бы тебя на всевозможные разочарования и горести, в которых любовь служила бы тебе плохой поддержкой, тем более такая неверная, как его. Если бы вы поженились, бедность навсегда осталась бы вашим уделом. Он сам называл себя мотом, и все его поведение свидетельствует, что умение себя ограничивать — слова, ему неизвестные. Его вкусы и твоя неопытность при малом, очень малом доходе вскоре неизбежно навлекли бы на вас беды, которые не стали бы для тебя легче оттого, что прежде ты ни о чем подобном представления не имела. Я знаю, твои достоинство и честность, когда ты поняла бы ваши обстоятельства, заставили бы тебя экономить на всем, на чем возможно. И, пожалуй, пока ты лишала бы удобств и удовольствий только себя, это бы тебе дозволялось. Но более?.. И как мало одни лишь твои старания могли бы поправить дела, уже безнадежно запутанные до вашего брака! А если бы ты попыталась, пусть по велению необходимости, ограничить его развлечения, то, вернее всего, не только не сумела бы возобладать над столь эгоистичными чувствами, но и заметно утратила бы власть над его сердцем, заставила бы его пожалеть о женитьбе, которая навлекла на него столько трудностей.

Губы Марианны задрожали, и она тихо повторила: «Эгоистичными?» — тоном, который подразумевал: «Ты правда считаешь его эгоистом?»

— Все его поведение, — твердо ответила Элинор, — с самого начала и до конца питалось себялюбием. Себялюбие сначала толкнуло его играть твоими чувствами, и оно же, когда в нем пробудилась взаимность, внушило ему мысль откладывать решительное объяснение, а затем и вовсе заставило покинуть Бартона. Собственное его удовольствие или собственное его благо — вот чем в каждом случае определялись его поступки.

— Это правда. О моем счастье он никогда не заботился.

— Сейчас, — продолжала Элинор, — он сожалеет о том, что сделал. Но отчего? А оттого, что обнаружил, как мало радости это ему принесло. Счастья он не нашел. Теперь дела его приведены в порядок, он более не страдает от недостатка денег и думает лишь о том, что женился на женщине с не столь приятным характером, как твой. Но разве отсюда следует, что он был бы счастлив, женившись на тебе? Только причины оказались бы иными. Тогда бы он страдал из-за

денежных затруднений, которые сейчас считает пустяками, потому лишь, что они ему более не угрожают. У него была бы жена, на характер которой ему не приходилось бы жаловаться, но он всегда был бы в стесненных обстоятельствах, был бы беден; и, вероятно, вскоре поставил бы бесчисленные выгоды хорошего дохода и отсутствия долгов гораздо выше даже семейного счастья, а не просто жениного нрава.

— Я в этом не сомневаюсь,— ответила Марианна,— и мне не о чем сожалеть, кроме собственной моей опрометчивости.

— Вернее сказать, неосторожности твоей матери, дитя мое,— перебила ее миссис Дэшвуд.— Во всем виновата она!

Марианна не позволила ей продолжать. Элинор, радуясь тому, что обе поняли свои ошибки, испугалась, как бы мысли о прошлом не поколебали твердости сестры, и поспешила вернуться к теме их разговора.

— Мне кажется, один вывод из случившегося сделать можно: все беды Уиллоби явились следствием первого нарушения законов добродетели, того, как он поступил с Элизой Уильямс. Это преступление стало источником всех остальных, пусть и меньших, а также и причиной его нынешнего недовольства жизнью.

Марианна согласилась с большим чувством, а ее мать воспользовалась случаем перечислить все достоинства полковника Брэндона и все причиненные ему несчастья, говоря с тем жаром, какой порождает дружба и заветные замыслы. Однако, судя по лицу Марианны, она почти ничего не услышала.

Как и опасалась Элинор, в последующие два-три дня в здоровье Марианны перемен к лучшему не произошло, но решимость ей не изменила,— она по-прежнему старалась казаться веселой и спокойной, и ее сестра без особой тревоги положила на целительную силу времени.

Миссис Кэри привезла Маргарет домой, и семья, наконец воссоединившись, вновь повела тихую жизнь в коттедже если и не взявшись за обычные свои занятия с особым усердием, как в свои первые дни в Бартоне, то, во всяком случае, намереваясь в будущем вновь всецело посвятить себя им.

Элинор все с большим нетерпением ожидала каких-нибудь известий об Эдварде. После отъезда из Лондона она ничего о нем не слышала — ничего нового о его планах и даже ничего о том, где он теперь находился. Из-за болезни Марианны она обменялась несколькими письмами с братом, и его первое содержало фразу: «Мы ничего не знаем о нашем

злополучном Эдварде и не смеем наводить справки на столь запретную тему, однако полагаем, что он еще в Оксфорде». Вот и все, что она сумела извлечь из этой переписки, ибо ни в одном из последующих писем его имя более не упоминалось. Однако ей недолго пришлось страдать от неведения о его судьбе.

Как-то утром их слуга отправился с поручениями в Эксетер. По возвращении, прислуживая за столом, он ответил на все вопросы своей госпожи, касавшиеся этих поручений, а затем добавил уже от себя:

— Вам, наверное, известно, сударыня, что мистер Феррарс женился?

Марианна судорожно вздрогнула, устремила взгляд на Элинор, увидела, что та бледнеет, и откинулась на спинку стула в истерике. Миссис Дэшвуд, отвечая слуге, невольно взглянула в ту же сторону и была поражена, догадавшись по лицу Элинор, как глубоко и давно она страдала, а мгновение спустя, еще более расстроенная слезами Марианны, уже не знала, к кому из своих девочек кинуться на помощь первой.

Слуга, увидевший только, что мисс Марианне дурно, сообразил позвать горничную, и та с помощью миссис Дэшвуд увела ее в гостиную. Однако там Марианна почти успокоилась, и миссис Дэшвуд, оставив ее попечениям Маргарет и горничной, поспешила к Элинор, которая, хотя все еще пребывала в сильном волнении, однако, настолько опомнилась и овладела своим голосом, что уже начала расспрашивать Томаса об источнике его сведений. Миссис Дэшвуд немедленно занялась этим сама, а Элинор могла просто слушать, не принуждая себя говорить.

— Кто вам сказал, Томас, что мистер Феррарс женился?

— Да я сам, сударыня, видел мистера Феррарса нынче утром в Эксетере и его супружницу, мисс то есть Стил. Их коляска остановилась перед гостиницей «Новый Лондон», а я как раз туда шел: Салли из Бартон-парка просила меня передать весточку ее брату, он там в форейторах служит. Прохожу я, значит, мимо коляски, да и подними голову. Ну, и сразу узнал младшую мисс Стил. Снял я шляпу-то, а она меня узнала, окликнула, справилась о вашем здравии, сударыня, и о барышнях, а о мисс Марианне особливо, и приказала мне передать вам поклоны от нее и от мистера Феррарса с самыми лучшими, значит, пожеланиями и как они сожалеют, что у них нет времени заехать навестить вас, потому что им надо торопиться, путь им еще неблизкий, но только вскорости они назад поедут и уж тогда обязательно сделают вам визит.

— Но сказала она вам, что вышла замуж, Томас?

— Да, сударыня. Улыбнулась и говорит: дескать с тех пор, как была в здешних краях последний раз, имя она свое, значит, сменила. Она ж всегда была барышня не гордая, и поболтать не прочь, и очень даже обходительная. Так я взял на себя смелость, пожелал ей счастья.

— А мистер Феррарс был с ней в коляске?

— Да, сударыня. Сидел в глубине, откинувшись. Только он на меня и не посмотрел. Да и то, он же всегда был джентльмен не из разговорчивых.

Сердце Элинор без труда объяснило его нежелание беседовать с их слугой; и миссис Дэшвуд, вероятно, пришла к тому же выводу.

— И с ними больше никого не было?

— Нет, сударыня. Они вдвоем ехали.

— А откуда, вы не знаете?

— Да прямехонько из Лондона, так мисс Люси... миссис Феррарс мне, значит, сказала.

— И направлялись дальше на запад?

— Да, сударыня, только ненадолго. Они скоро назад собираются и уж тогда непременно сюда завернут.

Миссис Дэшвуд поглядела на дочь, но Элинор твердо решила, что их можно не ждать. В этом поручении она узнала всю Люси и не сомневалась, что Эдвард никогда к ним не поедет. Она вполголоса заметила матери, что, вероятно, они направлялись в окрестности Плимута к мистеру Прэтту.

Томас, видимо, рассказал все, что знал. Однако глаза Элинор говорили, что ей хотелось бы услышать еще что-нибудь.

— А вы видели, как они уехали?

— Нет, сударыня. Лошадей перепрягать привели, но я-то мешкать не стал, боялся, что и так припоздаю.

— Миссис Феррарс выглядела здоровой?

— Да, сударыня, и сказала, значит, что чувствует себя бесподобно. На мои-то глаза она всегда была очень красивой барышней, ну, и вид у нее был предовольный.

Миссис Дэшвуд не сумела придумать больше ни единого вопроса, и вскоре Томаса, как и скатерть, отправили за ненадобностью на кухню. Марианна уже прислала сказать, что больше не в состоянии проглотить ни кусочка. Миссис Дэшвуд и Элинор потеряли всякое желание есть, а Маргарет могла почесть себя счастливой, что вопреки всем тревогам, которые в последнее время выпали на долю ее старших сестер, и стольким причинам, лишавшим их всякого аппетита, ей лишь в первый раз довелось остаться без обеда.

Когда подали десерт и вино, миссис Дэшвуд с Элинор, сидевшие за столом одни, долго хранили задумчивое молчание. Миссис Дэшвуд опасалась сказать что-нибудь невпопад и не решалась предложить утешения. Теперь она обнаружила, как глубоко заблуждалась, поверив спокойствию Элинор, и справедливо заключила, что та намеренно была весела в своих письмах, чтобы избавить ее от лишних терзаний, когда она так тревожилась за Марианну. Она поняла, что старшая дочь заботливо постаралась внушить ей, будто чувство, которое в свое время она поняла столь

верно, было якобы совсем не таким сильным, как ей представлялось, — и каким оно оказалось теперь. Ее мучил страх, не была ли она несправедливой, невнимательной... нет, даже недоброй к своей Элино; не заставило ли горе Марианны, потому лишь, что было более явным, более бросалось в глаза, сосредоточить всю ее материнскую нежность на ней и понудило забыть, что Элино, быть может, страдает почти так же, причем, бесспорно, гораздо менее по своей вине и с куда большей стойкостью.

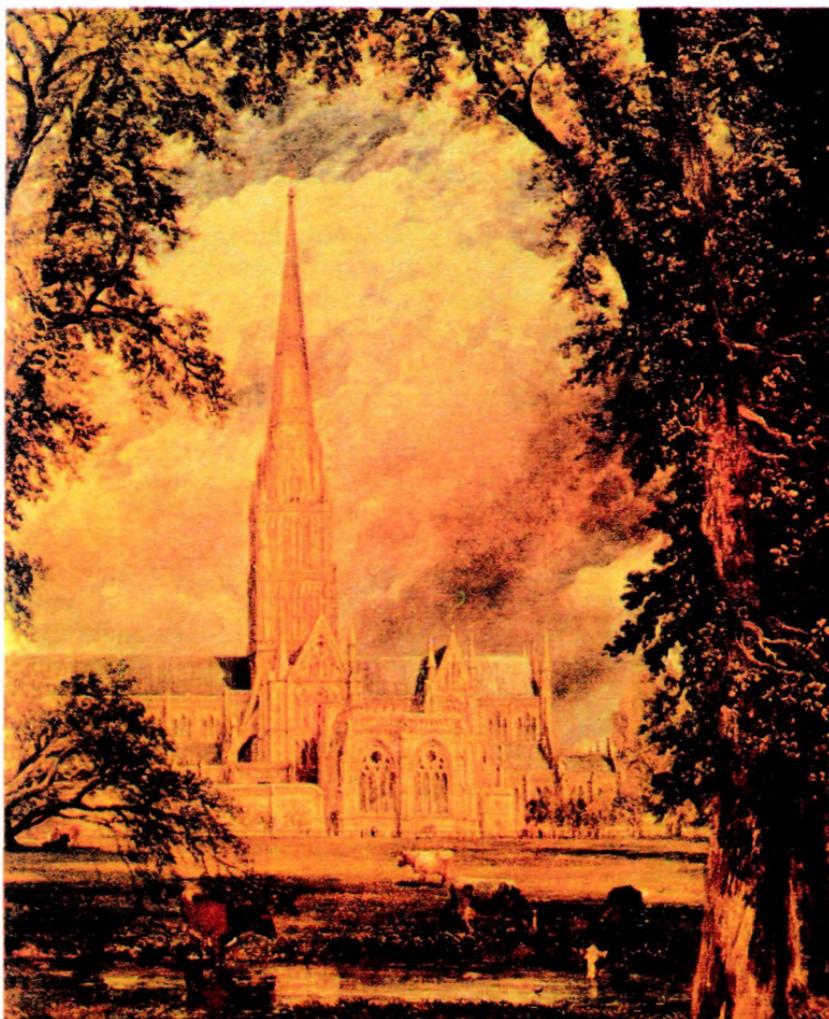
ГЛАВА 48

Теперь Элино постигла разницу между ожиданием тягостного события, каким бы неизбежным ни считал рассудок его свершение, и самим свершением. Теперь она поняла, как вопреки самой себе, пока Эдвард оставался свободен, лелеяла надежду, что какая-нибудь помеха воспрепятствует его браку с Люси, что собственная его решимость, вмешательство друзей, более выгодная партия для его нареченной так или иначе поспособствуют счастью их всех. Но теперь он был женат, и она упрекала свое сердце за тайные чаяния, которые столь усугубили боль от рокового известия.

Что он женился так скоро, еще до того (полагала она), как принял сан, а следовательно, и до того, как мог получить приход, сначала несколько ее удивило. Но вскоре она поняла, сколь естественно было, что Люси в неусыпных заботах о своем благополучии поспешила связать его с собой неразрывными узами, не считаясь ни с чем, кроме страха перед отсрочкой. И они поженились, поженились в Лондоне, а теперь торопились к ее дяде. Что должен был перечувствовать Эдвард, находясь в четырех милях от Бартона, увидев слугу ее матери, услышав, какой привет посылает им Люси!

Вероятно, они в скором времени поселятся в Делафорде. Делафорд... место, которое, словно нарочно, по стольким причинам приковывало ее интерес, которое она желала бы увидеть и так хотела не видеть никогда! Она на мгновение представила их в подновленном для них доме при церкви, представила себе Люси, деятельную, ловкую хозяйку, соединяющую стремление выглядеть не хуже людей с самой скаредной экономностью, стыдящуюся, как бы другие не проведали о том, что они во всем себя урезают, свое-

«Собор в Солсбери».
С картины Джона Констебля, 1823 г.

корыстную в каждой мысли, втирающуюся в милость к полковнику Брэндону, к миссис Дженнингс, к каждому мало-мальски богатому знакомому. А Эдвард... но она не знала, ни что она видит, ни что желала бы увидеть. Он счастлив... он несчастен... Ничто ни на йоту не утоляло ее боли, и она отгоняла от себя все его образы.

Элинор питала тайную надежду, что кто-нибудь из знакомых в Лондоне напишет им, оповещая о происшедшем,

и сообщит подробности, но дни шли и не приносили ни писем, ни иных новостей. Не зная, в чем их, собственно, винить, она сердилась на всех отсутствующих друзей. Все они не желали ни о ком думать, кроме себя, все были ленивы.

— Мама, когда вы напишете полковнику Брэндону? — Вопрос этот был порожден с недавним ее нетерпением узнать хоть что-нибудь.

— Я написала ему, моя девочка, на прошлой неделе и жду не столько ответа от него, сколько его самого. Я настойчиво приглашала его погостить у нас и не удивлюсь, если он сегодня же войдет в гостиную — или завтра, или послезавтра.

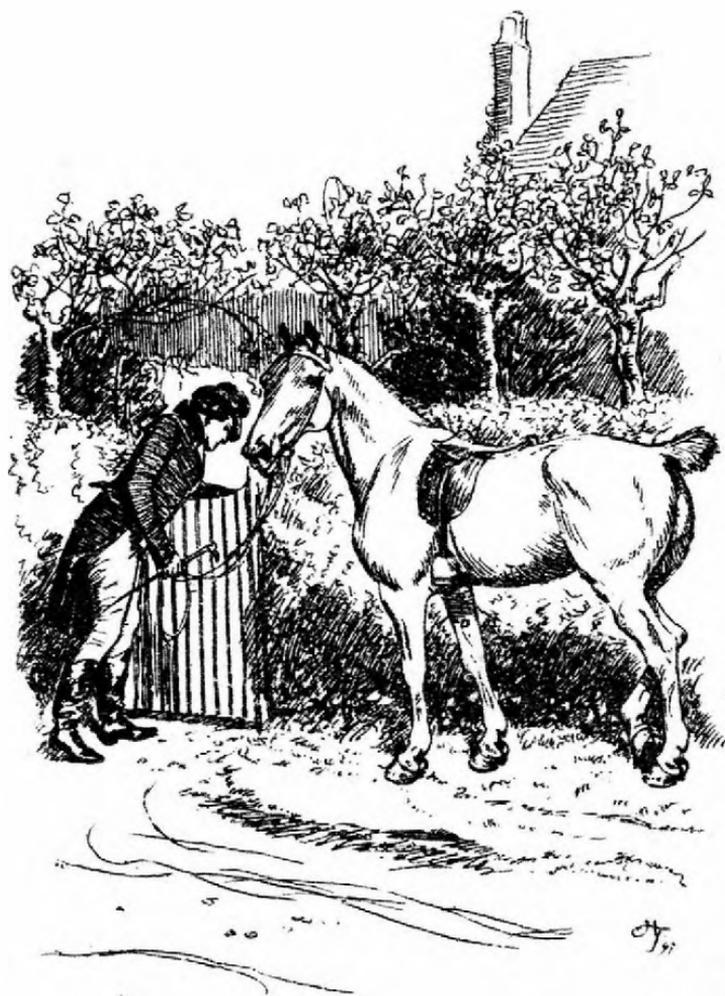
Это было уже кое-что: у ее ожиданий появилась цель — полковник Брэндон, несомненно, должен знать многое.

Едва она успела об этом подумать, как ее взгляд привлекла фигура всадника за окном. Он остановился у их калитки. Какой-то джентльмен... конечно, полковник! Сейчас она узнает все новости — при этой мысли ее охватил трепет. Но... нет, это не полковник Брэндон! И осанка не его, и рост... Будь это возможно, она сказала бы, что видит Эдварда. Она всмотрелась пристальнее. Он спешил. Нет, она не может так ошибаться, это правда Эдвард! Она отошла от окна и села. «Он приехал от мистера Прэтта нарочно, чтобы увидеть нас. Я сумею сохранить спокойствие, я не потеряю власти над собой!»

Мгновение спустя она заметила, что и остальные поняли свою ошибку. Ее мать и Марианна переменялись в лице, обе посмотрели на нее и что-то зашептали друг другу. Она отдала бы весь мир за силы произнести хоть слово, объяснить им, как ей хочется, чтобы в их обхождении с ним не проскользнуло и тени холодности или осуждения. Но говорить она не могла, и ей оставалось лишь положиться на чуткость их сердца.

Вслух никто ничего не сказал, и они в молчании ожидали, когда их гость войдет. Песок дорожки зашкрипел под его ногами, секунду спустя его шаги послышались в коридоре, а еще через секунду он предстал перед ними.

Лицо его, когда он вошел, не показалось особенно счастливым даже Элинор. Он побледнел от волнения, судя по его виду, опасался, как будет встречен, и сознавал, что не заслуживает ласкового приема. Однако миссис Дэшвуд, надеясь, что угадала желания дочери, которым с обычным жаром решила в эту минуту следовать во всем, поглядела на него с нарочитой приветливостью, протянула ему руку и пожелала всякого счастья.

Он покраснел и пробормотал что-то невразумительное. Губы Элинор двигались в такт движениям губ ее матери, и она пожалела только, что вслед за той не пожала ему руки. Но было уже поздно, и, постаравшись придать своему лицу невозмутимое выражение, она снова села и заговорила о погоде.

Марианна выбрала стул в уголке, чтобы скрыть свое расстройство, а Маргарет, понимая кое-что, хотя и не все,

почла необходимым принять вид гордого достоинства, села в стороне от Эдварда и хранила надменное молчание.

Когда Элинор кончила радоваться тому, какая солнечная выдалась весна, наступила ужасная пауза. Ей положила конец миссис Дэшвуд, которая вынудила себя питать надежду, что миссис Феррарс он оставил в добром здравии. Эдвард с некоторой торопливостью подтвердил это.

Последовала еще одна пауза.

Элинор, собрав все свои силы и страшась звука собственного голоса, заставила себя сказать:

— Миссис Феррарс сейчас в Лонгстейпле?

— В Лонгстейпле? — повторил он с растерянным видом.— Нет, моя мать в Лондоне.

— Я хотела,— сказала Элинор, беря со столика чье-то рукоделие,— осведомиться о миссис Эдвард Феррарс.

Она не осмелилась поднять на него глаза, но ее мать и Марианна обе посмотрели на него. Он снова покраснел, замялся, поколебался и, наконец, нерешительно произнес:

— Быть может, вы имеете в виду... моего брата... вы имеете в виду миссис Роберт Феррарс?

— Миссис Роберт Феррарс! — повторили Марианна и ее мать в полном изумлении. Элинор не могла произнести ни звука, но теперь и ее глаза устремились на него с тем же нетерпеливым удивлением. Он встал, отошел к окну, видимо, не зная, что делать, взял лежавшие там ножницы и принялся беспощадно портить их вместе с футлярчиком, кромсая этот последний, а сам довольно-таки бессвязно объяснял:

— Быть может, вам неизвестно... не знаю, слышали ли вы, что мой брат недавно сочетался браком с... с младшей... с мисс Люси Стил.

Последние его слова были в неопишемом изумлении повторены всеми, кроме Элинор, которая только ниже опустила голову над рукоделием, вся во власти такого волнения, что почти не понимала, где она и что с ней.

— Да,— продолжал он. Они поженились на прошлой неделе и уехали в Долиш, где сейчас и находятся.

Элинор не выдержала. Она почти выбежала из комнаты и, едва притворив за собой дверь, разразилась радостными слезами, которые никак не могла унять. Эдвард, который до этой минуты смотрел на что угодно, кроме нее, тем не менее увидел, как она поспешила вон из комнаты, и, быть может, заметил или даже услышал, какое впечатление произвела на нее его новость. Во всяком случае, он сразу погрузился в глубокую задумчивость,

из которой его не могли вывести ни восклицания, ни вопросы, ни ласковые увещания миссис Дэшвуд. В конце концов, ни слова не говоря, он ушел от них и направил свои стопы к деревне, оставив их в полном недоумении строить всяческие догадки о том, каким образом произошла столь внезапная и столь замечательная перемена в его положении.

ГЛАВА 49

акими бы необъяснимыми ни представлялись обстоятельства его освобождения всей семье, одно было ясно: Эдвард обрел свободу, а как он намеревался ею распорядиться, все без труда предвидели. Черпая на протяжении четырех лет радости одной опрометчивой помолвки, заключенной без согласия его матери, теперь, когда она оказалась расторгнутой, он, разумеется, должен был незамедлительно заключить другую.

В Бартон его привела самая простая причина. Он всего лишь хотел просить у Элинор ее руки. А памятуя, что он не был столь уж неопытен в подобных делах, может показаться странным, отчего им овладела такая стеснительность и ему потребовалось столько поощрения и свежего воздуха.

Однако о том, как скоро он догадываясь до необходимой решимости, как скоро ему представился случай пустить ее в ход, как он объяснился и какой ответ получил, рассказывать особой нужды нет. Достаточно, что спустя три часа после его приезда, когда в четыре все они сели за стол, он уже добился согласия своей избранницы, заручился благословением ее матери и теперь не только получил права восхищенного жениха, но, и правда, совсем искренне считал себя счастливейшим из людей. И, что ни говори, причин радоваться у него было больше, чем у многих других, оказавшихся в том же положении. Ведь не только торжество влюбленного, который встретил взаимность, переполняло его сердце восторгом и озаряло все вокруг ясным светом. Ему не в чем было себя упрекнуть, и все же он избавился от давно опостылевших уз, связывавших его с той, к кому у него уже несколько лет не оставалось никакого нежного чувства, и тотчас обрел твердую надежду на союз с другой, о котором он в отчаянии,

конечно, запретил себе и мечтать, едва увидел в нем венец всех своих желаний. Он не просто избавился от сомнений, от страха перед отказом, но был вознесен из пучины горести на вершины упований. И говорил он об этом с такой искренней признательностью судьбе, с такой веселостью и бурностью, каких его друзья прежде в нем не наблюдали.

Сердце его теперь было открыто Элинор, во всех ошибках и слабостях, а о первой мальчишеской влюбленности в Люси он говорил со всей философской мудростью двадцати четырех лет.

— С моей стороны это было глупым пустым увлечением,— объяснял он,— следствием малого знакомства со светом и отсутствия полезных занятий. Если бы моя мать нашла какое-нибудь поприще для приложения моих сил, когда в восемнадцать лет я покинул Лонгстейпл, я полагаю... нет, я совершенно уверен, этого не случилось бы. Правда, мне тогда представлялось, будто, покидая кров мистера Прэтта, я увозил в сердце непобедимую страсть к его племяннице, но если бы нашелся достойный предмет, достойная цель, чтобы занять мое время и на несколько месяцев удержать меня вдали от нее, я очень скоро забыл бы эту воображаемую страсть, особенно вращаясь в обществе, что было бы тогда неизбежно. Но мне нечем было заняться, для меня не избрали профессии и не позволили самому ее избрать, и дома я был обречен на полную праздность, длившуюся целый год. У меня не было даже тех обязанностей, какие дало бы мне поступление в университет — ведь в Оксфорд я получил разрешение поступить лишь в девятнадцать лет. Поэтому мне ничего не оставалось, как воображать себя влюбленным, а поскольку моя мать не сделала наш дом особенно для меня приятным и я не обрел в своем брате ни друга, ни товарища, что могло быть естественнее частых поездок в Лонгстейпл, где я всегда чувствовал себя дома, всегда мог быть уверен в ласковом приеме? И в том году я подолгу гостил там. Люси, казалось, обладала всеми милыми и приятными качествами души, а к тому же была очень хорошенькой — то есть так мне думалось тогда, когда мне не с кем было ее сравнить. Недостатки и изъяны оставались для меня скрыты. Вот почему наша помолвка, какой бы глупой во всех отношениях ни оказалась она впоследствии, в то время вовсе не выглядела нелепым, непростительным безумством.

Перемена, которую всего два-три часа произвели в настроении миссис Дэшвуд и ее дочерей, их радость и

счастье были столь велики, что сулили им всем блаженства бессонной ночи. Миссис Дэшвуд ликовала так, что не находила себе места, не знала, как посердечнее обласкать Эдварда, как в должной мере похвалить Элино́р, как благодарить судьбу за его избавление, не ранив при этом его чувствительности, или как оставить их беседовать наедине, одновременно не лишая себя их общества и возможности любоваться ими.

О том, как счастлива она, Марианна могла поведать лишь слезами. Волей-неволей возникали сравнения, просыпались сожаления, и хотя ее восторг был не менее искренним, чем любовь к сестре, он не располагал ни к веселости, ни к оживленным разговорам.

А Элино́р? Как описать ее чувства? С той минуты, когда она услышала, что Люси вышла за другого, что Эдвард освобожден, и до минуты, когда он оправдал тотчас вспыхнувшие надежды, одно настроение у нее сменялось другим, не принося с собой только спокойствия. Но едва миновала и вторая минута, едва все ее сомнения и страхи рассеялись, едва она сравнила свое нынешнее положение с тем, каким оно представлялось ей еще утром, и, зная, что прежняя его помолвка расторгнута без всякого ущерба для его чести, убедилась, насколько он спешил без промедления просить ее руки, изъясняясь в любви столь же нежной и постоянной, какой она всегда ей представлялась, Элино́р ощутила мучительное смятение, а собственное счастье ее лишь угнетало. И хотя человеческая натура имеет полезное свойство быстро привыкать ко всем переменам в лучшую сторону, потребовалось несколько часов, прежде чем ее дух обрел некоторое спокойствие, а сердце — тихую безмятежность.

Эдвард остался гостить в Коттедже по меньшей мере на неделю, ибо, какие бы другие обязательства ни тяготели над ним, расстаться с Элино́р раньше чем через неделю он был не в силах, тем более что такого срока никак не могло хватить на то, чтобы высказать все необходимое о прошлом, настоящем и будущем; ибо, если два-три часа, посвященные тяжкому труду неумолчной беседы, позволят более чем разделаться со всеми предметами, какие только могут взаимно интересовать два разумные существа, с влюбленными дело обстоит совсем иначе. Они не способны исчерпать ни единой темы, ни объяснить друг другу что-либо, не повторив этих объяснений раз двадцать или более.

Замужество Люси, которое, разумеется, не переставало удивлять и занимать любопытство всех, вполне естествен-

но, одним из первых стало предметом обсуждения и между влюбленными; Элинор, посвященная во все обстоятельства и зная их обоих, утверждала, что ничего более необъяснимого и загадочного ей слышать не приходилось. Как они могли встретиться и что побудило Роберта жениться на девице, о чьей красоте, он, как она сама слышала из его собственных уст, отзывался с пренебрежением? На девице, уже помолвленной с его братом, от которого из-за нее отреклись его близкие? Нет, решительно, она не в силах ничего понять! Ее сердце восхищалось этим браком, ее воображение посмеивалось над ним, но ее рассудок, ее здравый смысл он ставил в тупик.

Эдвард находил только одно возможное объяснение: во время первой и, вероятно, случайной встречи ее вкрадчивая льстивость успела так заворочить его тщеславие, что все остальное последовало само собой. Тут Элинор припомнила, как Роберт на Харли-стрит втолковывал ей, чего, по его мнению, он сумел бы достичь, если бы успел вовремя вмешаться в дела брата. И она повторила его слова Эдварду.

— В этом весь Роберт,— ответил он сразу, а после некоторого раздумья добавил:— В этом же, наверное, заключалась его цель, ради которой он отправился к Люси. А она, возможно, вначале думала только о том, как бы заручиться его поддержкой для меня. Ну, а затем возникли и другие планы.

Однако, как долго все это продолжалось, он мог себе представить не более, чем Элинор. В Оксфорде, где он предпочел жить, покинув Лондон, все известия, какие доходили до него о Люси, он получал от нее самой, и письма ее вплоть до последнего были столь же частыми и столь же нежными, как всегда. Поэтому у него не зародилось ни малейшего подозрения, которое могло бы подготовить его к тому, что произошло. Когда же наконец все разом открылось в последнем письме Люси, он, как ему казалось, очень долгое время не мог прийти в себя от изумления, ужаса и радости из-за собственного избавления. Он вложил это письмо в руку Элинор.

«Милостивый государь!

Пребывая в уверенности, что мне уже давно отказано в вашей нежности, я почла себя свободной подарить мою собственную другому и не сомневаюсь, что буду с ним столь же счастлива, сколь прежде думала быть счастливой с вами; но я могу лишь презреть руку, ежели сердце отдано другой. Искренне желаю вам счастья в ва-

шем выборе, и не моя будет вина, ежели мы и впредь не останемся добрыми друзьями, как прилично при нашем нынешнем близком родстве. От души могу сказать, что никакого зла на вас не держу и, полагая вас человеком благородным, от вас ничего худого для нас не ожидаю. Мое сердце всецело принадлежит вашему братцу, и нам друг без друга не жить, а потому мы сейчас только вернулись от алтаря и едем в Долиш на несколько недель, как вашему дорогому братцу очень любопытно на это имяние взглянуть, но я подумала, что все-таки прежде побеспокою вас этими строчками, и навсегда останусь

ваша искренняя доброжелательница, друг
и сестра *Люси Феррарс*.

Ваши письма я все сожгла, портрет же верну при первом случае. Окажите любезность сжечь мои каракульки, а кольцо с моими волосами, ежели угодно, оставьте себе».

Элинор прочла письмо и вернула его, ничего не сказав.

— Я не стану спрашивать вашего мнения о том, как оно написано,— начал Эдвард.— Раньше мне подумать было страшно, что вы прочтете какое-нибудь ее послание! Даже и от сестры получить нечто подобное мало приятно, но от жены! Как я краснел над такими страницами! И право же, если не считать самых первых месяцев нашей глупой помолвки, это первое полученное от нее письмо, содержание которого в моих глазах искупает погрешности стиля!

— Что бы к этому ни привело,— заметила Элинор после некоторой паузы,— но они, несомненно, поженились. И ваша мать навлекла на себя справедливейшее возмездие. Имение, которое она, гневаясь на вас, подарила Роберту, позволило ему сделать собственный выбор. Она подкупила одного сына тысячей фунтов годового дохода совершить то, за что — вернее, лишь за намерение! — лишила наследства другого! Мне кажется, едва ли брак Люси с Робертом ранит ее меньше, чем брак Люси с вами!

— Гораздо больше, потому что Роберт всегда был ее любимцем. Ранит это ее гораздо сильнее, и, по тому же закону, простит она его много скорее.

Каково было положение дел между ними в настоящее время, Эдвард не знал, так как пока еще не написал никому из родных. Из Оксфорда он уехал на другой же день после получения письма от Люси и, думая лишь о том, чтобы быстрее добраться до Бартона, не тратил времени и мыслей ни на что, кроме этой своей цели.

Он не собирался ничего предпринимать, прежде чем мисс Дэшвуд не решит его судьбу, и, судя по тому, как торопливо он отправился искать этого решения, остается только предположить, что, вопреки былой ревности к полковнику Брэндону, вопреки скромности, с какой он оценивал собственные достоинства, вопреки положенным учтивым страхам, он тем не менее не ожидал особо жестокого приема. Однако сказать ему надлежало обратное, и сказал он это очень мило. Ну, а что он сказал бы год спустя, оставим воображению мужей и жен.

Элинор не сомневалась, что Люси дала свое поручение Томасу, нарочно стараясь ввести ее в заблуждение, чтобы напоследок побольнее уязвить своего недавнего нареченного; а сам Эдвард, узнавший теперь ее истинную натуру, не счел недозволительным поверить, что она способна на любую низость, какую может подсказать злобный нрав. Хотя уже давно, даже еще до его знакомства с Элинор, у него открылись глаза на ее невежество и отсутствие душевного благородства в некоторых ее суждениях, он и то и другое приписывал ее необразованности и до получения последнего письма продолжал считать, что она добра, мила, а к нему привязана всем сердцем. Только это убеждение и мешало ему положить конец помолвке, которая, задолго до того как открытие ее навлекло на него материнский гнев, успела стать для него источником тревог и сожалений.

— Когда моя мать отказалась от меня и я, по всей видимости, остался без друзей и без всякой поддержки, я полагал своим долгом, — сказал он, — не считаясь с собственными чувствами, предоставить ей самой решать, расторгнуть помолвку или нет. Казалось бы, в таком положении ничто не могло прельстить корысть или тщеславие, и как мне было усомниться, когда она так горячо, так настойчиво пожелала разделить мою судьбу, что ею движет что-нибудь, кроме самой преданной привязанности? И даже теперь я не понимаю, какими были ее побуждения и какие воображаемые выгоды заставили ее связать себя с человеком, к которому она не питала ни малейшего доброго чувства, и все состояние которого ограничивалось двумя тысячами фунтов? Не могла же она предвидеть, что полковник Брэндон обещает мне приход!

— Нет, но она могла предположить, что для вас еще не все потеряно, что со временем ваша мать сжалится над вами. Во всяком случае, не расторгая помолвку, она ничего не теряла — ведь доказала же она, что ничуть не считала себя ею связанной ни в сердечных склонностях,

ни в поступках. А пока помолвка с человеком из такой семьи придавала ей вес и, возможно, возвышала в глазах знакомых ее круга. И если бы ничего более заманчивого она не нашла, ей было бы все же выгоднее выйти за вас, чем остаться старой девой.

Эдвард, разумеется, тут же убедился, что ничего естественнее поведения Люси быть не могло и руководили ею, бесспорно, именно эти соображения.

Элинор не преминула сурово его побранить — когда же дамы и девицы упустили случай попенять за лестную для них неосмотрительность? — за то, что он столько времени проводил с ними в Норленде, когда уже должен был убедиться в непостоянстве своих чувств.

— Ваше поведение было, несомненно, очень дурным, — сказала она. — Ведь, не говоря уж о собственном моем убеждении, но всем нашим родным представлялось вероятным, если не решенным, то, что в тогдашнем вашем положении сбиться никак не могло.

Ему оставалось только сослаться на неведение собственного сердца и ошибочное представление о власти помолвки над ним.

— По простоте душевной я полагал, что, раз мое слово дано другой, ваше общество не грозит мне никакой опасностью, и, памятуя о своей помолвке, я сумею и сердце свое сохранить столь же неприкосновенным, как свою честь. Я чувствовал, что восхищаюсь вами, но твердил себе, что это не более чем дружба, и понял, как далеко зашел, только когда начал сравнивать Люси с вами. После этого, пожалуй, так долго оставаясь в Сассексе, я правда поступил дурно и не находил в оправдание своего поведения иных доводов, кроме одного: вся опасность грозит только мне, я никому не причиняю вреда, кроме себя.

Элинор улыбнулась и покачала головой.

Эдвард обрадовался, узнав, что полковник Брэндон вот-вот должен приехать в Бартон, так как желал не только узнать его поближе, но и убедить полковника, что он более не зол на него за обещанный делафордский приход.

— Ведь после неописуемо неучливой досады, с какой я его тогда поблагодарил, он, наверное, полагает, что я это-го ему никогда не прощу!

Теперь Эдвард от души удивлялся, что так и не удостоился съездить в Делафорд. Но это совсем его не интересовало, и все сведения о доме, саде и церковной земле, о размерах прихода, состоянии тамошних полей и десятины он получил теперь от самой Элинор, которая

узнала все это от полковника Брэндона, слушая его с величайшим вниманием и не упуская ни единой подробности.

Между ними оставался нерешенным лишь один вопрос, лишь одно препятствие. Их соединило взаимное чувство, горячо одобрявшееся всеми их истинными благожелателями, друг друга они знали так хорошо, что это не могло не стать залогом верного счастья. Не хватало им только одного: на что жить. У Эдварда было две тысячи, у Элино — одна, и вместе с доходом от делафордского прихода этим исчерпывались все их средства, так как о том, чтобы миссис Дэшвуд им что-нибудь уделила, они и подумать не могли, и влюблены были все-таки не настолько, чтобы воображать, будто в их силах прожить безбедно на триста пятьдесят фунтов в год.

Эдвард питал некоторую надежду, что мать, быть может, простит его и от нее он получит необходимое пополнение их будущих доходов. Однако Элино — его упований не разделяла: ведь он все равно не сможет сочетаться браком с мисс Мортон, а так как сама она, выражаясь лестным языком миссис Феррарс, была лишь меньшим из двух зол, то дерзкое своеволие Роберта, по ее мнению, могло послужить только обогащению Фанни.

Через четыре дня после Эдварда приехал полковник Брэндон, и не только радость миссис Дэшвуд была теперь полной, но к ней добавлялось гордое сознание, что впервые после переселения в Бартон она принимает столько гостей, что они не могут все поместиться у нее в доме. За Эдвардом осталось право первого приехавшего, полковник же Брэндон каждый вечер шел ночевать в Бартон-парк, где в его распоряжении всегда была комната. Оттуда он возвращался в коттедж утром и обычно так рано, что успевал нарушить первый тет-а-тет влюбленных перед завтраком.

Три недели уединения в Делафорде, где — во всяком случае по вечерам — у него почти не было другого занятия, кроме как вычислять разницу между тридцатью шестью и семнадцатью годами, привели его в такое расположение духа, что в Бартоне, чтобы рассеять его унылость, потребовалась вся перемена к лучшему в наружности Марианны, вся приветливость ее приема, все горячие заверения ее матери. Однако среди таких друзей и такого живительного внимания он не мог не повеселеть. Никакие слухи о браке Люси до него не дошли, он не имел ни малейшего представления о случившемся, и потому первые часы после приезда ему оставалось только слушать и дивиться. Миссис Дэшвуд объяснила ему каждую подробность, и он нашел

новый источник радости в мысли, что его услуга мистеру Феррарсу теперь содействует счастью Элинор.

Незачем и говорить, что джентльмены с каждым днем знакомства все больше укреплялись в добром мнении друг о друге. Ведь иначе и быть не могло. Одного сходства в благородстве чувств, здравом смысле, склонностях и взглядах на вещи, возможно, оказалось бы достаточно, чтобы связать их дружбой, без иных причин. Но они были влюблены в двух сестер, причем сестер, нежно друг друга любивших, а потому между ними не могла не возникнуть немедленно и безоговорочно та симпатия, для которой при иных обстоятельствах потребовалось бы время и постепенность сближения.

Наконец из Лондона прибыли письма, которые еще столь недавно заставили бы каждый нерв Элинор трепетать от восторга, но теперь читались только с веселым смехом. Миссис Дженнингс поведала всю поразительную историю, излила все свое честное возмущение бессовестной вертливостью и все свое сочувствие бедному мистеру Эдварду, который, по ее убеждению, обожал эту мерзавку и теперь, по слухам, никак не может оправиться в Оксфорде от неожиданного горького удара. «Право же,— продолжала она,— такой хитрой скрытности и вообразить невозможно! Ведь всего за два дня Люси навестила меня и просидела битых два часа, хотя бы словом обмолвившись. Никто ничего не подозревал, даже Нэнси! Она, бедняжка, прибежала ко мне на следующий день вся в слезах — и гнева-то миссис Феррарс она опасалась, и, как в Плимут-то вернуться, не знала. Ведь Люси перед бегством заняла у нее все ее деньги, видно, чтобы получше приодеться к венцу. Вот у бедняжки Нэнси и семи шиллингов не осталось! А потому я с радостью дала ей пять гиней, чтобы она могла добраться до Эксетера, где подумывает недельки три-четыре погостить у миссис Бэргесс, небось, как я ей сказала, для того, чтобы снова вскружить голову доктору. И должна признаться, подлость Люси, не захотевшей взять ее с ними, пожалуй, похуже даже всего остального. Бедный мистер Эдвард! Он просто из головы у меня нейдет. Вы уж обязательно пошлите за ним: пусть погостит в Бартоне, а мисс Марианна постарается его утешить».

Мистер Дэшвуд писал в более печальном тоне. Миссис Феррарс — злополучнейшая из женщин, чувствительность Фанни обрекает ее на неописуемые муки, и он только с благодарностью к милости провидения дивится, как обе они перенесли подобный удар и остались живы. Поступок Роберта непростителен, но поведение Люси стократ хуже.

Миссис Феррарс запретила упоминать их имена в ее присутствии; и даже если со временем ей все-таки доведется простить сына, жену его своей дочерью она не признает никогда и к себе не допустит. Скрытность, с какой они вели свою интригу, бесспорно, в тысячу раз усугубляет их преступление, ибо, возникни у кого-либо подозрение, были бы приняты надлежащие меры, чтобы воспрепятствовать их браку; и он призвал Элинор разделить его сожаления, что Эдвард все-таки не женился на Люси — ведь это предотвратило бы новое горе, постигшее их семью. Он продолжал:

«Миссис Феррарс пока еще ни разу не произнесла имя Эдварда, что нас не удивляет. Но, к нашему величайшему изумлению, от него не пришло еще ни строчки, несмотря на все, что случилось. Быть может, однако, в молчании его удерживает страх вызвать неудовольствие, а посему я черкну ему в Оксфорд, что его сестра и я, мы оба полагаем, что письмо с изъяснениями приличествующей сыновней покорности и адресованное, пожалуй, Фанни, а уж ею показанное ее матушке, окажется вполне уместным, ибо нам всем известна материнская нежность миссис Феррарс и ее единственное желание быть в добрых отношениях со своими детьми».

Эта часть письма оказала свое действие на поведение Эдварда. Он решил сделать попытку к примирению, хотя и не совсем такую, какой ждали их брат и сестра.

— Письмо с изъяснениями покорности! — повторил он. — Или они хотят, чтобы я умолял у моей матери прощение за то, что Роберт забыл долг благодарности по отношению к ней и долг чести — по отношению ко мне? Никакой покорности я изъяслять не стану. То, что произошло, не пробудило во мне ни стыда, ни раскаяния, а только сделало меня очень счастливым, но это им интересно не будет. Не вижу, какую покорность мне приличествовало бы изъясить!

— Во всяком случае, вы могли бы попросить прощения, — заметила Элинор, — потому что причины сердиться на вас все-таки были. И, мне кажется, теперь ничто не мешает вам выразить некоторые сожаления, что вы необдуманно заключили помолвку, столь расстроившую вашу мать.

Он согласился, что это, пожалуй, верно.

— А когда она простит вас, быть может, не помешает и чуточку смирения, прежде чем поставить ее в известность о второй помолвке, которая в ее глазах мало чем уступает в неразумности первой.

Возразить на это ему было нечего, но он все так же упрямо отказывался писать письмо с изъяснениями на-

«Пригород Норвича».
С картины Джона Селла Котмена, 1810 г.

длежащей покорности, и, чтобы облегчить ему это примирение, когда он упомянул, что устно он, пожалуй, сумеет выразиться мягче, чем на бумаге, было решено, что писать Фанни он все-таки не станет, но поедет в Лондон, чтобы лично заручиться ее заступничеством.

— А если они и правда искренне хотят устроить примирение между ними,— объявила Марианна, следуя своему плану быть прямодушной и благожелательной ко всем,— я поверю, что даже Джон и Фанни не лишены некоторых достойных качеств.

Хотя визит полковника Брэндона продолжался всего четыре дня, он уехал из Бартонна вместе с Эдвардом, чтобы тот по дороге завернул в Делафорд, своими глазами увидел их будущий дом и обсудил со своим другом и покровителем, какие требуются переделки, и, пробыв там дня два, отправился дальше в столицу.

миссис Феррарс после надлежащих возражений, вполне достаточно гневных и упорных, чтобы освободить ее от обвинения, которое она как будто всегда страшилась навлечь на себя — обвинения в мягкосердечии, согласилась, чтобы Эдвард был допущен к ней на глаза и вновь объявлен ее сыном.

В течение последних месяцев семья ее оказалась на редкость неустойчивой. Многие годы она была матерью двух сыновей, но преступление и уничтожение Эдварда несколько недель тому назад лишили ее одного из них, такое же уничтожение Роберта оставило ее на две недели вовсе без сыновей, а теперь, с восстановлением Эдварда в былых правах, она снова обрела одного сына.

Но, опять получив разрешение считаться в живых, он все же не мог не чувствовать свое существование на земле сколько-нибудь прочным, пока не объявил ей о новой своей помолвке, ибо опасался, как бы оглашение этого обстоятельства вновь не нанесло роковой удар его здоровью и вскорости не свело в могилу. Поэтому злосчастное признание было обставлено робкими предосторожностями, но выслушали его с неожиданным спокойствием. Сначала миссис Феррарс, натурально, попыталась отговорить его от брака с мисс Дэшвуд, пуская в ход все имевшиеся в ее распоряжении доводы: растолковала ему, что в мисс Мортон он найдет жену и выше по положению, и много богаче, дополнив свои слова пояснением, что мисс Мортон — дочь графа с приданым в тридцать тысяч фунтов, тогда как мисс Дэшвуд всего лишь дочь провинциального помещика и располагает только тремя тысячами. Но, когда она убедилась, что, вполне соглашаясь с провозглашенными ею истинами, он тем не менее не склонен им следовать, она, памятуя это, почла за благо уступить и после долгих злобных проволочек, каких требовало ее достоинство и необходимость удушить всякую возможность заподозрить ее в сердечной доброте, дала милостивое согласие на брак Эдварда с Элинор.

Затем предстояло определить, в какой мере ей подобает увеличить их состояние, и тут выяснилось, что Эдвард был теперь хотя и единственным ее сыном, но отнюдь не старшим: Роберт получил завидную тысячу фунтов годового дохода, но она нисколько не возражала против того, чтобы Эдвард принял сан ради двухсот пятидесяти фунтов (и то

в лучшем случае), и, ничего не обещая потом, ограничилась теми же десятью тысячами, какие дала за Фанни.

Однако это было ровно столько, сколько требовалось, и далеко превосходило все ожидания и Эдварда и Элинора, а потому, судя по неуклюжим ее извинениям, лишь сама миссис Феррарс была удивлена, что не уделила им больше.

Теперь, когда им был обеспечен доход, вполне достаточный для всех их нужд, а Эдвард принял приход, оставалось лишь ждать, пока не будет готов дом, который полковник Брэндон, движимый горячим желанием услужить Элинора, перестраивал весьма основательно. Некоторое время терпеливо ожидая конца всех переделок, пережив тысячу разочарований и досадных отсрочек из-за непостижимой мешкотности рабочих, Элинора, как обычно это случается, вдруг забыла свое первое нерушимое решение предстать пред алтарем не прежде, чем ее новое жилище будет совсем готово, и в начале осени в бартонской церкви совершилось бракосочетание.

Первый месяц семейной жизни они провели под кровом своего друга, откуда было весьма удобно следить за работами в их собственном доме и устраивать все по собственному вкусу — выбирать обои, разбивать цветник и планировать петлю подъездной дороги. Пророчества миссис Дженнингс, хотя и заметно перепутавшись, в главном сбылись, ибо в михайлов день она гостила у Эдварда и его жены в Делафорде, искренне найдя в Элинора и ее муже счастливейшую на свете пару. И правда, им уже ничего не оставалось желать, кроме женитьбы полковника Брэндона на Марианне да более удобного пастбища для своих коров.

На новоселье их посетили почти все их родственники и друзья. Миссис Феррарс прибыла обозреть счастье, на какое по слабости, которой почти стыдилась, дала свое разрешение. И даже мистер и миссис Джон Дэшвуд не остановились перед расходами на путешествие из самого Сассекса, дабы оказать им должную честь.

— Не скажу, милая сестрица, что я разочарован,— объявил Джон, когда как-то утром они проходили мимо ворот делафордского господского дома,— ибо это было бы несправедливо, когда ты и сейчас можешь причислить себя к самым счастливым женщинам в мире. Но, признаюсь, мне доставило бы большую радость назвать полковника Брэндона братом. Его земли, его имение, его дом — все в таком превосходном, в таком отличнейшем состоянии! А уж его леса! Нигде в Дорсетшире я не видывал таких бревен, какие хранятся сейчас в делафордском сарае! И хотя, пожа-

луй, в Марианне нет тех качеств, какие должны его пленять, все же я посоветовал бы тебе почаще приглашать их сюда: полковник Брэндон столь подолгу живет у себя в поместье, что ничего предсказать невозможно. Ведь когда люди проводят много времени в обществе друг друга, почти никого больше не видя... К тому же тебе ли не суметь представить ее в самом выгодном свете... Короче говоря, твоя обязанность дать ей такую возможность... Ты ведь меня понимаешь!

Хотя миссис Феррарс и погостила у них, и неизменно обходилась с ними притворно ласково, искренним ее предпочтением и фавором они унижены не были. Все это стало наградой шалопайству Роберта и хитрости его супруги, причем не в таком уж и отдаленном будущем. Своекорыстная ловкость последней, обрекая Роберта на немилость, не замедлила и выручить его. Ибо почтительнейшее смирение, заискивающее внимание и лесть, неизменно пускавшиеся в ход при малейшем представлявшемся для того случае, примирили миссис Феррарс с выбором Роберта и вернули ему все ее прежнее расположение.

Таким образом все поведение Люси в этих обстоятельствах и увенчавший его успех могут послужить завиднейшим примером того, как упорные и неусыпные заботы о собственной выгоде, какие бы, казалось, непреодолимые помехи перед ними ни вставали, в конце концов приносят все блага, заключенные в богатстве, а оплачиваются они потерей лишь времени и совести. Когда Роберт пожелал с ней познакомиться и приватно посетил ее в Бартлетовских Домах, у него, как догадывался его брат, была лишь одна цель: убедить ее расторгнуть помолвку. А так как для этого требовалось лишь преодолеть их сердечную привязанность, он, естественно, полагал, что одной-двух встреч будет достаточно, чтобы совершенно уладить дело. Но в этом — и только в этом — он ошибся, ибо Люси, хотя незамедлительно подала ему надежду, что его красноречие, несомненно, ее убедит, все как-то до конца не убеждалась. Всякий раз для полной победы не хватало еще только одного его визита, еще только одного разговора с ним. Когда они прощались, у нее непременно возникали новые недоумения, рассеять которые могли лишь еще полчаса беседы с ним. Поэтому свидания их продолжались, а остальное воспоследовало само собой. Мало-помалу они перестали упоминать об Эдварде и говорили уже только о Роберте,— касательно этого предмета у него всегда находилось сказать куда больше, чем о любом другом, а ее интерес почти не уступал его собственному, и, короче говоря, оба вскоре убедились, что

он совершенно вытеснил брата из ее сердца. Роберт был горд своей победой, горд, что так провел Эдварда, и очень горд, что женился тайно без материнского согласия. Дальнейшее известно. Они провели в Долише несколько чрезвычайно счастливых месяцев: у Люси имелось много родственников и старых друзей, к которым теперь можно было повернуть спину, а он набросал несколько планов великолепнейших коттеджей,— после чего, возвратившись в Лондон, добились прощения миссис Феррарс самым простым средством, к которому прибегли по настоянию Люси,— просто его попросили. Вначале прощение, как и следовало ожидать, простерлось лишь над Робертом, Люси же, которая ничем его матери обязана не была и оттого никакого долга по отношению к ней не нарушила, пребывала непрощенной еще месяца два. Но неизменная смиренность поведения, предназначенные для передачи миссис Феррарс горькие упреки себе за проступок Роберта и нижайшая благодарность за суровость, с какой ее отвергали, со временем заслужили ей надменнейшее признание ее существования. Подобная снисходительность преисполнила ее невыразимой признательностью и восхищением, а дальше ей оставалось лишь быстро подняться по всем ступеням на самую вершину милостей и влияния. Люси стала столь же дорога миссис Феррарс, как Роберт и Фанни. Пусть Эдвард так никогда и не был искренне прощен за давнее преступное намерение жениться на ней, а Элинор, хотя была выше ее и по рождению и по всему остальному, упоминалась, только как прискорбный мезальянс, Люси пользовалась всеми правами любимой дочери, какой открыто и признавалась. Они обосновались в столице, получали весьма щедрое содержание от миссис Феррарс, были в превосходнейших отношениях с супругой мистера Джона Дэшвуда и им самим, и, если не считать взаимной зависти и сердечной неприязни, кипевшей между Фанни и Люси, к каким их мужья, натурально, не оставались непричастными, а также вечных домашних неурядиц между самими Робертом и Люси, ничто не могло бы превзойти безмятежную гармонию, царившую между ними всеми.

Что такого совершил Эдвард, чтобы лишиться права первородства, могло поставить в тупик великое множество людей, а чем это право заслужил Роберт, показалось бы им даже еще более загадочным. Однако перемена эта вполне оправдывалась ее результатами, если не причинами, ибо в образе жизни Роберта ничто не указывало, что он сожалеет о величине своего дохода, сожалеет, что его брату

уделено так мало или что ему самому досталось слишком много. А Эдвард, если судить по тому, с какой охотой он исполнял все свои обязанности, как все больше любил жену и свой дом, и по неизменной бодрой его веселости, так же, видимо, был доволен своим жребием и так же не желал никаких перемен.

Замужество Элинор разлучало ее с матерью и сестрами лишь на те сроки, на какие коттедж в Бартоне нельзя было оставлять вовсе пустым — миссис Дэшвуд с двумя младшими дочерьми проводила у нее большую часть года. Столь часто наезжая в Делафорд, миссис Дэшвуд руководствовалась не только велениями сердца, но и дипломатическими соображениями. Ибо ее желание свести Марианну с полковником Брэндоном силой почти не уступало выраженному Джоном, хотя и объяснялось более бескорыстными побуждениями. Теперь это стало ее заветной целью. Сколь ни дорого было ей общество второй дочери, она ни о чем так не мечтала, как пожертвовать его радостями своему бесценному другу. Эдвард с Элинор не менее хотели бы увидеть Марианну женой полковника. Они помнили о его страданиях и о том, скольким ему обязаны, и Марианна, по общему согласию, должна была стать его наградой за все.

При подобном заговоре против нее, близко зная его благородство, не сомневаясь в верности его глубокого чувства к ней, о котором она теперь услышала неожиданно для себя, хотя ни для кого другого оно уже давным-давно тайной не было, что могла она сделать?

Марианне Дэшвуд был сужден редкий жребий. Ей было суждено увериться в ложности своих неколебимых убеждений и собственным поведением опровергнуть самые заветные свои максимы. Ей было суждено подавить чувство, вспыхнувшее на склоне семнадцати лет, и добровольно, питая к нему лишь глубокое уважение и живейшую дружбу, отдать свою руку другому. И какому другому! Тому, кто не менее ее самой долго страдал от первой несчастной любви, тому, кто всего лишь два года назад казался ей слишком старым для брака, тому, кто по-прежнему не пренебрегал благодетельной защитой фланелевых жилетов!

Но случилось именно так. Вместо того, чтобы исчахнуть жертвой непреходящей страсти, как некогда льстила она себя надеждой, вместо того, чтобы навсегда остаться с матерью и находить единственные радости в уединении и серьезных занятиях, как намеревалась она позже, когда к ней вернулись спокойствие и способность рассуждать здраво, в девятнадцать лет она уступила новой привязанности,

приняла на себя новые обязанности и вошла в новый дом женой, хозяйкой и покровительницей большого селения!

Полковник Брэндон теперь обрел счастье, которое, по мнению всех, кто питал к нему дружбу, он более чем заслужил. В Марианне он нашел утешение от всех былых горестей, ее нежность и ее общество вернули ему былую веселость и бодрость духа. И те же наблюдательные друзья с не меньшим восторгом признали, что, осчастливив его, Марианна нашла в этом и собственное счастье. Делить свое сердце она не умела и со временем отдала его мужу

с той же безоговорочностью и полнотой, как некогда — Уиллоби.

Этого последнего весть о ее замужестве уязвила очень больно, а вскоре кара его и вовсе завершилась, когда миссис Смит пожелала его простить и, упоминая, что причиной такой снисходительности был его брак с достойной девицей, дала ему повод предположить, что, поступи он с Марианной так, как того требовали честь и благородство, он мог бы получить и счастье и богатство. Сомневаться в том, что Уиллоби искренне раскаялся в дурном своем поведении, которое обернулось для него наказанием, нужды нет, ибо он еще долго вспоминал о полковнике Брэндоне с завистью, а о Марианне — с сожалением. Однако не следует полагать, что он остался неутешен навеки, что он бежал общества, или погрузился в неизбежную меланхолию, или скончался от разбитого сердца, ибо ничего подобного не произошло. Он жил, чтобы получать удовольствия, и частенько их получал. Его жена отнюдь не всегда пребывала в кислом расположении духа, и ему случалось проводить время дома не без приятности; а лошади, собаки, охота и прочие такие же развлечения служили ему достаточной заменой семейного блаженства.

Однако к Марианне — вопреки неучтивости, с какой он пережил ее потерю, — он навсегда сохранил ту нежность, которая пробуждала в нем живой интерес ко всему, что с ней происходило, и превратила ее для него в тайное мерило женского совершенства. Впоследствии он не раз пожимал плечами, слыша похвалы какой-нибудь ослепившей общество юной красавице, и утверждал, что ей далеко до миссис Брэндон.

У миссис Дэшвуд достало благоразумия не расставаться с Бартоном и не подыскивать себе уютного коттеджа в Делафорде; и, к большому удовольствию сэра Джона и миссис Дженнингс, едва они потеряли Марианну, Маргарет не только достигла возраста, когда ее можно было приглашать на вечера с танцами, но позволяла полагать, что у нее могут завестись тайные воздыхатели.

Между Бартоном и Делафордом поддерживалась та постоянная связь, в какой находит выражение истинная родственная любовь, а говоря о счастье Элинор и Марианны, среди их достоинств следует упомянуть одно, и немалое: они были сестрами и жили в самом близком соседстве, но умудрялись не ссориться между собой и не охлаждать дружбу между своими мужьями.

ГОРДОСТЬ
И ПРЕДУБЕЖ-
ДЕНИЕ

*Перевод
И.С. Маршана*

PRIDE AND PREJUDICE

1813

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

се знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену.

Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочки.

— Дорогой мистер Беннет,— сказала как-то раз миссис Беннет своему мужу,— слышали вы, что Незерфилд-парк наконец больше не будет пустовать?

Мистер Беннет ответил, что он этого не слышал.

— Тем не менее это так,— продолжала она.— Только что заходила миссис Лонг и сообщила мне эту новость!

Мистер Беннет промолчал.

— А хотелось бы вам знать, кто будет нашим новым соседом? — с нетерпением спросила его жена.

— Готов вас выслушать, если вам очень хочется мне об этом сказать.

Большого от него не требовалось.

— Ну так слушайте, мой дорогой,— продолжала миссис Беннет.— Незерфилд, по словам миссис Лонг, снят очень богатым молодым человеком из Северной Англии. В понеделник он приезжал туда в карете, запряженной четверкой лошадей, осмотрел поместье и пришел в такой восторг, что тут же условился обо всем с мистером Моррисом. Он переезжает к михайлову дню, и уже в конце будущей недели туда приедет кое-кто из его прислуги.

— А как его зовут?

— Бингли.

— Он женат или холост?

— Холост, дорогой, в том-то и дело, что холост! Молодой холостяк с доходом в четыре или пять тысяч в год! Не правда ли, удачный случай для наших девочек?

— Как так? Разве это имеет к ним отношение?

— Дорогой мистер Беннет,— ответила его жена,— сегодня вы просто невыносимы. Разумеется, вы понимаете, что я имею в виду его женитьбу на одной из них.

— Гм, таковы его планы?

— Планы! Боже мой, скажете же вы иной раз! Но ведь может вполне случиться, что он в одну из них влюбится. Поэтому, как только он приедет, вам необходимо будет нанести ему визит.

— Я, признаюсь, не вижу к тому достаточных оснований. Поезжайте-ка вы сами с девочками. Или пошлите их одних — это, возможно, будет еще лучше. Не то вдруг он вздумает влюбиться в вас — ведь вы ничуть не менее привлекательны, чем любая из наших дочек.

— Вы мне льстите, дорогой. Когда-то я и в самом деле была не лишена привлекательности. Но сейчас, увы, я уже не претендую на то, чтобы слыть красавицей. Женщине, у которой пять взрослых дочерей, не следует много думать о собственной красоте.

— В этих обстоятельствах у женщины не часто остается столько красоты, чтобы о ней приходилось особенно много думать.

— Но, мой друг, вам непременно следует навестить мистера Бингли, как только он появится.

— Едва ли я за это возьмусь.

Но подумайте о наших девочках. Вы только представьте себе, как хорошо одна из них будет устроена. Вот увидите, сэр Уильям и леди Лукас сразу поспешат в Незерфилд. А ради чего, как вы думаете? Уж конечно, ради своей Шарлотты — вы же знаете, они не очень-то любят навещать незнакомых людей. Вы непременно должны поехать — ведь мы сами без этого никак не можем у него побывать.

— Вы чересчур щепетильны. Полагаю, мистер Бингли будет рад вас увидеть. Хотите, я дам вам для него записочку с обещанием выдать за него замуж любую из моих дочек, которая ему больше понравится? Пожалуй, надо будет только замолвить словечко в пользу моей крошки Лиззи.

— Надеюсь, вы этого не сделаете. Лиззи ничуть не лучше других ваших дочерей. Я уверена, что она и вполтину не так красива, как Джейн, и гораздо менее добродушна, чем Лидия. Но ей вы почему-то всегда оказываете предпочтение!

— Ни одна из моих дочек ничем особенно не примечательна,— ответил он.— Они столь же глупы и невежественны, как все другие девчонки в этом возрасте. Просто в Лиззи немножко больше толку, чем в ее сестрах.

— Мистер Беннет, как смеете вы так оскорблять ваших собственных детей? Вам доставляет удовольствие меня изводить. Конечно, вам нет никакого дела до моих истерзанных нервов.

— Вы ошибаетесь, моя дорогая. Я давно привык с ними считаться. Ведь они — мои старые друзья. Недаром вы мне толкуете о них не меньше двадцати лет.

— Ах, вы себе даже не представляете, как я страдаю.

— Надеюсь, вы все же доживете до того времени, когда в окрестностях появится множество молодых людей с доходом не менее четырех тысяч в год.

— Даже если их будет двадцать, какой в них прок, раз вы все равно отказываетесь к ним ездить?

— Ну, если их будет двадцать, моя дорогая, тогда я, конечно, соберусь да сразу и объеду их всех подряд.

В характере мистера Беннета так затейливо сочетались живость ума и склонность к иронии, замкнутость и взбалмошность, что за двадцать три года совместной жизни жена все еще не сумела к нему приноровиться. Разобраться в ее натуре было намного проще. Она была невежественной женщиной с недостаточной сообразительностью и неустойчивым настроением. Когда она бывала чем-нибудь недовольна, то считала, что у нее не в порядке нервы. Целью ее жизни было выдать дочерей замуж. Единственными ее развлечениями были визиты и новости.

ГЛАВА II

Мистер Беннет все же одним из первых навестил мистера Бингли. По правде говоря, он с самого начала имел в виду нанести ему визит, хотя все время уверял жену, будто бы ни за что к нему не поедет. И она оставалась в полном неведении относительно его намерений до конца того дня, когда визит состоялся. Истинное положение вещей раскрылось следующим образом. Наблюдая за тем, как его вторая дочь украшает лентами шляпку, мистер Беннет неожиданно заметил:

— Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли это понравится.

— Мы никогда не узнаем, что нравится и что не нравится мистеру Бингли,— с раздражением проговорила ее мать,— раз нам не придется бывать в Незерфилде.

— Но вы забываете, мама,— сказала Элизабет,— что мы встретим его на балу, и миссис Лонг обещала нас познакомить.

— О нет, миссис Лонг ни за что этого не сделает. У нее у самой две племянницы. Терпеть не могу эту ханжу и эгоистку!

— И я тоже,— сказал мистер Беннет.— Как приятно, что в этом важном деле вы от нее не зависите.

Миссис Беннет не снизошла до ответа; но, не будучи в силах сдержать свое раздражение, она напустилась на одну из дочерей:

— Ради бога, Китти, перестань так кашлять! Хоть чуточку подумай о моих нервах. Они этого не выдержат.

— Китти у нас ни с чем не считается,— сказал отец.— Вечно она кашляет невпопад.

— Я кашляла не для удовольствия,— обиделась Китти.

— Когда у вас следующий бал, Лиззи?

— Через две недели.

— Ах, вот как,— воскликнула мать.— Значит, миссис Лонг вернется только накануне бала! Как же она нам его представит, если даже не успеет с ним до этого встретиться?

— Тогда, дорогая моя, вы сможете оказаться полезной вашей приятельнице, представив ей мистера Бингли.

— Невозможно, мистер Беннет, невозможно, раз я сама не буду с ним знакома. Вы просто надо мной издеваетесь!

— Ваша осторожность делает вам честь. Конечно, такое недолгое знакомство почти ничего не значит. Какое суждение можно составить о человеке в течение двух недель? Однако, если ее не познакомим с мистером Бингли мы, это сделает кто-нибудь другой. По мне — пускай миссис Лонг и ее племянницы тоже попытают счастья. Я даже готов взять такое доброе дело на себя, если оно вам очень не по душе.

Девушки уставились на отца. Миссис Беннет пробормотала:

— Какой вздор!

— Что означает ваше выразительное замечание, сударыня? — спросил он с удивлением.— Считаете ли вы вздорным обычай, согласно которому, прежде чем иметь дело с незнакомым человеком, он должен быть вам представлен? Или вам не нравится существующий порядок такого представления? Боюсь, наши взгляды в этом отношении слегка расходятся. А ты, Мэри, что думаешь по этому поводу? Ты ведь у нас такая рассудительная девица, читаешь ученые книги и даже делаешь из них выписки.

Мэри хотела сказать что-нибудь глубокомысленное, но ничего не смогла придумать.

— Пока Мэри собирается с мыслями,— продолжал он,— вернемся к мистеру Бингли.

— Не могу больше слышать о мистере Бингли,— заявила жена.

— Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше. Знай я это сегодня утром, я бы ни в коем случае к нему не поехал. Экая досада! Но раз уж я у него побывал, боюсь, избежать с ним знакомства будет не так-то легко.

Мистер Беннет добился, чего хотел,— дамы пришли в крайнее изумление. Особенно сильно была поражена миссис Беннет. Однако, когда первый порыв радости миновал, она принялась уверять, что именно этого от него и ждала.

— Вы поступили в самом деле великодушно, мой дорогой мистер Беннет! Хотя, признаюсь, я не сомневалась, что в конце концов добьюсь от вас этого. Я знала, вы настолько любите наших девочек, что не способны пренебречь подобным знакомством. Ах, как я счастлива! И как мило вы над нами подшутили. Подумать только, вы еще утром побывали в Незерфилде и до сих пор даже словом об этом не обмолвились!

— Теперь, Китти, можешь кашлять сколько угодно,— сказал мистер Беннет, выходя из комнаты, чтобы не слышать восторженных излияний своей жены.

— Какой же, девочки, у вас прекрасный отец! — воскликнула она, когда дверь закрылась.— Не знаю, право, чем вы отблагодарите его за такую доброту. Да и меня тоже. Поверьте, в наши годы не так-то приятно каждый день заводить новые знакомства. Но ради своих детей мы готовы на все. Лидия, милочка моя, хоть ты и моложе всех, сдаётся мне, что танцевать на балу мистера Бингли будет именно с тобой.

— Меня этим не удивишь,— храбро заявила Лидия.— Хоть я и моложе, зато я — самая высокая.

Остаток вечера прошел в рассуждениях о том, через сколько дней следует ожидать ответного визита мистера Бингли и когда после этого его можно будет пригласить на обед.

ГЛАВА III

Как ни старались миссис Беннет и ее пять дочерей, им все же не удалось добиться от главы семьи такого описания мистера Бингли, которое могло бы удовлетворить их любопытство. Они атаковали мистера Беннета самыми различными способами: вопросами напрямик, хитроумными догадками, отдаленными намеками. Но он не поддавался ни на какие

«Ферма».

С картины Джона Констебля, 1835 г.

уловки. И в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук, полученными от их соседки, леди Лукас. Сообщения последней были весьма многообещающими. Сэр Уильям был в восторге от мистера Бингли. Он еще очень молод, хорош собой, чрезвычайно любезен и, в довершение всего, выражает намерение непременно присутствовать на ближайшем балу, куда собирается прибыть с целой компанией своих друзей.

Ничего лучшего нельзя было и желать. Кто интересуется танцами, тому ничего не стоит влюбиться. Все питали самые радужные надежды на скорейшее завоевание сердца мистера Бингли.

— Ах, если бы мне довелось увидеть одну из моих дочерей счастливой хозяйкой Незерфилда,— сказала своему мужу миссис Беннет,— и так же удачно выдать замуж остальных — мне бы тогда нечего было больше желать.

Через несколько дней мистер Бингли отдал визит мистеру Беннету и просидел десять минут в его библиотеке. Мистер Бингли надеялся взглянуть на молодых леди, о красоте которых он уже много слышал, но ему удалось повидать только их отца. Дамы были несколько удачливее его: им посчастливилось увидеть из верхнего окна, что на нем был синий сюртук и что он приехал на вороной лошади.

Вскоре после этого было послано приглашение на обед. Миссис Беннет составила уже меню, делавшее честь ее умению вести хозяйство, как вдруг из Незерфилда пришел ответ, расстроивший все планы. Мистеру Бингли необходимо на следующий день уехать в Лондон, что, к величайшему сожалению, лишает его возможности воспользоваться оказанным ему вниманием и т. д. и т. п. Миссис Беннет была крайне разочарована. Она никак не могла представить, что за дела возникли у него в городе так скоро после переезда в Хартфордшир, и начала опасаться, что он вечно будет порхать с места на место и что Незерфилд никогда не станет его постоянным пристанищем. Ее тревога была до некоторой степени рассеяна предположением леди Лукас, что он мог поехать в Лондон за своими друзьями, с которыми собирался появиться на балу. Вскоре стали поговаривать, что на бал вместе с Бингли прибудет двенадцать дам и семь джентльменов. Барышень опечалило число дам, но они несколько ободрились, услышав, что вместо двенадцати спутниц с ним приехали из Лондона только шесть: пять его сестер и одна кузина. Когда незерфилдская компания вступила в бальный зал, обнаружилось, что она состоит всего из пяти человек: мистера Бингли, двух его сестер, мужа старшей сестры и еще одного молодого господина.

Мистер Бингли оказался молодым человеком с благородной и приятной наружностью и непринужденными манерами. Обе сестры его — особами изящными и весьма светскими. Его зять, мистер Хёрст, с трудом мог сойти за дворянина. Зато друг мистера Бингли, мистер Дарси,

сразу привлек к себе внимание всего зала своей статной фигурой, правильными чертами лица и аристократической внешностью. Через пять минут после их прихода всем стало известно, что он владелец имения, приносящего десять тысяч фунтов годового дохода. Джентльмены нашли его достойным представителем мужского пола, дамы объявили, что он гораздо привлекательнее мистера Бингли, и в течение первой половины вечера он вызывал всеобщее восхищение. Однако позднее, из-за его поведения, популярность мистера Дарси быстро пошла на убыль. Стали поговаривать, что он слишком горд, что он перед всеми задирает нос и что ему трудно угодить. И уже все его огромное поместье в Дербишире не могло искупить его неприятной и даже отталкивающей наружности. Разумеется, он не выдерживал никакого сравнения со своим другом.

Мистер Бингли вскоре перезнакомился почти со всеми присутствовавшими. Он был оживлен и любезен, участвовал в каждом танце, жалел о слишком раннем окончании бала и даже упомянул вскользь, что не мешало бы устроить бал в Незерфилде. Столь приятные качества говорили сами за себя. Как разительно отличался он от своего друга! Мистер Дарси танцевал только раз с миссис Хёрст и раз с мисс Бингли, не пожелал быть представленным другим дамам и весь остальной вечер провел, прохаживаясь по залу и изредка перекидываясь словами с кем-нибудь из своих спутников. Характер его осудили все. Дарси был признан одним из самых заносчивых и неприятных людей на свете, и все хором выражали надежду на то, что он больше никогда не появится в местном обществе. Среди злейших его противников оказалась миссис Беннет. Разделяемое этой дамой общее неудовольствие поведением мистера Дарси превратилось в личную неприязнь после того, как он отнесся пренебрежительно к одной из ее дочерей.

Из-за недостатка кавалеров Элизабет Беннет была вынуждена в течение двух танцев просидеть у стены. При этом ей невольно пришлось подслушать разговор между мистером Дарси, который стоял неподалеку, и мистером Бингли, на минуту покинувшим танцующих для того, чтобы уговорить своего друга последовать их примеру.

— Пойдемте, Дарси. Я должен заставить вас танцевать,— сказал он, подходя к своему другу.— Не могу смотреть, как вы целый вечер глупейшим образом про-

стаиваете в одиночестве. Право же, пригласите кого-нибудь.

— Ни в коем случае! Вы знаете, танцы не доставляют мне удовольствия, если я не знаком со своей дамой. А в здешнем обществе — это было бы для меня просто невыносимо. Ваши сестры приглашены, а кроме них, в зале нет ни одной женщины, танцевать с которой не было бы для меня сущим наказанием.

— О, я не так привередлив, как вы! — воскликнул Бингли.— Клянусь честью, я еще ни разу не встречал за один вечер так много хорошеньких женщин; среди них есть просто красавицы!

— Вы танцуете с единственной хорошенькой девицей в этом зале,— сказал мистер Дарси, взглянув на старшую мисс Беннет.

— О, это самое очаровательное создание, какое мне когда-нибудь приходилось встречать! Но вон там, за вашей спиной, сидит одна из ее сестер. По-моему, она тоже очень недурна. Хотите, я попрошу мою даму вас познакомиться?

— Про кого это вы говорите? — Обернувшись, Дарси взглянул на Элизабет, но, заметив, что она на него смотрит, отвел глаза и холодно сказал: — Что ж, она как будто мила. И все же не настолько хороша, чтобы нарушить мой душевный покой. А у меня сейчас нет охоты утешать молодых леди, которыми пренебрегли другие кавалеры. Возвращайтесь-ка к своей даме. Уверяю вас, вы теряете со мной время, которое могли бы провести, наслаждаясь ее улыбками.

Бингли последовал этому совету, его приятель отошел в другой конец комнаты, а Элизабет осталась на месте, питая не слишком добрые чувства по отношению к Дарси. Впрочем, она с удовольствием рассказала об этом случае в кругу своих друзей, так как обладала веселым нравом и была не прочь посмеяться.

Вся семья провела вечер все же очень приятно. Миссис Беннет была в восторге от внимания, которое обитатели Незерфилда оказали ее старшей дочери. Мистер Бингли танцевал с ней дважды, и она была любезно принята его сестрами. Джейн радовалась этому не меньше матери, хотя и не выражала своего восторга столь явно. Элизабет радовалась за Джейн. Мэри слышала, как кто-то в разговоре с мисс Бингли назвал ее самой начитанной девицей во всей округе; Кэтрин и Лидии посчастливилось ни разу не остаться в танцах без кавалеров — большего от бала

они пока не научились желать. Таким образом, все вернулись в Лонгборн — селение, в котором они жили и где семейство Беннет занимало видное положение, — в превосходнейшем состоянии духа. Когда они приехали, мистер Беннет еще не спал. За книгой он не замечал времени; на этот же раз ему было весьма любопытно узнать, как прошел вечер, от которого столь многого ожидали его

домашние. Он почти не сомневался, что замыслы его жены в отношении их нового знакомого не увенчаются успехом. Однако вскоре он понял, что ему предстоит выслушать рассказ совсем в другом роде.

— О дорогой мистер Беннет,— входя в комнату, воскликнула его жена,— какой вечер мы провели! Бал был великолепен! Жаль только, вас не было. Джейн пользовалась необыкновенным успехом. Все только и говорили, какая она красавица. Мистер Бингли назвал ее очаровательной и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте, мой друг,— целых два раза! И она была единственной, кого он приглашал дважды. Сначала он танцевал с мисс Лукас. Меня всю покорило, когда я увидела его с ней в паре. Но она ему ничуть не понравилась. Да и кому она может понравиться, вы сами знаете! Зато когда стала танцевать Джейн, он как будто весь загорелся. Разузнал, кто она такая, попросил, чтобы его ей представили, и тут же пригласил ее на второй танец. В третьем танце его парой была мисс Кинг, в четвертом — Мария Лукас, в пятом еще раз Джейн, в шестом — Лиззи; буланже он танцевал...

— Будь у него ко мне хоть капля сочувствия,— нетерпеливо перебил ее муж,— он бы танцевал вдвое меньше. Ради бога, не перечисляйте больше его дам. Что ему стоило подвернуть ногу при первом танце?

— Ах, дорогой мой, я от него в восторге! — продолжала миссис Беннет.— Он необыкновенно хорош собой! А сестры его — просто очаровательны! Я в жизни не видывала более элегантных нарядов! Думаю, что кружево на платье миссис Хёрст...

Здесь ее речь была снова прервана, так как мистер Беннет не пожелал выслушивать описание туалетов. Поэтому ей пришлось переменить тему, и она возмущенно и с преувеличениями рассказала про неслыханную дерзость мистера Дарси.

— Могу вас заверить,— заключила она,— Лиззи не много потеряла от того, что пришлось ему не по вкусу! Этому противному человеку и нравиться даже не стоит. Такой важный и надутый, недаром его все невзлюбили. Расхаживает туда-сюда, воображая о себе бог весть что! Недостаточно хороша, чтобы с ним танцевать!.. Хотела бы я, чтобы вы были там и осадили его как следует. Терпеть не могу этого человека!

огда Джейн и Элизабет остались одни, Джейн, до того отзывавшаяся о мистере Бингли весьма сдержанно, призналась сестре, насколько он ей понравился.

— Он именно такой, каким должен быть молодой человек, — сказала она, — умный, добрый, веселый. И я никогда еще не видела подобных манер — столько свободы и вместе с тем так чувствуется хорошее воспитание!

— К тому же он недурен собой, — добавила Элизабет, — что также говорит в пользу молодого человека, если к нему это относится. Благодаря этому характер его можно считать вполне совершенным.

— Я была так польщена, когда он пригласил меня танцевать второй раз! Признаюсь, я этого совершенно не ожидала.

— Не ожидала? Зато я ожидала вместо тебя. Знаки внимания каждый раз застигают тебя врасплох, а меня — никогда. В этом — одно из различий между нами. Ну что могло быть естественнее того, что он дважды пригласил тебя танцевать? Разве он не видел, что ты самая красивая девушка в зале? Чего же тут удивляться его галантности? Впрочем, он в самом деле довольно милый молодой человек, и пусть уж он тебе нравится. Тебе не раз нравился кое-кто и похуже.

— Лиззи, дорогая!

— Ты сама знаешь, что слишком склонна расхваливать кого угодно, не замечая ни в ком малейшего изъяна. Все люди кажутся тебе добрыми и красивыми. Ну хоть раз в жизни ты отозвалась о ком-нибудь плохо?

— Мне никого не хотелось бы неосмотрительно осудить. Но ведь я всегда говорю то, что думаю.

— Я знаю. Именно это меня больше всего и удивляет. Как ты, с твоим здравым смыслом, способна не замечать слабостей и глупости окружающих? Наигранное пре-краснодушие встречается достаточно часто, чуть ли не на каждом шагу. Но искренне, без всякого притворства или расчета видеть в каждом человеке лишь хорошие качества, к тому же их преувеличивая, и не замечать ничего плохого — на это способна ты одна. Значит, тебе так же понравились и его сестры? Своими манерами они ведь сильно отличаются от мистера Бингли?

— Разумеется, если судить по первому взгляду. Но достаточно с ними немного разговориться, чтобы почувствовать, какие это славные женщины. Мисс Бингли собирается жить с братом и вести его хозяйство. Мне кажется, я не ошибусь, предсказывая, что в ее лице мы приобретем необычайно приятную соседку.

Элизабет выслушала ее молча, но в душе с ней не согласилась. Поведение сестер мистера Бингли на балу отнюдь не было рассчитано на всеобщее одобрение. Обладающая большей, чем Джейн, наблюдательностью, не столь добродушная и не связанная личным чувством, Элизабет не могла ими восторгаться. Мисс Бингли и ее сестра, миссис Хёрст, были в самом деле особами весьма изысканными. Они не были лишены остроумия, когда находились в хорошем расположении духа, умели понравиться, когда это входило в их намерение, но в то же время были заносчивы и высокомерны. Обе они казались довольно красивыми, получили образование в одном из лучших частных пансионов, владели двадцатью тысячами фунтов, расходуя денег больше, чем имели в своем распоряжении, привыкли вращаться в светском обществе, а потому считали себя вправе придерживаться высокого мнения о собственных персонах и низкого — о людях окружающих. Родились они в почтенной семье, происходившей из Северной Англии, — обстоятельство, запечатлевшееся в их памяти более глубоко, чем то, что своим богатством они были обязаны торговле.

Отец мистера Бингли оставил сыну около ста тысяч фунтов. При жизни он собирался приобрести имение, но своей мечты так и не осуществил. Сам мистер Бингли тоже питал в душе такое намерение и даже как-то ездил с этой целью в родное графство. Но после того, как он обзавелся хорошим домом с прилегающими охотничьими угодьями, для многих, знавших его беспечный характер, казалось вероятным, что он свою жизнь проведет в Незерфилде, отложив основание родового поместья Бингли до следующего поколения.

Его сестрам очень хотелось, чтобы он стал землевладельцем. Но хотя пока что он оставался лишь арендатором, мисс Бингли ни в коей мере не отказывалась играть роль хозяйки за его столом. Миссис Хёрст, которая вышла замуж за человека более родовитого, чем богатого, тоже ничего не имела против того, чтобы считать его дом своим, когда ей это представлялось удобным. Про Незерфилд-парк Бингли узнал благодаря случайной рекомендации

через два года после своего совершеннолетия. Он обошел дом за полчаса, остался доволен его местоположением и внутренним устройством, а также изложенными хозяином преимуществами имения, и тут же его арендовал.

Несмотря на различие характеров, он был связан с Дарси теснейшей дружбой. Дарси ценил Бингли за его легкую, открытую и податливую натуру, хотя эти качества резко противоречили его собственному нраву, которым сам он отнюдь не был недоволен. Бингли вполне полагался на дружбу Дарси, весьма доверяя его суждениям, более глубоким, чем его собственные. Хотя Бингли вовсе не был недалеким человеком, но Дарси был по-настоящему умен. В то же время Дарси был горд, замкнут и ему было трудно угодить. Его манеры, хотя и свидетельствовали о хорошем воспитании, не слишком располагали к себе окружающих. В этом отношении его друг имел перед ним значительное преимущество. Где бы ни показался Бингли, он сразу вызывал к себе дружеские чувства. Дарси же постоянно всех от себя отталкивал.

Отношение каждого к меритонскому балу было достаточно характерным. Бингли в жизни своей еще не встречал столь милого общества и таких очаровательных женщин; все было к нему добры и внимательны, он не ощущал никакой натянутости и вскоре близко сошелся со всеми, кто находился в зале. Что же касается мисс Беннет, то он не мог себе представить более прелестного ангела. Дарси, напротив, видел вокруг себя толпу людей довольно безобразных и совершенно безвкусных, к которым он не испытывал ни малейшего интереса и со стороны которых не замечал ни внимания, ни расположения. Он признавал, что мисс Беннет недурна собой, но находил, что она чересчур много улыбается.

Миссис Хёрст и ее сестра готовы были согласиться с такой характеристикой мисс Беннет, но все же Джейн им понравилась и они объявили, что она премиленькая девочка и что они ничего не имеют против того, чтобы поддерживать с ней знакомство. Мисс Беннет так и осталась премиленькой девочкой, в соответствии с чем мистеру Бингли было дозволено относиться к ней, как ему заблагорассудится.

Неподалеку от Лонгборна жила семья, с которой Беннеты поддерживали особенно близкие отношения. Сэр Уильям Лукас ранее занимался торговлей в Меритоне, где приобрел некоторое состояние, а также титул баронета, пожалованный ему в бытность его мэром, благодаря специальному обращению к королю. Последнее отличие подействовало на него, пожалуй, слишком сильно. Оно породило в нем неприязнь к прежнему образу жизни и занятиям в небольшом торговом городке. Расставшись с тем и другим, он перебрался со своей семьей в дом, расположенный в одной миле от Меритона, который с той поры стал именоваться «Лукас Лодж». Здесь сэр Уильям, не будучи обременен никакими делами, мог с удовольствием предаваться размышлениям о собственной значительности и проявлять предупредительность по отношению ко всему свету. В самом деле, хотя полученное звание и возвеличило его в собственных глазах, оно все же не сделало его высокомерным. Напротив, сэр Уильям был воплощением любезности и внимательности к каждому встречному, так как представление ко двору в Сент-Джеймсе сделало этого по природе безобидного и дружелюбного человека еще и обходительным.

Леди Лукас была добродушной женщиной, в меру недалекой, чтобы стать подходящей соседкой для миссис Беннет. У нее было несколько детей. Старшая дочь, смышленная и начитанная девушка лет двадцати семи, была большой подругой Элизабет.

Барышни Лукас и барышни Беннет неизбежно должны были встретиться, чтобы поговорить о бале. И на следующее утро первые оказались в Лонгборне, готовые слушать и рассказывать.

— Для вас, Шарлотта, вечер начался неплохо,— обратилась миссис Беннет к мисс Лукас.— Ведь первый танец мистер Бингли танцевал с вами.

— Да, но он был больше доволен своей дамой во втором танце.

— Вы говорите это, потому что он пригласил Джейн еще раз? Что ж, он и впрямь вел себя так, будто она ему приглянулась. Я даже кое-что слышала по этому поводу — не помню подробностей,— что-то в связи с мистером Робинсоном.

— Быть может, вы имеете в виду его разговор с мистером Робинсоном, который я случайно подслушала? Разве я вам его не передала? Когда мистер Робинсон спрашивал его — нравится ли ему наше общество, не находит ли он, что в зале собралось много хорошеньких женщин и которая из них кажется ему самой красивой, он сразу же ответил на последний вопрос: «О, разумеется, старшая мисс Беннет! Тут даже не может быть двух мнений!»

— Честное слово, сказано довольно решительно. Можно подумать, что... Но вы знаете — все может кончиться ничем.

— Не правда ли, я была более удачливой шпионкой, чем ты, Элиза? — сказала Шарлотта. — Мистер Дарси говорит менее приятные вещи, чем его друг. Бедная Элиза! Ты, оказывается, всего лишь «как будто мила»!

— Надеюсь, вы не станете вбивать Лиззи в голову, что она должна быть задета его словами? Понравиться такому несносному человеку было бы просто несчастьем. Миссис Лонг сказала вчера, что он просидел около нее полчаса кряду и за все время даже не раскрыл рта.

— Уверены ли вы в этом? — спросила Джейн. — Нет ли тут какого-то недоразумения? Я хорошо видела, как мистер Дарси с ней разговаривал.

— Пустяки! Она его под конец спросила — понравился ли ему Незерфилд. Вот ему и пришлось что-то ответить. По ее словам, Дарси сделал это весьма неохотно.

— Мисс Бингли сказала мне, — заметила Джейн, — что он терпеть не может подолгу беседовать с посторонними. Зато с близкими друзьями он держится необыкновенно приветливо.

— Вот уж не поверю здесь ни единому слову, дорогая. Если бы он умел быть приветливым, он бы поговорил с миссис Лонг. В чем тут дело, мне совершенно ясно: он лопается от гордости, а тут до него как-то дошло, что у миссис Лонг нет экипажа и что на бал она прикатила в наемной карете.

— Меня мало трогает, что Дарси не беседовал с миссис Лонг, — сказала Шарлотта. — Но мне жаль, что он отказался танцевать с Элизой.

— На твоём месте, Лиззи, — сказала мать, — в следующий раз я бы сама отказалась принять его приглашение.

— Думаю, что я могу обещать вам никогда с ним не танцевать.

— Признаюсь, — сказала мисс Лукас, — гордость мистера Дарси задевает меня не так сильно, как чья-либо

другая. У него для гордости достаточные основания. Приходится ли удивляться, что столь выдающийся молодой человек, знатный и богатый, придерживается высокого мнения о своей особе. Он, если можно так сказать, имеет право быть гордым.

— Все это так,— ответила Элизабет.— И я бы охотно простила ему его гордость, если бы он не ранил мою.

— Гордость,— вмешалась Мэри, всегда отличавшаяся глубиною суждений,— представляется мне весьма распространенным недостатком. Во всех прочитанных мной книгах говорится, что человеческая природа ей очень подвержена. Весьма немногие среди нас не лелеют в своей душе чувства самодовольства, связанного с какой-то действительной или мнимой чертой характера, которая выделила бы их среди окружающих. Гордость и тщеславие — разные вещи, хотя этими словами часто пользуются как синонимами. Человек может быть гордым, не будучи тщеславным. Гордость скорее связана с нашим собственным о себе мнением, тщеславие же — с мнением других людей, которое нам бы хотелось, чтобы они составили о нас.

— Если б я был так же богат, как мистер Дарси,— воскликнул юный Лукас, который приехал в Лонгборн вместе с сестрами,— я бы не стал особенно важничать, а завел бы себе свору борзых да откупоривал каждый день по бутылочке вина!

— Ты бы при этом выпивал гораздо больше вина, чем следует,— возразила миссис Беннет.— И если бы я застала тебя за этим занятием, я бы отобрала у тебя бутылку.

Мальчик стал с ней спорить, утверждая, что она не осмелилась бы этого сделать, но она настаивала на своем, и спор прекратился только с отъездом гостей.

ГЛАВА VI

онгборнские леди вскоре навестили незерфилдских дам. Визит был должным образом возвращен. Приятные манеры старшей мисс Беннет расположили в ее пользу миссис Хёрст и мисс Бингли. И хотя мамаша была признана невыносимой, а о младших дочках не стоило и говорить, двум старшим дали понять, что с ними желали бы поддерживать более близкое знакомство. Такое внимание очень обрадовало

Джейн. Но Элизабет, все еще чувствовавшая их высокомерное отношение ко всему местному обществу, в том числе, пожалуй, даже к ее сестре, приняла его довольно холодно, считая, что некоторая доброжелательность миссис Хёрст и мисс Бингли к Джейн, по всей вероятности, проистекает из склонности к ней мистера Бингли. В самом деле, эта склонность бросалась в глаза всякому, кто видел их вместе. Для Элизабет было также очевидно, что увлечение Джейн мистером Бингли, возникшее с самого начала их знакомства, становится все более сильным и что в скором времени она будет по уши в него влюблена. Элизабет, однако, с удовлетворением замечала, что эта влюбленность станет не скоро известна посторонним, так как большую силу чувства Джейн сочетала с таким самообладанием

и приветливостью, которые должны были защитить ее от подозрений излишне любопытных знакомых. Она поделилась этим наблюдением со своей подругой мисс Лукас.

— Быть может, это неплохо,— сказала Шарлотта,— настолько владеть собой, чтобы в подобных обстоятельствах не выдавать своих чувств. Однако в этой способности может таиться и некоторая опасность. Если женщина скрывает увлечение от своего избранника, она рискует не сохранить его за собой. И тогда слабым утешением для нее будет сознавать, что мир остался в таком же неведении. Почти всякая привязанность в какой-то степени держится на благодарности или тщеславии, и пренебрегать ими вовсе не безопасно. Слегка увлечься все мы готовы совершенно бескорыстно — небольшая склонность вполне естественна. Но мало найдется людей настолько великодушных, чтобы любить без всякого поощрения. В девяти случаях из десяти женщине лучше казаться влюбленной сильнее, чем это есть на самом деле. Бингли несомненно нравится твоя сестра. И тем не менее все может кончиться ничем, если она не поможет ему продвинуться дальше.

— Но она помогает ему настолько, насколько допускает ее характер. Неужели он так ненаблюдателен, что не замечает склонности, которая мне кажется очевидной.

— Не забывай, Элиза, что характер Джейн известен ему не так хорошо, как тебе.

— Но если женщина равнодушна к мужчине и не пытается подавить в себе это чувство, должен же он это заметить?

— Возможно,— если только он проводит с ней достаточно много времени. Но хоть Бингли и Джейн видятся довольно часто, они никогда не остаются подолгу наедине. А встречаясь в обществе, они, конечно, не могут все время разговаривать только друг с другом. Поэтому Джейн должна использовать как можно лучше каждый час, в течение которого она располагает его вниманием. Когда сердце его будет завоевано, у нее останется сколько угодно времени для того, чтобы влюбиться в него самой.

— Неплохой план,— ответила Элизабет,— для тех, кто ищет только, как бы побыстрее выйти замуж. И если бы я задумала приобрести богатого мужа или вообще какого-нибудь мужа, я бы, наверно, им воспользовалась. Но чувства Джейн совершенно иного рода. Она не строит расчетов. До сих пор она еще не уверена ни в силе своей привязанности, ни в том, насколько она разумна. С тех пор, как они познакомились, прошло всего две недели. Она

протанцевала с ним два танца в Меритоне, затем видела его в течение одного утра в Незерфилде. После того они еще четыре раза вместе обедали в большой компании. Этого недостаточно, чтобы она смогла изучить его характер.

— Конечно, нет, если смотреть на все, как ты смотришь. Если она только обедала с ним, она может судить лишь о его аппетите. Но ты забываешь, что они при этом провели вместе четыре вечера. А четыре вечера могут значить очень многое.

— Да, эти четыре вечера позволили им установить, что оба они игру в «двадцать одно» предпочитают игре в покер. Боюсь, однако, что другие не менее важные черты характера успели им раскрыться гораздо меньше.

— Что ж, — сказала Шарлотта, — желаю Джейн успеха от всего сердца. И выйди она за него замуж хоть завтра, я бы считала, что она располагает теми же шансами на счастливую жизнь, как если бы изучала характер своего будущего мужа целый год. Удача в браке полностью зависит от игры случая. Как бы хорошо ни были известны сторонам обоюдные склонности и как бы хорошо они на первый взгляд между собой ни сочетались, — это никак не сказывается на счастье супругов. Со временем между ними возникнет неминуемый разлад, и им выпадут все положенные на их долю огорчения. И не лучше ли в таком случае как можно меньше знать недостатки человека, с которым придется провести жизнь?

— Тебе хочется вызвать меня на спор, Шарлотта. Но твой рассуждения — чистейший вздор. Ты понимаешь это сама. Едва ли ты руководствовалась бы ими в собственной жизни.

Приглядываясь к отношениям между мистером Бингли и Джейн, Элизабет была далека от мысли, что с некоторых пор стала сама предметом пристального наблюдения со стороны его приятеля. Мистер Дарси вначале едва допускал, что она недурна собой. Он совершенно равнодушно смотрел на нее на балу. И когда они встретились в следующий раз, он видел в ней одни недостатки. Но лишь только он вполне доказал себе и своим друзьям, что в ее лице нет ни одной правильной черты, как вдруг стал замечать, что оно кажется необыкновенно одухотворенным благодаря прекрасному выражению темных глаз. За этим открытием последовали и другие, не менее рискованные. Несмотря на то, что своим придирчивым оком он обнаружил не одно отклонение от идеала в ее наружности, он все же был вынужден признать ее необыкновенно

привлекательной. И хотя он утверждал, что поведение Элизабет отличается от принятого в светском обществе, оно подкупало его своей живой непосредственностью. Элизабет ничего об этом не знала. Для нее мистер Дарси по-прежнему оставался лишь человеком, который всем был не по душе и который считал ее не настолько красивой, чтобы он мог с ней танцевать.

У Дарси появилось желание познакомиться с ней поближе, и для того, чтобы найти повод для разговора с Элизабет, он стал прислушиваться к ее разговорам с другими людьми. Эти маневры обратили на себя ее внимание.

Произошло это в гостях у сэра Уильяма Лукаса, у которого собралось в тот день большое общество.

— Зачем мистеру Дарси понадобилось подслушивать мой разговор с полковником Форстером? — спросила она у Шарлотты.

— На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

— Если он себе позволит это еще раз, я непременно дам ему понять, что замечаю его уловки. У него очень насмешливые глаза, и, если я сама не буду с ним достаточно дерзкой, я стану его побаиваться.

Как раз в этот момент мистер Дарси приблизился к ним, не обнаруживая, впрочем, желаний вступить в разговор, и мисс Лукас принялась подзадоривать подругу, чтобы она осуществила свое намерение. Вызов подействовал, и Элизабет, обернувшись к нему, спросила:

— Не показалось ли вам, мистер Дарси, что, убеждая сейчас полковника Форстера дать бал в Меритоне, я привела достаточно веские доводы.

— Вы говорили с большим жаром. Впрочем, какая леди не воспламенится от подобной темы!

— О, вы к нам слишком суровы.

— Ну, а теперь не попробовать ли нам убедить и тебя, — сказала мисс Лукас. — Я открываю инструмент, Элиза, и ты знаешь, что за этим должно последовать.

— Странная ты подруга, Шарлотта, всегда заставляешь меня играть и петь перед любимым и каждым. Если бы мне вздумалось прослыть выдающейся артисткой, ты была бы просто незаменима. Но ведь я к этому не стремлюсь. Право же, я лучше не стану утруждать слух тех, кому знакомы в самом деле хорошие исполнители.

Однако когда мисс Лукас начала настаивать, она сказала:

— Ну что ж, чему быть — того не миновать! — И, хмуро глядя на мистера Дарси, добавила: — В наших краях помнят еще старое правило: чем сказать, лучше смолчать. Видно, уж надо мне смириться, да тем и кончить дело.

Пела она приятно, хоть и не особенно мастерски. После одной или двух песенок, еще до того, как она смогла что-то ответить слушателям, просившим о повторении, ее оттеснила от фортепьяно сестра Мэри — единственная в семье дурнушка, которая усиленно занималась самоусовершенствованием и всегда была рада себя показать.

У Мэри не было ни таланта, ни вкуса. И хотя тщеславие сделало ее усидчивой, оно в то же время внушило ей такие

педантично-самодовольные манеры, которые повредили бы и более мастерскому исполнению. Простое и безыскусное пение Элизабет, хотя и менее совершенное, понравилось публике гораздо больше. Поэтому после затянувшегося концерта Мэри была рада заслужить аплодисменты, играя шотландские и ирландские песенки по просьбе младших сестер, которые вместе с сестрами Лукас и двумя или тремя офицерами затеяли в другом конце комнаты танцы.

Мистер Дарси находился от них неподалеку, негодуя по поводу такого препровождения времени, которое исключало возможность разумной беседы. Он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить подошедшего сэра Уильяма Лукаса, пока последний не обратился к нему со словами:

— Не правда ли, какое это прекрасное развлечение для молодежи, мистер Дарси! В самом деле, может ли быть что-нибудь приятнее танцев? Я нахожу, что танцы — одно из высших достижений цивилизованного общества.

— Совершенно верно, сэр. И в то же время они весьма распространены в обществе, не тронутым цивилизацией. Плясать умеет всякий дикарь.

Сэр Уильям улыбнулся.

— Ваш друг танцует просто превосходно, — продолжал он после некоторой паузы, увидев, что к танцующим присоединился мистер Бингли. — Не сомневаюсь, что и вы, мистер Дарси, могли бы поразить нас своим искусством.

— Вы, вероятно, видели, сэр, как я танцевал в Меритоне.

— Вы угадали, — и получил при этом немалое удовольствие! Вам часто приходится танцевать в Сент-Джеймсе?

— Никогда, сэр.

— Разве вы не находите это подходящим способом выразить свое уважение королевской фамилии?

— Я ни одной фамилии не выражаю своего уважения подобным способом, если могу этого избежать.

— У вас, должно быть, есть в столице собственный дом?

Мистер Дарси кивнул.

— Одно время я тоже подумывал о том, чтобы переселиться в Лондон, — я так люблю хорошее общество! Но, признаться, я побаиваюсь, как бы лондонский воздух не оказался вреден для леди Лукас.

Он замолчал, дожидаясь ответа. Его собеседник, однако, не был расположен продолжать разговор. В эту минуту

к ним приблизилась Элизабет, и сэру Уильяму пришла в голову мысль проявить галантность.

— Как, дорогая мисс Элиза, вы не танцуете? Мистер Дарси, я буду крайне польщен, если по моему совету вы пригласите эту очаровательную юную леди. Не правда ли, вы не сможете отказаться танцевать, когда перед вами находится олицетворение красоты.— И, схватив руку Элизабет, он хотел было уже соединить ее с рукой мистера Дарси, который, несколько растерявшись от неожиданности, был, однако, не прочь этим воспользоваться. Внезапно Элизабет отпрянула назад и, обратившись к сэру Уильяму, с неудовольствием воскликнула:

— Уверяю вас, сэр, я совершенно не предполагала принять участие в танцах. Право, я была бы очень огорчена, если бы вы подумали, что я подошла к вам, желая найти себе кавалера.

Мистер Дарси серьезно и учтиво стал просить Элизабет оказать ему честь, приняв его приглашение; но тщетно — она твердо стояла на своем, и делу также не помогла попытка уговорить ее, предпринятая сэром Уильямом.

— Вы превосходно танцуете, мисс Элиза, и с вашей стороны просто жестоко лишить меня такого приятнейшего зрелища. И хотя этот джентльмен — небольшой любитель танцев, у него, конечно, не может быть возражений против того, чтобы так легко оказать нам столь большую услугу.

— Мистер Дарси — сама любезность! — улыбаясь, сказала Элизабет.

— Разумеется, это так. Но, принимая во внимание его побуждения, дорогая мисс Элиза, этому нельзя удивляться. Кто не был бы счастлив танцевать в паре с такой очаровательной дамой?

Элизабет отошла от них с лукавой усмешкой. Ее отказ не повредил ей в глазах мистера Дарси, и он размышлял о ней вполне благожелательно, когда к нему обратилась мисс Бингли:

— Хотите, я угадаю, о чем вы задумались?

— Надеюсь, вам это не удастся.

— Вы думаете, как невыносимо будет проводить таким образом много вечеров, один за другим,— в подобном обществе. И я совершенно с вами согласна. В жизни еще не испытывала такой скуки! Лезут из кожи вон, чтобы себя показать! Сколько в этих людях ничтожества и в то же время самодовольства. Чего бы я ни дала, чтобы услышать, как вы о них будете потом рассказывать.

— На этот раз, поверьте, вы не угадали. Я размышлял о гораздо более приятных вещах: скажем, о том, сколько очарования заключается в красивых глазах на лице хорошенькой женщины.

Мисс Бингли уставилась на него, требуя, чтобы он открыл ей, что за леди удостоилась чести навести его на подобные мысли. Ничуть не смутившись, мистер Дарси ответил:

— Мисс Элизабет Беннет.

— Мисс Элизабет Беннет? — повторила мисс Бингли. — Признаюсь, я поражена до глубины души! Давно ли она пользуется такой благосклонностью? И скоро ли разрешите пожелать вам счастья?

— Именно тот вопрос, которого я от вас ожидал. Какой стремительностью обладает женское воображение! Оно перескакивает от простого одобрения к любви и от любви к браку в одну минуту. Я так и знал, что вы мне пожелаете счастья.

— Что ж, если вы говорите серьезно, я буду считать дело решенным. У вас будет очаровательная теща, которая, конечно, поселится с вами в Пемберли.

Мистер Дарси слушал с совершенным безразличием, как она развлекалась подобным образом. И поскольку его спокойствие убедило ее, что на самом деле тревожиться не из-за чего, она продолжала изощряться в такого рода остроумии еще достаточно долго.

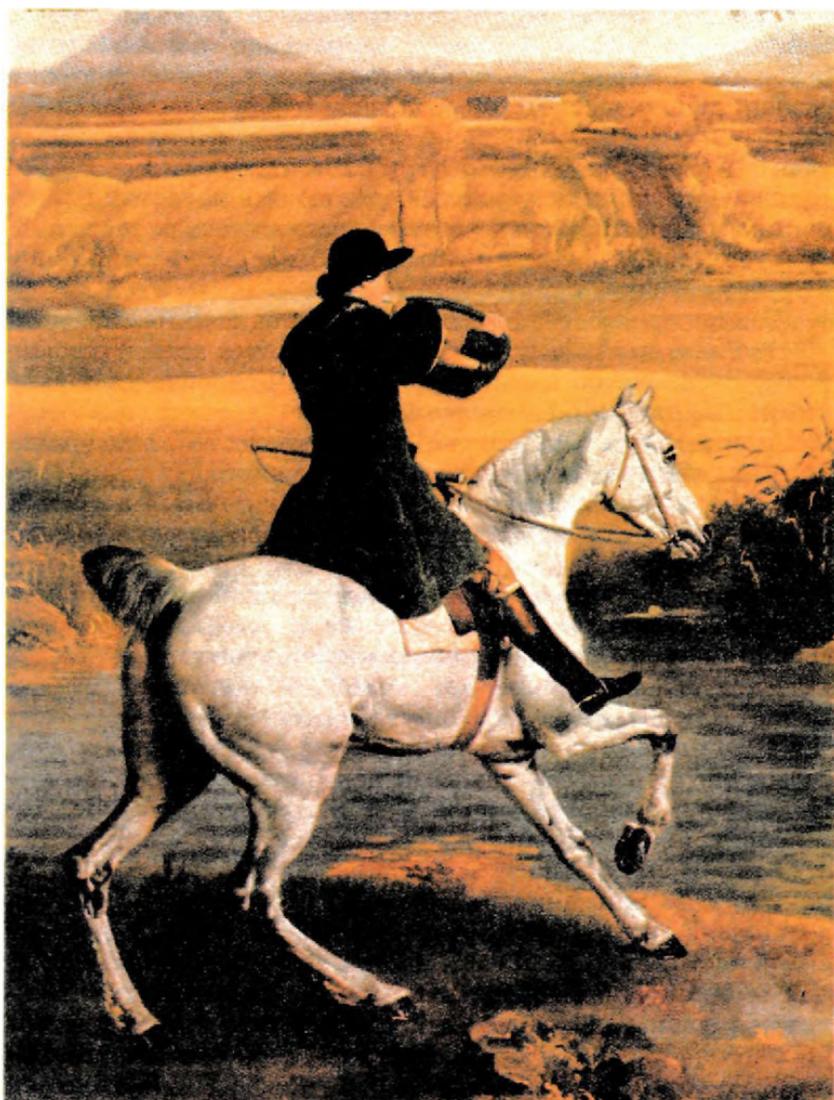
ГЛАВА VII

Почти вся собственность мистера Беннета заключалась в имении, приносявшем две тысячи фунтов годового дохода. На беду его дочерей, имение это наследовалось по мужской линии и, так как в семье не было ребенка мужского пола, переходило после смерти мистера Беннета к дальнему родственнику. Средства миссис Беннет, достаточные при ее теперешнем положении, ни в коей мере не могли восполнить возможную утрату имения в будущем. Отец ее при жизни был стряпчим в Меритоне, оставив ей всего четыре тысячи фунтов.

Ее сестра вышла замуж за мистера Филипса — бывшего клерка отца, который унаследовал его контору. Брат миссис Беннет жил в Лондоне, будучи занят в солидном торговом деле.

Селение Лонгборн находилось всего в одной миле от

«Охота».

С картины Бэзила Тейлора Стаббза, 1762 г.

Меритона — расстояни, весьма удобном для девиц Беннет, которые обычно навевдывались туда три-четыре раза в неделю, чтобы оказать знаки внимания тетушке, а заодно и расположенной по пути модной лавке. Особенно часто подобные вылазки совершались двумя младшими дочерьми,

Кэтрин и Лидией. Наиболее легкомысленные из сестер, они, за неимением лучшего, непременно должны были побывать в Меритоне, чтобы развлечься после завтрака и запастись новостями для болтовни перед сном. И как бы окрѳга ни была бедна происшествиями, у тетушки им всегда удавалось разузнать нечто достойное их внимания. В настоящее время они не терпели недостатка в новостях благодаря расположившемуся на зиму в окрестностях Меритона полку милиции, офицеры которого были расквартированы в городке.

Теперь при посещении миссис Филипс выяснялось множество любопытных подробностей. Каждый день приносил новые сведения об именах офицеров и отношениях между ними. Квартиры офицеров недолго оставались неизвестными, и вскоре стали завязываться знакомства с их обитателями. Мистер Филипс навестил каждого из офицеров и тем самым открыл для своих племянниц новый источник блаженства, несравнимого с прежними радостями жизни. Они не могли разговаривать ни о чем, кроме офицеров. И даже все состояние мистера Бингли, любое упоминание о котором так волновало их мать, не стоило в их глазах ни гроша по сравнению с мундиром прапорщика.

Наслушавшись однажды подобной болтовни, мистер Беннет как бы между прочим заметил:

— Из ваших рассуждений я понял, что вы можете считаться двумя самыми глупыми девчонками в королевстве. Подобная мысль приходила мне в голову и раньше. Но теперь я в этом окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и замолчала, но Лидия, не обратив на эти слова внимания, продолжала рассказывать, как она восхищена капитаном Картером и как ей хочется еще раз его увидеть, прежде чем он завтра уедет в Лондон.

— Меня удивляет, дорогой мой, — сказала миссис Беннет, — с каким пренебрежением судите вы о развитии ваших детей. Если бы я и усомнилась в достоинствах чьих-либо детей, то, уж во всяком случае, не своих собственных.

— Если мои дети глупы, мне хотелось бы, по крайней мере, не питать в отношении их напрасных надежд.

— К счастью, они необыкновенно умны!

— Надеюсь, мы расходимся с вами только в этом вопросе. Было бы приятнее, если бы наши взгляды полностью совпадали. Но пока, увы, я нахожу, что две наши младшие дочки — препорядочные дуры.

— Дорогой мистер Беннет, нельзя требовать от юных девиц, чтобы они были так же умны, как их отец и мать.

В нашем возрасте они, наверно, будут думать об офицерах не больше, чем мы с вами. Я хорошо помню время, когда мне самой очень нравились красные мундиры,— в глубине души, признаюсь, я и теперь к ним равнодушна. И если бы какой-нибудь обаятельный молодой полковник с шестью тысячами в год попросил руки моей дочери, уверяю вас, я не смогла бы ему отказать. Позавчера вечером у сэра Уильяма мне так понравился полковник Форстер в его парадной форме!

— Ах, мама! — воскликнула Лидия.— Тетя говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не так часто бывают у мисс Уотсон. Теперь она их чаще видит в библиотеке Кларка.

Ответу миссис Беннет помешало появление посыльного с письмом для ее старшей дочери. Письмо было послано из Незерфилда, и слуга, который его принес, ждал ответа. Глаза миссис Беннет заблестели от радости, и, пока Джейн проглядывала письмо, она забросала дочь нетерпеливыми вопросами:

— Ах, Джейн, от кого оно? Что там такое? Что он тебе написал? Скорее, скорее, Джейн! Говори же, милочка!

— Оно от мисс Бингли,— сказала Джейн и прочла вслух:

«Моя дорогая,

если Вы не согласитесь из жалости к нам пообедать сегодня вместе со мной и Луизой, мы можем возненавидеть друг друга на веки веков, так как пребывание двух женщин tête-à-tête¹ в течение целого дня никогда не обходится без ссоры. Приезжайте как можно скорее. Мой брат и его друзья обедают с офицерами.

Вечно Ваша
Кэролайн Бингли».

— С офицерами! — воскликнула Лидия.— Как же тетя об этом ничего не сказала?

— Обедают в другом месте? — сказала миссис Беннет.— Какая досада!

— Могу я воспользоваться коляской? — спросила Джейн.

— Нет, дорогая, поезжай лучше верхом. Собирается дождь, и тебе там придется переночевать.

— Неплохо придумано! — сказала Элизабет.— Если только вы уверены, что ее не отвезут домой сами хозяева.

¹ Наедине (фр.).

— Но ведь карета мистера Бингли будет с мужчинами в Меритоне. А у Хёрстов вовсе нет лошадей.

— Мне все же хотелось бы поехать в коляске.

— Милочка, я уверена, что папа не сможет дать лошадей. Они нужны для работы на ферме, не правда ли, мистер Беннет?

— Лошади нужны для работы на ферме гораздо чаще, чем их удается для этого получить!

— Если вы используете их там сегодня, мама будет довольна,— сказала Элизабет.

В конце концов от отца добились подтверждения того, что лошади заняты. Джейн должна была поэтому ехать верхом, и мать проводила ее до ворот, с довольным видом предсказывая ухудшение погоды. Надежды эти вполне оправдались: не успела Джейн выехать, как начался проливной дождь, который привел в беспокойство ее сестер и чрезвычайно обрадовал мать. Дождь продолжался весь вечер без перерыва, так что о возвращении Джейн не могло быть и речи.

— Как хорошо я придумала! — не раз восклицала миссис Беннет, как будто она не только предсказала, но сама и вызвала ухудшение погоды. Однако только на следующее утро она смогла полностью оценить великолепие своего замысла. Завтрак подходил к концу, когда из Незерфилда прибыл слуга со следующей запиской, адресованной Элизабет:

«Дорогая Лиззи,

сегодня утром я очень плохо себя почувствовала — должно быть, оттого, что вчера основательно промокла. Наши добрые друзья и слышать не хотят о моем возвращении, пока я слегка не поправлюсь. Они настаивают также на том, чтобы меня осмотрел мистер Джонс,— поэтому не тревожьтесь, если услышите, что он меня навестил. У меня всего только головная боль и небольшое воспаление в горле.

Твоя и т. д.».

— Что ж, моя дорогая,— обратился к жене мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух,— если ваша дочь серьезно заболеет и, быть может, умрет,— каким утешением будет сознавать, что произошло это в погоне за мистером Бингли, осуществленной по вашим указаниям.

— Я не опасаюсь за ее жизнь. От простуды не умирают! За ней будут хорошо ухаживать, и, пока она там, ничего плохого с ней не случится. Если бы можно было взять экипаж, я бы ее навестила.

По-настоящему встревоженная Элизабет решила проведать сестру. И так как экипажа не было, а ездить верхом она не умела, ей не оставалось ничего другого, как отправиться в Незерфилд пешком. Она объявила об этом намерении.

— Ты с ума сошла,— воскликнула мать,— идти пешком по такой грязи! Да на тебя смотреть нельзя будет, когда ты туда явишься.

— Зато я смогу присмотреть за Джейн, а это все, что мне нужно.

— Может быть, Лиззи, все же послать за лошадьми? — спросил отец.

— Нет, право, не нужно. Я даже буду рада пройтись. Расстояния не замечаешь, если перед тобой определенная цель. Да тут и всего-то каких-нибудь три мили. К обеду я буду дома.

— Восхищаюсь твоей готовностью помогать ближнему,— сказала Мэри.— Но каждый душевный порыв следует поверять разумом. Во всяком деле, мне думается, нужно прилагать силу, соразмерную необходимому действию.

— Хочешь, пройдем вместе до Меритона? — предложили Кэтрин и Лидия.

Элизабет согласилась, и три девицы вышли из дома одновременно.

— Если мы поспешим,— сказала по дороге Лидия,— мы, быть может, еще застанем капитана Картера перед отъездом.

В Меритоне они расстались. Младшие сестры отправились к жене одного из офицеров, а Элизабет быстро зашагала вперед, пересекая одно поле за другим, торопливо перебираясь через насыпи и прыгая через канавы, пока не оказалась перед Незерфилдом, усталая, в забрызганных грязью чулках и с пылающим от напряженной ходьбы лицом.

Ее провели в комнату для завтрака, где собралось незерфилдское общество за исключением Джейн. Приходу Элизабет все были немало удивлены. Сестрам мистера Бингли казалось просто невероятным, что она могла пройти в такую рань, при такой погоде да еще в полном одиночестве целых три мили пешком. И хотя она была принята весьма любезно, Элизабет понимала, что в их глазах поступок ее не заслуживал одобрения. В поведении мистера Бингли, напротив, можно было заметить признаки чего-то большего, чем простая любезность. В нем чувствовалось расположение и признательность. Мистер Дарси был немногословен, а мистер Хёрст вообще не сказал ничего. Первый размышлял о том, насколько она похорошела, разгоряченная быстрой ходьбой, и в какой мере ее побуждения оправдывали столь смелую прогулку. Мысли второго были целиком сосредоточены на завтраке.

Сведения о состоянии здоровья Джейн были мало утешительны. Мисс Беннет провела тревожную ночь и, хотя встала с постели, чувствовала себя настолько плохо, что

не смогла выйти из комнаты. По просьбе Элизабет ее немедленно провели к больной. Приход сестры очень обрадовал Джейн, которая не написала, насколько ей хотелось бы ее повидать, только из опасения вызвать чрезмерную тревогу. Однако она почти не могла говорить и, когда мисс Бингли оставила их вдвоем, сумела только выразить благодарность за необычайную доброту, с которой о ней здесь заботились. Элизабет ухаживала за больной молча.

После завтрака пришли сестры мистера Бингли, и Элизабет почувствовала к ним симпатию, увидев, сколько заботы и внимания оказывают они своей подруге. Приехавший

вскоре аптекарь, осмотрев больную, сказал, что, как и предполагалось, заболевание вызвано сильной простудой, потребовал принятия самых энергичных мер, предписал постельный режим и обещал прислать микстуру. Предписание было исполнено сразу, так как лихорадка и головная боль все время усиливались. Элизабет не покидала сестру ни на минуту. Другие дамы также почти не отлучались — правда, делать им было больше нечего, так как мужчин не было дома.

К трем часам Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться, и неохотно об этом сказала. Мисс Бингли предложила ей экипаж, и она почти готова была им воспользоваться. Однако Джейн так огорчилась предстоявшей разлукой, что мисс Бингли поневоле пригласила Элизабет провести еще некоторое время в Незерфилде. Приглашение было с благодарностью принято, и в Лонгборн послали слугу, чтобы предупредить родных и доставить необходимое платье.

ГЛАВА VIII

В пять часов дамы ушли переодеваться, и в половине шестого Элизабет позвали к столу. Отвечая на вежливые расспросы о здоровье больной, она с удовольствием отметила про себя искреннее беспокойство мистера Бингли.

К сожалению, нельзя было сообщить ничего утешительного. Состояние Джейн по-прежнему оставалось тяжелым. Услышав это, сестры мистера Бингли три или четыре раза выразили свое огорчение, порассуждали о том, какая ужасная вещь — простуда, и насколько каждая из них не любит болеть, и больше уже о подруге не вспоминали. И Элизабет почувствовала к ним прежнюю неприязнь, убедившись, как мало они думают о Джейн в ее отсутствие.

Из всей компании единственным человеком, заслуживавшим ее симпатию, был мистер Бингли. Элизабет сознавала, что остальные смотрят на нее как на непрошеную гостью, и только Бингли своим искренним беспокойством о больной и вниманием к ее сестре несколько смягчал это ощущение. Кроме мистера Бингли, ее едва ли кто замечал. Внимание мисс Бингли было полностью поглощено мистером Дарси, миссис Хёрст старалась не отставать от сестры, что же

касается сидевшего рядом с Элизабет мистера Хёрста — бездушного человека, из тех, что живут на свете лишь для того, чтобы есть, пить и играть в карты, — то после того, как он узнал, что жаркое она предпочитает рагу, ему больше не о чем было с ней говорить.

Сразу же после обеда Элизабет вернулась к Джейн. И как только она вышла из комнаты, мисс Бингли принялась злословить на ее счет. Ее манеры были признаны вызывающими и самонадеянными, и было сказано, что она полностью лишена вкуса, красоты, изящества и умения поддерживать разговор. Миссис Хёрст думала то же самое. При этом она добавила:

— Короче говоря, единственным положительным свойством этой девицы является способность преодолевать по утрам необыкновенно большие расстояния пешком. Никогда не забуду, в каком виде она появилась сегодня — словно какая-то дикарка.

Она и была ею, Луиза. Я едва сдержалась от смеха. Ее приход вообще — такая нелепость. Если сестра ее простудилась, ей-то зачем было бежать в такую даль? А что за вид — лицо обветренное, волосы растрепанные!..

— Да, а ее юбка! Надеюсь, вы видели ее юбку — в грязи дюймов на шесть, ручаюсь. Она старалась опустить пониже края плаща, чтобы прикрыть пятна на подоле, но, увы, это не помогало.

— Быть может, это все верно, — сказал Бингли, — но я, признаюсь, ничего такого не заметил. Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет прекрасно выглядит, когда она вошла к нам сегодня утром. А грязи на подоле я просто не разглядел.

— Вы-то, надеюсь, ее разглядели, мистер Дарси? — сказала мисс Бингли. — Я полагаю, вам не хотелось бы встретить в таком виде вашу сестру.

— Вы совершенно правы.

— Пройти пешком три, нет, четыре, да нет — пять или сколько там миль, чуть ли не по колено в грязи, к тому же в совершенном одиночестве! О чем она думала? Я в этом вижу худший вид сумасбродства — свойственное провинциалам пренебрежение всеми приличиями.

— Это могло быть также проявлением весьма похвальной привязанности к родной сестре, — сказал мистер Бингли.

— Боюсь, мистер Дарси, — тихонько сказала мисс Бингли, — как бы сегодняшнее приключение не повредило вашему мнению о ее глазах.

— Отнюдь нет,— ответил он.— После прогулки они горели еще ярче.

Наступила короткая пауза, вслед за которой миссис Хёрст начала снова:

— Мне очень нравится Джейн Беннет. Она в самом деле славная девочка. И я от души желаю ей счастливо устроиться в жизни. Но боюсь, что при таких родителях и прочей родне у нее для этого мало возможностей.

— Ты, кажется, говорила, что их дядя — стряпчий в Меритоне?

— Как же! А еще один живет в Чипсайде.

— Просто прелесть! — воскликнула мисс Бингли, и обе чуть не покатались со смеху.

— Даже если бы их дядюшки заселили весь Чипсайд,— решительно заявил Бингли,— она не стала бы от этого менее привлекательной.

— Да, но это весьма помешало бы ей выйти замуж за человека с некоторым положением в обществе,— заметил Дарси.

Бингли ничего не ответил, но его сестры горячо поддержали Дарси и продолжали еще довольно долго острить насчет вульгарных родичей их дорогой подруги.

Спустя некоторое время они все же почувствовали новый прилив нежности и опять отправились к ней в комнату, где оставались до тех пор, пока их не позвали пить кофе. Джейн по-прежнему чувствовала себя плохо, и Элизабет не покидала ее до позднего вечера. Несколько успокоенная тем, что больная заснула, она в конце концов ощутила не желание, а скорее необходимость примкнуть к остальному обществу. Когда она вошла в гостиную, все сидели за картами. Ее тут же пригласили принять участие в игре. Боясь, однако, что игра идет на крупные ставки, Элизабет отказалась, сославшись на болезнь сестры и сказав, что непродолжительное время, в течение которого она может побыть внизу, она охотнее проведет за книгой. Мистер Хёрст посмотрел на нее с удивлением.

— Вы картам предпочитаете чтение? — спросил он.— Странно!

— Мисс Элиза Беннет,— сказала мисс Бингли,— презирает игру. Она много читает и не признает других удовольствий.

— Я не заслуживаю ни похвал, ни упреков такого рода,— ответила Элизабет.— Мне нравятся разные вещи, и я не так уж много читаю.

— Я убежден, например, что вам нравится ухаживать

за вашей сестрой,— сказал Бингли.— Надеюсь, это удовольствие еще возрастет по мере ее выздоровления.

Элизабет душевно его поблагодарила и направилась к столу, где лежало несколько книг. При этом Бингли предложил показать ей другие книги, хранящиеся в библиотеке.

— Я был бы рад, если бы, к вашей пользе, а моей чести, мог похвалиться более обширным собранием. Но я ленив, и, хотя оно совсем невелико, в нем больше книг, чем я когда-либо надеюсь прочесть.

Элизабет уверила его, что ей вполне достаточно тех, что находятся в комнате.

— Меня удивляет,— сказала мисс Бингли,— что наш отец обходился таким малым количеством книг. Зато какая превосходная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

— Другой там быть не могло,— ответил Дарси.— Она создана заботами не одного поколения.

— Но как много вы к ней прибавили сами! Вы все время покупаете книги.

— Было бы странно, если бы я пренебрегал фамильной библиотекой в такое время, как наше.

— Пренебрегали! Конечно, вы не пренебрегаете ничем, что могло бы еще больше украсить этот славный уголок. Чарльз, если у тебя будет собственный дом, хотела бы я, чтобы он хотя бы вполовину был так хорош, как Пемберли.

— Я бы сам этого желал.

— Правда, я бы тебе советовала купить имение где-нибудь неподалеку от Пемберли, приняв его за образец. Во всей Англии я не знаю лучшего графства, чем Дербишир.

— От души с тобой согласен. Я даже купил бы Пемберли, если бы Дарси его продал.

— Я говорю о возможном, Чарльз.

— Честное слово, Кэролайн, владельцем такого имения можно скорее сделаться, купив Пемберли, нежели попытаюсь его воспроизвести.

Этот разговор настолько заинтересовал Элизабет, что она перестала читать и вскоре, отложив книгу, подошла к карточному столу; поместившись между мистером Бингли и миссис Хёрст, она начала наблюдать за игрой.

— Мисс Дарси, я думаю, заметно выросла с прошлой весны,— сказала мисс Бингли.— Она, наверно, станет такой же высокой, как я.

— Вполне возможно. Сейчас она ростом, пожалуй, с мисс Элизабет Беннет или даже чуть-чуть повыше.

— Как бы мне хотелось снова ее увидеть! Я не встречала никого в жизни, кто бы мне так понравился. Ее внешность и манеры очаровательны. А какая образованность в подобном возрасте! Она играет на фортепьяно не хуже подлинных музыкантов.

— Меня удивляет,— сказал Бингли,— как это у всех молодых леди хватает терпения, чтобы стать образованными.

— Все молодые леди образованные?! Чарлз, дорогой, что ты хочешь этим сказать?

— По-моему, все. Все они рисуют пейзажи, раскрашивают экраны и вяжут кошельки. Я не знаю, наверно, ни одной девицы, которая не умела бы этого делать. И мне, пожалуй, не приходилось слышать, чтобы о молодой леди не сказали, насколько она прекрасно образованна.

— Ваше перечисление совершенств молодых женщин,— сказал Дарси,— к сожалению, верно. Образованной называют всякую барышню, которая заслуживает этого тем, что вяжет кошельки или раскрашивает экраны. Но я далек от того, чтобы согласиться с вашим мнением о женском образовании. Я, например, не мог бы похвастаться, что среди знакомых мне женщин наберется больше пяти-шести образованных по-настоящему.

— Я с вами вполне согласна,— сказала мисс Бингли.

— В таком случае,— заметила Элизабет,— вы, вероятно, можете дать точное определение понятия «образованная женщина»?

— Да, оно кажется мне достаточно ясным.

— О, в самом деле! — воскликнула его преданная союзница.— По-настоящему образованным может считаться лишь тот, кто стоит на голову выше всех окружающих. Женщина, заслуживающая это название, должна быть хорошо обучена музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам. И кроме всего, она должна обладать каким-то особым своеобразием внешности, манер, походки, интонации и языка — иначе это название все-таки будет заслуженным только наполовину.

— Всем этим она действительно должна обладать.— сказал Дарси.— Но я бы добавил к этому нечто более существенное — развитый обширным чтением ум.

— В таком случае меня несколько не удивляет, что вы знаете только пять-шесть образованных женщин. Скорее мне кажется странным, что вам все же удалось их сыскать.

— Неужели вы так требовательны к собственному полу и сомневаетесь, что подобные женщины существуют?

«Жокей».

С картины Бэзила Тейлора Стаббза, 1765 г.

— Мне они не встречались. Я никогда не видела, чтобы в одном человеке сочетались все те способности, манеры и вкус, которые были вами сейчас перечислены.

Миссис Хёрст и мисс Бингли возмущились несправедливостью такого упрека их полу и стали наперебой

уверять, что им приходилось встречать немало женщин, вполне отвечающих предложенному описанию, пока наконец мистер Хёрст не призвал их к порядку, жалуясь на их невнимание к игре. Разговор прекратился, и Элизабет вскоре вышла из комнаты.

— Элиза Беннет,— сказала мисс Бингли, когда дверь затворилась,— принадлежит к тем девицам, которые пытаются понравиться представителям другого пола, унижая свой собственный. На многих мужчин, признаюсь, это действует. Но, по-моему, это низкая уловка худшего толка.

— Несомненно,— отозвался Дарси, к которому это замечание было обращено.— Низким является любой способ, употребляемый женщинами для привлечения мужчин. Все, что порождается хитростью, отвратительно.

Мисс Бингли не настолько была удовлетворена полученным ответом, чтобы продолжить разговор на ту же тему.

Элизабет снова вернулась к ним, сообщив, что ее сестре стало хуже и что она не сможет больше от нее отлучаться. Бингли принялся настаивать, чтобы немедленно послали за мистером Джонсом. Его сестры стали уверять, что в глуши нельзя получить должной помощи, и советовали послать экипаж за известным врачом из столицы. Элизабет и слышать не хотела об этом, но охотно согласилась с предложением мистера Бингли. Было решено, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если к тому времени Джейн не станет значительно лучше. Бингли был очень обеспокоен, а его сестры заявили, что чувствуют себя крайне несчастными. Однако им удалось утешить себя пением дуэтов после ужина, в то время как он нашел единственное успокоение в том, что обязал дворецкого оказывать больной гостье и ее сестре самое большое внимание.

ГЛАВА IX

Почти всю ночь Элизабет провела у постели больной и, к своему удовлетворению, утром могла сообщить довольно благоприятные сведения о ее здоровье через горничную, очень рано присланную мистером Бингли, а затем через двух элегантных особ, которые прислуживали его сестрам. Однако, несмотря на наметившийся перелом, она все же попросила помочь ей передать в Лонгборн записку, в

которой настаивала на приезде матери, чтобы та сама оценила положение. Записка была послана незамедлительно и так же быстро исполнена содержащаяся в ней просьба. Миссис Беннет в сопровождении двух дочек прибыла в Незерфилд вскоре после того, как семья позавтракала.

Если бы мать нашла Джейн в опасном состоянии, она, несомненно, была бы этим удручена. Но, успокоенная тем, что болезнь Джейн не была угрожающей, она не желала, чтобы дочь выздоровела слишком быстро, так как это заставило бы ее вскоре покинуть Незерфилд. Поэтому она даже слушать не захотела, когда Джейн попросила, чтобы ее перевезли домой. Приехавший следом аптекарь тоже не считал переезд разумным. После того как миссис Беннет немного побывала с Джейн, к ним поднялась мисс Бингли и пригласила ее и трех ее дочек в комнату для завтрака. Мистер Бингли, встретив их там, выразил надежду, что состояние Джейн не окажется более тяжким, чем ожидала миссис Беннет.

— Увы, сэр, именно так! — отвечала она. — Бедняжка слишком плоха, чтобы ее можно было перевезти в Лонгборн. По мнению мистера Джонса, об этом нельзя и думать. Придется нам еще некоторое время пользоваться вашим гостеприимством.

— Перевезти в Лонгборн! — воскликнул Бингли. — Об этом не может быть и речи. Моя сестра, я уверен, не захочет и слышать о переезде.

— Можете не сомневаться, сударыня, — с холодной учтивостью заметила мисс Бингли. — Если мисс Беннет останется в нашем доме, ей будет уделено необходимое внимание.

Миссис Беннет весьма пылко выразила свою признательность.

— О, я уверена, — добавила она, — не будь вокруг нее близких друзей, с нею бы уже случилось бог знает что. Бедняжка в самом деле плоха, — она так страдает, несмотря на присущее ей терпение. Но ведь это свойство ее ангельского характера, с каким вы едва ли где-нибудь встретитесь. Я часто говорю моим девочкам, что им до Джейн далеко. Мне очень нравится эта комната, мистер Бингли! Какой очаровательный вид на главную парковую дорожку. Не знаю, есть ли в нашем графстве уголок, подобный Незерфилду. Вам не захочется скоро его покинуть, не так ли, хоть вы и арендовали его ненадолго?

— Я всегда отличался стремительностью,— ответил он.— Если я решусь покинуть Незерфилд, меня, возможно, не будет здесь уже через пять минут. В данное время, однако, мне кажется, что я устроился основательно.

— Именно этого я от вас и ожидала,— сказала Элизабет.

— Вы начинаете разбираться в моем характере, не правда ли? — ответил, обернувшись к ней, Бингли.

— О да, я вас вполне понимаю.

— Хотелось бы мне считать это комплиментом. Но человек, которого видно насквозь, кажется, наверно, немного жалким.

— Это зависит от обстоятельств. Характеры скрытные и сложные не обязательно оцениваются выше или ниже, чем натуры, подобные вашей.

— Лиззи,— вмешалась мать,— пожалуйста, не забывай, где ты находишься, и не болтай всякие глупости, которые ты себе позволяешь дома.

— Я и не подозревал,— сказал Бингли,— что вы занимаетесь изучением человеческой природы. Должно быть, это интересный предмет?

— Особенно интересны сложные характеры. Этого преимущества у них не отнять.

— Провинция,— сказал Дарси,— дает немного материала для такого изучения. Слишком ограничен и неизменен круг людей, с которыми здесь можно соприкоснуться.

— Люди, однако, меняются сами так сильно, что то и дело в каждом человеке можно подметить что-нибудь новое.

— О, в самом деле,— воскликнула миссис Беннет, задетая тоном Дарси, которым он говорил о провинциальном обществе,— смею вас уверить, что в провинции всего этого ничуть не меньше, чем в городе!

Все были изумлены, и Дарси, бросив на нее взгляд, молча отвернулся. Однако гостье, вообразившей, что ею одержана решительная победа, захотелось развить успех.

— Я, со своей стороны, вовсе не считаю, что у Лондона есть какие-нибудь серьезные преимущества перед провинцией,— конечно, если не иметь в виду магазинов и развлечений. В провинции жить приятнее, не правда ли, мистер Бингли?

— Когда я нахожусь в провинции,— ответил он,— мне не хочется из нее уезжать. Но когда я попадаю в

столицу, со мной происходит то же самое. У того и у другого — свои хорошие стороны. Я мог бы быть одинаково счастлив и тут и там.

— Да, но это потому, что вы обо всем здраво судите. А вот этот джентльмен,— она взглянула на Дарси,— смотрит на провинциальную жизнь свысока.

— Вы ошибаетесь, сударыня,— вмешалась Элизабет, краснея за свою мать.— Вы неправильно поняли мистера Дарси. Он хотел лишь сказать, что в провинции встречаешься с меньшим разнообразием людей, чем в городе,— а с этим вы, разумеется, согласитесь.

— Конечно, дорогая моя, никто и не говорит о большем разнообразии. Впрочем, что касается круга знакомств, то мне не верится, что он здесь меньше, чем где-нибудь в другом месте. Нас приглашают обедать в двадцать четыре дома.

Едва ли мистеру Бингли удалось бы сохранить при этом серьезное выражение лица, если бы он не счел необходимым пощадить чувства Элизабет. Его сестра была не столь деликатна и посмотрела на Дарси с весьма выразительной улыбкой. Пытаясь придумать что-нибудь, что могло бы направить мысли матери по новому руслу, Элизабет спросила у миссис Беннет, не заходила ли в ее отсутствие Шарлотта Лукас.

— О да, вчера она была у нас со своим отцом. Что за милейший человек этот сэр Уильям — не правда ли, мистер Бингли? Настоящая светскость: благородство и любезность! У него всегда найдется, что сказать каждому человеку. Вот, по-моему, образец хорошего тона! Особы, которые воображают о себе бог знает что и даже не желают раскрыть рта, напрасно предполагают, что они хорошо воспитаны.

— Шарлотта с вами обедала?

— Нет, она спешила домой. Наверно, ей нужно было помочь готовить пирог. Что касается нас, мистер Бингли, то я у себя держу таких слуг, которые сами справляются со своей работой. О да, мои девочки воспитаны по-другому. Каждый, впрочем, поступает как может. Девицы Лукас все же очень милы, могу вас уверить. Так обидно, что они некрасивы. Я не говорю, что Шарлотта совсем безобразна — она наш большой друг.

— Кажется, она очень приятная молодая женщина,— сказал Бингли.

— О, еще бы! Но не станете же вы отрицать, что она дурнушка. Это признает сама леди Лукас, завидуя

красоте моей Джейн. Не хотелось бы хвалиться собственной дочерью, но, если уж говорить о Джейн, не часто найдешь такую красавицу. Об этом слышишь на каждом шагу — себе самой я бы не поверила. Когда ей только минуло пятнадцать, мы жили у моего брата Гардинера в Лондоне. И, представьте, там был один джентльмен, который влюбился в нее без памяти. Невестка ждала уже, что он вот-вот сделает ей предложение — еще до того, как мы уедем. Правда, этого не случилось. Быть может, он считал, что Джейн чересчур молода. Зато он посвятил ей стихи — знаете, просто очаровательные.

— Тем этот роман и кончился, — поспешно вмешалась Элизабет. — Я думаю, это не единственное увлечение, нашедшее подобный конец. Интересно, кто первый открыл, что поэзия убивает любовь?

— Я привык считать поэзию питательной средой для любви, — сказал Дарси.

— Да — прочной, здоровой и страстной любви — возможно. То, что уже окрепло, может питаться чем угодно. Но если говорить о легкой склонности, — я уверена, что после одного хорошего сонета от нее может не остаться и следа.

Дарси улыбнулся. В наступившем молчании Элизабет с тревогой ждала, что мать произнесет какую-нибудь новую бестактность. Миссис Беннет в самом деле очень хотелось поговорить, но ей ничего не пришло в голову. И после некоторой паузы она стала снова благодарить мистера Бингли за его заботу о Джейн и извиняться за беспокойство, которое ему причиняет еще и Лиззи. Бингли был искренне любезен в своих ответах, заставив быть вежливой и свою младшую сестру, которая произнесла все, что подобало при таких обстоятельствах. И хотя свою роль она исполнила без особого рвения, миссис Беннет все же осталась вполне довольна и вскоре попросила подать экипаж. В то же мгновение, как по сигналу, выступила ее младшая дочка. Китти и Лидия в течение всего визита перешептывались между собой. При этом они договорились, что младшая должна напомнить мистеру Бингли про обещание устроить бал в Незерфилде, которое он дал по приезду в Хартфордшир.

Лидия, рослая, недурная собой пятнадцатилетняя девица, была любимицей матери. Именно благодаря этой привязанности она начала выезжать в свет в столь юном возрасте. Ее природные предприимчивость и общительность развились в самонадеянность благодаря внима-

нию офицеров, которых привлекали хорошие обеды дя-дюшки и ее врожденное легкомыслие. Поэтому ей ничего не стоило заговорить с мистером Бингли о бале и прямо напомнить ему про его обязательство, добавив, что с его стороны было бы позорнейшим упущением, если бы он не сдержал слова. Его ответ на этот неожиданный выпад был весьма приятен для слуха миссис Беннет.

— Поверьте, я с радостью выполню свое обещание. И как только мисс Беннет поправится, я попрошу, чтобы именно вы сообразовали выбрать день для этого праздника. Но пока она больна, вам, я полагаю, и самой не захотелось бы танцевать.

Лидия сказала, что вполне удовлетворена его словами.

— О да, гораздо лучше подождать, пока Джейн выздоровеет. К тому же за это время в Меритон может вернуться капитан Картер. А после вашего бала,— добавила она,— я заставлю их устроить свой. Так и скажу полковнику Форстеру, что ему стыдно уклоняться.

После этого миссис Беннет и ее младшие дочери уехали, а Элизабет сразу вернулась к Джейн, предоставив двум леди и мистеру Дарси возможность беспрепятственно злословить о ней и ее родных. Впрочем, несмотря на все остроты мисс Бингли по поводу ее «очаровательных глазок», дамы так и не смогли заставить мистера Дарси что-нибудь в ней осудить.

ГЛАВА X

В остальном день прошел почти так же, как предыдущий. Миссис Хёрст и мисс Бингли провели в первой половине дня несколько часов у больной, которая продолжала мало-помалу поправляться. Вечером Элизабет спустилась в гостиную, где собралось остальное общество. На этот раз карточного стола не было. Мистер Дарси писал письмо, а сидевшая рядом с ним мисс Бингли следила за его пером и постоянно отвлекала его внимание различными пожеланиями, которые она просила передать его сестре. Мистер Хёрст и мистер Бингли играли в пикет, а миссис Хёрст наблюдала за их игрой.

Элизабет, принявшись за шитье, испытала немалое удовольствие, прислушиваясь к тому, что происходило

между Дарси и его соседкой. Непрерывные восторженные замечания леди по поводу его почерка, ровности строчек или пространности письма и полные равнодушия к похвалам ответы джентльмена составили любопытный диалог и в точности соответствовали представлению, сложившемуся у Элизабет, о характерах его участников.

— Этому письму так обрадуется мисс Дарси!

Молчание.

— Вы пишете необыкновенно бегло.

— Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

— Сколько писем приходится вам написать на протяжении года! Да еще деловые письма! Представляю себе, какое это изнурительное занятие.

— Что ж, ваше счастье, что оно досталось на мою долю.

— Напишите ради бога вашей сестре, как мне хочется ее повидать.

— Я уже написал это по вашей просьбе.

— По-моему, у вас плохое перо. Дайте, я его очиню. Я научилась отлично чинить перья.

— Благодарю вас, но я всегда чиню перья собственноручно.

— Как это вы ухитряетесь так ровно писать?

Он промолчал.

— Сообщите вашей сестре, что меня очень обрадовали ее успехи в игре на арфе. И, пожалуйста, передайте, что я в восторге от ее прелестного узора для скатерти и считаю его гораздо более удачным, чем рисунок мисс Грантли.

— Вы позволите отложить ваши восторги до следующего письма? Здесь у меня уже не осталось для них подобающего места.

— О, пусть вас это не беспокоит. Я увижусь с ней в январе. Скажите, вы ей всегда пишете такие восхитительные длинные письма, мистер Дарси?

— Да, они довольно пространные, но насколько они восхитительны, не мне судить.

— Мне кажется само собой разумеющимся, что человек, который способен с легкостью написать длинное письмо, не может написать его плохо.

— Для Дарси это не комплимент, Кэролайн,— вмешался ее брат,— письма даются ему не так-то легко. Слишком уж он старается все время выискивать четырехсложные словечки,— не правда ли, Дарси?

— Стиль моих писем, разумеется, отличается от вашего.

— О,— воскликнула мисс Бингли,— так небрежно, как пишет Чарлз, не пишет никто. Одну половину слов он пропускает, а вторую — зачеркивает.

— В моей голове мысли проносятся так стремительно, что я не успеваю их выразить. Оттого-то мои письма иной раз не доносят никаких мыслей до тех, кому они адресованы.

— Ваша скромность, мистер Бингли,— сказала Элизабет,— разоружила бы любого вашего критика.

— Нет ничего более обманчивого,— сказал Дарси,— чем показная скромность. Под ней часто скрывается равнодушие к посторонним мнениям, а иногда и замаскированная похвальба.

— Чем же вы назовете мое смиренное суждение?

— Разумеется, замаскированной похвальбой. Ведь в глубине души вы гордитесь недостатками своих писем. Вы считаете, что их порождает быстрота мысли и не-

брежность исполнения — свойства хоть и не похвальные, но все же не лишенные привлекательности. Способность делать что-либо быстро всегда высоко ценится ее обладателем, зачастую независимо от качества исполнения. Сегодня утром вы ведь хотели представить себя в самом выгодном свете, заявив миссис Беннет, что не задержались бы в Незерфилде и пяти минут, если бы вам вздумалось его покинуть. По существу же, что похвального в поспешности, из-за которой важные дела могут остаться незаконченными и от которой никакого проку нет ни вам самому, ни кому-либо другому?

— Ну, это уж чересчур, — воскликнул Бингли, — упрекать вечером за вздор, сказанный поутру. Впрочем, клянусь честью, я верил в то, что говорил о себе тогда, и продолжаю в это верить сейчас. И уж, во всяком случае, я говорил о своей излишней торопливости не с тем, чтобы порисоваться перед дамами.

— Не сомневаюсь, вы в это верили. Но я-то вовсе не убежден, что вы бы уехали с такой стремительностью. Ваше поведение точно так же зависело бы от обстоятельств, как и поведение любого другого человека. И если бы в тот момент, когда вы вскакивали бы на коня, поблизости нашелся друг, который сказал бы: «Бингли, а не лучше ли вам на недельку задержаться?» — быть может, вы так бы и поступили и никуда не поехали — другими словами, застряли бы еще на целый месяц.

— Вы только доказали, — воскликнула Элизабет, — что мистер Бингли несправедлив сам к себе. И превознесли его больше, чем это сделал он сам.

— Мне приятно, что вы обращаете слова моего друга в похвалу мягкости моего характера, — сказал Бингли. — Но боюсь, ваше толкование его слов прямо противоположно мысли, которую вкладывал в них Дарси. Он-то, разумеется, думает, что при таких обстоятельствах для меня лучше всего было бы наотрез отказаться и ускользнуть как можно быстрее.

— Разве мистер Дарси находит, что опрометчивость вашего первоначального решения искупалась бы упрямством, с которым вы его выполнили?

— Честное слово, мне трудно вам объяснить, в чем тут дело. Пусть лучше Дарси говорит за себя.

— Вы хотите, чтобы я защищал мнение, которое мне приписываете, но которого я не высказывал. Допустим, однако, дело обстоит так, как вы говорите. Вы помните, мисс Беннет, мы предположили, что друг, ко-

Сельская Англия конца XVIII в.

торый захотел отсрочить отъезд, выразил только желание, просьбу и даже ничем этой просьбы не объяснил.

— А разве вы не видите заслуги в готовности легко уступить настояниям друга?

— Неразумная уступка не сделала бы чести умственным способностям обоих.

— Мне кажется, мистер Дарси, вы недооцениваете влияние дружбы или привязанности. А между тем уважение к просителю нередко может заставить человека выполнить просьбу, даже не вникая в то, насколько она обоснована. Я не имею в виду случай, который вы предположили в отношении мистера Бингли. Мы можем подождать, пока подобные обстоятельства возникнут в действительности, и уже тогда будем судить о разумности его действий. Но, говоря вообще, если бы кто-то попросил друга отказаться от не слишком важного шага и тот ему уступил, не дожидаясь логических доказательств, неужели бы вы за это его осудили?

— А не следует ли нам, прежде чем обсуждать вопрос дальше, точнее определить значительность просьбы, так же как и степень близости между друзьями?

— Совершенно необходимо! — воскликнул Бингли. — Давайте условимся обо всех мелочах, не забывая даже

о росте и силе друзей,— это, мисс Беннет, может иметь гораздо большее значение, чем кажется на первый взгляд. Поверьте, если бы Дарси не выглядел по сравнению со мной таким верзилой, я бы с ним меньше считался. При известных обстоятельствах и в определенных местах он, признаюсь, заставляет себя бояться, особенно в собственном доме и когда ему нечего делать в воскресный вечер.

Дарси улыбнулся, но Элизабет почувствовала, что в глубине души он уязвлен, и сдержала улыбку. Мисс Бингли была возмущена нанесенным ему оскорблением и разбрала брата за его глупую болтовню.

— Я разгадал ваш замысел, Бингли,— сказал его друг.— Вам не нравится наш спор, и вы решили таким способом с ним покончить.

— Быть может. Споры слишком похожи на диспуты. Если вы и мисс Беннет отложите ваши пререкания до тех пор, пока я уйду из комнаты, я буду вам премного обязан. И тогда вы сможете говорить обо мне все, что вам вздумается.

— Ваша просьба,— сказала Элизабет,— не требует жертвы с моей стороны. А для мистера Дарси было бы гораздо лучше, если бы ему удалось закончить письмо.

Мистер Дарси воспользовался ее советом и дописал письмо до конца.

Освободившись, он попросил мисс Бингли и Элизабет немного развлечь компанию музыкой. Мисс Бингли устремилась к фортепьяно и, любезно предложив Элизабет выступить первой — от чего та столь же любезно, но более искренне отказалась,— уселась за инструмент.

Миссис Хёрст пела с сестрой. И пока обе они были заняты, Элизабет, перебирая разбросанные на инструменте ноты, невольно заметила, как часто останавливается на ней взор мистера Дарси. Она никак не могла предположить, что этот самодовольный человек ею любит. Вместе с тем мысль, что он смотрит на нее, испытывая к ней неприязнь, казалась столь же несообразной. В конце концов ей осталось объяснить его внимание тем, что среди присутствовавших в доме людей в ней он чаще всего подмечал несоответствие своим вкусам и взглядам. Эта догадка ничуть ее не огорчила. Он был ей настолько неприятен, что с его мнением о себе она не собиралась считаться.

Исполнив несколько итальянских арий, мисс Бингли для разнообразия начала играть веселую шотландскую мелодию. Почти тотчас же мистер Дарси подошел к Элизабет и сказал:

— А не желаете ли вы, мисс Беннет, воспользоваться случаем и протанцевать рил?

Она улыbnулась, ничего не ответив. Удивленный ее молчанием, он повторил свой вопрос.

— Я вас прекрасно расслышала,— сказала она.— Просто я не сразу нашла ответ. Вам, конечно, хотелось, чтобы, приняв приглашение, я дала вам желанный повод убедиться в моих низменных вкусах. Но я всегда любила разгадывать такого рода ловушки, лишая их авторов предвкушаемого удовольствия. Вот почему мне пришло в голову сказать, что я вообще терпеть не могу танцевать рил. А теперь осуждайте меня, если можете!

— Поверьте, я при всех случаях не мог бы вас осудить!

Элизабет, считавшая, что ее слова должны были его задеть, была удивлена его любезностью. Но прелестное лукавство, сквозившее в ее поведении, едва ли могло задеть кого бы то ни было. Дарси чувствовал, что он еще никогда не был так сильно очарован никакой другой женщиной. И ему было ясно, что, если бы у Элизабет оказались более подходящие родичи, его сердцу угрожала бы некоторая опасность.

Мисс Бингли заметила или заподозрила достаточно, чтобы почувствовать ревность. Поэтому ее горячая забота о скорейшем выздоровлении ее дорогой подруги Джейн соединилась в ней с желанием поскорее отделаться от ее сестры.

Она часто пыталась настроить Дарси против Элизабет болтовней об их предполагаемом браке и рассуждениями о том, насколько он будет счастлив с такой женой.

— Надеюсь,— сказала мисс Бингли, когда они на следующее утро прогуливались вдвоем по обсаженным кустами дорожкам около дома,— после того как столь желанное событие совершится, вам удастся намекнуть вашей теще, как полезно иногда держать язык за зубами. А когда с этим вы справитесь — отучите младших сестер от привычки бегать за офицерами. И если только мне позволено затронуть столь деликатную тему, постарайтесь избавить вашу избранницу от чего-то такого, что граничит с высокомерием и наглостью.

— Может быть, вы посоветуете мне еще что-нибудь полезное для моего семейного счастья?

— О, разумеется! Непременно повесьте портрет дядюшки Филиппа в галерее Пемберли. Где-нибудь рядом с портретом судьи — дяди вашего отца. Они ведь представители одной и той же профессии, не правда ли, хотя и разных ее сторон? Что же касается портрета вашей Элизабет, то даже

не пытайтесь его заказывать. Разве какой-нибудь художник сумеет достойно запечатлеть на полотне эти прекрасные глазки?

— Их выражение в самом деле будет не так-то легко передать. Но их форму, цвет, необыкновенно длинные ресницы хороший художник сможет изобразить.

В эту минуту они встретились с самой Элизабет и миссис Хёрст, которые шли по другой дорожке.

— Я не знала, что вы собираетесь на прогулку! — воскликнула мисс Бингли, несколько обеспокоенная тем, что слова их могли быть услышаны.

— Как вам не стыдно! Убежали из дому втихомолку, — ответила миссис Хёрст.

И, уцепившись за свободную руку мистера Дарси, она предоставила Элизабет дальше идти одной, — ширины дорожки как раз хватало для трех человек. Мистер Дарси, заметив ее бестактность, тотчас же сказал:

— Эта тропинка недостаточно широка для нашей компании. Давайте выйдем на аллею.

Однако Элизабет, которой очень хотелось от них отделаться, весело ответила:

— Нет, нет, пожалуйста, останьтесь! Вы образуете необыкновенно живописную группу. Гармония будет нарушена, если к вам присоединится четвертый. Прощайте!

И она с радостью убежала от них, довольная тем, что через день или два сможет наконец вернуться домой. Джейн чувствовала себя настолько лучше, что уже в этот вечер собиралась ненадолго покинуть свою комнату.

ГЛАВА XI

Когда дамы после обеда вышли из-за стола, Элизабет поднялась к Джейн и, хорошенько ее закутав, спустилась с ней в гостиную, где больная была встречена радостными возгласами своих подруг. За все время знакомства Элизабет с сестрами мистера Бингли они еще никогда не казались ей такими приветливыми, как в течение того часа, пока дамы ждали прихода мужчин. Обе они великолепно умели поддержать разговор, могли подробно описать какое-нибудь развлечение, с юмором рассказать анекдот, с задором высмеять кого-нибудь из знакомых.

Однако, когда мужчины появились. Джейн сразу же отошла на второй план, взгляд мисс Бингли остановился на Дарси, и не успел он сделать нескольких шагов, как ей уже нужно было что-то ему сказать. Подойдя к Джейн, Дарси любезно поздравил ее с выздоровлением. Мистер Хёрст также ей слегка поклонился, пробормотав нечто вроде: «Я весьма рад». Зато приветствие Бингли было пылким и многоречивым. Он был полон забот и восторга. Первые

полчаса он потратил на разведение огня в камине, чтобы Джейн не было холодно. По его настоянию она перешла в кресло около камина, чтобы находиться подальше от дверей. Затем он расположился подле нее и в течение всего вечера разговаривал почти только с ней. Элизабет, сидевшая за шитьем в противоположном углу, следила за всеми его хлопотами с большим удовлетворением.

После чая мистер Хёрст тщетно пытался напомнить невестке о карточном столике. Кэролайн знала доподлинно, что у мистера Дарси нет желания сесть за игру. Громкое обращение мистера Хёрста ко всем собравшимся было отклонено. Мисс Бингли ответила ему, что играть никому не хочется. И так как это подтверждалось общим молчанием, мистеру Хёрсту не осталось ничего иного, как растянуться на диване и сразу заснуть. Дарси взял книгу, мисс Бингли сделала то же самое, а миссис Хёрст занялась тем, что стала перебирать свои браслеты и кольца, изредка вставляя словечко в разговор брата и Джейн.

Внимание мисс Бингли в равной степени было поглощено чтением собственной книги и наблюдением за тем, как читал свою книгу мистер Дарси. Она то и дело о чем-нибудь его спрашивала и заглядывала в раскрытую перед ним страницу. Однако вовлечь его в беседу ей не удавалось: он кратко отвечал на вопросы и продолжал читать. Наконец, совершенно обессиленная тщетными попытками сосредоточиться на собственной книге, выбранной только потому, что она стояла на полке рядом с томом, который читал Дарси, мисс Бингли, широко зевнув, сказала:

— Как приятно так провести вечер! Говоря откровенно, я не знаю удовольствий, подобных чтению. Насколько быстрее устаешь от всякого другого занятия! Когда я обзаведусь собственным домом, я почувствую себя несчастной, если у меня не будет хорошей библиотеки.

Никто не ответил. Она зевнула еще раз, отшвырнула книгу и оглядела комнату в поисках какого-нибудь развлечения. Услышав, что брат говорит с мисс Беннет о бале, она внезапно повернулась к нему и сказала:

— Между прочим, Чарлз, ты в самом деле намерен устраивать танцы в Незерфилде? Прежде чем принять такое решение, я бы тебе советовала узнать, как к этому относятся присутствующие в этой комнате. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что среди нас может найтись кто-то, кому бал едва ли будет по вкусу.

— Ты, видимо, имеешь в виду Дарси,— ответил мистер Бингли.— Что ж, если ему будет угодно, он может отпра-

виться спать. А что касается самого бала, это вопрос решенный. И как только все будет готово и Николс наготовит достаточно белого супа, я немедленно разошлю приглашения.

— Я бы любила балы гораздо больше,— сказала мисс Бингли,— если бы они устраивались по-другому. Нынешние балы невыносимо скучны. Насколько было бы разумнее, если бы во время бала танцы были заменены серьезной беседой.

— Конечно, разумнее, дорогая. Но, осмелюсь сказать, это вряд ли было бы похоже на бал.

Мисс Бингли, не снизойдя до ответа, вскоре поднялась и стала прохаживаться по комнате. У нее была стройная фигура и красивая походка. Однако Дарси, для которого предназначался показ этих качеств, был по-прежнему поглощен чтением. В отчаянии она предприняла еще один маневр и, повернувшись к Элизабет, сказала:

— Мисс Элиза Беннет, позвольте вам предложить последовать моему примеру и немножко пройтись. Уверю вас, после того как долго сидишь на одном месте, это действует ободряюще.

Элизабет удивилась, но уступила ее просьбе. Мисс Бингли добилась успеха и в отношении истинного предмета своих маневров. Дарси поднял глаза. Проявление внимания мисс Бингли по этому адресу было для него не меньшей новостью, чем для самой Элизабет, и он бессознательно захлопнул книгу. Ему тотчас же предложили присоединиться к их компании, но он отказался. По его словам, эта прогулка по комнате могла быть вызвана только двумя причинами, причем в обоих случаях его участие сделалось бы для них помехой.

«Что он хотел этим сказать? Она умирает от желания узнать, что он имел в виду!» — И мисс Бингли обратилась к Элизабет с вопросом, догадывается ли она, что бы это могло означать.

— Конечно, нет,— ответила та.— Но можете быть уверены,— чем-то он хотел нас задеть. И самый верный способ вызвать разочарование мистера Дарси — это ни о чем его не расспрашивать.

Мисс Бингли, однако, не могла чем бы то ни было разочаровать мистера Дарси. Поэтому она продолжала настаивать, чтобы ей объяснили скрытый смысл его слов.

— Ничего не имею против,— сказал мистер Дарси, как только ему позволили говорить.— Вы выбрали этот вид препровождения времени, так как либо весьма доверяете друг другу и должны поделиться каким-то секретом, либо

думаете, что выглядите особенно красиво, когда прогуливаетесь. В первом случае я буду для вас помехой, во втором же — я с большим успехом могу любоваться вами, сидя здесь у камина.

— Какой ужас! — воскликнула мисс Бингли. — Я никогда в жизни не слышала ничего более дерзкого. Как наказать нам его за эти слова?

— Нет ничего проще, стоит лишь захотеть по-настоящему, — сказала Элизабет. — Мы все можем легко друг друга задеть. Дразните его, смейтесь над ним. Вы же с ним близкие друзья — должны же вы знать его слабые стороны.

— Честное слово, не знаю. Уверяю вас, наше знакомство меня этому не научило. Дразнить само хладнокровие и присутствие духа! Нет, нет, я чувствую, из этого ничего не выйдет. Не захотим же мы выглядеть дурочками, смеясь без всякого повода. О нет, мистер Дарси может быть спокоен.

— Разве над мистером Дарси нельзя смеяться? — удивилась Элизабет. — Какое редкое преимущество! Настолько редкое, что я надеюсь, оно останется исключением. Мне бы пришлось плохо, если бы у меня оказалось много таких знакомых, — я очень люблю смешное.

— Мисс Бингли, — отвечал Дарси, — приписывает мне неуязвимость, которой я, увы, вовсе не обладаю. Мудрейшие и благороднейшие из людей, нет, мудрейшие и благороднейшие их поступки могут быть высмеяны теми, для кого главное в жизни — насмешка.

— Конечно, такие люди бывают, — сказала Элизабет. — Надеюсь, я не принадлежу к их числу. Мне кажется, я никогда не высмеивала мудрость и благородство. Глупость и причуды, капризы и непоследовательность кажутся мне смешными, и, когда мне это удастся, я над ними смеюсь. Но всё это качества, которых вы, по-видимому, полностью лишены.

— Этого, наверно, нельзя сказать ни о ком. Но на протяжении своей жизни я немало потрудился над тем, чтобы избавиться от недостатков, которые могут сделать смешным даже неглупого человека.

— Таких, например, как гордость и тщеславие?

— Да, тщеславие — это в самом деле недостаток. Но гордость... Что ж, тот, кто обладает настоящим умом, может всегда удерживать гордость в должных пределах.

Элизабет отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Вы как будто успели разобраться в характере мистера Дарси, не так ли? — спросила мисс Бингли. — Хотелось бы узнать ваше мнение.

— Что ж, я вполне убедилась, что мистер Дарси свободен от недостатков. Да он этого и сам не скрывает.

— Подобных притязаний,— ответил Дарси,— я не высказывал. Слабостей у меня достаточно. Я только надеюсь, что от них избавлен мой ум. А вот за нрав свой я бы не поручился. Возможно, я недостаточно мягок — во всяком случае, с точки зрения удобства тех, кто меня окружает. Я не умею забывать глупость и пороки ближних так быстро, как следовало бы, так же, как и нанесенные мне обиды. Я не способен расчувствоваться, как только меня захотят растрогать. Меня, вероятно, можно назвать обидчивым. Если кто-нибудь лишается моего уважения, то уже навсегда.

— Вот это в самом деле серьезный порок! — воскликнула Элизабет.— Неумеренная обидчивость — безусловно, отрицательная черта характера. Но вы удачно выбрали свой недостаток. Смеяться над ним я не способна. Вы можете меня не бояться.

— Наверно, всякому человеку свойственна склонность к какому-то недостатку,— природная слабость не может быть преодолена даже отличным воспитанием.

— Ваша слабость — это готовность ненавидеть людей.

— А ваша,— отвечал он с улыбкой,— намеренно их не понимать.

— Мне хочется немножко послушать музыку,— сказала мисс Бингли, устав прислушиваться к разговору, в котором она не принимала участия.— Луиза, ты не рассердишься, если я разбуду твоего мужа?

Ее сестра ничего не имела против, и Кэролайн подняла крышку фортепьяно. Дарси, поразмыслив, не стал об этом жалеть, так как чувствовал, что уделяет Элизабет слишком много внимания.

ГЛАВА XII

Как было условлено между сестрами, наутро Элизабет написала матери, чтобы за ними в этот же день прислали экипаж. Миссис Беннет, однако, рассчитывала, что ее дочери останутся в Незерфилде до вторника, с тем чтобы Джейн провела там целую неделю, и, следовательно, не испытывала никакого удовольствия от того, что они собираются приехать раньше. Ее ответ поэтому оказался мало благоприятным — по

крайней мере, для Элизабет, с нетерпением ждавшей возвращения домой. В письме говорилось, что миссис Беннет едва ли удастся послать экипаж раньше вторника, причем в постскриптуме добавлялось, что, если мистер Бингли и его сестры станут уговаривать их остаться подольше, она отлично обойдется без старших дочерей и более долгое время. Элизабет, однако, и думать не могла о задержке — она даже не вполне была уверена в том, что их об этом попросят. Напротив, боясь, как бы не показалось, что их пребывание затянулось, она стала уговаривать Джейн сразу же попросить экипаж у Бингли. В конце концов было решено сказать, что им хотелось бы вернуться домой в это же утро, и одновременно обратиться с просьбой об экипаже.

Известие об их отъезде вызвало всеобщее сожаление. При этом была высказана уверенность, что для полного выздоровления больной им следует пробыть в Незерфилде хотя бы еще один день. И под конец сестры согласились задержаться до следующего утра. Мисс Бингли вскоре стала жалеть о том, что предложила отложить их отъезд, так как ревность и неприязнь, вызванные в ней одной из сестер, были гораздо сильнее ее привязанности ко второй.

Хозяин дома был искренне опечален предстоящей разлукой и горячо доказывал мисс Беннет, что она недостаточно поправилась для переезда. Но тщетно — Джейн, когда она была уверена в правильности своих действий, умела проявить твердость.

Мистер Дарси был доволен этим решением. Элизабет пробыла в Незерфилде достаточно долго. Чары ее действовали на него гораздо сильнее, чем ему бы хотелось. К тому же мисс Бингли была с ней чересчур резка, а к самому Дарси приставала чаще, чем в обычные дни. Он весьма мудро рассудил, что ему следует избегать всяческих знаков внимания по отношению к Элизабет, которые позволили бы ей заподозрить, что от нее может зависеть его счастье. При этом он сознавал, что, если подобные догадки уже успели зародиться в ее голове, их подтверждение в значительной степени зависит от того, как он себя поведет накануне ее отъезда. Укрепившись в своем намерении, он сказал ей за всю субботу не более десятка слов, и, хотя им пришлось около получаса пробыть вдвоем в одной комнате, он в течение всего времени с таким усердием читал книгу, что даже не взглянул в ее сторону.

В воскресенье, сразу после утреннего богослужения, наступила наконец желанная для большинства минута разлуки. Любезность мисс Бингли к Элизабет, так же как и ее

«Лодки на берегу моря».
С картины Джона Селла Котмена, 1808 г.

привязанность к Джейн, перед самым отъездом заметно возросли. При расставании старшую сестру заверили, что встреча с ней — в Лонгборне или Незерфилде — всегда будет радостным событием. После того как мисс Бингли нежнейшим образом обняла Джейн и даже протянула руку ее сестре, Элизабет рассталась со всей компанией в прекрасном расположении духа.

Мать встретила их не очень приветливо. Миссис Беннет была удивлена их приездом, полагая, что они весьма неразумно причинили всем столько хлопот, и не сомневалась, что Джейн опять заболит. Отец, напротив, хотя и в сдержанной форме, дал им понять, что он доволен их возвращением — ему сильно не хватало старших дочерей при семейных беседах. В отсутствие Джейн и Элизабет вечерние разговоры потеряли значительную часть своего остроумия и почти весь свой смысл.

Они застали Мэри, как обычно, погруженной в изучение музыкальной гармонии и основ человеческой природы и выслушали несколько новых цитат и нравоучительных

изречений. Совсем в ином роде были сообщения Кэтрин и Лидии. С прошлой среды в полку произошло множество событий: несколько офицеров обедали у их дядюшки, был подвергнут телесному наказанию рядовой и распространились самые упорные слухи, что полковник Форстер намерен жениться.

ГЛАВА XIII

— Надеюсь, моя дорогая, вы позаботились, чтобы у нас был сегодня хороший обед? — спросил на следующее утро за завтраком мистер Беннет. — Я полагаю, что за нашим столом может появиться некое новое лицо.

— О ком вы говорите, мой друг? Насколько мне известно, никто к нам не собирается. Разве заглянет Шарлотта Лукас... Но для нее, я надеюсь, наши обеды всегда достаточно хороши. Не думаю, чтобы она особенно привыкла к подобному столу у себя дома.

— Я имею в виду приезжего джентльмена.

Глаза миссис Беннет заблестели.

— Приезжего джентльмена? Уверена, что это мистер Бингли! Ах, Джейн, негодница, как же ты не сказала раньше? Ну что ж, я буду рада увидеть мистера Бингли. Но, боже мой, какой ужас — у нас не будет рыбного блюда! Лидия, душенька моя, дерни, пожалуйста, колокольчик. Надо сию же минуту отдать распоряжение миссис Хилл.

— Речь идет не о мистере Бингли, — отвечал ее муж. — Я жду человека, которого еще никогда не видел.

Слова эти вызвали общее удивление, и, к полному удовольствию мистера Беннета, все члены семейства забросали его вопросами. Позабавившись всеобщим любопытством, он в конце концов дал следующее разъяснение:

— Около месяца назад я получил вот эту эпистулу, на которую ответил две недели спустя. Дело казалось настолько тонким, что я предпочел его предварительно обдумать. Ее написал мой кузен, мистер Коллинз, тот самый, который после моей смерти сможет вышвырнуть вас из этого дома, как только ему заблагорассудится.

— Ах, мой друг, — воскликнула миссис Беннет, — я о нем не желаю слышать! Ради бога, не говорите об этом чудовище. Можно ли совершить что-нибудь более несправедливое, чем выгнать из принадлежавшего вам имени

собственных ваших детей? Будь я на вашем месте, я бы, конечно, уже давно постаралась что-нибудь предпринять.

Джейн и Элизабет попытались объяснить матери сущность закона о майорате. Подобные попытки делались ими и раньше. Но предмет этот выходил за пределы ее разума, и она продолжала горько сетовать на жестокость законов, отнимающих дом у семьи с пятью дочерьми в пользу человека, до которого никому нет ни малейшего дела.

— Это, конечно, крайне несправедливо, — сказал мистер Беннет. — И мистеру Коллинзу ничем не удастся снять с себя вины в наследовании Лонгборна. Однако, если вы позволите мне прочесть его послание, быть может, вас несколько примирит с ним тон, в котором оно написано.

— Уверена, что со мной этого не случится! Как вообще у него хватило наглости и лицемерия вам писать! Терпеть не могу фальшивых друзей! Лучше бы он враждовал с вами, подобно его отцу.

— Вы услышите, что он и впрямь ощущает некоторые сыновние обязательства в этом смысле:

*«Хансфорд, около Уэстерхема,
Кент,
15 октября*

Дорогой сэр,

недоразумения, существовавшие между Вами и моим высокопочтимым покойным родителем, причиняли мне всегда много огорчений, и с тех пор, как я имел несчастье его потерять, я не раз испытывал желание устранить разделяющую нас пропасть. В течение некоторого времени меня все же одолевали сомнения, как бы я нечаянно не оскорбил память отца, установив хорошие отношения с теми, с кем ему было угодно находиться в размолвке».

— Вы видите, миссис Беннет!

«Однако теперь у меня созрело решение. Приняв на прошлую пасху пасторский сан, я оказался тем счастливым смертным, который удостоился прихода в поместье ее светлости леди Кэтрин де Бёр, вдовы сэра Льюиса де Бёра. Благодаря щедрости и благорасположению этой леди я стал священником здешнего прихода, в каковой роли моим самым искренним стремлением будет вести себя с надлежащим уважением по отношению к ее светлости и осуществлять обряды и церемонии, подобающие

пастырю англиканской церкви. В качестве служителя церкви я также считаю своим долгом сеять мир и благоволение среди всех семейств, на которые может простираться мое влияние. По этой причине я льщу себя надеждой, что Вы благожелательно отнесетесь к моему настоящему изъявлению доброй воли и не отвергнете протянутую мною оливковую ветвь, великодушно закрыв глаза на то, что я являюсь наследником Лонгборна. Я весьма печалюсь о том, что невольно служу орудием нанесения ущерба благополучию Ваших прелестных дочерей, и, позволяя себе принести им мои извинения, спешу также заверить Вас в моей готовности сделать все от меня зависящее, чтобы как-то восполнить этот ущерб... Но об этом позднее. Если у Вас не будет возражений против моего визита, я доставлю себе удовольствие посетить Вас и Ваше семейство в понедельник 18 ноября в четыре часа и воспользоваться Вашим гостеприимством, возможно, до субботы на следующей неделе, — что я могу себе позволить без существенных жертв, ибо леди Кэтрин отнюдь не возражает против того, чтобы я изредка отсутствовал в воскресенье, разумеется, если какое-нибудь другое духовное лицо выполнит за меня подобающие этому дню церковные обязанности.

Остаюсь, дорогой сэр, с почтительнейшим поклоном Вашей супруге и дочерям, Ваш доброжелатель и друг

Уильям Коллинз».

— Итак, в четыре часа мы можем ждать у себя этого миротворца, — сказал мистер Беннет, складывая письмо. — По-видимому, он необычайно добропорядочный и благовоспитанный молодой человек. Я полагаю, мы будем дорожить этим знакомством, особенно если леди Кэтрин и впредь будет столь любезно отпускать его в наши края.

— В том, что он пишет о наших девочках, есть, мне кажется, какой-то смысл. Если он хочет что-то для них сделать, я не собираюсь его отговаривать.

— Трудно представить, — сказала Джейн, — как он собирается восполнить наносимый нам ущерб. Но уже одно такое желание делает ему честь.

Элизабет больше всего бросилось в глаза его крайнее почтение к леди Кэтрин и добрые намерения крестить, венчать и хоронить, по мере надобности, свою пастушу.

— Ну и диковина, должно быть, этот наш троюродный братец, — сказала она. — Сразу его и не поймешь. Что за напыщенный слог! И для чего он вздумал изви-

няться в своих наследственных правах? Трудно поверить, чтобы он нам помог, даже если бы был на это способен. Вы думаете, сэр, он человек разумный?

— Нет, моя дорогая, совсем не думаю. Я предвкусую нечто прямо противоположное. Письмо его — такая смесь раболепия и самодовольства, которая служит прекрасным предзнаменованием. Потому-то мне очень любопытно на него посмотреть.

— Что касается стиля,— сказала Мэри,— его письмо безукоризненно. Идея об оливковой ветви, пожалуй, не блещет новизной, но выражена неплохо.

Для Кэтрин и Лидии письмо и его автор не представляли ни малейшего интереса. Нельзя было ожидать, что кузен появится в алом мундире, а за последние недели общество мужчин в одежде другого цвета не доставляло им никакого удовольствия. Прочитанное письмо настолько рассеяло в душе миссис Беннет недоброжелательство по отношению к мистеру Коллинзу, что она усердно стала готовиться к встрече, чем немало удивила мужа и дочерей.

Мистер Коллинз прибыл точно в назначенное время и был принят всей семьей с большим радушием. Хозяин дома, правда, ограничился лишь кратким приветствием, зато дамы были достаточно словоохотливы, а мистер Коллинз не нуждался в ободрении и не отличался молчаливостью. Он оказался высоким и полным молодым человеком лет двадцати пяти, важного вида и с солидными манерами. Не прошло и нескольких минут знакомства, как он уже преподнес миссис Беннет комплимент по поводу необычайной красоты ее дочерей, о которой слышал так много. При этом он признался, что в данном случае молва даже приуменьшила истинные их достоинства, и выразил уверенность, что они в недалеком будущем сделают прекрасные партии. Такая галантность пришлось, правда, не совсем по вкусу некоторым из его слушателей. Но миссис Беннет, которой всякий комплимент доставлял удовольствие, приняла его вполне благосклонно.

— Вы в самом деле, сэр, очень добры. Я всей душой желаю, чтобы ваше предсказание сбылось,— иначе их ждет печальная судьба. Обстоятельства сложились так нелепо!..

— Быть может, вы имеете в виду мои наследственные права?

— О, сэр, разумеется! Вы сами понимаете, как это ужасно для моих бедных девочек. Я вовсе не считаю вас

виноватым — такие вещи зависят только от случая. Когда имя переходит по мужской линии, оно может достаться кому угодно.

— Я, сударыня, вполне сочувствую моим прелестным кузинам в связи с этим неблагоприятным обстоятельством и мог бы нечто сказать по этому поводу. Однако, чтобы не опережать событий, я пока воздержусь. Могу только заверить молодых леди, что я прибыл сюда, готовый восхищаться их красотой. Сейчас я ничего не прибавлю, но когда мы познакомимся ближе...

Тут его речь была прервана приглашением к обеду. Барышни пересмеивались друг с другом. Их красота была не единственным предметом восхищения мистера Коллинза. Гостиная, столовая, обстановка — все подверглось внимательному осмотру и получило высокую оценку. Похвалы эти, несомненно, тронули бы миссис Беннет, если бы ее душу не леденила мысль, что мистер Коллинз смотрит на все как на свою будущую собственность. Обед, в свою очередь, вызвал поток самых восторженных суждений, причем мистер Коллинз пожелал узнать, кулинарным способностям какой из его кузин они обязаны столь отменными кушаньями. Тут, однако, хозяйка дома поставила гостя на место, с достоинством заявив, что она вполне может держать хорошего повара и что ее дочерям нечего делать на кухне. Гость не преминул попросить у нее прощения за допущенный промах, и миссис Беннет, смягчившись, сказала, что несколько на него не обиделась. Однако мистер Коллинз еще в течение четверти часа продолжал извиняться.

ГЛАВА XIV

а протяжении всего обеда мистер Беннет почти ни с кем не разговаривал. Но когда прислуга удалилась, он решил, что для беседы с гостем наступило подходящее время. Коснувшись темы, которая, несомненно, должна была воспламенить мистера Коллинза, он заметил, что последний, по-видимому, очень доволен своей патронессой. Сочувствие леди Кэтрин де Бёр всем его желаниям и ее забота об удобствах мистера Коллинза кажутся на первый взгляд из ряда вон выходящими. Мистер Беннет едва ли мог найти более

удачный предмет для разговора. Гость говорил о леди де Бёр с величайшим восторгом. Тема эта сделала его слог необычно высокопарным даже для него самого. С полной убежденностью он объявил, что за всю жизнь ему не приходилось наблюдать подобного поведения высокопоставленных особ — такой снисходительности и благоклонности, с какими отнеслась к нему леди Кэтрин. Она милостиво одобрила обе его проповеди, которые он уже имел честь принести в ее присутствии. Дважды она приглашала его к обеду в Розингсе и всего только неделю назад присылала за ним, чтобы он принял участие в ее вечерней игре в кадрили. Многие, как известно, находят, что леди Кэтрин не в меру горда. Однако по отношению к нему она всегда была необыкновенно приветлива. Ее светлость всегда разговаривала с ним так же, как с любым другим джентльменом. Она ничуть не возражала ни против его знакомства с окрестным обществом, ни против того, чтобы он время от времени оставлял на неделю-другую приход ради визита к родственникам. Она даже снизошла до того, что порекомендовала ему по возможности поскорее жениться, конечно, с подобающей осмотрительностью, а однажды посетила мистера Коллинза в его скромном обиталище. Там она вполне одобрила все предпринятые им усовершенствования и даже снабдила его кое-какими советами по части устройства полок в каморке на втором этаже.

— Все это необыкновенно похвально с ее стороны и, разумеется, крайне любезно, — заметила миссис Беннет. — Осмелюсь сказать, это, должно быть, чрезвычайно приятная женщина. Как жаль, что большинство важных дам на нее не похожи! И она живет, сэр, неподалеку от вас?

— Сад, в котором находится мое скромное обиталище, только аллеей отделен от Розингс-парка — резиденции ее светлости.

— Вы как будто сказали, что она вдова, сэр? Есть ли у нее дети?

— У нее всего одна дочь — наследница Розингса, весьма значительного имения.

— Увы, — воскликнула миссис Беннет, покачав головой. — В таком случае она гораздо счастливее многих других барышень. А что собой представляет эта благородная особа? Хороша ли она собой?

— Воистину это очаровательнейшая юная леди! Ее мать, леди Кэтрин, сама говорит, что по части красоты мисс де Бёр намного превзошла других прелестнейших

представительниц своего пола, так как в ней есть что-то такое, что сразу отличает молодую особу высокого происхождения. К несчастью, у нее довольно слабое сложение, которое помешало ей преуспеть во многих искусствах. По мнению дамы, занимавшейся ее воспитанием, мисс де Бёр пошла бы весьма далеко, будь только она покрепче здоровьем. И она настолько мила, что нередко удостаивает своим посещением мое скромное обиталище, когда выезжает на прогулку в своем запряженном пони маленьком фэртоне.

— Она уже была представлена ко двору? Я не встречала ее имени в списках придворных дам.

— Увы, здоровье, к несчастью, не позволяет ей переселиться в город. Это обстоятельство, как я однажды уже сказал самой леди Кэтрин, лишило двор Британии его лучшего украшения. Ее светлости очень понравилось мое замечание. Должен признаться, я часто прибегаю к такого рода изящным комплиментам, которые столь нравятся дамам. Например, я не раз говаривал леди Кэтрин, что ее прелестная дочь рождена, чтобы стать герцогиней и украсить собой любое место, которое само украсило бы всякую другую особу. Я считаю священным долгом свидетельствовать подобными милыми мелочами свое внимание к ее светлости.

— Вы рассуждаете весьма здраво,— сказал мистер Беннет.— И ваше счастье, что вы обладаете талантом льстить с такой деликатностью. А позвольте спросить,— рождаются ли у вас эти милые свидетельства внимания в результате мгновенного проблеска мысли или вы их придумываете заблаговременно?

— Обычно они всегда имеют отношение к происходящему. И хотя иногда, ради развлечения, я на досуге занимаюсь изобретением изящных маленьких сюрпризов, которые могут подойти к различным случаям жизни, но, преподнося их, я всегда стараюсь придать им форму экспромта.

Ожидания мистера Беннета целиком подтвердились. Глупость кузена вполне оправдала его надежды. И, слушая гостя с серьезнейшим выражением лица, он от души развлекался. При этом, если не считать редких случаев, когда он бросал взгляд на Элизабет, он вовсе не нуждался в партнере, с которым мог бы разделить удовольствие.

Ко времени вечернего чаепития принятая им доза оказалась, однако, уже настолько значительной, что ми-

стер Беннет был рад спровадить своего кузена в гостиную, попросив его почитать что-нибудь дамам. Мистер Коллинз с готовностью согласился, и ему была принесена книга. Однако, взглянув на нее (легко было видеть, что это книга из общественной библиотеки), он сразу же от нее отпрянул и, попросив прощения, заявил, что никогда не читает романов. Китти изумленно на него уставилась, а Лидия даже от удивления вскрикнула. Были извлечены

другие книги, и после некоторого раздумья он остановился на проповедях Фордайса. Как только том был раскрыт, Лидию одолела зевота. И не успел он прочесть монотонным голосом трех страниц, как она, перебив его на полуслове, воскликнула:

— Вы слышали, мама, дядя Филипс хочет уволить Ричарда? Если он на это решится, Ричарда сразу возьмет к себе полковник Форстер. Мне об этом в субботу сказала тетушка. Нужно будет завтра же сходить в Мери-тон и расспросить обо всем подробнее. А заодно узнать, когда же вернется из города мистер Денни.

Две старшие сестры попросили Лидию придержать язык, но мистер Коллинз, оскорбленный до глубины души, отложил книгу и сказал:

— Мне часто приходилось наблюдать, как мало интересуют молодых леди книги серьезного содержания, написанные, увы, для их же пользы. И, признаюсь, меня это удивляет. В самом деле, может ли быть для них что-нибудь благотворнее хорошего нравоучения? Но я больше не стану утруждать слух моих юных кузин...— И, повернувшись к мистеру Беннету, он предложил ему сыграть партию в триктрак. Мистер Беннет принял приглашение, заметив, что кузен поступает весьма разумно, предоставляя девчонкам заниматься своими пустячными забавами. Миссис Беннет и ее дочери самым искренним образом извинились за выходку Лидии, обещая, если он возобновит чтение, впредь не допустить ничего подобного. Однако, сказав, что он не затаил против юной кузины ни малейшей обиды и что ее поступок вовсе не был для него оскорбителен, мистер Коллинз уселся с мистером Беннетом за другой столик и приготовился к игре.

ГЛАВА XV

Мистер Коллинз не был одаренной натурой. И это упущение природы не было восполнено в нем воспитанием и общением с людьми. Большую часть жизни он провел под надзором отца — человека необразованного и мелочного. Находясь в университете, он прослушал курс наук, но не завел сколько-нибудь полезных знакомств. Подавленный отцовским воспитанием, первоначально привившим его характеру

раболепие, он приобрел со временем самодовольство недалекого человека, который живет сам по себе и неожиданно рано преуспел в жизни. Благодаря счастливой случайности он подвернулся вдове сэра Льюиса де Бёра в тот момент, когда освободился хансфордский приход. Почтение к ее высокому рангу, благоговение перед личностью патронессы и вместе с тем высокое мнение о собственной персоне, авторитете священнослужителя и правах главы церковного прихода сделали из него человека, в характере которого своеобразно переплелись высокомерие и угодничество, самодовольство и униженность.

Обзаведясь приличным жильем и вполне достаточным доходом, он возымел намерение жениться. В поисках же примирения с семьей мистера Беннета он задумал взять себе в жены одну из его дочерей, при условии, если знакомство с ними подтвердит дошедшие до него сведения об их красоте и благонравии. В этом-то и заключался его план восполнения ущерба, который наносился семье Беннет его наследственными правами. Сам мистер Коллинз считал, что ему пришел в голову необыкновенно удачный и для всех приемлемый план, который свидетельствовал в то же время о его великодушии, ибо не представлял для него никакой личной выгоды.

План этот не изменился после того, как он познакомился с семьей своего родственника. Созерцание прелестного личика мисс Беннет-старшей, напротив, укрепило мистера Коллинза в его намерениях, подтвердив в то же время его строгие взгляды на права, связанные со старшинством. Таким образом, в течение первого вечера его избранницей сделалась Джейн. Следующее утро, однако, внесло в его замыслы некоторую поправку. Перед завтраком он провел четверть часа *tête-à-tête* с миссис Беннет. Беседа между ними коснулась пасторского дома в Хансфорде и, естественным образом, перешла к надежде мистера Коллинза найти будущую хозяйку этого дома в Лонгборне. И среди приятнейших улыбок, свидетельствовавших, что она, вообще говоря, вполне одобряет его намерения, миссис Беннет смогла все же предостеречь гостя в отношении той своей дочери, на которой он было остановил свой выбор: она-де ничего не может позволить себе сказать в отношении младших девочек, — возможно, она недостаточно осведомлена, — но ей неизвестно о существовании у них каких-либо душевных привязанностей. Что же касается старшей дочери, — она просто должна предупредить его, так как чувствует себя обязанной по

отношению к Джейн,— весьма вероятно, что в скором времени она будет обручена.

Мистеру Коллинзу потребовалось только сменить одну кухню на другую. И это было сделано за то время, пока миссис Беннет перемешивала угли в камине. Почти равная Джейн годами и внешностью, Элизабет стала естественной преемницей прав старшей сестры.

Миссис Беннет высоко оценила намерения, на которые намекал мистер Коллинз, поверив, что в скором времени у нее будут две замужние дочери. И человек, имени которого она еще накануне не могла слышать, приобрел теперь ее полное расположение.

Лидия не забыла о своем желании отправиться в Меритон, и вместе с нею решили прогуляться также все ее сестры, кроме Мэри. По просьбе мистера Беннета мистер Коллинз должен был их сопровождать. Хозяину дома очень хотелось от него избавиться и получить в свое распоряжение библиотеку, куда гость последовал за ним после завтрака и где, якобы заинтересованный одной из самых толстых книг, он почти без перерыва докучал своему родственнику болтовней о доме и саде в Хансфорде. Такое поведение кузена совершенно вывело мистера Беннета из терпения. В библиотеке он всегда мог найти покой и тишину. И хотя, как мистер Беннет признавался Элизабет, он постоянно был готов столкнуться с проявлениями глупости и самодовольства в любой другой части дома, здесь он привык от них отдыхать. Поэтому предложение совершить прогулку с девицами Беннет было высказано мистеру Коллинзу самым настоятельным образом. Более расположенный к прогулке, чем к чтению, мистер Коллинз с не меньшей охотой это предложение принял и тут же захлопнул свой огромный фолиант.

Разговор по пути в Меритон почти все время поддерживал один мистер Коллинз, высокопарная болтовня которого лишь изредка прерывалась вежливыми замечаниями его кузин. Однако, очутившись в городке, младшие сестры совершенно перестали обращать на него внимание и принялись оглядываться по сторонам в поисках офицеров, так что отвлечь их от этого занятия могли только выставленная в окне лавки особенно нарядная шляпка или образчик только что привезенного муслина.

Внимание барышень вскоре привлек неизвестный молодой человек благородной наружности, который прогуливался вместе с каким-то офицером по противоположной стороне улицы. Когда они поравнялись, офицер покло-

«Мэлверн-холл».
С картины Джона Констебля, 1809 г.

нился. Это был сам мистер Денни, о времени приезда которого Лидия хотела разузнать в Меритоне. Его спутник произвел на девиц неотразимое впечатление, и они принялись гадать, кто бы это мог оказаться. Китти и Лидия решили выяснить это не откладывая и пересекли улицу, как бы направляясь в находившуюся неподалеку лавку. Им посчастливилось перейти на другую сторону как раз в ту минуту, когда молодые люди, повернув назад, подошли к тому же самому месту. Мистер Денни сразу с ними заговорил, попросив разрешения представить своего друга, мистера Уикхема, который прибыл с ним накануне в Меритон и, как он счастлив сообщить, был зачислен в их полк. Все складывалось самым благоприятным образом, ибо, чтобы стать окончательно неотразимым, молодого

му человеку не хватало лишь полкового мундира. Внешность его вполне располагала в его пользу. В ней все было хорошо: правильные черты лица, отличная фигура, приятные манеры. Представленный дамам, он сразу обнаружил склонность к непринужденной беседе — счастливую склонность, в которой не чувствовалось ни малейшей искусственности. Компания продолжала стоять, любезно болтая, когда послышалось цоканье копыт и вдали показались скакавшие вдоль улицы Дарси и Бингли. Увидев знакомых дам, всадники подъехали ближе и засвидетельствовали им свое почтение. Говорил главным образом Бингли, речь которого почти целиком была обращена к старшей мисс Беннет. По его словам, они направлялись в Лонгборн, чтобы осведомиться о ее здоровье. Мистер Дарси подтвердил это кивком головы и, вспомнив о своем намерении не засматриваться на Элизабет, внезапно остановил взгляд на незнакомце. Элизабет, которая в это время случайно посмотрела на того и другого, была поражена действием на них этой встречи; оба изменились в лице — один побледнел, другой покраснел. Через несколько секунд мистер Уикхем притронулся рукой к шляпе — приветствие, на которое мистер Дарси едва ответил. Что это могло означать? Придумать этому объяснение было невозможно. И так же невозможно было удержаться от желания проникнуть в скрывавшуюся за этим тайну.

Через минуту мистер Бингли попрощался и ускакал вместе со своим другом, как будто так и не заметив происшедшего.

Мистер Денни и мистер Уикхем проводили молодых леди до дома мистера Филипса и здесь раскланялись с ними, несмотря на настойчивые приглашения Лидии зайти в дом, поддержанные громкими восклицаниями высунувшейся из окна миссис Филипс.

Эта дама всегда была рада видеть своих племянниц. А недавнее отсутствие двух старших мисс Беннет делало приход Джейн и Элизабет особенно желанным. Она тут же стала говорить о том, как удивило ее их раннее возвращение в Лонгборн. Они вернулись в чужом экипаже, и миссис Филипс могла бы об этом ничего не узнать, не попадись ей на улице мальчишка из аптеки мистера Джонса, который сказал, что он больше не носит лекарств в Незерфилд, так как обе мисс Беннет оттуда уехали. В эту минуту ее внимание было привлечено к мистеру Коллинзу, которого ей представила Джейн. Миссис Филипс встретила его самым

любезным образом, на что гость отвечал еще большей любезностью. Извиняясь за то, что он вторгся в дом, не имея чести быть с ней знакомым, мистер Коллинз льстил себя надеждой, что его поступок может быть все же оправдан родством с молодыми леди, представившими его ее вниманию. Миссис Филипс почувствовала благоговение перед столь воспитанным гостем. Однако ее тут же отвлекли от одного незнакомца расспросами относительно другого, о котором она, увы, могла сообщить своим племянницам только уже известные им сведения: что его привез из Лондона мистер Денни и что он собирается вступить лейтенантом в ***ширский полк. По ее словам, она вела наблюдения за ним уже в течение часа, пока он разгуливал по их улице, и если бы мистер Уикхем снова оказался перед окнами, Китти и Лидия, несомненно, тотчас бы продолжили это занятие. К несчастью, однако, на улице не появилось больше никого, кроме одного-двух офицеров, которые, по сравнению с заинтересовавшим их юношей, показались «невзрачными и не стоящими внимания». Кое-кто из полка должен был на следующий день прийти к Филипсам, и тетюшка взялась уговорить мужа, чтобы он позвал также мистера Уикхема, если к ней приедут ее родственники из Лонгборна. Приглашение было немедленно принято, и миссис Филипс обещала, что они смогут весело поиграть в лото, прежде чем будет подан легкий горячий ужин. Все были очень обрадованы ожиданием столь приятных развлечений и расстались весьма довольные друг другом. Перед уходом мистер Коллинз снова принес свои извинения, которые были любезно отклонены хозяйкой дома.

По пути в Лонгборн Элизабет рассказала Джейн, что произошло на ее глазах между двумя молодыми людьми. Но так как ее сестра была готова защищать от любого возможного обвинения каждого из них в отдельности и обоих одновременно, понять эту сцену ей было еще труднее.

Мистер Коллинз доставил большое удовольствие их матери, превознося манеры и любезность миссис Филипс. Если не считать леди Кэтрин и мисс де Бёр, он, по его мнению, еще никогда не встречал более благовоспитанной дамы. Мало того, что она так любезно приняла его в своем доме. Она пригласила его еще и на завтрашний вечер, хотя до сих пор он не имел чести быть с ней знакомым. В какой-то степени это объяснялось его родством с семьей Беннет, но все же ему никогда еще не приходилось видеть подобного внимания к своей особе.

Поскольку желание всех мисс Беннет отправиться к тетушке было одобрено их родителями, а возражения мистера Коллинза, опасавшегося покинуть на один вечер хозяина и хозяйку дома, были решительно отклонены, карета в надлежащее время доставила молодого человека и его пять кузин в Меритон. По прибытии барышни с удовольствием узнали, что мистер Уикхем принял приглашение мистера Филипса и уже находится среди гостей.

Когда, выслушав это сообщение, все вступили в гостиную и расселись по местам, мистер Коллинз обрел наконец возможность осмотреться и прийти в восторг от своих наблюдений. По его словам, он был настолько поражен величиной зала и великолепием обстановки, что мог вообразить себя находящимся в меньшей летней комнате для завтрака в самом Розингсе.

Такое сравнение на первый взгляд показалось миссис Филипс не особенно лестным. Однако когда он дал ей понять, что собой представляет Розингс и кому принадлежит это поместье, когда она услышала описание лишь одной из гостиных в доме леди Кэтрин и узнала, что только камин в ней обошелся владелице в восемьсот фунтов, миссис Филипс смогла оценить значение преподнесенного ей комплимента в столь полной мере, что вряд ли была бы даже обижена сравнением своей парадной гостиной с комнатой дворецкого в доме патронессы его преподобия.

Описывая величие леди Кэтрин и ее владений и позволяя себе изредка вставить словечко о собственном скромном обиталище и предпринятых в нем усовершенствованиях, мистер Коллинз весьма приятно провел время до прихода мужчин. В лице миссис Филипс он нашел необыкновенно внимательного слушателя. Мнение этой дамы о его персоне возрастало с каждым словом рассказчика вместе с желанием как можно скорее поделиться полученными сведениями со своими знакомыми. Для девиц, которым уже надоело слушать кузена и которым не оставалось ничего другого, как с нетерпением ждать музыки и рассматривать собственные посредственные имитации китайских рисунков на камине, время тянулось гораздо медленнее. Но вот наконец минуты ожидания кончились. Появились мужчины, и, когда Уикхем вошел в комнату,

Элизабет поняла, что она смотрела на него при первой встрече и думала о нем впоследствии не без некоторого бессознательного восхищения. Офицеры ***ширского полка были в большинстве славными молодыми людьми, из которых на вечере присутствовали самые избранные. Однако мистер Уикхем настолько же превосходил любого из них своим видом, фигурой, манерами и походкой, насколько сами они выгодно отличались от вошедшего следом за ними выдыхав-

шего пары портвейна, располневшего и обрюзгшего дядюшки Филиппа.

Мистер Уикхем был тем счастливым представителем мужского пола, к которому обратились глаза всех присутствующих в зале дам. А Элизабет оказалась среди них той счастливицей, возле которой он в конце концов нашел себе место. Усевшись, он тотчас же вступил с ней в беседу, приятнейший характер которой, хотя она и касалась всего-навсего вечерней сырости и приближения дождливой погоды, позволил ей почувствовать, что самая скучная и избитая тема может приобрести значительность при надлежащем искусстве собеседника.

Такие соперники в борьбе за внимание со стороны прекрасного пола, как мистер Уикхем и его приятели-офицеры, заставили мистера Коллинза почти совсем ступешаваться. Для барышень он и в самом деле перестал существовать. Однако время от времени он все же обретал чуткого слушателя в лице миссис Филипп и благодаря ее заботам не испытывал недостатка в кофе и булочках.

Когда были расставлены карточные столы, он получил возможность в свою очередь оказать ей любезность, приняв участие в игре.

— Я еще пока недостаточно опытный партнер, — сказал он, — но мне необходимо усовершенствоваться. Ибо при моем положении в жизни...

Миссис Филипп была ему очень признательна за принятое приглашение, но не смогла дослушать его до конца.

Мистер Уикхем не играл в вист и был с восторгом принят за другим столом, где сел между Лидией и Элизабет. Вначале существовала опасность, что способная без умолку болтать Лидия завладеет им полностью. Однако игра интересовала ее ничуть не меньше. И вскоре она настолько увлеклась ею и с таким жаром начала выкрикивать ставки и выигрыши, что перестала обращать внимание на кого бы то ни было. Благодаря этому мистер Уикхем получил возможность, насколько позволяла игра, разговаривать с Элизабет, которая слушала его с большой охотой, хотя и не надеялась, что разговор коснется предмета, интересовавшего ее больше всего — его знакомства с мистером Дарси. Она даже не смела назвать имени этого человека. Совершенно неожиданно, однако, ее любопытство было удовлетворено. Мистер Уикхем сам коснулся этой темы. Осведомившись о расстоянии между Незерфилдом и Меритонем и получив ответ на этот вопрос, он с некоторой неуверенностью спросил, давно ли здесь находится мистер Дарси.

— Около месяца,— сказала Элизабет. И, не желая упустить волновавшую ее тему, добавила: — У него, я слышала, большое имение в Дербишире?

— О да,— ответил Уикхем,— отличное поместье — чистых десять тысяч годовых! Вряд ли вы могли встретить кого-нибудь, кроме меня, кто дал бы вам на этот счет более точные сведения. С его семейством я связан известным образом с раннего детства.

Элизабет не могла не выразить удивления.

— Еще бы вам не удивляться, мисс Беннет! Должны же вы были вчера заметить, как холодно мы с ним встретились. Вы с ним близко знакомы?

— Ровно настолько, чтобы не желать знакомства более близкого! — с чувством ответила Элизабет.— Мне довелось провести с ним под одной кровлей четыре дня, и он показался мне человеком весьма неприятным.

— Не смею судить — приятный или неприятный он человек,— сказал Уикхем.— Мне даже не подобает иметь такого мнения. Слишком долго и хорошо я его знаю, чтобы быть беспристрастным судьей. И все же, мне кажется, ваше мнение о Дарси удивило бы многих. Быть может, где-нибудь в другом месте вы бы его даже не высказали. Здесь, конечно, другое дело. Вы находитесь среди своих...

— Честное слово, я не сказала ничего, что не могла бы повторить в любом доме нашей округи, за исключением Незерфилда. Он никому в Хартфордшире не нравится. Гордость этого человека оттолкнула от него решительно всех. И едва ли вы найдете кого-нибудь, кто отозвался бы о мистере Дарси лучше, чем я.

— Не стану прикидываться огорченным, что мистера Дарси или кого бы то ни было другого оценивают по заслугам,— сказал после небольшой паузы мистер Уикхем.— Однако с мистером Дарси это случается довольно редко. Люди обычно бывают ослеплены его богатством и властью или подавлены его высокомерными барскими замашками. Его видят таким, каким он желает выглядеть сам.

— Даже поверхностное знакомство позволило почувствовать, насколько у него тяжелый характер.

Уикхем только покачал головой.

Когда ему удалось снова заговорить с Элизабет, он спросил:

— И долго мистер Дарси проживет в этих местах?

— Вот уж не знаю. Когда я была в Незерфилде, об его отъезде не говорили. Надеюсь, его пребывание по

соседству не отразится на вашем намерении поступить в ***ширский полк?

— О нет! Мне незачем уступать ему дорогу. Пусть сам уезжает, если не хочет со мной встречаться. Мы не состоим в дружеских отношениях, и мне всегда тяжело его видеть. Но других причин избегать его, кроме тех, которые я могу открыть всему свету, не существует. Прежде всего это сознание причиненной мне жестокой обиды. А еще — мне мучительно больно оттого, что он сделался таким человеком. Его отца, покойного мистера Дарси, я считал лучшим из смертных. Он был моим самым близким другом. И меня мучают тысячи трогательнейших воспоминаний, когда судьба сталкивает нас с молодым мистером Дарси. Он причинил мне немало зла. Но я все бы ему простил, если бы он не опозорил память отца и не обманул так сильно его надежд.

Элизабет слушала его, затаив дыхание, чувствуя, что разговор захватывает ее все больше и больше. Однако деликатность темы помешала ее расспросам.

Мистер Уикхем перешел к предметам более общим: к городу Меритону, его окрестностям и, наконец, к его жителям. Одобрив все, что ему удалось повидать, он высказал тонкий, но вполне ощутимый комплимент местному обществу.

— При поступлении в ***ширский полк я прежде всего имел в виду завести здесь постоянные и притом приятные дружеские связи. Я знал, что это прославленная и достойная войсковая часть. Но мой друг Денни особенно соблазнял меня своими рассказами о городе, в котором полк в настоящее время расквартирован. Сколько внимания проявляют здесь к офицерам! И как много приобрели они здесь приятных знакомств! Да, общество, признаюсь, мне необходимо. Я — человек, разочарованный в жизни, и душа моя не терпит одиночества. У меня непременно должны быть занятия и общество. Меня не готовили к военной карьере. Но, волею обстоятельств, теперь это — лучшее, на что я могу рассчитывать. Увы, моей сферой должна была стать церковь. Меня воспитывали для духовной стези. И я бы уже располагал отличным приходом, будь это угодно джентльмену, которого мы упомянули в нашей беседе.

— Неужели это возможно?

— О да, покойный мистер Дарси предназначал для меня лучший приход в своих владениях — сразу же после того, как в нем должна была открыться вакансия. Он был моим крестным отцом и не чаял во мне души. Заботу его обо мне нельзя описать словами. Он так хотел меня обес-

печить и верил, что это ему удалось! Но приход освободился и... достался другому.

— Боже правый! — воскликнула Элизабет. — Это неслыханно! Как мог мистер Дарси пренебречь волей отца?! И вы для своей защиты не обратились к закону?

— Формальные недоговоренности в посмертных бумагах не позволили мне искать в нем опоры... Человек чести не усомнился бы в воле покойного, но мистер Дарси предпочел подвергнуть ее своему толкованию. Эту часть завещания он объявил только условной рекомендацией и осмелился утверждать, что я утратил свои права из-за моего легкомыслия, моей расточительности, короче говоря, решительно всех пороков или же попросту никаких. Верно лишь то, что два года тому назад приход оказался свободным, — как раз тогда, когда я по возрасту мог этим воспользоваться, — но я его не получил. И столь же верно, что я не могу обвинить себя в каком-нибудь проступке, из-за которого я должен был бы его лишиться. У меня горячий, несдержанный нрав. И, быть может, я слишком вольно высказывал свое мнение о молодом Дарси, признаюсь, иногда даже прямо ему в лицо. Ничего худшего я не припомню. Все дело в том, что мы с ним слишком разные люди и что он меня ненавидит.

— Но это чудовищно! Он заслуживает публичного осуждения!

— Рано или поздно он этого дождется. Но это не будет исходить от меня. Пока я помню Дарси-отца, я не могу очернить или разоблачить Дарси-сына.

Элизабет вполне оценила его благородные чувства, отметив про себя, как хорош он был в тот момент, когда о них говорил. После некоторой паузы она спросила:

— Но какие же у него для этого могли оказаться причины? Что толкнуло его на столь гнусный поступок?

— Решительная и глубокая неприязнь ко мне. Неприязнь, которую я не могу в какой-то мере не приписывать чувству ревности. Если бы покойный мистер Дарси любил меня не так сильно, его сын, быть может, относился бы ко мне лучше. Но необычайная привязанность ко мне отца стала, по-видимому, раздражать сына с раннего возраста. Ему не нравилось возникшее между нами своеобразное соперничество, и он не мог смириться с тем, что мне нередко оказывалось предпочтение.

— Мне и в голову не приходило, что мистер Дарси такой недостойный человек. Честно говоря, он мне и раньше не нравился. И все же так плохо я о нем не судила.

Конечно, я замечала, с каким презрением он относится к окружающим. Но я никогда не предполагала, что он способен на такую низкую месть, такую несправедливость, такую бесчеловечность.

Подумав, она добавила:

— Я, правда, припоминаю, как однажды в Незерфилде он признался в своей неумеренной обидчивости и злопамятстве. Что за ужасный характер!..

— Не стану высказывать своего мнения по этому поводу,— ответил Уикхем.— Мне трудно быть к нему справедливым.

Элизабет снова погрузилась в раздумье и после некоторой паузы воскликнула:

— Так обойтись с крестником, другом, любимцем родного отца! — Она могла бы добавить: «С юношей, самая внешность которого располагает к нему людей с первого взгляда», — но ограничилась словами: — С человеком, который к тому же с самого детства был его ближайшим товарищем! И который, как я вас поняла, связан с ним теснейшими узами!

— Мы родились в одном приходе, в одном и том же поместье. И провели вместе детские годы — жили под одной кровлей, играли в одни игры, радовались общей отеческой ласке. В юности мой отец избрал тот жизненный путь, на котором с таким успехом подвизается ваш дядюшка, мистер Филипс. Но он пренебрег всем, стремясь оказаться полезным покойному мистеру Дарси, и посвятил свою жизнь заботам о Пемберли. Зато как высоко ценил его мистер Дарси! Какими задушевными друзьями были наши отцы! Мистер Дарси всегда признавал, скольким он обязан своему другу. И незадолго до смерти моего отца мистер Дарси по собственной воле обещал ему обеспечить мое будущее. Он поступил так, я убежден, столько же из чувства благодарности к отцу, сколько и из привязанности к сыну.

— Неслыханно! — воскликнула Элизабет.— Чудовищно! Казалось бы, одна лишь гордость должна была заставить младшего мистера Дарси выполнить по отношению к вам свой долг! Если ему несвойственны лучшие чувства, то как его гордость позволила ему поступить так бесчестно? О да, бесчестно — его поведению нет другого названия!

— Это и в самом деле странно,— подтвердил Уикхем.— Ведь почти все его поступки так или иначе объясняются гордостью. Гордость нередко была его лучшим советчиком. Из всех чувств она его больше всего приблизила

ГанOVER-сквер в Лондоне.
Цветная гравюра Р. Полларда и Ф. Джюкса, 1787 г.

к добродетели. Но не бывает ведь правил без исключений: в отношениях со мной им руководили более сильные побуждения.

— Неужели его непомерная гордость когда-нибудь могла принести ему пользу?

— О да. Она часто заставляла его поступать снисходительно и великодушно — щедро раздавать деньги, оказывать гостеприимство, поддерживать арендаторов, помогать бедным. Всему этому способствовала фамильная гордость и сыновняя гордость — настолько он гордится своим отцом. Опасение лишиться былой славы свой род, ослабить влияние и популярность дома Пемберли сыграло немалую роль в его жизни. Ему свойственна и гордость старшего брата, которая в соединении с известной братской привязанностью сделала из него доброго и внимательного опекуна своей сестры. И вы могли бы услышать, как его называют самым лучшим и заботливым братом.

— А что собой представляет мисс Дарси?

Он покачал головой.

— Как бы хотелось отозваться о ней хорошо! С именем Дарси больно связывать что-то дурное. Но, увы, она слишком похожа на своего брата — так завладела ею гордыня. А какая это была милая, ласковая маленькая девочка, как нежно она была ко мне привязана! И кто скажет — сколько часов потратил я, заботясь о ее развлечениях? Теперь она для меня — ничто. Это довольно смазливая девица лет пятнадцати — шестнадцати, получившая, насколько я могу судить, недурное воспитание. С тех пор как скончался ее отец, она постоянно живет в Лондоне в обществе какой-то дамы, которая руководит ее занятиями.

После нескольких пауз, прерывавшихся попытками найти другие темы для разговора, Элизабет не смогла удержаться от того, чтобы еще раз не вернуться к мистеру Дарси.

— Меня удивляет, — сказала она, — его близость к мистеру Бингли. Как это мистер Бингли, который кажется мне самым воплощением добропорядочности и, я уверена, обладает превосходным характером, может поддерживать дружбу с подобным человеком? Неужели они могут друг с другом ладить? Кстати, вы знакомы с мистером Бингли?

— Нет, мы друг друга не знаем.

— О, это в самом деле милейший человек. Он и не догадывается о том, что собой представляет мистер Дарси.

— Вполне вероятно. Если мистер Дарси желает, он умеет понравиться. Он не лишен способностей. Когда нужно, он оказывается превосходным собеседником. Вообще среди равных себе он совсем другой, нежели среди тех, кто стоит ниже его на общественной лестнице. Гордость не оставляет его никогда. Но к богатым он более справедлив и снисходителен. С ними он бывает искренен, порядочен и даже, пожалуй, приветлив, отдавая дань их положению и средствам.

Вскоре после этого игра в вист кончилась, и ее участники собрались вокруг другого стола. Мистер Коллинз расположился при этом между своей кузиной Элизабет и ее тетушкой, которая, разумеется, не преминула осведомиться о его карточных успехах. Последние оказались отнюдь не блестящими — он не выиграл ни одной ставки. Однако в ответ на выраженное ею сочувствие он с серьезнейшим видом попросил ее несколько не огорчаться, ибо он не придает значения деньгам и вполне может пренебречь небольшим проигрышем.

— Мне достаточно известно, сударыня, — сказал он, — что, садясь за карточный стол, человек должен быть го-

тов к подобного рода неудачам. К счастью, мои обстоятельства не таковы, чтобы я должен был много думать о пяти шиллингах. Конечно, есть немало людей, которые не смогли бы сказать то же самое. Но благодаря леди Кэтрин де Бёр я достаточно обеспечен, чтобы не обращать внимания на подобные пустяки.

Слова эти привлекли внимание Уикхема. Взглянув на мистера Коллинза, он вполголоса спросил у Элизабет, насколько ее родственник близко знаком с семейством де Бёр.

— Леди Кэтрин де Бёр,— ответила она,— совсем недавно предоставила ему церковный приход. Мне неизвестно, каким образом она обратила на него свое внимание, но знакомство их не может быть продолжительным.

— Вы, разумеется, знаете, что леди Кэтрин де Бёр и леди Энн Дарси были родными сестрами? Леди Кэтрин приходится теткой мистеру Дарси.

— О нет, я этого не знала. Я вообще не имею понятия о родственных связях леди Кэтрин. До позавчерашнего дня я не догадывалась о ее существовании.

— Ее дочь, мисс де Бёр, получит огромное наследство. Полагают, что она и ее кузен соединят два состояния.

При этих словах Элизабет улыбнулась, невольно вспомнив о бедной мисс Бингли. Тщетными были, оказывается, все ее усилия привлечь внимание мистера Дарси. Тщетными и бесполезными были проявления привязанности к его сестре и восхищение им самим. Мистер Дарси был предназначен для другой.

— Мистер Коллинз,— сказала она,— всячески превозносит леди Кэтрин и ее дочь. Но некоторые странности в его рассказах о своей благодетельнице заставили меня заподозрить, что чувство признательности ввело его в заблуждение. Несмотря на всю благосклонность к моему кузену, ее светлость представляется мне дамой взбалмошной и самодовольной.

— Думаю, что то и другое верно. Я не видел ее уже много лет, но припоминаю, что мне никогда не нравились ее деспотические и вызывающие манеры. Она слывет женщиной необычайно умной и рассудительной. Но я полагаю, что этим она отчасти обязана своему рангу и состоянию, отчасти самоуверенности, а в остальном — гордости племянника, которому хочется, чтобы вся его родня славилась выдающимся умом.

Отзыв этот показался Элизабет вполне убедительным. Молодые люди, очень довольные друг другом, не переставали

ли болтать до тех пор, пока начавшийся ужин не прервал игру, позволив и другим дамам воспользоваться долей внимания мистера Уикхема. За столом миссис Филипс обычно царил такой шум, что разговаривать было почти невозможно. Однако манеры мистера Уикхема понравились всем. Что бы он ни сказал, было сказано хорошо, что бы ни сделал, было сделано с изяществом. Элизабет уехала домой, думая только о нем. Дорóгой мысли о мистере Уикхеме и о том, что он ей рассказал, не покидали ее ни на минуту. И все же ей не удалось даже произнести его имени, так как Лидия и мистер Коллинз болтали без умолку. Лидия непрерывно тараторила о своих номерах во время игры в лото, о ставках, которые она проиграла, и ставках, которые выиграла, а мистер Коллинз превозносил любезность мистера и миссис Филипс, убеждал всех, что его совершенно не огорчил карточный проигрыш, перечислял все поданные на стол блюда и беспрестанно осведомлялся, не очень ли он потеснил кузин в экипаже. Круг этих тем был слишком обширен для того, чтобы он успел с ними покончить до остановки кареты перед домом в Лонгборне.

ГЛАВА XVII

На следующий день Элизабет рассказала Джейн о своем разговоре с Уикхемом. Джейн была удивлена и расстроена: она не могла поверить, что мистер Дарси столь недостоин дружбы мистера Бингли. И вместе с тем ей было несвойственно сомневаться в правдивости молодого человека с такой привлекательной внешностью, какой обладал мистер Уикхем. Одной мысли о нанесенном ему ущербе было достаточно, чтобы вызвать ее горячие симпатии. Поэтому ей ничего не оставалось, как попытаться оправдать обоих, приписать все, что могло бросить на них тень, недоразумениям или ошибкам.

— Я думаю,— сказала она,— что оба они были неизвестным нам образом введены в заблуждение. Быть может, какие-то люди, преследуя корыстные цели, создали у них друг о друге, ложное представление. Но что именно вызвало между ними разлад, в котором нам лучше не обвинять ни того, ни другого, навсегда останется для нас тайной.

— Ты совершенно права. А теперь, дорогая Джейн, что ты скажешь в защиту тех, кто был в этом деле замешан и преследовал корыстные цели? Не следует ли оправдать также и этих людей? Иначе нам все же придется о ком-то плохо подумать.

— Можешь смеяться надо мной сколько угодно, но переубедить меня тебе не удастся. Лиззи, дорогая, ты только на минуту подумай, какую тень это бросает на мистера Дарси! Так обойтись с любимцем отца, с юношей, жизнь которого его отец обещал обеспечить. Это просто невероятно. Ни один человек, который дорожит своей репутацией, не способен на такой поступок. Разве самые близкие друзья могли бы в нем так обмануться? О нет, это невозможно.

— Мне гораздо легче представить себе, что в нем обманулся мистер Бингли, чем вообразить, что рассказанная

вчера история — выдумка мистера Уикхема. Он называл имена, обстоятельства, факты без малейшей запинки. Пусть мистер Дарси попытается, если сможет, все опровергнуть. В его рассказе каждое слово дышало правдой.

— Все это настолько неприятно и запутанно — прямо не знаешь, что и подумать.

— Прости, пожалуйста, но мне-то ясно, что об этом следует думать.

Для Джейн, однако, ясно было только одно — что мистер Бингли, если он и в самом деле был введен в заблуждение, будет глубоко огорчен, когда ему станут известны все обстоятельства.

Этот разговор происходил на обсаженной кустарником дорожке около дома, которую молодым девицам пришлось покинуть из-за приезда некоторых лиц, упоминавшихся в их беседе. Мистер Бингли и его сестры явились в Лонгборн для того, чтобы лично пригласить всех на долгожданный бал в Незерфилде, имевший состояться в ближайший вторник. Обе леди были счастливы снова увидеть свою дорогую подругу, с которой, как им казалось, они не виделись целую вечность. И они наперебой расспрашивали ее, чем она занималась с тех пор, как они расстались. На других Беннетов они почти не обращали внимания, стараясь находиться подальше от хозяйки дома, по возможности не разговаривать с Элизабет и не сказать ни единого слова ее младшим сестрам. Вскоре они поднялись, поразив брата своей поспешностью, и сейчас же уехали. Уходя, они так торопились, как будто им хотелось уклониться от обмена любезностями с миссис Беннет.

Мысли о незерфилдском бале чрезвычайно занимали всех дам в семействе Беннет. Миссис Беннет была склонна считать, что он устраивается в честь ее старшей дочери, и чувствовала себя необыкновенно польщенной тем, что вместо письменного приглашения мистер Бингли лично явился в Лонгборн просить их пожаловать на бал. Джейн рисовала в своем воображении счастливый вечер, который она проведет в обществе двух подруг, принимая знаки внимания со стороны мистера Бингли. Элизабет с удовольствием представляла себе, как она будет танцевать с мистером Уикхемом, находя доказательство всего, что он ей рассказал, в выражении лица и поведении мистера Дарси. Блаженство, которое предвкушали Кэтрин и Лидия, в меньшей степени было связано с какими-нибудь определенными людьми или обстоятельствами. И хотя каждая из них, подобно Элизабет, собиралась половину вечера танцевать

с Уикхемом, он ни в коей мере не был для них единственным возможным кавалером — бал должен быть балом при любых обстоятельствах. Даже Мэри уверяла родных, что у нее нет против него возражений.

— С меня достаточно, если я могу располагать своими утренними часами. И я вовсе не считаю, что приношу особенно большую жертву, время от времени принимая участие в вечерних развлечениях. Общество ко всем предъявляет свои права. И я отношусь к тем его членам, которые позволяют себе изредка отвлечься и отдохнуть.

Элизабет была в превосходном настроении. И хотя обычно она старалась разговаривать с мистером Коллинзом как можно меньше, на этот раз она не сдержалась, спросив у него, думает ли он воспользоваться приглашением Бингли и подобает ли его сану участвовать в подобных забавах. Она была немало удивлена, услышав, что ее кузен не испытывал на этот счет ни малейших сомнений и вовсе не опасался упреков со стороны архиепископа или леди Кэтрин де Бёр по поводу своего участия в танцах.

— Позвольте вам заметить, — добавил он, — что бал подобного рода, устроенный вполне достойным молодым человеком для респектабельной публики, не может, по моему мнению, таить в себе зловредных начал. Будучи далек от того, чтобы относиться к танцам с неодобрением, я питаю надежду танцевать в течение вечера с каждой из моих прелестных кузин. И, пользуясь случаем, мисс Элизабет, я имею честь уже сейчас пригласить вас на первый танец, — особая привилегия, которая, как я полагаю, будет правильно понята моей кузиной Джейн и отнюдь не воспринята ею за недостаток уважения с моей стороны.

Элизабет смекнула, что попала впросак. Она была уверена, что на первый танец ее непременно пригласит Уикхем. И что же, — вместо этого ей придется танцевать с Коллинзом! Никогда еще она не проявляла своей общительности так не вовремя. Но делать было уже нечего. Счастливые для нее и для мистера Уикхема минуты должны были, таким образом, наступить несколько позднее. Приглашение мистера Коллинза было принято со всей любезностью, на которую она была способна. Оттого что в его разглагольствованиях проскользнуло нечто большее, чем простая галантность, они не стали приятнее. Ей впервые пришло в голову, что из всех дочерей мистера Беннета именно она может оказаться достойной стать хозяйкой хансфордского прихода, а заодно — и четвертым участником карточной партии в Розингсе при отсутствии более

подходящих партнеров. Подозрение это превратилось в уверенность по мере того, как она стала замечать все возраставшие знаки внимания со стороны кузена и его частые комплименты по поводу ее живости и остроумия. Она была скорее встревожена, нежели обрадована действием своих чар, в особенности после того, как миссис Беннет дала ей понять, что весьма приветствует возможность такой партии. Сознывая, какая буря будет вызвана в доме ее отказом, Элизабет предпочла вести себя так, как будто она не понимала намеков. Могло случиться, что мистер Коллинз не соберется сделать предложение. И пока он ни на что не решился, не было смысла поднимать шум по этому поводу.

Без надежды на бал в Незерфилде, к которому нужно было готовиться и о котором можно было вдоволь наговориться, младшие мисс Беннет чувствовали бы себя в это время крайне несчастными. С самого дня приглашения и до того дня, когда бал наконец состоялся, почти непрерывно лил дождь, лишая их возможности добираться до Меритона. Ни тетушки, ни офицеров, ни новостей — даже банты для бальных башмаков были приобретены с помощью посыльного! Испытанию подверглось также терпение Элизабет, ибо плохая погода воздвигла непреодолимое препятствие ее дальнейшему знакомству с мистером Уикхемом. Только ожидание танцев во вторник позволило Китти и Лидии как-то пережить совершенно несносные пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

ГЛАВА XVIII

о тех пор пока Элизабет не вступила в незерфилдскую гостиную, тщетно выискивая мистера Уикхема среди собравшихся красных мундиров, ей и в голову не приходила мысль, что он может туда не явиться. Встреча с ним казалась ей настолько само собой разумеющейся, что она даже не подумала о некоторых обстоятельствах, которые могли воспрепятствовать его появлению в Незерфилде. Она наряжалась к балу с особой тщательностью и в самом превосходном настроении готовилась к завоеванию всех оставшихся непокоренными уголков его сердца, будучи уверена, что эта задача может быть легко решена в течение одного вечера. Но как только она

вошла, у нее зародилось злое подозрение, что в угоду своему другу Бингли не включил Уикхема в список приглашенных на бал офицеров. И хотя в действительности дело обстояло не совсем так, отсутствие Уикхема было тут же подтверждено его другом, мистером Денни, на которого с нетерпеливыми расспросами набросилась Лидия. Сообщив, что Уикхему пришлось накануне уехать по делам в Лондон и что он до сих пор не вернулся, Денни с многозначительной улыбкой добавил:

— Не думаю, чтобы дела были способны оторвать его от нас именно в такой день, если бы он не стремился избежать встречи с неким присутствующим здесь джентльменом.

Это замечание едва ли дошло до ушей Лидии, но было понято ее сестрой. Оно доказывало, что Дарси не менее виновен в отсутствии Уикхема, чем если бы подтвердилась ее первоначальная догадка. И, разочарованная во всех своих ожиданиях, Элизабет почувствовала к Дарси такую неприязнь, что с трудом принудила себя вежливо ответить на любезное приветствие, с которым он устремился к ней навстречу. Внимание, сочувствие, снисходительность к этому человеку были равносильны предательству по отношению к Уикхему. Она настолько отвергала всякую возможность беседы с Дарси, что, отвернувшись от него, не смогла преодолеть свой гнев даже в разговоре с мистером Бингли, слепая привязанность которого к своему другу казалась ей непростительной.

Однако Элизабет не была создана для меланхолии. И хотя все ее связанные с балом надежды рухнули, она не могла предаваться мрачным мыслям чересчур долго. Поведав свои огорчения Шарлотте Лукас, с которой они не виделись больше недели, она охотно перешла к рассказу о своем необыкновенном кузене, представив его вниманию своей подруги. Первый танец, однако, снова поверг ее в полное уныние. Это была убийственная церемония. Мистер Коллинз, важный и неуклюжий, делающий все время неверные па и то и дело извиняющийся, вместо того чтобы следить за танцевальными фигурами, заставил ее почувствовать все унижение и досаду, какие только способен вызвать на протяжении одного танца неугодный партнер. Минута, когда она от него наконец отделалась, принесла ей несказанное облегчение.

После Коллинза она танцевала с одним из офицеров. Она несколько пришла в себя, разговорившись с ним об Уикхеме и узнав, что молодой человек пользуется всеоб-

щей симпатией. Оставив своего кавалера, она вернулась к мисс Лукас и, поглощенная беседой, не сразу заметила, что к ней обращается мистер Дарси, приглашая ее на следующий танец. От неожиданности Элизабет растерялась и в замешательстве приняла приглашение. Дарси отошел, и она осталась наедине с подругой, крайне удрученная тем, что не проявила достаточной находчивости. Шарлотта попыталась ее успокоить:

— Думаю все же, что он окажется приятным партнером.

— Упаси боже! Это было бы самым большим несчастьем. Найти приятным человека, которого решила ненавидеть! Ты не могла пожелать мне ничего худшего.

Когда танцы возобновились и Дарси приблизился к ним, предложив ей свою руку, Шарлотта все же не удержалась и тихонько предостерегла подругу, чтобы она вела себя разумно и из симпатии к Уикхему не уронила себя в глазах несравненно более значительного человека. Элизабет ничего не ответила и заняла место среди танцующих, удивляясь, как это она удостоилась стоять в паре с мистером Дарси и замечая то же удивление в глазах окружающих. Некоторое время они танцевали молча. Она уже стала думать, что молчание это продлится до конца танца, и хотела сперва ничем его не нарушать. Но, вообразив вдруг, что могла бы досадить партнеру сильнее, если бы заставила его говорить, она произнесла несколько слов по поводу исполнявшейся фигуры. Дарси ответил и замолчал. После паузы, длившейся одну-две минуты, она обратилась к нему опять:

— Теперь, мистер Дарси, ваша очередь поддержать разговор. Я отозвалась о танце — вы могли бы сделать какое-нибудь замечание о величине зала или числе танцующих пар.

Он улыбнулся и выразил готовность сказать все, что она пожелала бы услышать.

— Ну вот и отлично, — ответила она. — На ближайшее время вы сказали вполне достаточно. Быть может, немного погода я еще замечу, что частные балы гораздо приятнее публичных. Но пока мы вполне можем помолчать.

— А вы привыкли разговаривать, когда танцуете?

— Да, время от времени. Нужно ведь иногда нарушать молчание, не правда ли? Кажется очень нелепым, когда два человека вместе проводят полчаса, не сказав друг другу ни слова. И все же для кого-то будет лучше, если мы поведем разговор таким образом, чтобы сказать друг другу как можно меньше.

— Говоря это, вы предполагали мои желания или подразумевали, что это угодно вам?

— И то и другое,— уклончиво ответила Элизабет.— Я давно замечаю частые совпадения в нашем образе мыслей. Оба мы мало общительны и не склонны к разговору, если только нам не представляется случай сказать что-нибудь из ряда вон выходящее — такое, что может вызвать изумление всех присутствующих и наподобие пословицы из уст в уста передаваться потомству.

— Что касается вашего характера,— сказал он,— вы, по-моему, обрисовали его не вполне точно. Не мне решать, насколько правильно вы охарактеризовали меня. Впрочем, вы сами находите, наверно, этот портрет удачным.

— Не могу судить о собственном искусстве.

Дарси ничего не сказал, и они опять замолчали, пока во время следующей фигуры танца он не спросил у нее, часто ли ее сестрам и ей приходится бывать в Меритоне. Ответив утвердительно, она не удержалась от того, чтобы не добавить:

— Когда мы с вами на днях там встретились, мы только что завели на улице новое знакомство.

Действие этих слов сказалось незамедлительно. На лице Дарси появилось надменное выражение. Но он ничего не сказал, а у Элизабет, как она ни ругала себя за свое малодушие, не хватило решимости пойти дальше. Немного погодя Дарси холодно заметил:

— Мистер Уикхем обладает такими счастливыми манерами и внешностью, что весьма легко *приобретает* друзей. Достаточно ли он способен их *сохранять* — вот что кажется мне более сомнительным.

— Он имел несчастье потерять вашу дружбу,— многозначительно заметила Элизабет.— Быть может, это наложит тяжелый отпечаток на всю его жизнь.

Дарси ничего не ответил, но было видно, что ему хотелось переменить тему разговора. В эту минуту рядом с ними очутился Уильям Лукас, пробиравшийся через толпу танцующих на противоположную сторону. Заметив мистера Дарси, он чрезвычайно любезно с ним раскланялся и тут же рассыпался в комплиментах по поводу его манеры танцевать и красоты его дамы.

— Я получил, дорогой сэръ, высочайшее удовольствие. Как редко приходится видеть танцующих с таким изяществом. Ваша принадлежность к высшему обществу бросается в глаза. Но разрешите заметить, что прелестная дама, с которой вы сейчас танцуете, кажется мне вполне достой-

ной своего партнера, и я надеюсь получать теперь подобное наслаждение особенно часто. Конечно, после того, как произойдет определенное и, разумеется, столь желанное — не правда ли, дорогая мисс Элиза? — событие! — При этом он посмотрел в сторону Бингли и Джейн. — Сколько оно вызовет поздравлений! Но — я обращаюсь к мистеру Дарси — не позволяйте мне вас задерживать, сэр. Вы не станете благодарить меня за то, что я мешаю вашей беседе с очаровательной молодой леди, сверкающие глазки которой уже начинают посматривать на меня с явным укором.

Последняя часть этой тирады едва ли была услышана Дарси. Но предположение сэра Уильяма относительно его друга сильно на него подействовало. Его лицо приняло очень серьезное выражение, и он пристально посмотрел на танцевавших неподалеку Бингли и Джейн. Придя, однако, в себя, он обернулся к своей даме и сказал:

— Вмешательство сэра Уильяма заставило меня потерять нить нашего разговора.

— По-моему, мы вовсе не разговаривали. Едва ли сэр Уильям мог найти в этом зале двух танцующих, которые хотели бы так мало сказать друг другу. Мы безуспешно пытались коснуться нескольких тем. И мне даже в голову не приходит, о чем бы мы могли поговорить теперь.

— Что вы думаете о книгах? — спросил он с улыбкой.

— О книгах? О нет, я уверена, что мы с вами одних и тех же книг не читали. И, уж во всяком случае, не испытывали при чтении одинаковых чувств.

— Мне жалко, что вы так думаете. Но даже если бы вы были правы, тем легче нам было бы найти тему для разговора. Мы могли бы сопоставить различные мнения.

— Нет, я не в состоянии говорить о книгах во время бала. Здесь мне на ум приходят другие мысли.

— Они всегда относятся к тому, что вас непосредственно окружает, не так ли? — сказал он с сомнением.

— Да, да, всегда, — машинально ответила Элизабет. На самом деле мысли ее блуждали весьма далеко от предмета разговора, что вскоре подтвердилось внезапным замечанием:

— Помнится, мистер Дарси, вы признались, что едва ли простили кого-нибудь в своей жизни. По вашим словам, кто однажды вызвал ваше неудовольствие, не может надеяться на снисхождение. Должно быть, вы достаточно следите за тем, чтобы не рассердиться без всякого повода?

— О да, разумеется, — уверенно ответил Дарси.

— И никогда не становитесь жертвой предубеждения?

«Домик в поле».
С картины Джона Констебля, 1817 г.

- Надеюсь, что нет.
- Для тех, кто не поступает своим мнением, особенно важно судить обо всем здраво с самого начала.
- Могу я узнать, что вы имеете в виду?
- О, я просто пытаюсь разобраться в вашей натуре,— ответила она, стараясь сохранить на лице непринужденное выражение.

— И вам это удастся?

Она покачала головой:

— Увы, ни в малейшей степени. Я слышала о вас настолько различные мнения, что попросту теряюсь в догадках.

— Что ж, могу представить себе, что полученные вами сведения весьма противоречивы,— сказал он очень серьезно.— Я бы предпочел, мисс Беннет, чтобы вы пока не рисовали в своем воображении моего духовного облика. В противном случае полученная вами картина не сделает чести ни вам, ни мне.

— Но если я сейчас не подмечу самого главного, быть может, мне никогда не представится другого случая.

— Не хотел бы лишать вас какого бы то ни было удовольствия,— холодно сказал Дарси.

Она ничего не ответила. И закончив танец, они молча разошлись с чувством взаимной неприязни. Впрочем, мистер Дарси уже питал в своем сердце достаточно сильную склонность к Элизабет, благодаря которой он быстро нашел ей оправдание, сосредоточив свой гнев на другом лице.

Вскоре после этого к Элизабет подошла мисс Бингли и обратилась к ней с любезно-высокомерным видом:

— Итак, мисс Элиза, вы в восторге от Джорджа Уикхема, не правда ли? Я слышала об этом от Джейн. Она буквально засыпала меня вопросами о вашем новом приятеле. Однако из ее слов я поняла, что среди прочих своих сообщений молодой человек забыл вам сказать, что он сын старого Уикхема, служившего дворецким у покойного мистера Дарси. Я бы все же хотела дружески вас предостеречь, чтобы вы не очень доверяли его высказываниям. Все, что он говорит о плохом обращении с ним мистера Дарси,— чистейший вымысел. Мистер Дарси, напротив, проявил необыкновенное благородство. Зато Джордж Уикхем поступил по отношению к мистеру Дарси самым непорядочным образом. Я не знакома с подробностями, но хорошо знаю, что мистера Дарси едва ли можно в чем-нибудь упрекнуть. Недаром он даже не переносит упоминания о Джордже Уикхеме! И хотя моему брату казалось невозможным исключить Уикхема из числа приглашенных офицеров, он очень обрадовался, узнав, что тот сам уклонился от приглашения. Появление Уикхема в этих местах — неслыханная дерзость. Непонятно, как он мог на это осмелиться! Мне очень жаль, мисс Элиза, что я должна была разоблачить пороки вашего нового знакомого. Но,

пожалуй, учитывая его происхождение, от него едва ли можно было ожидать лучшего.

— Из ваших слов, сударыня, я поняла, что порок мистера Уикхема заключается в его происхождении,— резко ответила Элизабет.— Вы не смогли ничего поставить ему в вину, кроме того, что отец его служил дворецким у мистера Дарси. Но об этом, смею вас заверить, он мне сообщил сам.

— Прошу прощения,— саркастически заметила, отходя от нее, мисс Бингли.— Извините за вмешательство — я руководствовалась лучшими побуждениями.

«Какая наглость! — произнесла про себя Элизабет.— Но вы, сударыня, глубоко заблуждаетесь, рассчитывая повлиять на меня столь недостойной выходкой. Кроме вашего самодовольного невежества и злокозненности мистера Дарси, вы ничего ею не доказали».

Она тут же разыскала Джейн, которая уже успела поговорить на интересовавшую их тему с мистером Бингли. Сестра встретила ее сияющей улыбкой, свидетельствующей о том, сколько радости доставил ей этот вечер. Догадавшись о мыслях Джейн по выражению лица, Элизабет поняла, что все ее сочувствие неудачам мистера Уикхема, негодование против его врагов и прочее значат очень немного по сравнению с надеждой на грядущее счастье сестры.

— Мне, конечно, хотелось бы узнать,— сказала она с не менее приветливой улыбкой,— удалось ли тебе что-нибудь выяснить о мистере Уикхеме. Но, быть может, ты провела время так приятно, что могла думать лишь об одном человеке? Я на тебя не обижусь.

— Я вовсе про него не забыла, Лиззи,— ответила Джейн.— Но, увы, не могу сказать тебе ничего утешительного. Мистеру Бингли эта история мало знакома. В чем именно мистер Уикхем виноват перед мистером Дарси, он не знает. Но он готов поручиться за добропорядочность, честность и благородство своего друга. И он убежден, что мистер Уикхем не заслуживал даже той заботы, которую проявил по отношению к нему мистер Дарси. Меня это огорчает, но из его слов, так же как из слов мисс Бингли, следует, что мистера Уикхема нельзя считать порядочным человеком. Боюсь, он вел себя слишком неосмотрительно и тем самым лишился уважения мистера Дарси вполне заслуженно.

— А мистер Бингли знаком с мистером Уикхемом?

— Нет, он его ни разу не видел до встречи в Меритоне.

— В таком случае его взгляды на Уикхема заимствованы у мистера Дарси? Что ж, я вполне удовлетворена. Ну-с, а какие у него сведения о церковном приходе?

— Он не припоминает в точности обстоятельств, хотя не раз слышал о них от своего друга. Приход, кажется, был оставлен за Уикхемом только условно.

— Я не сомневаюсь в искренности мистера Бингли,— сказала Элизабет как можно мягче.— Но извини меня, если я не удовлетворюсь общими фразами. Мистер Бингли, конечно, должен добросовестно защищать интересы своего друга. Но так как некоторые части этой истории ему неизвестны, а с остальными он знаком только со слов самого мистера Дарси, я позволю себе относиться к обоим молодым людям по-прежнему.

После этого она перевела разговор на гораздо более приятную тему, которая не вызывала между ними никаких расхождений. С радостью услышала она от Джейн, сколько счастливых и вместе с тем робких надежд вызывает в ней ухаживание мистера Бингли. И Элизабет высказала все, что было возможно, чтобы поддержать в ней эти надежды. Когда к сестрам присоединился мистер Бингли, Элизабет отошла в сторону и отыскала мисс Лукас. Она едва успела ответить на вопрос подруги о том, понравился ли ей последний партнер по танцам, как к ним подошел мистер Коллинз и в крайнем возбуждении сообщил, что он имел удовольствие только что сделать важнейшее открытие.

— Благодаря чистой случайности,— сказал он,— я обнаружил в этой комнате близкого родственника моей патронессы. Мне посчастливилось услышать, как он в разговоре с молодой леди, являющейся украшением этого дома, упомянул имена его кузины мисс де Бёр и ее матери леди Кэтрин. Случаются же на свете подобные чудеса! Кто бы мог подумать, что здесь, на этом балу, я встречу чуть ли не с племянником леди Кэтрин? Я благодарю небо за то, что у меня вовремя раскрылись глаза и я могу засвидетельствовать ему мое почтение! Конечно, я не премину совершить это сию же минуту. И я уповаю на то, что он простит мне медлительность, которая оправдывается лишь моей неосведомленностью.

— Не собираетесь ли вы представиться мистеру Дарси?

— О разумеется. Я буду покорнейше просить у него прощения за то, что не сделал этого раньше. Думаю, что он в самом деле придется племянником леди Кэтрин. И я буду в состоянии заверить его, что всего неделю

тому назад здоровье ее светлости не оставляло желать лучшего.

Элизабет попыталась по возможности удержать мистера Коллинза от этого шага. Она доказывала, что Дарси сочтет обращение к нему незнакомого человека скорее непозволительной вольностью, нежели данью уважения к своей тетке, что здесь они вполне могут не обращать друг на друга внимания и, наконец, что если бы даже в этом и возникла необходимость, то первый шаг к знакомству должен был сделать мистер Дарси, занимающий более высокое положение в обществе. Мистер Коллинз выслушал ее с видом человека, твердо решившего поступить по-своему, и, когда она замолчала, ответил:

— Дорогая моя мисс Элизабет! Я питаю самое высокое мнение относительно вашей превосходной способности судить о вещах, в которых вы хорошо разбираетесь. Но позвольте мне сказать, что имеется глубокое различие между нормами человеческих отношений, принятыми среди мирян, и теми, которые определяют поведение священнослужителей. Я должен присовокупить к этому, что ставлю служение церкви, в смысле почетности, вровень с исполнением самых высоких обязанностей в королевстве, — конечно, если только не забывать, что это служение должно осуществляться с подобающим смирением. А потому разрешите мне следовать в данном случае голосу совести, который призывает меня совершить то, что я нахожу своим долгом. Простите меня за нежелание воспользоваться вашим советом, которым я готов руководствоваться в любом другом деле. Но при сложившихся обстоятельствах я полагаю себя по образованию и опыту более способным судить о правильности своего поведения, нежели подобная вам юная леди.

Отвесив глубокий поклон, мистер Коллинз покинул Элизабет и направился прямо к мистеру Дарси. С тревогой стала она наблюдать, какое действие произведет на Дарси это неожиданное обращение. При первых же словах кузена Дарси явно удивился. Мистер Коллинз начал с торжественного расшаркивания, и, хотя речь его до нее не долетала, ей казалось, что она слышит фразу за фразой, по мере того как по движению его губ разгадывала произносимые им слова: «извинения», «Хансфорд» и «леди Кэтрин де Бёр». Ей было крайне досадно видеть, что ее родственник выступает перед мистером Дарси в столь комической роли. Последний смотрел на Коллинза с нескрываемым изумлением и, когда тот наконец позволил Дарси

заговорить, ответил ему очень холодно. Это, однако, несколько не обескуражило мистера Коллинза и не удержало его от новой тирады, продолжительность которой, казалось, еще больше увеличила презрение к нему мистера Дарси, так что, когда она закончилась, он только слегка кивнул головой и пошел прочь, в то время как Коллинз возвратился к Элизабет.

— Поверьте, я ни в коей мере не разочарован оказанным мне приемом,— сказал он, подойдя.— Мистер Дарси весьма доволен моей почтительностью. Он разговаривал со мной необыкновенно любезно и даже отплатил мне комплиментом, сказав, что достаточно знает разборчивость леди

Кэтрин и не сомневается, что ее благосклонностью могут пользоваться только истинно достойные люди. Как это прекрасно сказано! Право, мне он очень понравился.

Так как самой Элизабет уже нечего было ждать от бала, она почти все внимание сосредоточила на сестре и мистере Бингли. Это навело ее на приятнейшие мысли, от которых она почувствовала себя почти такой же счастливой, как Джейн. В своем воображении она уже видела сестру хозяйкой этого дома, живущей в довольстве и счастье, которое может возникнуть только в браке, основанном на настоящей любви. При таких обстоятельствах она считала себя даже способной полюбить сестер мистера Бингли. Было очевидно, что мысли миссис Беннет сосредоточены на том же, и Элизабет твердо решила держаться от нее поодаль, боясь, как бы мать не сказала ей чего-нибудь лишнего. Однако, усаживаясь за стол, Элизабет, к своему огорчению, оказалась почти рядом с миссис Беннет. С досадой услышала она, что непрекращающийся громкий разговор матери с самым неподходящим человеком — леди Лукас — посвящен не чему иному, как предстоящей женитьбе мистера Бингли на Джейн. Тема была настолько увлекательной, что в своем перечислении преимуществ будущей партии миссис Беннет была совершенно неумоима. Прежде всего она поздравляла себя с тем, что Бингли такой милый молодой человек, что он так богат и живет всего в трех милях от Лонгборна. Далее она с восторгом говорила о том, как привязались к Джейн сестры мистера Бингли и как они должны радоваться возможности взаимно породниться. Более того, как много хорошего это событие сулит ее младшим дочерям, которые после замужества Джейн окажутся на виду у других богатых мужчин. И, наконец, как будет удобно ей, в ее возрасте, оставлять своих незамужних дочерей на попечение замужней сестры и появляться в обществе, только когда ей заблагорассудится — обстоятельство, которое, в соответствии с общепринятыми взглядами, следовало непременно выдавать за приятное, хотя трудно было найти человека, менее охотно сидящего дома, чем миссис Беннет. В заключение выражалось множество пожеланий, чтобы леди Лукас оказалась столь же счастлива в ближайшем будущем, хотя всем своим видом миссис Беннет отчетливо и с торжеством давала понять, что считает это совершенно невероятным.

Тщетно дочка пыталась унять поток материнского красноречия или хотя бы упросить мать, чтобы она выра-

жала свои восторги не таким громким шепотом, ибо он, как замечала к своей невыразимой досаде Элизабет, почти полностью доходил до ушей сидевшего напротив мистера Дарси. Мать только сердилась на нее, говоря, что она несет чепуху.

— Кто такой для меня твой мистер Дарси, чтобы мне его бояться? Разве мы у него в долгу за любезное обращение, чтобы стараться не сказать ему чего-нибудь не по вкусу?

— Мама, ради бога, попытайтесь говорить тише. Для чего оскорблять мистера Дарси? Разве вы этим хорошо зарекомендуете себя перед его другом?

Уговоры, однако, не производили на мать никакого действия. Миссис Беннет продолжала во всеуслышание разглагольствовать о питаемых ею надеждах, и Элизабет то и дело приходилось краснеть от стыда и досады. Ей было трудно удерживаться от того, чтобы время от времени не бросать взгляд на Дарси, каждый раз убеждаясь, насколько основательны ее опасения. Хотя Дарси и не всегда смотрел в сторону миссис Беннет, она была убеждена, что его внимание сосредоточено именно на ней. При этом выражение его лица постепенно менялось: если вначале на нем было написано негодующее презрение, то под конец оно было исполнено мрачной и неуклонной решимости.

В конце концов, однако, красноречие миссис Беннет иссякло, и леди Лукас, которая во время этих, едва ли разделяемых ею, восторженных излияний неоднократно подавляла зевки, получила наконец возможность спокойно сосредоточиться на курице и ветчине. Элизабет начала было уже приходить в себя. Однако передышка оказалась короткой. Когда ужин окончился, заговорили о музыке, и ей пришлось перенести еще одно унижение, увидев, как Мэри после недолгих уговоров приготовилась ублажать публику своим искусством. Элизабет попыталась взглядом предотвратить такую самоотверженность с ее стороны, но тщетно. Обрадовавшись возможности показать себя во всем блеске, Мэри не хотела ничего понимать и тут же уселась за фортепьяно. С крайней досадой Элизабет, не отрывая глаз, наблюдала за сестрой и нетерпеливо следила, как та переходит от куплета к куплету. Окончание песни, впрочем, не принесло облегчения — уловив среди одобрительных возгласов намек на просьбу продлить доставленное удовольствие, сестра тотчас же принялась за новую. Мэри не обладала никакими данными для выступлений перед публикой: голос у нее был

слабый, манера исполнения — вымученная. Элизабет была в отчаянии. Она посмотрела на старшую сестру, чтобы узнать, как эту же муку переживает Джейн. Но Джейн очень мило болтала с Бингли. Элизабет взглянула на его сестер и увидела, что они делают насмешливые знаки друг другу и мистеру Дарси, который, однако, сохранял непроницаемо мрачное выражение. Наконец она бросила взгляд на отца, умоляя его вмешаться, так как иначе Мэри могла бы продолжать свое пение до утра. Он понял ее и, когда Мэри закончила вторую песню, громко сказал:

— Этого вполне хватит, дитя мое. Ты уже достаточно долго услаждала наш слух. Позволь теперь и другим молодым девицам себя показать.

Хотя Мэри и сделала вид, что его слова до нее не дошли, она все же была ими несколько сконфужена. А Элизабет, переживая обиду за сестру и досадуя на отца, чувствовала, что своим вмешательством только ухудшила дело. Между тем стали искать нового исполнителя.

— Если бы мне, — произнес мистер Коллинз, — посчастливилось обладать музыкальными способностями, я, несомненно, счел бы для себя удовольствием порадовать общество какой-нибудь арией. Ибо я нахожу музыку самым невинным развлечением, вполне совместимым с положением служителя церкви. Разумеется, я не считаю, что мы вправе уделять музыке слишком много времени — существует столько дел, требующих от нас внимания. Если бы вы знали, сколько обязанностей у пастыря церковного прихода! Во-первых, ему нужно распределить десятину, заботясь при этом о своих интересах и не нарушая в то же время интересов своего патрона. Далее, ему необходимо сочинять проповеди. Остального времени едва хватает на исполнение церковных обрядов и заботу об усовершенствовании своего жилища, комфортом которого он ни в коем случае не вправе пренебрегать. Столь же важно для него проявлять внимание и участие ко всем окружающим и в особенности к тем из них, кому он обязан своим положением. И я отнюдь не освобождаю себя от подобного долга, так же, как не стал бы хорошо думать о человеке, который упускает возможность выразить почтение любой особе, находящейся в родственных отношениях с его патроном!

И он заключил свою речь, произнесенную таким громким голосом, что ее услышала половина собравшегося общества, поклоном в сторону мистера Дарси. Кое-кто из присутствующих пристально посмотрел на мистера

Коллинза, кое-кто улыбнулся. Но никого его речь не позабавила больше, чем мистера Беннета, в то время как миссис Беннет вполне серьезно ее одобрила, поведая тихим голосом своей соседке леди Лукас, что мистер Коллинз необыкновенно умный и достойный молодой человек.

Элизабет казалось, что, если бы все члены ее семейства нарочно сговорились выставить в этот вечер напоказ свои недостатки, им едва ли удалось бы выполнить это с большим блеском и добиться более значительного успеха. К счастью для мистера Бингли и Джейн, некоторые номера этого спектакля, по-видимому, ускользнули от внимания молодого человека, не слишком чувствительного к проявлениям человеческой глупости. Однако достаточным злом было уже и то, что для его сестер и мистера Дарси открывалась великолепная возможность высмеивать ее родню. И Элизабет не могла решить, что для нее было более невыносимо: вызывающие улыбки двух леди или молчаливое презрение джентльмена.

Остаток вечера принес ей мало приятного. Ее продолжал мучить мистер Коллинз, неотлучно следовавший за ней по пятам. Не будучи в состоянии уговорить ее танцевать, он своим присутствием лишал ее возможности принять приглашение какого-нибудь другого кавалера. Тщетно уговаривала она его воспользоваться обществом других барышень, предлагая познакомить его с любой из присутствовавших на балу. Мистер Коллинз утверждал, что он равнодушен к танцам и что больше всего ему бы хотелось выразить свое внимание дорогой кузине, надеясь тем самым как можно лучше зарекомендовать себя в ее глазах. По этой причине он предпочел бы до конца бала с ней не разлучаться. Против такого желания было трудно что-нибудь возразить. Поэтому Элизабет была благодарна мисс Лукас за то, что она часто к ним подходила и самоотверженно принимала на себя труд поддерживать разговор с мистером Коллинзом.

Элизабет, по крайней мере, была рада избавиться от знаков внимания со стороны мистера Дарси, который, хотя нередко и прохаживался без всякого дела неподалеку от нее, больше уже не пытался с ней заговаривать. Было приятно предположить, что она добилась этого намеками на мистера Уикхема.

Гости из Лонгборна покинули зал последними. Благодаря особой уловке миссис Беннет их экипаж был подан спустя четверть часа после того, как все остальные приглашенные уже уехали. Это дало им возможность заме-

«Мельница в Пархеме».
С картины Джона Констебля. 1826 г.

тить, с каким нетерпением ждал их отъезда кое-кто из обитателей Незерфилда. Миссис Хёрст и ее сестра открывали рот лишь для того, чтобы посетовать на свою усталость, всем видом показывая, насколько им хочется наконец остаться одним. Уклоняясь от попыток миссис Беннет завязать разговор, они наводили оцепенение на всех присутствующих. Сцена эта слабо оживлялась пространственными рассуждениями мистера Коллинза, полными комплиментов по адресу мистера Бингли и его сестер, по поводу изысканности только что закончившегося вечера и любезности и гостеприимства хозяев дома. Мистер Дарси вообще ничего не говорил. Мистер Беннет также молчал,

смакуя развернувшееся перед ним зрелище. Мистер Бингли и Джейн, стоя несколько поодаль от других, разговаривали только между собой. Элизабет хранила молчание не менее упорно, чем миссис Хёрст и мисс Бингли. И даже Лидия была настолько утомлена, что не произнесла ни слова, если не считать отрывочных восклицаний вроде: «Боже, как я устала!» — сопровождавшихся энергичным зевком.

Когда все наконец направились к выходу, миссис Беннет любезнейшим образом выразила непременно желание вскоре увидеть незерфилдскую компанию в Лонгборне. Обращаясь главным образом к мистеру Бингли, она сказала, что ее семья будет счастлива в любое время разделить с ним и его близкими скромный обед — без церемоний и формальных приглашений. Мистер Бингли искренне ее поблагодарил и охотно обещал навестить их при первом удобном случае после возвращения из короткой деловой поездки в Лондон, куда он должен был выехать на следующее утро.

Миссис Беннет была вполне удовлетворена. Покидая Незерфилд, она питала счастливую уверенность, что ее дочь переедет сюда спустя три-четыре месяца, которые понадобятся для приобретения новых экипажей и обстановки и приготовления свадебных нарядов. В той же мере она была убеждена в скором замужестве и второй дочери. Надежда на этот брак также доставляла ей немалое удовольствие, хотя и не столь сильное, как предвкушение замужества Джейн. Миссис Беннет любила Элизабет меньше других дочерей. И хотя она ничего не имела против Коллинза и его пасторского домика, они, конечно, не шли ни в какое сравнение с мистером Бингли и Незерфилдом.

ГЛАВА XIX

а следующее утро в Лонгборне произошли новые важные события. Мистер Коллинз сделал формальное предложение второй дочери мистера Беннета. Срок его пребывания в Лонгборне истек в ближайшую субботу, и он решил не терять времени. Он не отличался застенчивостью, которая помешала бы ему свободно выразить свои чувства, а потому осуществил это намерение весьма продуманно, сопровождая свои действия всеми подобающими условностями.

Застав миссис Беннет после завтрака в обществе Элизабет и одной из ее младших сестер, он обратился к хозяйке дома со следующим вопросом:

— Могу ли я надеяться, сударыня, что вы употребите ваше влияние на прелестную мисс Элизабет, если я попрошу ее оказать мне сегодня особую честь, позволив побеседовать с ней наедине?

Элизабет успела только покраснеть от неожиданности, ибо миссис Беннет сейчас же воскликнула:

— Ах, боже мой! Ну конечно! Само собой разумеется! Я уверена, что Лиззи выслушает вас с большим удовольствием. У нее не может быть никаких возражений. Пойдем, Китти, ты мне понадобишься наверху.

И, собрав свое шитье, она заторопилась к выходу. Элизабет попробовала ее остановить:

— Пожалуйста, не уходите отсюда. Я вас очень прошу. Мистер Коллинз меня извинит. Он не скажет мне ничего, что не мог бы услышать в этом доме любой человек. Я лучше уйду сама.

— Какие глупости. Мне нужно, чтобы ты осталась в этой комнате.— И, увидев, что смутившаяся и растерявшаяся Элизабет может и в самом деле сбежать, добавила: — Лиззи, я требую, чтобы ты осталась и выслушала мистера Коллинза.

У Элизабет не хватило духу нарушить столь безоговорочный приказ. И так как короткое размышление подсказало ей, что умнее всего будет покончить с делом возможно быстрее и с наименьшим шумом, она снова присела и углубилась в шитье. Ей хотелось смеяться и плакать. И как только миссис Беннет и Китти вышли, Коллинз приступил к объяснению.

— Поверьте, дорогая мисс Элизабет, ваша скромность не только не роняет вас в моих глазах, но даже еще сильнее подчеркивает ваше совершенство. Вы не казались бы мне столь очаровательной, если бы не обнаружили некоторого нежелания пойти мне навстречу. Позвольте, однако, вас заверить, что, обращаясь к вам, я уже заручился согласием вашей почтенной матушки. Вы едва ли заблуждаетесь в отношении преследуемых мною целей, хотя, быть может, и станете это отрицать ввиду вашей природной застенчивости. В самом деле, я слишком явно оказывал вам свое предпочтение, чтобы вы могли не понять моих намерений. Почти в ту самую минуту, как я переступил порог этого дома, я понял, что вам суждено стать спутницей моей жизни. Но, прежде чем дать волю моим

пламенным чувствам, быть может, мне следовало бы поделиться с вами мотивами, по которым я собираюсь жениться и которые заставили меня приехать в Хартфордшир, чтобы найти в этом доме свою будущую подругу?

Мысль, что ее рассудительный и напыщенный кузен может дать волю своим пламенным чувствам, чуть не заставила Элизабет рассмеяться. Из-за этого она не смогла воспользоваться небольшой паузой и удержать мистера Коллинза от дальнейших излияний, позволив ему продолжить свой монолог.

— Итак, я собираюсь жениться, считая, во-первых, что всякий служитель церкви, не стесненный, подобно мне, в средствах, должен быть примерным семьянином в своем приходе. Во-вторых, я уверен, что этот шаг делает мою жизнь еще более счастливой. И, наконец, в-третьих,— хотя, быть может, мне следовало упомянуть об этом прежде всего,— я особо руководствуюсь в данном случае советом и пожеланиями весьма благородной леди, которую имею честь называть своей патронессой. Она уже дважды снизошла до того, чтобы высказать (без всякой просьбы с моей стороны!) свои взгляды по этому поводу. И даже в субботу, накануне моего отъезда из Хансфорда, когда миссис Дженкинсон, в перерыве между двумя партиями кадрили, поправляла скамеечку в ногах мисс де Бёр, леди Кэтрин сказала мне: «Мистер Коллинз, вам следует жениться. Служитель церкви вашего склада должен быть женатым человеком. Выбирайте разумно, выбирайте достойную. Учтите мой вкус, считаясь, конечно, и со своим. Пусть это будет порядочная и работающая женщина, не избалованная, такая, которая способна сводить концы с концами при скромном доходе. Я вам это советую. Найдите себе возможно скорее подходящую жену, привезите ее в Хансфорд, и я нанесу ей визит». Я бы хотел, кстати, заметить, моя прелестная кузина, что отнюдь не ставлю внимание и доброту леди Кэтрин де Бёр на последнее место в ряду тех преимуществ, которые я в состоянии предложить вместе с моей рукой. Познакомившись с леди Кэтрин, вы поймете, что я не мог описать вам ее манеры так, как они того заслуживают. И я надеюсь, что ей понравятся свойственные вам живость и остроумие, которые, разумеется, будут должным образом смягчены сдержанностью и уважением, внушаемыми ее высоким рангом. Вот к чему сводятся общие соображения, которые побуждают меня к женитьбе. Мне остается только сказать — почему я обратил свои взоры именно в сторону Лонгбор-

на, а не окружающих Хансфорд селений, в которых, смею вас уверить, имеется немало приятных молодых леди. Суть дела в том, что после смерти вашего высокочтимого батюшки (да проживет он еще многие лета!) мне предстоит унаследовать его имение. И дабы успокоить в этом отношении мою щепетильность, я решил сделать своей женой одну из его дочерей. Я бы хотел, чтобы они как можно меньше почувствовали потерю тогда, когда произойдет, увы, столь печальное событие, которое, однако, как я уже говорил, может совершиться еще очень не ско-

ро. Таковы были мои побуждения, прелестная кухня, и я льщу себя надеждой, что они не уронят меня в ваших глазах. Мне остается только уверить вас самым пламенным образом в необыкновенной силе моей привязанности. Я вполне равнодушен к деньгам и не собираюсь предъявлять никаких претензий по этому поводу вашему батюшке, ибо достаточно знаю, сколь мало они могут быть удовлетворены. Я также осведомлен, что одна тысяча фунтов из четырех процентов годовых, и то переходящая к вам только после кончины миссис Беннет,— все, чем вы можете располагать в будущем. По этому поводу я буду нем как рыба, и вы можете быть уверены, что ни один неблагоприятный упрек вовеки не сорвется с моих уст.

Было необходимо остановить его как можно скорее.

— Вы торопитесь, сэр! — вскричала Элизабет.— Вы забыли, что я еще ничего не ответила. Разрешите мне это сделать без промедления. Примите, сэр, благодарность за оказанную мне честь. Я глубоко сознаю, поверьте, сколь лестно для меня ваше предложение, но я вынуждена его отклонить.

— О, мне приходилось слышать,— перебил ее мистер Коллинз с выразительным жестом,— что молодые леди, когда мужчина впервые просит их составить его счастье, нередко отклоняют предложение, которое в глубине души готовы принять. В некоторых случаях отказ повторяют во второй и даже в третий раз. Поэтому меня ничуть не обескураживают ваши слова, и я искренне надеюсь, что в недалеком будущем поведу вас к алтарю.

— Однако после моего ответа, сэр,— воскликнула Элизабет,— ваша надежда не кажется обоснованной. Уверяю вас, я не отношусь к числу молодых женщин (если они вообще существуют), у которых хватает смелости рискнуть своим счастьем, рассчитывая на повторное предложение. Я ответила вам вполне серьезно. Вы не можете сделать счастливой меня, и, по моему глубокому убеждению, из всех женщин на свете я меньше всех могла бы составить счастье такого человека, как вы. Не сомневаюсь, если бы меня узнала ваш друг леди Кэтрин, она ни в коем случае не одобрила бы ваш выбор.

— Неужели леди Кэтрин в самом деле так бы к вам отнеслась? — проговорил мистер Коллинз с серьезной миной.— Но я не могу себе представить, чтобы вы не понравились ее светлости. Можете быть уверены, когда я буду иметь честь с ней встретиться, я опишу вашу

скромность, хозяйственность и прочие положительные качества в самом выгодном свете.

— Увы, мистер Коллинз, похвалы по моему адресу будут напрасными. Позвольте мне самой решить мою судьбу и соблаговолите поверить моим словам. Я от души желаю вам богатства и счастья и, отказываясь выйти за вас замуж, делаю все, что только зависит от меня, чтобы эти пожелания сбылись. Предложив мне руку, вы должны были успокоить свою щепетильность в отношении нашей семьи. И теперь вы сможете вступить во владение Лонгборнским имением, когда оно к вам перейдет, без угрызений совести. Таким образом, вопрос этот можно считать вполне решенным.

С этими словами она уже было хотела покинуть комнату, но мистер Коллинз заговорил опять:

— Когда я буду иметь честь беседовать с вами на ту же тему еще раз, я буду надеяться получить более благоприятный ответ, чем тот, который вы мне дали сейчас. Вместе с тем я далек от того, чтобы обвинить вас в бесчувственности, хорошо зная, насколько свойственно вашему полу отвечать отказом мужчине, когда он делает предложение в первый раз. Быть может, вы даже обнадружили меня в той мере, какую допускает истинная деликатность женской души.

— Вы меня в самом деле обескураживаете, мистер Коллинз,— с некоторым волнением проговорила Элизабет.— Если мой ответ показался вам обнадруживающим, я не представляю себе, как мне выразить свой отказ, чтобы он стал для вас убедительным.

— Позвольте мне, кузина, утешиться мыслью, что вы отклонили мое предложение лишь на словах. Коротко говоря, я убежден в этом по следующим причинам. Мне вовсе не кажется, что я недостойн вашей руки или что условия жизни, которые я в состоянии вам предложить, могут вас не устраивать. Мне особо благоприятствует мое положение в обществе, связи с семьей де Бёр и родство с вашим семейством. И, несмотря на все ваши достоинства, вы должны понимать, что вам может не представиться нового случая выйти замуж. Незначительность вашего приданого может ослабить всю притягательную силу вашей красоты и прочих положительных качеств. Поэтому я считаю, что в глубине души вы вовсе не намерены мне отказать. И я склонен объяснить ваш ответ желанием сильнее воспламенить мои чувства посредством очаровательного кокетства, свойственного хорошему женщинам.

— Уверяю вас, сэр, я совершенно не претендую на успех, которого можно добиться игрой на чувствах серьезного человека. Мне больше хотелось бы, чтобы вы оценили мою искренность. Я еще раз благодарю вас за честь, оказанную мне вашим любезным предложением, но принять его для меня решительно невозможно. Все мои чувства восстают против этого. Могу ли я выразиться яснее? Перестаньте же смотреть на меня, как на увлекающую вас в сети кокетку, и постарайтесь увидеть перед собой разумное существо, говорящее правду от всего сердца!

— Вы просто прелесть! — воскликнул он, проявляя несвоевременную галантность.— И я убежден, что, когда мое предложение будет одобрено вашими высокочтимыми родителями, вы отнесетесь к нему вполне благожелательно.

Элизабет поняла, что совершенно бессильна сколько-нибудь поколебать самоуверенность мистера Коллинза. И она тут же вышла из комнаты, решив, если он и дальше будет принимать ее отказ за обнадеживающие поощрения, обратиться к отцу, который сможет ему ответить достаточно определенно, не опасаясь, что его поведение будет истолковано как кокетство хорошенькой женщины.

ГЛАВА XX

Мистеру Коллинзу не пришлось долго предаваться размышлениям о своих любовных успехах. Исхода переговоров нетерпеливо ожидала в прихожей миссис Беннет. И как только ее дочь, распахнув дверь, пробежала мимо нее, она устремила к Коллинзу, горячо поздравляя его и себя по поводу того, что между ними в скором времени установится самое близкое родство. Мистер Коллинз выслушал это пылкое обращение и ответил на него столь же восторженно, а затем пересказал ей подробности состоявшегося объяснения, результатами которого он, как ему казалось, мог быть вполне удовлетворен. В самом деле, упорный отказ его кузины естественно объяснялся ее застенчивостью и деликатностью ее натуры.

У миссис Беннет это сообщение вызвало все же некоторую тревогу. Ей хотелось бы надеяться, что Элизабет

отвергла сватовство мистера Коллинза с намерением еще больше воспламенить его чувства. Однако она не смела этому верить и не могла скрыть своих опасений от собеседника.

— Но положитесь, мой дорогой, на меня! — сказала она. — Уж я-то сумею ее образумить. Сию же минуту поговорю с ней начистоту. Экая упрямая и своенравная девчонка — сама не понимает своего счастья. Но она у меня *научится* его понимать.

— Простите, сударыня, что я позволю себе вас перебить, — заметил мистер Коллинз. — Но если она в самом деле упряма и своенравна, я не уверен, что она вообще способна стать подходящей супругой человека моего положения, который, естественно, ищет в брачном союзе благополучия. Поэтому если она будет и дальше отказываться принять мое предложение, нам, быть может, лучше не принуждать ее к этому? Боюсь, что, страдая подобными недостатками, она едва ли сможет сделать меня счастливым.

— Ах, сэр, вы меня поняли совершенно превратно, — ответила встревоженная миссис Беннет. — Лиззи бывает упряма только в подобных исключительных случаях. При всех других обстоятельствах — это самое покладистое существо на земле. Я сейчас переговорю с мистером Беннетом и ручаюсь вам — очень скоро мы все уладим.

Не давая ему времени для ответа, она опрометью бросилась к мужу, заговорив прямо с порога библиотеки:

— О, мистер Беннет, вы должны немедленно мне помочь! Все мы в полном смятении. Бегите и заставьте Лиззи выйти замуж за мистера Коллинза, так как она не согласна стать его женой. И если вы не вмешаетесь в это сию же минуту, он может раздумать и не пожелает стать ее мужем.

При ее появлении мистер Беннет оторвался от книги и невозмутимо посмотрел на супругу, ничем не показывая, что он сколько-нибудь встревожен ее сообщением.

— К сожалению, моя дорогая, я не имел удовольствия уразуметь смысл ваших слов, — сказал он, когда она замолчала. — О чем вы толкуете?

— О мистере Коллинзе и Лиззи. Лиззи заявила, что она не хочет выходить замуж за мистера Коллинза, а мистер Коллинз уже начал говорить, что он не женится на Лиззи.

— И что же при таких обстоятельствах я могу предпринять? Дело выглядит достаточно безнадежным.

— О, вы должны поговорить с Лиззи! Потребуйте от нее, чтобы она вышла за него замуж.

— Пусть ее позовут сюда. Я выскажу ей свое мнение.

Миссис Беннет позвонила, и мисс Элизабет была приглашена в библиотеку.

— Подойди ко мне, дитя мое,— произнес отец, когда она вошла.— Я послал за тобой ради важного дела. На-

сколько я понимаю, мистер Коллинз предложил тебе выйти за него замуж. Верно ли это?

Элизабет ответила утвердительно.

— Очень хорошо. И ты ему отказала?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Теперь мы подходим к самому главному. Твоя мать требует, чтобы ты приняла его предложение, — не правда ли, миссис Беннет?

— О да. Иначе я больше не хочу ее видеть.

— Итак, моя дочь, ты поставлена перед трагическим выбором. С этой минуты ты лишаешься одного из родителей. Твоя мать не желает видеть тебя, если ты не пойдешь за мистера Коллинза, а я больше никогда на тебя не взгляну, если ты вздумаешь с его предложением согласиться.

Элизабет не могла удержаться от улыбки при подобном завершении разговора, начатого столь торжественно. Но миссис Беннет, которая внушила себе, что ее муж смотрит на дело так же, как и она, была крайне обескуражена.

— Что вы имеете в виду, мистер Беннет, рассуждая подобным образом? Разве вы не обещали мне заставить эту девочку выйти за него замуж?

— Дорогая моя, — ответил ее супруг, — у меня к вам две небольшие просьбы. Во-первых, я бы хотел, чтобы вы мне разрешили свободно располагать в данном случае собственным здравым смыслом, а во-вторых — собственной комнатой. Мне было бы очень приятно, если бы библиотека как можно скорее оказалась в моем распоряжении.

Несмотря на то, что миссис Беннет была разочарована своим мужем, она все же не собиралась сдаваться. Снова и снова она заговаривала с Элизабет, то и дело переходя от увещаний к угрозам. Мать попробовала было найти поддержку у Джейн, но Джейн, с присущей ей мягкостью, отказалась вмешаться. Элизабет отражала атаки матери то вполне серьезно, то пытаясь от них отшутиться. Но сколько бы она ни меняла форму своих ответов, решение ее оставалось неизменным.

Между тем мистер Коллинз обдумывал в одиночестве все, что с ним в это утро произошло. Он был слишком высокого мнения о своей особе, чтобы понять причину, из-за которой кузина не захотела принять его предложение. И хотя его самолюбие несомненно было уязвлено, других огорчений он не испытывал. Его склонность к ней

была только воображаемой. И, предполагая, что упреки, брошенные матерью в ее адрес, могли быть заслуженными, он едва ли мог о чем-либо сожалеть.

Семейство Беннет пребывало в смятении, когда их навестила Шарлотта Лукас. В прихожей ее встретила Лидия. Бросившись к госте, она объявила громким шепотом:

Хорошо, что ты приехала. У нас тут такое творится! Что бы ты думала случилось сегодня утром? Мистер Коллинз сделал предложение Лиззи, а она ему отказала!

Прежде чем Шарлотта успела ответить, в прихожую вбежала Китти, сообщившая ту же новость. И как только девицы вошли в комнату для завтрака, в которой одиноко восседала хозяйка дома, миссис Беннет снова заговорила на ту же тему, взывая к сочувствию мисс Лукас и умоляя ее воздействовать на подругу, чтобы Лиззи уступила наконец чаяниям всей семьи.

— Ради бога, дорогая мисс Лукас, сделайте это,— добавила она удрученно.— Меня никто не поддерживает. Я ни в ком не вижу сочувствия,— все ведут себя просто безжалостно. Хоть бы кто-нибудь вспомнил о моих истерзанных нервах!

Ответу Шарлотты помешало появление Джейн и Элизабет.

— Вот и она сама,— продолжала миссис Беннет.— С нее как с гуся вода. Ей и дела нет до всех нас, будто бы мы все живем где-нибудь в Йорке. Лишь бы ее не трогали! Но я вам вот что скажу, дорогая мисс Лиззи: ежели вы себе вбили в голову, что можете и впредь отказывать всякому жениху, кто бы к вам ни посватался, то вы и вовсе не выйдете замуж! И клянусь вам, мне неизвестно, кто станет о вас заботиться, когда умрет ваш отец. Мне это будет не под силу, запомните. С этого дня я с вами покончила. Больше я с вами не стану разговаривать,— я уже вам это сказала в библиотеке. И вы убедитесь, я сумею сдержать свое слово. Что за удовольствие разговаривать с неблагодарной девчонкой? И вообще, чего ради мне разговаривать с кем бы то ни было? Люди, страдающие большими нервами, не очень-то склонны к разговорам. Увы, моих мучений не понимают! Но этому нельзя удивляться. Кто сам не пожалуется, не дождетя сочувствия.

Дочки слушали эти излияния молча, зная, что всякая попытка успокоить и урезонить мать только увеличит ее

раздражение. Поэтому миссис Беннет продолжала сетовать на судьбу, пока к ним не присоединился мистер Коллинз, казавшийся еще более напыщенным, чем обычно. При виде его миссис Беннет сказала девицам:

— А теперь я хочу, чтобы вы, — да, да, вы все, — попридержали языки и позволили нам с мистером Коллинзом хоть немножко поговорить по душам.

Элизабет вышла из комнаты, Джейн и Китти последовали за ней, а Лидия не тронулась с места, решив услышать все, что только будет возможно. Шарлотта задержалась, отвечая сначала на любезности мистера Коллинза, который самым подробным образом расспросил обо всех ее родственниках и поинтересовался ее собственным самочувствием, а затем, одолеваемая любопытством, отошла к окну, сделав вид, что оттуда ей ничего не слышно.

Миссис Беннет начала подготовленный разговор страдальческим возгласом:

— О, мистер Коллинз!

— Сударыня, — отвечал он, — не будем больше касаться этой темы. Я далек от того, чтобы обидеться на поведение вашей дочери, — продолжал он тоном, в котором все же проскальзывало известное неудовольствие. — Покорность перед неизбежным злом — наш общий долг. Тем более она приличествует молодому человеку, которому, подобно мне, посчастливилось рано выдвинуться в обществе. И потому я заставляю себя покориться. Быть может, правда, с тем большей легкостью, что у меня возникло сомнение — нашел бы я истинное счастье, если бы прелестная кузина удостоила меня своей руки. Ибо я часто наблюдал, что покорность никогда не бывает столь полной, как тогда, когда благо, коего мы лишились, начинает в нашем представлении терять свою ценность. Надеюсь, сударыня, вы не сочтете, что я проявляю неуважение к вашей семье своим отказом от благосклонности вашей дочери, не затруднив вас и мистера Беннета просьбой употребить ради меня родительскую власть. То, что я считал себя свободным, основываясь на ответе вашей дочери, а не ее родителей, может, я опасаясь, бросить тень на мое поведение. Но всем нам свойственно ошибаться. Во всяком случае, в своих поступках я руководствовался лучшими намерениями. Мне хотелось приобрести приятную спутницу жизни и оказать в то же время услугу вашей семье. И если в чем-то мое поведение все же заслуживает упрека, я, сударыня, умоляю о снисхождении.

олнения по поводу сватовства мистера Коллинза подходили к концу. Элизабет страдала теперь только от оставленного этим событием неприятного осадка и ворчливых упреков, которые еще иногда высказывала по ее адресу миссис Беннет. Что касается самого джентльмена, то он вовсе не выглядел смущенным или подавленным и даже не избегал общества кузины, обнаруживая свои чувства лишь некоторой скованностью и негодующим молчанием. Он почти не разговаривал с ней и в течение всего вечера уделял столь высоко ценимое им внимание одной лишь мисс Лукас. И, охотно поддерживая с ним беседу, Шарлотта оказала подруге и всей ее семье весьма своевременную услугу.

Следующее утро не улучшило здоровья и настроения миссис Беннет. Весь вид мистера Коллинза по-прежнему говорил об уязвленном самолюбии. Элизабет надеялась, что обида заставит его преждевременно покинуть Лонгборн, но планы гостя не изменились: его отъезд был назначен на субботу, и именно в субботу он намеревался от них уехать.

После завтрака девицы отправились в Меритон, чтобы узнать, вернулся ли уже мистер Уикхем, и выразить сожаление по поводу его отсутствия на незерфилдском балу. Он встретил их на окраине города и зашел вместе с ними к миссис Филипс, где его собственная досада и огорчение всех остальных были высказаны достаточно красноречиво. Однако в разговоре с Элизабет он признался, что необходимость его отъезда была преувеличена.

— Когда до бала осталось немного дней, — сказал он, — я понял, что мне лучше не встречаться с мистером Дарси. Я мог бы не вынести длительного пребывания с ним в одной комнате и в одном обществе. А это привело бы к сценам, неприятным не только мне одному.

Элизабет высоко оценила его благоразумие. Им удалось вдоволь наговориться на эту тему и высказать друг другу комплименты, пока Уикхем и еще один офицер сопровождали девиц до Лонгборна. Во время этой прогулки молодой человек оказывал Элизабет особое внимание. Его готовность следовать за ней до самого ее дома была вдвойне приятна Элизабет: во-первых, она была лестна сама по себе, а во-вторых, создавала удобную возможность представить мистера Уикхема ее родителям.

Вскоре после их возвращения старшей мисс Беннет принесли письмо из Незерфилда. Оно было тотчас же распечатано. В конверте лежал красивый листок лощеной бумаги, исписанный изящным дамским почерком.

Пока сестра, задерживаясь на отдельных фразах, читала письмо, Элизабет видела, как менялось выражение ее лица. Джейн вскоре взяла себя в руки и, спрятав письмо, постаралась с обычной веселостью присоединиться к общей беседе. Однако письмо настолько заинтересовало Элизабет, что отвлекло ее внимание даже от Уикхема. Едва Уикхем и его приятель покинули Лонгборн, Джейн взглядом пригласила сестру последовать за ней наверх и, когда они вошли в свою комнату, сказала, снова вынув письмо:

— Оно от Кэролайн Бингли. Я, признаюсь, удивлена его содержанием. К этому времени вся их компания уже, должно быть, покинула Незерфилд и находится на пути в Лондон. И они не собираются возвращаться. Послушай, что здесь написано.

Она прочла первую фразу о том, что сестры мистера Бингли решили последовать за братом в Лондон и намереваются обедать в этот день в доме мистера Хёрста на Гровнор-стрит. В следующих строчках говорилось: «Не хочу от Вас скрывать, моя бесценная подруга, что, покидая Хартфордшир, я не жалею ни о чем, кроме Вашего общества. Но будем надеяться, что когда-нибудь нам доведется еще не раз насладиться восхитительной близостью, подобной той, которая существовала между нами в этих местах. А пока что облегчим боль разлуки самой частой и доверительной перепиской. В этом отношении я очень на Вас надеюсь». Эти фальшивые и высокопарные фразы Элизабет выслушала равнодушно. И хотя ее удивила внезапность отъезда сестер мистера Бингли, в полученном известии она не нашла ничего неприятного. Из него вовсе не следовало, что отсутствие мисс Бингли и миссис Хёрст может помешать их брату вернуться в Незерфилд. А разлуку с этими дамами, Элизабет не сомневалась, Джейн перестанет ощущать достаточно быстро, наслаждаясь обществом мистера Бингли.

— Разумеется, жаль, что вам не довелось попрощаться,— сказала она после короткой паузы.— Но разве мы не можем рассчитывать, что счастливая встреча, о которой мечтает мисс Бингли, произойдет раньше, чем она думает? И что восхитительная близость, пережитая вами, когда вы были подругами, возникнет вновь, став еще бо-

«Сценка в клубе на улице Сент-Джеймс».
Рисунок Т. Роуландсона, 1811 г.

лее приятной, когда вы превратитесь в сестер? Не удержат ведь они мистера Бингли в Лондоне.

— Кэралайн ясно пишет, что никто из них не вернется в Хартфордшир этой зимой. Позволь, я тебе прочту это место.

«Покидая нас вчера, брат воображал, что с делом, вызвавшим его в Лондон, он сможет покончить за какие-нибудь три дня. Но мы хорошо знаем, что это не так.

Будучи уверены, что, приехав в город, Чарлз не станет торопиться снова его покинуть, мы решили последовать за ним и избавить его от необходимости проводить часы досуга в неуютной гостинице. Многие из моих знакомых уже съезжаются в город на зиму. Мне бы очень хотелось услышать, что и Вы, моя бесценная подруга, предполагаете оказаться в их числе, но, увы, я не смею на это рассчитывать. Надеюсь от души, что рождество в Хартфордшире принесет Вам все радости, свойственные этому времени года, и что многочисленность ваших кавалеров не даст Вам ощутить потерю тех трех, которых мы вас лишаем».

— Из этих слов очевидно,— добавила Джейн,— что он не приедет обратно этой зимой.

— Из этих слов очевидно лишь, что он не должен приехать по мнению мисс Бингли.

— Но почему ты так думаешь? Тебе, наверно, кажется, что это его собственное дело, что он сам собой распоряжается? Но ты не знаешь всего. Я прочту тебе то место, которое ранило меня особенно сильно. Мне нечего от тебя скрывать.

«Мистеру Дарси не терпится повидать свою сестру и, откровенно говоря, нам хочется встретиться с ней не

«Гуляка и скупец».
Рисунок Т. Роуландсона, ок. 1812 г.

меньше, чем ему. Я в самом деле не думаю, чтобы кто-нибудь сравнился с Джорджианой Дарси красотой, изяществом и прочими качествами. Но привязанность, которую она своими совершенствами вызывает во мне и Луизе, становится чем-то более значительным благодаря лелеемой нами надежде, что она станет со временем нашей сестрой. Не помню, говорила ли я Вам раньше о своих предположениях, но мне бы не хотелось покинуть провинцию, не рассказав Вам о них, и я верю, что Вы не поймете их превратно. Мой брат и прежде восхищался мисс Дарси. Теперь же он будет иметь возможность часто встречаться с ней в самой непринужденной обстановке. Все ее родные, так же как и его, желают этой партии. И, надеясь, что меня не обманывают родственные чувства, я считаю Чарлза вполне способным завоевать любое женское сердце. При всех обстоятельствах, способствующих возникновению такой привязанности, и отсутствии каких-либо помех, разве я не права, моя бесценная Джейн, питая надежду на событие, которое столь многим принесет счастье?»

— Что ты скажешь по поводу этой фразы, Лиззи, дорогая? Разве она недостаточно ясна? — спросила Джейн,

складывая письмо.— Разве Кэролайн не заявляет без околичностей, что она не хочет стать моей сестрой и не считает это возможным? И что, убежденная в безразличии ко мне мистера Бингли и подозревая, быть может, характер моего чувства к нему, она хочет меня деликатно предостеречь? Можно ли это объяснить по-другому?

— Да, и совсем легко. Я, например, смотрю на это иначе. Сказать тебе, что я думаю?

— Ради бога, скажи.

— Это можно выразить весьма кратко. Мисс Бингли видит, что ее брат влюблен в тебя, но хочет его женить на мисс Дарси. Она следует за ним в Лондон, надеясь, что сможет там его удержать, и старается тебя уверить, что ему до тебя нет дела.

Джейн покачала головой.

— Джейн, милая, ты должна мне поверить! Никто из видевших вас вместе не мог усомниться в его чувствах. В них, конечно, не сомневается и мисс Бингли,— для этого у нее ума хватает. Если бы она заметила в мистере Дарси хоть малую толику тех же чувств к собственной персоне, она бы уже заказывала свадебное платье. Суть дела, однако, в том, что мы для них недостаточно богаты и родовиты. А мисс Бингли хотела бы женить брата на мисс Дарси еще и потому, что, как она полагает, при одной родственной связи между семьями ей будет легче добиться второй. План этот в самом деле не лишен остроумия. Пожалуй, он мог бы увенчаться успехом, не будь у нее на пути дочки леди де Бёр. Но ты же не можешь серьезно думать, что, раз мисс Бингли описала тебе, как ее брат восхищается сестрой мистера Дарси, мистер Бингли стал ценить тебя хоть на йоту меньше, чем когда прощался с тобой после бала во вторник. Или что во власти мисс Бингли внушить ему, что он любит не тебя, а ее обожаемую подругу.

— Если бы мы судили о мисс Бингли одинаково,— ответила Джейн,— твое толкование письма меня бы успокоило. Но я знаю, ты исходишь из неверных предположений. Кэролайн не способна нарочно обманывать. Я могу надеяться только на то, что она сама заблуждается.

— Ну и отлично. Раз мои объяснения для тебя неприемлемы, ты не могла придумать ничего лучшего. Ради бога, считай, что это ее заблуждение. Ты исполнила свой долг и можешь ни о чем не тревожиться.

— Но, Элизабет, дорогая, предположим самое лучшее. Буду ли я счастлива, выходя замуж за человека, сестры и друзья которого хотят, чтобы он женился на другой?

— Это дело твое,— сказала Элизабет.— И если, по зрелом размышлении, ты решишь, что счастливое замужество будет для тебя значить меньше, чем неудовольствие его сестер, я бы тебе советовала ответить ему отказом.

— Как можешь ты так говорить? — сказала Джейн со слабой улыбкой.— Ты же знаешь, сколько бы ни огорчало меня их неодобрение, я бы не колебалась в своем ответе.

— Я в этом уверена. Потому я и не принимаю твоего горя близко к сердцу.

— Но если он не возвратится в течение всей зимы, мой ответ, быть может, даже не потребуется. За шесть месяцев могут возникнуть тысячи новых обстоятельств!

Предположение, что мистер Бингли не вернется в Незерфилд, казалось Элизабет невероятным и представлялось ей вымыслом заинтересованной в этом Кэролайн. Элизабет ни на минуту не допускала, чтобы желание сестры, как бы искусно и настойчиво она ни внушала его брату, могло повлиять на мистера Бингли, человека вполне самостоятельного.

Она убеждала Джейн в своей правоте так горячо, что вскоре с радостью заметила благоприятное действие своих слов. Джейн от природы была не склонна к унынию, и сестре удалось заронить в ней надежду — правда, робкую и иногда омрачаемую сомнениями,— что Бингли возвратится в Незерфилд и ответит каждому движению ее сердца.

Они решили сказать матери лишь об отъезде сестер мистера Бингли из Незерфилда, ничего не говоря о намерениях самого молодого человека. Но даже эти неполные сведения чрезвычайно расстроили миссис Беннет, которая горько сетовала на роковое стечение обстоятельств, заставившее мисс Бингли и миссис Хёрст уехать как раз тогда, когда ее семья так близко с ними сошлась. Однако, погоревав в течение некоторого времени, она утешилась мыслью, что мистер Бингли в скором времени вернется и будет обедать в Лонгборне. И, успокоившись, она в заключение заявила, что, хотя молодой человек приглашен всего-навсего на семейный обед, она не преминет позаботиться, чтобы количество блюд в этот день было удвоено.

еннеты были приглашены отобедать у Лукасов; и мисс Лукас опять была настолько добра, что в течение большей части дня выслушивала излияния мистера Коллинза. Элизабет воспользовалась случаем, чтобы поблагодарить подругу.

— Разговаривая с тобой, он находится в прекрасном расположении духа,— сказала она.— Я тебе так обязана за эту помощь.

Шарлотта заверила ее, что ей приятно оказаться полезной своим друзьям и что этим с лихвой окупается приносимая ею незначительная жертва. Все это было очень мило с ее стороны. Но великодушные Шарлотты простирались дальше, чем могла себе представить Элизабет. Ни много ни мало, она имела в виду вовсе избавить подругу от угрозы возобновления мистером Коллинзом его ухаживаний, обратив их на себя самое. И дело подвигалось у нее настолько успешно, что, когда Шарлотта в этот вечер расставалась со своим кавалером, она могла бы почти не сомневаться в достижении цели, не будь срок его пребывания в Хартфордшире столь кратким. Она, однако, недооценила прямолинейности и стремительности его характера, благодаря которым мистер Коллинз на следующее же утро с изумительной ловкостью улизнул из Лонгборна, чтобы поспешить в Лукас Лодж и броситься к ее ногам. Он постарался выбраться из дома тайком, опасаясь, что, если его уход будет замечен, его намерения, которые до того, как они увенчаются успехом, он хотел сохранить в тайне, будут преждевременно разгаданы. Ибо, хотя он почти не сомневался в исходе дела (притом не без основания, так как Шарлотта его достаточно поощрила), в нем все же после случившегося появилась известная неуверенность. Он был принят, однако, самым лестным для себя образом. Заметив его из верхнего окна, когда он подходил к Лукас Лоджу, мисс Лукас выбежала из дома, чтобы как бы невзначай встретиться с ним на садовой дорожке. Едва ли, однако, она осмеливалась предположить, сколько любовного красноречия ожидало ее на месте встречи.

К обоюдному удовлетворению, молодые люди договорились обо всем настолько быстро, насколько это допускали пространные словесные обороты мистера Коллинза. Когда они входили в дом, он уже со всей настойчивостью

умолял ее назвать день, который сделает его счастливейшим из смертных. И хотя в данную минуту это его желание еще не могло быть удовлетворено, девица вовсе не была склонна отнестись легкомысленно к счастью своего кавалера. Глупость, которой жених был наделен от природы, лишала предсвадебную пору всякого очарования, ради которого невесте захотелось бы сделать ее более продолжительной. И для мисс Лукас, которая согласилась выйти

за него замуж только для того, чтобы устроить свою судьбу, было безразлично, когда именно ее замысел осуществится.

Немедленно было испрошено согласие сэра Уильяма и леди Лукас, данное ими с полной готовностью. Положение мистера Коллинза, занимаемое им даже в настоящее время, делало эту партию весьма удачной для их дочери, за которой они могли дать очень небольшое приданое. К тому же ему предстояло так разбогатеть в будущем! Леди Лукас с интересом, гораздо большим, чем она испытывала к данному предмету когда-либо раньше, стала прикидывать, сколько лет способен протянуть мистер Беннет, а сэр Уильям весьма убежденно заявил, что, когда мистер Коллинз вступит во владение Лонгборном, он и его жена вполне смогут появляться в Сент-Джеймском дворце. Короче говоря, радости всей семьи не было границ. Младшие сестры стали надеяться, что их вывезут в свет на год-два раньше, чем они могли прежде рассчитывать. Братья перестали бояться, что Шарлотта умрет старой девой. Сама она казалась достаточно спокойной. Она достигла своей цели и старалась теперь обдумать создавшееся положение. Выводы ее были в основном удовлетворительными. Мистера Коллинза, разумеется, нельзя было считать ни умным, ни симпатичным человеком; общество его было тягостным, а его привязанность к ней — несомненно воображаемой. Но тем не менее ему предстояло стать ее мужем. Несмотря на то, что она была невысокого мнения о браке и о мужчинах вообще, замужество всегда было ее целью. Только оно создавало для небогатой образованной женщины достойное общественное положение, в котором, если ей не суждено было найти свое счастье, она хотя бы находила защиту от нужды. Такую защиту она теперь получала. И в свои двадцать семь лет, лишенная привлекательности, она прекрасно сознавала, насколько ей повезло. Самой неприятной стороной предстоявшего брака было предчувствие того, как к нему отнесется Элизабет Беннет, чьей дружбой Шарлотта особенно дорожила. Ее подруге новость должна была показаться совершенно невероятной и, возможно, вызвать с ее стороны резкое осуждение. И хотя это обстоятельство не поколебало бы решимости Шарлотты, все же оно могло нанести ей глубокую душевную рану. Она захотела рассказать обо всем подруге сама и потому потребовала от мистера Коллинза, чтобы, вернувшись к обеду в Лонгборн, он ни словом не обмолвился о случившемся. Обещание хранить тайну было дано,

разумеется, с полной готовностью. Выполнить его оказалось, однако, не так легко. Долгое отсутствие мистера Коллинза возбудило столько любопытства в семье Беннетов, что по возвращении в Лонгборн он был подвергнут самому тщательному допросу. Уклончивые ответы требовали от него некоторой изобретательности и в то же время большой самоотверженности, ибо ему очень хотелось похвастаться перед ними своими любовными успехами.

Так как мистеру Коллинзу предстояло на следующее утро покинуть Лонгборн слишком рано, чтобы повидать кого-нибудь из семьи Беннетов при отъезде, церемония прощания произошла перед тем, как дамы должны были отправиться спать. При этом миссис Беннет самым любезным и приветливым образом сказала ему, насколько она будет рада видеть его в Лонгборне, когда дела позволят ему снова их навестить.

— Вашим приглашением, сударыня,— ответил мистер Коллинз,— я особенно дорожу, ибо мечтал его получить. А потому можете не сомневаться, что я им воспользуюсь, как только это станет для меня возможным.

Его ответ удивил всех. Мистер Беннет, которого отнюдь не устраивало быстрое возвращение мистера Коллинза, не замедлил сказать:

— Но не опасаетесь ли вы, сэр, вызвать этим неодобрение леди Кэтрин? Лучше вам пренебречь родственными связями, чем рискнуть обидеть свою патронессу.

— Премного вам обязан, сэр, за дружеское предостережение,— отвечал мистер Коллинз.— Будьте покойны, разумеется, я не предприму столь ответственного шага без соизволения ее светлости.

— Едва ли вы можете оказаться излишне осторожным. Жертвуйте чем угодно, но только не давайте ей повода для малейшего неудовольствия. И если вы увидите, что такой повод может возникнуть из-за нового приезда в Лонгборн — что я считаю вполне вероятным,— спокойно оставайтесь дома. Не тревожьтесь, мы ни в коей мере на вас не обидимся.

— Поверьте, дорогой сэр, вы возбудили во мне самую горячую признательность столь исключительным вниманием к моей особе. И знайте, что в скором времени вы получите от вашего покорного слуги письмо с выражением благодарности за этот и за все другие знаки внимания, оказанные мне во время моего пребывания в Хартфордшире. Что же касается прелестных кузин, то, хотя

мое отсутствие может продлиться не столь долго, чтобы сделать это необходимым, я все же позволю себе пожелать им здоровья и благополучия, не исключая и кухню Элизабет.

Вслед за тем дамы с подобающими церемониями удалились, каждая в равной степени изумленная его намерением вскоре вернуться в Лонгборн. Миссис Беннет хотелось объяснить это тем, что он имеет в виду обратить свое внимание на одну из ее младших дочерей. И ей казалось, что Мэри скорее всего согласилась бы принять его предложение. Мэри оценивала его способности значительно выше, чем ее сестры, нередко восхищаясь основательностью его суждений. И, не считая его ум равным своему, она все же полагала, что, последовав ее примеру и занимаясь самоусовершенствованием, он мог бы сделаться достойным ее общества. Увы, все надежды подобного рода были развеяны на следующее же утро. Вскоре после завтрака в доме появилась мисс Лукас и, уединившись с Элизабет, сообщила ей о происшедшей накануне помолвке.

Мысль о том, что мистер Коллинз способен вообразить себя влюбленным в Шарлотту, приходила уже как-то Элизабет в голову. Но подруга, по ее мнению, могла поощрить мистера Коллинза не больше, чем она сама. Ее удивление поэтому было так велико, что в первый момент, нарушив все границы приличия, она воскликнула:

— Помолвлена с мистером Коллинзом? Шарлотта, дорогая, это немыслимо!

Под влиянием столь прямого упрека, выдержка, с которой мисс Лукас рассказала ей эту новость, на миг сменилась растерянностью. Но восклицание Элизабет не превосходило того, к чему ее подруга заранее подготовилась, и, овладев собой, Шарлотта спокойно ответила:

— Неужели это тебя так удивляет, дорогая Элиза? Разве тебе кажется невероятным, чтобы мистер Коллинз заслужил благосклонность какой-либо женщины, если он потерпел неудачу с тобой?

Элизабет опомнилась и, взяв себя в руки, сказала вполне уверенным голосом, как она счастлива породниться с подругой, а также пожелала ей всяческого благополучия.

— Я представляю себе, что ты сейчас должна чувствовать,— сказала Шарлотта.— Ты, вероятно, изумлена, бесконечно изумлена. Ведь еще недавно мистер Коллинз хотел жениться на тебе. Но когда ты сможешь все обду-

мать, ты, надеюсь, поймешь, что я поступила разумно. Ты знаешь, насколько я далека от романтики. Мне она всегда была чужда. Я ищу крова над головой. И, обдумав характер мистера Коллинза, его образ жизни и положение в обществе, я пришла к выводу, что мои надежды на счастливую семейную жизнь ничуть не уступают надеждам почти всех людей, вступающих в брак.

Элизабет тихо ответила: «О да, разумеется», — и после неловкой паузы подруги вернулись к остальному обществу.

Шарлотта пробыла в Лонгборне совсем недолго, и после ее ухода Элизабет могла поразмыслить над тем, что ей довелось услышать. Прошло немало времени, прежде чем она как-то примирилась с мыслью об этом браке. Два предложения мистера Коллинза, следовавшие одно за другим на протяжении трех дней, по своей нелепости не шли ни в какое сравнение с тем, что второе его предложение было принято. Ей всегда было ясно, что взгляды ее подруги на замужество не совпадают с ее собственными. Но она не могла предположить, что Шарлотта и впрямь решится пожертвовать всеми лучшими чувствами ради мирского благополучия. Ее самая близкая подруга — жена мистера Коллинза! Какая удручающая картина! И боль, вызванная тем, что Шарлотта унизила себя подобным образом, так сильно упав в ее мнении, усугублялась мрачной уверенностью в ее злосчастной судьбе.

ГЛАВА XXIII

Элизабет сидела с матерью и сестрами и размышляла об услышанной новости, а также о том, вправе ли она рассказать о ней своим родным, когда в Лонгборн явился сам сэр Уильям Лукас. Шарлотта послала его объявить о ее помолвке с родственником семейства Беннет. Украсив речь множеством адресованных к ним комплиментов и неоднократно поздравив себя с тем, что их семьям суждено породниться, сэр Уильям сообщил изумленным и недоверчивым слушателям о совершившемся событии. Миссис Беннет излишне самоуверенно и недостаточно вежливо заметила, что он глубоко заблуждается, а всегда несдержанная и часто резкая Лидия воскликнула:

— Боже мой! Сэр Уильям, как можете вы рассказывать подобную чепуху? Разве вы не знаете, что мистер Коллинз хочет жениться на Лиззи?

Чтобы без раздражения стерпеть подобные выходки, требовалась обходительность истинного придворного. Однако сэр Уильям был настолько хорошо воспитан, что сумел остаться невозмутимым. И, уверяя их в достоверности своего сообщения, он перенес все дерзкие замечания по своему адресу вполне снисходительно.

Элизабет сочла своим долгом помочь ему выйти из неприятного положения и подтвердила его слова, сказав, что она еще раньше обо всем узнала от самой Шарлотты. Желая прекратить поток удивленных возгласов матери и младших мисс Беннет, она обратилась к сэру Уильяму с подобающими поздравлениями, к которым затем от души присоединилась ее старшая сестра. Свои поздравления Элизабет сопроводила пожеланием счастья жениху и невесте, а также несколькими фразами о превосходном характере мистера Коллинза и о близости Хансфорда к Лондону.

Миссис Беннет и в самом деле была так сильно потрясена, что до ухода сэра Уильяма не сказала почти ни слова. Зато как только он ушел, ее чувства тотчас же прорвались. Во-первых, она принялась настаивать, что все это совершенно неправдоподобно. Во-вторых, она не сомневалась, что мистера Коллинза обвели вокруг пальца. В-третьих, она была уверена, что этот брак не принесет счастья. И, наконец, в-четвертых, ей было ясно, что помолвка будет расторгнута. Из всего этого, естественно, вытекали два следствия. Первое — что истинной виновницей всех бед была Элизабет, а второе — что все с ней обращаются просто безжалостно. Оба положения послужили основой для ее высказываний в течение всего дня. Ее нельзя было умиротворить или утешить. И ее негодование не улеглось за день. Прошла неделя, прежде чем она смогла смотреть на Элизабет, не осыпая ее упреками, месяц, прежде чем она стала разговаривать с сэром Уильямом и леди Лукас, не допуская в своей речи колкостей, и много месяцев, прежде чем она нашла возможным простить Шарлотту. Мистер Беннет отнесся к событию гораздо спокойнее. По его словам, оно даже доставило ему известное удовольствие. Особенно его радовало, что в Шарлотте Лукас, которую он привык считать разумной девицей, оказалось ума не больше, чем у его жены, и даже меньше, чем у его собственной дочери.

Джейн не могла не признать, что повторное сватовство мистера Коллинза ее несколько поразило. Но она гораздо меньше говорила о своем удивлении, чем о том, сколько счастья желает она жениху и невесте. Даже Элизабет была не в силах ее убедить, что этот брак вряд ли окажется счастливым. Китти и Лидии не приходило в голову завидовать мисс Лукас, так как мистер Коллинз был всего лишь священником. Для них эта помолвка была одной из новостей, которую следовало разнести по Меритону.

Леди Лукас не могла не торжествовать, получив возможность, в свою очередь, похвастаться перед соседкой удачным замужеством дочери. И она чаще, чем прежде, навещала Лонгборн, чтобы поделиться своими счастливыми переживаниями, хотя хмурые взгляды и ядовитые замечания хозяйки дома могли, казалось, расстроить кого угодно.

Между Элизабет и Шарлоттой возникла натянутость, заставлявшая их обходить деликатную тему, и Элизабет была убеждена, что они уже никогда не смогут по-прежнему относиться друг к другу с доверием. Разочаровавшись в подруге, Элизабет почувствовала еще большую привязанность к Джейн, порядочность и душевное благородство которой, несомненно, не изменили бы ей при любых обстоятельствах. День ото дня она все больше тревожилась о счастье сестры. После отъезда Бингли прошла уже целая неделя, а о нем не было ни слуху ни духу.

Джейн без промедления ответила на письмо Кэролайн и гадала теперь, когда она может ждать от подруги новых вестей. Обещанное благодарственное письмо от мистера Коллинза было получено во вторник. Оно было адресовано мистеру Беннету и содержало выражение такой глубокой признательности, которая у обычного человека могла бы возникнуть после пребывания в чужой семье в течение, по крайней мере, целого года. Исполнив свой долг, мистер Коллинз самым восторженным тоном сообщал, что ему посчастливилось приобрести расположение их прелестной соседки мисс Лукас, добавляя при этом, что только ради возможности наслаждаться ее обществом он с такой готовностью принял великодушное приглашение еще раз навестить Лонгборн, куда, если обстоятельства сложатся благоприятно, он прибудет через две недели в понедельник. Ибо, как он добавлял, леди Кэтрин всем сердцем одобряет его предстоящую женитьбу и желает, чтобы бракосочетание состоялось возможно скорее. Это обстоя-

тельство, бесспорно, послужит весьма веским доводом для его дражайшей Шарлотты, чтобы приблизить день, который сделает его счастливейшим из смертных.

Возвращение мистера Коллинза в Хартфордшир не могло больше радовать миссис Беннет. Напротив, теперь у нее было не меньше причин к неудовольствию по случаю приезда нежеланного гостя, чем у ее мужа. Намерение Коллинза остановиться не в Лукас Лодже, а в Лонгборне казалось достаточно странным и было сопряжено с множеством неудобств и забот. При плохом самочувствии всегда трудно оказывать гостеприимство кому бы то ни было, а влюбленные молодые люди особенно несносны. Таковы были непрерывные сетования миссис Беннет, разнообразившиеся только вспышками еще большего раздражения по поводу длительного отсутствия мистера Бингли.

Джейн и Элизабет были также встревожены этим обстоятельством. День проходил за днем, не принося от Бингли никаких вестей, если не считать распространившегося по Меритону слуха о том, что он вообще не придет в Незерфилд в течение всей зимы. Слух этот вызывал у миссис Беннет крайнее возмущение, и она не пропускала случая его опровергнуть, называя его скандальной выдумкой.

Даже Элизабет начала опасаться — не равнодушия мистера Бингли, нет, — но того, как бы его сестрам и вправду не удалось задержать его в Лондоне. Она всячески старалась отогнать от себя эту мысль, столь гибельную для счастья Джейн и подвергавшую сомнению стойкость ее избранника. Но мысль эта упорно закрадывалась ей в голову. И Элизабет в самом деле стала бояться, что совместное воздействие его враждебно настроенных сестер и его властного друга, усиленное чарами мисс Дарси и столичными развлечениями, окажется чересчур сильным для его привязанности.

Что касается самой Джейн, неизвестность мучила ее, конечно, еще сильнее, чем Элизабет. Но какие бы чувства ей ни приходилось испытывать, она всячески их скрывала, так что тема эта никогда больше не поднималась в разговорах между сестрами. Миссис Беннет, напротив, не отличалась подобной деликатностью, и редкий час проходил без того, чтобы она не заговорила о Бингли, выражая нетерпение по поводу его задержки или даже требуя, чтобы Джейн подтвердила, как жестоко она будет обманута, если он вообще не вернется. Только безмерная кротость

Джейн позволяла ей выносить эти нападки, сохраняя внешнее спокойствие.

Мистер Коллинз вернулся в понедельник, через две недели после его отъезда. Его приняли далеко не так радушно, как при первом появлении в Лонгборне. Однако он настолько был полон своими чувствами, что едва ли нуждался во внимании. Целиком занятый ухаживанием за Шарлоттой, он, ко всеобщему удовольствию, весьма редко обременял семью Беннет своим обществом. Большую часть дня он проводил в Лукас Лодже и нередко, возвратясь в Лонгборн, едва только успевал принести извинения за свое долгое отсутствие, как все члены семейства расходились по своим спальням.

Миссис Беннет поистине пребывала в самом жалком состоянии. Малейшее упоминание о чем-нибудь, имеющем отношение к женитьбе мистера Коллинза, приводило ее в величайшее расстройство, а вместе с тем, куда бы она ни пошла, всюду только и говорили об этой женитьбе. Самый вид мисс Лукас вызывал в ней отвращение. Достаточно было Шарлотте заглянуть в Лонгборн, как бедной миссис Беннет начинало казаться, что та уже предвкушает час, когда сделается хозяйкой этого дома. И если Шарлотта о чем-нибудь тихо беседовала с Коллинзом, то в воображении миссис Беннет разговор у них непременно шел об их поместье и о выдворении из него хозяйки вместе со всеми ее дочерьми тотчас же после смерти ее мужа. На все это она горько пожаловалась мистеру Беннету.

— Подумайте, мой дорогой,— сказала она,— как тяжело сознавать, что Шарлотта Лукас когда-нибудь окажется здесь хозяйкой. Я увижу ее на своем месте и вынуждена буду убраться восвояси!

— Незачем давать волю столь мрачным мыслям, моя дорогая. Давайте лучше думать о чем-нибудь более приятном и позволим себе надеяться на то, что я переживу Коллинза.

Слова эти не успокоили миссис Беннет в достаточной мере, и вместо ответа она снова заговорила на ту же тему:

— Для меня невыносима мысль, что наше имение достанется этим людям. Если бы оно далось им не по праву наследования по мужской линии, я бы еще могла согласиться...

— С чем именно вы могли бы согласиться?

— Я бы могла согласиться с чем угодно!

— Возблагодарим же небо за то, что вы спасены от подобного состояния полной неопределенности.

— Я, мистер Беннет, никогда не смогу почувствовать благодарность за что-то, имеющее отношение к наследованию по мужской линии. Не могу понять, как только у людей хватает совести отнимать поместье у родных дочерей его владельца. И чтобы это делалось ради какого-то мистера Коллинза! Разве он чем-нибудь этого заслужил?

— Предоставляю вам ответить на этот вопрос без моей помощи,— сказал мистер Беннет.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА I

т мисс Бингли было получено письмо, рассеявшее всякие сомнения. В первой же фразе сообщалось, что Бингли и его сестры обосновались в Лондоне на всю зиму. Их брат, говорилось далее, весьма сожалел, что перед отъездом ему не удалось засвидетельствовать свое почтение хартфордширским друзьям.

Никаких, решительно никаких надежд больше не оставалось. И когда Джейн смогла вникнуть в окончание письма, она не нашла ничего, что могло бы ее порадовать, кроме вымученных выражений дружеской привязанности. В остальном письмо почти целиком было посвящено прославлению мисс Дарси. Снова подробнейшим образом перечислялись ее многочисленные достоинства. Кэрлайн хвалилась возросшей близостью между ними и выражала надежду на осуществление своих чаяний, о которых упоминала раньше. Она также с удовольствием сообщала, что брат ее стал в доме мистера Дарси своим человеком, и добавляла несколько восторженных слов о намерении хозяина дома приобрести новую обстановку.

Элизабет, которой Джейн сразу же пересказала суть письма, выслушала сестру с молчаливым негодованием. Она в равной мере сочувствовала Джейн и сердилась на всех, кто был упомянут в этом письме. Сообщению Кэрлайн, что ее брат равнодушен к мисс Дарси, она не верила. Его чувство к Джейн казалось ей, как и раньше, несомненным. Но хотя ей хотелось относиться к мистеру Бингли по-прежнему благожелательно, она не могла без гнева и даже без некоторого презрения думать о его безволии и нерешительности, превративших его в игрушку коварных друзей. В угоду их прихотям его заставляли

жертвовать своим счастьем. Если бы речь шла только о его собственной судьбе, он имел бы право распоряжаться ею как ему заблагорассудится. Но ведь одновременно — и он должен был это сознавать — решалась и судьба ее сестры! Подобные мысли не выходили у нее из головы, не давая никакого успокоения. И сколько бы Элизабет ни думала о том, действительно ли Бингли охладил к Джейн или он поступает своей привязанностью под влиянием близких ему людей, сознает ли он, как глубоко Джейн его любила, или ее чувство осталось от него скрытым, — все это могло лишь изменить ее мнение о Бингли, но не смягчало участи бедной Джейн, сердцу которой в любом случае наносилась тяжелая рана.

Целых два дня у Джейн не хватало смелости заговорить с Элизабет о своих переживаниях. Но как-то раз, когда миссис Беннет после особенно пространных рассуждений о Незерфилде и его хозяине оставила их вдвоем, Джейн, не удержавшись, сказала:

— Как бы мне хотелось, чтобы наша дорогая мама умела лучше владеть собой! Ей и в голову не приходит, какую боль она причиняет мне своими непрерывными разговорами о мистере Бингли. Но я не должна впадать в отчаяние. Скоро с этим будет покончено. Он будет забыт, и мы заживем по-прежнему.

Элизабет недоверчиво посмотрела на сестру, но ничего не сказала.

— Ты мне не веришь! — воскликнула Джейн, слегка покраснев. — Но ты ошибаешься. Разве он не может сохраниться в моей памяти только как самый милый из знакомых мне молодых людей? Мне не на что надеяться, нечего опасаться и не в чем его упрекнуть. От этой муки я, слава богу, избавлена. Пройдет лишь короткое время, и я почувствую себя лучше.

Вскоре она добавила более твердым голосом:

— Я утешаю себя, по крайней мере, тем, что все это было лишь игрой моего воображения и, кроме меня, никому не причинило вреда.

— Джейн, дорогая, — воскликнула Элизабет, — ты слишком добра! Твоя доброта и самоотверженность поистине ангельские. Я не нахожу подходящих слов, но, мне кажется, я никогда тебя не ценила и не любила так, как ты этого заслуживаешь.

Мисс Беннет категорически отвергла подобное восхваление своих достоинств, объяснив его родственными чувствами своей сестры.

«Белая лошадь».

С картины Джона Констебля, 1819 г.

— Послушай, Джейн,— отвечала Элизабет,— ведь это несправедливо. Сама ты готова хвалить решительно всех на свете и расстраиваешься, если я хоть о ком-нибудь выскажусь неодобрительно,— а когда я всего-навсего назвала совершенством одну мою бедную сестричку, ты сразу начала со мной спорить. Не бойся, это не распространится на многих, я вовсе не покушаюсь на твою привилегию — смотреть на мир сквозь розовые очки. Этому не бывать — слишком мало людей на свете пользуется моей

любовью. А таких, которых я по-настоящему уважаю, еще меньше. Чем больше я наблюдаю мир, тем меньше он мне нравится. Каждый день подтверждает мне несовершенство человеческой природы и невозможность полагаться на кажущиеся порядочность и здравый смысл. Два отличных урока я получила в последние дни. Об одном я не хочу говорить. А другой дала мне своим обручением Шарлотта. Оно для меня до сих пор остается непостижимым, — как бы я на него ни смотрела.

— Лиззи, милая, не давай воли подобным чувствам. Они разобьют твоё сердце. Ты не принимаешь во внимание жизненные обстоятельства и характер каждого человека. Подумай, какое достойное место занимает мистер Коллинз в обществе и как свойственны характеру Шарлотты здравый смысл и благоразумие. Вспомни, как много у нее братьев и сестер и насколько это замужество устраивает ее при ограниченных средствах ее семьи. И постарайся ради нас всех поверить, что она в самом деле может в какой-то мере уважать нашего кузена и относиться к нему с некоторым расположением.

— Ради тебя я, кажется, готова поверить во что угодно. Но от этого едва ли кому-нибудь станет легче. В самом деле, если бы меня убедили, что Шарлотта чувствует к Коллинзу расположение, я стала бы думать об ее уме еще хуже, чем думаю сейчас об ее сердце. Джейн, дорогая, ты не меньше меня знаешь, что мистер Коллинз — человек самодовольный, напыщенный, бездарный и глупый. А потому ты, подобно мне, должна сознавать, что женщина, выходящая за него замуж, не может руководствоваться естественными побуждениями. Не пытайся ее защищать, если этой женщиной оказалась Шарлотта Лукас. Ради одного человека нельзя менять взгляды на порядочность и добродетель. И ты не можешь убедить меня или себя в том, что корыстолюбие — это благоразумие, а пренебрежение здравым смыслом — верный путь к счастью.

— Мне кажется, ты судишь о каждом из них слишком сурово, — ответила Джейн. — И, надеюсь, сама в этом убедишься, когда увидишь, как хорошо сложится у них жизнь. Но довольно об этом. Говоря о двух полученных тобою уроках, ты ведь намекнула еще на одного человека. Я не могла тебя не понять. Умоляю тебя, Лиззи, дорогая, не делай мне больно, обвиняя его и говоря, что он упал в твоём мнении. Мы не должны склоняться к предположению, что нам причинили зло умышленно. Нельзя требовать от жизнерадостного юноши, чтобы он всегда был осмотрите-

лен и следил за каждым своим поступком. Нас часто обманывает собственное тщеславие. Женщины придают слишком большое значение единственному восхищенному взгляду.

— А мужчины стараются их в этом заблуждении под-держать.

— Если мужчиной руководит расчет, он не заслуживает оправдания. Но я не могу поверить, что мир настолько расчетлив, как некоторые думают.

— Я далека от мысли хоть в какой-то мере объяснять расчетом поведение мистера Бингли,— сказала Элизабет.— Но даже не стремясь ко злу и не стараясь сделать кого-то несчастным, можно совершить ошибку и нанести душевную рану. Стоит лишь проявить легкомыслие, недостаток внимания к чувствам других людей, бесхарактерность.

— И ты находишь, что ему свойственно какое-нибудь из этих качеств?

— От первого до последнего. Но я причиню тебе боль, если стану говорить все, что думаю о людях, которыми ты так дорожишь. Постарайся остановить меня, пока не поздно.

— Ты продолжаешь считать, что на него влияют его сестры?

— О да, так же, как и его приятель.

— Не могу этому поверить. К чему это им? Они должны желать ему счастья. А если бы он в самом деле меня полюбил, он бы не нашел счастья ни с какой другой женщиной.

— Ошибка заключается в исходной посылке. Кроме его счастья, они могут преследовать и другие цели, например, увеличение его богатства и веса в обществе или его женитьбу на девушке из хорошего рода, обладающей большими деньгами и связями.

— Конечно, им хотелось бы, чтобы выбор его пал на мисс Дарси,— ответила Джейн.— Но это можно объяснить более благородными чувствами, чем те, которые ты им приписываешь. С ней они познакомились много раньше, чем со мной. Понятно поэтому, что они должны были сильнее к ней привязаться. Но каковы бы ни были их намерения, не станут же они препятствовать стремлениям самого мистера Бингли. Какая сестра, не будучи к этому вынуждена, поступила бы так со своим братом? Если бы они считали, что он меня любит, они не пытались бы нас разлучить,— такая попытка не имела бы успеха. Предполагая в нем такую склонность, ты приписываешь всем

ложные и неестественные поступки, а меня ранишь в самое сердце. Не заставляй же меня страдать, настаивая на этой мысли. Я не стыжусь своей ошибки, или, по крайней мере, это чувство стыда — ничто по сравнению с той болью, которую мне пришлось бы испытать, подумай я плохо о нем или об его сестрах. Позволь же мне смотреть на все в благоприятном свете — в таком, в котором их поведение выглядит вполне естественным.

Элизабет не могла отказать ей в этой просьбе. И с этого времени в разговорах между старшими мисс Беннет имя мистера Бингли почти не упоминалось.

Миссис Беннет все еще продолжала удивляться и горько сетовать по поводу его отсутствия. И хотя почти каждый день Элизабет растолковывала ей истинное положение вещей, трудно было надеяться, что ее мать когда-нибудь сможет отнестись к отсутствию мистера Бингли с большим спокойствием. Сама не веря своим словам, дочь старалась убедить мать, что ухаживание Бингли за Джейн было следствием легкого и преходящего увлечения, которое исчезло, как только он перестал с ней встречаться. Но хотя миссис Беннет со временем и стала признавать правдоподобность такого взгляда, Элизабет приходилось, по крайней мере, раз в день повторять ей все с начала до конца. По-настоящему ее утешала только мысль о том, что мистер Бингли должен вернуться в Незерфилд к началу лета.

Мистер Беннет отнесся к случившемуся совсем иначе.

— Итак, Лиззи,— сказал он как-то раз,— у твоей сестры, насколько я понимаю, немного разбито сердечко. Поздравь-ка ее от моего имени. Барышни любят время от времени разбивать себе сердце,— почти так же, как выходить замуж. Это дает пищу для размышлений и чем-то выделяет их среди подруг. Ну, а когда придет твой черед? Ты ведь не допустишь, чтобы Джейн немного тебя опередила, не так ли? Пора, пора. В Меритоне хватит офицеров, чтобы разбить сердца всем девицам в округе. Не остановиться ли тебе на Уикхеме, а? Отличнейший малый — может вскружить голову кому угодно.

— Благодарю вас, сэр, но меня устроит и не столь блестящий кавалер. Не всем же должно везти так, как Джейн.

— Это верно,— сказал мистер Беннет.— А как приятно сознавать, что у тебя есть заботливая мамаша, которая при подобных обстоятельствах ничего не упустит...

Общество мистера Уикхема принесло жителям Лонгборна немалое облегчение, рассеяв уныние, в которое впа-

ли многие члены семьи Беннет под влиянием печальных событий последнего времени. Они видели его весьма часто, и в их представлении к остальным его положительным качествам добавилась еще одна черта: полная откровенность. Все, что Элизабет когда-то услышала от него — о его обиде на мистера Дарси и о причиненном ему этим человеком ущербе, — было объявлено теперь Уикхемом во всеулышание и обсуждалось публично. И окрестные жители с удовлетворением сознавали, насколько они были правы в своей неприязни к Дарси еще задолго до того, как раскрылось его подлинное лицо.

Старшая мисс Беннет была единственным существом, которое допускало, что в этой истории могут быть какие-то неизвестные хартфордширскому обществу смягчающие обстоятельства. Неизменная кротость побуждала ее ко всему относиться снисходительно и всякое зло объяснять недоразумением. Но все остальные осуждали мистера Дарси как последнего негодяя.

ГЛАВА II

Наступила суббота, и после недели, потраченной на изъяснения в любви и предвкушение будущего блаженства, мистер Коллинз вынужден был расстаться со своей дорогой Шарлоттой. Боль разлуки, однако, сглаживалась для него заботами о подготовке дома к приему невесты, ибо он имел все основания надеяться, что вскоре после его следующего приезда в Хортфордшир наступит наконец день, который сделает его счастливейшим из смертных. Со своими родственниками в Лонгборне он расстался не менее торжественно, чем в предыдущий раз, снова пожелав здоровья и благополучия своим прелестным кузинам и пообещав прислать второе благодарственное письмо их отцу.

В следующий понедельник миссис Беннет имела удовольствие принять у себя брата и его жену, которые прибыли, чтобы, по обыкновению, провести в Лонгборне рождество. Мистер Гардинер был рассудительным и достойным человеком, неизмеримо превосходившим свою сестру умственным развитием и душевными качествами. Незерфилдским дамам было бы трудно поверить, что человек, занятый торговлей и проживающий неподалеку от собственного склада товаров, мог быть так хорошо воспитан и так

приятен в обращении. Умная, приветливая и изящная миссис Гардинер была на несколько лет моложе миссис Беннет и миссис Филипс. Лонгборнские племянницы ее обожали. Особенно близкая дружба связывала ее с двумя старшими мисс Беннет, которые нередко гостили у нее в Лондоне.

Первым делом миссис Гардинер по приезде в Лонгборн было раздать привезенные подарки и описать новейшие столичные моды. Покончив с этим, она должна была исполнить более скромную роль слушательницы. Миссис Беннет, горько сетуя на судьбу, сообщила ей о множестве печальных событий. Со времени последней их встречи все они натерпелись стольких обид и огорчений! Подумать только, две ее дочери уже вот-вот должны были выйти замуж. И вдруг все пошло прахом...

— Мне не в чем упрекнуть Джейн, — продолжала она. — Если бы она могла, она бы вышла за мистера Бингли. Но Лиззи! Вы не можете себе представить, сестра, как тяжело сознавать, что, если бы не ее дурной нрав, она уже сейчас называлась бы миссис Коллинз! Он сделал ей предложение в этой самой комнате, а она ему отказала. И теперь у леди Лукас дочь окажется замужем раньше, чем у меня! А Лонгборнское имение так и уйдет по мужской линии. Эти Лукасы — удивительно ловкий народ, никогда не упустят своего. Мне грустно говорить о них подобные вещи, но, увы, это в самом деле правда. Я и так совсем больна и издергана, а мне то и дело перечат в собственном доме. Да еще под боком живут соседи, которые думают прежде всего о собственной выгоде. Как хорошо, что вы приехали именно сейчас, — иначе от кого бы мы вовремя узнали, что теперь опять носят длинные рукава!

Миссис Гардинер, уже знакомая по письмам Джейн и Элизабет с большинством этих новостей, постаралась ответить возможно более кратко и из сочувствия к племянницам переменяла тему разговора.

Оставшись с Элизабет наедине, она снова заговорила о прошедших событиях.

— По-видимому, это и в самом деле была бы для Джейн прекрасная партия, — сказала она. — Как жаль, что она расстроилась! Но такие вещи часто случаются. Молодые люди, подобные мистеру Бингли, — я его себе представила по вашим рассказам, — легко могут влюбиться на короткое время в хорошеньких девушек. А затем, — стоит им только куда-нибудь уехать, — так же легко их забывают. Непостоянство этого рода наблюдается на каждом шагу.

— Прекрасное утешение при описанных вами обстоятельствах,— сказала Элизабет.— Но к нам оно не применимо. Мы пострадали не случайно. Не так часто вмешательство друзей заставляет вполне независимого молодого человека перестать думать о девушке, в которую он был влюблен по уши.

— Выражение «влюблен по уши» настолько избито, обманчиво и неопределенно, что почти ничего не означает. Его одинаково часто употребляют, описывая чувство, воз-

никшее в результате получасового знакомства, и истинно глубокую привязанность. Скажи мне, пожалуйста, мистер Бингли в самом деле был очень влюблен в Джейн?

— Мне еще никогда не приходилось наблюдать более явного увлечения. Он становился все невнимательнее по отношению к окружающим, и его мысли сосредоточивались на ней одной. С каждой их встречей это становилось заметнее. Устроив бал в своем доме, он обидел двух или трех девиц, не пригласив их танцевать. Я сама дважды заговаривала с ним и не получала ответа. Можно ли требовать более убедительных признаков? Разве невнимание к окружающим — не лучшее доказательство влюбленности?

— О, да! Именно такой влюбленности, которую, по моим представлениям, должен был испытывать мистер Бингли. Бедная Джейн! Мне так ее жаль — при ее характере она не скоро оправится. лучше бы это случилось с тобой, Лиззи! При твоём чувстве юмора ты бы справилась с этим гораздо быстрее. Но как тебе кажется, не сможем ли мы уговорить Джейн поехать с нами в Лондон? Перемена обстановки и некоторый отдых от домашних забот могут подействовать на нее благотворно.

Это предложение очень обрадовало Элизабет, и она была убеждена, что Джейн охотно на него согласится.

— Надеюсь, — добавила миссис Гардинер, — она не будет связывать эту поездку с мыслями о молодом человеке. Мы живем в другой части города и не имеем с ним общих знакомых. Ты знаешь, мы настолько редко выезжаем из дому, что их встреча в Лондоне кажется почти невероятной — разве только ему самому вздумается ее навестить.

— Это совершенно исключено. Он находится под надзором своего друга. А мистер Дарси не допустит, чтобы его приятель отправился с визитом в такие места. Тетя, дорогая, как вы могли об этом подумать? Быть может, мистер Дарси что-то и слышал о Грейсчёрч-стрит. Но он наверняка считает, что ему и за месяц не удалось бы очиститься от грязи, которая пристала бы к нему в этих местах, доведись ему когда-нибудь там побывать. А относительно мистера Бингли вы можете быть совершенно спокойны — он и шагу не смеет ступить без позволения своего наставника.

— Ну что ж, тем лучше. Надеюсь, они больше не встретятся. Впрочем, разве Джейн не переписывается с его сестрой? Мисс Бингли все же не сможет уклониться от визита.

— Я думаю, она вообще покончит с этим знакомством.

Хотя Элизабет высказала последнюю мысль,— как и более важную предыдущую, что мистеру Бингли не позволят встретиться с Джейн,— достаточно решительно, ей бы хотелось продолжить обсуждение этой темы. Поразмыслив, она поняла, что дело вовсе не кажется ей безнадежным. Могло случиться, и иногда это представлялось ей вполне вероятным, что в душе мистера Бингли снова заговорит чувство к Джейн и он преодолет влияние своих близких под действием более сильной и естественной привязанности к ее сестре.

Мисс Беннет с радостью приняла приглашение тетки. Так как Кэролайн жила отдельно от брата, Джейн могла надеяться изредка проводить с ней утренние часы, не рискуя встретиться со своим бывшим поклонником,— питать другие связанные с этой семьей надежды она себе не позволяла.

Гардинеры прожили в Лонгборне неделю. Благодаря Филиппам, Лукасам и офицерам ***ширского полка за это время не прошло дня без какого-нибудь визита. Миссис Беннет так усердно старалась развлечь брата и невестку, что им ни разу не пришлось пообедать в узком семейном кругу. Если компания собиралась в Лонгборне, там непременно присутствовало несколько офицеров и в их числе, разумеется, мистер Уикхем. Восторженные отзывы Элизабет об этом молодом человеке показались миссис Гардинер подозрительными и заставили ее пристальнее приглядеться к нему и к своей племяннице. Хотя на основании этих наблюдений нельзя было предположить, что они питают друг к другу серьезную привязанность, их очевидная взаимная склонность не могла ее не встревожить. И миссис Гардинер решила непременно поговорить перед отъездом с Элизабет, объяснив ей, насколько неблагоприятно с ее стороны было бы дать волю подобному увлечению.

Случайное обстоятельство стало причиной того, что мистер Уикхем заинтересовал миссис Гардинер не только своей внешностью. Лет десять — двенадцать тому назад, еще до своего замужества, она довольно долго прожила в той самой части Дербишира, откуда Уикхем был родом. У них поэтому оказалось много общих знакомых. И хотя за последние пять лет, с тех пор как умер отец мистера Дарси, Уикхем почти не бывал в родных краях, он все же мог сообщить миссис Гардинер более свежие сведения о ее прежних друзьях, чем те, которыми располагала она сама.

Когда-то миссис Гардинер довелось побывать в Пемберли, и она много знала о его покойном владельце. Это могло служить неисчерпаемой темой для беседы между ними. Обоим доставляло немалое удовольствие сравнивать сохранившиеся у нее воспоминания о Пемберли с более точным описанием поместья, которое мог предложить ее собеседник, и обмениваться восторженными отзывами о покойном мистере Дарси. Узнав, как жестоко поступил с Уикхемом молодой мистер Дарси, она попыталась восстановить в памяти все, что слышала о наследнике Пемберли в то время, когда он был еще подростком. И в конце концов она убедила себя, что припоминает разговоры о гордом и неприятном характере юного Фицуильяма Дарси.

ГЛАВА III

Миссис Гардинер не забыла о своем намерении предостеречь Элизабет и при первой же возможности поговорить с племянницей наедине деликатно поделилась с ней своей тревогой. Откровенно высказав все, что ее беспокоило, она продолжала:

— Ты достаточно умна, Лиззи, чтобы влюбиться только из-за того, что тебя от этого предостерегают. Поэтому я не боюсь говорить напрямик. Мне бы очень хотелось, чтобы ты была начеку. Не увлекайся сама и не старайся увлечь его — это будет весьма неблагоприятно, принимая во внимание, какими ничтожными средствами вы оба располагаете. Мне не в чем его упрекнуть. Разумеется, он весьма интересный молодой человек. И если бы он был так богат, как того заслуживает, я считаю, ты не могла бы сделать более удачного выбора. Но при существующих обстоятельствах ты не должна давать воли своему воображению. У тебя есть здравый смысл, и мы все уверены, что ты сумеешь им руководствоваться в своих поступках. Я знаю, как твой отец полагается на твой рассудок и хорошее поведение. Он не должен в тебе разочароваться.

— Тетя, дорогая, вы говорите о таких серьезных вещах!

— Конечно. И я надеюсь, что ты так же серьезно их воспримешь.

— В таком случае вы можете не тревожиться. Я позабочусь о себе и о мистере Уикхеме. И он ни за что в меня не влюбится, если только я смогу этому помешать.

— Элизабет, ты пытаешься отшутиться.

— Прошу прощения. Начну сначала. Сейчас я не влюблена в мистера Уикхема. Могу это заявить вполне уверенно. Но он безусловно — самый привлекательный молодой человек из всех, которых мне приходилось встре-

чать. И если бы он всерьез почувствовал ко мне склонность... я полагаю, было бы гораздо лучше, если бы се-го не случилось. Я очень хорошо сознаю, насколько это неблагоприятно. Ах, этот ужасный мистер Дарси!.. Отцовское доверие, конечно, обязывает меня ко многому. И я чувствовала бы себя несчастной, если бы мне пришлось его обмануть. Однако отец весьма расположен к мистеру Уикхему. Короче говоря, тетя, дорогая, мне было бы очень больно кого-нибудь из вас огорчить. Но ведь мы чуть ли не каждый день бываем свидетелями того, что никакая нужда не препятствует влюбленным молодым людям связывать свои судьбы. Как же я могу дать слово, что окажусь перед подобным искушением мудрее моих сверстниц? И ведь мне даже неизвестно, действительно ли я поступлю мудро, заставив себя перед ним устоять. Поэтому все, что я вам могу обещать, это — не торопиться. Я не буду спешить с выводом, что действительно завладела его сердцем. Находясь в его обществе, я не буду к этому стремиться. Короче говоря, я сделаю все, что смогу.

— А не стоит ли ему намекнуть, что он не должен так часто бывать в этом доме? По крайней мере, тебе не следует напоминать матери, чтобы она его приглашала.

— Как я поступила вчера, не так ли? — спросила Элизабет со смущенной улыбкой.— О да, вы правы. С моей стороны было бы гораздо разумнее этого не делать. Но не подумайте, тетя, что он всегда проводит у нас столько времени. На этой неделе его приглашали так часто только из-за вашего приезда. Разве вы не знаете, как мама заботится, чтобы наши друзья были всегда окружены обществом? Право же, даю вам слово по возможности поступать так, как мне будет казаться наиболее разумным. Надеюсь, вы этим довольны?

Тетка заверила ее, что полностью удовлетворена ответом Элизабет, племянница поблагодарила миссис Гардинер за дружескую заботу, и они расстались, вполне расположенные друг к другу, явив миру редчайший пример того, как может быть принят, и притом без всякого негодования, совет столь деликатного свойства.

Мистер Коллинз вернулся в Хартфордшир вскоре после отъезда Гардинеров и Джейн. Но так как на этот раз он уже поселился у Лукасов, его приезд не причинил миссис Беннет больших неудобств. Бракосочетание его теперь быстро приближалось, и хозяйка Лонгборна наконец настолько смирилась, что стала относиться к этому событию как к неизбежному и даже время от времени

с кислым видом говорила, насколько ей бы хотелось, чтобы этот брак оказался счастливым.

Свадьба была назначена на четверг, а в среду мисс Лукас нанесла прощальный визит в Лонгборн. Когда она собралась уходить, Элизабет, устыдившись скудных и нелюбезных напутствий, высказанных на прощанье миссис Беннет, и чувствуя себя искренне взволнованной, проводила подругу до крыльца. На лестнице Шарлотта сказала:

— Обещай, Элиза, что будешь мне часто писать.

— Конечно, можешь быть в этом уверена.

— И прошу тебя еще об одном одолжении. Не согласишься ли ты меня навестить?

— Надеюсь, мы будем часто встречаться в Хартфордшире?

— Едва ли я смогу покинуть Кент в ближайшее время. Поэтому обещай мне приехать в Хансфорд.

Элизабет не смогла ей отказать, хотя не предвкушала никаких радостей от подобной поездки.

— Мой отец и Мария должны побывать у меня в марте, — добавила Шарлотта. Надеюсь, ты сможешь приехать вместе с ними. Поверь, Элиза, твой приезд обрадует меня не меньше.

Бракосочетание состоялось, молодые отбыли в Кент прямо из церкви, и, как обычно, по поводу этого события было немало толков. Вскоре Элизабет получила от подруги письмо. И они стали обмениваться мыслями и наблюдениями не менее часто, чем в прежние времена, хотя и без прежней откровенности. Принимаясь за письмо, Элизабет никогда не могла избавиться от ощущения, что вся прелесть их старой душевной близости утрачена безвозвратно. И, заботясь о постоянстве переписки, она сознавала, что делает это не ради настоящей, а лишь ради их прошлой дружбы. Первые письма Шарлотты прочитывались, разумеется, с большим интересом. Было весьма любопытно узнать, что она расскажет о своем новом доме, как ей понравилась леди Кэтрин и в какой мере осмелится она говорить о своем семейном счастье. Однако, читая их, Элизабет замечала, что по каждому поводу Шарлотта высказывается именно так, как можно было заранее ожидать. Письма были бодрыми, в них говорилось, что она живет, окруженная всеми удобствами, и не упоминалось ничего, что не заслуживало одобрения. Дом, обстановка, соседи и дороги — все пришлось ей по вкусу, а отношение к ней леди Кэтрин было самым дружеским

и любезным. Картина, которую рисовала Шарлотта, выглядела так, будто это было разумно смягченное ею изображение Хансфорда и Розингса, вышедшее из-под пера самого мистера Коллинза. Было очевидно, что правильное представление о жизни подруги Элизабет сможет получить, только навестив Хансфорд сама.

Джейн сразу прислала сестре несколько строк, извещая о своем благополучном приезде в Лондон. Элизабет надеялась, что в следующем письме она уже сможет сообщить что-нибудь о семействе Бингли.

Нетерпение, с которым она ждала второго письма, было вознаграждено так, как обычно вознаграждается всякое нетерпение. Проведя неделю в столице, ее сестра ни разу не встретила с Кэролайн и ничего о ней не слышала. Джейн объяснила это тем, что ее письмо, отправленное подруге еще из Лонгборна, по какой-то причине затерялось.

«Тетушка,— продолжала она,— собирается завтра побывать в той части города, и я воспользуюсь случаем, чтобы нанести визит на Гровнор-стрит».

Следующее письмо было написано после этого визита и встречи с мисс Бингли.

«Кэролайн, по-видимому, была не в духе,— говорилось в письме,— но она очень обрадовалась встрече со мной и упрекнула меня за то, что я не сообщила ей о своем приезде из Лонгборна. Я поэтому была права, предположив, что мое последнее письмо до нее не дошло. Разумеется, я у нее спросила, как поживает ее брат. Он здоров, но так много времени проводит с мистером Дарси, что его сестры почти с ним не видятся. В этот день у них должна была обедать мисс Дарси. Признаюсь, мне очень хотелось на нее посмотреть! Визит мой продолжался недолго, так как Кэролайн и миссис Хёрст куда-то спешили. Смею надеяться, что скоро увижу их теперь у себя».

Прочтя это письмо, Элизабет покачала головой. Было ясно, что о приезде ее сестры в город мистер Бингли сможет узнать только случайно.

Четыре недели прошли со времени приезда Джейн в Лондон, но ей так и не довелось его повидать. Джейн пыталась уверить себя, что несколько этим не огорчена, но уже не могла не замечать невнимания к себе его сестер. Целых две недели она провела в ожидании мисс Бингли, каждый вечер придумывая для нее новые оправдания,

пока наконец Кэролайн не появилась у Гардинеров. Краткость визита и сухость ее манер лишили Джейн возможности обманывать себя дольше. Ее чувства достаточно отразились в письме, которое она написала после этой встречи:

«Я уверена, моя любимая Лиззи не станет торжествовать, убедившись, что она оказалась права и что я глубоко заблуждалась, принимая за чистую монету дружбу мисс Бингли. Но, дорогая сестра, хотя жизнь и доказала твою правоту, не считай меня упрямецой, если я утверждаю и сейчас, что, основываясь на ее прежнем поведении, мое доверие к ней было не менее естественным, чем твоя подозрительность. Для меня остаются непонятными причины, из-за которых она старалась со мной сблизиться. Но если бы прежние обстоятельства повторились, я, несомненно, была бы во второй раз введена в заблуждение. Визит мой не был возвращен Кэролайн до вчерашнего дня. И за все это время я не получала от нее никаких известий, ни одной строчки. С самого ее прихода было очевидно, что встреча ее нисколько не радовала. Она холодно и небрежно извинилась, что до сих пор не удосужилась меня навестить, ни слова не сказала о намерении впредь со мной видеться и казалась настолько изменившейся, что после ее ухода я твердо решила не продолжать с ней знакомства. К моему глубокому сожалению, я не могу ее не осуждать. Ей вовсе не следовало завязывать со мной такую дружбу — уверяю тебя, каждый новый шаг к сближению делался с ее стороны. Но мне ее жаль, потому что она должна сознавать, как нехорошо поступает. А еще потому, что ее поведение, несомненно, вызвано беспокойством за брата. Нет нужды объясняться более подробно. И хотя мы с тобой знаем, что беспокойство ее ни на чем не основано, но, если Кэролайн его испытывает, это вполне объясняет ее обращение со мной. При том, что брат так заслуживает ее любви, всякая ее забота о нем кажется естественной и простительной. Меня, однако, удивляют ее опасения в настоящее время, потому что, если бы он хоть немножко меня помнил, мы бы уже давно встретились. Он знает о моем приезде, я в этом уверена, — она даже сама что-то об этом сказала. И все же, судя по ее тону, ей приходится убеждать себя в том, что он на самом деле любит мисс Дарси. Мне это непонятно. И если бы я не боялась судить слишком резко, у меня был бы большой соблазн сказать, что все это слиш-

ком похоже на двойную игру. Но я постараюсь отогнать от себя все мрачные мысли и думать только о радостных вещах: о нашей с тобой дружбе и о бесконечной доброте ко мне моих дорогих дяди и тети. Напиши мне как можно скорее. Мисс Бингли дала мне понять, правда, не совсем уверенно, что ее брат никогда не вернется в Незерфилд и откажется от аренды. Об этом, пожалуй, лучше дома не говорить. Меня очень обрадовали хорошие вести от наших друзей в Хансфорде. Непременно проведай их вместе с сэром Уильямом и Марией. Уверена, что тебе там понравится.

Твоя и т. д.».

Это письмо причинило Элизабет некоторую боль. Но она воспрянула духом, когда подумала, что Джейн не будет больше обманываться хотя бы в мисс Бингли. Всякие надежды в отношении самого молодого человека исчезли окончательно. Элизабет даже не хотела, чтобы он возобновил свое ухаживание за ее сестрой — так низко он пал в ее глазах. И она искренне пожелала скорейшего заключения его брака с мисс Дарси, который принес бы успокоение Джейн и явился карой для него самого, так как, судя по отзывам Уикхема, Джорджана быстро заставила бы его пожалеть о той, чьей любовью он так легкомысленно пренебрег.

В эти же дни пришло письмо от миссис Гардинер, где она напоминала Элизабет о ее обещании относительно мистера Уикхема и просила сообщить ей новости. То, что Элизабет могла написать по этому поводу, было гораздо приятнее ее тетке, нежели ей самой. Очевидная склонность к ней Уикхема исчезла, он перестал оказывать ей внимание и ухаживал за другой. У Элизабет хватило наблюдательности, чтобы вовремя это заметить, но она отнеслась к этому спокойно и так же спокойно написала обо всем тетке. Сердце ее было задето не сильно, а ее тщеславию было вполне удовлетворено мыслью, что он остановил бы на ней свой выбор, если бы располагал необходимыми средствами. Внезапное приобретение десяти тысяч фунтов было главным достоинством девицы, которой он теперь старался понравиться. Однако Элизабет, быть может менее объективная в данном случае, нежели в истории с Шарлоттой, не упрекала Уикхема за его стремление к независимости. Напротив, что могло быть естественнее? И даже допуская в душе, что отказ от нее стоил ему некоторой внутренней борьбы, она была готова согласиться

с разумностью этого шага, отвечавшего общим интересам, и искренне желала ему счастья.

Все это она сообщила миссис Гардинер. Изложив все обстоятельства, она продолжала:

«Я убедилась, дорогая тетушка, что не была влюблена по-настоящему. Ведь если бы я в самом деле пережила это возвышенное и чистое чувство, то сейчас должна была бы содрогаться даже при упоминании его имени и желать ему всяческих бед. А между тем я отношусь дружески не только к нему самому, но даже к мисс Кинг. Я не могу в себе заметить никакой ненависти к ней и даже не считаю, что о ней нельзя сказать доброго слова. Разве это могло быть любовью? Мое самообладание сослужило мне службу. И хотя для всех знакомых я представляла бы больший интерес, будь я безнадежно в него влюблена, я не могу сказать, что меня печалит моя скромная участь. Слава покупается иногда чересчур дорогой ценой. Китти и Лидия приняли его измену гораздо ближе к сердцу, чем я. Они еще слишком юны, и их глазам еще не открылась беспощадная истина, в силу которой самые привлекательные молодые люди должны иметь средства к существованию в той же мере, как и самые заурядные».

ГЛАВА IV

Январь и февраль промелькнули без новых важных событий в семье Беннетов и не внесли другого разнообразия в их жизнь, кроме прогулок в Меритон, совершавшихся иногда по замерзшим дорогам, а иногда и по грязи. В марте Элизабет предстояло навестить Хансфорд. Сначала она не думала об этой поездке всерьез. Но мало-помалу она убедилась, что Шарлотта в самом деле ждет ее приезда, и постепенно привыкла смотреть на этот визит как на неизбежную и не такую уж неприятную необходимость. Разлука усилила ее тягу к подруге и ослабила неприязнь к мистеру Коллинзу. Поездка сулила новые впечатления, а так как жизнь с матерью и несносными младшими сестрами едва ли можно было назвать приятной, кратковременная смена обстановки была желательна сама по себе. Путешествие, кроме того, давало ей возможность

взглянуть на Джейн. Короче говоря, когда срок визита приблизился, она уже была бы огорчена, если бы его пришлось отложить. Никаких препятствий к поездке, однако, не возникло, и в конце концов все было устроено согласно первоначальному замыслу Шарлотты. Элизабет должна была выехать в сопровождении сэра Уильяма и его второй дочери. Предложение провести ночь в Лондоне было внесено вовремя, и составленный окончательно план путешествия казался безукоризненным.

Единственно, что ее огорчало,— это разлука с отцом, который должен был сильно почувствовать ее отсутствие. И когда пришло время, мистеру Беннету так не хотелось с ней расставаться, что он велел дочке ему написать и чуть ли не обещал прислать ответ.

Прощание с Уикхемом было вполне дружеским,— с его стороны, пожалуй, даже больше, чем дружеским. Новая привязанность не заставила его забыть, что Элизабет первая обратила на себя его внимание, первая его выслушала и выразила ему сочувствие и первая заслужила его восхищение. И в манере, с которой он с ней простился, пожелав ей всяческих радостей, напомним, чего она может ожидать от леди Кэтрин де Бёр, и выразив уверенность в совпадении их мнений об этой даме и обо всех прочих общих знакомых, заключалось дружеское внимание, которым он, казалось, навсегда завоевал самое искреннее расположение Элизабет. Расставаясь с ним, она была убеждена, что, холостой или женатый, он навсегда останется для нее образцом обаятельного молодого человека.

Спутники Элизабет, составившие ей компанию на следующий день, отнюдь не могли вытеснить в ее душе приятное впечатление, оставленное прощанием с Уикхемом. Сэр Уильям Лукас и его дочь Мария, девица добродушная, но такая же пустоголовая, как и ее папаша, не могли сказать ничего заслуживающего внимания, и к их болтовне Элизабет прислушивалась почти с тем же интересом, как к дребезжанию экипажа. Человеческие причуды всегда привлекали ее внимание, но с сэром Уильямом она была знакома слишком давно. И, рассказывая о церемонии своего представления ко двору, он уже не мог открыть ей ничего нового. А его любезности были такими же затасканными, как и его повествование.

Им предстояло проехать всего двадцать четыре мили, и они выехали достаточно рано, чтобы уже к полудню прибыть на Грейсчёрч-стрит. Когда они подъезжали к дому мистера Гардинера, Джейн стояла у окна гостиной

в ожидании их приезда. Она встретила их у входа. Вглядевшись в ее лицо, Элизабет была обрадована цветущим видом сестры. На лестнице их поджидали несколько ребятшек. Желание посмотреть, как выглядит их кузина, заставило их покинуть гостиную, а застенчивость, вызванная годичной разлукой, помешала спуститься ниже. Встреча была проникнута радостью и весельем, и день прошел очень приятным образом: первая его часть — в суматохе и беготне по магазинам, а вторая — в театре.

Элизабет удалось занять место рядом с миссис Гардинер. Их разговор прежде всего коснулся ее сестры. И она была скорее опечалена, нежели удивлена, когда из настойчивых расспросов узнала, что Джейн хотя и старается держать себя в руках, все же иногда впадает в уныние. Вместе с тем можно было надеяться, что это продлится не так долго. Тетушка подробно рассказала о визите мисс Бингли и своих многочисленных беседах со старшей племянницей, свидетельствовавших, что Джейн от всего сердца решила покончить с этим знакомством.

Миссис Гардинер не преминула пошутить над Элизабет по поводу измены Уикхема, одновременно поздравив ее с тем, как прекрасно она эту измену перенесла.

— Кстати, дорогая, что за девица эта мисс Кинг? Мне бы не хотелось обнаружить, что наш друг оказался человеком расчетливым.

— Но, тетя, разве можно в матримониальных делах найти точную грань между расчетливостью и благоразумием? Кто знает, где кончается рассудительность и начинается алчность? В дни рождества вы боялись, как бы он по неблагоразумию не женился на мне. А теперь, когда он пытается заполучить невесту, у которой за душой всего десять тысяч фунтов, вы уже видите в этом корыстолюбие.

— Если ты мне скажешь, что собой представляет мисс Кинг, я смогу составить правильное суждение.

— По-моему, это очень славная девушка. Не могу сказать о ней ничего дурного.

— Но он и внимания не обращал на нее, пока смерть деда не сделала ее обладательницей этой суммы?

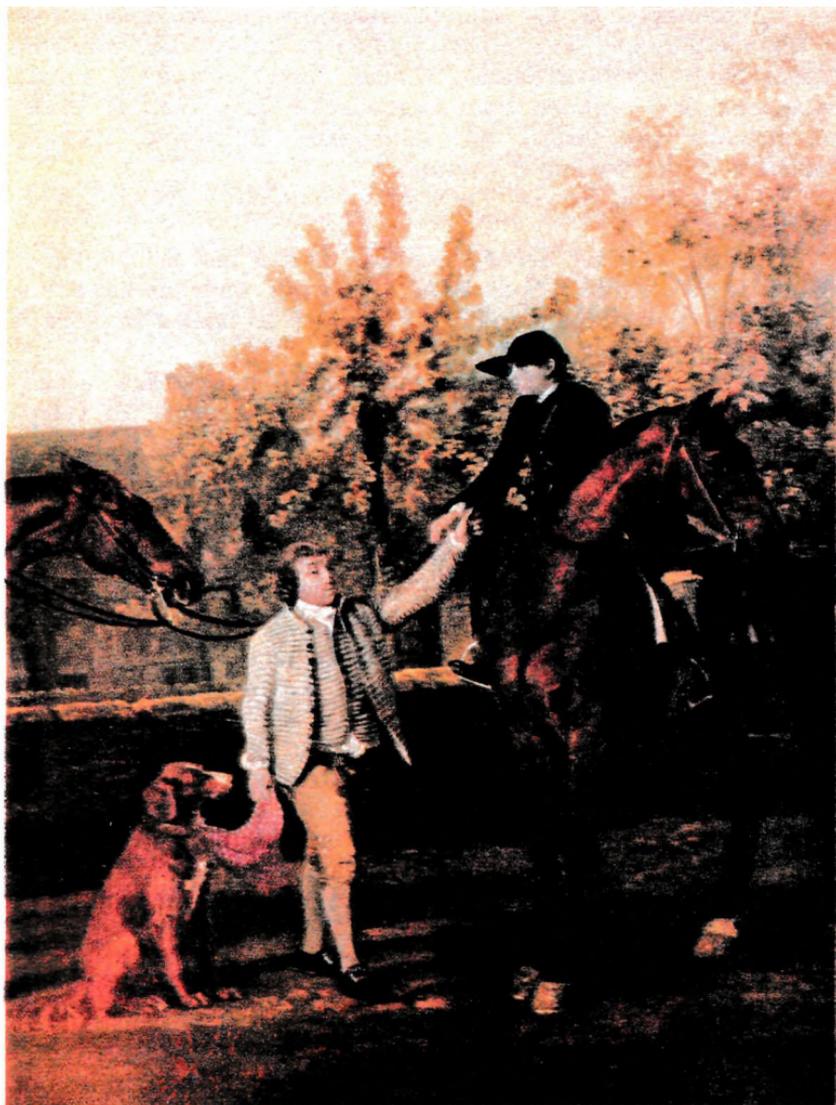
— Нет, да и с какой бы стати? Если из-за моей бедности он был не вправе добиваться моего сердца, зачем ему было волочиться за девушкой не богаче меня, не чувствуя к ней расположения?

— Но не кажется ли тебе неприличным, что он обратил на нее внимание тотчас же после получения ею наследства?

— В стесненных обстоятельствах человек не может позволить себе соблюдать все приличия, которые другим кажутся столь обязательными. Если она сама не имеет ничего против, нам-то какое дело?

— Снисходительность мисс Кинг не оправдывает мистера Уикхема. Она лишь доказывает, что ей недостает чего-то самой — ума или такта.

— Ну что ж, — воскликнула Элизабет, — пусть все будет, как вам угодно: он — стяжатель, а она — дура.

«Охотники, отъезжающие от Саутхилла».
С картины Бэзила Тейлора Стаббза, 1768 г.

— Это вовсе мне не угодно, Лиззи. Неужели ты не понимаешь, что мне бы не хотелось думать плохо о молодом человеке родом из Дербишира?

— Ах, вот что! Ну, если дело только в этом, я не придерживаюсь особенно высокого мнения о молодых людях

из Дербишира. И их закадычные друзья, проживающие в Хартфордшире, не намного лучше их самих. Все они мне достаточно отвратительны. Слава богу, завтра я увижу человека без единого положительного качества, не отличающегося ни умом, ни манерами. В конце концов, знаться стоит только с глупцами.

— Берегись, Лиззи. Твои слова слишком отдают разочарованием.

Прежде чем их беседу прервал конец пьесы, Элизабет была неожиданно обрадована, получив приглашение сопровождать мистера и миссис Гардинер во время их летней поездки по стране.

— Мы еще не решили, как далеко заберемся,— сказала миссис Гардинер.— Возможно, мы доедем до Озерного края.

Никакой план не мог бы так обрадовать Элизабет. Она приняла его с готовностью и искренней благодарностью.

— Тетя, милая, дорогая,— воскликнула она с восторгом,— как это замечательно! Вы вдохнули в меня свежие силы, подарили мне жизнь. Прощайте, разочарование и сплин! Что значат люди по сравнению с холмами и скалами? Сколько впереди упоительных часов! И ведь мы — не то что другие путешественники, которые и двух слов связать не могут по возвращении. Уж мы-то, когда вернемся, сумеем рассказать, где мы были, и вспомнить, что повидали. Озера, горы и реки не смешаются в нашей памяти, и мы не станем пререкаться, как это принято, описывая какой-нибудь примечательный вид. А потому наш рассказ не покажется слушателям таким же несносным, как рассказы большинства путешественников.

ГЛАВА V

се, что на другой день во время поездки обращало на себя взгляд Элизабет, казалось ей новым и интересным. Сердце ее радостно билось. Вид Джейн доказывал, что за ее здоровье можно не опасаться, а предвкушение путешествия на север служило постоянным источником радостных мыслей.

Когда карета с главной дороги свернула на проселок, ведущий к Хансфорду, путники стали искать глазами приходский домик, который мог теперь открыться за каж-

дым поворотом. Они проехали мимо ограды Розингс-парка, и, вспомнив рассказы об его жителях, Элизабет не могла удержаться от улыбки.

Наконец показалось и само жилище мистера Коллинза. Сад, спускавшийся к дороге, с домом в глубине, зеленая ограда, лавровый кустарник — все свидетельствовало о приближении к цели путешествия. Кланяющиеся и улыбающиеся мистер Коллинз и Шарлотта появились в дверях, и экипаж с кланяющимися и улыбающимися пассажирами остановился у небольшой калитки, отделенной от дома короткой гравиевой дорожкой. Приезжие тотчас вышли из кареты и вместе с хозяевами дома принялись с наслаждением друг друга рассматривать. Миссис Коллинз встретила подругу самым сердечным образом, а Элизабет, видя, как радушно ее принимают, почувствовала еще большее удовлетворение оттого, что решилась на эту поездку. Она сразу заметила, что женитьба несколько не изменила манер ее кузена, который обычными многоречивыми приветствиями задержал их на несколько минут у калитки, обстоятельно расспрашивая Элизабет обо всех членах ее семьи. Затем они были введены в дом без дальнейших проволочек, если не считать того, что мистер Коллинз обратил внимание приезжих на красоту парадного входа. И как только они оказались в прихожей, он снова напыщенно приветствовал их по поводу вступления в его скромное обиталище, дословно повторив сказанное его женой касательно предстоящего отдыха путешественников.

Элизабет заранее готовилась увидеть Коллинза во всем блеске его величия. И ей трудно было избавиться от мысли, что, указывая на размеры помещения, вид из окон и обстановку, он обращался главным образом к ней, давая почувствовать, чего она лишилась, отказавшись выйти за него замуж. Но хотя все выглядело уютно и мило, она все же была не способна порадовать его ни единым знаком сожаления и поглядывала на подругу, удивляясь, как это ей удастся сохранять жизнерадостность, имея такого спутника жизни. Когда мистер Коллинз произносил что-нибудь, от чего его жена могла бы прийти в смущение, — а это случалось нередко, — Элизабет невольно бросала взгляд на Шарлотту. Раз или два она заметила, что подруга слегка покраснела, но в большинстве случаев Шарлотта мудро пропускала подобные высказывания мимо ушей. Просидев в гостиной столько, сколько было необходимо, чтобы воздать должное каждому находившемуся в комнате предмету — от буфета до каминной решетки, —

описать их путешествие и рассказать обо всем, что они видели в Лондоне, гости вместе с хозяином вышли в просторный, прекрасно разбитый сад, который мистер Коллинз обрабатывал собственными руками. Работа в саду была для него одним из любимых развлечений, и Элизабет с восхищением наблюдала, как великолепно Шарлотта владеет собой, рассуждая о пользе физического труда и признаваясь, что она всей душой поддерживает эту склонность супруга. Проведя гостей по всем продольным и поперечным дорожкам и не давая им возможности высказать одобрение, которого сам же добивался, мистер Коллинз обратил их внимание на каждый открывавшийся глазам вид, сообщая подробности, от которых самая привлекательная картина теряла всякое очарование. Он мог точно определить, какие поля простираются в каждом направлении, сколько стволов насчитывается в любой, самой отдаленной купе деревьев. Но из всех прекрасных видов, которые могли прославить его сад, графство и даже королевство, ни один не мог сравниться с изумительным видом на Розингс, открывавшийся почти перед самым его домом в прогалине среди окаймлявших парк деревьев. Это было в самом деле красивое современное здание, удачно расположенное на склоне холма.

Из сада мистер Коллинз хотел было провести гостей по двум своим пастбищам, но, так как обувь дам не могла уберечь их ноги от еще не вполне растаявшего снега, с хозяином отправился один сэр Уильям, а Шарлотта позвала сестру и подругу осматривать дом, радуясь возможности сделать это в отсутствие мужа. Дом оказался небольшим, но удобным и отлично спланированным. Все в нем было обставлено и устроено с основательностью и вкусом, свидетельствовавшими о хозяйственных способностях Шарлотты. Отвлекаясь от мыслей о мистере Коллинзе, во всем можно было усмотреть дух благополучия. А по удовлетворенному виду Шарлотты Элизабет заключила, что ее подруга и в самом деле нередко о нем забывает.

Элизабет уже было известно, что леди Кэтрин до сих пор не перебралась из своего поместья в Лондон. Разговор об этом зашел за обедом, и принимавший участие в беседе мистер Коллинз заметил:

— О да, мисс Элизабет, в воскресенье вы будете иметь честь лицезреть леди Кэтрин де Бёр в церкви, и мне нет нужды говорить о том, как сильно вы будете ею восхищены. Моя патронесса — само воплощение любезности и снисходительности, и я не сомневаюсь, что после оконча-

ния службы вы удостоитесь какого-нибудь знака внимания с ее стороны. Я даже, почти не колеблясь, могу сказать, что все приглашения, которыми она почитит нас за время вашего пребывания в Кенте, она распространит на вас и на мою сестру Марию. Она необыкновенно внимательна к моей дорогой Шарлотте. Мы обедаем в Розингсе два раза в неделю и никогда не возвращаемся домой пешком: экипаж ее светлости всегда к нашим услугам. Мне следовало сказать — один из экипажей ее светлости, поскольку их у нее, разумеется, несколько.

— Леди Кэтрин в самом деле весьма степенная и рассудительная дама, — подтвердила Шарлотта. — К тому же она очень внимательная соседка.

— Совершенно верно, дорогая, это как раз то, что я имел в виду. Никакое почтение к столь высокой особе не может оказаться чрезмерным.

Вечер был посвящен главным образом разговорам об уже известных читателю хартфордширских новостях. Перед сном, оставшись в своей комнате одна, Элизабет смогла обдумать, насколько ее подруга удовлетворена своей судьбой, разобраться в образе действий, избранном Шарлоттой по отношению к мужу, и прийти к выводу, что он является наилучшим. Она могла также мысленно представить себе, как будет дальше протекать ее визит в Хансфорд: размеренный ход домашних занятий и бесед с подругой, назойливость мистера Коллинза, курьезные встречи в Розингсе, — картины эти одна за другой промелькнули в ее воображении.

В середине следующего дня, когда Элизабет одевалась в своей комнате перед прогулкой, снизу донесся неожиданный шум. Ей показалось, что весь дом мистера Коллинза пришел в смятение. Прислушавшись, она разобрала, что кто-то весьма поспешно поднимается по ведущей в ее комнату лестнице, выкрикивая на ходу ее имя. Элизабет распахнула дверь и увидела на площадке Марию, которая, захлебываясь от возбуждения, выпалила:

— Элиза, дорогая, ради бога, скорее! Бегите в столовую. Если бы вы знали, что вы увидите из окна! Я вам ни за что не скажу. Скорее, скорее, сию же минуту!

Элизабет тщетно пыталась расспросить Марию о случившемся. Девица не желала ничего говорить, и обе прибежали в столовую смотреть на чудо через окно, которое выходило на проезжую дорогу. Они увидели двух дам, сидевших в низеньком фазтоне, который остановился у садовой калитки.

— И это все? — воскликнула Элизабет. — Я ожидала, что в сад, по крайней мере, забралась свинья, а это всего лишь леди Кэтрин и ее дочка.

— Ну что вы, дорогая Элиза! — отвечала Мария, явно возмущенная ее ошибкой. — Какая же это леди Кэтрин? Пожилая дама — это миссис Дженкинсон, ее компаньонка, а та, что помоложе, — сама мисс де Бёр! Вы только на нее посмотрите. До чего она крошечная! Кто бы мог подумать, что она такая худенькая и маленькая!

— С ее стороны крайне нелюбезно заставлять Шарлотту стоять на таком ветру. Неужели ей трудно зайти в дом?

— Шарлотта говорит, что она почти никогда к ним не заходит. Появление мисс де Бёр в доме — особая милость с ее стороны.

— Мне ее вид понравился, — сказала Элизабет под действием вновь нахлынувших мыслей. — Она выглядит болезненной и раздражительной. Что ж, она отлично ему подойдет — будет как раз такой женой, какой он заслуживает.

Стоявшие у калитки Шарлотта и мистер Коллинз беседовали с дамами в коляске. В то же время сэръ Уильям, к полному удовольствию Элизабет, расположился на крыльце, почтительно созерцая находившуюся перед ним величественную особу и отвешивая поклоны всякий раз, когда на него устремлялся взгляд мисс де Бёр.

В конце концов все было сказано, коляска отъехала, и хозяева вернулись в дом. Лишь только мистер Коллинз увидел обеих барышень, он тут же поздравил их с радостной новостью. Как пояснила Шарлотта, эта новость заключалась в том, что все они приглашены завтра на обед в Розингс.

ГЛАВА VI

оржество мистера Коллинза по поводу полученного приглашения было поистине полным. Больше всего ему хотелось показать гостям величие своей патронессы и дать им воочию убедиться в знаках ее внимания по отношению к миссис Коллинз и его собственной особе. И то, что он столь быстро получил соответствующую возможность, свидетельствовало о таком расположении со стороны леди Кэтрин, которому он никак не мог достаточно надивиться.

— Признаюсь,— говорил он,— мне не показалось бы странным, если бы ее светлость предложила нам выпить с ней чаю и провести в Розингсе воскресный вечер. Более того, зная ее беспредельную доброту, я, говоря откровенно, был даже к этому подготовлен. Но кто бы мог подумать, что она окажет нам столь большое внимание! Кто бы вообразил, что мы получим приглашение на обед, к тому же приглашение на обед для всей нашей компании, почти тотчас же после вашего приезда!

— Меня это ничуть не удивило,— откликнулся сэръ Уильям.— Благодаря моему положению в обществе я, слава богу, немного знаком с обычаями великих мира

сего. И должен сказать, подобные примеры обходительности при дворе вовсе не считаются редкостью.

В течение остального дня и следующего утра в доме только и было разговоров, что о визите к ее светлости. Мистер Коллинз тщательнейшим образом готовил своих гостей к тому, что их ждет в Розингсе, дабы они не утратили присутствия духа при виде огромных зал, большого количества прислуги и великолепной сервировки.

Прежде чем дамы ушли переодеваться, он нашел нужным дать Элизабет следующий совет:

— Вы можете не тревожиться, дорогая кузина, по поводу вашего костюма. Леди Кэтрин вовсе не ждет от нас той изысканности туалетов, которая свойственна ее светлости и мисс де Бёр. Я бы посоветовал вам просто выбрать платье, которое вам кажется несколько более нарядным, — ничего другого не требуется. Уверяю вас, леди Кэтрин вовсе не подумает о вас хуже, если вы будете скромно одеты. Напротив, ей даже нравится, когда заметно различие в положении.

Пока все одевались, он по два-три раза подходил к каждой двери, советуя поторопиться, так как ее светлость очень не любит, когда ее задерживают с обедом. Столь устрашающее описание леди Кэтрин и ее привычек вконец смутило не привыкшую к обществу Марию Лукас, так что она стала смотреть на свое появление в Розингсе с тем же трепетом, с каким отец ее ждал когда-то представления ко двору.

Воспользовавшись прекрасной погодой, они около полуночи прошли по парку пешком. Каждый парк имеет особую красоту и очарование. И Элизабет с удовольствием любовалась представившейся ей картиной, хотя и без того восторга, которого ждал от нее мистер Коллинз. Она не была потрясена даже названным им числом окон на фасаде дома и стоимостью их остекления, когда-то произведенного покойным сэром Льюисом де Бёром.

Робость Марии возрастала с каждым шагом по парадной лестнице дома, и даже сам сэр Уильям не казался в эти минуты вполне спокойным. Элизабет, напротив, не испытывала тревоги. Она не слыхала о каких-либо исключительных талантах или особых добродетелях леди Кэтрин, а что касается признаков знатности и богатства, считала, что сможет созерцать их без особого волнения.

Миновав прихожую, в которой торжествующий мистер Коллинз обратил их внимание на размеры помещения и изящество орнаментов, они следом за слугами прошли

через холл в комнату, в которой уже сидели ее светлость, мисс де Бёр и миссис Дженкинсон. Леди Кэтрин снизошла до того, чтобы подняться им навстречу, и, так как Шарлотта заранее условилась с мужем, что она сама представит гостей хозяйке дома, церемония знакомства совершилась естественным образом, без излишних извинений и оправданий, которые не преминул бы высказать по такому случаю мистер Коллинз.

Хотя сэр Уильям когда-то имел честь побывать даже в Сент-Джеймсе, он был сейчас настолько подавлен окружающим его великолепием, что мог лишь отвести низкий поклон и затем молча занял предложенное ему место. Его дочка, напуганная почти до бесчувствия, уселась на самый краешек стула, не смея поднять глаза. И только Элизабет не испытывала особого волнения и могла спокойно рассмотреть трех находившихся перед нею дам. Леди Кэтрин оказалась высокой, полной женщиной с резкими чертами лица, которое в давние годы могло быть красивым. Она ничем к себе не располагала, и в ее манерах не чувствовалось желанья хозяйки, чтобы ее гости забыли о своем более низком общественном положении. Она не наводила страха молчанием, но все, что она говорила, произносилось не допускающим возражений тоном, подчеркивавшим значительность ее особы,— именно так, как рассказывал мистер Уикхем. И, наблюдая ее в течение всего вечера, Элизабет решила, что леди Кэтрин вполне соответствует нарицательному им портрету.

Рассмотрев хозяйку дома, в лице и жестах которой она вскоре уловила нечто общее с мистером Дарси, Элизабет взглянула на ее дочь и была удивлена ее худобой и тщедушием почти в такой же степени, как Мария Лукас. Между матерью и дочерью не замечалось никакого сходства ни в лице, ни в фигуре. Мисс де Бёр была барышней бледной и болезненной. Лицо ее, хотя и с довольно правильными чертами, казалось невыразительным. Она почти все время молчала, если не считать нескольких фраз, обращенных к миссис Дженкинсон, ничем не примечательной женщине, занятой только разговором с воспитанницей и тем, чтобы получше установить перед ее глазами защитный экран.

Гости не просидели и пяти минут, как их пригласили подойти к окну и полюбоваться открывавшимся из него видом. Мистер Коллинз принялся при этом расхваливать его красоты, а леди Кэтрин снисходительно пояснила, что смотреть на этот вид еще приятнее в летнее время.

Обед оказался превосходным, и, пока он продолжался, им были представлены все предметы сервировки и вся прислуга, обещанные мистером Коллинзом. Как он и предвидел, ему, по желанию ее светлости, пришлось занять место напротив хозяйки дома. При этом он выглядел так, как будто удостоился высочайшей почести в мире. Он орудовал ножом, ел и восхищался каждым подаваемым блюдом. Сначала мнение высказывал мистер Коллинз, а следом за ним — сэр Уильям, который достаточно пришел в себя, чтобы как эхо повторять слова зятя. К удивлению Элизабет, леди Кэтрин не только переносила все это, но даже казалась довольной их чрезмерным восхищением и смотрела на них с самой снисходительной улыбкой, особенно в тех случаях, когда поданное блюдо оказывалось для них совершенно незнакомым. Никакой беседы за столом так и не завязалось. Элизабет была готова поддерживать разговор, но она сидела между Шарлоттой и мисс де Бёр. Первая была целиком занята тем, что прислушивалась к словам хозяйки, а вторая ни разу на протяжении обеда не обратилась к Элизабет. Внимание миссис Дженкинсон было полностью поглощено тем, чтобы ее подопечная больше ела, уговорами попробовать еще одно блюдо и расспросами о ее самочувствии. Мария не могла произнести ни слова, а джентльмены все время ели и восторгались.

Когда дамы вернулись в гостиную, Элизабет не оставалось ничего другого, как выслушивать рассуждения леди Кэтрин, продолжавшиеся без перерыва до тех пор, пока не подали кофе. Хозяйка дома высказывала мнения с такой уверенностью, которая свидетельствовала о том, что она не привыкла к возражениям. Она подробнейшим и самым нескромным образом расспрашивала Шарлотту о ее домашних делах, давала ей всевозможные советы, объясняла, как следует вести ее маленькое хозяйство, и наставляла ее в отношении ухода за птицей и коровами. Элизабет поняла, что для этой важной дамы не существовало мелочей, недостойных ее внимания, если только эти мелочи служили ей поводом поучать окружающих. Отвлекаясь от обсуждения различных дел миссис Коллинз, леди Кэтрин обращалась со всевозможными вопросами к Марии и Элизабет. В особенности ее интересовала мисс Беннет, о роде которой ей было известно меньше всего и которую она охарактеризовала, обращаясь к Шарлотте, как вполне приличную и миловидную девицу. Постепенно она разузнала у Элизабет, сколько у нее сестер, старше они или моло-

же, можно ли надеяться, что какая-нибудь из них выйдет замуж, красивы ли они и где получили воспитание, какой экипаж у ее отца и какова была девичья фамилия ее матери. И хотя Элизабет сознавала бесцеремонность подобного допроса, она давала хозяйке дома каждый раз исчерпывающие ответы. Далее леди Кэтрин заметила:

— Я слышала, имение вашего батюшки наследуется по мужской линии и должно перейти к мистеру Коллинзу? В данном случае, имея в виду ваши интересы, миссис Коллинз,— сказала она, обращаясь к Шарлотте,— я, конечно, не могу этому не радоваться. Но вообще я не одобряю, когда женщин в семье лишают наследственных прав. В семействе сэра Льюиса де Бёра, слава богу, не сочли нужным заводить этот порядок. Вы поете и играете, мисс Беннет?

— Немножко.

— Мы в таком случае будем рады как-нибудь вас послушать. У меня, знаете, превосходный инструмент, верно, получше, чем... Вы сами в этом убедитесь. А ваши сестры тоже поют и играют?

— Да, одна из них.

— Почему же только одна? Нужно было научить всех. У мистера Уэбба музыкой занимались все дочери, а доход у него даже меньше, чем у вашего отца. Вы рисуете?

— К сожалению, нет.

— Как, ни одна из вас?

— Ни одна.

— Странно. У вас, должно быть, не было возможности научиться. Вашей матери следовало каждую весну приводить вас в столицу, чтобы вы могли брать уроки.

— Моя мать не имела бы ничего против, но отец ненавидит Лондон.

— Ваша гувернантка от вас уехала?

— У нас никогда не было гувернантки.

— Не было гувернантки? Просто невысказанно! Пять дочерей воспитаны без гувернантки! Никогда не слыхала ничего подобного. Ваша мать, должно быть, не имела минуты покоя, заботясь о вашем воспитании!

Элизабет едва удержалась от улыбки, заверив леди Кэтрин, что она ошибается.

— Но кто же тогда занимался вашим обучением? Кто за вами следил? Без гувернантки вы были предоставлены самим себе?

— По сравнению с некоторыми семьями это, наверно, так и было. Но те из нас, кто хотел учиться, имели для это-

«Побережье в Брайтоне».
С картины Джона Констебля, 1824 г.

го все, что требовалось. Нас всегда поощряли к чтению, и у нас были необходимые учителя. Конечно, если одна из нас предпочитала бездельничать, для этого у нее оставалась полная возможность.

— Еще бы, нисколько не сомневаюсь. С этим-то гувернантке и следует бороться. Если бы я была знакома с вашей матерью, я бы самым решительным образом посоветовала ей нанять гувернантку. Я уже много раз говорила, что в образовании ничего нельзя достигнуть без каждодневных настойчивых упражнений, а это возможно только при наличии гувернантки. Просто удивительно, скольким семьям принесли пользу мои советы. И я всегда с удовольствием помогаю подыскать место молодым особам. Мне, например, удалось отлично пристроить четырех племянниц миссис Дженкинсон. Совсем на днях я порекомендовала одной семье девицу, которую мне только случайно назвали, и, представьте, ею оказались очень довольны. Миссис Коллинз, я не рассказывала вам, что вчера ко мне заезжала леди Меткаф и очень меня благодарила? Подумайте только, она находит, что мисс Поуп — настоящее сокровище.

Она прямо так и сказала: «Леди Кэтрин, вы мне подарили сокровище». Ну, а выезжает кто-нибудь из ваших сестер в свет, мисс Беннет?

— Да, сударыня, все.

— Как все? Что же — все пять одновременно? Странно! И вы только вторая дочка в семье! Младшие сестры выезжают в свет, прежде чем старшие вышли замуж! Ваши младшие сестры должны быть еще совсем юными?

— Да, самой младшей нет еще и шестнадцати. Возможно, она и в самом деле слишком молода, чтобы бывать в обществе. Но, по совести говоря, было бы слишком жестоко по отношению к младшим сестрам, если бы они лишились своей доли светских развлечений только из-за того, что старшие не имели возможности или охоты рано выйти замуж. Та, которая родилась последней, имеет такое же право радоваться молодости, как и родившаяся первой. Оказаться лишенной этих радостей из-за того, что ты моложе других! При этом, я полагаю, трудно было бы рассчитывать, чтобы между сестрами существовала достаточная привязанность и они обладали необходимыми душевными качествами.

— Честное слово, вы высказываетесь довольно решительно для столь юной особы,— проговорила леди Кэтрин.— Интересно, сколько вам лет?

— Учитывая, что у меня три взрослые младшие сестры,— ответила Элизабет, улыбаясь,— ваша светлость едва ли полагает, что я назову свой возраст.

Леди Кэтрин, казалось, совершенно опешила, не получив прямого ответа, и Элизабет заподозрила, что ей суждено было быть первым человеком, осмелившимся дать отпор бесцеремонности столь важной особы.

— Вам, я уверена, не может быть больше двадцати. А потому вам незачем скрывать свои годы.

— Увы, мне уже и не двадцать один.

Джентльмены присоединились к ним, и после чаепития появились карточные столы. Леди Кэтрин, сэр Уильям, мистер и миссис Коллинз уселись за кадриль. А так как мисс де Бёр захотелось сыграть в казино, двум приезжим девицам вместе с миссис Дженкинсон выпала честь составить ей партию. За их столом царил отменная скука. Едва ли на протяжении всей партии было произнесено хотя бы одно слово, не относившееся к игре, если не считать того, что миссис Дженкинсон иногда беспокоилась, не холодно ли или не жарко ее воспитаннице или не слишком ли ей светло или темно. Другой стол зато отличался зна-

чительно большим оживлением. Леди Кэтрин говорила почти непрерывно, то отмечая ошибки своих партнеров, то рассказывая им какой-нибудь случай из своей жизни. Мистер Коллинз был занят тем, что соглашался со словами ее светлости, благодарил её за каждое выигранное очко и извинялся, когда полагал, что выиграл их слишком много. Сэр Уильям говорил мало, начиная память услышанными анекдотами и аристократическими именами.

Когда хозяйке дома и ее дочери игра стала надоедать, столы были убраны. Леди Кэтрин предложила Шарлотте экипаж, и, так как гостя с благодарностью это приняла, хозяйка дала необходимые указания. Вслед за тем все собрались около камина послушать, как леди Кэтрин распорядится относительно завтрашней погоды. Ее предсказания были прерваны прибытием кареты, и, после множества благодарственных речей мистера Коллинза и поклонов сэра Уильяма, они наконец отбыли. Не успели они отъехать, как мистер Коллинз осведомился у Элизабет о ее впечатлениях от Розингса. Ради подруги она постаралась несколько смягчить свое мнение по сравнению с тем, какое сложилось у нее в действительности. Но, несмотря на сделанные ею усилия, выводы ее ни в коей мере не могли удовлетворить мистера Коллинза, которому вскоре пришлось самому приняться за восхваление ее светлости.

ГЛАВА VII

эр Уильям провел в Хансфорде только одну неделю. Но и за этот срок он мог вполне удостовериться в благополучии своей дочери, имевшей счастье приобрести такого супруга и такую соседку, какие не часто встречаются на свете. В продолжение всего визита тестя мистер Коллинз ежедневно выезжал с ним по утрам в своем шарабане, чтобы показать ему окрестные места. Но когда тесть уехал, обитатели Хансфорда вернулись к обычным занятиям. К радости Элизабет, перемена эта не заставила ее проводить в обществе кузена больше времени, чем прежде. В часы между завтраком и обедом хозяин дома теперь либо копался в саду, либо уходил к себе в кабинет и там читал или писал, а то и просто смотрел из окна на дорогу. Дамы проводили время в комнате, окна которой выходили во двор. Сначала Элиза-

бет показалось странным, что Шарлотта предпочитала эту небольшую комнату просторной столовой с более красивым видом. Однако вскоре она поняла, что у ее подруги имелись для такого выбора достаточные основания: будь общая комната расположена так же удачно, как кабинет мистера Коллинза, последний, несомненно, проводил бы гораздо меньше времени в одиночестве. И она вполне согласилась с разумным выбором Шарлотты.

Из своей гостиной дамы не могли наблюдать за дорогой. Поэтому сведениями о проезжающих мимо экипажах и, в частности, о прибытии фаэтона мисс де Бёр, они были целиком обязаны мистеру Коллинзу. Подобные сообщения делались неукоснительно, несмотря на то, что мисс де Бёр заезжала в Хансфорд отнюдь не редко. Обычно она задерживалась около дома и обменивалась несколькими фразами с Шарлоттой, почти никогда не покидая своего экипажа.

Дни, в которые мистер Коллинз не отправлялся в Розингс, выпадали не часто. И почти всегда его жена считала необходимым его сопровождать. Такая готовность Шарлотты жертвовать своим временем оставалась непонятной Элизабет до тех пор, пока она не сообразила, что у леди Кэтрин могли в будущем появиться и другие вакантные церковные приходы. Изредка Коллинзов удостаивала своим визитом сама леди Кэтрин. Во время этих посещений ни одно обстоятельство не ускользало от внимания ее светлости. Бесцеремонно вмешиваясь в их дела, она рассматривала дамское рукоделие, советуя пользоваться иными приемами, находила недостатки в расстановке мебели и разоблачала недобросовестность прислуги. А если она соглашалась разделить с ними трапезу, то, казалось, делала это лишь для того, чтобы обратить внимание на слишком большой кусок жаркого, подаваемый к обеду столь малочисленного семейства.

Элизабет вскоре заметила, что, хотя заботы о судьбах местных жителей могли бы и вовсе не обременять эту важную даму, она тем не менее принимала горячее участие в делах прихода, и все даже самые мелкие из этих дел непременно доводились до ее сведения мистером Коллинзом. И если кто-нибудь из прихожан оказывался недовольным, несговорчивым или, скажем, стесненным в средствах, ее светлость всегда была готова немедленно помчаться в деревню, чтобы рассудить спорщиков, заставить умолкнуть жалобщиков и должным образом водворить общее благополучие и согласие.

Раза два в неделю жителям Хансфорда выпадала честь обедать в Розингсе. И, не считая отсутствия сэра Уильяма, а вместе с ним и второго карточного стола, все последующие обеды ничем не отличались от первого. Иных развлечений жители Хансфорда были лишены почти полностью, так как образ жизни большинства соседних семейств не соответствовал возможностям Коллинзов. Впрочем, Элизабет вовсе от этого не страдала, проводя дни достаточно приятно. Время от времени она могла с удовольствием поболтать полчаса со своей подругой. А необыкновенно хорошая для ранней весны погода позволяла ей почти

ежедневно наслаждаться прогулками. И когда все остальные отправлялись с визитом в Розингс, она чаще всего уходила в примыкавшую к ближней стороне парка открытую рощу и бродила там по густо обсаженной деревьями полюбившейся ей дорожке, прелесть которой, казалось, оценила только она одна и где она чувствовала себя достаточно защищенной от любопытства ее светлости.

Так спокойно, без всяких происшествий, протекли первые две недели ее пребывания в Кенте. Приближалась пасха, и за неделю до праздника население Розингса, прежде столь немногочисленное, заметно пополнилось. Еще вскоре после своего прибытия в Хансфорд Элизабет услышала об ожидающемся в ближайшие недели визите мистера Дарси. И хотя у нее было мало знакомых, с которыми бы она встретилась менее охотно, чем с племянником леди Кэтрин, его приезд обещал дать новую пищу для наблюдений во время визитов в Розингс. При этом, увидев его обращение с кузиной, которую леди Кэтрин прочла ему в жены, она могла бы порадоваться беспочвенности надежд, питаемых в отношении мистера Дарси сестрой мистера Бингли. Леди Кэтрин была весьма довольна ожидавшимся приездом племянника, отзывалась о нем в самых восторженных выражениях и была чуть ли не рассержена, обнаружив, что мисс Лукас и Элизабет успели с ним познакомиться в другом месте.

О приезде Дарси тут же стало известно в Хансфорде, так как мистер Коллинз, жаждавший узнать об этом событии как можно раньше, в течение всего назначенного для приезда утра прогуливался по дороге, с которой можно было беспрепятственно наблюдать за воротами парка. Отвесив поклон прибывшему экипажу в тот самый момент, когда он заворачивал к дому, мистер Коллинз сразу устремился к себе, желая поскорее сообщить важное известие. На следующее утро он поспешил в Розингс, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Его приветствие было принято сразу двумя племянниками леди Кэтрин, ибо вместе с мистером Дарси в Розингс приехал еще и младший сын его дяди, лорда***, полковник Фицуильям. И, ко всеобщему изумлению, мистер Коллинз вернулся домой в сопровождении обоих молодых людей. Шарлотта увидела их из окна кабинета в тот момент, когда они пересекали дорогу, и, тотчас же перебежав в гостиную, сообщила девицам об ожидавшей их чести, добавив при этом:

— Этим знаком внимания я, конечно, обязана только тебе, Элиза. Мистер Дарси ни за что не навестил бы так скоро меня одну.

У Элизабет едва хватило времени, чтобы отказаться от комплимента, как зазвенел колокольчик, возвестивший о приходе гостей. И тотчас же после этого трое мужчин вступили в комнату. Вошедшему первым полковнику Фицуильяму можно было дать лет тридцать. Он был не слишком хорош собой, но по обращению и внешности казался истинным джентльменом. Мистер Дарси был в точности таким же, каким его привыкли видеть в Хартфордшире. С обычной сдержанностью он засвидетельствовал свое почтение миссис Коллинз. И каковы бы ни были его чувства к ее подруге, он встретил ее взгляд с полным самообладанием. Элизабет ответила ему едва заметным поклоном, не проронив при этом ни слова.

С легкостью, свойственной хорошо воспитанному человеку, полковник Фицуильям сразу завязал беседу, доставившую удовольствие всем присутствовавшим. Его кузен, обменявшись несколькими словами с Шарлоттой по поводу ее дома и сада, хранил в течение некоторого времени полное молчание. В конце концов, однако, у него хватило любезности осведомиться у Элизабет о здоровье ее семейства. Ответив ему подобающим образом, она, после короткой паузы, добавила:

— Моя старшая сестра последние три месяца провела в Лондоне. Вам не приходилось встречаться?

Она заранее знала, что ответ будет отрицательным. Но ей было любопытно, не выдаст ли он своей осведомленности о том, что произошло между семьей Бингли и Джейн. И, как ей показалось, Дарси слегка смутился, ответив, что ему не посчастливилось увидеть в столице мисс Беннет. Больше об этом не говорилось, и молодые люди вскоре покинули Хансфорд.

ГЛАВА VIII

анеры полковника Фицуильяма произвели в Хансфорде самое благоприятное впечатление, и дамы почувствовали, что удовольствие от посещений Розингса с его приездом должно значительно возрасти. Прошло, однако, несколько дней, прежде чем они были туда приглашены. Пока у леди Кэтрин жили ее племянники, она вполне могла обходиться без гостей из пасторского домика. Только в первый день пасхи, почти через неделю после приезда молодых людей, Коллинзы наконец

удостоились приглашения: покидая церковь, леди Кэтрин просила их провести вечер в Розингсе. В последнюю неделю им почти не доводилось видеть леди Кэтрин и ее дочь. Полковник Фицуильям, правда, несколько раз навестил пасторский домик, но мистера Дарси они встретили только в церкви.

Приглашение было, разумеется, принято, и в должный час они появились в гостиной Розингса. Леди Кэтрин встретила их любезно, однако чувствовалось, что их общество уже далеко не так дорого ее сердцу, как в те дни, когда она не могла рассчитывать на чье-либо другое. Сейчас внимание хозяйки было главным образом поглощено обоими племянниками, с которыми — особенно с Дарси — она разговаривала гораздо больше, чем с остальными присутствующими.

По-настоящему их появлением был доволен только полковник Фицуильям. Его радовало все, что хоть как-то помогало ему рассеять скуку пребывания в Розингсе. К тому же хорошенькая подруга миссис Коллинз не на шутку вскружила ему голову. И теперь, усевшись около нее, он так мило болтал с ней о Кенте и Хартфордшире, о домашней жизни и путешествиях, о новых книгах и музыке, что Элизабет впервые испытала удовольствие от посещения этого дома. Живостью и непринужденностью своей беседы они привлекли внимание самой леди Кэтрин и мистера Дарси. Его взгляд не раз останавливался на них с любопытством. То же чувство откровенно выразила хозяйка дома, которая не постеснялась спросить:

— Что это ты там говоришь, Фицуильям? О чем вы толкуете? Нельзя ли и нам услышать, что ты рассказываешь мисс Беннет?

— Мы, сударыня, беседуем о музыке, — сказал он, когда больше уже невозможно было уклониться от ответа.

— О музыке! Так, ради бога, говорите же громче. Музыка для меня превыше всего. Я не могу молчать, когда говорят о музыке. Я полагаю, в Англии немного людей, которые ценят и понимают музыку больше меня. Если бы только меня с детства ей обучили, я стала бы великой артисткой. Так же, как Энн, будь она только покрепче здоровьем. Уверена, что ее игра доставила бы всем несравнимое наслаждение. А как, Дарси, обстоят дела у Джорджианы?

Мистер Дарси весьма одобрительно отозвался об успехах своей сестры.

— Что ж, я рада услышать о ней столь похвальный отзыв, — произнесла леди Кэтрин. — Пожалуйста, предупре-

ди ее от моего имени, что ей ничего не добиться без достаточного усердия.

— Ручаюсь вам, сударыня, она не нуждается в подобном предостережении,— ответил мистер Дарси.— Она упражняется очень прилежно.

— Тем лучше. Упражнения никогда не могут быть лишними. Когда я буду писать ей в следующий раз, я посоветую ей ни в коем случае не пренебрегать упражнениями. Мне постоянно приходится втолковывать молодым

девицам, что без прилежных занятий в музыке нельзя добиться успехов. Ведь вот сколько раз я объясняла мисс Беннет: она не сможет играть по-настоящему хорошо, если перестанет упражняться. И раз у миссис Коллинз нет своего инструмента, она вполне может ежедневно приходить в Розингс и играть на фортепьяно в комнате миссис Дженкинсон. В этой части дома она никому не помешает.

Мистер Дарси, казалось, был несколько смущен бестактностью своей тетки и ничего не ответил.

Когда с кофе было покончено, полковник Фицуильям напомнил Элизабет о ее обещании поиграть ему, и она села за фортепьяно. Он придвинул свое кресло поближе. Леди Кэтрин прослушала пьесу до середины, а затем, так же, как и раньше, принялась болтать с другим племянником, пока тот не оставил ее и, перейдя с обычным для него задумчивым видом к инструменту, не расположился таким образом, чтобы лучше видеть лицо хорошенькой исполнительницы. Элизабет это заметила и при первой же удобной паузе сказала ему с лукавой улыбкой:

— Вы хотели меня смутить, мистер Дарси, приготовившись слушать с таким вниманием мою игру. Но я вас несколько не боюсь, хоть ваша сестра играет столь превосходно. Упрямство не позволяет мне проявлять малодушие, когда того хотят окружающие. При попытке меня утрашить я становлюсь еще более дерзкой.

— Мне незачем доказывать, что вы ошибаетесь,— ответил мистер Дарси.— Не могли же вы в самом деле считать меня на это способным. Я достаточно с вами знаком, чтобы знать, как часто вы утверждаете то, чего вовсе не думаете.

Такой отзыв о ней заставил Элизабет от души рассмеяться. И, обращаясь к полковнику Фицуильяму, она сказала:

— Мистер Дарси может неплохо обрисовать мой характер, научив вас не верить ни одному моему слову. Мне на редкость не посчастливилось; в тех местах, где я надеялась хоть немного пользоваться доброй славой, я встретила с человеком, способным вывести меня на чистую воду. В самом деле, мистер Дарси, с вашей стороны не великодушно припоминать все дурное, что вы разузнали обо мне в Хартфордшире. Могу добавить, что это и неосторожно, так как может вынудить меня дать вам отпор. И тогда как бы и в отношении вас не открылось нечто такое, что не обрадует ваших близких.

— Я этого не боюсь,— сказал он с улыбкой.

— Ради бога, откройте нам, в чем его можно обвинить,— воскликнул полковник Фицуильям.— Должен же я знать, как он ведет себя за пределами родного дома.

— Ну так вы об этом узнаете! Но приготовьтесь услышать нечто чудовищное. Могу вам сообщить, что в первый раз мы встретились с мистером Дарси в Хартфордшире во время бала. И чем, вы полагаете, он на этом балу отличился? Несмотря на недостаток молодых людей, он соизволил принять участие только в каких-нибудь четырех танцах! Мне жаль вас огорчить, но дело обстояло именно так. Он танцевал лишь четыре раза. И это в то время, когда многие молодые леди вынуждены были сидеть из-за отсутствия кавалеров. Надеюсь, вы не станете этого отрицать, мистер Дарси?

— В тот вечер я не имел чести быть знакомым ни с одной из присутствовавших дам, кроме тех, с которыми приехал на бал.

— О разумеется. И ведь нельзя же было допустить, чтобы вас с кем-нибудь познакомили! Полковник Фицуильям, что я играю дальше? Мои пальцы ждут ваших приказаний.

— Быть может,— сказал Дарси,— обо мне судили бы лучше, если бы я потрудился кому-нибудь представиться. Но я не стремлюсь навязывать свое общество незнакомым людям.

— Не объяснит ли мне ваш кузен, чем это вызвано? — спросила Элизабет, по-прежнему обращаясь к полковнику.— Может быть, он в силах назвать причину, по которой образованный и неглупый человек, к тому же принятый в обществе, не вправе рассчитывать на расширение знакомств?

— Пожалуй, я смог бы ответить на ваш вопрос, не обращаясь к нему,— сказал Фицуильям.— Это, конечно, не относится к мистеру Дарси! Причина может состоять в нежелании доставить беспокойство себе самому.

— Я и вправду лишен присущего некоторым людям таланта,— отвечал Дарси,— свободно болтать с человеком, которого прежде никогда не встречал. Мне нелегко, подобно другим, подлаживаться к тону его рассуждений или делать вид, что меня интересуют его дела.

— Мои пальцы,— сказала Элизабет,— движутся по клавишам этого инструмента не с тем мастерством, какое мне приходилось наблюдать у других музыкантов. Моей игре недостает ни силы удара, ни выразительности, ни беглости. Но мне всегда казалось, что я виновата

в этом сама, не дав себе труда поупражняться как следует. Мысль о том, что у меня неподходящие пальцы, почему-то не приходила мне в голову.

Улыбнувшись, Дарси сказал:

— Совершенно с вами согласен. Время, которым вы располагали, вы употребили гораздо лучше. Те, кто пользуется привилегией слушать вашу игру, едва ли заметят ее недостатки. А при посторонних мы с вами не выступаем.

Здесь они были прерваны хозяйкой дома, которая потребовала, чтобы ее посвятили в содержание их разговора. Элизабет тотчас начала новую пьесу. Леди Кэтрин подошла ближе и, немного послушав ее игру, снова заговорила с Дарси:

— Мисс Беннет играла бы неплохо, если бы больше практиковалась и пользовалась указаниями лондонского маэстро. У нее даже есть некоторая беглость, но ей не хватает вкуса, которым отличается Энн. Из моей дочери вышла бы превосходная исполнительница, если бы только здоровье позволяло ей заниматься музыкой.

Элизабет взглянула на Дарси, надеясь понять по его лицу, насколько он присоединяется к восхвалению кузины. Но ни в эту минуту, ни в какую другую она не могла заметить в нем признаков сердечного увлечения. Отношение Дарси к своей кухне позволяло сделать вывод, который весьма порадовал бы мисс Бингли: при равных родственных связях она могла бы с тем же успехом выйти за него замуж, как и мисс де Бёр.

Леди Кэтрин продолжала еще в течение некоторого времени высказывать замечания о музыкальных способностях Элизабет, сопровождая их различными советами о манере игры и музыкальном вкусе. Мисс Беннет переносила это с подобающим госте терпением. И, подчиняясь просьбам джентльменов, она просидела за инструментом до того времени, когда была подана карета ее светлости, чтобы доставить их в Хансфорд.

ГЛАВА IX

а следующее утро, когда миссис Коллинз и Мария отправились по делам в деревню, а Элизабет, сидя в одиночестве, писала письмо старшей сестре, ее вдруг потревожил колокольчик, возвестивший о приходе гостей. Хотя она не слышала шума подъехавшего экипажа, ей пришло в голову, что это могла нагрянуть леди Кэтрин. И чтобы избежать назойливых расспросов бесцеремонной посетительницы, она быстро спрятала недописанное письмо. Дверь распахнулась, и, к ее глубочайшему изумлению, в комнату вошел мистер Дарси, притом совершенно один. Гость, казалось, был тоже озадачен тем, что нашел ее в одиночестве, и, принеся свои

извинения, сказал, что надеялся застать в этой комнате сразу всех дам.

Они оба сели, и после заданных ею вопросов о здоровье обитателей Розингса наступило молчание, грозившее затянуться на неопределенно долгое время. Совершенно необходимо было придумать какую-нибудь тему для разговора. В эту критическую минуту Элизабет вспомнила, при каких обстоятельствах она в последний раз видела Дарси в Хартфордшире, и ей захотелось узнать, чем он объяснит свой внезапный отъезд из Незерфилда.

— Как неожиданно вы все покинули наши места в ноябре, мистер Дарси! И каким, наверно, приятным сюрпризом для мистера Бингли было увидеть всех вас так скоро после разлуки. Он сам, помнится, выехал в Лондон всего лишь за день до вас, не так ли? Надеюсь, он и его сестры были здоровы, когда вы покинули Лондон?

— Благодарю вас, вполне здоровы.

Она почувствовала, что больше он ничего не скажет, и после короткой паузы продолжала:

— Как мне говорили, у мистера Бингли нет больше желания опять поселиться в Незерфилде?

— Я не слышал, чтобы он об этом упоминал. Но весьма вероятно, что ему не придется проводить там в будущем много времени. У него немало друзей, а сейчас он вступил в тот период жизни, когда число друзей и занятость увеличиваются день ото дня.

— Раз он не намерен жить в Незерфилде, для его соседей было бы лучше, если бы он вообще распрощался с нашим краем. Это поместье могла бы тогда занять другая семья. Впрочем, быть может, мистер Бингли арендовал Незерфилд, заботясь о собственных удобствах больше, чем об удобствах соседей? И следует ждать, что он удержит за собой Незерфилд или откажется от него, руководствуясь теми же побуждениями.

— Меня бы не удивило, — сказал Дарси, — если бы Бингли в самом деле покинул Незерфилд навсегда, представься ему подходящая возможность приобрести дом в другом месте.

Элизабет промолчала. Боясь продолжить разговор о его приятеле и не имея сказать ничего другого, она решила переложить теперь заботу о поддержании беседы на мистера Дарси.

Тот понял намек и вскоре сказал:

— Дом этот выглядит очень уютным. Леди Кэтрин,

я полагаю, немало в нем потрудились, когда мистер Коллинз здесь поселился.

— Думаю, что вы правы. Но она, я уверена, не могла бы уделить внимание более благодарному человеку.

— Мистер Коллинз, кажется, удачно женился.

— Еще бы. Его друзья могут порадоваться, что он встретил одну из немногих разумных женщин, которая согласилась за него выйти и обеспечила ему счастливую жизнь. Моя подруга очень неглупа. Хотя я не уверена, что замужество было самым мудрым из ее поступков. Она, однако, выглядит вполне счастливой, а с точки зрения здравого смысла, брак для нее может считаться весьма удачным.

— Особенно благоприятным кажется то обстоятельство, что она поселилась так близко от родителей и друзей.

— Вы находите, что отсюда до Меритона «так близко»? Но ведь здесь чуть ли не пятьдесят миль.

— Что значат пятьдесят миль хорошей дороги? Чуть больше, чем полдня пути. Мне кажется, это весьма короткое расстояние.

— Мне бы не пришлось в голову оценивать преимущества брака милями,— сказала Элизабет.— И я вовсе не считаю, что миссис Коллинз поселилась поблизости от родителей.

— Это свидетельствует о вашей привязанности к Хартфордширу. Все, что находится не совсем рядом с Лонгборном, кажется вам отдаленным.

Он проговорил это с улыбкой, которая его собеседнице показалась понятной. По-видимому, он считал, что ее слова относятся к Незерфилду и к Джейн. И, покраснев, она ответила:

— Я вовсе не хотела сказать, что, выйдя замуж, женщина любое расстояние от дома своих родителей должна воспринимать как большое. Близость и отдаленность — понятия относительные, зависящие от обстоятельств. Там, где богатство делает дорожные расходы несущественными, расстояние перестает быть злом. Но в данном случае это отнюдь не так. Коллинзы имеют приличный доход, которого не может, однако, хватить для частых разъездов. И я убеждена, что моя подруга не считала бы, что она живет близко от родительского дома, даже если бы расстояние до него было вдвое короче пути из Кента в Хартфордшир.

Мистер Дарси подвинул свой стул немного ближе и сказал:

— Не следует так привязываться к родным местам. Не сможете же вы всю жизнь провести в Лонгборне!

Элизабет была удивлена его словами. Но настроение Дарси переменилось, он отодвинулся, взял со стола газету и, глядя поверх нее, произнес более холодным тоном:

— Как вам понравился Кент?

За этим последовал обмен мнениями о здешних местах, достаточно краткий и сдержанный с обеих сторон. Он был прерван возвращением Шарлотты и ее сестры, которые немало удивились столь неожиданному tête-à-tête. Мистер Дарси объяснил им свою ошибку, из-за которой мисс Беннет пришлось прервать свои занятия, и, просидев почти в полном молчании еще несколько минут, удалился.

— Что бы это могло означать? — спросила Шарлотта, как только он ушел.— Элиза, дорогая, он, должно быть, в тебя влюблен — иначе он ни за что бы так запросто к нам не пришел.

Но когда она узнала от Элизабет, как мало он ей сказал, подобная догадка уже не показалась убедительной даже заинтересованной Шарлотте. И после ряда предположений визит Дарси в конце концов пришлось объяснить только отсутствием у него лучшего способа провести время. В самом деле, охотничий сезон уже миновал. В Розингсе была леди Кэтрин, книги и бильярд. Но не могут же мужчины проводить весь день взаперти! Привлеченные близостью пасторского дома, или прелестью ведущей к нему дороги, или, наконец, удовольствием от встречи с его обитателями, но с этих пор оба кузена стали навещать туда чуть ли не ежедневно. Они приходили в утренние часы, иногда врозь, иногда вместе, а иной раз и в сопровождении своей тетки. Для дам было ясно, что появления полковника Фицуильяма объясняются тем, что ему нравится их общество — качество, особенно его рекомендовавшее. Удовольствие, которое получала Элизабет в его присутствии, и впечатление, которое она на него производила, напомнили ей об ее прежнем избраннике, Джордже Уикхеме. И хотя, сравнивая обоих, она видела, что в манерах полковника недостает подкупающей задушевности ее меритонского приятеля, ей казалось, что он зато значительно лучше обра- зован.

Но почему в Хансфорде так часто появлялся мистер Дарси,— было решительно непонятно. Он явно не нуждался в собеседниках, так как нередко в течение многих минут не произносил ни единого слова. И даже когда он наконец начинал говорить, казалось, что он делает это лишь по необходимости, а не из душевной потребности, ради приличия, а не для собственного удовольствия. Он редко бывал по-настоящему оживленным. Миссис Коллинз просто не знала, что и подумать. Поскольку полковник Фицуильям время от времени подтрунивал над его рассеянным видом, можно было предположить, что обычно он ведет себя по-другому. Собственное ее знакомство с Дарси не позволяло ей судить об этом с уверенностью. Разумеется, она была бы не прочь объяснить эту перемену влюбленностью в ее подругу и всячески старалась в этом удостовериться. Шарлотта стала внимательно следить за Дарси, когда им случалось навещать Розингс или когда он приходил в Хансфорд, но так и не смогла добиться в своих наблюдениях заметного успеха. Несомненно, он часто останавливал взор на Элизабет, однако выражение его лица при этом можно было толковать по-разному. Этот взор был пристальным и серьезным, но Шарлотта нередко сомневалась, заключает ли он в себе какое-то чувство. Иногда ей просто казалось, что, глядя на ее подругу, Дарси думает о чем-то другом.

Раз или два она пыталась поделиться с Элизабет своими догадками относительно возможной влюбленности Дарси, но та обращала этот разговор в шутку. И Шарлотта не сочла более возможным настаивать, опасаясь вызвать надежды, которые могли бы привести к напрасному разочарованию. В самом деле, она нисколько не сомневалась, что неприязнь, питаемая ее подругой к мистеру Дарси, сразу бы исчезла, как только она вообразила бы, что он находится в ее власти.

Желая своей подруге всяческого добра, Шарлотта иногда задумывалась о возможности ее брака с полковником Фицуильямом. Это был, вне всякого сомнения, приятнейший человек. Элизабет ему явно нравилась, и он занимал прекрасное положение в обществе. Однако, в противовес этим преимуществам, Дарси был патроном многих церковных приходов, тогда как у его кузена не имелось в распоряжении ни одного.

уляя по парку, Элизабет несколько раз неожиданно сталкивалась с мистером Дарси. Первую встречу в той части парка, в которой она до сих пор никогда никого не видела, она объяснила досадной случайностью. Чтобы избежать в будущем таких недоразумений, Элизабет с первого же раза дала ему понять, что постоянно выбирает для прогулки эти места. Каким образом подобные встречи могли повториться, было совершенно необъяснимо. Тем не менее Дарси оказался на ее пути во второй и даже в третий раз. Можно было подумать, что он делает это ей назло или занимается самоистязанием, так как, увидев ее, вместо того чтобы сказать несколько общих фраз и после неловкой паузы удалиться, он находил нужным свернуть со своей тропинки и пойти с ней рядом. Он всегда был немногословен, — Элизабет тоже не утруждала себя поисками тем для беседы. Однако при третьей встрече она обратила внимание на его странные, бессвязные вопросы о том, нравится ли ей Хансфорд, любит ли она гулять в одиночестве и что она думает о супружеском счастье мистера и миссис Коллинз. Он говорил о Розингсе и о том, что у нее должно было сложиться не вполне правильное представление об этом доме, как будто предполагал, что при новом визите в Кент ей предстоит там остановиться. Это как бы подразумевалось в его словах. Неужели он намекал на полковника Фицуильяма? Ей казалось, что дело клонится к этому, если он действительно что-то имел в виду. И, почувствовав себя задетой, она была рада наконец оказаться у садовой калитки неподалеку от пасторского домика.

Во время одной из прогулок, когда она перечитывала последнее письмо Джейн, раздумывая над теми его строками, где печаль сестры звучала особенно сильно, она была вновь потревожена приближающимися шагами. Однако, подняв глаза, вместо мистера Дарси она увидела идущего ей навстречу полковника Фицуильяма. Быстро спрятав письмо и заставив себя улыбнуться, она воскликнула:

— Не думала я, что могу встретить вас в этих местах!

— Раз в году я обычно совершаю обход всего парка, — ответил полковник. — А сейчас мне бы хотелось навестить Хансфорд. Вы далеко направляетесь?

— Нет, я как раз собиралась идти обратно.

И она действительно повернула и пошла с ним к дому священника.

— Вы в самом деле уезжаете в субботу? — спросила Элизабет.

— Да, если только Дарси снова не отложит отъезд. Я вынужден к нему приноравливаться. А он подчиняется своим прихотям.

— И, будучи господином прихотливым, он находит удовлетворение в том, что подчиняет себе окружающих? Мне еще не приходилось видеть человека, который больше него дорожил бы правом всегда поступать по собственному усмотрению.

— Да, он хочет сам распоряжаться своей судьбой, — отвечал полковник Фицуильям. — Но ведь это свойственно каждому. Отличие Дарси заключается в том, что у него больше возможностей удовлетворить это желание. Он достаточно богат, тогда как многие другие бедны. Я это знаю слишком хорошо. Младший сын должен привыкнуть к зависимости и необходимости отказывать себе на каждом шагу.

— А мне казалось, что младшему сыну графа ни то, ни другое незнакомо. Скажите честно, много ли вы знали зависимости и лишений? Разве из-за отсутствия денег вам когда-нибудь не удавалось отправиться в задуманное путешествие или приобрести вещь, которую вам хотелось иметь?

— Все это относится к жизни в семье. И, быть может, я не вправе утверждать, что пережил много затруднений такого рода. Но в более значительном деле нехватка средств способна причинить серьезные огорчения. Младшие сыновья, например, не могут жениться на девушке, которая им пришла по душе.

— Если только им не пришла по душе достаточно богатая наследница, что, я думаю, с ними обычно случается.

— Привычка жить на широкую ногу делает нас слишком зависимыми от денег. Между людьми моего круга не много смельчаков, позволяющих себе вступить в брак, не задумываясь о средствах, которыми они смогут в дальнейшем располагать.

«Неужели эти слова предназначены для меня?» — подумала Элизабет, покраснев. Однако, взяв себя в руки, она ответила, улыбаясь:

— Но скажите мне, ради бога, почему теперь младшие сыновья графа? Если старший брат не дышит на ладан,

младший, я полагаю, едва ли стоит больше пятидесяти тысяч?

Он ответил в том же духе, и разговор прекратился. Чтобы нарушить молчание, которое он мог приписать действию высказанного им намека, она сказала:

— Мне кажется, ваш кузен захватил вас с собой главным образом, чтобы кем-нибудь распорядиться. Но я не понимаю, почему бы ему не жениться и не обеспечить себя постоянным удобством такого рода. Впрочем, возможно, для этой цели ему пока подходит его сестра. Мистер Дарси ее единственный опекун — он вправе командовать ею, как ему вздумается.

— О нет,— сказал полковник Фицуильям,— этой привилегией ему приходится делиться со мной. Ответственность за судьбу мисс Дарси лежит на мне так же, как и на нем.

— В самом деле? Ну и как же вы справляетесь с вашей обязанностью? Много ли она причиняет хлопот? Молодыми девицами ее возраста иногда не так-то просто руководить. А если еще у нее настоящая натура Дарси, она вполне может захотеть поступить по-своему.

Произнеся это, она заметила, что он взглянул на нее очень внимательно. Серьезность, с которой он спросил, почему она считает, что мисс Дарси способна причинить беспокойство, подтвердила, что ее предположение недалеко от истины. Элизабет ответила без промедления:

— Можете не тревожиться — ничего дурного я о ней не слыхала. Хотя я и вправе считать, что едва ли о какой-нибудь девице говорится так много, как о мисс Дарси. В ней души не чают две знакомые мне особы — миссис Хёрст и мисс Бингли. Кажется, вы говорили, что вам приходилось с ними встречаться?

— Я с ними немножко знаком. Их брат — большой друг Дарси, славный молодой человек.

— О да,— хмуро произнесла Элизабет.— Мистер Дарси необыкновенно добр по отношению к мистеру Бингли и очень о нем заботится.

— Очень заботится? Что ж, я и в самом деле думаю, что Дарси неплохо о нем позаботился — как раз тогда, когда Бингли в этом нуждался. Из нескольких слов, сказанных Дарси на пути в Кент, я понял, что его друг перед ним в немалом долгу. Впрочем, как бы мне не пришлось просить у Дарси прощения,— я толком не знаю, что речь шла о Бингли. Это всего лишь мои предположения.

— А что вы имеете в виду?

«Утро в Дедхемской долине».
С картины Джона Констебля, 1811 г.

— Так, одно обстоятельство, сведения о котором Дарси не захотел бы сделать всеобщим достоянием. Они могли бы дойти до семейства одной особы, что было бы весьма неприятно.

— Будьте спокойны, я о них не проговорюсь.

— Не забывайте при этом, что, может быть, он подразумевал вовсе не Бингли. Он сказал лишь, что вправе поздравить себя со спасением друга от неприятностей, связанных с неразумной женитьбой. Но ни имен, ни подробностей я от него не слышал. Я заключил, что дело касается Бингли только потому, что, как мне кажется, тот вполне способен попасть в подобное положение. К тому же они с Дарси провели вместе прошлое лето.

— А назвал ли вам мистер Дарси причины, которые заставили его вмешаться в дела его друга?

— Насколько я понял, девица вызывала серьезные возражения.

— Каким же способом вашему кузену удалось их разлучить?

— Он об этом не говорил,— улыбаясь, сказал Фицуильям.— Я вам передал все, что известно мне самому.

Элизабет ничего не ответила. Сердце ее кипело от гнева. Подождав немного, Фицуильям осведомился о причине ее задумчивости.

— Я размышляю о том, что сейчас узнала,— ответила она.— Поступок вашего кузена мне не очень понравился. Кто он такой, чтобы считать себя судьей?

— По-вашему, его вмешательство было бесцеремонным?

— Я просто не понимаю, какое право имел мистер Дарси решать, разумна или неразумна привязанность его друга. Как мог он один судить — с кем Бингли найдет свое счастье. Однако,— добавила она, опомнившись,— раз мы не знаем подробностей, мы не вправе его упрекать. Должно быть, привязанность была с обеих сторон не очень глубокой.

— Вполне разумное предположение! — воскликнул Фицуильям.— Хотя и не слишком лестное для оценки его заслуг.

Слова эти были сказаны в шутку. Но эта шутка настолько соответствовала ее представлению о мистере Дарси, что, не доверяя своему самообладанию, Элизабет побоялась на нее ответить. Она перевела разговор на случайную тему и продолжала его до самых дверей пасторского дома. Закрывшись после ухода Фицуильяма в своей комнате, она могла без помех обдумать услышанное во время прогулки. Трудно было предположить, что речь шла не о близких ей людях. В мире не могло существовать двух человек, находившихся под таким неограниченным влиянием мистера Дарси. О некотором его участии в событиях, разлучивших Бингли и Джейн, она подозревала и раньше. Но руководство и главную роль в этих событиях она всегда приписывала мисс Бингли. Оказывалось, однако, если только Дарси не обманывало собственное тщеславие, что именно он, именно его высокомерие и самонадеянность были причиной всех прошлых и будущих горестей Джейн. Не кто иной, как он, лишил всякой надежды на близкое счастье самое нежное и благородное сердце на свете. И едва ли можно было предугадать, как долго оно не оправится от полученной раны.

«Девушка вызывала серьезные возражения!» — сказал полковник. — По-видимому, эти серьезные возражения состояли в том, что один ее дядя был провинциальным стряпчим, а второй — лондонским коммерсантом.

— Против самой Джейн никто не посмел бы ничего возразить! — воскликнула Элизабет. — Столько в ней прелести и обаяния! Настолько она разумна и так хорошо умеет себя держать! Ничего нельзя было бы сказать и против нашего отца. При всех его причудах, даже мистер Дарси не мог отрицать его здравого смысла, его высокой порядочности, — такой, которой самому мистеру Дарси, наверное, никогда не достичь!

Элизабет вспомнила о матери и почувствовала себя менее уверенно. Но она все же не допускала мысли, что Дарси серьезно покоробили недостатки миссис Беннет. Гордость Дарси, очевидно, страдала бы сильнее, породнись его друг с людьми неподобающего круга, нежели — ограниченного ума. И мало-помалу она убедила себя, что поступок Дарси объяснялся его крайним высокомерием и желанием выдать за Бингли свою сестру.

Пережитое ею душевное потрясение привело к слезам и головной боли, которая к вечеру еще больше усилилась. Это обстоятельство, так же как нежелание встретиться с Дарси, заставило ее отказаться от посещения Розингса, куда Коллинзы были приглашены к чаю. Видя, что подруге ее в самом деле нездоровится, миссис Коллинз не стала настаивать и, по возможности, оградила ее от назойливых уговоров своего мужа. Последний, впрочем, не посмел умолчать, что отсутствие Элизабет может вызвать неудовольствие леди Кэтрин.

ГЛАВА XI

Когда они ушли, Элизабет, как бы желая еще больше настроить себя против мистера Дарси, стала перечитывать полученные ею в Кенте письма Джейн. В них не было прямых жалоб.

Сестра не вспоминала о недавних событиях и ничего не говорила о своих теперешних переживаниях. Но любое письмо, почти любая строка свидетельствовали об исчезновении обычной для прежних писем Джейн жизнерадостности, которая была так свойственна царившему в ее

душе миру и расположению к людям. Каждую проникнутую печалью фразу Элизабет замечала теперь гораздо явственнее, чем при первом чтении. Бесстыдная похвальба мистера Дарси столь успешным вмешательством в чужую судьбу позволила ей еще острее осознать глубину горя, пережитого ее бедной сестрой. И ей искренне хотелось, чтобы оставшиеся до его отъезда два дня миновали возможно скорее. То, что через две недели ей предстояло снова встретиться с Джейн и при этом предпринять для восстановления ее душевного спокойствия все, к чему способна истинная привязанность, было единственно приятной стороной ее размышлений.

При мысли об отъезде из Кента мистера Дарси она не могла не вспомнить, что вместе с ним Кент должен покинуть и его кузен. Но полковник Фицуильям достаточно ясно намекнул ей на отсутствие каких-либо серьезных намерений с его стороны. И, как бы ни было ей приятно его общество, она вовсе не собиралась расстраиваться по поводу предстоящей разлуки.

Именно тогда, когда она вполне уяснила для себя это обстоятельство, она вдруг услышала звонок колокольчика. Подумав, что неожиданный посетитель — сам полковник Фицуильям, который однажды примерно в этот же час уже навещал их и мог зайти снова, чтобы справиться о ее здоровье, Элизабет почувствовала легкое волнение. Но ее предположение рассеялось и мысли приняли другой оборот, когда, к величайшему изумлению, она увидела вошедшего в комнату мистера Дарси. Гость сразу же осведомился о ее недомогании и объяснил свой визит желанием удостовериться, что ее самочувствие улучшилось. Она ответила с холодной учтивостью. Он немного посидел, затем встал и начал рассказывать по комнате. Элизабет была озадачена, но ничего не говорила. После нескольких минут молчания он стремительно подошел к ней и сказал:

— Вся моя борьба была тщетной! Ничего не выходит. Я не в силах справиться со своим чувством. Знайте же, что я вами бесконечно очарован и что я вас люблю!

Невозможно описать, как его слова ошеломили Элизабет. Растерянная и покрасневшая, она смотрела на него и молчала. И, обнадеженный ее молчанием, Дарси поторопился рассказать ей обо всем, что пережил за последнее время и что так волновало его в эту минуту. Он говорил с необыкновенным жаром. Но в его словах был слышен не только голос сердца: страстная любовь звучала в них не

сильнее, чем уязвленная гордость. Его взволнованные рассуждения о существовавшем между ними неравенстве, об ущербе, который он наносил своему имени, и о семейных предрассудках, до сих пор мешавших ему открыть свои чувства, убедительно подтверждали силу его страсти, но едва ли способствовали успеху его признания.

Несмотря на глубокую неприязнь к мистеру Дарси, Элизабет не могла не понимать, насколько лестна для нее любовь подобного человека. И, ни на секунду не утратив этой неприязни, она вначале даже размышляла о нем с некоторым сочувствием, понимая, как сильно он будет расстроен ее ответом. Однако его дальнейшие рассуждения настолько ее возмутили, что гнев вытеснил в ее душе всякую жалость. Решив все же совладать со своим порывом, она готовилась ответить ему, когда он кончит, возможно спокойнее. В заключение он выразил надежду, что согласие мисс Беннет принять его руку вознаградит его за все муки страсти, которую он столь тщетно стремился подавить в своем сердце. То, что она может ответить отказом, явно не приходило ему в голову. И, объясняя, с каким волнением он ждет ее приговора, Дарси всем своим видом показывал, насколько он уверен, что ответ ее будет благоприятным. Все это могло вызвать в душе Элизабет только еще большее возмущение. И как только он замолчал, она, вспыхнув, сказала:

— Чувство, которое вы питаете, независимо от того — разделяется оно человеком, к которому оно обращено, или нет, — свойственно, я полагаю, принимать с благодарностью. Благодарность присуща природе человека, и, если бы я ее испытывала, я бы вам сейчас это выразила. Но я ее не испытываю. Я никогда не искала вашего расположения, и оно возникло вопреки моей воле. Мне жаль причинять боль кому бы то ни было. Если я ее совершенно нечаянно вызвала, надеюсь, она не окажется продолжительной. Соображения, которые, по вашим словам, так долго мешали вам уступить вашей склонности, без труда помогут вам преодолеть ее после этого объяснения.

Мистер Дарси, облокотясь на камин, пристально смотрел на Элизабет. Ее слова изумили его и привели в негодование. Лицо его побледнело, и каждая черта выдавала крайнее замешательство. Он старался сохранить внешнее спокойствие и не произнес ни слова, пока не почувствовал, что способен взять себя в руки. Возникшая пауза показалась Элизабет мучительной. Наконец он сказал нарочито сдержанным тоном:

— И этим исчерпывается ответ, который я имею честь от вас получить? Пожалуй, я мог бы знать причину, по которой вы не попытались облечь свой отказ по меньшей мере в учтивую форму? Впрочем, это не имеет значения!

— С таким же правом я могла бы спросить,— ответила она,— о причине, по которой вы объявили,— с явным намерением меня оскорбить и унижить,— что любите меня вопреки своей воле, своему рассудку и даже всем своим склонностям! Не служит ли это для меня некоторым оправданием, если я и в самом деле была с вами недостаточно любезна? Но у меня были и другие поводы. И вы о них знаете. Если бы даже против вас не восставали все мои чувства, если бы я относилась к вам безразлично или даже была к вам расположена — неужели какие-нибудь соображения могли бы склонить меня принять руку человека, который явился причиной несчастья, быть может непоправимого, моей любимой сестры?

При этих ее словах мистер Дарси изменился в лице. Но овладевшее им волнение скоро прошло, и он слушал Элизабет, не пытаясь ее перебить, в то время как она продолжала:

— У меня есть все основания составить о вас дурное мнение. Ваше злонамеренное и неблагородное вмешательство, которое привело к разрыву между мистером Бингли и моей сестрой, не может быть оправдано никакими мотивами. Вы не станете, вы не посмеете отрицать, что являетесь главной, если не единственной причиной разрыва. Бингли заслужил из-за него обвинение в ветрености и непостоянстве, а Джейн — насмешку над неоправдавшимися надеждами. И они оба не могли не почувствовать себя глубоко несчастными.

Она остановилась и с возмущением заметила, что он ее слушает, вовсе не обнаруживая сожаления о случившемся. Напротив, он даже смотрел на нее с усмешкой напускного недоверия.

— Можете ли вы утверждать, что это — не дело ваших рук? — повторила она.

Его ответ был нарочито спокойным:

— Я не намерен отрицать, что в пределах моих возможностей сделал все, чтобы отдалить моего друга от вашей сестры, или что я доволен успехом моих усилий. О Бингли я позаботился лучше, чем о самом себе.

Элизабет сделала вид, что это любезное замечание

прошло мимо ее ушей. Но смысл его не ускользнул от ее внимания и едва ли мог сколько-нибудь умерить ее гнев.

— Но моя неприязнь к вам,— продолжала она,— основывается не только на этом происшествии. Мое мнение о вас сложилось гораздо раньше. Ваш характер раскрылся передо мной из рассказа, который я много месяцев назад услышала от мистера Уикхема. Что вы можете сказать по этому поводу? Каким дружеским участием вы оправдаетесь в этом случае? Или чьим неправильным толкованием ваших поступков вы попытаетесь прикрыться?

— Вы весьма близко к сердцу принимаете судьбу этого джентльмена,— вспыхнув, заметил Дарси уже менее сдержанным тоном.

— Может ли остаться равнодушным тот, кому сделались известны его утраты?

— Его утраты? — с презрением повторил Дарси.— Что ж, его утраты и в самом деле велики.

— И в этом виновны вы! — с жаром воскликнула Элизабет.— Вы довели его до нищеты — да, это можно назвать нищетой! Вы, и никто другой, лишили его тех благ, на которые он был вправе рассчитывать. Вы отняли у него лучшие годы жизни и ту независимость, которая принадлежала ему по праву и по заслугам. Все это — дело ваших рук! И при этом вы еще позволяете себе посмеиваться над его участью?!

— Ах, вот как вы судите обо мне! — воскликнул Дарси, быстро шагая из угла в угол.— Вот что вы обо мне думаете! Благодарю за откровенность. Судить по-вашему — я и впрямь кругом виноват. Но, быть может,— сказал он, останавливаясь и поглядев на нее в упор,— мои прегрешения были бы прощены, не задень вашу гордость мое признание в сомнениях и внутренней борьбе, которые мешали мне уступить моим чувствам? Не мог ли я избежать столь тяжких обвинений, если бы предусмотрительно от вас это скрыл? Если бы я вам польстил, заверив в своей всепоглощающей страсти, которую бы не омрачали противоречия, доводы рассудка или светские условности? Но притворство мне отвратительно. Я не стыжусь чувств, о которых вам рассказал. Они естественны и оправданны. Могли ли вы ждать, что мне будет приятен круг людей, в котором вы постоянно находитесь? Или что я стану себя поздравлять, вступая в родство с теми, кто находится столь ниже меня на общественной лестнице?

Возмущение Элизабет росло с каждой минутой. Однако, отвечая ему, она всячески старалась сохранить внешнее спокойствие.

— Вы глубоко заблуждаетесь, мистер Дарси, думая, что на мой ответ повлияла манера вашего объяснения. Она лишь избавила меня от сочувствия, которое мне пришлось бы к вам испытывать, если бы вы вели себя так, как подобает благородному человеку.

Она заметила, как он вздрогнул при этих словах. Но он промолчал, и она продолжала:

— В какой бы манере вы ни сделали мне предложение, я все равно не могла бы его принять.

— На лице его снова было написано удивление. И пока она говорила, он смотрел на нее со смешанным выражением недоверия и растерянности.

— С самого начала, я бы могла сказать: с первой минуты нашего знакомства, ваше поведение дало мне достаточно доказательств вашей заносчивости, высокомерия и полного пренебрежения к чувствам тех, кто вас окружает. Моя неприязнь к вам зародилась еще тогда. Но под действием позднейших событий она стала непреодолимой. И не прошло месяца после нашей встречи, как я уже ясно поняла, что из всех людей в мире вы меньше всего можете стать моим мужем.

— Вы сказали вполне достаточно, сударыня. Я понимаю ваши чувства, и мне остается лишь устыдиться своих собственных. Простите, что отнял у вас столько времени, и примите мои искренние пожелания здоровья и благополучия.

С этими словами Дарси покинул комнату, и в следующее мгновение Элизабет услышала, как он открыл входную дверь и вышел из дома. Все ее чувства находились в крайнем смятении. Не имея больше сил сдерживать себя, она села в кресло и полчаса, совершенно обессиленная, заливалась слезами. Снова и снова перебирала она в памяти подробности только что происшедшей сцены. И ее удивление непрерывно возрастало. Ей сделал предложение мистер Дарси! Мистер Дарси влюблен в нее в течение многих месяцев! Влюблен настолько, что решился просить ее руки, вопреки всем препятствиям, из-за которых он расстроил женитьбу Бингли на Джейн и которые имели по меньшей мере то же значение для него самого! Все это казалось невероятным. Сделатья невольным предметом столь сильной привязанности было, конечно, весьма лестно. Но гордость, страшная гордость мистера Дарси, его бесстыдная похвальба своим вмешательством в судьбу Джейн, непростительная уверенность, что он при этом поступил правильно, бесчувственная манера, с какой он говорил об Уикхеме, и его жестокость по отношению к этому молодому человеку, которую он даже не пытался опровергнуть,— все это быстро подавило в ее душе всякое сочувствие, на мгновение вызванное в ней мыслью о его любви.

Элизабет еще продолжала лихорадочно размышлять о случившемся, когда шум подъехавшего экипажа напомнил ей, что ее может увидеть Шарлотта, и заставил поскорее уйти в свою комнату.

На следующее утро Элизабет проснулась с теми же мыслями и чувствами, с которыми лишь поздней ночью сомкнула глаза. По-прежнему она не могла оправиться от изумления. Думать о чем-то другом было совершенно невозможно. Неспособная взяться за какое-нибудь дело, она сразу после завтрака решила пойти на прогулку. Дойдя было до своей любимой аллеи и вспомнив, что мистер Дарси иногда заставлял ее там, она резко остановилась и, вместо того чтобы войти в парк, повернула на окаймлявшую парк тропинку, которая увела ее в сторону от проезжей дороги. Вскоре Элизабет миновала одну из боковых калиток в ограде парка.

Она несколько раз прошла по тропинке туда и обратно и, очарованная прекрасным утром, остановилась у калитки, заглянув в парк. За пять недель, проведенных ею в Кенте, в природе совершилось немало изменений, и теперь с каждым днем все пышнее раскрывалась молодая листва на рано зазеленевших деревьях. Она хотела было зайти в парк поглубже, как вдруг заметила человека в прилегавшей к ограде группе деревьев. Он шел по направлению к ней. Боясь, как бы это не оказался мистер Дарси, она быстро пошла в противоположную сторону. Однако человек уже приблизился настолько, чтобы ее заметить, и устремился к Элизабет, назвав ее по имени. Услышав оклик у себя за спиной, Элизабет, хоть и узнала голос мистера Дарси, ускорила шаги по направлению к калитке. Мистер Дарси подошел туда одновременно с ней и, протянув ей письмо, которое она машинально взяла, произнес надменно-спокойным тоном:

— Я давно брожу по парку в надежде встретиться с вами. Не окажете ли вы мне честь, прочитав это письмо?

Сказав это, он слегка поклонился, повернул в глубину парка и скоро исчез за деревьями.

Одолеваемая любопытством, хотя и не ожидая от письма ничего приятного, Элизабет развернула пакет и, к еще большему удивлению, увидела, что письмо написано убогим почерком на двух листах почтовой бумаги. Целиком была исписана даже оборотная сторона листа, служившего конвертом. Продолжая медленно идти по аллее, она начала читать. Письмо было написано в Розингсе в 8 часов утра и заключало в себе следующее:

«Сударыня, получив это письмо, не тревожьтесь, — оно не содержит ни повторного выражения тех чувств, ни возобновления тех предложений, которые вызвали у Вас вчера столь сильное неудовольствие. Я пишу, не желая ни в малейшей степени задеть Вас или унизить самого себя упоминанием о намерениях, которые ради Вашего, да и моего, спокойствия должны быть забыты возможно скорее. Усилий, необходимых для написания и прочтения это-

го письма, можно было избежать, если бы не особенности моего характера, которые требовали, чтобы письмо все же было написано и прочтено. Вы должны поэтому простить мне вольность, с которой я прошу Вас уделить мне некоторое внимание. Я знаю, Ваши чувства будут восставать против этого, но я возлагаю надежды на Вашу справедливость.

Вы предъявили мне вчера два совершенно разного свойства и несопоставимых по тяжести обвинения. Первое заключалось в том, что я, не посчитавшись с чувствами мисс Беннет и мистера Бингли, разлучил двух влюбленных, а второе — что, вопреки лежавшим на мне обязательствам, долгу чести и человечности, я подорвал благосостояние мистера Уикхема и уничтожил его надежды на будущее. Намеренно и бесцеремонно пренебречь другом юности, признанным любимцем отца, молодым человеком, для которого единственным источником существования должен был стать церковный приход в моих владениях и который вырос с мыслью, что этот приход предназначен для него одного, было бы преступлением, по сравнению с которым разлучить двух молодых людей после нескольких недель взаимной симпатии представлялось бы сущей безделицей. Надеюсь, что, прочитав нижеследующее объяснение моих действий и их мотивов и учтя все обстоятельства, Вы в будущем не станете осуждать меня так сурово, как Вы это с легкостью сделали вчера вечером. Возможно, при изложении моих поступков мне придется, не щадя Ваших чувств, высказать собственные взгляды, за которые заранее прошу Вас меня простить. Я подчиняюсь необходимости, а потому дальнейшие сожаления по этому поводу лишены смысла.

Вскоре после нашего приезда в Хартфордшир я, как и многие другие, стал замечать, что Бингли предпочитает Вашу сестру всем молодым женщинам в местном обществе. Однако до самого бала в Незерфилде мне не приходило в голову, что между ними может возникнуть серьезная привязанность. Мой друг и прежде влюблялся у меня на глазах. И только на этом балу, когда я имел честь танцевать с Вами, я из случайного замечания сэра Уильяма Лукаса впервые понял, что склонность Бингли к мисс Беннет породила всеобщие надежды на брак между ними. Сэр Уильям говорил об этом, как о решенном деле, — нужно было, казалось, только назначить день свадьбы. С этой минуты я стал присматриваться к поведению моего друга. Только тогда я обнаружил, что его чувство к мисс Беннет

намного превосходит все его прежние увлечения. Не менее внимательно я наблюдал за Вашей сестрой. Ее манеры и поведение казались, как всегда, приветливыми, веселыми и непосредственными и не давали ни малейшего повода думать, что ее сердце задето сколько-нибудь серьезно. Приглядываясь к ней в течение всего вечера, я пришел к выводу, что мисс Беннет охотно принимает ухаживания мистера Бингли, но сама не питает к нему глубокого чувства. Коль скоро Ваши сведения говорят о другом, по-видимому, я ошибся. Вы знаете Вашу сестру лучше, и поэтому так оно, вероятно, и есть. Вследствие моего ошибочного вывода я нанес Вашей сестре душевную рану, и Ваше негодование представляется вполне обоснованным. Но я не хочу упустить возможность отчасти оправдаться, заметив, что Ваша сестра удивительно хорошо владела собой, и своим безмятежным видом позволяла самому проникательному наблюдателю считать, что, несмотря на мягкость характера, она обладает достаточно защищенным сердцем. Разумеется, мне хотелось прийти к заключению о ее безразличии к мистеру Бингли. Но смею утверждать, что мои наблюдения и выводы не часто зависят от моих желаний и опасений. И я решил, что сердце ее свободно, вовсе не потому, что меня это больше устраивало. Такой вывод я сделал с беспристрастностью столь же искренней, каким было мое желание, чтобы он подтвердился. Доводы против предполагавшегося брака не ограничивались теми, которые я привел Вам вчера, говоря о страсти, преодолевшей их, когда дело коснулось меня самого. Неравенство происхождения для моего друга играло меньшую роль, чем для меня. Однако существовали и другие препятствия. Эти препятствия существуют и поныне. Они в равной степени относятся ко мне и к моему другу, но я на них попытался закрыть глаза, пользуясь тем, что в последнее время они не привлекали моего внимания. Об этих препятствиях я все же должен вкратце упомянуть. Низкое общественное положение Вашей родни с материнской стороны значит весьма немного по сравнению с полным отсутствием такта, столь часто обнаруживаемым миссис Беннет и Вашими тремя младшими сестрами, а по временам даже Вашим отцом. Простите меня, мне тяжело наносить Вам еще одну обиду. Но, сожалея о слабостях Ваших близких и негодуя на меня за то, что я говорю о них в этом письме, постарайтесь утешить себя мыслью, что Вы сами, так же как Ваша старшая сестра, не заслуживаете ни малейшего упрека в том же роде и своим поведением постоянно свиде-

тельствуете о присущем Вам вкусе и уме. Остается добавить, что все происшедшее в этот вечер в Незерфилде позволило мне составить окончательное мнение о присутствовавших и побудило меня гораздо горячее, чем я готов был к этому прежде, предостеречь моего друга против столь неудачной, с моей точки зрения, женитьбы. На следующий день он уехал из Незерфилда в Лондон, с тем чтобы, как Вы, несомненно, помните, вскоре вернуться.

Сейчас я должен Вам рассказать о моей роли в этой истории. Его сестры были встревожены так же сильно, как и я. Совпадение наших взглядов выяснилось достаточно быстро. И в равной степени убежденные, что необходимость повлиять на мистера Бингли требует от нас безотлагательных действий, мы вскоре решили последовать за ним в Лондон. Мы переехали в город, и там я постарался открыть своему другу глаза на все отрицательные стороны сделанного им выбора. Я обрисовал и подчеркнул их со всей серьезностью. Но хотя мои настояния и могли несколько пошатнуть его решимость и на какое-то время задержать осуществление его первоначальных намерений, я все же не думаю, чтобы они в конце концов предотвратили его женитьбу, если бы вслед за тем, — я решился на это без колебаний, — я не убедил Бингли в безразличии к нему Вашей сестры. Перед тем он был уверен, что она отвечает ему искренним чувством, хоть и не равным его собственному. Но мой друг обладает природной скромностью и доверяет моим суждениям больше, чем своим. Доказать ему, что он обманывается, было поэтому нетрудно. А как только он с этим согласился, убедить его не возвращаться в Хартфордшир стало делом одной минуты. Я не могу осуждать себя за все, что было мною совершено до этого времени. В этой истории я вспоминаю с неудовольствием лишь об одном своем поступке. Чтобы скрыть от Бингли приезд в Лондон мисс Беннет, пришлось пойти на некоторую хитрость. О ее приезде знали я и мисс Бингли. Сам он до сих пор не имеет об этом ни малейшего представления. Возможно, они могли бы встретиться без нежелательных последствий. Однако я боялся, что Бингли еще недостаточно преодолел свое чувство и что оно вспыхнет в нем с новой силой, если он снова ее увидит. Быть может, мне не следовало участвовать в этом обмане. Но дело сделано, притом из лучших побуждений. Я сказал по этому поводу все, и мне нечего добавить в свое оправдание. Если я и причинил боль Вашей сестре, я допустил это не

намеренно. И если мотивы, которыми я руководствовался, не покажутся Вам убедительными, я не вижу, почему я должен был их отвергнуть.

По поводу второго, более тяжкого обвинения,— в нанесении ущерба мистеру Уикхему,— я могу оправдаться, лишь рассказав Вам о его связях с нашей семьей. В чем именно он меня обвиняет, мне неизвестно. Но достоверность того, что я Вам сейчас сообщу, может быть подтверждена не одним свидетелем, в правдивости которых нельзя усомниться.

Мистер Уикхем — сын уважаемого человека, который в течение многих лет управлял хозяйством поместья Пемберли и чье превосходное поведение при выполнении этих обязанностей, естественно, побудило моего отца позаботиться о вознаграждении. Свою доброту он обратил на Джорджа Уикхема, который приходился ему крестником. Мой отец оплачивал его обучение сперва в школе, а затем в Кембридже. Помощь эта была особенно существенной, так как Уикхем-старший, прозябавший в нужде из-за расточительности своей жены, был не в состоянии вырастить сына образованным человеком. Мистер Дарси не только любил общество юноши, манеры которого всегда были подкупающими, но имел о нем самое высокое мнение и, надеясь, что он избрет духовную карьеру, хотел помочь его продвижению на этом поприще. Что касается меня самого, то прошло уже немало лет с тех пор, как я начал смотреть на него другими глазами. Порочные наклонности и отсутствие чувства долга, которые он всячески скрывал даже от лучших друзей, не могли ускользнуть от взора человека почти одинакового с ним возраста, к тому же имевшего, в отличие от моего отца, возможность наблюдать за Уикхемом-младшим в минуты, когда тот становился самим собой. Сейчас я вынужден снова причинить Вам боль — не мне судить, насколько сильную. Но какими бы ни были чувства, которые Вы питаете к мистеру Уикхему, предположение об их характере не помешает мне раскрыть перед Вами его настоящий облик — напротив, оно еще больше меня к этому побуждает. Мой незабвенный отец скончался около пяти лет тому назад. Его привязанность к мистеру Уикхему оставалась до самого конца настолько сильной, что в своем завещании он особо уполномочивал меня позаботиться о будущем молодого человека, создав ему самые благоприятные условия на избранном им жизненном пути и предоставив ему, в случае если он станет священником, подходящий церковный приход

сразу же, как только этот приход освободится. Кроме того, ему была завещана тысяча фунтов. Отец юноши не надолго пережил моего. Через полгода мистер Уикхем написал мне о своем твердом решении отказаться от священнического сана. При этом он предполагал, что мне не покажется необоснованной его надежда получить компенсацию взамен ожидавшейся им привилегии, которую он тем самым утрачивал. По его словам, он возымел желание изучить юриспруденцию, а я, конечно, не мог не понять, что тысячи фунтов для этого недостаточно. Мне очень хотелось поверить искренности его намерений, хотя не могу сказать, что это мне вполне удалось. Тем не менее я сразу согласился с его предложением, так как отлично понимал, насколько мистер Уикхем не подходит для роли священника. Дело, таким образом, быстро уладилось: он отказывался от всякой помощи в духовной карьере,— даже в том случае, если бы в будущем у него возникла возможность такую помощь принять,— и получал взамен три тысячи фунтов. На этом, казалось бы, всякая связь между нами прерывалась. Я был о нем слишком плохого мнения, чтобы приглашать его в Пемберли или искать его общества в столице. Насколько я могу предполагать, он жил главным образом в Лондоне, однако изучение юриспруденции так и осталось для него только предлогом. Ничем более не сдерживаемый, он повел жизнь праздную и разгульную. На протяжении трех лет я почти ничего о нем не слышал. Но когда священник в ранее предназначавшемся для него приходе скончался, он написал мне письмо с просьбой оставить этот приход за ним. Как он сообщал,— и этому нетрудно было поверить,— он находился в самых стесненных обстоятельствах. Изучение юриспруденции ничего ему не дало, и, по его словам, он теперь твердо решил принять духовный сан, если я предоставлю ему приход — в последнем он нисколько не сомневался, так как хорошо знал, что мне не о ком больше заботиться и что я не мог забыть волю моего досточтимого родителя. Едва ли вы осудите меня за то, что я не выполнил его просьбы, так же как отверг все позднейшие подобные притязания. Его негодование было под стать его бедственному положению, и он нимало не стеснялся поносить меня перед окружающими, так же как выражать свои упреки мне самому. С этого времени всякое знакомство между нами было прекращено. Как протекала его жизнь — мне неизвестно. Но прошлым летом он снова неприятнейшим образом напомнил мне о своем существовании.

Здесь я должен коснуться обстоятельства, которое мне бы хотелось изгладить из собственной памяти. Лишь очень серьезный повод, побудивший меня написать Вам это письмо, служит причиной того, что я решился кому-то о нем поведать. Сказав это, я не сомневаюсь, что Вы навсегда сохраните его в тайне. Опека над моей сестрой, которая моложе меня на десять лет, была разделена между мною и племянником моей матери, полковником Фицуильямом. Около года назад мы забрали сестру из школы и устроили ее сперва в Лондоне, а прошлым летом — вместе с присматривавшей за ней дамой — в Рэмсгейте. Там же, несомненно, со злым умыслом, поселился и мистер Уикхем. Ибо, как впоследствии обнаружилось, миссис Янг, в характере которой мы жестоко обманулись, знала его еще в давние времена. При попустительстве этой дамы ему удалось настолько расположить к себе Джорджиану, в нежном сердце которой сохранилась привязанность к нему, возникшая в ее детские годы, что она вообразила себя влюбленной и согласилась совершить с ним побег. В ту пору ей было всего пятнадцать лет — это может ей служить оправданием. Признав ее легкомыслие, я счастлив добавить, что сведениями о готовившемся побеге обязан ей самой. Я приехал к ней неожиданно за день или за два до назначенного срока, и тогда Джорджиана, будучи не в силах огорчить и оскорбить брата, на которого смотрела почти как на отца, во всем мне призналась. Что я при этом пережил и как поступил, вы легко можете себе представить. Забота о чувствах и добром имени сестры не допускала открытого разоблачения. Но я сразу написал мистеру Уикхему, который незамедлительно покинул эти места. И, разумеется, я отказался от дальнейших услуг миссис Янг. Мистера Уикхема, несомненно, прежде всего интересовало приданое сестры, равное тридцати тысячам фунтов. Однако я не могу избавиться от мысли, что его сильно соблазняла также возможность выместить на мне свою злобу. Он отомстил бы мне, в самом деле, с лихвой. Такова, сударыня, правдивая история всех отношений, связывающих нас с этим человеком. И если Вы хоть немного ей поверите, надеюсь, с этих пор Вы не будете меня обвинять в жестокости к мистеру Уикхему. Мне неизвестно, с помощью какого обмана он приобрел Ваше расположение, но, быть может, его успеху не следует удивляться. Не имея никаких сведений о каждом из нас, Вы не могли уличить его во лжи, а подозрительность — не в Вашей натуре.

Вам, пожалуй, покажется странным, что я не рассказал всего этого вчера вечером. Но в ту минуту я не настолько владел собой, чтобы решить — вправе ли я и должен ли раскрыть перед Вами все здесь изложенное. Достоверность моих слов может Вам подтвердить полковник Фицуильям. Наше родство и полная взаимная откровенность, а тем более наша совместная опека над Джорджианой неизбежно вводили его в курс всех событий. Если неприязнь ко мне обесценивает в Ваших глазах всякое мое слово, подобная причина не помешает Вам поверить моему кузену. И для того, чтобы Вы имели возможность его расспросить, я попытаюсь найти способ передать Вам это письмо в течение сегодняшнего утра. Я добавляю к этому только: да благословит Вас господь!

Фицуильям Дарси»

ГЛАВА XIII

Хотя Элизабет, взяв письмо у мистера Дарси, вовсе не думала, что в этом письме он опять попросит ее руки, ей все же не приходило в голову, о чем он еще мог бы ей написать. Поэтому нетрудно понять, с какой жадностью прочла она заключенные в нем объяснения и какие противоречивые отклики вызвали они в ее душе. Ее чувствам в эти минуты едва ли можно было найти точное определение. С изумлением отметила она для себя вначале, что Дарси надеется как-то оправдаться в своих поступках. И она не сомневалась, что у него не могло быть истинных мотивов, в которых не постыдился бы сознаться любой порядочный человек. С сильнейшим предубеждением против всего, что он мог бы сказать, приступила она к его рассказу о том, что произошло в Незерфилде. Торопливость, с которой она проглатывала строку за строкой, едва ли позволяла ей вникнуть в смысл того, что она уже успела прочесть, и от нетерпения узнать, что содержится в следующей фразе, она была неспособна как следует понять предыдущую. Прежде всего ей показалось фальшивым утверждение Дарси, что он не заметил в Джейн серьезного ответного чувства по отношению к Бингли. Перечень вполне реальных и серьезных возражений против предполагавшейся партии возмутил ее настолько сильно, что она уже

Вид пригорода Бата.

была не в состоянии справедливо оценивать его слова. Он не жалел о случившемся в той мере, какой она была вправе от него требовать. Его слова выражали не раскаяние, а самодовольство. Все письмо было лишь проявлением высокомерия и гордости.

Но чувства ее пришли в еще большее расстройство и стали более мучительными, когда от этого рассказа она перешла к истории мистера Уикхема. С несколько более ясной головой она прочла о событиях, которые, если только их описание было правдивым, совершенно опрокидывали всякое доброе суждение об этом молодом человеке — и в то же время это описание удивительно напоминало историю, изложенную самим Уикхемом. Изумление, негодование, даже ужас охватили ее. Беспреестанно повторяя: «Это неправда! Не может этого быть! Гнусная ложь!» — она пыталась отвергнуть все, с начала до конца. Пробежав глазами письмо и едва осознав содержание одной или двух последних страниц, она поспешно сложила листки, стараясь уверить себя, что ей нечего обращать на него внимание и что она больше никогда в него не заглянет.

В душевном смятении, неспособная сосредоточиться, она попробовала немного пройтись. Но это не помогло.

Через полминуты она снова развернула письмо и, стараясь взять себя в руки, перечитала ту его часть, в которой разоблачалось поведение Уикхема. Ей удалось настолько овладеть собой, что она смогла вникнуть в смысл каждой фразы. Сведения об отношениях Уикхема с семьей Дарси полностью соответствовали словам Уикхема. В обеих версиях также совпадали упоминания о щедрости покойного мистера Дарси, хотя раньше Элизабет не знала, в чем она проявлялась. До сих пор один рассказ только дополнялся другим. Но когда она прочла про завещание, различие между ними стало разительным. Она хорошо запомнила слова Уикхема о завещанном ему приходе и, восстановив их в памяти, не могла не понять, что одна из двух версий содержит грубый обман. В первые минуты Элизабет еще надеялась, что чутье подсказало ей правильный выбор. Но, перечитав несколько раз самым внимательным образом то место, где подробно рассказывалось о безоговорочном отказе Уикхема от прихода и о полученном им значительном возмещении в сумме трех тысяч фунтов, она начала колебаться. Не глядя на письмо и стараясь быть беспристрастной, она взвесила правдоподобность каждого обстоятельства, но это не помогло. С обеих сторон были одни голословные утверждения. Она снова принялась за чтение. И с каждой строчкой ей становилось все яснее, что история, в которой, как ей думалось прежде, поведение мистера Дарси не могло быть названо иначе чем бесчестное, могла вдруг обернуться таким образом, что оно оказалось бы вполне безупречным.

Обвинение Уикхема в расточительности и распущенности поразило ее сильнее всего — тем более что она затруднялась найти доказательство несправедливости подобных упреков. Она ничего не слышала об Уикхеме до того, как он поступил в ***ширский полк по рекомендации случайно встретившегося с ним на улице едва знакомого молодого человека. О его прежней жизни никому из ее близких ничего не было известно, кроме того, что он сам о себе рассказывал. Да и едва ли, даже если бы Элизабет могла это сделать, ей пришлось бы в голову выяснять, что он в действительности собой представляет. Его внешность, голос, манеры сразу создавали впечатление, что ему присущи все добродетели. Она попыталась восстановить в памяти какой-нибудь его благородный поступок, какую-нибудь отличительную черту, которая бы доказывала его порядочность и опровергала нападки на него мистера Дарси. Или хотя бы вспомнить о каком-либо

хорошем качестве, которое показалось бы несовместимым с приписываемыми ему Дарси годами праздной и порочной жизни. Но ничего подобного припомнить она не могла. Ей было легко представить его себе во всем очаровании его манер и наружности. Но ей не удавалось восстано-вить в памяти ничего говорившего в его пользу, кроме всеобщего одобрения знакомых и симпатии, которую он вызывал своей внешностью. После продолжительных раз-мышлений Элизабет снова взялась за письмо. Но, увы, следовавшее дальше описание его попытки соблазнить мисс Дарси как-то перекликалось с происшедшим накануне разговором между Элизабет и полковником Фицуильямом. И вдобавок ей предлагалось обратиться за подтверждением всех подробностей к самому полковни-ку, от которого она еще раньше слышала, что он пол-ностью осведомлен о жизни мисс Дарси, и порядочность которого не вызвала сомнений. В какой-то момент она и вправду вознамерилась расспросить его, но ее остано-вила мысль о щекотливости темы, которую нужно было затронуть, и она окончательно от этого отказалась, сообра-зив, что мистер Дарси едва ли рискнул бы сослаться на кузена, не будучи вполне уверен в его поддержке.

Она прекрасно помнила все подробности своего раз-говора с Уикхемом во время их первой встречи в доме у мистера Филипса. Многие его выражения были еще свежи в ее памяти. И Элизабет внезапно осознала, насколько неуместно было со стороны Уикхема рассказывать о по-добных вещах ей — едва знакомому тогда для него че-ловеку, и удивилась, что эта простая мысль прежде не при-ходила ей в голову. Она ясно увидела, как неприлично вел себя Уикхем, стараясь всюду обратить на себя внима-ние. Его утверждения не согласовались с его поступками. Ей припомнилось, как он хвастался, что ему нечего бояться встречи с мистером Дарси и что пусть-де мистер Дарси сам покинет эти места, а он и не подумает уезжать. И, вместе с тем, он не посмел явиться на бал в Незерфилде всего через неделю после этого разговора! Она вспомнила, что до отъезда незерфилдской компании из Хартфордшира он не рассказывал своей истории никому, кроме нее. Зато после их отъезда эту историю узнали решительно все. Стремясь опорочить мистера Дарси, он не брезговал ничем. И в то же время, говоря ей о своей преданно-сти памяти Дарси-отца, утверждал, что эта преданность не позволяет ему плохо говорить о сыне своего благо-детеля.

Как изменился теперь в ее глазах каждый поступок мистера Уикхема! Ухаживание за мисс Кинг объяснялось не чем иным, как его низкой расчетливостью,— незначительность ее приданого вовсе не говорила об умеренности его притязаний, а только о готовности прельститься любой приманкой. Его отношение к самой Элизабет уже не оправдывалось достойными мотивами: он либо заблуждался относительно ее средств, либо тешил свое тщеславие, поддерживая в ней склонность, которую она, по ее мнению, неосторожно обнаружила. Попытки Элизабет защитить Уикхема становились слабее и слабее. А по мере оправдания мистера Дарси она не могла не припомнить, что Бингли еще давно, в ответ на заданный ему Джейн вопрос, выразил уверенность в безукоризненном поведении своего друга в отношении Уикхема; что, несмотря на свои высокомерные и отталкивающие манеры, на протяжении всего их знакомства, которое в последнее время так их сблизило, открыв ей его сокровеннейшие тайны, Дарси ни разу не совершил поступка, который позволил бы обвинить его в несправедливости и недобросовестности или говорил бы о его порочных наклонностях; что среди круга своих знакомых он пользовался всеобщим почетом и уважением; что даже Уикхем отзывался о нем как о самом преданном брате и что ей не раз приходилось слышать, с какой любовью Дарси говорил о своей сестре, доказывая тем самым свою способность испытывать нежные чувства; что приписываемая ему Уикхемом постыдная несправедливость едва ли могла долго оставаться неразоблаченной; и что, наконец, дружба между человеком, который мог бы на это решиться, с таким славным юношей, как мистер Бингли, представлялась просто невероятной.

Ей стало бесконечно стыдно за свое поведение. Она не могла думать о Дарси или об Уикхеме, не отдавая себе отчета в своей слепоте, предубежденности, несправедливости, глупости.

— Как позорно я поступила! — воскликнула она. — Я, так гордившаяся своей проницательностью и так полагававшаяся на собственный здравый смысл! Так часто смеявшаяся над доброжелательством моей сестры и питавшая свое тщеславие столь постыдной и неоправданной неприязнью! Как унижает меня это открытие! И как справедливо я унижена! Если бы я даже влюбилась, я и тогда не оказалась бы столь слепой. Но тщеславие, а не любовь лишили меня зрения! Польщенная при первом знакомстве предпочтением одного человека и оскорбленная пренебре-

жением другого, я руководствовалась предрассудками и невежеством и гнала от себя разумные доводы, как только дело касалось любого из них! Вот когда мне довелось в себе разобраться!

По мере того как она переходила в мыслях от себя к Джейн и от Джейн к Бингли, ей должно было прийти в голову, что в этой части объяснения Дарси представлялись совершенно неубедительными. Она прочла их опять. Теперь они показались ей совсем не такими, как после первого чтения. Признавая основательность рассуждений Дарси в одной части письма, могла ли она отвергнуть ее в другой? По его словам, он даже не подозревал, насколько сильно Джейн была влюблена в его друга. И она не могла не вспомнить, какого мнения по этому поводу придерживалась Шарлотта, так же как не могла отрицать, что описанное им поведение Джейн соответствовало действительности. Она и вправду сознавала, что чувство Джейн, каким бы оно ни было глубоким на самом деле, внешне было мало заметно и что свойственные сестре самообладание и уравновешенность не часто сочетаются с сильными душевными порывами.

Когда она дошла до того места, где сурово и вместе с тем заслуженно осуждались недостатки ее родных, переживаемое ею чувство стыда стало еще острее. Она слишком хорошо понимала справедливость высказанных в письме упреков, чтобы пытаться их опровергнуть. Все подробности незерфилдского бала, о которых упоминал Дарси и которые укрепили в нем неблагоприятное отношение к предполагавшемуся браку, едва ли сохранились в ее памяти слабее, чем в его собственной.

Комплимент по адресу двух старших мисс Беннет не прошел незамеченным. Он смягчил, но не утолил боль, вызванную недостойным поведением остальных членов семьи. Ей стало очевидно, что сердце Джейн разбито стараниями ее родни, и, представив себе весь ущерб во мнении света, который наносился ей и ее сестре поведением их близких родственников, Элизабет почувствовала себя такой несчастной, какой не бывала никогда в жизни.

Она бродила по тропинке еще около двух часов, вновь и вновь возвращаясь к волновавшим ее мыслям, перебирая события, оценивая их значение и стараясь привыкнуть к столь резкой и неожиданной перемене собственных взглядов. Наконец усталость и сознание того, что ее отсутствие затянулось слишком надолго, заставили ее направиться к Хансфорду. Она вошла в дом, стараясь принять обычный

веселый вид и выбросить из головы все, что мешало бы ей участвовать в домашних беседах.

Сразу по приходе ей сообщили, что оба джентльмена из Розингса, один за другим, навестили пасторский домик во время ее отсутствия. Мистер Дарси зашел только на несколько минут попрощаться. Зато полковник Фицуильям просидел не меньше часа, надеясь дожждаться ее возвращения, и чуть было не отправился разыскивать ее в парке. Элизабет могла только изобразить сожаление по поводу того, что ей не удалось его повидать,— на самом же деле она этому даже радовалась. Полковник Фицуильям перестал для нее существовать. Она способна была думать лишь о полученном письме.

ГЛАВА XIV

ба джентльмена уехали из Розингса на следующее утро. Мистер Коллинз, поджидавший их у калитки, дабы отвесить им прощальный поклон, явился в дом с радостной вестью об их добром здоровье, а также настолько хорошим расположении духа, насколько это было возможно после недавней печальной разлуки, и устремился в Розингс, чтобы утешить леди Кэтрин и мисс де Бёр. По возвращении он с большим удовольствием сообщил, что, по словам ее светлости, она страдает от невыносимой скуки и очень желала бы видеть их сегодня же у себя за обедом.

Глядя на леди Кэтрин, Элизабет не могла не подумать, что при желании она была бы сейчас представлена ее светлости в качестве будущей племянницы. И когда она вообразила, как бы при этом разгневалась столь важная особа, ей было трудно удержаться от улыбки. «Интересно, что бы она сейчас говорила и как бы себя вела?» — развлекала себя подобными вопросами Элизабет.

Разговор с самого начала коснулся отъезда из Розингса племянников леди Кэтрин.

— Поверьте, — говорила она, — их отъезд глубоко разбедрил мою душу. Едва ли кто-нибудь переживает разлуку с друзьями так глубоко. А к этим молодым людям я питаю особую склонность. И они столь же привязаны ко мне! Если бы вы знали, с какой грустью покидали они мой дом! Так бывает с ними всегда. Бедный полковник сдерживал свои чувства до последней минуты, но Дарси

переживал разлуку, пожалуй, тяжелее, чем в прошлом году. Его привязанность к Розингу стала еще сильнее.

На этот случай у мистера Коллинза был припасен комплимент, содержащий известный намек, который мать и дочь встретили одобрительными улыбками.

После обеда леди Кэтрин заметила, что мисс Беннет слегка расстроена, и тут же объяснила это ее нежеланием в скором времени возвращаться домой.

— Но если дело лишь в этом, вы должны попросить у вашей матушки разрешения задержаться чуть-чуть подольше. Миссис Коллинз, я уверена, будет рада вашему обществу.

— Я очень благодарна вашей светлости за столь любезное приглашение,— ответила Элизабет.— Но, к сожалению, мне невозможно его принять. В следующую субботу я должна уже быть в Лондоне.

— Но тогда ваше пребывание в Кенте продлится всего-навсего шесть недель! Я была уверена, что вы проживете два месяца. Миссис Коллинз слышала это от меня еще перед вашим приездом. Вам нет нужды возвращаться так скоро. Надеюсь, миссис Беннет обойдется две недели без вас.

— Да, но без меня не сможет обойтись мой отец. На днях он просил меня поторопиться с приездом.

— Ну, отцу-то вы наверняка не очень нужны, коли вы не нужны вашей матери. Дочери всегда мало значат для отцов. А если вы задержитесь на месяц, мне бы ничего не стоило одну из вас довести до самого Лондона — я собираюсь туда на неделю в начале июня. Так как Доусон ничего не имеет против четырехместной коляски, у меня будет место для одной из девиц. А если погода будет не жаркой, я согласилась бы даже взять обеих — вы ведь такие худенькие.

— Вы необыкновенно добры, ваша светлость. Но боюсь, нам придется придерживаться нашего первоначального плана.

Леди Кэтрин, по-видимому, решила уступить.

— Миссис Коллинз, вам придется послать с ними слугу. Вы знаете, я всегда высказываю свое мнение прямо. Я не могу допустить, чтобы девицы путешествовали на почтовых лошадях, предоставленные самим себе,— это попросту неприлично! Вы должны кого-нибудь найти,— больше всего на свете я не терплю подобных вещей. Молодые женщины, сообразно их положению в обществе, всегда требуют надлежащего внимания и надзора. Когда

моя племянница Джорджиана прошлым летом переезжала в Рэмсгейт, я потребовала, чтобы с нею поехали два человека. Для мисс Дарси, дочери мистера Дарси из Пемберли и леди Энн, появиться без них было бы невозможно. Во всех подобных вопросах я весьма щепетильна. Вам следует послать Джона с юными леди, миссис Коллинз. И я очень рада, что мне пришло в голову об этом упомянуть, — вы поступили бы опрометчиво, отпустив их одних.

— Мой дядя должен прислать за нами слугу.

— Ах, вот как, ваш дядя? Он держит слугу — мужчину, не так ли? Я рада, что у вас есть хоть кто-нибудь, кто может подумать об этих вещах. А где вы будете менять лошадей? Разумеется, в Бромли. Вам достаточно назвать мое имя в «Колоколе», и о вас непременно позаботятся.

У леди Кэтрин было еще немало замечаний по поводу их поездки, и, так как не на все свои вопросы отвечала она сама, к ним все же приходилось прислушиваться. Элизабет могла этому только радоваться, ибо в любую минуту была способна погрузиться в собственные мысли и забыть, где она находится. Мысли эти следовало отложить до свободного времени — в одиночестве она была готова отдаться им целиком. И она ежедневно отправлялась одна на прогулку, в течение которой получала полную возможность предаваться своим печальным раздумьям.

Письмо мистера Дарси она выучила почти наизусть. Элизабет обдумала в нем каждую фразу, и ее чувства по отношению к автору в разные моменты были самыми противоречивыми. Когда она припоминала тон, которым он говорил, предлагая ей руку, душа ее по-прежнему была полна негодования, но при мысли о том, как грубо и несправедливо она его обвинила и оттолкнула, весь ее гнев сосредоточивался на ней самой, а его обманутые надежды находили отклик в ее сердце. Его привязанность заслуживала благодарности, а характер — уважения. И все же он был ей по-прежнему неприятен, — она ни минуты не жалела о своем отказе и вовсе не испытывала желания еще раз его увидеть. Собственное ее прежнее поведение служило для Элизабет постоянным поводом для недовольства собой. Еще большую муку вызывали в ней мысли о слабостях ее близких. Не было даже надежды, что они когда-нибудь будут преодолены. Отец, которому доставляло удовольствие смеяться над младшими дочками, никогда не возьмет на себя труд обуздать их легкомыслие. А ее матери, собственные манеры которой были далеки от совершенства, даже и в голову не приходило, что с млад-

шими дочками не все обстоит благополучно. Элизабет и Джейн нередко пытались хотя бы немного образумить Кэтрин и Лидию. Но разве они могли надеяться на успех, не встречая поддержки со стороны миссис Беннет? Раздражительная и слабохарактерная Кэтрин, полностью находившаяся под влиянием младшей сестры, в ответ на замечания Джейн и Элизабет лишь обижалась. А своевольная и беззаботная Лидия вообще не обращала на них внимания. Обе младшие сестры были невежественны, ленивы и тщеславны. Было ясно, что они не перестанут кокетничать, пока в Меритоне останется хоть один офицер, а так как прогулка из Лонгборна в Меритон не составляла труда, им предстояло бегать туда до скончания века.

Другим источником ее постоянных огорчений были мысли о Джейн. Письмо мистера Дарси восстановило первоначальное доброе мнение Элизабет о Бингли и усилило значение утраты, понесенной ее сестрой. Его привязанность оказалась глубокой, а упреки его поведению — необоснованными, если только не считать недостатком слепое доверие к другу. Как грустно было сознавать, что столь прекрасная партия, благоприятная во всех отношениях и обещавшая такую счастливую жизнь ее сестре, расстроилась из-за глупости и бестактности ее ближайших родственников!

Если ко всем этим обстоятельствам добавить разоблачение подлинного облика Уикхема, нетрудно понять, что, вопреки обычно присущей ей жизнерадостности, она чувствовала себя угнетенной и с трудом могла сохранить на лице сколько-нибудь веселое выражение.

На протяжении последней недели пребывания у Коллинзов они навещали Розингс столь же часто, как в первую неделю после прибытия в Хансфорд. Самый последний вечер перед отъездом они тоже провели в гостях у леди Кэтрин. В течение этого вечера ее светлость осведомилась решительно обо всех мелочах, связанных с их путешествием, растолковала, как им лучше всего упаковать свои вещи, и с такой решительностью потребовала, чтобы платья были уложены по ее, единственно правильному, способу, что Мария сочла себя обязанной по возвращении переделать все сделанное утром и уложить свой сундучок заново.

На прощанье леди Кэтрин весьма снисходительно пожелала им счастливого пути, пригласив навестить Хансфорд следующей весной, а мисс де Бёр дала себе труд сделать книксен и каждой из них протянуть руку.

субботу утром мистер Коллинз, встретив Элизабет за несколько минут до того, как все собрались к завтраку, воспользовался случаем, чтобы рассыпаться перед ней в совершенно обязательных, на его взгляд, прощальных любезностях.

— Я, мисс Элизабет, не знаю, — сказал он, — говорила ли вам уже миссис Коллинз, насколько она была тронута вашей готовностью нас навестить. Но я убежден, что вы не покинете этот дом, не выслушав подобающих выражений ее признательности. Вашим обществом, смею вас уверить, здесь необыкновенно дорожили. Мы, конечно, сознаем, сколь мало привлекательного можно найти в этом скромном обиталище. Простой образ жизни, небольшие комнаты, немногочисленная прислуга и ограниченный круг знакомств делают Хансфорд крайне скучным местом для юной особы вашего склада. Но вы, я надеюсь, поверите, что мы очень высоко оценили вашу снисходительность и попытались сделать все от нас зависящее, чтобы жизнь в этом доме не оказалась вам в тягость.

Элизабет поблагодарила его, сказав, что очень довольна пребыванием в Хансфорде. Эти шесть недель доставили ей много радости. Удовольствие, которое она испытывала, находясь в обществе Шарлотты, так же как и оказанное ей большое внимание, заставляют, напротив, именно ее чувствовать себя в долгу перед хозяевами дома. Мистер Коллинз был удовлетворен ее ответом и произнес с еще более самодовольной улыбкой:

— Я с величайшим удовольствием услышал, что вы провели здесь время не без приятности. Мы старались, как могли. А принимая во внимание счастливую возможность ввести вас в высшее общество благодаря нашим связям с Розингсом и тем самым столь часто оживлять однообразие домашней жизни, я льщу себя надеждой, что визит в Хансфорд и в самом деле не показался вам совершенно невыносимым. Близость к семье леди Кэтрин действительно является необыкновенно счастливым преимуществом нашего положения, равным которому могут похвастаться немногие. Вы знаете теперь, как коротко мы знакомы, и видели, сколь часто нас туда приглашают. И, по правде говоря, при всех недостатках этой скромной обители, никто, на мой взгляд, из здесь живущих и пользующихся вместе с нами благами этой близости не нуждается в сострадании.

Будучи не в силах выразить переполнявшие его возвышенные чувства, он стал расхаживать по комнате, в то время как Элизабет попыталась совместить искренность и учтивость в нескольких коротких ответных фразах.

— По приезде домой, дорогая кузина, вы сможете наилучшим образом охарактеризовать нашу жизнь. Мне бы хотелось, по крайней мере, так думать. Изо дня в день вы были свидетельницей многочисленных знаков внимания, оказанных миссис Коллинз со стороны леди Кэтрин. Я нахожу, что судьбу вашей подруги нельзя считать несчастливой... Впрочем, лучше об этом умолчим. Позвольте мне только заверить вас, дорогая мисс Элизабет, что я от всего сердца желаю и вам столь же счастливого замужества. Мы с моей дорогой Шарлоттой смотрим на все как бы одними глазами и одинаково обо всем думаем. Наши характеры и взгляды необыкновенно похожи, и мы, должно быть, созданы друг для друга.

Элизабет могла сказать, не кривя душой, что в таких случаях жизнь складывается очень счастливо, и с равной искренностью выразила убеждение, что мистер Коллинз доволен своим домашним очагом. Она, однако, не была огорчена, когда ее ответ прервало появление леди, которой он был обязан окружающими его удобствами. Бедная Шарлотта! Как грустно было оставлять ее в таком обществе! Но она выбрала свою участь с открытыми глазами. И хотя Шарлотта явно была опечалена отъездом гостей, она и виду не показала, что нуждается в их сочувствии. Дом и хозяйство, церковный приход и птичник, а также все, что с этим связано, еще не утратили для нее своего очарования.

Карета была наконец подана, багаж — привязан снаружи, свертки — рассованы внутри, и было объявлено, что все готово к отъезду. После нежного прощания с подругой Элизабет направилась к экипажу в сопровождении мистера Коллинза, который, пока они шли по саду, попросил засвидетельствовать свое искреннее уважение ее семье вместе с благодарностью за гостеприимство, оказанное ему в Лонгборне прошедшей зимой, и поклонами, увы, незнакомым ему мистеру и миссис Гардинер. Затем он помог ей усесться в экипаж. Мария последовала за ней, и дверца уже было почти закрылась, когда мистер Коллинз внезапно с некоторым ужасом вспомнил, что отъезжающие ничего не попросили передать дамам из Розингса.

— Впрочем, — добавил он, — вы, разумеется, желали бы, чтобы я передал им ваше нижайшее почтение вместе с глубокой благодарностью за оказанное вам гостеприимство?

Элизабет не имела против этого никаких возражений, после чего дверце наконец дали захлопнуться, и карета тронулась.

— Боже ты мой! — воскликнула Мария после нескольких минут молчания. — Кажется, будто мы только день или два назад сюда приехали. А как много за это время произошло разных событий!

— В самом деле, порядочно, — со вздохом подтвердила ее спутница.

— Подумать только, мы девять раз обедали в Розингсе! Да еще два раза пили там чай! Сколько мне придется об этом рассказывать!

Элизабет добавила про себя: «И сколько мне придется скрывать!»

В дороге они почти все время молчали. Без всяких происшествий через четыре часа после отъезда из Хансфорда они подъехали к дому мистера Гардинера, где им предстояло провести несколько дней.

Джейн выглядела неплохо, а в ее душевном состоянии Элизабет не могла разобраться из-за множества развлечений, о которых позаботилась для них миссис Гардинер. Но сестры возвращались теперь вместе в Лонгборн, и там у Элизабет должно было найтись для наблюдений вполне достаточно времени.

Ей потребовалось некоторое усилие, чтобы сдержаться и не рассказать Джейн еще до приезда в Лонгборн о предложении мистера Дарси. Поразительная новость — столь лестная для тщеславия Элизабет, от которого ей не удавалось избавиться доводами рассудка, — настойчиво побуждала ее к откровенности. И она едва ли смогла бы с собой совладать, если бы не боялась дойти до излишних подробностей и еще больше расстроить Джейн, неосторожно упомянув о мистере Бингли.

ГЛАВА XVI

ла вторая неделя мая, когда три молодые леди, покинув Грейсчёрч-стрит, выехали в городок*** в Хартфордшире. Приближаясь к гостинице, в которой их должен был встретить экипаж мистера Беннета, они убедились в исполнителиности возницы, увидев головы Китти и Лидии, выглядывающие из окна столовой во втором этаже. Две девицы премило про-

вели в городке целый час, посетив модную лавку, поглазев на часового и приготовив салат с огурцами. После взаимных приветствий младшие сестры с торжеством показали старшим накрытый стол, уставленный обычными для гостиниц холодными закусками, восклицая при этом:

— Взгляните, как мило! Не правда ли, приятный сюрприз?!

— Мы собираемся вас угостить,— добавила Лидия,— только вы должны снабдить нас деньгами, потому что все, что у нас было, мы потратили вон в той лавке.

Тут она принялась показывать свои покупки.

— Посмотрите, какую я себе купила шляпку. Конечно, так себе. Можно было даже не покупать. Но я подумала, что с тем же успехом могу и купить. Дома я ее распорю и посмотрю, нельзя ли сделать из нее что-нибудь попригляднее.

Когда сестры нашли ее безобразной, она невозмутимо добавила:

— Там были еще две или три шляпки куда хуже, чем эта. Надо будет только прикупить яркого атласа, чтобы ее заново отделать,— тогда, мне кажется, она будет выглядеть не так плохо. А впрочем, не все ли равно, что мы станем носить летом, если полк через две недели отбудет из Меритона!

— Неужели он нас покидает? — воскликнула Элизабет, крайне обрадованная этим известием.

— Теперь они будут стоять в лагере около Брайтона. Так хочется, чтобы папа всех нас повез туда на лето! Мы бы славно там пожили, и это почти ничего бы не стоило. Мама тоже об этом мечтает. Ведь только подумайте, какая нас ждет летом скучища!

«В самом деле, очень удачная затея,— подумала Элизабет.— Как раз то, чего нам недоставало! Боже мой, это нам-то собраться в Брайтон с целым его военным лагерем, когда у нас все пошло вверх дном от захудалого полка милиции и меритонских балов, которые даются раз в месяц».

— А у меня для тебя новость,— сказала Лидия, когда все расселись вокруг стола.— Ну-ка подумай, что бы такое могло случиться, а? Отличная новость, превосходная новость — об одном человеке, который всем нам очень понравился.

Джейн и Элизабет переглянулись, и прислуживавшему лакею было дозволено удалиться.

— Очень на вас похоже! — со смехом сказала Лидия.— С вашими чинностью и благоразумием бояться,

как бы лакей чего не подслушал. Будто ему есть до этого дело! Он небось часто слышит вещи еще почище того, что я расскажу. Впрочем, он такое страшилище, что я даже рада его уходу. В жизни не видела такого длиннющего подбородка! Ну, слушайте, мои милые. Дело идет о нашем дорогом Уикхеме. Слишком хорошо для лакея, не правда ли? Так вот, Уикхем не собирается жениться на Мэри

Кинг! Как вам это нравится, а? Она укатила к своему дядюшке в Ливерпуль, притом навсегда. За Уикхема можно не беспокоиться.

— За Мэри Кинг, значит, тоже можно не беспокоиться, — сказала Элизабет. — Она избежала неразумного брака.

— Если он ей нравился, она поступила, как настоящая дура.

— Надеюсь, — сказала Джейн, — они не были слишком друг другом увлечены.

— Он-то, конечно, не был. Уикхему, я уверена, всегда было на нее наплевать. Разве эта кукла в веснушках кому-то понадобится?

Элизабет с ужасом подумала, что ее собственные взгляды, недавно казавшиеся ей свободными, хотя и не выражались столь циничным языком, были не менее циничны по существу.

Как только барышни сообща покончили с едой, а Джейн и Элизабет за нее заплатили, они попросили подать экипаж. Разместиться в нем всей компании со всеми шкатулками, сумками и пакетами, а также не слишком своевременными новыми приобретениями Китти и Лидии оказалось не так-то легко.

— Ловко мы сюда втиснулись! — воскликнула Лидия. — Я особенно рада, что купила эту шляпку. Чего стоит удовольствие запихнуть еще одну лишнюю коробку! А теперь давайте устроимся поудобнее и будем всю дорогу болтать и веселиться. Ну-ка послушаем, что новенького с вами приключилось с тех пор, как вы уехали из дому. Встретились вам какие-нибудь интересные кавалеры? А пофлиртовать вам, конечно, удалось вволю? Я даже надеялась, что одной из вас удастся до возвращения выскочить замуж. Джейн скоро будет у нас старой девой, честное слово! Ей уже почти двадцать три! Если бы я до этих лет не сумела раздобыть себе мужа, я бы сгорела со стыда! Знаете, как тетке Филипс не терпится, чтобы все мы повыходили замуж? Лиззи, по ее мнению, надо было выйти за мистера Коллинза. Я, правда, не думаю, чтобы из этого вышло что-нибудь путное. Боже мой, как бы мне хотелось выйти замуж раньше вас всех! Я бы тогда стала вывозить вас на балы! Ой, девочки, а как мы позавчера повеселились у Форстеров! Они пригласили нас с Китти на целый день. А к вечеру миссис Форстер обещала, что мы сможем немного потанцевать. Кстати, мы с миссис Форстер души друг в друге не чаем! И вот она позвала обеих сестер Харрингтон. Харриет сказалась больной,

так что пришла одна только Пен. Угадайте-ка тогда, что мы сделали? Мы нарядили Чемберлена в женское платье, чтобы он сошел за даму,— вот была умора! Об этом не знал никто, кроме полковника и миссис Форстер. Да еще меня с Китти и тетки Филипс — надо же было нам взять у нее какие-то тряпки. Вы и представить себе не можете, до чего он здорово выглядел! Когда пришли Денни, и Уикхем, и Пратт, и еще двое или трое мужчин, они его совсем не узнали. Боже, как я хохотала! И миссис Форстер тоже. Мне казалось, что я помру со смеху. Оттого-то мужчины и заподозрили что-то неладное,— и, конечно, разгадали, в чем дело.

Такого рода описаниями вечеринок и проделок Лидия, при поддержке вставлявшей изредка свои замечания Китти, пыталась развлекать своих спутниц на протяжении всего пути до Лонгборна. Элизабет старалась ее не слушать, но не могла в этой болтовне не отметить частых упоминаний об Уикхеме.

Дома их встретили необыкновенно радушно. Миссис Беннет была счастлива убедиться, что Джейн по-прежнему хороша собой. А в течение обеда мистер Беннет не раз многозначительно обращался к Элизабет со словами:

— Я рад, что ты наконец вернулась, Лиззи.

Компания за обеденным столом была очень обширной, так как почти все Лукасы прибыли встретить Марию и разузнать обо всех новостях. О чем только здесь не говорилось! Леди Лукас через весь стол расспрашивала Марию о доме и птичнике своей старшей дочери. Миссис Беннет сразу участвовала в двух разговорах, справляясь у Джейн о новинках моды и пересказывая ответы Джейн младшим мисс Лукас. А тараторившая громче всех Лидия перечисляла радости первой половины этого дня, обращаясь ко всем, кто был готов ее слушать.

— Ой, Мэри,— кричала она,— как жаль, что ты с нами не поехала! Нам было безумно весело! Сперва мы катили с закрытыми шторками,— можно было подумать, что в карете никого нет. Я была готова проехать так весь путь, если бы только Китти не почувствовала дурноты. Зато у Джорджа, я надеюсь, мы вели себя превосходно. Мы накормили приезжих самым роскошным холодным завтраком в мире. Если бы ты выбралась с нами, мы бы и тебя угостили, честное слово! Ну, а когда мы вышли из гостиницы, вот была потеха! Я думала, мы так и не сможем забраться в карету,— прямо чуть не умерла со смеху. А как мы веселились на обратном пути! Мы

разговаривали и хохотали так громко, что нас, наверно, слышали миль за десять!

Мэри ответила очень серьезно:

— Мне не к чему, дорогая сестрица, умалять значимость подобных развлечений. Они, правда, кажутся интересными большинству женщин. Но для меня, признаюсь, они лишены привлекательности. Чтение доставляет мне гораздо большее удовольствие.

Ее ответ едва ли дошел до ушей Лидии, которая редко слушала кого-нибудь дольше, чем полминуты, и никогда не обращала внимания на слова Мэри.

После обеда Лидия всячески уговаривала остальных барышень отправиться в Меритон и разузнать, как поживают их знакомые. Но против этого решительно возразила Элизабет, по мнению которой нельзя было позволить говорить про дочерей мистера Беннета, будто бы они и полдня не могут провести дома, не гоняясь за офицерами. У нее была и другая причина для возражений: ей не хотелось снова увидеть Уикхема, и она решила избегать встречи с ним как можно дольше. Поэтому ее особенно радовало предстоящее отбытие полка из Меритона. Через две недели офицеры уедут, а раз их не станет — ей больше ничто не напомнит об этом человеке.

Прошло немного времени после их приезда, когда Элизабет заметила, что план поездки в Брайтон, о котором Лидия болтала в гостинице, весьма часто обсуждается ее родителями. Ей было ясно, что отец вовсе не намерен потакать матери в этом деле. Но его ответы в то же время были настолько уклончивыми и замысловатыми, что у миссис Беннет, несмотря на все неудачи, сохранялась надежда в конце концов настоять на своем.

ГЛАВА XVII

Элизабет больше не могла противостоять желанию поделиться новостями со старшей сестрой. И на следующее утро, подготовив ее к необычному сообщению, она наконец рассказала о сцене, происшедшей между нею и мистером Дарси. Подробности, которые касались самой Джейн, она, разумеется, опустила.

Удивление Джейн, однако, продолжалось недолго. Она ценила Элизабет так высоко, что всякая склонность к ней

кого бы то ни было представлялась ей вполне естественной. А некоторое время спустя она и вовсе перестала удивляться услышанному, будучи поглощена уже совсем иными мыслями. Ее искренне огорчало, что мистер Дарси выразил свое чувство столь неподобающим образом. Однако еще сильнее ее тревожила мысль о том, как тяжело он должен был переживать отказ Элизабет.

— Его излишняя самоуверенность была, разумеется, неуместна,— сказала она.— И ему, конечно, не следовало ее обнаруживать. Но только подумай, насколько острее было при этом его разочарование.

— Что ж, я и в самом деле сочувствую ему всей душой,— ответила Элизабет.— Но надеюсь, что другие свойства его характера помогут ему избавиться от привязанности ко мне достаточно быстро. Ты ведь не осуждаешь меня за то, что я ему отказала?

— Осуждать тебя?! Разумеется, нет!

— А за то, что я так защищала Уикхема?

— Я не понимаю, почему бы тебе за него не вступиться.

— Ну так ты это поймешь, узнав, что случилось на другой день.

И она рассказала сестре про письмо, передав ей содержание той его части, которая касалась Джорджа Уикхема. Легко представить, как это разоблачение расстроило бедную Джейн, которая была готова пройти свой земной путь, убежденная, что всему человечеству свойственно меньше пороков, чем оказалось заключено в одном его представителе. Даже столь приятная ее сердцу возможность оправдать Дарси была не в силах ее утешить. И она со всей горячностью постаралась убедить сестру в существовании какого-то неизвестного обстоятельства, которое оправдывало бы одного человека и не бросало тень на другого.

— Ну уж это у тебя не получится! — возразила Элизабет.— Того и другого ты никак не сможешь представить одинаково добродетельными. Выбирай любого, но тебе придется ограничиться только одним. В них двоих заключена как раз та доза порядочности, которой хватает лишь на одну персону. И за последнее время стало неясно, кому эта доза на самом деле принадлежит. Мне, по крайней мере, начало казаться, что вся она перешла к мистеру Дарси. А ты, конечно, решай как тебе заблагорассудится.

Прошло, однако, известное время, прежде чем Джейн смогла хоть чуть-чуть улыбнуться.

— Едва ли когда-нибудь я была настолько потрясена,— сказала она.— Неужели Уикхем такой негодяй? Это кажется просто невероятным. Бедный мистер Дарси! Лиззи, миленькая, ты только подумай, что он должен был вынести! Так обмануться в своих надеждах. И тут же узнать, какого ты о нем ужасного мнения! И решиться рассказать тебе такие вещи про родную сестру! Как это все тяжело! Ты сама, я уверена, это чувствуешь.

— О нет, мои жалость и сочувствие улетучились, как только я увидела, насколько они переполняют тебя. С каждой минутой переживания мистера Дарси тревожат меня все меньше — настолько я убеждена, что ты должным образом войдешь в его положение. Твоя щедрость позволяет мне быть бережливой, и, если ты погорюешь о нем еще немного, сердце в моей груди станет легким, как перышко.

— Бедный Уикхем! А ведь он выглядит таким милым человеком,— с его открытым взглядом, очаровательными манерами!

— При создании этих двух молодых людей была в самом деле допущена великая несправедливость: первого наделили всеми достоинствами, а второго — одними их внешними проявлениями.

— Я с тобой никогда не соглашусь, что у мистера Дарси нет этих внешних проявлений.

— И все же, необоснованно относясь к нему с такой неприязнью, я гордилась своей проницательностью. Подобная неприязнь подстегивает ум и является самой плодотворной почвой для острословия! Можно беспрерывно болтать и так и не сказать ничего заслуживающего внимания. Но нельзя постоянно подшучивать над человеком без того, чтобы время от времени у тебя не вырвалось нечто действительно остроумное.

— Когда ты впервые прочла это письмо, Лиззи, ты, вероятно, не могла смотреть на вещи так, как сейчас.

— О да. Мне тогда было как-то не по себе. Очень не по себе,— я чувствовала себя просто несчастной. Мне не перед кем было излить свою душу. Со мной не было моей Джейн, которая, утешая меня, сказала бы, что я вовсе не та пустая, тщеславная и вздорная девчонка, какой я себя считала. Как мне хотелось, чтобы ты была рядом!

— Жалко, что, говоря с мистером Дарси об Уикхеме, ты употребила такие сильные выражения. Ведь на самом деле они оказались совсем незаслуженными.

— Еще бы. Впрочем, излишне резкий тон часто является следствием предубеждения. Мне, кстати, хотелось бы

«Рыночная площадь в Норвиче».
С картины Джона Селла Котмена, 1809 г.

ее нраву и возрасту постоянством, которым столь редко отличаются первые увлечения. И она так дорожила воспоминаниями и так явно предпочитала Бингли всем другим молодым людям, что ей потребовалось призвать весь свой здравый смысл и проявить все возможное внимание к чувствам близких, чтобы не высказывать сожалений, вредных для ее здоровья и их спокойствия.

— Что ты теперь скажешь, Лиззи, об этой грустной истории с Джейн? — спросила как-то миссис Беннет. — Что касается меня, я твердо решила никогда больше об этом не заговаривать. Я так на днях и сказала сестрице Филипс. До сих пор не могу понять, виделась ли с ним Джейн в Лондоне? Что за никчемный человек! По-моему, ей больше нечего на него рассчитывать. О его возвращении этим летом в Незерфилд даже не поговаривают. Я спрашивала решительно всех, кто мог бы хоть что-нибудь об этом знать.

— Не думаю, что он вообще появится в Незерфилде.

— Тем лучше! Как ему будет угодно. Едва ли он кому-нибудь здесь понадобится. Хоть я всегда буду гово-

рить, что он низко обошелся с моей дочерью. На месте Джейн я бы не пережила такого разочарования. И я утешаю себя мыслью, что, когда Джейн умрет от тоски, мистеру Бингли придется-таки пожалеть о том, что он натворил.

Элизабет промолчала, чувствуя себя не способной утешиться подобным предположением.

— Что ж, Лиззи,— продолжала миссис Беннет после короткой паузы,— по-твоему, Коллинзы в самом деле живут хорошо? Ну-ну, хотелось бы, чтобы это было надолго! А каков у них стол? Думаю, что из Шарлотты получилась неплохая хозяйка. Если она наполовину столь же изворотлива, как ее мамаша, они даже смогут кое-что откладывать. Они ведь не тратят на хозяйство слишком много?

— О да, конечно.

— Это очень важно для хорошего ведения дома. Да, да. Уж она-то постарается жить по средствам. Хотя нужда им и не грозит, да поможет им бог. Представляю, как часто они вспоминают, что после смерти мистера Беннета Лонгборн станет их собственностью. Небось смотрят на него так, как будто он им уже принадлежит.

— При мне они не могли касаться подобной темы.

— Еще бы! Было бы странно, если бы они себе это позволили. Но я не сомневаюсь, что они без конца обсуждают это между собой. Ну что ж, если им ничего не стоит захватить чужое поместье, тем хуже для них. Я бы постыдилась принять что-нибудь в наследство по мужской линии!

ГЛАВА XVIII

Первая неделя после возвращения Джейн и Элизабет пролетела быстро. Началась вторая. Это была последняя неделя пребывания полка в Меритоне, и барышни всей округи находились в самом удрученном настроении. Уныние было почти всеобщим. Только две старшие мисс Беннет были способны еще есть, пить и вести обычный образ жизни. Такая бесчувственность вызвала частые упреки со стороны безмерно несчастных Китти и Лидии, которые никак не могли допустить ее в ком-нибудь из членов своей семьи.

— Боже, что с нами станется! Что же мы будем делать? — восклицали они на каждом шагу в порыве отчаяния.— И ты, Лиззи, можешь еще улыбаться?

Преданная мамаша разделяла отчаяние дочек, припоминая собственные переживания при подобных обстоятельствах двадцать пять лет тому назад.

— Могу поклясться, что я проплакала два дня напролет, когда нас покинул полк полковника Миллера. Я тогда была уверена, что сердце мое разбито навеки.

— А я так ручаюсь, что мое сердце и в самом деле будет разбито! — сказала Лидия.

— Если бы только можно было съездить в Брайтон! — заметила миссис Беннет.

— О да, если бы только попасть в Брайтон! Но разве с папой договоришься!

— Купания в море поставили бы меня на ноги.

— Тетушка Филипс уверяет, что мне они просто необходимы, — вставила Китти.

Подобные причитания то и дело повторялись в доме Беннетов. Элизабет хотелось относиться к ним с юмором. Однако все смешное было для нее отравлено чувством стыда за близких. Снова и снова убеждалась она в справедливости упреков мистера Дарси. И никогда еще его вмешательство в дела друга не казалось ей столь оправданным.

Мрачное настроение Лидии, однако, внезапно рассеялось, когда она получила приглашение жены полковника Форстера сопровождать ее в Брайтон. Ее бесценная подруга была еще совсем молоденькой женщиной, лишь недавно вышедшей замуж. Беспечность и легкость нрава обеих сразу расположили их друг к другу, и после трехмесячного знакомства они сделались неразлучны.

Ликование Лидии по этому поводу, обожание, с которым она стала относиться к миссис Форстер, восторг миссис Беннет и отчаяние Китти едва ли могут быть описаны. Не обращая никакого внимания на чувства сестры, Лидия носилась по дому в непрерывном экстазе, добываясь всеобщих поздравлений, хохоча и болтая больше, чем когда-либо прежде. В то же время в гостиной неудачливая Китти невразумительно и нудно роптала на свою судьбу.

— Никак не пойму, почему миссис Форстер не могла с таким же успехом пригласить и меня? — брюзжала Китти.— Мы с ней, правда, не очень близки. Но у меня не меньше прав получить приглашение, чем у Лидии. Даже больше! Я старше ее на два года!

Напрасно Элизабет пыталась ее урезонить, а Джейн — успокоить. Сама Элизабет отнеслась к этому приглашению совсем не так, как миссис Беннет и Лидия. Она боялась, что в результате поездки Лидия может лишиться последних крупниц здравого смысла. И как бы дорого ни обошелся ей такой шаг, узнай о нем ее домашние, она все же тайком посоветовала мистеру Беннету не отпускать Лидию в Брайтон. Она напомнила ему все случаи ее неразумного поведения, обратив внимание отца на сомнительную пользу, которую Лидия извлечет из дружбы с такой особой, как миссис Форстер. Ей казалось, что в Брайтоне, где соблазнов гораздо больше, чем дома, Лидия, находясь в подобной компании, может совершить еще более легкомысленные поступки. Внимательно ее выслушав, мистер Беннет ответил:

— Лидия ни за что не уgomонится, пока где-нибудь не покажет себя на людях. И едва ли ей представится другой случай осуществить это с меньшими неудобствами для нашей семьи.

— Если бы вы знали, — сказала Элизабет, — какой ущерб может нам причинить бросающееся всем в глаза неосмотрительное и бестактное поведение Лидии! Больше того, какой ущерб им уже причинен! Тогда бы вы, я уверена, судили по-другому.

— Уже причинен? — переспросил мистер Беннет. — Что же, оно отпугнуло от тебя кого-нибудь из твоих поклонников? Бедная Лиззи! Но ты не должна падать духом. О таких привередливых юнцах, которые не переносят малейшего признака глупости своих ближних, не стоит жалеть. Ну-ка, назови мне тех жалких людишек, которых оттолкнуло легкомыслие Лидии.

— Вы ошибаетесь. Мне не приходится жаловаться на подобные разочарования. Я имела в виду не какие-либо отдельные случаи, а общий вред, который нам причиняют ее манеры. Наша репутация в обществе, уважение к нам знакомых подрываются взбалмошностью, самоуверенностью и крайней несдержанностью, свойственными ее характеру. Простите, я должна высказать свою мысль до конца. Если вы, дорогой отец, не возьмете на себя труд обуздать ее неудержимую натуру и разъяснить Лидии, что сегодняшние устремления не могут стать делом ее жизни, то скоро заниматься ее воспитанием будет уже поздно. Ее характер окончательно сформируется, и, к нашему общему позору, она к шестнадцати годам превратится в пустую кокетку. Кокетку худшего, самого низкого

пошиба, не располагающую никакими достоинствами, кроме молодости и некоторой внешней привлекательности. Невежество и пустота сделают ее совершенно беззащитной перед всеобщим презрением, вызванным ее погоней за успехом. Той же опасности подвергается и Китти, которая во всем следует за Лидией — глупой, тщеславной, праздной и совершенно разнузданной девчонкой. Папа, дорогой, неужели вы полагаете, что, вызывая осуждение и презрение всех наших знакомых, они не бросают тень на репутацию своих сестер?

Мистер Беннет почувствовал, что Элизабет вложила в эти слова всю душу. Ласково взяв ее за руку, он сказал:

— Ты напрасно волнуешься, моя девочка. Все, кто знает тебя или Джейн, достаточно уважают и ценят вас обеих. И это мнение не может пострадать оттого, что у вас имеются две или, я даже мог бы сказать, три на редкость глупые сестры. В Лонгборне не будет покоя, если Лидия не попадет в Брайтон. Пусть же она туда поедет. Полковник Форстер — человек разумный. Он не допустит, чтобы она попала в настоящую неприятность. И, к счастью, она достаточно бедна, чтобы не привлекать к себе охотников за приданым. Ей даже флиртовать там станет труднее, чем здесь, — офицеры найдут в Брайтоне девиц, заслуживающих большего внимания. Будем надеяться, что эта поездка заставит ее почувствовать свою незначительность. Во всяком случае, ее поведение не может заметно испортиться без того, чтобы мы были вправе посадить ее до конца дней под замок.

Элизабет пришлось удовлетвориться этим ответом. Так как собственное ее мнение не изменилось, она ушла от отца разочарованная и огорченная. Не в ее характере, однако, было таить досаду, углубляясь в собственные переживания. Она сознавала, что выполнила свой долг, а печалиться заранее по поводу ожидаемых бед, усиливая их вдобавок своим беспокойством, ей было несвойственно.

Если бы Лидия и ее мать узнали, о чем она говорила с отцом, они едва ли смогли бы найти выход своему негодованию. Брайтонская поездка казалась Лидии вершиной земного счастья. Ее пылкое воображение рисовало улицы курортного городка, заполненные пока еще незнакомыми ей офицерами. Она видела себя предметом поклонения многих десятков молодых людей. Перед ее мысленным взором вставал во всем блеске военный лагерь — стройные ряды однообразных палаток и между ними веселые группы красавцев, щеголяющих в красных мундирах. И в довер-

шение всего Лидия представляла себе, как она будет сидеть в одной из этих палаток и напропалую флиртовать по меньшей мере с шестью офицерами сразу.

Что бы она почувствовала, если бы узнала, что ее сестра пытается вырвать ее из этого уже такого близкого и такого заманчивого мира. Чувства эти способна была бы понять одна миссис Беннет, которая переживала почти то же самое. Только благодаря поездке Лидии она смогла примириться с мрачной решимостью мужа не пускать в Брайтон всю семью. Но, оставаясь в полном неведении о состоявшемся разговоре, обе они почти непрерывно предавались восторгам до самого того дня, когда Лидия должна была покинуть Лонгборн.

Элизабет предстояло встретиться с Уикхемом в последний раз. Встреча эта уже не могла сколько-нибудь серьезно ее тревожить, так как она не раз виделась с ним после своего возвращения. Их прежняя близость исчезла. Она даже научилась замечать в самой пленявшей ее прежде мягкости Уикхема однообразную нарочитость, надоедающую и вызывающую досаду. Более того, она находила новые поводы для неудовольствия в том, как он стал к ней теперь относиться. В самом деле, напоследок он снова начал оказывать ей такое же внимание, каким было отмечено начало их знакомства и которое после всего происшедшего могло ее только оскорбить. И она потеряла к нему последнее уважение, как только заметила признаки этого праздного волокитства. Решительно отвергая его любезности, она видела в них упрек своему прежнему поведению. Только помня о нем, Уикхем мог считать, что при первом новом знаке внимания с его стороны она будет польщена и пойдет ему навстречу, независимо от того, по какой причине и на какой срок он от своего ухаживания воздерживался.

В самый последний день пребывания полка в Меритоне Уикхем вместе с другими офицерами обедал в Лонгборне. И, не стремясь расстаться с ним в дружеских отношениях, Элизабет в ответ на расспросы о ее жизни в Хансфорде рассказала ему о трехнедельном визите в Розингс полковника Фицуильяма и мистера Дарси, спросив при этом, знает ли он полковника.

Уикхем показался ей озадаченным, смущенным, настороженным. Однако после недолгого замешательства он, улыбаясь, ответил, что когда-то ему приходилось частенько встречаться с этим человеком. Охарактеризовав его как настоящего джентльмена, он спросил, какое впе-

чатление полковник произвел на Элизабет. Она отозвалась о нем очень тепло. Как бы между прочим Уикхем вскоре осведомился:

— Сколько времени, вы сказали, он провел в Розингсе?

— Около трех недель.

— Вы часто с ним виделись?

— Да, почти ежедневно.

— Его манеры сильно отличаются от манер его кузена.

— Да, весьма сильно. Но, узнав мистера Дарси ближе, я стала о нем думать гораздо лучше.

— Вот как? — сказал Уикхем, бросив на нее взгляд, не ускользнувший от ее внимания. — А могу ли я спросить... — Но, спохватившись, он продолжал небрежным тоном: — Стал ли он любезнее разговаривать с людьми? Или он снизошел до того, что придал некоторую обходительность своим манерам? Ибо я мало надеюсь, — проговорил он более низким и уже более серьезным голосом, — что он изменился к лучшему по существу.

— О нет, — сказала Элизабет, — по существу он остался таким, как был.

Уикхем явно не знал, как ему отнестись к этим словам — обрадоваться ли им или не доверять их смыслу. Что-то в ее лице заставило его насторожиться, когда она добавила:

— Признаваясь, что за время нашего знакомства он вырос в моем мнении, я не имела в виду перемены в его манерах или взглядах. Мне просто хотелось сказать, что, узнав его ближе, я стала лучше разбираться в его натуре.

Выступившие на лице Уикхема красные пятна и его беспокойный взгляд явно выдавали тревогу. Несколько минут он молчал. Наконец, преодолев смущение, он снова обернулся к ней и произнес особенно вкрадчивым тоном:

— Именно вам, хорошо знакомой с моими чувствами к мистеру Дарси, должно быть понятно, как рад я услышать, что у него хватило здравого смысла вести себя хотя бы внешне порядочно. Во многом это объясняется его гордостью. Она приносит немалую пользу если не ему самому, то хотя бы тем людям, которым приходится иметь с ним дело. Благодаря ей он не поступает с ними так дурно, как когда-то обошелся со мной. Боюсь только, что подмеченная вами, как я понял, большая его осмотрительность объясняется тем, что вы встретились с ним у его тетки, мнением которой он весьма дорожит. Насколько я знаю, он всегда робел в ее присутствии. А теперь еще немалую роль должно сыграть его намерение жениться на мисс де Бёр, которое, я уверен, он твердо решил осуществить.

При этих словах Элизабет не могла удержаться от улыбки, ответив ему только легким кивком. Было ясно, что он хочет навести разговор на тему о причиненном ему ущербе, но она не собиралась ему в этом потворствовать. До конца вечера он сохранял обычную напускную веселость, уже не стремясь оказывать ей предпочтение. И они наконец вежливо распрощались со взаимным желанием никогда больше не встречаться.

После того как гости разъехались, Лидия вместе с миссис Форстер отправилась в Меритон, который они должны были покинуть на следующее утро. Прощание с родными было скорее шумным, нежели трогательным. Одна только Китти проливала при этом слезы, да и то вызванные завистью и обидой. Миссис Беннет поминутно желала дочери всяческих удовольствий, требуя, чтобы она не пропустила ни одной возможности повеселиться — совет, которому та, несомненно, собиралась последовать. И ликующие прощальные возгласы Лидии так и не позволили ей расслышать менее громкие напутственные пожелания ее сестер.

ГЛАВА XIX

Если бы мнение Элизабет о супружеском счастье и домашнем уюте основывалось только на опыте, который она могла почерпнуть в своей семье, ей не удалось бы составить об этих понятиях благоприятного представления. Мистер Беннет связал свою судьбу с женщиной, привлечшей его молодостью и красотой, а также мнимым добродушием, впечатление о котором нередко бывает создано только названными выше внешними качествами. Еще в самом начале их брака эта женщина узостью взглядов и ограниченным развитием уничтожила в нем всякое чувство истинной супружеской привязанности. Уважение, доверие, духовная близость исчезли навсегда, а вместе с ними рассеялись все надежды на семейное счастье. Однако мистер Беннет по своему складу не относился к людям, которые, разочаровавшись в жизни вследствие собственной неосмотрительности, ищут утешения в сомнительных удовольствиях, слишком часто скрашивающих участь жертв порока и легкомыслия. Он любил природу и книги, и этими склонностями определялись его главные радости жизни. Своей жене он не был обязан

ничем, если не считать развлечения, которое он получал, посмеиваясь над ее глупостью и невежеством. Это было совсем не то счастье, которым мужу обычно хотелось бы считать себя обязанным спутнице жизни. Но там, где нельзя радоваться иному, истинный философ умеет извлечь пользу из того, чем может располагать.

Элизабет никогда не закрывала глаза на то, что ее отец ведет себя не так, как должен был бы себя вести примерный супруг. Это причиняло ей постоянную боль. Но, уважая его ум и испытывая к нему благодарность за отцовскую нежность, она всегда старалась забыть то, что не могла не замечать, и не задумываться над тем, насколько он заслуживает порицания, постоянно нарушая долг уважения к жене и насмехаясь над ней в присутствии собственных детей. И теперь Элизабет впервые с полной отчетливостью осознала, сколько вреда этот неудачный брак должен был причинить выросшим в семье детям и к каким печальным последствиям приводило столь неразумное употребление способностей их отца. В самом деле, будучи верно направлены, эти способности, по крайней мере, помогли бы отцу воспитать достойных дочерей, если ему не под силу было расширить умственный кругозор своей жены.

Довольная отсутствием Уикхема, Элизабет, впрочем, находила мало других причин радоваться отбытию его полка. Встречи вне дома стали менее разнообразными. А непрерывные сетования миссис Беннет и Китти на скуку и впрямь делали семейную жизнь весьма унылой. И если Китти благодаря исчезновению источника беспокойства могла со временем снова обрести доступную ей меру здравого смысла, ее младшая сестра, характер которой таил в себе значительно больше опасностей, должна была под влиянием приморского городка и военного лагеря сделаться еще более ветреной и безрассудной. На этом примере Элизабет лишней раз убедилась, что долгожданное событие, осуществившись, вовсе не приносит ожидаемого удовлетворения. Приходится поэтому загадывать новый срок, по истечении которого должно будет наступить истинное блаженство, и намечать новую цель, на которой сосредоточились бы помыслы и желания, с тем чтобы, предвкушая ее осуществление, испытать радость, которая сгладила бы предшествовавшую неудачу и подготовила к новому разочарованию. В данное время ее помыслы сосредоточились на предстоящей поездке в Озерный край. Надеждами на эту поездку она утешала себя в самые безрадостные часы, омраченные дурным настроением матери и Китти.

И если бы в путешествии могла принять участие Джейн, перспектива этой поездки была бы вполне совершенной.

— Впрочем, это даже хорошо,— рассуждала Элизабет,— если что-то произойдет не так, как мне бы хотелось. Если бы все было устроено по-моему, я непременно должна была бы со временем разочароваться. А теперь, постоянно грустя о предстоящей разлуке с Джейн, я могу в какой-то мере надеяться получить от поездки предвкушаемое удовольствие. Замысел, в котором все части складываются вполне удачно, никогда не бывает успешным. И только если какая-нибудь досадная мелочь нарушает гармонию, можно избежать полного разочарования.

Перед отъездом Лидия обещала матери и Китти присылать частые и подробные письма. Однако каждое письмо ожидалось подолгу и оказывалось весьма кратким. В письмах к матери Лидия сообщала только, что она и ее подруга сию минуту вернулись из библиотеки, куда их сопровождали такие-то и такие-то офицеры и где ее привели в неописуемый восторг необыкновенные орнаменты, или что у нее появилось новое платье или зонтик, который она описала бы подробнее, если бы ей не приходилось ужасно спешить, так как миссис Форстер торопит ее ехать в лагерь. А из писем к Китти сведений можно было почерпнуть и того меньше, ибо, хотя они были несколько пространнее, в них содержалось столько разных намеков, что их публичное чтение было совершенно невозможно.

Через две-три недели после ее отъезда в Лонгборне вновь начал пробуждаться дух здоровья, доброжелательства и хорошего настроения. Все приобрело теперь более радостную окраску. После проведенной в городе зимы возвращались знакомые семьи, замелькали летние наряды, и начались летние развлечения. Миссис Беннет вернулась в свое обычное состояние уравновешенной сварливости. А к середине июня Китти уже в такой мере пришла в себя, что могла появляться в Меритоне без слез — благоприятный симптом, позволявший Элизабет надеяться, что к рождеству ее сестра наберется достаточно ума и сможет заговаривать об офицерах не чаще одного раза в сутки,— разумеется, если только какой-нибудь злонамеренный и жестокий чиновник из военного министерства не водворит в Меритоне новую войсковую часть.

Назначенный день отъезда на север теперь быстро приближался. Когда до него оставалось лишь две недели, от миссис Гардинер пришло письмо, в котором сообщалось, что начало их путешествия откладывается и что

«Ревнивый муж».

Карикатура Т. Роуландсона на светские развлечения в Бате.

оно будет не таким продолжительным, как они предполагали. Дела позволяли мистеру Гардинеру выехать только в июле, спустя две недели после намеченного срока, и требовали его возвращения в Лондон через месяц после отъезда. И, поскольку оставалось слишком мало времени, чтобы ехать так далеко, как им прежде хотелось, и осмотреть ранее намеченные места (они ведь собирались передвигаться не спеша, чтобы извлекать из поездки удовольствие), от Озерного края приходилось отказаться и вместо него выбрать более близкую цель путешествия. Согласно новому плану, они не должны были удаляться на север за пределы Дербишира. В этом графстве можно было повидать достаточно много, чтобы на это ушли почти целиком три недели, оставшиеся в их распоряжении. А кроме того, оно обладало особой привлекательностью для миссис Гардинер. Городок, в котором она когда-то прожила несколько лет и где теперь им предстояло провести три-четыре дня, имел для нее не меньший интерес, чем прославленные красотами Мэтлок, Четсуорт, Давдейл и Пик.

Элизабет была заметно разочарована. Она уже приготовилась к путешествию в Озерный край, и ей казалось, что им для него вполне хватило бы времени. Приходилось,

— Боже, что с нами станется! Что же мы будем делать? — восклицали они на каждом шагу в порыве отчаяния.— И ты, Лиззи, можешь еще улыбаться?

Преданная мамаша разделяла отчаяние дочек, припоминая собственные переживания при подобных обстоятельствах двадцать пять лет тому назад.

— Могу поклясться, что я проплакала два дня напролет, когда нас покинул полк полковника Миллера. Я тогда была уверена, что сердце мое разбито навеки.

— А я так ручаюсь, что мое сердце и в самом деле будет разбито! — сказала Лидия.

— Если бы только можно было съездить в Брайтон! — заметила миссис Беннет.

— О да, если бы только попасть в Брайтон! Но разве с папой договоришься!

— Купания в море поставили бы меня на ноги.

— Тетушка Филипс уверяет, что мне они просто необходимы, — вставила Китти.

Подобные причитания то и дело повторялись в доме Беннетов. Элизабет хотелось относиться к ним с юмором. Однако все смешное было для нее отравлено чувством стыда за близких. Снова и снова убеждалась она в справедливости упреков мистера Дарси. И никогда еще его вмешательство в дела друга не казалось ей столь оправданным.

Мрачное настроение Лидии, однако, внезапно рассеялось, когда она получила приглашение жены полковника Форстера сопровождать ее в Брайтон. Ее бесценная подруга была еще совсем молоденькой женщиной, лишь недавно вышедшей замуж. Беспечность и легкость нрава обеих сразу расположили их друг к другу, и после трехмесячного знакомства они сделались неразлучны.

Ликование Лидии по этому поводу, обожание, с которым она стала относиться к миссис Форстер, восторг миссис Беннет и отчаяние Китти едва ли могут быть описаны. Не обращая никакого внимания на чувства сестры, Лидия носилась по дому в непрерывном экстазе, добываясь всеобщих поздравлений, хохоча и болтая больше, чем когда-либо прежде. В то же время в гостиной неудачливая Китти невразумительно и нудно роптала на свою судьбу.

— Никак не пойму, почему миссис Форстер не могла с таким же успехом пригласить и меня? — брюзжала Китти.— Мы с ней, правда, не очень близки. Но у меня не меньше прав получить приглашение, чем у Лидии. Даже больше! Я старше ее на два года!

Напрасно Элизабет пыталась ее урезонить, а Джейн — успокоить. Сама Элизабет отнеслась к этому приглашению совсем не так, как миссис Беннет и Лидия. Она боялась, что в результате поездки Лидия может лишиться последних крупниц здравого смысла. И как бы дорого ни обошелся ей такой шаг, узнай о нем ее домашние, она все же тайком посоветовала мистеру Беннету не отпускать Лидию в Брайтон. Она напомнила ему все случаи ее неразумного поведения, обратив внимание отца на сомнительную пользу, которую Лидия извлечет из дружбы с такой особой, как миссис Форстер. Ей казалось, что в Брайтоне, где соблазнов гораздо больше, чем дома, Лидия, находясь в подобной компании, может совершить еще более легкомысленные поступки. Внимательно ее выслушав, мистер Беннет ответил:

— Лидия ни за что не уgomонится, пока где-нибудь не покажет себя на людях. И едва ли ей представится другой случай осуществить это с меньшими неудобствами для нашей семьи.

— Если бы вы знали, — сказала Элизабет, — какой ущерб может нам причинить бросающееся всем в глаза неосмотрительное и бестактное поведение Лидии! Больше того, какой ущерб им уже причинен! Тогда бы вы, я уверена, судили по-другому.

— Уже причинен? — переспросил мистер Беннет. — Что же, оно отпугнуло от тебя кого-нибудь из твоих поклонников? Бедная Лиззи! Но ты не должна падать духом. О таких привередливых юнцах, которые не переносят малейшего признака глупости своих ближних, не стоит жалеть. Ну-ка, назови мне тех жалких людишек, которых оттолкнуло легкомыслие Лидии.

— Вы ошибаетесь. Мне не приходится жаловаться на подобные разочарования. Я имела в виду не какие-либо отдельные случаи, а общий вред, который нам причиняют ее манеры. Наша репутация в обществе, уважение к нам знакомых подрываются взбалмошностью, самоуверенностью и крайней несдержанностью, свойственными ее характеру. Простите, я должна высказать свою мысль до конца. Если вы, дорогой отец, не возьмете на себя труд обуздать ее неудержимую натуру и разъяснить Лидии, что сегодняшние устремления не могут стать делом ее жизни, то скоро заниматься ее воспитанием будет уже поздно. Ее характер окончательно сформируется, и, к нашему общему позору, она к шестнадцати годам превратится в пустую кокетку. Кокетку худшего, самого низкого

пошиба, не располагающую никакими достоинствами, кроме молодости и некоторой внешней привлекательности. Невежество и пустота сделают ее совершенно беззащитной перед всеобщим презрением, вызванным ее погоней за успехом. Той же опасности подвергается и Китти, которая во всем следует за Лидией — глупой, тщеславной, праздной и совершенно разнузданной девчонкой. Папа, дорогой, неужели вы полагаете, что, вызывая осуждение и презрение всех наших знакомых, они не бросают тень на репутацию своих сестер?

Мистер Беннет почувствовал, что Элизабет вложила в эти слова всю душу. Ласково взяв ее за руку, он сказал:

— Ты напрасно волнуешься, моя девочка. Все, кто знает тебя или Джейн, достаточно уважают и ценят вас обеих. И это мнение не может пострадать оттого, что у вас имеются две или, я даже мог бы сказать, три на редкость глупые сестры. В Лонгборне не будет покоя, если Лидия не попадет в Брайтон. Пусть же она туда поедет. Полковник Форстер — человек разумный. Он не допустит, чтобы она попала в настоящую неприятность. И, к счастью, она достаточно бедна, чтобы не привлекать к себе охотников за приданым. Ей даже флиртовать там станет труднее, чем здесь, — офицеры найдут в Брайтоне девиц, заслуживающих большего внимания. Будем надеяться, что эта поездка заставит ее почувствовать свою незначительность. Во всяком случае, ее поведение не может заметно испортиться без того, чтобы мы были вправе посадить ее до конца дней под замок.

Элизабет пришлось удовлетвориться этим ответом. Так как собственное ее мнение не изменилось, она ушла от отца разочарованная и огорченная. Не в ее характере, однако, было таить досаду, углубляясь в собственные переживания. Она сознавала, что выполнила свой долг, а печалиться заранее по поводу ожидаемых бед, усиливая их вдобавок своим беспокойством, ей было несвойственно.

Если бы Лидия и ее мать узнали, о чем она говорила с отцом, они едва ли смогли бы найти выход своему негодованию. Брайтонская поездка казалась Лидии вершиной земного счастья. Ее пылкое воображение рисовало улицы курортного городка, заполненные пока еще незнакомыми ей офицерами. Она видела себя предметом поклонения многих десятков молодых людей. Перед ее мысленным взором вставал во всем блеске военный лагерь — стройные ряды однообразных палаток и между ними веселые группы красавцев, щеголяющих в красных мундирах. И в довер-

шение всего Лидия представляла себе, как она будет сидеть в одной из этих палаток и напропалую флиртовать по меньшей мере с шестью офицерами сразу.

Что бы она почувствовала, если бы узнала, что ее сестра пытается вырвать ее из этого уже такого близкого и такого заманчивого мира. Чувства эти способна была бы понять одна миссис Беннет, которая переживала почти то же самое. Только благодаря поездке Лидии она смогла примириться с мрачной решимостью мужа не пускать в Брайтон всю семью. Но, оставаясь в полном неведении о состоявшемся разговоре, обе они почти непрерывно предавались восторгам до самого того дня, когда Лидия должна была покинуть Лонгборн.

Элизабет предстояло встретиться с Уикхемом в последний раз. Встреча эта уже не могла сколько-нибудь серьезно ее тревожить, так как она не раз виделась с ним после своего возвращения. Их прежняя близость исчезла. Она даже научилась замечать в самой пленявшей ее прежде мягкости Уикхема однообразную нарочитость, надоедающую и вызывающую досаду. Более того, она находила новые поводы для неудовольствия в том, как он стал к ней теперь относиться. В самом деле, напоследок он снова начал оказывать ей такое же внимание, каким было отмечено начало их знакомства и которое после всего происшедшего могло ее только оскорбить. И она потеряла к нему последнее уважение, как только заметила признаки этого праздного волокитства. Решительно отвергая его любезности, она видела в них упрек своему прежнему поведению. Только помня о нем, Уикхем мог считать, что при первом новом знаке внимания с его стороны она будет польщена и пойдет ему навстречу, независимо от того, по какой причине и на какой срок он от своего ухаживания воздерживался.

В самый последний день пребывания полка в Меритоне Уикхем вместе с другими офицерами обедал в Лонгборне. И, не стремясь расстаться с ним в дружеских отношениях, Элизабет в ответ на расспросы о ее жизни в Хансфорде рассказала ему о трехнедельном визите в Розингс полковника Фицуильяма и мистера Дарси, спросив при этом, знает ли он полковника.

Уикхем показался ей озадаченным, смущенным, настороженным. Однако после недолгого замешательства он, улыбаясь, ответил, что когда-то ему приходилось частенько встречаться с этим человеком. Охарактеризовав его как настоящего джентльмена, он спросил, какое впе-

чатление полковник произвел на Элизабет. Она отозвалась о нем очень тепло. Как бы между прочим Уикхем вскоре осведомился:

— Сколько времени, вы сказали, он провел в Розингсе?

— Около трех недель.

— Вы часто с ним виделись?

— Да, почти ежедневно.

— Его манеры сильно отличаются от манер его кузена.

— Да, весьма сильно. Но, узнав мистера Дарси ближе, я стала о нем думать гораздо лучше.

— Вот как? — сказал Уикхем, бросив на нее взгляд, не ускользнувший от ее внимания. — А могу ли я спросить... — Но, спохватившись, он продолжал небрежным тоном: — Стал ли он любезнее разговаривать с людьми? Или он снизошел до того, что придал некоторую обходительность своим манерам? Ибо я мало надеюсь, — проговорил он более низким и уже более серьезным голосом, — что он изменился к лучшему по существу.

— О нет, — сказала Элизабет, — по существу он остался таким, как был.

Уикхем явно не знал, как ему отнестись к этим словам — обрадоваться ли им или не доверять их смыслу. Что-то в ее лице заставило его насторожиться, когда она добавила:

— Признаваясь, что за время нашего знакомства он вырос в моем мнении, я не имела в виду перемены в его манерах или взглядах. Мне просто хотелось сказать, что, узнав его ближе, я стала лучше разбираться в его натуре.

Выступившие на лице Уикхема красные пятна и его беспокойный взгляд явно выдавали тревогу. Несколько минут он молчал. Наконец, преодолев смущение, он снова обернулся к ней и произнес особенно вкрадчивым тоном:

— Именно вам, хорошо знакомой с моими чувствами к мистеру Дарси, должно быть понятно, как рад я услышать, что у него хватило здравого смысла вести себя хотя бы внешне порядочно. Во многом это объясняется его гордостью. Она приносит немалую пользу если не ему самому, то хотя бы тем людям, которым приходится иметь с ним дело. Благодаря ей он не поступает с ними так дурно, как когда-то обошелся со мной. Боюсь только, что подмеченная вами, как я понял, большая его осмотрительность объясняется тем, что вы встретились с ним у его тетки, мнением которой он весьма дорожит. Насколько я знаю, он всегда робел в ее присутствии. А теперь еще немалую роль должно сыграть его намерение жениться на мисс де Бёр, которое, я уверен, он твердо решил осуществить.

При этих словах Элизабет не могла удержаться от улыбки, ответив ему только легким кивком. Было ясно, что он хочет навести разговор на тему о причиненном ему ущербе, но она не собиралась ему в этом потворствовать. До конца вечера он сохранял обычную напускную веселость, уже не стремясь оказывать ей предпочтение. И они наконец вежливо распрощались со взаимным желанием никогда больше не встречаться.

После того как гости разъехались, Лидия вместе с миссис Форстер отправилась в Меритон, который они должны были покинуть на следующее утро. Прощание с родными было скорее шумным, нежели трогательным. Одна только Китти проливала при этом слезы, да и то вызванные завистью и обидой. Миссис Беннет поминутно желала дочери всяческих удовольствий, требуя, чтобы она не пропустила ни одной возможности повеселиться — совет, которому та, несомненно, собиралась последовать. И ликующие прощальные возгласы Лидии так и не позволили ей расслышать менее громкие напутственные пожелания ее сестер.

ГЛАВА XIX

Если бы мнение Элизабет о супружеском счастье и домашнем уюте основывалось только на опыте, который она могла почерпнуть в своей семье, ей не удалось бы составить об этих понятиях благоприятного представления. Мистер Беннет связал свою судьбу с женщиной, привлечшей его молодостью и красотой, а также мнимым добродушием, впечатление о котором нередко бывает создано только названными выше внешними качествами. Еще в самом начале их брака эта женщина узостью взглядов и ограниченным развитием уничтожила в нем всякое чувство истинной супружеской привязанности. Уважение, доверие, духовная близость исчезли навсегда, а вместе с ними рассеялись все надежды на семейное счастье. Однако мистер Беннет по своему складу не относился к людям, которые, разочаровавшись в жизни вследствие собственной неосмотрительности, ищут утешения в сомнительных удовольствиях, слишком часто скрашивающих участь жертв порока и легкомыслия. Он любил природу и книги, и этими склонностями определялись его главные радости жизни. Своей жене он не был обязан

ничем, если не считать развлечения, которое он получал, посмеиваясь над ее глупостью и невежеством. Это было совсем не то счастье, которым мужу обычно хотелось бы считать себя обязанным спутнице жизни. Но там, где нельзя радоваться иному, истинный философ умеет извлечь пользу из того, чем может располагать.

Элизабет никогда не закрывала глаза на то, что ее отец ведет себя не так, как должен был бы себя вести примерный супруг. Это причиняло ей постоянную боль. Но, уважая его ум и испытывая к нему благодарность за отцовскую нежность, она всегда старалась забыть то, что не могла не замечать, и не задумываться над тем, насколько он заслуживает порицания, постоянно нарушая долг уважения к жене и насмехаясь над ней в присутствии собственных детей. И теперь Элизабет впервые с полной отчетливостью осознала, сколько вреда этот неудачный брак должен был причинить выросшим в семье детям и к каким печальным последствиям приводило столь неразумное употребление способностей их отца. В самом деле, будучи верно направлены, эти способности, по крайней мере, помогли бы отцу воспитать достойных дочерей, если ему не под силу было расширить умственный кругозор своей жены.

Довольная отсутствием Уикхема, Элизабет, впрочем, находила мало других причин радоваться отбытию его полка. Встречи вне дома стали менее разнообразными. А непрерывные сетования миссис Беннет и Китти на скуку и впрямь делали семейную жизнь весьма унылой. И если Китти благодаря исчезновению источника беспокойства могла со временем снова обрести доступную ей меру здравого смысла, ее младшая сестра, характер которой таил в себе значительно больше опасностей, должна была под влиянием приморского городка и военного лагеря сделаться еще более ветреной и безрассудной. На этом примере Элизабет лишней раз убедилась, что долгожданное событие, осуществившись, вовсе не приносит ожидаемого удовлетворения. Приходится поэтому загадывать новый срок, по истечении которого должно будет наступить истинное блаженство, и намечать новую цель, на которой сосредоточились бы помыслы и желания, с тем чтобы, предвкушая ее осуществление, испытать радость, которая сгладила бы предшествовавшую неудачу и подготовила к новому разочарованию. В данное время ее помыслы сосредоточились на предстоящей поездке в Озерный край. Надеждами на эту поездку она утешала себя в самые безрадостные часы, омраченные дурным настроением матери и Китти.

И если бы в путешествии могла принять участие Джейн, перспектива этой поездки была бы вполне совершенной.

— Впрочем, это даже хорошо,— рассуждала Элизабет,— если что-то произойдет не так, как мне бы хотелось. Если бы все было устроено по-моему, я непременно должна была бы со временем разочароваться. А теперь, постоянно грустя о предстоящей разлуке с Джейн, я могу в какой-то мере надеяться получить от поездки предвкушаемое удовольствие. Замысел, в котором все части складываются вполне удачно, никогда не бывает успешным. И только если какая-нибудь досадная мелочь нарушает гармонию, можно избежать полного разочарования.

Перед отъездом Лидия обещала матери и Китти присылать частые и подробные письма. Однако каждое письмо ожидалось подолгу и оказывалось весьма кратким. В письмах к матери Лидия сообщала только, что она и ее подруга сию минуту вернулись из библиотеки, куда их сопровождали такие-то и такие-то офицеры и где ее привели в неописуемый восторг необыкновенные орнаменты, или что у нее появилось новое платье или зонтик, который она описала бы подробнее, если бы ей не приходилось ужасно спешить, так как миссис Форстер торопит ее ехать в лагерь. А из писем к Китти сведений можно было почерпнуть и того меньше, ибо, хотя они были несколько пространнее, в них содержалось столько разных намеков, что их публичное чтение было совершенно невозможно.

Через две-три недели после ее отъезда в Лонгборне вновь начал пробуждаться дух здоровья, доброжелательства и хорошего настроения. Все приобрело теперь более радостную окраску. После проведенной в городе зимы возвращались знакомые семьи, замелькали летние наряды, и начались летние развлечения. Миссис Беннет вернулась в свое обычное состояние уравновешенной сварливости. А к середине июня Китти уже в такой мере пришла в себя, что могла появляться в Меритоне без слез — благоприятный симптом, позволявший Элизабет надеяться, что к рождеству ее сестра наберется достаточно ума и сможет заговаривать об офицерах не чаще одного раза в сутки,— разумеется, если только какой-нибудь злонамеренный и жестокий чиновник из военного министерства не водворит в Меритоне новую войсковую часть.

Назначенный день отъезда на север теперь быстро приближался. Когда до него оставалось лишь две недели, от миссис Гардинер пришло письмо, в котором сообщалось, что начало их путешествия откладывается и что

«Ревнивый муж».

Карикатура Т. Роуландсона на светские развлечения в Бате.

оно будет не таким продолжительным, как они предполагали. Дела позволяли мистеру Гардинеру выехать только в июле, спустя две недели после намеченного срока, и требовали его возвращения в Лондон через месяц после отъезда. И, поскольку оставалось слишком мало времени, чтобы ехать так далеко, как им прежде хотелось, и осмотреть ранее намеченные места (они ведь собирались передвигаться не спеша, чтобы извлекать из поездки удовольствие), от Озерного края приходилось отказаться и вместо него выбрать более близкую цель путешествия. Согласно новому плану, они не должны были удаляться на север за пределы Дербишира. В этом графстве можно было повидать достаточно много, чтобы на это ушли почти целиком три недели, оставшиеся в их распоряжении. А кроме того, оно обладало особой привлекательностью для миссис Гардинер. Городок, в котором она когда-то прожила несколько лет и где теперь им предстояло провести три-четыре дня, имел для нее не меньший интерес, чем прославленные красотами Мэтлок, Четсуорт, Давдейл и Пик.

Элизабет была заметно разочарована. Она уже приготовилась к путешествию в Озерный край, и ей казалось, что им для него вполне хватило бы времени. Приходилось,

однако, соглашаться, не теряя при этом хорошего расположения духа. И вскоре она снова почувствовала себя счастливой.

Упоминание Дербишира будило множество мыслей. Это название было неразрывно связано с поместьем Пемберли и его владельцем.

— Но неужели я не могу безнаказанно навеститься в его графство,— рассудила Элизабет,— и похитить оттуда на память несколько красивых камней, не попав ему на глаза?

Ждать предстояло вдвое дольше. До прибытия дяди и тетки должно было пройти четыре недели. Но наконец остались позади и они, и мистер и миссис Гардинер в сопровождении четырех детей прибыли в Лонгборн. Дети — девочки шести и восьми лет и два мальчика поменьше — должны были остаться на попечении всеобщей любимицы Джейн, чей здравый смысл и чудесный характер особенно располагали к тому, чтобы ей был поручен уход за ними: их обучение, игра с ними и, прежде всего, сердечное к ним внимание.

Гардинеры провели в Лонгборне всего одну ночь и уже на следующее утро вместе с Элизабет отправились на поиски новых впечатлений. Одно благоприятное обстоятельство было им обеспечено: спутники во всем прекрасно подходили друг к другу. Они обладали здоровьем и выдержкой, благодаря чему могли легко переносить дорожные неурядицы, жизнерадостностью, которая должна была усилить любое ожидавшее их удовольствие, а также добрым нравом и осведомленностью, которые помогли бы им приятно проводить время в отсутствие интересных впечатлений от путешествия.

Целью настоящего повествования не является описание всего Дербишира или каких-нибудь примечательных мест по пути к этому графству. Оксфорд, Бленхейм, Уорик, Кенилворт, Бирмингем и т. д. достаточно хорошо известны. Нас поэтому будет интересовать только небольшой уголок Дербишира. Осмотрев все расположенные на пути главные достопримечательности, они направились в маленький городок Лэмтон, где когда-то жила миссис Гардинер и где, по недавно полученным ею сведениям, еще оставались некоторые ее старые знакомые. Из ее рассказов Элизабет узнала, что Лэмтон находится лишь в пяти милях от Пемберли. Их путь в городок проходил совсем близко от имения Дарси, расположенного всего в одной или двух милях в сторону от дороги. И при обсуждении вечером планов

на следующий день миссис Гардинер изъявила желание снова взглянуть на это поместье. Мистер Гардинер охотно с ней согласился. Требовалось только согласие Элизабет.

— Не правда ли, дорогая, тебе будет приятно осмотреть места, о которых ты столько слышала? — спросила тетушка. — Они напомнят тебе так много твоих знакомых! Здесь, как ты знаешь, провел свою юность Уикхем.

Элизабет чувствовала себя очень неловко. Она считала, что ей совершенно нечего делать в Пемберли. И, сказав, что ее утомили богатые дома и что после того, как они осмотрели их такое множество, ей перестало доставлять удовольствие созерцание роскошных ковров и атласных занавесок, она попыталась уклониться от этой поездки.

Миссис Гардинер, однако, упрекнула ее за такую нелюбознательность.

— Если бы речь шла только о красивом, богато обставленном доме, — сказала она, — я бы и сама не стала об этом говорить. Но ведь Пемберли славится восхитительными видами. Это поместье гордится одним из лучших парков страны.

Элизабет ничего не ответила, но душа ее решительно протестовала. Ей представилось, что во время осмотра поместья она может встретить мистера Дарси. Это было бы ужасно! Кровь прилиwała к ее лицу при одной только мысли о такой встрече, и она предпочла бы рассказать обо всем тетушке, нежели подвергнуться подобному риску. Но и на это ей было трудно отважиться, и в конце концов она решила прибегнуть к объяснению лишь в крайнем случае, — если, осведомившись о местопребывании владельца Пемберли, она получит неблагоприятный ответ.

Поэтому, укладываясь спать, она расспросила горничную, действительно ли Пемберли является таким прекрасным поместьем, кому оно принадлежит и — не без серьезной тревоги — приехала ли уже туда на лето семья владельца. Услышав на последний вопрос столь желанный отрицательный ответ и успокоив свою тревогу, она стала с интересом ждать посещения этого места. Когда на следующее утро вопрос о поездке в Пемберли подвергся новому обсуждению и ей пришлось снова высказать мнение по этому поводу, она смогла без запинки и с вполне равнодушным видом сказать, что не имеет особых возражений против предложенного плана.

И они отправились в Пемберли.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

ждадая появления Пемберлейского леса, Элизабет всматривалась в дорогу с большим волнением. И когда, миновав сторожку, они наконец свернули в усадьбу, возбуждение ее дошло до предела.

Отдельные части обширного парка составляли весьма разнообразную картину. Начав осмотр с одного из его самых низменных мест, они некоторое время ехали по красивой, широко раскинувшейся роще.

Хотя Элизабет была настолько взволнована, что ей трудно было участвовать в разговоре, она любовалась каждым приветливым уголком и каждым красивым видом. На протяжении полумили они медленно поднимались и в конце концов внезапно выехали на свободную от леса возвышенность, с которой широко открывался вид на долину с господским домом, стоящим на ее противоположном краю. Это было величественное каменное здание, удачно расположенное на склоне гряды лесистых холмов. Протекавший в долине полноводный ручей без заметных искусственных сооружений превращался перед домом в более широкий поток, берега которого не казались излишне строгими или чрезмерно ухоженными. Элизабет была в восторге. Никогда еще она не видела места, которое было бы более щедро одарено природой и в котором естественная красота была так мало испорчена недостаточным человеческим вкусом. Все были единогодушны в своем восхищении. В этот момент она вполне оценила, что значило бы стать владелицей Пемберли!

Они спустились в долину, проехали по мосту и приблизились к дому. И когда она стала его рассматривать, стоя под его стенами, в ней снова проснулся страх, как бы ей не пришлось встретиться с его владельцем. Ей не

давала покоя мысль, что горничная в гостинице могла ошибиться. После того как они попросили разрешения осмотреть дом, их пригласили в вестибюль. И, пока они ожидали домоправительницу, Элизабет могла вполне удивиться тому, куда ее привела судьба.

Домоправительница появилась. Это была почтенная пожилая женщина, гораздо менее чинная и более приветливая, чем можно было судить по первому впечатлению. Гости последовали за ней в столовую — просторную комнату с удачными пропорциями и изящным убранством. Окинув ее взглядом, Элизабет подошла к окну, чтобы полюбоваться открывшимся из него видом. Увенчанный лесом холм, с которого они только что спустились, издали казавшийся более крутым, чем вблизи, представлял прекрасное зрелище. Все вокруг радовало глаз, и Элизабет с наслаждением рассматривала пейзаж: реку, разбросанные по берегам деревья и изгибы терявшейся у горизонта долины. Пока они проходили по другим комнатам, ландшафт менялся, но из каждого окна было чем полюбоваться. В комнатах были высокие потолки и богатая обстановка, достойная владельца такого поместья. И, восхищаясь его вкусом, Элизабет заметила, что эта обстановка не казалась излишне пышной и выглядела менее роскошной и в то же время более изящной, чем обстановка в Розингсе.

«И здесь-то я чуть было не стала хозяйкой! — размышляла Элизабет. — Я могла бы уже привыкнуть к этим комнатам! Вместо того чтобы осматривать их в качестве случайной посетительницы, я пользовалась бы ими как собственными, приветствуя тут в качестве своих гостей мистера и миссис Гардинер! Впрочем, нет, — спохватилась она, — это было бы невозможно. Дядя и тетя были бы для меня навсегда потеряны. Мне никогда не позволили бы их сюда пригласить».

Эта мысль пришла ей в голову как раз вовремя, избавив ее от чувства, чем-то похожего на сожаление.

Ей очень хотелось узнать у домоправительницы, в самом ли деле владелец поместья находится сейчас в отъезде, но у нее не хватало духу для прямого вопроса. Он был задан в конце концов мистером Гардинером. Отвернувшись, дабы скрыть беспокойство, Элизабет услышала, что миссис Рейнолдс ответила на него утвердительно, добавив при этом:

— Мы ждем его завтра. Он прибывает сюда вместе со своими друзьями.

Как обрадовалась Элизабет, что по какой-нибудь случайной причине они не отложили поездки!

В эту минуту миссис Гардинер позвала ее посмотреть на одну из картин. Элизабет приблизилась и среди прочих миниатюр над камином увидела портрет мистера Уикхема. Тетушка спросила ее с улыбкой, насколько он ей понравился. А подошедшая к ним домоправительница объяснила, что изображенный на портрете молодой человек — сын прежнего управляющего, воспитанный покойным мистером Дарси на свои средства.

— Сейчас он поступил в армию, — добавила она, — но боюсь, человек из него вышел совсем никудышный.

Миссис Гардинер, улыбаясь, взглянула на племянницу, но Элизабет не смогла ответить ей тем же.

— А вот, — сказала миссис Рейнолдс, показывая на другую миниатюру, — портрет нашего хозяина, очень похожий. Оба портрета были написаны одновременно, около восьми лет тому назад.

— Мне много рассказывали о мистере Дарси, — заметила миссис Гардинер, разглядывая миниатюру. — Судя по портрету, у него очень приятное лицо. Но, Лиззи, ты ведь и сама можешь судить о сходстве?

Уважение миссис Рейнолдс к Элизабет явно возросло, когда она услышала о ее знакомстве с владельцем Пемберли.

— Эта юная леди знает мистера Дарси?

— Совсем немного, — сказала Элизабет, покраснев.

— А не кажется ли вам, сударыня, что он необыкновенно хорош собой?

— О да, вы совершенно правы.

— Я не встречала другого такого красивого человека. Наверху в галерее вы увидите его портрет больших размеров и еще более удачный. Но мой покойный хозяин всегда любил эту комнату, и миниатюры висят здесь точно так, как они висели при нем. Он ими очень дорожил.

Это объясняло присутствие здесь портрета мистера Уикхема.

Миссис Рейнолдс обратила их внимание на портрет мисс Дарси, написанный, когда ей было лишь восемь лет.

— Ну, а мисс Дарси так же красива, как ее брат? — спросил мистер Гардинер.

— О несомненно, — воскликнула миссис Рейнолдс. — Она не уступит лучшим красавицам на свете. А как хорошо она воспитана! Она способна заниматься музыкой с утра до вечера. Рядом в комнате вы увидите только что привезенный для нее инструмент — подарок нашего хозяина. Завтра мы ее ждем вместе с мистером Дарси.

Любезные и непринужденные расспросы и замечания мистера Гардинера поощряли словоохотливость миссис Рейнолдс, которая то ли из тщеславия, то ли под влиянием искренней привязанности говорила о мистере Дарси и его сестре с видимым удовольствием.

— Ваш хозяин проводит в Пемберли много времени?

— Не так много, сэр, как мне бы хотелось. Но смею сказать, здесь протекает около половины его жизни. А мисс Дарси живет здесь каждое лето.

«Кроме того,— подумала Элизабет,— которое она провела в Рэмсгейте».

— Когда ваш хозяин женится, вы сможете видеть его гораздо больше.

— О да, сэр. Но мне неизвестно, когда это случится. Я не знаю никого, кто был бы хоть сколько-нибудь достоин стать его супругой.

Мистер и миссис Гардинер улыбнулись, а Элизабет, не удержавшись, заметила:

— Ваше мнение о нем, мне кажется, красноречиво говорит в его пользу.

— Я говорю одну только правду,— мои слова подтвердит всякий, кто знает мистера Дарси,— ответила миссис Рейнолдс. Элизабет показала, что это звучит довольно смело. С возрастающим изумлением она услышала, как миссис Рейнолдс добавила: — За всю жизнь он не сказал мне ни одного резкого слова. А ведь я знаю его с четырехлетнего возраста.

Эти слова особенно поразили Элизабет, настолько они шли вразрез с ее собственным представлением о Дарси. До сих пор она была уверена, что у него нелегкий характер. Ее внимание было обострено до предела. Ей не терпелось узнать еще что-нибудь, и она была от души благодарна мистеру Гардинеру, который сказал:

— Не многие люди заслуживают подобных похвал. Вы, должно быть, весьма счастливы, имея такого хозяина.

— О да, сэр, мне в самом деле очень повезло. Лучшего мне не сыскать в целом свете. Но я всегда замечала, что добрые дети вырастают хорошими людьми. А он был самым отзывчивым, самым благородным мальчиком, какого мне когда-либо приходилось встречать.

Элизабет не отрывала от нее глаз.

«Неужели речь идет о мистере Дарси?» — думала она.

— Его отец славился своей добротой,— заметила миссис Гардинер.

— О да, сударыня, вполне заслуженно. И сын его бу-

дет точь-в-точь такой же. Он так же добр к простым людям.

Элизабет слушала, удивлялась, сомневалась и горела желанием узнать больше. Миссис Рейнолдс не могла заинтересовать ее ничем другим. Все, что она рассказывала о сюжетах картин, размерах комнат и стоимости обстановки, Элизабет пропускала мимо ушей. Мистера Гардинера очень забавляло проявление фамильного тщеславия, объяснявшего, по его мнению, преувеличенные похвалы мистеру Дарси со стороны его домоправительницы. Поэтому он постарался снова вернуться к прежней теме. И пока они поднимались по длинной лестнице, миссис Рейнолдс с упоением продолжала описывать многочисленные достоинства своего патрона:

— Это лучший землевладелец и лучший хозяин из всех когда-либо существовавших на свете,— сказала она.— Не то что теперешние беспутные молодые люди, которые думают только о себе. Не найдется ни одного его арендатора или работника, который бы не сказал о нем доброго слова. Кое-кто находит его слишком гордым. Но я этого не замечала. Этот упрек, мне кажется, вызван тем, что, в отличие от современных молодых людей, он не интересуется пустяками.

«В каком выгодном свете рисуют мистера Дарси эти слова!» — думала Элизабет.

— Этот блестящий отзыв,— шепнула ей тетка,— не вполне сочетается с его отношением к нашему бедному другу.

— Быть может, нас по этому поводу ввели в заблуждение?

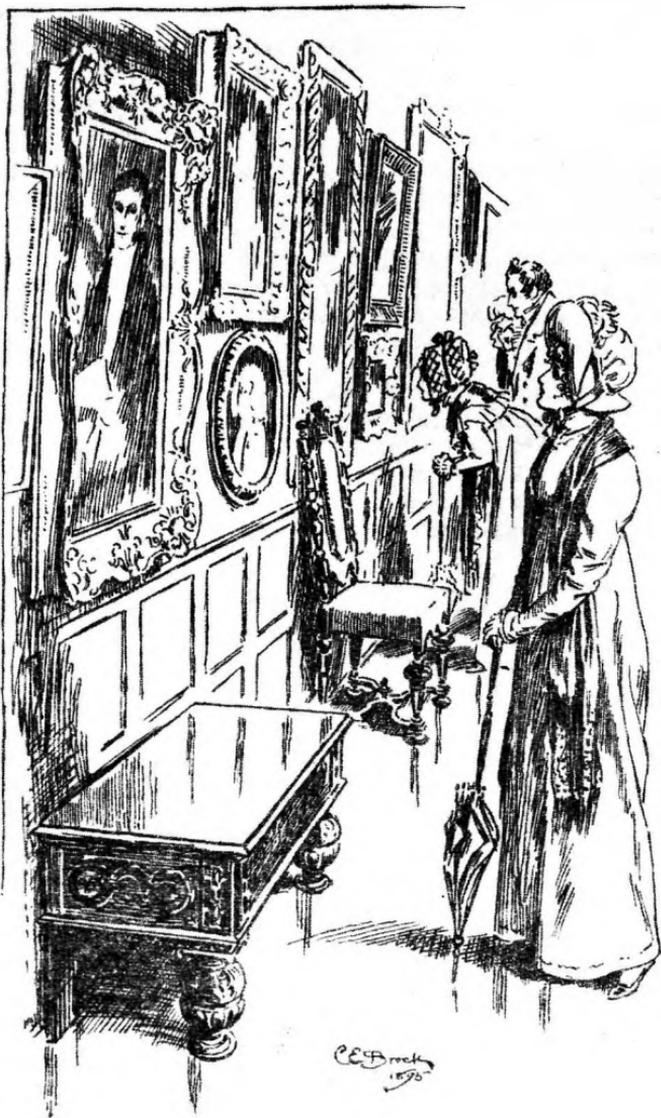
— Едва ли это могло случиться. Мы получили сведения из такого надежного источника.

Пройдя просторную переднюю во втором этаже, они заглянули в очаровательную гостиную с еще более легкой и изящной обстановкой, чем в нижних помещениях. Домоправительница объяснила, что эту комнату только на днях отделали, чтобы порадовать мисс Дарси, которой она прошлым летом особенно полюбилась.

— У нее и правда заботливый брат,— сказала Элизабет, подходя к одному из окон.

Миссис Рейнолдс заранее предвкушала восторг мисс Дарси при виде новой отделки.

— И это так на него похоже! — добавила она.— Все, что может доставить сестре хоть малейшее удовольствие, делается сейчас же. Он использует любую возможность.

Им оставалось осмотреть только картинную галерею и две или три большие спальни. В галерее оказалось немало прекрасных полотен, но Элизабет слабо разбиралась в живописи. И, устав от нее еще при осмотре первого этажа, она охотно принялась рассматривать более доступные и близкие ей карандашные наброски мисс Дарси.

Разглядывая множество семейных портретов, которые едва ли могли привлечь внимание постороннего, Элизабет искала среди них единственное лицо со знакомыми чертами. В конце концов оно бросилось ей в глаза, и она была поражена удивительным сходством портрета с мистером Дарси. На полотне была запечатлена та самая улыбка, которую она нередко видела на его лице, когда он смотрел на нее. Несколько минут Элизабет сосредоточенно в него вглядывалась. И, покидая галерею, она еще раз к нему подошла, услышав от миссис Рейнолдс, что портрет был написан еще при жизни прежнего хозяина.

В эту минуту Элизабет явно испытывала к оригиналу портрета более теплое чувство, чем когда-либо на протяжении их знакомства. Восторги миссис Рейнолдс не могли не произвести впечатления. Может ли что-нибудь звучать убедительнее, чем хвалебный отзыв разумной прислуги? Она размышляла над огромной ответственностью за человеческие судьбы, которая возлагалась на Дарси его положением старшего брата, землевладельца, хозяина дома. Сколько мог он принести людям добра и зла! Сколько радостей и горестей находилось в его власти! Каждая черточка его характера, упоминавшаяся домоправительницей, располагала в его пользу. И, стоя перед полотном, с которого на нее смотрели его глаза, Элизабет думала о его чувстве с гораздо более глубоким участием, чем когда-либо прежде: она вспоминала, как пламенно признался он ей в своей любви, и старалась заглядить в памяти неподобающую форму этого признания.

Когда были осмотрены все открытые для обозрения уголки дома, они снова сошли вниз и, распрощавшись с домоправительницей, оказались на попечении встретившего их около дверей холла садовника.

Спускаясь по газонам к реке, Элизабет обернулась, чтобы еще раз оглядеть здание. Мистер и миссис Гарднер тоже остановились. И пока первый высказывал предположение о времени постройки дома, из-за угла, по дорожке, которая вела к конюшне, вышел его владелец.

Между ними было всего двадцать ярдов, и он появился настолько внезапно, что избежать его взгляда было для Элизабет совершенно невозможно. Глаза их встретились, и лица обоих вспыхнули багровым румянцем. Мистер Дарси вздрогнул и сначала, казалось, оцепенел от изумления. Но, быстро придя в себя, он пошел к ним навстречу и заговорил с ней, хоть и не вполне владея собой, однако самым учтивым образом.

В первый момент Элизабет инстинктивно отвернулась и сделала несколько шагов в сторону. Но когда он с ней поравнялся, она растерянно остановилась и выслушала его приветствие. Если появление мистера Дарси и его сходство с только что виденным портретом недостаточно уверило ее спутников, что перед ними владелец поместья, то изумление, которое при виде хозяина изобразилось на лице садовника, подтвердило это с полной убедительностью. Пока Дарси беседовал с их племянницей, они стояли поодаль. Не смея поднять глаза, совершенно ошеломленная, Элизабет бессознательно отвечала на любезные расспросы о своей семье. Ее поразило, насколько переменялись, по сравнению с их последней встречей, его манеры. С каждой новой фразой она испытывала все возраставшее смущение. И несколько минут этого разговора, в течение которых она сознавала только, до чего неприлично было ей оказаться застигнутой в этом месте, стали самыми неловкими в ее жизни. Мистер Дарси чувствовал себя не намного увереннее: в его словах не было обычной невозмутимости. Бессвязно повторяя вопросы о том, когда она покинула Лонгборн и сколько дней ей довелось провести в Дербишире, он явно обнаруживал свое смятение.

Под конец, не зная, что бы сказать еще, он замолк и, простояв с минуту в молчании, вдруг опомнился и пошел прочь.

Мистер и миссис Гардинер тотчас же подошли к Элизабет и выразили восхищение его внешностью. Однако, поглощенная своими мыслями, Элизабет едва ли расслышала их слова и шла за ними в полном молчании. От стыда и унижения она чувствовала себя совершенно подавленной. Визит в Пемберли казался ей самым злосчастным, самым ошибочным шагом в ее жизни. Как странным должен был показаться он мистеру Дарси! Как опозорена была бы она даже и не перед столь тщеславным человеком! Можно было подумать, что она намеренно постаралась снова оказаться у него на пути! Зачем она сюда приехала? И надо же было ему явиться за день до назначенного срока! Достаточно им было выйти из замка всего на десять минут раньше, и он бы их не застал! Было ясно, что он прибыл сию минуту — только что соскочил с лошади или вышел из экипажа. И она снова и снова краснела, сознавая все неприличие ее появления в Пемберли. Но как изменилось поведение мистера Дарси! Чем это можно объяснить? Следовало удивляться, что он вообще стал с ней разговаривать. И разговаривать так

со всеми событиями предыдущего дня, заставили их по-новому взглянуть на все обстоятельства. И хотя прежде подобное предположение не могло бы у них даже возникнуть, в этот момент им стало ясно, что столь большое внимание со стороны таких особ не может объясняться иначе, как склонностью мистера Дарси к Элизабет. Пока эта только что зародившаяся догадка укрепилась в их сознании, смятение племянницы возросло еще больше. Она сама поражалась своей нервозности. Кроме других поводов для беспокойства, ее особенно тревожило, как бы мистер Дарси под действием своего увлечения не слишком перехвалил ее своей сестре. И, больше обычного горя желанием встретить гостей возможно приветливее, она справедливо опасалась, что всякая способность казаться приветливой может на этот раз ей изменить. Не желая быть замеченной с улицы, она отошла от окна и постаралась успокоиться, прохаживаясь по комнате. Однако несколько брошенных на нее недоумевающих взглядов тетушки и дядюшки привели ее в чувство в еще большее расстройство.

Мисс Дарси и ее брат вошли в комнату, и вызывавшее столько страхов знакомство наконец состоялось. Элизабет с изумлением обнаружила, что ее новая подруга смущена несколько не меньше ее самой. За время своего пребывания в Лэмтоне она уже не раз слышала о чрезмерной гордости мисс Дарси. Однако несколько минут наблюдений убедили Элизабет в том, что эта молодая особа была просто чрезмерно застенчивой. Элизабет с трудом удавалось заставить ее произнести какое-нибудь слово, кроме едва слышных односложных ответов.

Мисс Дарси была высокого роста, намного выше Элизабет. Несмотря на свои шестнадцать лет, она уже вполне сформировалась и казалась женственной и мягкой. У нее были не такие правильные, как у ее брата, черты лица, но ее внешность и манеры свидетельствовали об уме, доброте и деликатности. Ожидавшая найти в ней такого же пронизательного и неуязвимо наблюдателя человеческих нравов, как мистер Дарси, Элизабет с удовольствием отметила про себя, насколько брат и сестра были непохожи друг на друга.

Прошло короткое время после их появления, когда мистер Дарси сказал, что ее также собирается навестить мистер Бингли. И едва она успела выразить по этому поводу свое удовольствие и приготовиться к встрече нового гостя, как на лестнице послышались быстрые шаги и через минуту он вошел в комнату. Гнев Элизабет против молодого чело-

века давно прошел. Но если бы в ней и сохранилась малейшая доля этого гнева, она сразу бы исчезла при виде его непритворной радости от их встречи. Бингли горячо расспрашивал о здоровье ее родных, никого, правда, не называя по имени. При этом он держался и разговаривал с добродушием и сердечностью, которые отличали его при встречах в Хартфордшире.

У Гардинеров Бингли вызвал не меньший интерес, чем у Элизабет, — им давно хотелось его увидеть. И они смотрели на пришедших во все глаза. Недавно возникшее подозрение относительно склонности мистера Дарси к их племяннице побуждало их к внимательному, хотя и осторожному наблюдению за ними обоими. И это наблюдение вскоре убедило их, что, по крайней мере, у молодого человека сердце задето вполне серьезно. Чувства девицы еще оставляли некоторое сомнение, но восторженное преклонение перед ней ее кавалера казалось бесспорным.

Элизабет, в свою очередь, была чрезвычайно занята. Ей нужно было разобраться в мыслях гостей, привести в порядок свои собственные и постараться быть приятной присутствующим. И хотя больше всего она тревожилась о последнем, здесь успех ей был обеспечен особенно надежно благодаря расположению всех, кому она старалась понравиться. Бингли проявил полную готовность, Джорджиана — искреннее желание, а Дарси — самое твердое намерение вынести о ней благоприятное суждение.

При виде Бингли мысли Элизабет, естественно, обратились к Джейн. И она жаждала узнать, думает ли он о том же. Иногда ей казалось, что, по сравнению с прежними временами, он стал менее разговорчивым, и раз или два ей почудилось, будто он искал некое сходство в ее чертах. Но если все это и могло оставаться лишь плодом ее фантазии, она не могла ошибиться в оценке его отношения к мисс Дарси, которую ей когда-то описали как соперницу Джейн. С обеих сторон она не подметила ни одного взгляда, который бы говорил об их особом взаимном расположении. Нельзя было заметить ничего, что подтвердило бы надежды мисс Бингли, и вскоре она почувствовала себя совершенно спокойной по этому поводу. А две или три черточки в его поведении, замеченные ею прежде, чем они расстались, подсказали ее склонному к такому выводу воображению, что Бингли вспоминает о ее сестре не без нежности и охотно заговорил бы о ней, если бы у него хватило на это духа. Когда все остальные были увлечены беседой, Бингли с оттенком искренней грусти сказал:

— Сколько времени утекло с тех пор, как я имел удовольствие с вами встречаться! — И прежде, чем она успела ответить, добавил: — Больше восьми месяцев! Ведь мы не виделись с двадцать шестого ноября — с того самого вечера, когда мы танцевали в Незерфилде!

Элизабет с радостью отметила про себя, как точно запомнил он эту дату. А немного погодя он улучил минуту, и незаметно для других спросил, все ли ее сестры находятся в Лонгборне. Ни этот вопрос, ни предыдущее замечание сами по себе не содержали слишком многого, но им придавали значение лицо и манеры говорившего.

Ей редко удавалось взглянуть в сторону мистера Дарси. Но каждый раз, когда она могла бросить на него взгляд, она видела на его лице самое приятное выражение. Во всем, что он говорил, ни в малейшей степени не чувствовалось высокомерия или заносчивости по отношению к его собеседникам. Это доказывало, что замеченное ею вчера улучшение его манер, даже если оно и было кратковременным, по крайней мере, длится более одного дня. Наблюдая за тем,

как он стремится расположить к себе и заслужить доброе мнение людей, всякое общение с которыми несколько месяцев тому назад считал бы для себя унижительным, видя, как он любезен не только по отношению к ней самой, но и к той самой ее родне, о которой рассуждал с таким откровенным презрением, и, вспоминая их резкий разговор в Хансфорде, она отмечала в нем столь значительную, столь бросающуюся в глаза перемену, что чуть ли не выказывала открыто свое изумление. Даже в обществе своих дорогих друзей в Незерфилде или высокопоставленных родственников в Розингсе он еще никогда не был столь исполнен желанием быть приятным своим собеседникам, не был так свободен от надменности и замкнутости. И это при том, что ему здесь вовсе не из-за чего было стараться, а самое знакомство с людьми, которым он сейчас уделял внимание, могло навлечь на него одни только упреки и насмешки со стороны незерфилдских и розингсских дам!

Гости пробыли у них около получаса. Перед уходом мистер Дарси напомнил сестре, что они собирались пригласить мистера и миссис Гардинер и мисс Беннет на обед в Пемберли, прежде чем они покинут эти места. С некоторой неловкостью, объяснявшей тем, что она еще не привыкла к роли хозяйки дома, мисс Дарси от души поддержала своего брата. Миссис Гардинер бросила взгляд на Элизабет, желая узнать, насколько ее племянница, к которой главным образом относилось приглашение, готова его принять. Но Элизабет в этот момент отвернулась. Такое нарочитое безразличие свидетельствовало скорее о ее смущении, нежели о том, что она хочет от приглашения уклониться. Поэтому, видя, что ее муж, который был в восторге от нового знакомства, смотрит на него благосклонно, она взяла на себя смелость условиться, что они приедут в Пемберли послезавтра.

Возможность еще раз встретиться с мисс Беннет, а также подольше побеседовать с ней о хартфордширских друзьях была принята Бингли с большой радостью. В представлении довольной этим Элизабет это означало, что он надеется поговорить с ней о Джейн. Последнее обстоятельство, как и некоторые другие, позволило ей после ухода гостей считать, что она провела истекшие полчаса не так уж плохо, хотя в их присутствии она едва ли испытывала удовольствие. Стремясь остаться одна и опасаясь расспросов и намеков со стороны дядюшки и тетушки, она пробыла с ними ровно столько, сколько требовалось, чтобы выслушать их доброжелательный отзыв о мистере Бингли, и убежала переодеваться.

Однако любопытство Гардинеров ей вовсе не угрожало. В их намерения не входило принуждать ее к откровенности. Было ясно, что их племянница гораздо ближе знакома с мистером Дарси, чем они могли предполагать. Нельзя было сомневаться, что он в нее серьезно влюблен. Но чем больше им хотелось узнать, тем меньше видели они оправданий для расспросов.

О мистере Дарси следовало теперь думать благоприятно. И в той мере, в какой позволяло их знакомство, они в самом деле не замечали за ним никаких недостатков. Их не могла не тронуть его любезность. И если бы, оценивая его характер, они могли, не считаясь с прочими мнениями, основываться только на собственных чувствах или на отзыве его домоправительницы, в составленном ими образе хартфордширское общество едва ли смогло бы узнать своего прежнего знакомого. Им хотелось верить миссис Рейнолдс. И они легко пришли к заключению, что свидетельство домоправительницы, знавшей своего патрона с четырехлетнего возраста и внушавшей достаточно доверие, отнюдь не стоило отвергать с излишней поспешностью. Сведения, которыми располагали их лэмтонские друзья, ничем существенным этого свидетельства не опровергали. Мистера Дарси могли упрекнуть только в гордости. Возможно, что гордость и в самом деле была ему свойственна. Но даже если бы это было не так, жители небольшого городка, в котором владелец поместья не имел близких друзей, вполне могли приписать ему этот недостаток. Вместе с тем его характеризовали как человека щедрого, оказывающего широкую помощь нуждающимся.

В отношении Уикхема путешественникам вскоре стало известно, что он пользовался здесь незавидной репутацией. И если истинную причину разлада Уикхема с сыном его покровителя истолковывали вкривь и вкось, все же не подлежало сомнению, что, покидая Дербишир, молодой человек оставил уйму долгов, которые позже были уплачены мистером Дарси.

Что касается Элизабет, то в этот вечер ее мысли были еще больше сосредоточены на Пемберли, чем в предыдущий. И хотя вечер тянулся, как ей казалось, весьма медленно, его все же не хватило на то, чтобы она успела определить свое отношение к одному из обитателей этого поместья. Более двух часов Элизабет не могла заснуть, стараясь привести свои мысли в порядок. Она явно не относилась к нему с ненавистью. Нет, ненависть исчезла несколько месяцев тому назад. И почти столько же времени она стыди-

лась того, что когда-то испытывала к нему предубеждение, которое принимала за ненависть. Невольно возникшее уважение к Дарси, вызванное признанием его положительных качеств, больше не противоречило ее чувствам. И оно приобрело более теплый оттенок благодаря его поведению в эти два дня, представившему его характер в еще более выгодном свете. Но громче всех голосов, громче уважения и одобрения в пользу Дарси в ее душ говорил еще один голос, к которому нельзя было не прислушаться. Это была благодарность. Благодарность не только за его прежнее чувство, но и за то, что он еще продолжал ее так сильно любить, простив ей злобные и несправедливые упреки, которые она высказала, отвергая его предложение. Дарси, который, по ее убеждению, должен был отвернуться от нее, как от лютого врага, постарался при этой случайной встрече сделать все возможное, чтобы сохранить их знакомство. Не позволяя себе подчеркивать свою склонность и избегая в поведении всякой вычурности, он стремился заслужить доброе мнение о себе ее родных и сблизить ее со своей сестрой. Подобная перемена в столь самолюбивом человеке вызывала не только удивление, но и чувство признательности, ибо она могла объясняться только любовью, горячей любовью. И эта любовь пробуждала в Элизабет ощущение пока неясное, ждущее своего развития, однако отнюдь не неприятное. Она уважала и ценила этого человека, была ему благодарна, искренне желала ему счастья. И ей только важно было понять, хочет ли она сама, чтобы его судьба оказалась связанной с ее собственной, и будет ли она способствовать их общему счастью, если, используя имеющуюся у нее, как ей подсказывала интуиция, власть, заставит его вновь просить ее руки.

Между теткой и племянницей в тот же вечер было условлено, что исключительное внимание, которое оказала им мисс Дарси, навестив их в самое утро своего приезда в Пемберли, заслуживает, пусть даже не равной, ответной любезности. Было решено поэтому нанести ей визит в первой половине следующего дня. Итак, им предстояло туда поехать. Элизабет это было приятно, хотя едва ли она сама могла бы себе объяснить, чему же, собственно говоря, она радуется.

Мистер Гардинер покинул их вскоре после завтрака. Повторенное накануне приглашение половить в Пемберли рыбу требовало, чтобы он встретился там с некоторыми людьми, ожидавшими его около полудня.

орошо зная, что неприязнь к ней мисс Бингли вызвана ревностью, Элизабет понимала, что эта особа будет в высшей степени раздосадована ее появлением в Пемберли. Было поэтому любопытно узнать, сможет ли она вести себя достаточно учтиво при возобновлении их знакомства.

По прибытии их пригласили в гостиную, выходящую окнами на север, в которой было приятно провести время в жаркие летние часы. Из окон открывался живописный вид на возвышавшиеся невдалеке лесистые холмы, а также прилегавшую к дому зеленую лужайку, на которой росли великолепные дубы и испанские каштаны.

В этой комнате они были приняты мисс Дарси, находившейся в обществе миссис Хёрст, мисс Бингли и дамы, вместе с которой она жила в Лондоне. Джорджиана встретила их очень любезно. Однако вследствие ее застенчивости и боязни совершить какой-нибудь промах, в поведении Джорджианы чувствовалась скованность, которую люди, смотревшие на нее снизу вверх, легко могли приписать замкнутости и гордости. Миссис Гардинер и ее племянница поняли ее состояние и испытывали к ней сочувствие.

Миссис Хёрст и мисс Бингли приветствовали их только легкими поклонами. Когда все уселись, воцарилось обычное в таких случаях молчание. Его нарушила миссис Энсли, обходительная, приятного вида женщина, которая своей попыткой завязать беседу доказала, что она умеет себя вести лучше остальных обитательниц этого дома. В разговоре между нею и миссис Гардинер изредка участвовала и Элизабет. А выражение лица мисс Дарси свидетельствовало, что ей бы очень хотелось собраться с духом и тоже к нему присоединиться. И в минуты, когда она меньше всего боялась, что ее кто-нибудь услышит, она и в самом деле вставляла короткие фразы.

Элизабет вскоре заметила, что мисс Бингли пристально за ней наблюдает, особенно следя за каждым ее словом, обращенным к мисс Дарси. Несмотря на это, она все же постаралась бы побеседовать с Джорджианой, если бы сидела к ней поближе. Однако, будучи поглощена собственными мыслями, она была довольна, что ей не приходится много разговаривать. С каждой минутой можно было ждать появления мужчин. Ей хотелось и вместе с тем не хотелось, чтобы в их числе оказался хозяин дома, причем едва

ли она могла бы определить, какое из двух желаний было сильнее. После того как они просидели так около пятнадцати минут, в течение которых Элизабет ни разу не слышала голоса мисс Бингли, последняя прервала ее размышления, осведомившись у нее о здоровье ее родных. Элизабет ответила столь же кратко и сдержанно, и мисс Бингли замолчала.

Некоторое разнообразие внесло появление слуги с холодным мясом, печеньем и превосходнейшими фруктами, такими разнообразными в эту пору года. Случилось это, правда, после того, как миссис Энсли сумела многозначительными взглядами и улыбками напомнить молодой хозяйке о ее обязанностях. Теперь для компании нашлось общее занятие, ибо, если не все могли между собой разговаривать, есть был способен каждый. И живописные пирамиды персиков, винограда и слив вскоре привлекли всех к столу.

Подобное времяпрепровождение давало Элизабет полную возможность разобраться, хочется ли ей, чтобы к их обществу присоединился мистер Дарси. И за минуту до его появления ей казалось, что она решила этот вопрос утвердительно. Тем не менее, когда он вошел, она сразу склонилась к противоположному выводу.

Мистер Дарси провел некоторое время в обществе мистера Гардинера, который вместе с двумя-тремя местными жителями ловил рыбу. Услышав от него, что его жена и племянница хотели нанести утренний визит Джорджиане, Дарси поспешил домой. Как только он появился, Элизабет вполне здраво рассудила, что ей следует держаться при нем свободно и непринужденно. Учитывая вызванное ими всеобщее подозрение и неусыпный надзор за каждым его шагом, решение это было безусловно правильным, хоть и не легко выполнимым. Но ничье любопытство не обнаруживалось так явно, как любопытство, написанное на лице мисс Бингли, хотя она и таяла от улыбок каждый раз, когда заговаривала с Дарси или Элизабет. Ибо ревность не лишила ее надежд и она ничуть не ослабила своего внимания к владельцу Пемберли. Мисс Дарси после его прихода старалась вступать в разговор несколько чаще, и Элизабет заметила явное стремление ее брата поближе познакомиться с Джорджианой и содействовать их попыткам завязать беседу. Это не ускользнуло и от внимания мисс Бингли, которая со свойственной раздраженному человеку неосмотрительностью воспользовалась первым же случаем, чтобы насмешливо-любезным тоном спросить:

— Кстати, мисс Элиза, правда ли, что ***ширский полк в самом деле покинул Меритон? Для вашей семьи это было, наверно, подлинной трагедией!

В присутствии Дарси она не смела произнести фамилию Уикхем. Но Элизабет сразу поняла, что она намекала на него, и разнообразные воспоминания, связанные с этим именем, причинили ей некоторую досаду. Готовая дать отпор злостному выпадку, она тем не менее ответила на вопрос с достаточным безразличием. Невольно брошенный ею при этом взгляд позволил ей заметить, с каким вниманием посмотрел на нее покрасневший мистер Дарси и в каком смущении находилась не смеявшая поднять глаза Джорджиана. Если бы мисс Бингли знала, какую боль она причиняет этим намеком своей любимой подруге, она, безусловно, остереглась бы его высказать. Но она хотела только уязвить Элизабет, намекнув ей о человеке, к которому она, по ее мнению, была равнодушна. Рассчитывая вывести гостью из равновесия напоминанием о связанном с этим полком легкомысленном и глупом поведении ее родных, она надеялась повредить Элизабет в глазах Дарси. О готовившемся побеге мисс Дарси она не имела понятия — об этом не знал никто, кроме Элизабет. От семьи Бингли это происшествие скрывалось особенно тщательно из-за тех самых намерений мистера Дарси, которые заподозрила у него Элизабет и при осуществлении которых родня Бингли могла стать родней Джорджианы. У Дарси в самом деле когда-то существовал подобный план, и, не объясняя этим планом стремление разлучить Бингли и Джейн, можно было допустить, что он все же усилил его живой интерес к благополучию друга.

Умение Элизабет владеть собой вскоре рассеяло его беспокойство. И, так как раздосадованная и разочарованная мисс Бингли не посмела напомнить об Уикхеме более прямым образом, Джорджиана со временем также пришла в себя, хотя и не настолько, чтобы снова принять участие в беседе. Мистер Дарси, с которым она боялась встретиться взглядом, едва ли заметил ее переживания. А повод, который должен был по замыслу мисс Бингли оттолкнуть его от Элизабет, по-видимому, напротив, заставил его думать о ней еще более благосклонно.

Вскоре после упомянутых вопроса и ответа гости уехали. И, пока мистер Дарси провожал их до экипажа, Кэрлайн изливала свои чувства, обсуждая внешность, поведение и платье Элизабет Беннет. Джорджиана, однако, к ней не присоединилась. Рекомендации брата было достаточно,

чтобы обеспечить любому человеку ее расположение. Его суждение не могло быть ошибочным, а он отзывался об Элизабет с такой теплотой, что Джорджиана не могла не находить ее красивой и милой. Когда он вернулся в гостиную, мисс Бингли не удержалась от того, чтобы не повторить некоторые свои замечания по адресу Элизабет, которые она только что высказывала его сестре.

— Как плохо выглядела сегодня Элиза Беннет, не правда ли, мистер Дарси? — воскликнула Кэрлайн. — Я в жизни не видела, чтобы кто-нибудь так изменился за полгода! Она ужасно погрубела и подурнела! Мы с Луизой считаем, что, попадись она где-нибудь нам на улице, мы бы ее просто не узнали!

Хотя эти рассуждения отнюдь не понравились мистеру Дарси, он ограничился лишь сдержанным ответом, сказав, что не заметил в лице Элизабет никаких перемен, кроме загара — естественного следствия путешествия в летнюю пору.

— Что касается меня, — добавила мисс Бингли, — я, признаюсь, никогда не замечала в ней ничего привлекательного. Лицо у нее слишком узкое, кожа темная, а черты самые невзрачные. Ну какой у нее нос? Ни лепки, ни выразительности. Губы терпимые, но такие заурядные. А в ее глазах — кто-то однажды даже назвал их очаровательными? — я никогда не находила ничего особенного. Их едкий, пронизывающий взгляд вызывает у меня отвращение. Во всем ее облике столько простонародного самодовольства, с которым невозможно примириться!

Так как мисс Бингли знала, что Элизабет нравится мистеру Дарси, она могла бы сообразить, что высказывания подобного рода едва ли откроют ей кратчайший путь к его сердцу. Но рассерженные люди не всегда руководствуются здравым смыслом. И выражение досады на его лице было единственным следствием ее маневров. Тем не менее Дарси хранил молчание. Стремясь вызвать его на разговор, она продолжала:

— Помнится, когда мы впервые встретились с ней в Хартфордшире, всех нас крайне удивило, что она прослыла красоткой. Мне врезались в память слова, сказанные вами после того, как Беннеты обедали у нас в Незерфилде: «Это она-то красотка? Я бы скорее назвал ее мамашу душой общества!» Впоследствии, правда, ей, кажется, удалось снискать ваше расположение — одно время вы даже находили ее хорошенькой.

— О да, — выйдя из себя, ответил Дарси. — Это было

«Молодой гrooms».

С картины Бэзила Тейлора Стаббза, 1785 г.

в самом начале нашего знакомства. Но прошло уже много месяцев, как я стал видеть в ней одну из самых прелестных женщин, которых мне приходилось встречать.

С этими словами он вышел, предоставив мисс Бингли удовольствоваться вырванным признанием, которое ранило только ее одну.

На обратном пути миссис Гардинер и Элизабет обсудили все подробности визита, не коснувшись только того, что интересовало обеих на самом деле. Они затронули внешность и поведение всех присутствовавших, кроме человека, который больше всего привлекал их внимание, — говорили о его сестре, его друзьях, его доме, его угощении — обо всем, кроме него самого. А между тем Элизабет очень хотелось услышать мнение своей тетки о мистере Дарси, а та была бы крайне обрадована, если бы ее племянница решила о нем упомянуть.

ГЛАВА IV

Элизабет почувствовала сильное разочарование, не найдя по приезде в Лэмтон письма от Джейн. То же повторилось на второй и третий день их пребывания в этом городке. Но на утро четвертого дня ее огорчениям пришел конец, и сестра ее была полностью оправдана. Для Элизабет одновременно пришли два письма, из которых одно имело штемпель, свидетельствующий, что его послали по неверной дороге. Этому не следовало удивляться, так как почерк Джейн на конверте был чрезвычайно неразборчив.

Письма были принесены как раз тогда, когда Гардинеры приглашали ее на прогулку. Теперь они решили пойти вдвоем, предоставив ей возможность насладиться чтением в одиночестве. Прежде всего следовало прочесть заблудившееся письмо, отправленное еще пять дней тому назад. Начало его состояло из обычных сведений о визитах, небольших вечеринках и тому подобных новостях провинциальной жизни. Вторая половина, датированная следующим днем, касалась значительно более важного события и была написана с явной поспешностью. В ней заключалось следующее сообщение:

«Начало этого письма уже было написано, дорогая Лиззи, когда случилось неожиданное и очень серьезное происшествие. Но мне не хотелось бы тебя пугать, — пожалуйста, не волнуйся, — мы все здоровы. Новость, которую я должна тебе сообщить, касается бедной Лидии. Письмо с нарочным, прибывшим из Лондона от полковника Форстера вчера в полночь, когда все уже укладывались спать,

известило нас, что Лидия уехала в Шотландию вместе с одним из офицеров — короче говоря, с Уикхемом! Представь себе наше изумление. Впрочем, для Китти эта новость не была столь неожиданной. Я очень, очень огорчена. Такой неблагоразумный брак для обоих! Но я надеюсь на лучшее — быть может, об этом молодом человеке судят неправильно. В его безрассудство и легкомыслие я готова поверить. Но теперешний его поступок (и нам следует этому радоваться!) отнюдь не порочит его сердца. По крайней мере, в его выборе нет расчета — он же знает, что отец не может дать за ней ровно ничего. Бедная мама просто в отчаянии. Папа держится несколько лучше. Как хорошо мы сделали, скрыв от них то, что нам про него рассказывали! Мы и сами должны об этом теперь забыть. Предполагается, что они выехали в субботу около полуночи, но их отсутствие заметили только вчера в восемь часов утра. Нарочный был послан немедленно. Лиззи, дорогая, они должны были проехать всего в десяти милях от нашего дома! Судя по письму, мы надеемся, что полковник Форстер скоро будет здесь. Лидия оставила несколько строк его жене, сообщив ей об их намерении. Больше писать не могу — бедная мама не в состоянии долго оставаться одна. Боюсь, тебе трудно будет во всем разобраться — я даже сама не знаю, что написала».

Не оставляя времени для раздумий и едва отдавая себе отчет в своих чувствах, Элизабет, закончив это письмо, сразу схватила второе и, распечатав его с крайним нетерпением, прочла следующие строки (письмо было написано на другой день после предыдущего):

«К этому моменту, дорогая сестра, ты уже должна была получить мое написанное наспех вчерашнее сообщение. Хотелось бы, чтобы новое письмо оказалось более вразумительным. Но, хотя сейчас я уже не столь стеснена во времени, в моей голове такой сумбур, что я не могу быть уверена, все ли в нем будет понятно. Лиззи, миленькая, я даже не знаю, как мне об этом написать, но у меня для тебя плохие вести, и я должна сообщить их тебе как можно скорее. Как бы ни был неразумен брак между мистером Уикхемом и нашей бедной Лидией, мы теперь больше всего хотели бы убедиться, что он состоялся. Ибо имеется слишком много оснований подозревать, что они вовсе не уехали в Шотландию. Вчера к нам прибыл полковник Форстер, который покинул Брайтон накануне,

через несколько часов после отъезда нарочного. Из короткого письма Лидии к мисс Ф., казалось бы, следовало, что они отправились в Гретна-Грин. Однако мистер Денни выразил кому-то свое убеждение, что У. совсем туда и не собирался и вообще не думал жениться на Лидии. Это передали полковнику Ф., который, тут же подняв тревогу, помчался из Б., с тем чтобы разузнать, каким путем они ехали. Он легко проследил их путь до Клэпхема, но потом след потерялся, так как, прибыв туда, они сошли с почтовой кареты, везшей их от Эпсому, и наняли извозчика. Дальше известно только, что они продолжали свой путь по лондонской дороге. Просто не знаю, что и подумать. Наведя всевозможные справки по эту сторону Лондона, полковник Ф. прибыл в Хартфордшир, настойчиво продолжая расспросы у каждого шлагбаума и в гостиницах Барнета и Хэтфилда, но так ничего и не добился, — беглецов, которых он разыскивал, никто не видел. Глубоко опечаленный, он прибыл в Лонгборн и поделился с нами своими опасениями. Это делает честь его сердцу. Мне так искренне жаль его и миссис Ф., — их решительно не в чем упрекнуть. Мы все, дорогая Лиззи, в очень большом расстройстве. Мама и папа боятся самого худшего, но я не могу подумать об У. так плохо. У них могло быть множество причин для того, чтобы предпочесть первоначальному плану тайную женитьбу в Лондоне. И даже если допустить, что недостойный замысел в отношении девушки из порядочной семьи мог возникнуть у молодого человека, можно ли думать, что она сама потеряла голову в такой степени? Просто невероятно! К моему огорчению, полковник Ф. не очень склонен верить в то, что они обвенчались. Когда я поделилась с ним своими надеждами, он покачал головой и высказал сомнение в том, что У. человек, на которого можно положиться. Бедная мама теперь в самом деле больна и не выходит из комнаты. Ей стало бы легче, если бы она взяла себя в руки, но этого трудно ожидать. Что касается папы, то мне еще не приходилось видеть его таким удрученным. На бедную Китти сердятся за то, что она скрыла привязанность Лидии. Но поскольку ей сообщили об этом доверительно, могла ли она поступить по-другому? Я искренне рада, дорогая Лиззи, что тебе не пришлось присутствовать при этих ужасных сценах. Но сейчас, когда первое потрясение уже прошло, должна ли я признаться, насколько я жажду твоего возвращения? Однако я не так уж эгоистична, чтобы настаивать, если это окажется затруднительным. Adieu. Я снова взялась за

перо, чтобы обратиться с просьбой, от которой двумя строчками выше обещала воздержаться. Но обстоятельства таковы, что я вынуждена умолять всех вас приехать как можно скорее. Я настолько хорошо знаю наших дорогих дядю и тетю, чтобы не бояться сказать им об этом, причем к дяде у меня есть и особая просьба. Папа сию минуту уезжает с полковником Форстером в Лондон, чтобы попытаться там найти Лидию. Каким образом он собирается это сделать, мне решительно неизвестно. Но его угнетенное душевное состояние не позволит ему предпринять достаточно осторожные и разумные действия, а полковник Форстер обязан завтра вечером вернуться в Брайтон. В таком крайнем положении дядины советы и помощь могли бы оказаться спасительными. Он сразу поймет мои переживания, и я полагаюсь на его отзывчивость».

— Но где же, где же мне найти дядю?! — вскочив с места, воскликнула Элизабет, как только дочитала письмо.

Ей хотелось немедленно, не теряя драгоценных минут, броситься за мистером Гардинером. Но когда она добежала до порога, дверь распахнулась и слуга пропустил в комнату мистера Дарси. Увидев, как она побледнела и как стремительно кинулась ему навстречу, он растерялся. И прежде чем он привел мысли в порядок, чтобы что-то сказать, Элизабет, в сознании которой решительно все было заслонено судьбой Лидии, поспешно проговорила:

— Извините меня, я вынуждена вас покинуть. Мне сейчас же надо найти мистера Гардинера по неотложному делу. Нельзя терять ни секунды.

— Боже мой, что случилось? — вскричал он скорее участливо, нежели сообразуясь с правилами приличия. Однако, тут же взяв себя в руки, добавил: — Конечно, я не смею вас задерживать. Но разрешите отыскать мистера и миссис Гардинер мне или кому-нибудь из слуг. Вам может стать дурно, вы не в состоянии сами пойти на поиски.

Элизабет хотела было настоять на своем, но, почувствовав слабость в ногах, поняла, что едва ли способна догнать Гардинеров. Поэтому, снова позвав слугу, она, с трудом выговаривая от волнения слова, поручила ему разыскать хозяина и хозяйку и попросить их немедленно вернуться в гостиницу.

Когда слуга вышел, Элизабет, будучи не в силах стоять на ногах, опустилась в кресло. При этом вид у нее был такой больной, что Дарси счел невозможным ее покинуть и не мог удержаться от выражения участия и заботы:

— Может быть, позвать горничную? Вам надо выпить чего-нибудь подкрепляющего. стакан вина, например,— позвольте, я вам налью? Вам очень нездоровится!

— Нет, нет, благодарю вас,— ответила она, стараясь сдержать свое волнение.— Со мной ничего не случилось. Я совершенно здорова. Меня лишь расстроило только что полученное злосчастное известие из Лонгборна.

При этом она разразилась рыданиями и в течение нескольких минут была не в силах что-нибудь сказать. Дарси в растерянности мог только пробормотать невразумительные слова сочувствия и молча смотрел на нее с жалостью. В конце концов она снова заговорила:

— Я только что получила письмо от Джейн с огорчительной новостью. Она станет известна всем. Моя младшая сестра покинула друзей — сбежала,— оказалась во власти мистера... мистера Уикхема. Они вместе уехали из Брайтона. Вы достаточно знаете этого человека, чтобы понимать, что это означает. У нее нет ни денег, ни связей,— ровно ничего, чем она могла бы его удержать,— она погибла.

Дарси оцепенел от изумления.

— Страшно подумать,— продолжала она еще более взволнованно,— ведь мне это было так просто предупредить. Я, которая так хорошо знала, что он собой представляет! Достаточно было рассказать моим близким совсем немного из того, что мне стало известно. Этого бы не случилось, если бы все знали, что он за человек. Но теперь уже ничего, ничего нельзя поделать!

— Какой ужас! — воскликнул Дарси.— Я, в самом деле, глубоко огорчен. Но уверены ли вы, что все произошло так, как вы рассказываете? Достоверно ли это известие?

— Увы, да! Они выехали вдвоем из Брайтона в ночь под воскресенье. Их путь удалось проследить до самого Лондона, но дальше он затерялся. То, что они не поехали в Шотландию,— очевидно.

— Но что же предпринято? Пытались ли ее хоть как-то вернуть?

— Отец выехал в Лондон. Джейн просит в письме, чтобы дядя поспешил ему на помощь. Через полчаса мы, наверно, будем в пути. Но ничего не получится. Я хорошо понимаю, что теперь уже ничего не получится. Разве на такого человека можно воздействовать? Каким образом удастся их хотя бы найти? Я ни на что не надеюсь. Все просто ужасно!

Дарси молча наклонил голову, выражая согласие.

— А ведь мне на него открыли глаза! Если бы я тогда знала, что я могла, нет, что я была обязана предпринять! Но я не понимала — боялась зайти слишком далеко. Страшная, непоправимая ошибка!

Дарси ничего не ответил. Возможно, что, прохаживаясь по комнате, погруженный в печальные размышления, он даже не слышал ее слов. На лбу его прорезались глубокие морщины, он был мрачен. Элизабет вскоре обратила на него внимание и сейчас же все поняла. Ее власть над ним кончилась. Все должно было кончиться при таком семейном позоре, при столь явном свидетельстве глубочайшего бесчестия. Ей нечему было удивляться, не в чем его упрекнуть. Но мысль о том, что ему удалось преодолеть свое чувство, ничуть не облегчила ее душевной муки, не ослабила ее горя. Напротив, она как будто явилась тем толчком, который был необходим, чтобы раскрыть ей глаза на собственное сердце. И еще никогда она не сознала с такой отчетливостью, насколько сильно она могла бы его полюбить, как именно сейчас, в ту самую минуту, когда ни о какой любви между ними больше не могло быть и речи.

И все же, хотя мысли о самой себе и промелькнули в ее сознании, они не могли завладеть им надолго. Унижение, горе, которые всем причинила Лидия, быстро оттеснили все другие переживания. Уткнувшись лицом в платок, Элизабет вскоре забыла обо всем остальном. И только после нескольких минут молчания она вновь стала воспринимать окружающее, прислушавшись к голосу своего собеседника, в словах которого одновременно с участием ощущалось и некоторое замешательство.

— Вы, должно быть, давно ждете моего ухода. Мне нечем оправдать свою медлительность, разве лишь искренним, хоть и бесплодным сочувствием. Боже, если бы только я мог что-то сделать или высказать для смягчения вашего горя! Но для чего надоедать вам пустыми пожеланиями, как будто добиваясь благодарности?.. Боясь, это печальное событие лишит мою сестру удовольствия видеть вас сегодня в Пемберли?

— О да! Будьте добры извиниться за нас перед мисс Дарси. Скажите ей, что срочное дело потребовало нашего немедленного возвращения. Скрывайте от нее ужасную правду, пока будет возможно. Я понимаю, это продлится недолго.

Он с готовностью обещал блюсти тайну, еще раз выразил ей сочувствие, понадеялся, что все обернется не так плохо, как можно было пока ожидать, и, попросив передать поклон ее родным, удалился, бросив на нее прощальный пристальный взгляд.

Когда он вышел, у Элизабет мелькнула мысль, что они вряд ли когда-нибудь встретятся с той сердечностью, которая отличала их встречи в Дербишире. И, оглянувшись назад на все их знакомство, полное перемен и противоречий, она вздохнула по поводу изменчивости душевных стремлений, которые сейчас были направлены на то, чтобы это знакомство сохранить, а еще недавно — на то, чтобы как можно скорее с ним покончить.

Если уважение и признательность — подходящая почва для сердечной привязанности, то перемена чувств Элизабет не должна казаться невероятной или фальшивой. Но если, напротив, склонность, возникающую на такой основе, считать надуманной или неестественной — в противоположность увлечению, которое якобы так часто рождается с первого взгляда, еще до первых слов, сказанных друг другу будущими влюбленными, — то перемену чувств Элизабет можно оправдать только тем, что у нее уже был небольшой опыт романтической привязанности к Уикхему и что бесславный конец этой привязанности мог подсказать ей иной, менее трогательный путь поисков друга сердца. Как бы то ни было, разлука с Дарси навела ее на грустные размышления. И когда ей пришло в голову, что эта разлука является одним из первых печальных последствий позора ее сестры, боль в ее душе, вызванная поступком Лидии, обострилась еще сильнее. После второго письма Джейн она ни на миг не допускала мысли, что Уикхем может жениться на Лидии. Никто, кроме Джейн, не стал бы, по ее мнению, утешать себя подобной надеждой. Ход событий выглядел достаточно ясным. До тех пор пока она знала содержание лишь первого письма, она недоумевала, как это Уикхем вздумал жениться на девушке, за которой не получал ни гроша. Ей казалось непостижимым, что Лидии удалось привязать его к себе. Но теперь все стало на свои места. Для приключения подобного рода она была достаточно привлекательной. И хотя Элизабет не предполагала, что ее сестра сознательно решилась на побег, не имея в виду замужества, ей не трудно было поверить, что ни добродетель, ни здравый смысл не помешают Лидии стать легкой жертвой своего соблазнителя.

Пока полк стоял в Хартфордшире, Элизабет не замечала, чтобы Лидия проявляла к Уикхему особую склонность. Но она отлично знала, что сестре достаточно самого небольшого поощрения, чтобы броситься на шею кому угодно. Ее избранниками бывали то один, то другой офицер, по мере того как оказанное ей каждым из них внимание поднимало его в ее глазах. Привязанности ее непрерывно менялись, но сердце никогда не оставалось свободным. И этой девчонке было оказано доверие и позволено жить без необходимого присмотра! О, как болезненно отзывалась теперь эта мысль в ее душе!

Она жаждала скорее вернуться домой, чтобы самой все слышать и видеть, во всем принимать участие и делить с Джейн все заботы, обрушившиеся теперь в их рас-

строенном доме на нее одну, так как мистер Беннет отсутствовал, а мать была не способна вести хозяйство и сама нуждалась в постоянном уходе. Уверенная, что для Лидии ничего уже нельзя сделать, она все же придавала огромное значение вмешательству мистера Гардинера. Поэтому до тех пор, пока он не вошел в комнату, она жестоко страдала от нетерпения. Мистер и миссис Гардинер поспешно вернулись, встревоженные сообщением слуги о внезапной болезни племянницы. Заверив их в том, что она чувствует себя вполне здоровой, Элизабет тотчас же сообщила им причину поднятой ею тревоги, прочитав оба письма вслух и с особым волнением подчеркнув приписку в конце второго письма. Хотя Лидия никогда не была любимицей Гардинеров, их не могло не опечалить полученное известие. Событие наносило ущерб не только ей одной, но решительно всей семье. Поэтому после первых возгласов удивления и негодования мистер Гардинер выразил полную готовность оказать посильную помощь. И хотя Элизабет и не ожидала от него другого ответа, она все же поблагодарила его со слезами на глазах. Охваченные единым порывом, они тотчас же условились обо всем, что касалось поездки. Они должны были отправиться как можно скорее.

— Но что же нам делать с Пемберли! — воскликнула миссис Гардинер. — Джон сказал нам, что мистер Дарси был здесь, когда ты его послала за нами. Это правда?

— Да. И я предупредила его, что мы к ним не сможем приехать. Об этом можно не беспокоиться.

— Можно не беспокоиться? — повторила миссис Гардинер, когда Элизабет убежала к себе собирать вещи. — Неужели отношения между ними позволили ей все ему рассказать? Как бы хотелось мне узнать правду!

Желание это было несбыточным. Оно в лучшем случае могло занять ее ум во время суматошных сборов к отъезду. Если бы Элизабет могла себе позволить быть праздной, она из-за перенесенного удара, несомненно, испытывала бы полное изнеможение. Но ей, как и ее тетке, нужно было еще покончить со множеством дел, в том числе написать друзьям в Лэмтоне, сообщив выдуманную причину внезапного отъезда. Уже через час, однако, все было готово. Мистер Гардинер тем временем заплатил по счету в гостинице, и они могли отправляться. После всех огорчений, пережитых в это утро, и гораздо раньше, чем она предполагала, Элизабет наконец сидела в экипаже, мчавшемся по дороге в Лонгборн.

снова все хорошо обдумал,— обратился к Элизабет мистер Гардинер, когда они выехали из городка,— и, рассудив как следует, пожалуй, готов согласиться с Джейн. Мне кажется неправдоподобным, чтобы офицер мог позволить себе столь гнусный поступок в отношении девушки, отнюдь не беззащитной и одинокой, гостившей к тому же в семье его полкового командира. Поэтому я склонен надеяться на лучшее. Не мог же Уикхем полагать, что за нее не вступятся ее друзья? И мог ли он надеяться остаться в полку после того, как нанес такое оскорбление полковнику Форстеру? Соблазн был несоразмерен с риском.

— Вам в самом деле так кажется? — с проблеском надежды спросила Элизабет.

— Честное слово,— сказала миссис Гардинер,— я тоже начинаю склоняться к такому мнению. Слишком это противоречило бы порядочности, чувству чести и его собственной выгоде, чтобы считать Уикхема виновным в подобном поступке. Я не могу о нем думать так плохо. И неужели, Лиззи, он настолько упал в твоих глазах, что ты сама считаешь его на это способным?

— Что касается пренебрежения собственной выгодой — пожалуй, нет. Но всем другим он, по-моему, вполне может пренебречь. Хотелось бы, конечно, чтобы вы были правы! Но, увы, я не смею на это надеяться. В противном случае как объяснить, что они не поехали в Шотландию?

— Прежде всего,— ответил мистер Гардинер,— еще не доказано, что они туда не поехали.

— Да, но их пересадка с почтовой кареты на извозчика кажется весьма подозрительной. К тому же они не оставили никаких следов на барнетской дороге.

— Ну что ж, будем считать, что они в Лондоне. Помимо других причин, они могли заехать туда хотя бы ради того, чтобы избавиться от преследования. У них, должно быть, не слишком много денег. Поэтому разве они не могли подумать о возможности более дешевого, хотя и не столь скорого бракосочетания в городе?

— Но зачем же такая скрытность? Почему они боятся, что их найдут? Для чего тайная женитьба? Нет, нет, мне в это не верится. Его ближайший приятель, судя по письму Джейн, убежден, что он даже не собирался на

ней жениться. Уикхем не женится на бесприданнице. Такой роскоши он себе не позволит. И что мог он найти в Лидии? Чем она прельстила его, кроме молодости, здоровья и беспечного нрава, чтобы он пожертвовал ради нее возможностью поправить с помощью женитьбы свои дела? Мне трудно судить, насколько его должна была сдерживать боязнь опозорить военный мундир, ибо я не знаю, к каким это приводит последствиям. Но что касается вашего второго довода, то он не кажется мне убедительным. У Лидии нет братьев, которые могли бы за нее заступиться. А поведение мистера Беннета, его невозмутимость и равнодушие к семейным делам вполне позволяли Уикхему считать, что с его стороны следует ожидать наименьшего вмешательства, какое только возможно в подобном случае.

— Но разве, по-твоему, Лидия могла забыть все, кроме своего увлечения, и согласиться на совместную жизнь, даже не став его законной женой?

— Можно подозревать,— и это ужаснее всего,— ответила Элизабет с глазами, полными слез,— что взгляды сестры на добродетель и мораль отличаются от общепринятых. Мне трудно выразить мою мысль. Может быть, я к ней несправедлива. Но она еще так молода. Ее никогда не учили думать о серьезных вещах. А последние полгода,— нет, уже год,— она не занята ничем, кроме развлечений и суеты. Ей разрешалось жить праздно и легкомысленно и усваивать любые вздорные взгляды, которые она подхватывала где угодно. С тех пор как ***ширский полк расположился в Меритоне, у нее в голове только любовь, ухаживания и офицеры. Раздумывая и болтая об этом, она делала все возможное, чтобы развить в себе наибольшую,— как бы это получше выразиться,— восприимчивость, которая у нее и без того далеко не вялая от природы. А зная умение Уикхема очаровывать своей внешностью и обращением, мы все понимаем, насколько ему легко вскружить женщине голову.

— Да, но ведь Джейн,— заметила ее тетка,— не считает Уикхема настолько плохим человеком, чтобы он был способен соблазнить Лидию.

— О ком Джейн когда-нибудь думала плохо? И найдется ли человек, как бы скверно он себя ни зарекомендовал в прошлом, которого она сочла бы способным соблазнить женщину, не получив доказательств его преступления? Но Джейн знает не хуже меня, что представляет собой Уикхем на самом деле. Нам обоим известно,

что он негодяй в полном смысле этого слова. Что у него нет ни чести, ни совести. Что его лживость и неискренность не уступают его вкрадчивости.

— И все это тебе на самом деле известно? — воскликнула миссис Гардинер с вновь пробудившимся любопытством по поводу ее осведомленности.

— Да, я в этом совершенно уверена, — покраснев, сказала Элизабет. — Я уже как-то вам говорила, как низко он поступил по отношению к мистеру Дарси. И вы сами слышали в Лонгборне, что он рассказывал о человеке, проявившем по отношению к нему столько великодушия и терпимости. Но до меня дошли и другие сведения, которых я не вправе... нет, о которых пока что не стоит рассказывать. Клевета, возводимая им на семейство Дарси, не имеет предела. Из того, что он рассказывал мне о мисс Дарси, я представляла ее себе высокомерной, замкнутой и неприятной особой. А ему было известно, что она вовсе не такая. Он должен был знать, что она именно та приветливая и непосредственная девушка, какой мы увидели ее при нашей встрече.

— Но неужели все это ускользнуло от Лидии? Могла ли она совсем не знать того, что Джейн и тебе известно во всех подробностях?

— Увы, да! Именно это и терзает меня сильнее всего. До моего визита в Кент, где я близко познакомилась с мистером Дарси и его родственником, полковником Фицуильямом, я сама ничего не знала. А домой я вернулась перед тем, как ***ширский полк должен был покинуть Меритон. Мы не сочли нужным опровергать перед его уходом сложившееся в наших краях хорошее мнение об Уикхеме. А потому ни я, ни Джейн, которая услышала обо всем от меня, ничего никому не рассказали. Даже когда было решено, что Лидия поедет с миссис Форстер, я не подумала о необходимости раскрыть ей глаза. Мне не приходило в голову, что он способен ее обмануть. А того, что произошло, можете мне поверить, я даже и вообразить не могла.

— Значит, когда они уезжали в Брайтон, у тебя не было причин считать, что они друг к другу равнодушны?

— Ни малейших. Я не могу припомнить хоть каких-нибудь знаков взаимной симпатии. А вы ведь знаете, если бы что-нибудь можно было заметить, в нашей семье этого бы не проглядели. Когда он поступил в полк, она и впрямь готова была в него влюбиться. Впрочем, тогда мы все были на это способны. Любая девчонка в Меритоне или

его окрестностях в течение первых двух месяцев была без ума от Уикхема. Но он совершенно не замечал Лидии. И после нескольких недель безумного увлечения она мало-помалу выбросила его из головы, и ее избранниками снова стали другие офицеры, которые уделяли ей больше внимания.

Разговоры на эту интересную тему, естественно, не добавляли чего-нибудь нового к их страхам, надеждам и предположениям. Однако на всем пути они почти не прекращались. Элизабет была не способна сосредоточиться на чем-то другом. Она жестоко страдала от сознания допущенной ею ошибки и не находила ни минуты забвения или покоя.

Путешественники двигались с предельной скоростью и, проведя ночь в дороге, прибыли в Лонгборн на следующий день к обеду. Мысль, что Джейн не придется долго ждать их приезда, была для Элизабет в пути единственным утешением.

При въезде в усадьбу они заметили на крыльце маленьких Гардинеров, привлеченных видом кареты. Когда карета подъехала, лица детей озарились восторгом, — дети выразили его даже своими фигурками, посредством всевозможных скачков и ужимок, — который явился приятным прологом встречи с домашним очагом.

Элизабет выпрыгнула из кареты и, перецеловав детей, ринулась в холл, где ее встретила Джейн, которая бегом спустилась из комнаты матери. У обеих глаза были полны слез. Сестры горячо обнялись, и младшая сразу спросила у старшей, получены ли какие-нибудь известия о беглецах.

— Еще нет, — ответила Джейн. — Но теперь, когда наш дорогой дядя приехал, я надеюсь, все будет хорошо.

— Папа в Лондоне?

— Да, он уехал во вторник, как я тебе сообщала.

— От него есть письма?

— Пока только одно. В среду он прислал несколько строк. Сообщил, что прибыл благополучно, и сделал распоряжения, о которых я его просила. В конце говорилось, что, пока не появится что-нибудь заслуживающее упоминания, он писать не станет.

— А мама? Как она? Как вы все?

— Кажется, маме немного лучше. У нее ужасно расстроены нервы. Она наверху у себя и будет счастлива всех увидеть. Пока что она не выходит дальше гардеробной комнаты. А Мэри и Китти, слава богу, здоровы.

— Ну, а как себя чувствуешь ты? — воскликнула Элизабет. — Ты побледнела. Сколько же тебе, бедняжке, за это время пришлось пережить!

Джейн, однако, уверила ее, что чувствует себя вполне хорошо. Разговор сестер, продолжавшийся, пока Гардинеры были заняты детьми, был прерван приходом всего их семейства. Джейн по очереди обнялась с дядюшкой и тетушкой, встречая и благодаря их с улыбкой и со слезами на глазах.

Когда все собрались в гостиной, вопросы, заданные Элизабет, были, разумеется, повторены Гардинерами, и вскоре оказалось, что Джейн не может сообщить почти ничего нового. Тем не менее она продолжала питать свойственные ее сердцу радужные надежды. Она по-прежнему верила, что все кончится благополучно и что в любой день можно ждать письма от Лидии или от отца с объяснением действий беглецов и, быть может, известием об их бракосочетании.

Миссис Беннет, в чью комнату они перешли после нескольких минут разговора в гостиной, встретила их так, как они и ожидали: слезами и жалобами на свою горькую участь, бранью по поводу мерзкого поступка Уикхема, причитаниями о собственных муках и упреками в адрес решительно всех, кроме единственной особы, которая своей неразумной терпимостью больше всего потакала легкомыслию дочери.

— Если бы я смогла настоять, чтобы все мы поехали в Брайтон, — сказала она, — ничего бы не случилось. О бедной Лидии некому было позаботиться. Разве Форстеры не должны были все время держать ее у себя на глазах? Они допустили, поверьте, вопиющую небрежность, если не что-нибудь худшее! Моя девочка не была бы на такое способна, если бы за ней присматривали. Мне всегда казалось, что им нельзя ее поручать. Но со мной, как обычно, не посчитались. Бедное, родное мое дитя! А теперь нас покинул мистер Беннет, и я знаю, он будет драться с Уикхемом, как только с ним встретится, и его убьют, и что тогда с нами со всеми станет? Коллинзы вышвырнут нас, прежде чем он остынет в гробу! И если ты, братец, над нами не сжалишься, я не знаю, куда мы денемся.

Все в один голос отвергли столь мрачные предположения, и после исчерпывающих заверений в своей привязанности к сестре и ко всему ее семейству мистер Гардинер обещал на следующий же день уехать в Лондон и помочь

мистеру Беннету во всем, что он предпримет для спасения Лидии.

— Мы не должны предаваться бесплодному унынию,— добавил он.— И хотя следует подготовиться к худшему, пока что такой исход нельзя считать неизбежным. Еще не прошло недели с тех пор, как они сбежали из Брайтона. Через несколько дней мы о них услышим. И до тех пор, пока мы не узнаем, что он на ней не женился и не собирается жениться, не следует впадать в отчаяние. Как только я попаду в Лондон, я поеду к брату, перевезу его к себе на Грейсчёрч-стрит, и мы хорошенько обдумаем все, что можем с ним предпринять.

— Ах, дорогой братец,— воскликнула миссис Беннет,— это как раз то, чего бы мне хотелось больше всего. Пожалуйста, разыщите их там в городе, где бы они ни запропались, и, если они еще не поженились, устройте так, чтобы они были женаты. И пусть они не откладывают этого из-за свадебных нарядов. Скажите Лидии, что, когда она окажется замужем, у нее будет достаточно денег, чтобы купить любое платье. А самое важное — спасите мистера Беннета от дуэли. Расскажите ему, в каком я ужасном состоянии, что я буквально схожу с ума от страха и что у меня бывают судороги во всем теле и спазмы в боку, и такие жестокие головные боли и сердцебиение, от которых нет покоя ни днем, ни ночью. И передайте моей дорогой Лидии, чтобы она не отдавала шить платье, не повидавшись со мной, так как она не знает, в каком магазине его лучше заказывать. Ах, какой вы добрый! Я уверена, вы не забудете моей просьбы!

Мистер Гардинер обещал сделать все от него зависящее и вместе с тем посоветовал ей проявлять бóльшую умеренность в своих надеждах и в своих опасениях.

Проговорив с ней таким образом до обеда, родные ее покинули, предоставив ей излить свои чувства перед домоправительницей, которая ухаживала за миссис Беннет в отсутствие дочерей.

Мистер Гардинер и его жена были уверены, что у нее не было настоящего повода для подобного затворничества, однако не пытались ее отговаривать, зная, насколько ей недостает благоразумия, чтобы сдерживаться в разговоре за столом в присутствии прислуги. Поэтому они предпочитали, чтобы все заботы и тревоги высказывались ею лишь одному постороннему человеку, пользующемуся притом наибольшим доверием.

В столовой они вскоре увидели Мэри и Китти, которые были слишком заняты у себя в комнатах, чтобы выйти к ним раньше. Одна оторвалась от своих книг, а другая — от туалетного столика. Физиономии обеих казались, впрочем, вполне беззаботными. Обе девицы почти не изменились, если не считать того, что утрата любимой сестры, а быть может упреки, вызванные ее участием в происшествии, сделали Китти еще более раздражительной. Что касается Мэри, то она достаточно владела собой, чтобы, усевшись за столом рядом с Элизабет, почти сразу же прошептать ей с меланхолическим видом:

— Что за печальное известие! Как много оно вызовет толков! Но мы должны устоять перед натиском зла и окропить наши сердечные раны бальзамом сестринского участия.

Видя, что Элизабет не собирается ей отвечать, она добавила:

— Из печального случая с Лидией мы все же можем извлечь полезные уроки. Они заключаются в том, что утрата женщиной добродетели непоправима; что ее репутация тем более хрупка, чем более она безупречна; и что женщина никогда не может быть чрезмерно осторожной в своем отношении к недостойным представителям другого пола.

Элизабет удивленно подняла на нее глаза, но, чувствуя себя слишком подавленной, промолчала. И Мэри продолжала тешить свою душу столь же своевременными моральными прописями.

Под вечер две старшие мисс Беннет могли провести полчаса вдвоем. Элизабет сразу воспользовалась этой возможностью, чтобы задать Джейн множество вопросов, на которые ее сестра отвечала с большой охотой. После обоюдных сожалений по поводу ужасных последствий случившегося, которые Элизабет полагала почти неотвратимыми, а Джейн — весьма вероятными, первая продолжала:

— Но ты должна рассказать мне то, о чем я пока не имею ни малейшего представления. Как отнесся ко всему папа? Что рассказал полковник Форстер? Не было ли у Форстеров подозрений до того, как Лидия и Уикхем совершили побег? Ведь их повсюду должны были видеть вместе.

— Полковник Форстер подтвердил, что догадывался об их взаимной склонности, особенно со стороны Лидии. Но он не замечал ничего, что могло бы вызвать тревогу. Его было очень жалко, — по-моему, это необыкновенно

добрый и отзывчивый человек. Он собирался побывать у нас, чтобы выразить свое огорчение даже до того, как заподозрил, что они не поехали в Шотландию. А когда это подозрение возникло, он приехал немедленно.

— А Денни в самом деле уверен, что Уикхем на ней не женится? Он знал о готовившемся побеге? Полковник видел самого Денни?

— Да. Но при этом разговоре мистер Денни отрицал, что ему было заранее известно о побеге, и не сказал, что он об этом думает сам. Он больше не утверждал, что они не собираются пожениться, и это позволяет надеяться, что его перед тем неправильно поняли.

— А до приезда полковника вам даже не приходило в голову, что они не поженятся?

— Разве мы могли об этом подумать? Сама я немного тревожилась — будет ли Лидия счастлива с Уикхемом. Я же знала, что его поведение не всегда было безукоризненным. А папа и мама ничего не подозревали и понимали только, насколько этот брак неблагоприятен. И вдруг Китти, которая, естественно, гордилась своей осведомленностью, призналась, что в последнем письме Лидия предупредила ее о своем намерении. Оказывается, ей было известно, что они уже несколько недель любят друг друга.

— Но это началось после отъезда в Брайтон?

— Думаю, что да.

— А полковник Форстер, по-твоему, очень плохого мнения об Уикхеме? Понял он, что тот собой представляет?

— Признаюсь, он отзывался об Уикхеме не так лестно, как прежде. Он считает его невоздержанным и расточительным. А после печального происшествия стали говорить, что Уикхем наделал в Меритоне много долгов. Надеюсь, это окажется неправдой.

— Джейн, милая, если бы мы меньше скрывали, если бы мы рассказали то, что нам было о нем известно, ничего бы не случилось.

— Может быть, это было бы лучше,— ответила Джейн.— Но разоблачать прежние ошибки человека, не зная о его чувствах в настоящее время, кажется мне несправедливым. У нас были добрые намерения.

— А что рассказал полковник Форстер о содержании письма Лидии к его жене?

— Он захватил его с собой, чтобы показать нам.

Джейн вынула письмо из памятной книжки и протянула его Элизабет. Вот что в нем говорилось:

«Моя дорогая Харриет,

ты будешь хохотать до упаду, когда узнаешь, куда я уехала, и я сама помираю со смеху, воображая, как ты утром удивишься, когда тебе скажут, что я пропала. Я еду в Гретна-Грин, и если бы ты не догадалась, с кем именно, я считала бы тебя просто дурочкой, так как на свете существует только один человек, которого я люблю, и этот человек — ангел. Я никогда не была бы без него счастлива, так что не печалься о моем бегстве. Ты можешь не сообщать в Лонгборн о моем отъезде, если тебе это неприятно. Ведь тогда они еще больше удивятся, получив от меня письмо с подписью «Лидия Уикхем». Вот будет потеха! Мне так смешно, что я еле вывожу буквы. Пожалуйста, принеси мои извинения Пратту за то, что я не выполнила обещания танцевать с ним сегодня вечером. Скажи ему, что он безусловно меня простит, когда обо всем узнает, и обещаю, что я с большим удовольствием буду танцевать с ним на первом же балу, на котором мы встретимся. За платьями я пришлю, как только попаду в Лонгборн. Но я бы хотела, чтобы Салли зашила шов, который распоролся на моем вышитом муслиновом платье, прежде чем его запакуют.

Прощай. Привет полковнику Форстеру. Надеюсь, вы выпьете за наше счастливое путешествие.

Преданная тебе подруга

Лидия Беннет».

— Беспечная, беспечная Лидия! — воскликнула Элизабет, дочитав до конца. — И этим письмом она сообщает о таком событии в своей жизни?! Но из него, по крайней мере, следует, что сама она относилась к цели поездки серьезно. К чему бы он ни склонил ее позже, она не думала о бесчестье. Бедный отец! Как тяжело ему было это пережить!

— Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь был так потрясен. В течение десяти минут он не мог произнести ни слова. А маме сразу стало плохо, и все в доме пошло вверх дном.

— Джейн, милая, — спросила Элизабет, — осталась ли в доме хоть одна служанка, которая не узнала бы в тот же день всех подробностей этой скандальной истории?

— Как тебе сказать? Надеюсь, что да. Но в ту минуту очень трудно было владеть собой. Мама была в истерике, и, хотя я всячески ей старалась помочь, боюсь, я не сде-

лала всего, что могла. Я была в таком ужасе, думая, чем это кончится, что стала совершенно беспомощной.

— Ты сделала больше, чем могла. У тебя нездоровый вид. Если бы я была здесь, мне пришлось бы заботиться о тебе.

— Мэри и Китти были очень добры. И я уверена, они разделили бы со мной все заботы. Но я считала, что это может им повредить. Китти такая хрупкая и так легко возбуждается, а Мэри настолько погружена в свои занятия, что было бы грешно лишить их отдыха. Во вторник, после папиного отъезда, в Лонгборн приезжала тетушка Филипс. Она была так добра, что пробыла со мной до чет-

верга и очень нам всем помогла. Леди Лукас тоже была очень великодушна. В среду она приходила выразить свое сочувствие и сказала, что она и ее дочери готовы оказать нам всяческую поддержку.

— Лучше бы она сидела у себя дома! — воскликнула Элизабет. — Быть может, у нее были добрейшие намерения. Но при такой беде, как наша, чем меньше видишь соседей, тем лучше. Помощь здесь невозможна, а сочувствие — непереносимо. Пускай же они радуются нашим несчастьям подалеже от нас.

Она спросила сестру, что отец собирался предпринять для розыска.

— Мне кажется, — ответила Джейн, — он хотел отправиться в Эпсом — место, где они последний раз меняли лошадей, попробовать выяснить что-нибудь у кучеров. Главная его цель — узнать номер извозчика, который вез их из Клэпхема. Этот извозчик приехал с кем-то из Лондона. Папа считал, что такой случай, при котором дама и господин пересаживаются из одного экипажа в другой, не мог остаться незамеченным, и он собирался навести справки в Клэпхеме. Если ему посчастливится узнать, у какого дома извозчик перед тем высадил своих седоков, он хотел зайти в этот дом. Там ему, быть может, удастся узнать номер и место стоянки извозчика. Не знаю, что он еще собирался сделать. Он так торопился уехать и был так сильно расстроен, что я с трудом смогла добиться у него даже этого.

ГЛАВА VI

се были уверены, что на следующее утро будет получено письмо от мистера Беннета, однако почта пришла и не принесла от него ни строчки. Члены его семьи хорошо знали, насколько он при обычных обстоятельствах небрежен в своей переписке, но рассчитывали, что сейчас он все же сделает над собой усилие. Приходилось думать, что он не может сообщить ничего хорошего, но даже об этом они рады были бы знать наверняка. Мистер Гардинер, который немного задержался в ожидании письма, уехал сразу же по прибытии почты.

С его отъездом они могли хотя бы надеяться, что их будут держать в курсе происходящих событий. Про-

щаясь, мистер Гардинер обещал как можно скорее уговорить мистера Беннета вернуться в Лонгборн. Тем самым он успокоил свою сестру, которая видела в этом для мужа единственное спасение от гибели на дуэли.

Миссис Гардинер, считая, что племянницам может оказаться полезным ее присутствие, решила провести с детьми в Хартфордшире еще несколько дней. Она помогала им в уходе за миссис Беннет, и им было очень приятно побыть с ней в часы досуга. Другая тетка также проводила у них немало времени, желая, по ее словам, их развеселить и ободрить. Но так как у нее всегда были припасены свежие новости о расточительности и непорядочности Уикхема, она редко оставляла их менее удрученными, чем они чувствовали себя перед ее приходом.

Весь Меритон старался теперь всячески очернить человека, который еще три месяца тому назад казался ему чуть ли не ангелом. Стало известно, что он задолжал решительно во всех лавках. Объявленный бесчестным соблазнителем, он стал притчей во языцах по всей округе. Все считали его самым испорченным человеком на свете и наперебой клялись, что никогда не были введены в заблуждение его внешней привлекательностью. И хотя Элизабет не верила и половине всех этих толков, они доказывали, насколько справедливой была тревога за доброе имя ее сестры. Даже Джейн, которая доверяла слухам еще меньше, почти потеряла надежду на благоприятный исход дела, тем более что, если бы, как ей хотелось верить, они все же бежали в Шотландию, от беглецов уже должны были прийти какие-то вести.

Мистер Гардинер покинул Лонгборн в воскресенье. Во вторник его жена получила от него письмо, в котором говорилось, что он отыскал брата сразу же по прибытии и уговорил его переехать на Грейсчёрч-стрит. До его приезда мистер Беннет побывал в Эпсоме и Клэпхеме, однако ему не удалось там узнать ничего существенного. Теперь он решил справиться во всех крупных гостиницах города, считая вполне вероятным, что, прибыв в Лондон, беглецы не сразу поселились на частной квартире. Сам мистер Гардинер не рассчитывал на успех этих поисков, но, так как его брат был ими всецело поглощен, он по мере сил старался ему помогать. Далее он сообщал, что мистер Беннет в настоящее время совершенно не склонен покинуть Лондон, и обещал вскоре написать снова. В конце находился следующий постскрипtum:

«Я попросил полковника Форстера, чтобы он, по возможности, выяснил у друзей молодого человека в полку, есть ли у Уикхема родственники или знакомые, которые могли бы знать, в какой части Лондона он скрывается. Если кого-нибудь удастся найти, это даст в наши руки важную нить для дальнейших поисков. Пока у нас нет ничего, чем бы мы могли руководствоваться. Полковник Форстер, я уверен, сделает все от него зависящее, чтобы выполнить нашу просьбу. Но позднее мне пришла в голову мысль, что Лиззи, быть может, лучше, чем кто-либо другой, знает имена его родственников, у которых он мог бы остановиться».

Элизабет легко поняла, как могло возникнуть подобное предположение. Однако она не располагала сведениями в этом роде и считала комплимент незаслуженным. Ей не приходилось слышать ни о каких родственниках Уикхема, кроме его отца и матери, которые скончались много лет тому назад. Можно было, однако, допустить, что кто-нибудь из его приятелей по ***ширскому полку знает больше. И хотя она верила в это мало, обращение к полковнику Форстеру позволяло на что-то надеяться.

Все дни были теперь наполнены различными тревогами. Но самыми беспокойными были минуты ожидания почты. Прибытие писем стало важнейшим событием каждого дня. Только из них можно было узнать о хорошем или плохом повороте событий. И каждый новый день мог принести наконец важные вести.

Однако прежде чем до них опять дошли известия от мистера Гардинера, было получено послание совсем иного рода, адресованное мистеру Беннету. Оно было написано мистером Коллинзом. Мистер Беннет оставил распоряжение вскрывать всю приходящую на его имя корреспонденцию, и письмо было прочитано Джейн. Вместе с ней письмо кузена прочла и Элизабет, которой были хорошо знакомы особенности его стиля. В письме говорилось:

«Дорогой сэр,

принимая во внимание наше с Вами родство и занимаемое мною положение в обществе, я счел своим долгом выразить свое соболезнование по поводу печального события, о котором мы узнали только вчера, получив письмо из Хартфордшира. Поверьте, дорогой сэр, мы с миссис Коллинз вполне искренне сочувствуем Вам и всей Вашей высокочтимой семье в постигшем Вас горе, которое должно быть особенно глубоким, поскольку его причину невоз-

можно исцелить временем. Со своей стороны, я не пожалю доводов, которые могли бы как-то смягчить для Вас столь серьезное несчастье или принести утешение при подобных, тягостных для Вашего родительского сердца обстоятельствах. Кончина Вашей дочери могла бы в сравнении с ними казаться благом. И — тем печальнее — скорбь о случившемся еще усугубляется в данном случае из-за того, что, как я узнал от моей дорогой Шарлотты, безнравственность Вашей дочери в какой-то мере объясняется излишней терпимостью, допущенной при ее воспитании. К утешению ее родителей, я все же склонен предполагать в ней природные дурные наклонности, без которых она не могла бы совершить столь тяжкого проступка в столь юные годы. Однако, как бы там ни было, Вы заслуживаете глубочайшего участия. Кроме миссис Коллинз, его разделяют со мной также леди Кэтрин и мисс де Бёр, коих я уже уведомил о злосчастном событии. И они присоединяются к моему опасению, что ложный шаг одной из Ваших дочерей может нанести непоправимый ущерб благополучию ее сестер. Ибо, как соизволила выразиться леди Кэтрин, едва ли кто-нибудь захочет теперь породниться с Вашей семьей. Это соображение побуждает меня с особым удовольствием вспомнить о некотором происшествии в ноябре прошлого года. Если бы дело тогда приняло иной оборот, я должен был бы сейчас делить наравне с Вами все Ваше горе и весь позор. Позвольте же, дорогой сэр, пожелать Вам утешения в той мере, в какой это возможно, и посоветовать навеки отторгнуть от себя недостойную дочь, предоставив ей самой пожинать плоды своего порочного поведения.

Остаюсь, дорогой сэр, и т. д. и т. д.».

Мистер Гардинер не писал ничего, пока не получил ответа от полковника Форстера. Ответ этот оказался неблагоприятным. Стало известно, что у Уикхема нет ни одного родственника, с которым он поддерживал бы общение, и что у него вообще не осталось близкой родни. В прежние времена он имел довольно много знакомых, однако после вступления в полк он, по-видимому, не сохранил с ними дружеских связей. Поэтому нельзя было назвать ни одного человека, который мог бы рассказать об Уикхеме что-нибудь новое. Кроме того что он прятался от родных Лидии, он, как оказалось, должен был скрываться еще и по другой причине. Огромные карточные долги вконец разстроили его денежные дела. По мнению полковника Фор-

му она воспользовалась посланным из Лонгборна экипажем, на котором затем возвратился его хозяин.

Она покинула Лонгборн, так и не разрешив загадку отношений между Элизабет и ее дербиширским другом, над которой ломала голову с самого отъезда из Лэмтона. Элизабет никогда первая не называла его имени. Не было и письма, которое, как казалось миссис Гардинер, он мог послать им вдогонку. Со времени их возвращения на имя племянницы не приходило ничего, что могло быть отправлено из Пемберли.

Печальные семейные обстоятельства вполне оправдывали упадок духа у Элизабет, — искать каких-либо других причин для его объяснения было незачем. Между тем сама Элизабет, достаточно разобравшись к этому времени в своих чувствах, отлично понимала, что ей было бы легче перенести позор Лидии, не будь она знакома с мистером Дарси. По ее мнению, в этом случае количество бессонных ночей сократилось бы для нее по меньшей мере наполовину.

Мистер Беннет по возвращении в Лонгборн был полон свойственного ему философического спокойствия. Он разговаривал не больше, чем обычно, и вовсе не упоминал обстоятельства, из-за которого ездил в Лондон, так что дочери долго не решались с ним об этом заговорить. Молчание наконец нарушила Элизабет, осмелившаяся затронуть запретную тему за послеобеденным чаем. Выраженное ею сочувствие по поводу всего, что ему пришлось пережить, мистер Беннет встретил словами:

— Не будем об этом вспоминать. Кому же за это расплачиваться, как не мне? Все, что случилось, — дело моих рук, и я за все в ответе.

— Вы не должны слишком строго себя судить, — сказала Элизабет.

— Твой совет приходится очень кстати. Снисхождение к собственной персоне свойственно человеческой природе. Нет, Лиззи, дай мне хоть раз в жизни почувствовать всю глубину своей вины. Не бойся, это меня не сломит. Подобное чувство проходит довольно быстро.

— Вы думаете, они в Лондоне?

— Конечно. Где же еще они могли бы так хорошо спрятаться?

— Лидия ведь всегда мечтала попасть в Лондон! — вставила Китти.

— Значит, она добилась, чего хотела, — сухо ответил отец. — Возможно, ее пребывание там продлится довольно долго.

После короткой паузы он добавил:

— Лиззи, я на тебя не в обиде за сделанное тобой в мае столь оправдавшееся предостережение, ведь оно, учитывая обстоятельства, свидетельствует в пользу здравого смысла.

Разговор был прерван появлением Джейн, которая пришла приготовить чай для миссис Беннет.

— Что за великолепное представление! — воскликнул мистер Беннет. — Оно придает горю вашей матери такой благородный оттенок. С завтрашнего дня я последую ее примеру: засяду в ночном колпаке и халате в библиотеке и постараюсь причинять вам как можно больше хлопот. Или, быть может, мне подождать, пока от нас сбежит Китти?

— Я никуда не собираюсь сбежать, — ответила Китти с раздражением. — Если я когда-нибудь попаду в Брайтон, ничего подобного со мной не случится.

— Ты попадешь в Брайтон? Я и за пятьдесят фунтов не отпущу тебя даже до Ист-Бёрна. Нет, Китти, наконец-то я научился осторожности. И тебе это придется почувствовать. Ни один офицер больше не переступит порога моего дома — и носа не сунет в нашу деревню. И никаких больше танцев — если только тебе не вздумается танцевать с одной из сестер. Я не позволю тебе выходить из дома, пока ты не докажешь, что способна заниматься чем-то разумным хоть десять минут в течение суток.

Китти, принявшая эти слова всерьез, горько расплакалась.

— Ну, так и быть, — сказал мистер Беннет, — можешь не огорчаться. Если на протяжении десяти лет ты будешь пайнкой, к концу срока я непременно свожу тебя на какое-нибудь обозрение.

ГЛАВА VII

пустя два дня после возвращения мистера Беннета, когда Джейн и Элизабет гуляли позади дома среди зарослей кустарника, они увидели приближавшуюся к ним домоправительницу. Подумав, что она идет за ними, чтобы позвать их к миссис Беннет, они пошли ей навстречу. Но вместо того чтобы передать какое-нибудь поручение матери, она сказала, обращаясь к Джейн:

— Прошу прощения, сударыня, что помешала вашему разговору. Я подумала, что из Лондона пришли, быть может, добрые вести, и мне захотелось узнать, в чем они заключаются.

— Что вы имеете в виду, Хилл? Из Лондона не было никаких писем.

— Как, сударыня,— с большим удивлением воскликнула миссис Хилл,— вы не знаете, что к хозяину прибыл нарочный от мистера Гардинера? Прошло не менее получаса с тех пор, как он передал пакет мистеру Беннету.

Желая поскорее узнать о новостях, сестры без лишних слов бросились к дому. Пробежав холл, они заглянули сперва в комнату для завтрака, потом в библиотеку и, не найдя отца там, были уже готовы искать его наверху, в комнате матери, когда встретившийся им дворецкий сказал:

— Если вы, сударыни, ищете хозяина, то попробуйте догнать его около роши — он только что пошел в том направлении.

Пользуясь этим указанием, они снова миновали холл и побежали прямо через газон догонять отца, который решительным шагом направлялся к группе деревьев на краю усадьбы.

Более полная и менее привыкшая к бегу старшая сестра вскоре отстала, тогда как запыхавшаяся младшая, догнав отца, с нетерпением забросала его вопросами:

— Ах, папа, что там такое? Есть новости? Что-нибудь от дяди Гардинера?

— Да, он прислал письмо с нарочным.

— Что же он пишет? Хорошее или плохое?

— Разве мы можем ожидать хороших вестей? — сказал отец, вынимая из кармана письмо.— Впрочем, тебе, быть может, интересно его прочесть.

Элизабет нетерпеливо выхватила письмо, как раз в ту минуту, когда их догнала Джейн.

— Прочти-ка вслух,— попросил мистер Беннет,— я сам едва ли в нем разобрался как следует.

«Грейсчёрч-стрит, понедельник, 2 августа.»

Дорогой брат,

наконец-то могу сообщить некоторые сведения о моей племяннице, которые, я надеюсь, должны Вас несколько успокоить. Вскоре после Вашего отъезда в субботу мне удалось выяснить, в какой части Лондона они скрываются. О подробностях расскажу Вам при встрече. Достаточно знать, что они обнаружены и что я видел обоих...»

— Ну вот, теперь мы убедились, что все вышло, как я и предполагала,— перебила Джейн,— они поженились! Элизабет продолжила чтение.

— «Я видел обоих. Они не поженились, и никаких приготовлений к свадьбе я не заметил. Однако, если Вы согласитесь с предложениями, которые я осмелился сделать от Вашего имени, я надеюсь, что свадьба произойдет достаточно быстро. Все, что от Вас требуется,— это письменно подтвердить ее пятую долю в пяти тысячах фунтов, остающихся Вашим детям после смерти родителей, а также ежегодную выплату ей ста фунтов, пока Вы живы. После всего, что случилось, я без колебаний согласился с этими условиями, пользуясь привилегией быть Вашим доверенным лицом. Это письмо я посылаю с нарочным, так как Ваш ответ должен быть получен как можно скорее. Вышесказанное позволит Вам понять, что положение мистера Уикхема вовсе не столь безнадежно, как представляется многим. В этом смысле все были введены в заблуждение, и я счастлив сообщить, что даже после выплаты всех долгов у него сохранится небольшая сумма, которую он сможет отложить на имя моей племянницы в добавление к ее собственным средствам. Если, как я рассчитываю, Вы подтвердите мои полномочия действовать от Вашего имени во всем этом деле, я незамедлительно поручу Хагерстону подготовить соответствующий контракт. Вам совершенно не нужно снова приезжать в Лондон, поэтому спокойно оставайтесь в Лонгборне, полагаясь на мои старания и заботы. Пришлите ответ как можно скорее и будьте добры выразиться достаточно определенно. Мы здесь решили — и я рассчитываю на Ваше одобрение,— что племянница должна отправиться в церковь из нашего дома. К нам она переберется сегодня. Я напишу Вам еще раз, как только будут уточнены некоторые подробности.

Ваш и т. д.

Эдв. Гардинер».

— Может ли это быть? — сложив письмо, проговорила Элизабет.— Неужели он на ней женится?

— Значит, Уикхем вовсе не такой негодяй, каким мы себе его представляли! — воскликнула Джейн.— Папа, милый, поздравляю Вас!

— Вы уже ответили на письмо? — спросила Элизабет.

— Еще нет. Но это следует сделать поскорее.

Элизабет принялась горячо уговаривать отца не откладывать дела ни на минуту.

— Папа, пожалуйста,— взмолилась она,— возвращайтесь и напишите дяде тотчас же. Вы только подумайте, как опасно при таких обстоятельствах малейшее промедление!

— Может быть, мне написать письмо от вашего имени,— предложила Джейн,— если вам неприятно сделать это самому?

— Разумеется, неприятно,— ответил он.— Но, увы, письмо должно быть написано.

С этими словами они зашагали обратно к дому.

— Я бы хотела спросить об одном,— сказала Элизабет.— Вы примете предложенные условия?

— Приму ли я условия? Да мне просто стыдно за него оттого, что он так мало потребовал.

— И она должна стать его женой! Даже при том, что он *такой* человек!

— Да, да, стать его женой. Теперь уже ничего не поделаешь. Но мне бы хотелось понять две вещи. Во-первых, сколько денег ему посулил ваш дядюшка, а во-вторых, каким образом я смогу эти деньги ему вернуть?

— Деньги? — воскликнула Джейн.— Дядюшке? Что вы имеете в виду?

— А то, что ни один человек в здравом уме не женился бы на Лидии ради какой-то сотни фунтов в год при моей жизни и пятидесяти, когда я умру.

— В самом деле,— сказала Элизабет,— это не приходило мне раньше в голову. Будут выплачены долги, да еще что-то останется! Без дядюшки тут, конечно, не обошлось. Какой он у нас добрый и щедрый! Но как бы это его не разорило! Небольшая сумма тут бы не помогла.

— Никоим образом,— согласился отец.— Уикхем был бы дураком, женись он на ней меньше чем за десять тысяч. Мне бы не хотелось думать о нем так плохо сразу после того, как мы с ним породнимся.

— Десять тысяч? Силы небесные! Но разве мы могли бы вернуть даже половину такой суммы?

Мистер Беннет ничего не ответил, и каждый из них, погруженный в собственные думы, не сказал ни слова, пока они не подошли к дому. Отец прошел прямо в библиотеку, чтобы написать письмо, а дочери направились в комнату для завтрака.

— Неужели они в самом деле поженятся? — воскликнула Элизабет.— Просто не верится! И *этому* мы еще

должны радоваться! Поженятся без малейшей надежды на семейное счастье и несмотря на все пороки ее будущего мужа,— вот в чем теперь ее спасенье! Ах, Лидия, Лидия!

— Я утешаю себя мыслью,— сказала Джейн,— что он не женился бы на Лидии, если бы не питал к ней настоящего чувства. И хотя наш добрый дядя чем-то ему помог, мне не верится, что речь могла идти о десяти тысячах или даже о чем-то к этому близком. У Гардинеров есть дети и, может быть, будут еще. Разве дядя вправе отнимать у них даже половину подобной суммы?

— Если бы мы знали его долги,— сказала Элизабет,— да еще выяснили, сколько денег, согласно брачному контракту, он отложит на имя сестры, мы могли бы точно определить, что ему посулил дядя. У самого Уикхема нет за душой и шестипенсовика. Нам никогда не удастся расплатиться с дядей и тетей. То, что они решились принять Лидию под свой кров, окружить ее заботой и защитить своим добрым именем, является с их стороны такой жертвой, которая заслуживает многих лет благодарности. Сейчас она уже должна быть у них! Если даже такое их великодушие по-настоящему ее не растрогает, она вообще не заслуживает счастья. Как она смогла посмотреть тетушке в глаза!

— Надо постараться не вспоминать обо всем, что натворили Уикхем и Лидия,— сказала Джейн.— Так хочется поверить в их будущее благополучие! Его согласие на брак с ней — залог того, что он начинает исправляться. Взаимная привязанность сделает их менее легкомысленными, и они, я надеюсь, заживут разумно и счастливо, а их прежнее поведение мало-помалу будет забыто.

— Их поведение было таким,— ответила Элизабет,— что ни мне, ни тебе и никому другому о нем не забыть. Об этом и говорить нечего.

Здесь обе они вспомнили, что их мать едва ли что-нибудь знает о полученном письме, и зашли в библиотеку спросить у отца, не хочет ли он, чтобы она о нем узнала. Отец еще продолжал писать. Не поднимая головы, он равнодушно ответил:

— Это ваше дело.

— А можно взять письмо, чтобы прочесть его маме?

— Берите что хотите и оставьте меня в покое.

Элизабет схватила письмо с письменного стола, и они побежали наверх. У миссис Беннет оказались в это время Мэри и Китти, поэтому достаточно было одного сообще-

ния. После нескольких слов о приходе хороших вестей письмо было прочтено вслух. Миссис Беннет едва смогла совладать со своими чувствами. Как только Джейн дошла до надежд мистера Гардинера на предстоящую свадьбу, на ее лице выразился необыкновенный восторг, и каждая следующая фраза увеличивала ее ликование. Теперь она пришла в такое же возбуждение от счастья, в каком пребывала прежде из-за тревог и огорчений. Ей было достаточно знать, что ее дочь выходит замуж. Забота о благополучии дочери, так же, как сожаление о ее легкомысленном поступке, совершенно не приходили ей в голову.

— Лидия, девочка моя! — восклицала миссис Беннет. — Как это чудесно! Она будет замужем! Я скоро ее увижу! Выйдет замуж в шестнадцать лет! Добрый, хороший братец! Я была убеждена, что так кончится, — он должен был все устроить! Если б вы знали, как мне хочется ее видеть! И душеньку Уикхема тоже! Но как же быть с туалетами? Что же делать со свадебным платьем? Надо сейчас же написать сестре Гардинер. Лиззи, голубушка, сбегай вниз к папе и разузнай у него, сколько он на это может дать денег. Ах, нет, постой! Я лучше схожу к нему сама. Китти, позвони, чтобы пришла Хилл. Я сию же минуту оденусь. Лидия, милочка моя! Вот будет праздник, когда она к нам приедет!

Старшая дочь попыталась было остановить ее восторженные излияния, напомнив матери, сколь многим они обязаны мистеру Гардинеру.

— Все кончилось хорошо, — добавила она, — только благодаря его доброте. По-видимому, он помог мистеру Уикхему значительной суммой.

— Ну что ж, это вполне естественно! — ответила миссис Беннет. — Кому же и позаботиться о ней, как не родному дяде? Если бы у него не было семьи, его деньги достались бы мне и девочкам. Не считая подарков, мы от него впервые что-то получим. Но я так рада, так рада! Еще немного — и у меня будет замужняя дочь!.. Миссис Уикхем! Как это прекрасно звучит. А ведь всего только в июне ей исполнилось шестнадцать! Джейн, голубушка, я так разволновалась, что, наверно, не смогу ничего написать. О деньгах мы поговорим с папой позже. Но платье нужно заказать сию же минуту.

И она начала подробно обсуждать достоинства муслина, кисеи и батиста и хотела уже отправить обширный заказ, когда Джейн с некоторым трудом объяснила ей необходимость повременить с этим до того, как будет

получено согласие мистера Беннета. Один день задержки, как объяснила Джейн, не имел большого значения, и благодаря превосходному расположению духа миссис Беннет оказалась на этот раз более сговорчивой, чем обычно. В ее голове возникали все новые планы.

— Как только я оденусь,— заявила она,— я тут же поеду в Меритон, чтобы сообщить о наших новостях сестре Филипс. А на обратном пути можно будет навестить еще Лукасов и миссис Лонг. Китти, беги вниз и прикажи заложить карету. Воздух, я уверена, будет мне очень полезен. Девочки, что вы хотите, чтобы я для вас сделала в Меритоне? А вот наконец и Хилл. Хилл, дорогая, вы слышали, какие у нас чудесные новости? Мисс Лидия выходит замуж! И вам всем подадут чашу с пуншем, чтобы вы как следует повеселились по случаю ее свадьбы.

Миссис Хилл, разумеется, пришла в восторг, и Элизабет вместе с другими выслушала ее поздравления. После этого, утомленная суетой, она ушла к себе в комнату, чтобы обо всем спокойно подумать.

Положение Лидии было достаточно плачевным. Однако следовало радоваться, что она не попала в худшую беду. И Элизабет этому радовалась. Заглядывая в будущее, нельзя было ждать для Лидии ни семейного счастья, ни обеспеченности. Но, вспоминая, чего только два часа назад все они так боялись, Элизабет не могла не оценить преимуществ такого исхода дела.

ГЛАВА VIII

Мистер Беннет уже давно собирался начать что-то откладывать от своих доходов. При этом он мог бы постепенно скопить некоторую сумму и обеспечить будущее своих дочерей, а также и жены на случай, если бы ей довелось его пережить. И сейчас он с особой остротой почувствовал, насколько разумной была бы такая экономия. Если бы прежде он подобным образом исполнил свой долг, Лидия не была бы теперь обязана своему дяде выкупом доброго имени и чести. И тогда приобретение в качестве супруга самого дрянного молодого человека во всем королевстве было бы обставлено вполне подобающим образом.

То, что такое сомнительное счастье будет целиком оплачено из средств шурина, серьезно огорчало мистера Беннета, поэтому он решил выяснить израсходованную сумму и при первой же возможности вернуть долг. Когда мистер Беннет женился, он предполагал, что можно не стремиться к экономии, так как подразумевалось, что у супругов должен родиться наследник. Став совершеннолетним, сын закрепил бы имение за семьей, обеспечив будущее вдовы и младших детей. Но, одна за другой, на свет появились пять дочерей, а сына все не было. Миссис Беннет сохраняла уверенность в предстоящем рождении наследника еще в течение многих лет после того, как родилась Лидия. В конце концов от надежд пришлось отказаться, однако копить деньги было уже поздно. Миссис Беннет не была бережлива по натуре, и только нежелание ее мужа влезать в долги не позволяло им расходовать средств больше, чем они получали от своего имения.

Свадебным контрактом за миссис Беннет и ее потомством было закреплено пять тысяч фунтов. Распределение денег между детьми зависело от решения родителей. Такое решение предстояло сейчас принять, по крайней мере, относительно Лидии. И у мистера Беннета не возникало колебаний по поводу условий, предложенных мистером Гардинером. Выразив самым любезным, хотя и кратким, образом свою признательность шурину за его доброту, он далее одобрил предпринятые мистером Гардинером шаги, а также подтвердил свое согласие выполнить взятые от его имени обязательства. Раньше ему не пришло бы в голову, что он может выдать дочь за Уикхема — даже если бы сам Уикхем захотел на ней жениться — при столь незначительных затратах. Учитывая стоимость содержания Лидии, ее карманные расходы и частые денежные подарки, которые дочка получала от матери, при ежегодной выплате супругам ста фунтов он терял в год не больше десяти.

То, что все это потребовало так мало усилий с его стороны, было не менее приятным сюрпризом. Сейчас он хотел бы, по возможности, избавиться от дальнейших хлопот. После первого порыва негодования, побудившего его пуститься на розыски дочери, он, естественно, вернулся к своей прежней невозмутимости. Письмо было написано весьма быстро, — мистер Беннет долго раздумывал, прежде чем что-нибудь предпринять, но, взявшись за дело, сразу же доводил его до конца. В заключитель-

Вечерние туалеты времен Джейн Остен.

ной части письма выразалось желание узнать, чем он еще обязан своему шурину. На Лидию он сердился так сильно, что от всякого обращения к дочери решил воздержаться.

Хорошие вести тотчас же разнеслись по дому и с невероятной быстротой распространились по всей округе. Конечно, толки о мисс Лидии приобрели бы значительно больший интерес, если бы ее воротили в Меритон или, еще того лучше, сослали на какую-нибудь отдаленную ферму. Однако по поводу ее замужества тоже можно было всласть посудачить. И пожелания счастья, не сходявшие с уст злорадных кумушек городка, почти не утратили с переменой обстоятельств своей выразительности, так как брак с человеком, подобным Уикхему, говоря по совести, никак не мог оказаться счастливым.

Миссис Беннет в течение двух недель ни разу не выходила в столовую. Но этот счастливый день ознаменовался тем, что она наконец в наилучшем расположении духа возглавила стол. Стыд за Лидию ни малейшим образом не омрачил ее торжества. Мечта о свадьбе какой-нибудь из дочерей, ставшая ее навязчивой идеей с тех пор, как Джейн минуло шестнадцать лет, близилась к осуществлению. Ее мысли и разговоры вертелись только вокруг принадлежностей для свадебной церемонии, образчиков тонкого муслина, новых экипажей и новой прислуги. С необыкновенной энергией она принялась подыскивать какой-нибудь близко расположенный дом, который ее дочь могла бы занять после свадьбы. И, ничего не зная и даже не задумываясь о средствах, которыми будет располагать молодая пара, она отвергла немало домов, считая их неподходящими по своему расположению или размерам.

— Мог бы подойти, пожалуй, Хэй-парк,— рассуждала она,— вздумай Голдинги из него выехать. Или большой дом в Стоуке, если бы только гостиная в нем была чуть-чуть побольше. Что же касается Эшуорта, то до него слишком далеко — я не перенесу, если нас будет разделять целых десять миль. А в Палвис Лодже совершенно невозможный верхний этаж!

Ее муж не мешал ей болтать подобным образом, пока в комнате находилась прислуга. Однако как только посторонние удалились, он обратился к ней со словами:

— Прежде чем вы, миссис Беннет, арендуете для вашей дочери и ее мужа одно из этих прекрасных имений или даже сразу все вместе, я бы хотел, чтобы между нами

существовала ясная договоренность вот по какому вопросу. В один дом в нашей местности они никогда не будут допущены. Я отнюдь не собираюсь поощрять их легкомыслие, принимая их у себя в Лонгборне.

Это заявление вызвало бурю протестов, но мистер Беннет оставался непоколебимым. И через некоторое время миссис Беннет в пылу спора обнаружила, к своему изумлению и ужасу, что ее супруг не собирается потратить ни одной гинеи на покупку свадебных туалетов. Он заявил, что Лидии не следует рассчитывать ни на какие знаки внимания с его стороны. Миссис Беннет это казалось непостижимым. Подобная необузданность родительского гнева, из-за которой их дочь должна была потерять все, ради чего, собственно говоря, стоило выходить замуж, превосходила границы ее разума. Недостаток свадебных туалетов казался ей гораздо более позорным обстоятельством, нежели бегство Лидии и ее совместная жизнь с Уикхемом в течение двух недель перед свадьбой.

Элизабет теперь горько раскаивалась, что в расстройстве чувств высказала мистеру Дарси свои опасения за судьбу Лидии. Поскольку ее бегство в скором времени должно было благополучно завершиться замужеством, можно было надеяться скрыть это происшествие от всех, кто не присутствовал тогда в Брайтоне.

Она не боялась, что он расскажет об этой истории посторонним. Едва ли она знала другого человека, чья сдержанность заслуживала бы большего доверия. Но ей было особенно больно, что именно ему стало известно об их семейном позоре. Дело было не в том, что от этого страдали какие-то ее собственные интересы. При всех обстоятельствах между ними лежала теперь непреодолимая пропасть. Даже если бы Лидия вышла замуж, как подобает порядочной девушке, нельзя было предположить, чтобы мистер Дарси породнился с семьей, ко всем недостаткам которой добавлялась еще родственная близость с человеком, столь заслуживающим его презрения. Мысль о подобном родстве должна была, разумеется, привести его в ужас. Стремление мистера Дарси заслужить ее благосклонность, столь бросавшееся в глаза в Дербишире, не могло, по здравом размышлении, устоять перед подобным ударом. Она была подавлена, удручена, переживала утрату сама не зная чего. Его привязанность к ней стала ей вдруг особенно дорога — как раз тогда,

когда уже нельзя было рассчитывать, что она сохранится. Элизабет хотелось знать о его жизни, хотя теперь трудно было предположить, что до нее будут доходить о нем какие-то сведения. И уверенность в том, что она могла бы прожить рука об руку с Дарси счастливую жизнь, пришла к ней тогда, когда у нее не осталось почти никакой надежды еще раз с ним встретиться.

«Как было бы польщено самолюбие Дарси,— нередко приходило ей в голову,— если бы он узнал, что его предложение, столь гордо отвергнутое ею всего лишь четыре месяца тому назад, было бы сейчас с радостью и благодарностью принято!» Она не сомневалась в его великодушии, которым он превосходил всех представителей своего пола. Но, будучи смертным, даже он не мог бы удержаться от сознания своего торжества.

Лишь теперь стала она понимать, что он был как раз тем человеком, который больше всего подходил ей по своему нраву и склонностям. Свойства его ума и характера, хотя и отличные от ее собственных, отвечали всем ее требованиям. Союз между ними был бы благодетелен для обоих. Легкость и жизнерадостность ее натуры придали бы больше мягкости его суждениям и манерам. А сама она стала бы более глубоким человеком благодаря его обширным знаниям, здравому смыслу и развитому уму.

Увы, столь счастливому браку, который показал бы восхищенному человечеству, что собой представляет истинное супружеское счастье, было не суждено состояться! Вместо этого в семействе Беннетов вскоре должен был быть заключен брак иного рода, в котором всякая возможность супружеского счастья была заранее исключена.

Она не могла даже представить, каким образом Уикхем и Лидия обеспечат себе сколько-нибудь приличное и независимое существование. Но зато она отлично понимала, как мало подлинного счастья ждет супружескую чету, соединившуюся под влиянием страстей, которые оказались более сильными, чем чувство ответственности и долга.

Мистер Беннет вскоре получил из Лондона новое письмо. Отвечая на лестный отзыв о предпринятых им шагах, мистер Гардинер писал, что он всегда готов услужить каждому члену их семьи, и просил больше никогда не касаться этого предмета. Главным поводом для письма явилась необходимость сообщить Беннетам, что мистер Уикхем решил покинуть милицию.

«...Я настаивал на этом с тех пор, как была достигнута договоренность об их браке,— добавлялось в письме.— И вы, наверно, со мной согласитесь, что уход из полка настолько же в его интересах, как и в интересах моей племянницы. Мистер Уикхем намерен вступить в регулярную армию. И среди его прежних друзей нашелся человек, который хочет и располагает возможностью ему в этом помочь. Ему обещают чин прапорщика в полку генерала***, расквартированном на севере. Такая удаленность от здешних мест представляется мне большим преимуществом. Он дал слово хорошо там себя вести, и я надеюсь, что в новом окружении, по отношению к которому им придется соблюдать известную сдержанность, они проявят большее благоразумие. Я написал полковнику Форстеру, как складываются наши дела, и просил его успокоить различных кредиторов мистера Уикхема в Брайтоне и его окрестностях, сказав им, что все его долги вскоре будут погашены и что всю ответственность я беру на себя. Быть может, Вы не сочтете за труд заверить подобным же образом его кредиторов в Меритоне, список которых я составлю для Вас, основываясь на сведениях, полученных от молодого человека. Он передал нам перечень всех своих долгов. Надеюсь, по крайней мере, что он нас не обманывает. Хагерстону отданы распоряжения, и в течение недели со всеми делами будет покончено. После этого они отправятся в его полк, если только не будут приглашены в Лонгборн. По мнению миссис Гардинер, нашей племяннице очень бы хотелось Вас повидать, прежде чем она уедет на север. Она пребывает в добром здравии и просит почтительнейше напомнить о себе Вам и ее матери.

Ваш и т. д.

Э. Гардинер».

Мистер Беннет и его дочери не хуже, чем мистер Гардинер, понимали все преимущества того, что Уикхем покинет свой прежний полк. Но миссис Беннет обрадовалась этому гораздо меньше. Она еще не потеряла надежды, что Лидия будет жить где-нибудь в Хартфордшире. Поэтому предполагаемое переселение дочери на север, как раз в то время, когда ее постоянное присутствие могло доставить матери наибольшее удовольствие, вызвало у нее жестокое разочарование. Вдобавок мать огорчало, что Лидия будет вынуждена расстаться с полком, в котором решительно все с ней знакомо и она имеет столько поклонников.

— Она так обожает миссис Форстер,— говорила мис-

сис Беннет,— что разлучить их просто грешно! И там есть еще несколько молодых людей, от которых она без ума. Офицеры в полку генерала *** могут оказаться вовсе не столь приятными кавалерами.

Просьба Лидии,— если только можно было говорить о какой-то просьбе,— чтобы ей позволили повидаться с родными, прежде чем она отправится на север, была мистером Беннетом вначале решительно отвергнута. Однако, щадя чувства и доброе имя сестры, Джейн и Элизабет, прибегая к ласке и убеждению, принялись настойчиво уговаривать отца, чтобы Лидии с мужем было позволено после свадьбы приехать в Лонгборн. В конце концов они добились того, что мистер Беннет стал смотреть на вещи их глазами и поступил так, как им хотелось. И, к своему удовольствию, миссис Беннет узнала, что, прежде чем Уикхемы уедут в изгнание на север, она сможет показаться со своей замужней дочерью в местном обществе. Мистер Беннет написал шурина о своем согласии на их приезд. Было решено, что молодые выедут в Лонгборн сразу по окончании свадебной церемонии. Элизабет, однако, удивилась, что план этот был принят Уикхемом. И если бы она считалась только с собственными чувствами, она сделала бы все, чтобы избежать этой встречи.

ГЛАВА IX

Джейн и Элизабет пережили в день свадьбы сестры, пожалуй, больше, чем сама новобрачная. Посланный за молодыми экипаж должен был их встретить у *** и вернуться к обеду. Этой минуты обе старшие мисс Беннет ждали с огромным беспокойством. Особенно сильно волновалась Джейн, приписывавшая Лидии чувства, которые владели бы ею самой, будь она виновницей всех событий. Мысль о том, что должна была вытерпеть ее бедная сестра, приводила ее в отчаяние.

Наконец они прибыли. Вся семья собралась встретить их в комнате для завтрака. Когда экипаж остановился у подъезда, лицо миссис Беннет расплылось в улыбке, ее муж казался непроницаемо серьезным, а дочери трепетали от волнения и чувства неловкости.

Голос Лидии раздался из холла, дверь распахнулась, и она ворвалась в комнату. Мать бросилась к ней с рас-

простертыми объятиями, приветствуя ее в полнейшем восторге. Затем она с нежной улыбкой протянула руку вошедшему следом Уикхему и так весело пожелала обоим счастья, как будто ей и в голову не приходило сомневаться в их светлом будущем.

Мистер Беннет, к которому они затем подошли, встретил их совсем не так сердечно. Лицо его приобрело, пожалуй, еще более суровое выражение, и он почти не раскрыл рта. Легкомысленная беспечность молодой четы в самом деле могла только еще больше его рассердить. Элизабет пришла от нее в крайнее негодование, и даже Джейн была возмущена. Лидия по-прежнему оставалась Лидией — бесцеремонной, нескромной, шумной, неугомонной и бестактной. Переходя от одной сестры к другой, она каждую заставила принести ей свои поздравления. В конце концов, когда все наконец расселись по местам, она с жадностью обвела глазами комнату, обратила внимание на некоторые новшества в обстановке и со смехом заметила, что с тех пор, как она в последний раз здесь находилась, прошло не такое уж короткое время.

Уикхем тоже не испытывал ни малейшего замешательства. Всегда отличавшие его приятные манеры, его улыбки и непринужденность, с которой он заявил о своих родственных правах, могли бы привлечь к нему сердца всех членов семьи, если бы только он женился, как принято, и всем собравшимся не был известен его подлинный характер. Элизабет раньше не приходило бы в голову, до чего могла дойти его самоуверенность. И, сидя в этой комнате, она дала себе зарок в будущем никогда не верить в существование предела бесстыдства для бесстыдного человека. Ее то и дело бросало в краску. Краснела и Джейн. Но у тех двоих, кто заставлял их краснеть, цвет лица совершенно не менялся.

Разговор завязался без малейшего затруднения. Новобрачная не могла вдоволь наговориться со своей матерью. Уикхем, которому посчастливилось сидеть рядом с Элизабет, принялся расспрашивать ее о своих прежних хартфордширских знакомых с таким беспечным видом, с каким она была не в состоянии отвечать на его вопросы. Казалось, у этой парочки не было ничего, что хоть сколько-нибудь могло омрачить их воспоминания. Ничто в прошлом не вызывало сожалений. И Лидия старалась навести разговор на те самые темы, затронуть которые ее сестры не решились бы ни за какие блага на свете.

— Подумать только, — воскликнула она, — ведь я уехала целых три месяца назад! А мне, честное слово, чудится,

что пролетело каких-нибудь две недели. Однако за это время произошла уйма всяких событий. Боже правый, когда я уезжала отсюда, мне и в голову не могло прийти, что я вернусь сюда замужней дамой. Впрочем, мне все же казалось, что это было бы очень забавно.

При этих словах отец поднял на нее глаза, Джейн почувствовала себя неловко, а Элизабет бросила на Лидию выразительный взгляд. Однако та продолжала болтать с присущей ей способностью не видеть и не слышать ничего, что она предпочитала оставлять без внимания.

— Кстати, мама, все ли здесь знают о моем замужестве? Я ужасно боялась, что эта новость еще недостаточно широко разнеслась. Поэтому, когда мы обгоняли шарабан Уильяма Голдинга, я нарочно устроила так, чтобы ему все стало ясно. Я опустила стекло с его стороны и стянула перчатку. И положила руку на раму, чтобы он увидел на ней кольцо. А потом стала ему кланяться, улыбаться и всякое такое.

Элизабет была не в состоянии больше выносить эту болтовню. Вскочив с места, она выбежала из комнаты и не возвращалась, пока не услышала, что все через холл перешли в столовую. Она вошла туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лидия торжественно направилась к месту за столом по правую руку от миссис Беннет и произнесла, обращаясь к старшей сестре:

— Ах, Джейн, мне теперь полагается занять твоё место, а тебе — сесть подальше. Ведь я уже замужем.

Трудно было ожидать, что у Лидии со временем появится хоть капля скромности, которой она всегда была полностью лишена. Напротив, ее бесцеремонность и самодовольство возросли еще больше. Ей не терпелось поглядеть миссис Филипс, Лукасов и прочих соседей и услышать, как все они будут называть ее «миссис Уикхем». А пока что, сразу после обеда, она побежала похвастаться замужеством и показать обручальное кольцо двум служанкам и миссис Хилл.

— Ну, а как вам, маменька, нравится мой супруг? — спросила она, когда они снова собрались в комнате для завтрака. — Не правда ли, это душка? Сестрицы мне, верно, ужасно завидуют. Я была бы в восторге, если бы им хоть вполовину так повезло. Всем им надо отправиться в Брайтон. Вот место, где добывают мужей! Так жаль, маменька, что мы не смогли туда выехать всей семьей!

— Еще бы! Будь моя воля, мы были бы там все вместе. Но, Лидия, милочка моя, мне все же не совсем понравилось, как ты оттуда уехала. Разве это было необходимо?

— Боже мой, ну конечно! Что ж тут такого? В этом и заключалась вся прелесть! Надо, чтобы ты, и папа, и все сестрицы непременно нас навестили. Мы проживем в Нью-касле всю зиму, и я не сомневаюсь, что там будут устраиваться балы. Можете на меня положиться, у всех у них будут отличные кавалеры.

— Мне бы этого хотелось больше всего на свете! — сказала миссис Беннет.

— А когда будете возвращаться, вы можете одну или двух сестер оставить у нас. Будьте спокойны, до исхода зимы я им подыщу женихов.

— Я очень благодарна за мою долю твоих забот, — сказала Элизабет. — Но твой способ выхода замуж мне как-то не по душе.

Молодожены должны были прожить с ними только десять дней. Перед отъездом из Лондона мистер Уикхем получил назначение в полк, куда ему надлежало прибыть спустя две недели. Краткостью их пребывания в Лонгборне не был опечален никто, кроме миссис Беннет. И почти все дни у мамыши и дочки уходили на визиты к соседям и весьма частые приемы гостей в собственном доме. Постоянное присутствие посторонних, позволявшее избежать встреч в семейном кругу, было одинаково удобно тем, кто о чем-то задумывался, и тем, кто ни о чем задумываться не желал.

Отношение Уикхема к жене оказалось именно таким, как Элизабет ожидала. Его нельзя было даже сравнить с привязанностью, которую испытывала к своему мужу Лидия. Первый же взгляд на них подтвердил предположение, что побег вызван скорее ее чувствами, нежели его. И Элизабет не могла бы объяснить, как Уикхем, не будучи сильно увлечен Лидией, вообще решился на этот шаг, если бы не знала о расстройстве в его денежных делах, из-за которого он должен был покинуть Брайтон. При таких обстоятельствах Уикхем отнюдь не был тем человеком, который мог устоять перед соблазном захватить кого-то с собой.

Лидия была от него без ума. Она пользовалась любым поводом, чтобы назвать его своим «дорогим Уикхемом». Он не имел себе равных. Все на свете ему удавалось лучше всего. И она нисколько не сомневалась, что ни один стрелок в стране не сможет больше его настрелять птиц первого сентября.

Как-то раз, вскоре после приезда, сидя утром в обществе двух старших сестер, Лидия сказала, обращаясь к Элизабет:

— А ведь ты еще не знаешь, как мы поженились. Когда я говорила про это маме и сестрам, ты куда-то исчезла. Расскажь тебе, как все происходило?

— Пожалуй, не стоит, — ответила Элизабет. — Чем меньше мы будем вспоминать об этих вещах, тем лучше.

— Фу, какая ты странная! Я тебе непременно расскажу все по порядку. Нас поженили в церкви святого Климента — дом, где жил Уикхем, находится в этом приходе. Всем

полагалось собраться к одиннадцати. Я должна была ехать с дядей и тетей, а остальные — встретить нас перед церковью. Когда наконец наступил понедельник, я безумно волновалась — все чудилось, словно что-то случится, свадьбу отложат и я останусь ни с чем. А тут еще, пока я одевалась, эти тетушкины разговоры и поучения. Будто она проповедь читает! Правда, до меня доходило не больше одного слова из десяти. Ты сама понимаешь, я могла думать только о моем дорогом Уикхеме: до смерти хотелось угадать — наденет ли он синий мундир?

Так вот, в десять, как всегда, мы уселись за завтрак. Мне казалось, он никогда не кончится. Дядюшка и тетушка, должна тебе, кстати, признаться, обращались со мной, пока я у них жила, из рук вон плохо. Поверишь ли, за две недели я ни разу не выбралась из дому. Ни одного визита, развлечения или чего-то еще! В Лондоне, правда, было довольно пусто, но ведь Малый театр оставался открытым. И можешь себе представить, когда подали наконец карету, дядю как раз вызвал по делу этот ужасный мистер Стоун. Ты ведь знаешь, когда они сойдутся вдвоем, конца не дождешься. Я была в отчаянии, просто не знала, что делать, — дядя должен был быть моим посаженным отцом, а если бы мы опоздали, в этот день нас бы не поженили. К счастью, через десять минут дядя освободился, и мы поехали. Потом-то я сообразила: если бы он и задержался, ничего можно было не откладывать, потому что его вполне мог заменить мистер Дарси.

— Мистер Дарси? — повторила Элизабет в крайнем изумлении.

— Ну конечно. Он должен был прийти с моим дорогим Уикхемом. Ах, боже мой, я забыла! Об этом же нельзя говорить! С меня взяли честное слово. Что скажет Уикхем? Это же тайна!

— Если это тайна, — сказала Джейн, — то не говори больше ни слова. Можешь быть уверена, я не стану ее у тебя выпытывать.

— О, конечно, — согласилась Элизабет, сгорая от любопытства. — Мы не зададим тебе никаких вопросов.

— Спасибо, девочки, — сказала Лидия. — Если бы вы вздумали меня расспрашивать, я бы все выболтала. И мой дорогой Уикхем страшно бы на меня разозлился.

Чтобы избавить себя от столь сильного соблазна, Элизабет сочла за лучшее немедленно удалиться.

Но оставаться в неведении было совершенно невыносимо. Во всяком случае, она не в силах была удержаться

от попытки разузнать хоть какие-то подробности. Мистер Дарси присутствовал на свадьбе ее сестры! Это была как раз та обстановка и те люди, с которыми у него не было ничего общего и которые не могли вызывать у него ни малейшего интереса. Предположения о том, что бы это могло означать, самые смелые и причудливые, не выходили у нее из головы. Но ни одно из них не казалось ей правдоподобным. Те, которые были для нее наиболее лестными и выставляли его поведение в особенно благородном свете, казались ей наиболее невероятными. Она не могла больше выносить такую неопределенность. И, схватив листок бумаги, она тут же написала несколько слов миссис Гардинер, умоляя ее объяснить оброненную Лидией фразу, если только это совместимо с предполагаемой тайной.

«Вы легко можете себе представить,— писала она,— насколько мне любопытно узнать, каким образом человек, ни с кем из нас не связанный и почти чужой для нашей семьи, мог оказаться среди вас в подобную минуту. Ради бога, напишите сразу и объясните мне все, если только по каким-нибудь бесспорным причинам это не должно быть, как думает Лидия, от меня скрыто. В последнем случае мне придется навсегда остаться в мучительном неведении».

«Впрочем, как бы не так,— добавила она про себя, заканчивая письмо.— И если, любезная моя тетушка, вы не раскроете правды по-хорошему, я, чтобы ее выведать, буду вынуждена прибегнуть к хитростям и уловкам».

Деликатность и особое чувство такта не позволили Джейн поговорить с Элизабет о словах, случайно брошенных Лидией. Элизабет была этому рада. До того, как выяснится, сможет ли она получить разъяснения от тетушки, она предпочитала обходиться без поверенного.

ГЛАВА X

радости Элизабет, ответное письмо пришло без промедления. Едва получив его, она поспешила в небольшую рощу, где ее меньше всего могли потревожить, и уселась на одной из скамеек, предвкушая несколько счастливых минут. В самом деле, письмо было настолько обширным, что не могло заключать в себе просто отказ удовлетворить ее любопытство.

Дорогая племянница,

только что получила твое письмо. Предвидя, что не смогу сжать до нескольких строк то, что мне необходимо тебе сообщить, я решила пожертвовать для ответа целым утром. Признаюсь, твое обращение застигло меня врасплох. Я не ожидала ничего подобного. Пожалуйста, не думай, что оно сколько-нибудь меня рассердило, — просто я никак не предполагала, что ты можешь задать мне такой вопрос. Если ты предпочитаешь меня не понимать, прости мою бестактность. Твой дядя удивлен не меньше моего, — только уверенность, что ты причастна ко всем происходившим событиям, позволила ему сделать то, что он сделал. Но если ты и правда ничего не знаешь и ни к чему не имела отношения, мне следует выразиться яснее. В тот самый день, когда я вернулась домой из Лонгборна, твоему дяде нанес визит неожиданный посетитель. Придя к нам, мистер Дарси провел с дядей наедине несколько часов. Их разговор к моему приезду уже закончился, так что мне совсем не пришлось страдать от любопытства, которое тебя, видимо, подвергло столь длительному испытанию. Целью его прихода было сообщить мистеру Гардинеру, что ему удалось обнаружить местопребывание твоей сестры и мистера Уикхема. Он также смог повидаться и поговорить с обоими: с Лидией один, а с Уикхемом — несколько раз. Насколько я поняла, он покинул Дербишир на следующий же день после нашего отъезда оттуда и прибыл в Лондон, чтобы выследить беглецов. Свой поступок он объясняет тем, что это, дескать, из-за него низость Уикхема не подверглась разоблачению, которое предостерегло бы достойных молодых леди от опасности им увлечься и довериться подобному человеку. Великодушно считая причиной всего происшедшего свою ложную гордость, он признает, что прежде находил ниже своего достоинства раскрыть перед миром обстоятельства, которые относились, казалось бы, к нему одному. Люди должны были знать, с кем им приходится иметь дело. Поэтому мистер Дарси счел своим долгом вмешаться и попытаться исправить зло, причиненное при его попустительстве. Если он руководствовался также и другими побуждениями, я не считаю, что это можно поставить ему в упрек. Он провел в городе несколько дней, прежде чем ему удалось разыскать беглецов. Но в его розысках ему могли помочь некоторые не известные нам обстоятельства. И сознание этого своего преимущества было еще одной

причиной, побудившей его отправиться вслед за нами. Существует некая дама по имени миссис Янг, служившая прежде гувернанткой при мисс Дарси и отстраненная от этой должности за какой-то проступок, о котором мистер Дарси предпочел умолчать. С тех пор она добывает средства к существованию, сдавая меблированные комнаты в большом доме, приобретенном ею на Эдвард-стрит. Как было известно мистеру Дарси, дама эта близко знакома с Уикхемом. Поэтому тотчас по приезде в город мистер Дарси отправился за сведениями к миссис Янг. Он смог добиться от нее того, что ему было нужно, только два или три дня спустя. По-видимому, она не соглашалась без внушительного подкупа пренебречь оказанным ей доверием, так как на самом деле прекрасно знала о местонахождении ее приятеля. Уикхем и вправду сразу по прибытии в Лондон явился прямо к ней и здесь бы и остался, если бы только у нее была для него свободная комната. В конце концов наш добрый друг все же вырвал у этой особы требовавшиеся ему сведения. Выяснилось, что они остановились на *** стрит. Он повидал Уикхема и после этого добился свидания с Лидией. По его словам, при этой встрече он прежде всего хотел убедить ее отказаться от своего позорного положения и вернуться к родным, как только они будут готовы ее принять. При этом он предложил ей возможное содействие. Лидия, однако, была полна решимости остаться там, где находилась. Ей не было никакой помощи и даже слышать не хотела о том, чтобы расстаться с Уикхемом. Она была уверена, что рано или поздно они поженятся, и вовсе не придавала сколько-нибудь серьезного значения тому, когда именно это произойдет. При таком ее взгляде на вещи он рассудил, что не остается другого выхода, как договориться об их бракосочетании и всячески ускорить это событие. Из первой беседы с Уикхемом он понял, что женитьба вовсе не входила в намерения молодого человека, который признался, что весьма обременительные долги чести вынудили его покинуть полк, и не постеснялся свалить все злосчастные обстоятельства побега Лидии на ее легкомыслие. Он собирался уйти в отставку и имел весьма туманное представление о своем будущем. Предполагалось, что он куда-нибудь уедет, хотя отнюдь не было известно, куда именно. Вместе с тем было ясно, что у него нет никаких средств к существованию. Мистер Дарси заинтересовался причинами, из-за которых он сразу не женился на твоей сестре. Хотя мистера Беннета нельзя счи-

тать очень богатым человеком, он все же мог бы в какой-то мере оказаться ему полезным и эта женитьба отразилась бы выгодно на его положении. Но ответ Уикхема на этот вопрос свидетельствовал, что молодой человек лелеял надежду поправить свои дела основательно с помощью женитьбы в новых местах. При таких обстоятельствах ему, однако, трудно было устоять против соблазнительного предложения, которое могло его выручить сразу. Они встретились не один раз — столько всего необходимо было обсудить. Уикхем, разумеется, запросил больше того, на что мог рассчитывать, но в конце концов ограничился разумными требованиями. Как только между ними была достигнута договоренность, мистер Дарси тотчас же поспешил ознакомиться с положением дел твоего дядю и зашел на Грейсчёрч-стрит вечером накануне моего приезда. Однако ему не удалось застать мистера Гардинера. А из ответов прислуги он узнал, что твой отец все еще находится здесь, но должен уехать на следующее утро. Считая, что с ним ему будет не столь легко объясниться, как с мистером Гардинером, он охотно отложил свой визит до отъезда мистера Беннета в Лонгборн. Он не назвал своего имени, и до следующего дня было известно только, что некий господин навещался к дяде по делу. В субботу он явился опять. Твоего отца уже не было, дядя находился дома, и, как сказано было выше, между ними произошел весьма продолжительный разговор. В воскресенье они встретились снова, и тогда мне тоже довелось его повидать. Но обо всем договориться они смогли только в понедельник, после чего в Лонгборн немедленно был отправлен нарочный. Наш гость оказался очень упрямым человеком. Думаю, Лиззи, что истинным недостатком его характера в конце концов является именно упрямство. В разное время ему приписывались различные пороки. Но этот порок присущ ему на самом деле. Все, что еще предстояло сделать, должно было быть сделано только им самим, хотя я убеждена (говорю вовсе не для того, чтобы заслужить благодарности, и поэтому, пожалуйста, ни слова об этом), что твой дядя охотно бы взялся за дело сам. Они спорили между собой по этому поводу гораздо больше, чем того стоили девица и молодой человек, к которым эти споры относились. Но в конце концов дяде пришлось уступить, и, вместо того чтобы оказаться полезным своей племяннице, он, вопреки своему желанию, вынужден был только изобразить благодетеля, не будучи им на самом деле. И я искренне убеждена, что полученное от тебя сегодня утром письмо весь-

ма его обрадовало, так как потребовало разъяснений, которые избавляют его от не принадлежавших ему лавров и отдают их лицу, заслуживающему их на самом деле. Но, милая Лиззи, все это не должно пойти дальше тебя и, в крайнем случае, дальше Джейн. Ты, я думаю, достаточно хорошо знаешь, что было сделано для жениха и невесты. Следовало выплатить его долги на общую сумму, наверно, далеко перевалившую за тысячу фунтов. Другая тысяча, вместе с ее собственной, была положена на имя Лидии. А для него был куплен патент. Причину, по которой все это взял на себя мистер Дарси, я уже назвала тебе раньше. Только по его вине, из-за его бездействия и недостаточной дальновидности характер Уикхема выступал в столь ложном свете и он мог пользоваться всеобщим вниманием и расположением. Быть может, в этом и содержится крупница истины. Однако, несмотря на прекрасные рассуждения, ты, моя дорогая Лиззи, можешь быть абсолютно уверена, что дядя ни за что бы с ними не согласился, не будь он убежден в особой заинтересованности мистера Дарси в этом деле. Когда все вопросы были разрешены, мистер Дарси вернулся к своим друзьям, еще оставшимся в Пемберли. Но при этом было условлено, что он снова прибудет в Лондон в день бракосочетания, с тем чтобы полностью закончить денежные дела. Думаю, я рассказала теперь решительно все. Это сообщение, как я поняла из твоего письма, должно тебя сильно удивить. Надеюсь все же, оно не вызовет твоего неудовольствия. Лидия переселилась к нам, и Уикхем получил постоянный доступ в наш дом. Он был точно таким же, каким я его знала в Хартфордшире. Но я ни за что не стала бы говорить тебе о своем недовольстве поведением в нашем доме невесты, если бы не поняла из письма, написанного Джейн в последнюю среду, что она ведет себя в Лонгборне точно так же, как и у нас, и потому это мое сообщение не может причинить тебе новой боли. Много раз я заводила с ней разговор, пытаюсь самым серьезным образом объяснить ей непорядочность ее поведения и зло, которое она причинила своей семье. Я была бы рада, если бы что-нибудь все же было ею усвоено, так как она явно старалась не слышать моих слов. Иногда я выходила из себя. Но тогда я вспоминала своих дорогих Элизабет и Джейн и ради них старалась набраться терпения. Мистер Дарси вернулся точно в назначенное время и, как тебе известно от Лидии, присутствовал при церковном обряде. Он пообедал у нас на следующий день и должен был снова покинуть Лондон в среду

или в четверг. Надеюсь, дорогая Лиззи, ты не очень рассердишься, если я воспользуюсь поводом и признаюсь тебе (чего я никак не решалась сделать до этих пор), насколько он мне понравился. Его обращение с нами было во всех отношениях таким же милым, как тогда, когда мы находились в Дербишире. Его взгляды и здравый смысл кажутся мне безукоризненными. Если ему чего-то и недостает, так это некоторой живости характера, которую в нем могла бы воспитать спутница жизни, при условии, что он сделает удачный выбор. Он показался мне человеком скрытным — едва ли хоть раз он упомянул о тебе. Но ведь скрытность теперь принята. Ради бога, прости мне мои, быть может, преждевременные намеки. И, по крайней мере, не рассердись на меня настолько, чтобы в будущем закрыть передо мной двери в П. Я не почувствую себя вполне счастливой до тех пор, пока не осмотрю весь парк целиком. Думаю, для этого отлично подошел бы низенький фаэтон с парой хороших пони. Но я не могу больше писать — уже полчаса назад мне следовало заняться детьми.

Искренне преданная тебе

М. Гардинер».

Содержание этого письма вызвало в душе Элизабет целую бурю переживаний, радостных и мучительных, — трудно было даже определить, какие из них преобладали. Прежние смутные и неопределенные догадки, вызванные неясностью роли Дарси в подготовке бракосочетания ее сестры, над которыми она даже не смела задумываться — они предполагали проявление такого необыкновенного великодушия и вместе с тем накладывали на нее столь серьезные обязательства, — подтвердились, притом в самой полной мере! Он намеренно отправился искать их в Лондон, готовый ко всем неприятностям и унижениям, связанным с подобными розысками! Снизшел до роли просителя перед женщиной, которую презирал и ненавидел! Был вынужден видеть (притом не один раз), уговаривать и, наконец, подкупить человека, которого всегда избегал, — даже самое имя которого выводило его из себя! И все это делалось для девчонки, которую он не мог ни уважать, ни ценить? Сердце подсказывало Элизабет, что он поступал так ради нее. Но подобное предположение сразу оказывалось несостоятельным, когда она думала о том, что даже при всей своей самонадеянности она не может рассчитывать на его привязанность к той, которая однажды ответила ему отказом, — пусть даже ему уда-

лось бы преодолеть в себе естественное отвращение при одной мысли о необходимости породниться с Уикхемом. Свояк Уикхема! Всякое чувство гордости должно было восстать против такого родства. Разумеется, он сделал очень много. Ей было совестно даже представить себе сколько. Но ведь он предложил объяснение своего вмешательства, в которое можно было поверить без особой натяжки. Казалось вполне разумным, что он испытывал чувство вины. Он был щедр и имел возможность проявить это качество. И хотя его прежнюю склонность к ней она не могла считать главным его побуждением, остатки этого чувства могли все же способствовать его стараниям в деле, от которого столь сильно зависело ее душевное спокойствие. Как тяжело, как мучительно было сознавать, сколь многим обязаны они были человеку, с которым им никогда не удастся расплатиться. Спасение Лидии, ее имени и чести — все это было делом его рук. О, как горько раскаивалась она теперь в каждой своей недоброй мысли об этом человеке, в каждой обращенной к нему вызывающей фразе! Себя она чувствовала униженной. Но она была горда за него, горда тем, что он превзошел самого себя в проявлении великодушия и благородства. Она снова и снова перечитывала в письме отзыв о нем миссис Гардинер. Едва ли он был полным, но он был ей по-настоящему дорог. Она даже испытывала некоторую радость, смешанную с сожалением, думая об уверенности Гардинеров в том, что она связана с мистером Дарси доверием и взаимной привязанностью.

Ее заставил оторваться от раздумий и встать со скамьи шум шагов. И, прежде чем она углубилась в соседнюю аллею, ее догнал Уикхем.

— Боюсь, сестрица, я не вовремя прервал вашу одинокую прогулку, — сказал он, подходя.

— Вы в самом деле ее прервали, — ответила она с улыбкой. — Но откуда вовсе не следует, что это произошло не вовремя.

— Если бы это было так, меня бы это очень огорчило. Мы ведь всегда были добрыми друзьями, а теперь стали еще лучшими, не правда ли?

— Да, разумеется. Кто-нибудь еще вышел прогуляться?

— Не знаю. Лидия с матерью поехали в Меритон. Итак, сестрица, как я понял из слов дяди и тети, вы все-таки навестили Пемберли.

Она ответила утвердительно.

Смерть майора Пирсона.
С картины Дж. Синглтона Копли, 1783 г.

— Я почти вам завидую. И все же мне это, наверно, было бы слишком тяжело,— в противном случае я вполне мог бы туда заехать по пути в Ньюкасл. Вы, должно быть, повидали старую экономку? Бедная Рейнолдс, она меня так любила! Конечно, вам она обо мне ничего не сказала.

— О нет, кое-что было сказано.

— Что же именно?

— Что вы поступили в армию и, кажется, не вполне хорошо себя там зарекомендовали. На большом расстоянии, вы знаете, многое бывает искажено.

— В самом деле,— произнес он, кусая губы.

Элизабет надеялась, что ей удалось заставить его замолчать. Но вскоре он заговорил опять:

— Я был удивлен, увидев недавно в Лондоне Дарси. Мы встретились с ним несколько раз. Интересно, чем он там занимается?

— Может быть, он готовится к свадьбе с мисс де Бёр? — спросила Элизабет.— В такое время года его могло привести в город только что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Несомненно. Пришлось ли вам повидать его во время вашего пребывания в Лэмтоне? Из слов Гардинеров мне показалось, что вы встретились?

— О да, и он познакомил нас со своей сестрой.

— Она вам понравилась?

— Конечно, и даже очень.

— Я в самом деле слышал, что за два года она стала намного лучше. Когда я ее видел в последний раз, она больших надежд не внушала. Рад, что она вам пришлась по душе. Хотелось бы надеяться, что с ней и дальше все пойдет хорошо.

— О, я в этом вполне уверена. Ведь самые опасные годы для нее позади, не так ли?

— Вы проезжали деревню Кимтон?

— Не припомню такого названия.

— Я спросил про нее потому, что это тот самый приход, на который я мог рассчитывать. Дивное место! Отличный пасторский домик! Это так бы мне сейчас подошло.

— И вы стали бы произносить проповеди?

— О, с величайшим наслаждением! Они сделались бы частью моего существования; привыкнув, я бы с ними легко справлялся. Нехорошо жаловаться, но иногда все же думаешь — насколько это было бы славно! Спокойствие и уединение — вот, по-моему, настоящее счастье. Увы, этому не бывать. Вам Дарси об этом ничего не рассказывал, когда вы гостили в Кенте?

— От человека не менее осведомленного я слышала, что приход был оставлен за вами только условно. Окончательное решение возлагалось на теперешнего владельца.

— Гм, вот как! Да, это в какой-то степени верно. Я даже, помнится, что-то вам об этом сказал, когда мы впервые разговорились.

— Я слышала также, что в былое время произнесение проповедей не выглядело для вас столь приятным занятием, каким оно представляется вам сейчас. И что тогда вы решительно и навсегда отказались от прихода, получив соответствующую компенсацию.

— Ах так?! Это, впрочем, тоже не лишено оснований. Вы можете вспомнить, что и об этом я говорил вам при нашем первом знакомстве.

Они уже находились у самого входа в дом, так как Элизабет шла быстро, с тем чтобы поскорее от него от-

делаться. Щадя сестру и не желая ради нее с ним ссориться, она только ответила ему с веселой улыбкой:

— Послушайте, мистер Уикхем, мы с вами теперь, как вы знаете, брат и сестра. Не будем вспоминать прошлое. В будущем, я надеюсь, мы обо всем станем судить одинаково.

Она протянула Уикхему руку, которую тот, не зная, куда отвести глаза, весьма галантно поцеловал, и они вошли в дом.

ГЛАВА XI

Мистер Уикхем был в такой степени удовлетворен этой беседой, что больше никогда не затруднял себя попытками растрогать дорогую сестрицу Элизабет жалобами на свою горькую участь.

И она с радостью убедилась в том, что ей удалось высказать все несобходимое, чтобы заставить его замолчать.

Вскоре наступил день отъезда его и Лидии, и миссис Беннет не оставалось ничего другого, как примириться с предстоящей разлукой, которая, по-видимому, должна была продлиться не менее года, так как ее муж и слышать не хотел о поездке в Ньюкасл.

— Лидия, дорогая моя,— воскликнула она,— когда-то теперь доведется нам снова встретиться!

— Боже мой, откуда я знаю? Быть может, не раньше чем через два или даже три года.

— Пиши мне, любовь моя, как можно чаще.

— Уж как сумею. Вы знаете, у замужних женщин остается немного времени для писем. Пусть мне побольше пишут сестры. Им-то ведь делать нечего.

Мистер Уикхем простился с родными гораздо сердечнее. Он расточал улыбки, очаровывал всех и произнес массу приятных слов.

— Это самый отличный малый из виденных мной на моем веку,— заметил мистер Беннет, как только они уехали.— Ухмыляется, хихикает и со всеми заигрывает! Я необыкновенно им горд. Думается, даже сам сэръ Уильям Лукас не смог бы породить более достойного зятя.

Отъезд дочери на несколько дней выбил миссис Беннет из колеи.

— Мне часто приходит в голову,— говорила она,— что на свете нет ничего хуже разлуки с родным человеком. Как пусто становится, когда его уже нет рядом!

— Вот к чему приводит, сударыня, замужество дочери,— заметила Элизабет.— Тем больше удовлетворения вы должны находить в том, что остальные ваши дочери остаются в девицах.

— Ничего подобного! Лидия покинула нас сейчас не из-за своего замужества, а лишь потому, что полк Уикхема находится бог знает как далеко. Если бы он был поближе, она бы так быстро не уехала.

Отчаяние, в которое миссис Беннет была ввергнута этим событием, мало-помалу, однако, потеряло свою остроту, и она стала питать новые надежды благодаря одному недавно распространившемуся известию. Экономка в Незерфилде получила распоряжение приготовить дом к приезду хозяина, прибывающего через день или два, чтобы в течение нескольких недель поохотиться в здешних местах. Миссис Беннет пришла в крайнее беспокойство. Она то и дело поглядывала на Джейн, улыбалась и качала головой.

— Так, так, сестрица,— новость сообщила ей миссис Филипс,— значит, мистер Бингли все-таки возвращается? Ну что ж, тем лучше. Хотя меня это мало трогает. Он ведь для нас, как тебе известно, никто, и мне вовсе не хотелось его снова увидеть. Все же его появление в Незерфилде, если он вздумал туда возвратиться,— дело похвальное. Кто знает, что может случиться? Впрочем, нас это не касается, мы же условились никогда об этом не вспоминать. Ты уверена, что он приезжает?

— Можешь на меня положиться,— отвечала ее сестра.— Миссис Николс была вечером в Меритоне. Я как увидела, что она идет мимо, сразу выбежала, чтобы все разузнать. Она сама говорит, что все это чистая правда. Он приезжает не позже четверга, может быть, даже в среду. По словам миссис Николс, она заходила к мяснику, чтобы заказать мяса к среде. К счастью, у него нашлось три пары уток, которым самое время свернуть головы и отправить на кухню.

Известие о приезде Бингли не могло не вызвать краску на лице у мисс Беннет. Уже много месяцев прошло с тех пор, как она в последний раз произнесла его имя в разговоре с Элизабет. Но теперь, как только они остались вдвоем, она сказала:

— Я заметила, как ты на меня взглянула, когда тетя сообщила нам последнюю новость. Наверно, я показалась расстроенной. Но не считай, пожалуйста, что это было связано с какими-нибудь глупостями. Просто я на ми-

нута смутилась, так как понимала, что все обратят на меня внимание. Эта новость не вызвала в моей душе ни боли, ни радости. Приятно, что он приезжает один,— благодаря этому мы почти не будем встречаться. Не то чтобы я опасалась за себя, но я боюсь всяких намеков.

Элизабет не знала, что и подумать. Если бы она не встретила с ним в Дербишире, она считала бы, что он мог приехать ради того, о чем было объявлено во всеуслышание. Но там ей показалось, что он любит Джейн по-прежнему. И она терялась в догадках, стараясь понять, приезжает ли он с разрешения друга или осмелился действовать по своему усмотрению.

«И все же это ужасно,— думала она иногда.— Несчастный молодой человек не смеет поселиться в законно нанятом доме, не вызвав подобных сплетен. По мне — пусть он живет, как ему вздумается».

Хотя Джейн говорила, что известие о приезде Бингли ничуть ее не тревожит, и даже верила в это сама, Элизабет все же ясно замечала ее волнение. В каждом ее поступке обнаруживались взвинченность, нервозность, столь несвойственные ей в обычное время.

Тема, подвергнутая горячему семейному обсуждению около года тому назад, вновь стала предметом разговора между родителями.

— Дорогой мой, как только мистер Бингли приедет,— сказала миссис Беннет,— вам, разумеется, нужно будет его навестить!

— Ну нет, увольте. В прошлом году вы меня убедили, обещав, что за это он женится на нашей дочке. Но, как видите, все кончилось ничем. На эту удочку я больше не попадусь.

Жена попыталась объяснить ему, что по случаю приезда мистера Бингли все соседи должны оказать ему должное внимание.

— Терпеть не могу этикета! — возразил муж.— Если Бингли нуждается в нашем обществе — пусть сам и заботится о встрече. Он знает, где мы живем. Я слишком дорожу временем, чтобы бегать к соседям по случаю каждого их отъезда или приезда.

— Ну что ж, насколько я понимаю, вы поступите непростительно грубо. Но это все же ни в коем случае не помешает мне пригласить его к нам на обед. На днях у нас обедают Голдинги и миссис Лонг. Вместе с нами за столом будет тринадцать человек,— для него как раз останется место.

Принятый план помог ей смириться с недостаточной учтивостью мужа. И все же ей было тяжело сознавать, что из-за его отказа соседи смогут встретиться с мистером Бингли раньше, чем они.

— Я вообще начинаю жалеть о его возвращении,— сказала Джейн сестре.— Оно могло бы меня не затрагивать,— ведь я и впрямь могу с ним встретиться как ни в чем не бывало. Но я не переношу связанных с этим беспрестанных разговоров. У нашей матери самые добрые намерения. Но она не представляет себе,— этого не может представить никто,— как мучат меня ее слова. Я буду счастлива, когда он снова уедет.

— Мне бы хотелось тебя утешить,— ответила Элизабет.— Но я не могу. Пойми, дорогая. Я не могу даже пожелать тебе набраться терпения,— то, что в таких случаях обычно советуют,— столько ты вытерпела.

Мистер Бингли приехал. С помощью слуг миссис Беннет узнала об этом незамедлительно, благодаря чему не был упущен ни один час возможных волнений и беспокойств. И она высчитывала, через сколько дней будет прилично пригласить его на задуманный обед, не надеясь увидеть его до этого. Но уже на третье утро после его прибытия в Хартфордшир она заметила из окна спальни, как он въехал на прилегающую к дому лужайку и поскакал к подъезду.

На радостях она сейчас же подозвала к окну дочерей. Джейн не захотела покинуть места за столом. Но Элизабет, чтобы ублажить мать, подошла, посмотрела во двор, увидела рядом с Бингли мистера Дарси и села рядом со старшей сестрой.

— С ним какой-то джентльмен, маменька,— сказала Китти.— Кто бы это мог быть?

— Какой-нибудь его знакомый, моя дорогая,— откуда мне знать.

— Ой! — крикнула Китти.— Кажется, это тот самый джентльмен, который всюду бывал с ним раньше. Мистер, ну как же его зовут,— такой высокий и гордый?..

— Боже праведный! Мистер Дарси! Конечно, он, клянусь чем угодно. Что ж, мы рады приветствовать всякого друга мистера Бингли. Но не будь они друзьями, я бы сказала, что прихожу в ярость от одного его вида.

Джейн бросила на Элизабет взгляд, полный недоумения и сочувствия. Она почти ничего не знала о том, что произошло в Дербишире. Поэтому она представила себе смущение сестры, которая едва ли не впервые увидела

этого человека после получения от него столь памятного письма. Обеим сестрам было очень не по себе. Обеих переполняли собственные переживания и взаимное сочувствие. Поэтому они не расслышали болтовни матери о ее неприязни к мистеру Дарси и решимости обращаться с ним учтиво только ради его дружбы с мистером Бингли. Но у Элизабет был повод для беспокойства, совершенно неизвестный сестре, которой она так и не осмелилась показать письмо миссис Гардинер и рассказать, как изменилось ее отношение к Дарси. Для Джейн это был просто человек, на предложение которого ее сестра ответила отказом и достоинства которого недооценила. Но Элизабет знала гораздо больше. Она видела в нем друга, который облагодетельствовал их семью и к которому она питала чувство если не столь же нежное, то, по крайней мере, не менее оправданное и заслуженное, чем чувство Джейн к Бингли. Его приезд, появление в Незерфилде и в Лонгборне, его явное стремление снова с ней встретиться — все это удивляло ее почти в той же степени, в какой она была удивлена переменой его поведения при первой их встрече в Дербишире.

Румянец, сошедший перед тем с ее щек, вспыхнул на них еще ярче, и радостная улыбка озарила ее лицо, когда она подумала, как долго остаются неизменными его привязанность и стремление завоевать ее сердце. Но она не хотела себя зря обнадеживать.

«Посмотрим прежде, как он станет себя вести,— сказала она себе.— Помечтать мы еще успеем».

Она сидела, углубившись в работу, стараясь совладать с душевным смятением и не смея поднять глаза. Услышав приближающиеся к двери шаги, она с любопытством взглянула на сидевшую рядом сестру. Джейн была немного бледна, но держалась спокойнее, чем ожидала Элизабет. При появлении гостей она слегка покраснела. И все же она встретила их непринужденно, и в ее полном достоинства поведении не замечалось ни тени обиды или преувеличенной приветливости.

Элизабет сказала каждому из друзей ровно столько, сколько требовали приличия, и снова взялась за шитье. Только раз осмелилась она бросить взгляд на Дарси. Как обычно, он казался серьезным, и она подумала, что сейчас он больше похож на Дарси, которого она видела прежде в Хартфордшире, чем на того, которого узнала в Пемберли. Но, быть может, находясь рядом с ее матерью, он не мог вести себя так, как в присутствии ее дяди и тети?

Такое предположение, сколь оно ни было огорчительным, казалось правдоподобным.

На Бингли она тоже успела взглянуть лишь мельком, заметив при этом, что он выглядит счастливым и смущенным. Миссис Беннет встретила его с такой чрезмерной любезностью, что старшим дочкам стало неловко, в особенности из-за контраста между этим приемом и церемонным приветствием, которым она удостоила его друга.

Это различие особенно болезненно переживала Элизабет, зная, что миссис Беннет была обязана мистеру Дарси спасением от бесчестия любимой дочери.

Дарси справился у Элизабет о здоровье мистера и миссис Гардинер, смутив ее настолько, что она едва смогла ответить, и затем не проронил почти ни одного слова. Они сидели довольно далеко друг от друга, и его молчание, возможно, объяснялось именно этим. Но в Дербишире все было по-другому. Там, если он не мог разговаривать с ней, он беседовал с ее друзьями. Здесь же в течение многих минут его голоса вовсе не было слышно. И когда, одолевая любопытством, она время от времени бросала на него беглые взгляды, она замечала, что он одинаково часто смотрел на нее и на Джейн, а еще чаще — просто опускал глаза. Его озабоченность и меньшая, в сравнении с предыдущей встречей, готовность быть ей приятным объяснялись достаточно просто. Она была разочарована и жестоко за это на себя злилась.

«Разве я могла ждать иного? — спрашивала она себя. — И все же почему он пришел?»

Ей не хотелось разговаривать с кем-нибудь другим, и у нее не хватало духу обратиться к нему. Справившись о здоровье его сестры, она больше ничего не могла придумать.

— Как давно вы уехали, мистер Бингли! — заметила миссис Беннет.

Мистер Бингли с готовностью согласился.

— Я уже начала побаиваться, что вы и вовсе не вернетесь. Поговаривали, будто к михайлову дню вы откажетесь от аренды. Надеюсь, этого не случится? Как много за ваше отсутствие изменилось! Мисс Лукас вышла замуж и теперь живет своим домом. И одна из моих дочерей — тоже. Надеюсь, вы слышали — вы могли об этом прочесть в газетах. Я знаю, об этом сообщалось в «Курьере» и в «Таймсе». Хотя, конечно, не так, как следовало бы. Сказано всего лишь: «На днях Джордж Уикхем, эсквайр — на мисс Лидии Беннет». И ни словечка об ее отце, из каких она мест, — ровно ничего. Это дело рук

моего брата Гардинера. Просто понять не могу, как его угораздило так оскандальиться. Вы читали?

Бингли ответил утвердительно и воспользовался случаем принести свои поздравления. Элизабет не смела поднять глаза, а потому не знала, как при этом выглядел мистер Дарси.

— В самом деле приятно, когда дочка удачно выходит замуж,— продолжала миссис Беннет.— И вместе с тем было жестоко отрывать ее от меня. Они уехали далеко на север, в Ньюкасл. И, увы, будут жить в тех местах бог знает сколько. Там квартирует его полк. Вы ведь, надеюсь, знаете,— он ушел из ***ширского и поступил в регулярную армию. Слава богу, у него есть настоящие друзья. Хоть и не так много, как он заслуживает.

Элизабет, понимавшая, что это говорилось в пику мистеру Дарси, почувствовала себя до такой степени униженной, что едва могла усидеть на месте. Но именно эти слова наполнили ее душу недостававшей ей прежде решимостью и заставили ее вступить в разговор. Она спросила у Бингли, надолго ли он поселился в Незерфилде, и узнала, что он надеется провести здесь несколько недель.

— Когда вы перестреляете всю дичь у себя,— вмешалась ее мамаша,— пожалуйста, мистер Бингли, приезжайте к нам. Вы сможете сколько угодно охотиться в имении мистера Беннета. Поверьте, он будет счастлив доставить вам это удовольствие и постарается приберечь для вас лучшие выводы.

Неумеренная и назойливая угодливость матери еще сильнее смутила Элизабет. Она была убеждена, что если бы сейчас ожили вновь прошлогодние надежды, то все очень скоро опять завершилось бы досадным разочарованием. И ей казалось, что мука, которую в эти минуты испытывали она и Джейн, не могла быть возмещена даже годами блаженства.

«Самое большое мое желание,— говорила она себе,— никогда больше не видеть этих людей. Своим обществом они не доставляют той радости, ради которой стоило бы переносить такие страдания. Пусть же ни тот, ни другой не попадают мне на пути!»

Мука, которая не могла быть возмещена годами блаженства, показалась ей все же менее тяжелой, когда она заметила, как сильно обаяние Джейн действует на чувства ее прежнего поклонника. Сразу по приходе он разговаривал с ней немного. Но с каждой минутой его внимание к ней росло. Она казалась ему такой же красивой,

как в прошлом году. Такой же милой и такой же естественной, но, пожалуй, несколько более молчаливой. Джейн всячески заботилась, чтобы в ней не было заметно никаких перемен, и считала, что разговаривает столько же, сколько раньше. Но ее мысль работала так напряженно, что нередко она сама не замечала своей задумчивости.

Когда молодые люди собрались уходить, миссис Беннет, продолжая изо всех сил ухаживать за Бингли, воспользовалась случаем, чтобы пригласить их в один из ближайших дней пообедать в Лонгборне.

— Ведь вы, мистер Бингли, мой должник,— добавила она.— Помните, когда вы уезжали в город прошлой зимой, вы обещали по возвращении приехать к нам на обед. Как видите, я этого не забыла. Признаюсь, я была сильно разочарована, когда вы не вернулись в Хартфордшир, чтобы исполнить свое обещание.

Эти слова вызвали у Бингли некоторое замешательство, и в ответ он пробормотал что-то о задержавших его делах. Следом за тем они уехали.

Миссис Беннет очень хотелось пригласить их к обеду в тот же день. Но хотя в Лонгборне всегда был отличный стол, она решила, что потребуется, по крайней мере, удвоить количество блюд, чтобы угодить человеку, с которым она связывала столь большие надежды, а также удовлетворить аппетит и тщеславие его друга, располагавшего десятью тысячами годового дохода.

ГЛАВА XII

Как только они ушли, Элизабет, чтобы немного успокоить свое волнение, отправилась на прогулку. Ей хотелось без помех поразмыслить над событиями дня, особенно сильно ранившими ее чувства. Больше всего ее удивляло и мучило поведение мистера Дарси.

«Зачем он пришел,— недоумевала она,— если собирался все время просидеть молча, сохраняя на лице это безразличное выражение?»

Ей не удавалось найти объяснение, которое могло бы хоть сколько-нибудь ее порадовать.

«Еще совсем недавно, в Лондоне, он мог быть приветливым и любезным с дядей и тетей. Почему же он не

был таким же со мной? Если он со мной чувствует себя неловко, зачем ему было сюда приходиться? Если ему больше нет до меня дела, откуда такая замкнутость? Как он меня изводит, этот человек! Не стану о нем больше никогда думать».

Какое-то время ей пришлось поневоле сдерживать свое обещание, так как ее догнала Джейн, счастливый вид которой показывал, что утренний визит доставил ей гораздо больше удовольствия, чем ее сестре.

— Теперь,— сказала она,— когда первая встреча уже позади, у меня на душе стало спокойно. Я уверилась в своих силах, и его приход больше меня не смутит. Мне даже приятно, что он будет обедать у нас во вторник. При этом все смогут убедиться, что между нами нет ничего, кроме обычного знакомства.

— Да, да, разумеется, самого обычного,— с улыбкой ответила Элизабет.— Ах, Джейн, Джейн, будь осторожна!

— Лиззи, дорогая, неужели ты считаешь меня такой слабой, что сколько-нибудь за меня опасаться?

— Я считаю, что тебе следует опасаться, как бы он не влюбился в тебя еще сильнее.

До вторника молодых людей не видели. И за эти дни в душе миссис Беннет возродились самые счастливые надежды, основанные на радостном виде и любезности мистера Бингли в течение его получасового визита.

Во вторник в Лонгборне собралось большое общество. Двое гостей, которых ждали с особенным нетерпением, как подобает истинным любителям спорта, явились ровно в назначенное время. Когда все направились в столовую, Элизабет с интересом стала наблюдать, займет ли Бингли принадлежавшее ему прежде место около Джейн. Ее предусмотрительная мамаша, волнуемая той же мыслью, не стала усаживать его подле себя. Войдя в комнату, Бингли остановился в некоторой нерешительности. Но Джейн как бы ненароком взглянула по сторонам, как бы ненароком улыбнулась,— и все было решено. Он уселся с ней рядом.

Элизабет с торжеством посмотрела на его друга. Тот отнесся к происшедшему с благородной невозмутимостью. И она могла бы подумать, что Бингли испросил у него разрешения на счастье, если бы не заметила брошенного им на мистера Дарси взгляда, выразившего шутивное беспокойство.

То, как он вел себя во время обеда по отношению к Джейн, явно доказывало, насколько он ею увлечен. И хотя, по сравнению с прежними встречами, он соблюдал большую осторожность, было ясно, что он и Джейн, если им только не помешают, обретут блаженство в ближайшем будущем. Не осмеливаясь предвосхищать события, Элизабет испытывала удовольствие, наблюдая за поведением Бингли. И это было единственной отрадой, которая отчасти скрашивала ее невеселое настроение. Мистер Дарси сидел рядом с миссис Беннет, удаленный от Элизабет, насколько это было возможно за одним столом. И Элизабет прекрасно понимала, как мало удовольствия каждый из них испытывает от такого соседства и как это должно отражаться на их поведении. Она не могла на таком расстоянии слышать их слов. Но она хорошо видела, как редко они обращались друг к другу и в какой мере эти обращения были сухими и сдержанными. Нелюбезность матери заставила Элизабет еще острее почувствовать, сколь многим они ему обязаны. И иногда она готова была пожертвовать чем угодно ради возможности сказать ему, что хоть кто-то в их семье знает и по-настоящему ценит все доброе, что было им для них сделано.

Она надеялась, что в течение вечера какой-нибудь случай сведет их вместе и этот визит не закончится без ее разговора с мистером Дарси, более обстоятельного, нежели обмен несколькими церемонными приветствиями при встрече. Встревоженная и взволнованная, она сидела в гостиной до прихода мужчин с таким усталым и отсутствующим видом, что могла показаться невежливой. Их появления она ждала с тем чувством, как будто от этой минуты целиком зависело — принесет ли ей сегодняшний вечер хоть какую-то радость.

«Если он не подойдет и на этот раз,— говорила она себе,— я буду знать, что он потерян для меня навсегда».

Мужчины вошли. И судя по виду мистера Дарси, он был склонен ответить ее надеждам. Но увы! Дамы так тесно окружили столик, за которым Джейн разливала чай, а Элизабет — кофе, что поблизости не оказалось ни одного места, где бы он мог присесть. А когда молодые люди оказались неподалеку, одна из девиц прижалась к Элизабет, прошептав:

— Я не желаю, чтобы мужчины нас разлучили! Ведь никто из них нам не нужен, не правда ли?

Дарси отошел в другой конец комнаты. Она проводила его взглядом, завидуя каждому человеку, с которым он

вступал в разговор, и боясь, что у нее не хватит терпения угостить кофе всех присутствующих. И вдруг ее возмутила собственная наивность.

«Человек, которому я отказала! Как глупо с моей стороны думать, что он мог снова в меня влюбиться! Разве найдется представитель сильного пола, у которого хватило бы кротости сделать второе предложение? Большого унижения им, наверно, трудно себе представить!»

Ей, однако, стало немного легче, когда он попросил ее налить ему вторую чашку кофе. Воспользовавшись случаем, она спросила:

— Ваша сестра все еще живет в Пемберли?

— Да, она пробудет там до рождества.

— И с ней никто не остался? Неужели ее покинули все друзья?

— Миссис Энсли еще там. Другие леди три недели назад уехали в Скэрборо.

Больше она не нашла что сказать. Но если бы ему хотелось поддержать разговор, он мог бы придумать какую-нибудь тему сам. Тем не менее он молча постоял около нее несколько минут и, только когда одна из девиц начала что-то опять нашептывать Элизабет на ухо, отошел в сторону.

Чайная посуда была убрана, карточные столы — раскрыты. Дамы поднялись, и Элизабет надеялась, что он вскоре окажется рядом. Однако и на этот раз ее постигло разочарование: она увидела, как его перехватила миссис Беннет, охотясь на игроков в вист, и усадила против себя. Больше уже она не ждала от вечера ничего. Они должны были просидеть в разных концах комнаты до самого ухода гостей, и теперь ей оставалось только надеяться, что, обращая свой взор слишком часто к ее столику, он окажется таким же незадачливым игроком, как она сама.

Миссис Беннет намеревалась удержать мистера Бингли и его друга еще и на ужин. Однако, на ее беду, его экипаж был подан первым, и она не смогла найти способа помешать их отъезду.

— Ну-с, девочки,— сказала она, когда все наконец разъехались,— что вы скажете о сегодняшнем вечере? Все прошло самым отличным образом. Вы заметили, как красиво был убран стол? Оленина совсем не пережарилась — все говорили, что еще не видывали такого сочного окорока. А разве можно было сравнить суп с тем, что мы неделю назад ели у Лукасов? Даже мистер Дарси подтвердил, что куропатки приготовлены превосходно. А он-то, наверно,

держит по меньшей мере двух или трех французских поваров. Джейн, милочка, ты еще никогда не выглядела такой красавицей. Миссис Лонг тоже это находит — она прямо так и сказала, отвечая на мой вопрос. И что же, ты думаешь, она при этом добавила? «Ах, миссис Беннет, суждено ей жить в Незерфилде!» Да, да, да, так и сказала! Она такая душка, миссис Лонг, — кто с ней может сравниться? А какие у нее воспитанные племянницы, хоть, правда, и некрасивые. Я просто их обожаю!

Миссис Беннет, короче говоря, находилась в великолепном расположении духа. Она достаточно насмотрелась, как мистер Бингли вел себя по отношению к Джейн, чтобы вполне увериться, что в конце концов он все же станет ее мужем. А поскольку, находясь в хорошем настроении, она ждала, что счастливые события развернутся с умопомрачительной быстротой, она была серьезно разочарована, когда на следующее утро он не явился просить руки ее дочери.

— Какой это был чудесный день! — сказала Джейн, обращаясь к сестре. — И как удачно подобралось все общество — все так подходило друг к другу. Надеюсь, мы и дальше будем встречаться.

Элизабет улыбнулась.

— Почему ты улыбаешься, Лиззи? Тебе не в чем меня подозревать. Мне это неприятно. Поверь мне, я теперь вполне научилась извлекать удовольствие из беседы с ним просто как с приятным и разумным молодым человеком, не испытывая при этом никаких других чувств. И я убедилась, что у него не было ни малейшего желания завоевать мое сердце. Это только могло показаться, потому что, в отличие от других людей, он одарен удивительным обаянием и стремлением радовать всех окружающих.

— Ты поступаешь очень жестоко, — отвечала ее сестра. — Не позволяя мне улыбаться, ты вместе с тем каждую минуту даешь мне для этого повод.

— Иной раз бывает удивительно трудно сделать так, чтобы тебе поверили!

— А бывает — и совсем невозможно!

— Но для чего тебе меня убеждать, что я испытываю нечто большее, чем сама сознаю?

— На этот вопрос я едва ли могу ответить. Мы все любим поучать других, хотя можем им передать лишь то, что, пожалуй, и знать-то не стоит. Прости меня. И если ты настаиваешь на своем безразличии к мистеру Бингли, не делай меня больше своей наперсницей.

Через несколько дней после званого обеда мистер Бингли снова навестил Лонгборн, на этот раз без своего друга. Мистер Дарси в это утро уехал в Лондон, с тем, однако, чтобы через десять дней вернуться в Незерфилд. Бингли пробыл более часа, все время находясь в превосходном настроении. Миссис Беннет пригласила его остаться обедать, но, к его великому сожалению, он вынужден был признаться, что уже обещал обедать в другом месте.

— Надеюсь, нам повезет больше, когда вы приедете в следующий раз,— сказала миссис Беннет.

Он будет предельно счастлив в любое время, и т. д. и т. п. И если ему позволят сейчас удалиться, он воспользуется первым удобным случаем, чтобы навестить их опять.

— Вы могли бы прийти завтра?

Да, этот день у него ничем не занят. И приглашение было с готовностью принято.

Он пришел, и притом в такое удачное время, когда ни одна из дам еще не завершила своего туалета.

Миссис Беннет в одном халате и с наполовину законченной прической вихрем влетела в комнату дочери, крича на ходу:

— Джейн, дорогая, ради бога поторопись! И живо спускайся вниз. Он пришел! Мистер Бингли пришел! Да, да, честное слово. Скорее! Скорее! Вот что, Сара, сию же минуту займись мисс Беннет и помоги ей одеться. Прическа мисс Лиззи может подождать.

— Мы спустимся, как только будем готовы,— сказала Джейн.— Но Китти, я думаю, еще раньше будет внизу,— она поднялась к себе уже полчаса назад.

— Да пропади она, Китти! Ее только не хватало. Вниз, вниз, поживее! Куда девался твой пояс, моя дорогая?

Но когда мать вышла, Джейн решила ни за что не спускаться без одной из своих сестер.

Стремление матери оставить их наедине проявилось столь же сильно и вечером. После чая мистер Беннет, как обычно, удалился в библиотеку, а Мэри поднялась к себе заниматься музыкой. Когда две помехи были таким образом устранены, миссис Беннет принялась подмигивать Элизе и Китти. Ее старания долго оставались незамеченными. Элизабет упорно не обращала на них никакого внимания. Наконец Китти спросила с невинным видом:

— Что такое, маменька? Почему вы подмигиваете? Я что-нибудь должна сделать?

— Ничего, дитя мое, ничего. Тебе просто показалось.

После этого она минут пять просидела спокойно. Но, будучи не в силах упустить такую благоприятную возможность, она вдруг вскочила и, сказав Китти: «Пойдем, милочка, со мной, я должна тебе что-то сказать», увела ее из комнаты. Джейн бросила на Элизабет взгляд, говоривший, как неприятны ей эти уловки, и умолявший сестру им не поддаваться.

Через несколько минут миссис Беннет открыла дверь со словами:

— Лиззи, дорогая, мне с тобой нужно поговорить.

— Ты знаешь, мы вполне можем их оставить вдвоем,— сказала мать, как только они оказались за дверью.— Мы с Китти пойдем ко мне в гардеробную комнату.

Элизабет не стала спорить, но задержалась в холле до ухода оттуда матери и Китти, а потом вернулась в гостиную.

На этот раз расчеты миссис Беннет не оправдались. С Бингли все обстояло великолепно, если не считать того, что он еще не стал женихом Джейн. Присущие ему приветливость и непринужденность внесли немалое оживление в их вечернюю беседу. И то, что он терпел назойливую заботу миссис Беннет и без тени неодобрения прощал ей все бестактные замечания, вызывало особую благодарность ее дочери.

Его почти не пришлось уговаривать остаться ужинать. И, прежде чем он покинул дом, было условлено,— главным образом между ним и миссис Беннет,— что он придет на следующее утро, чтобы поохотиться с мистером Беннетом.

К концу дня Джейн больше не настаивала на том, что она не испытывает к Бингли никаких чувств. В разговоре между сестрами его имя не упоминалось, но Элизабет легла спать со счастливой уверенностью, что дело придет к быстрому завершению, если только мистер Дарси не вернется из Лондона раньше назначенного срока. Говоря серьезно, она, однако, готова была допустить, что все это происходит с его согласия.

Бингли явился точно в условленное время и, как было решено накануне, провел утро с мистером Беннетом. Последний оказался гораздо более приятным партнером, нежели ожидал его спутник. Бингли не был глуп и самонадеян и тем самым не давал мистеру Беннету повода удов-

Мистер Оулдхем с гостями.
С картины Дж. Хаймора, ок. 1740—1750 гг.

летворять свою склонность к сарказму или замкнуться в презрительном молчании. Благодаря этому он был более общителен и менее причудлив, чем во время их прежних встреч. Разумеется, мистер Бингли вернулся с мистером Беннетом к обеду, а вечером снова была пущена в ход изобретательность миссис Беннет, чтобы оставить его с Джейн наедине. Элизабет, которой нужно было написать письмо, сразу после чая ушла в комнату для завтрака. Остальные собирались играть в карты, и она считала, что при этом нет необходимости противодействовать уловкам мамыши.

Однако, вернувшись в гостиную после того, как письмо было написано, она, к своему изумлению, обнаружила, что в борьбе с этими уловками следовало избегать излишней самоуверенности. Распахнув дверь, она увидела сестру и мистера Бингли стоящих перед камином и углубленных в сосредоточенную беседу. И хотя это обстоятельство само по себе могло и не вызвать подозрений, но выражение их лиц в момент, когда они поспешно обернулись и отошли друг от друга, не позволяло усомниться

в происшедшем. Их положение было достаточно неловким. Но ее собственное, казалось ей, было еще более щекотливым. Никто не сказал ни слова, и Элизабет уже намеревалась удалиться, когда Бингли, который перед этим сел по примеру остальных на диван, вдруг вскочил и, прошептав что-то ее сестре, вышел из комнаты.

Джейн ничего не могла скрывать от Элизабет в тех случаях, когда откровенности сопутствовали радостные переживания. Крайне взволнованная, она бросилась к ней на шею и призналась, что считает себя счастливейшим существом на земле.

— Этого для меня слишком много! — добавила она. — Право, слишком. Я ничего подобного не заслужила. Почему все другие не могут быть так же счастливы?!

Поздравления ее сестры были принесены с таким жаром, искренностью и восторгом, которые едва ли можно передать словами. Каждая ее фраза шла от самого сердца и была для Джейн новым источником блаженства. Но Джейн не могла себе позволить долго оставаться с Элизабет, чтобы высказать ей все, что она в эти минуты переживала.

— Нужно сейчас же подняться к маме, — воскликнула она. — Нельзя забывать ни на минуту, как нежно она обо мне заботилась. Мне бы не хотелось, чтобы она узнала об этом от кого-то другого. Он уже пошел к папе. Ах, Лиззи, подумать только, сколько радости мои слова принесут нашей семье! Как мне пережить столько счастья?!

И она помчалась к матери, которая перед тем умышленно прекратила игру в карты и теперь сидела наверху с Китти.

Оставшаяся в одиночестве Элизабет улыбалась, думая о том, как просто и легко в конце концов разрешились все трудности, волновавшие и мучившие их в течение стольких месяцев.

— И вот к чему привели, — сказала она, — все каверзы и уловки его сестер, вся осторожность и осмотрительность его друга! Самый благополучный, самый мудрый и самый естественный конец!

Через несколько минут вернулся Бингли, краткая беседа которого с их отцом увенчалась полным успехом.

— Где же мисс Беннет? — спросил он, входя в гостиную.

— Она наверху у мамы. Наверно, она скоро вернется.

Прикрыв дверь за собой и подойдя ближе, он попросил Элизабет, чтобы она пожелала им счастья, а ему подарила

свою сестринскую привязанность. Элизабет искренне и от всей души выразила ему свою радость по поводу того, что им предстоит породниться, и они сердечно пожали друг другу руки. После этого, до самого прихода Джейн, ей пришлось выслушивать все, что ему было необходимо сказать о своем блаженстве и о достоинствах ее сестры. И хотя это были слова влюбленного, Элизабет была готова поверить, что его мечты сбудутся и что им предстоит счастливая жизнь, залогом которой были здравый смысл и чудесный характер Джейн, а также общность их вкусов и чувств.

Все в этот вечер были настроены необыкновенно радостно. Ощущение удовлетворенности и спокойствия придавало такое приятное оживление лицу Джейн, что она выглядела еще более красивой, чем обычно. Китти хихикала и улыбалась, мечтая о том, чтобы поскорее наступила и ее очередь. Миссис Беннет, выражая свое согласие на этот брак и высказывая свое одобрение, была не способна облечь свои чувства в слова, хотя говорила с Бингли только об этом в течение получаса. А когда мистер Беннет во время ужина присоединился ко всем, его вид и поведение свидетельствовали, насколько и он доволен происшедшим событием. Однако до самого ухода гостя он не промолвил по этому поводу ни слова. Только когда с наступлением ночи Бингли уехал, отец, обернувшись к дочери, произнес:

— Поздравляю тебя, Джейн. Ты будешь счастлива.

Джейн, подбежав к нему, поцеловала и поблагодарила отца за его доброту.

— Ты славная девочка,— сказал он,— и меня радует, что твоя жизнь сложится хорошо. Я не сомневаюсь, что вы отлично подходите друг к другу. В вас много общего. Оба вы настолько уступчивы, что между вами не может возникнуть разногласий; настолько доверчивы, что вас обведет вокруг пальца любая служанка; и настолько щедры, что вам всегда будет не хватать ваших доходов.

— Надеюсь, этого не случится. Неблагодарность и легкомыслие в денежных делах с моей стороны были бы непростительными.

— Не хватит доходов? Но, дорогой мистер Беннет,— воскликнула его жена,— о чем вы толкуете? Он же получает четыре или пять тысяч в год,— может быть, даже больше! — И, обратившись к дочери, она продолжала: — Джейн, дорогая, любимая! Я просто в восторге! Боже, меня ждет бессонная ночь! Я знала, что так случится,— разве все могло кончиться иначе? Недаром же ты такая красавица! Когда год назад, помню, я вас увидела вместе

в Хартфордшире, меня осенило: вот настоящая пара! Это самый очаровательный молодой человек, которого мне только приходилось встречать!

Уикхем, Лидия были забыты. Джейн, бесспорно, стала ее любимой дочерью. В эту минуту она ни о ком больше не думала. Между тем младшие сестры уже начали смотреть на Джейн, как на источник возможных радостей в будущем. Мэри просила разрешения пользоваться незерфилдской библиотекой, а Китти умоляла, чтобы зимой в Незерфилде почаще давались балы.

С этого времени Бингли, естественно, сделался в Лонгборне ежедневным гостем. Он появлялся перед завтраком и уходил после ужина, если только какой-нибудь варварсосед — разумеется заслуживавший самой жестокой кары — не присылал ему приглашения на обед, от которого он не мог отказаться.

Элизабет теперь не часто удавалось поговорить с Джейн, так как, пока Бингли находился в Лонгборне, последняя не могла уделять внимание кому-то другому. Однако она была полезна каждому из влюбленных в часы вынужденной разлуки. В отсутствие Джейн Бингли всегда доставлял себе удовольствие, разговаривая о ней с ее сестрой. А Джейн, когда не было Бингли, стремилась к подобному же утешению.

— Я была счастлива, — сказала она однажды вечером, — когда узнала, что ему не было известно о моем приезде в Лондон прошлой весной. Мне такая мысль не приходила в голову.

— А мне приходила, — ответила Элизабет. — Но как же, по его мнению, это могло случиться?

— Все объясняется чувствами его сестер. Они не одобряли его знакомства со мной. И тут нет ничего удивительного, если подумать, как легко он мог сделать выбор, более удачный во всех отношениях. Но как только они увидят, — а я верю, что они это в самом деле увидят, — насколько он счастлив со мной, они примирятся с его женитьбой, и наши отношения снова станут хорошими. Правда, мы уже, конечно, не будем друг для друга тем, чем были когда-то.

— Это самая суровая обвинительная речь, — сказала Элизабет, — которую я от тебя слышала. Хорошая девочка! Мне, право, будет досадно, если я увижу, что ты снова станешь предметом фальшивой привязанности мисс Бингли.

— Ты только подумай, Лиззи, когда он в прошлом году уехал в Лондон, оказывается, он уже был сильно

в меня влюблен. И если бы только не его уверенность в моем равнодушии, он бы непременно вернулся.

— Он в самом деле допустил большую ошибку, но она делает честь его скромности.

Это, естественно, вызвало со стороны Джейн целый панегирик деликатности Бингли и присущей ему недооценке собственных качеств.

Элизабет была рада узнать, что Бингли не рассказал ей про вмешательство друга, так как это могло бы, несмотря на величайшее великодушие и незлобивость сестры, все же бросить тень на ее отношение к Дарси.

— Я, несомненно, самое счастливое существо на земле! — воскликнула Джейн. — Лиззи, почему в нашей семье мне одной так повезло? Как бы мне хотелось, чтобы ты ощущала то же самое! Если бы только нашелся другой подобный человек для тебя!

— Даже если бы ты мне предложила их сотню, я все же не могла бы стать такой же счастливой. Пока у меня не будет твоего характера и твоей доброты, не видать мне и твоего блаженства. Нет, нет, дай мне идти своим путем. И, быть может, если мне очень повезет, мне еще подвернется со временем второй мистер Коллинз.

Событие в Лонгборне не могло долго сохраняться в секрете. Миссис Беннет позволила себе шепнуть о нем на ухо миссис Филипс, а та уже без всяких предосторожностей рассказала об этом всем меритонским знакомым.

Беннетов без промедления провозгласили самым удачливым семейством на свете, хотя всего несколько недель тому назад — сразу после побега Лидии — их злополучная фамилия была всеми вычеркнута из списка знакомых.

ГЛАВА XIV

днажды утром, спустя неделю после обручения Джейн, когда мистер Бингли и дамы семейства Беннет находились в комнате для завтрака, внимание всех привлек шум экипажа. За окном они увидели проехавшую по газону карету, запряженную четверкой лошадей. Для визитов было еще слишком рано, да и прибывший экипаж не принадлежал ни одному из соседей. Лошади были почтовыми, а карета и ливреи сопровождавшей ее прислуги — никому не знакомы.

Однако было очевидно, что кто-то все же приехал, и Бингли тотчас уговорил Джейн отправиться на прогулку, чтобы избавиться от участия в скучной церемонии приема гостей. Парочка удалилась, а оставшиеся тщетно высказывали догадки о том, кто бы это мог к ним пожаловать, когда дверь распахнулась и в комнату вошла леди Кэтрин де Бёр.

Все, разумеется, предвкушали нечто необычное, но то изумление, которое они на самом деле испытали, превзошло ожидания. И хотя миссис Беннет и Китти совсем не были с ней знакомы, даже они не были удивлены этим визитом так сильно, как Элизабет.

Войдя в комнату с более, чем всегда, бесцеремонным видом, леди Кэтрин ничем, кроме легкого кивка, не ответила на приветствие Элизабет и, не говоря ни слова, уселась в кресло. Элизабет назвала матери имя ее светлости, хотя последняя даже не попросила ее представить.

Миссис Беннет, будучи крайне польщена посещением столь высокой особы, старалась быть с ней крайне любезной. Просидев некоторое время в молчании, леди Кэтрин сухо спросила Элизабет:

— Надеюсь, мисс Беннет, у вас все в порядке. Эта дама, я полагаю, ваша мать?

Элизабет ответила утвердительно.

— А это, должно быть, одна из ваших сестер?

— О да, сударыня, — вмешалась миссис Беннет, радуясь возможности поговорить с леди Кэтрин. — Это моя предпоследняя дочь. Самая младшая у меня на днях вышла замуж. А старшая гуляет где-то в саду с молодым человеком, который, надеюсь, скоро станет членом нашей семьи.

— У вас совсем маленький парк, — сказала леди Кэтрин после короткого молчания.

— Смею заметить, миледи, что хоть его, разумеется, не сравнишь с Розингсом, он все же гораздо больше, чем у сэра Уильяма Лукаса.

— В этой комнате нельзя проводить летние вечера. Окна выходят на запад.

Миссис Беннет заверила ее, что комнатой в послеобеденное время не пользуются, и затем сказала:

— Могу я осведомиться у вашей светлости, как здоровье мистера и миссис Коллинз?

— В полном порядке. Я видела их позавчера вечером.

Элизабет предполагала, что теперь на свет будет извлечено письмо, которое ей прислала Шарлотта, так как это могло быть единственной причиной подобного визита. Пись-

мо, однако, не появилось, и она почувствовала себя окончательно озадаченной.

Миссис Беннет любезнейшим образом предложила ее светлости немножко подкрепиться, но леди Кэтрин решительно, хотя и не слишком учтиво, отказалась. Затем, поднявшись, она сказала, обращаясь к Элизабет:

— Мисс Беннет, там за газоном у вас, кажется, довольно живописные заросли. Я хотела бы их осмотреть, если вы составите мне компанию.

— Ступай, дорогая,— воскликнула ее мать,— и проведи ее светлость по разным тропинкам. Надеюсь, вы останетесь довольны уединением.

Элизабет подчинилась. Сбегав к себе в комнату за зонтиком, она провела знатную гостью по лестнице. Проходя через холл, леди Кэтрин открыла двери в столовую и гостиную и, признав их после краткого осмотра довольно приличными, вышла из дома.

У подъезда продолжала стоять карета, внутри которой Элизабет увидела знакомую камеристку ее светлости. В полном молчании они шли по гравиевой дорожке, которая вела к зарослям. Элизабет твердо решила не начинать разговора с посетительницей, поведение которой казалось более, чем обычно, высокомерным и вызывающим.

«Что я могла находить в ней общего с ее племянником?» — думала она, всматриваясь в лицо спутницы.

Как только они вошли в заросли, леди Кэтрин приступила к разговору.

— Вы не можете недоумевать по поводу причины моего приезда. Причину должны были вам подсказать сердце и совесть.

Элизабет посмотрела на нее с искренним изумлением.

— Вы ошибаетесь, сударыня. Мне совершенно непонятно, чему я обязана этой честью.

— Мисс Беннет,— продолжала ее светлость суровым тоном,— вам следовало бы знать, что я не позволяю с собой шутить. Если вы вздумали быть неискренней, меня на этот путь вы завлечь не сможете. Мой характер всегда славился откровенностью и прямоотой, а в подобном деле я от них и подавно не отступлюсь. Два дня назад до меня дошло известие, которое меня крайне возмутило. Мне было сообщено, что не только ваша сестра готовится выгодно выйти замуж, но что и вы, мисс Элизабет, по-видимому, надеетесь вскоре сочетаться узами брака с моим племянником, моим собственным племянником, мистером

Дарси. Конечно, я *понимаю*, насколько это гнусная выдумка. И хотя я не унижу моего племянника даже предположением, что это может случиться, я все же решила незамедлительно приехать сюда, чтобы вы сами могли узнать от меня, как я к этому отношусь.

— Но если вы были убеждены в неправдоподобности такого известия,— сказала Элизабет, покраснев от удивления и досады,— мне непонятно, зачем вы взяли на себя труд ехать в такую даль. Чего вы, ваша светлость, хотели добиться?

— Чтобы вы тут же полностью это известие опровергли.

— Если подобный слух в самом деле распространился,— холодно заметила Элизабет,— ваш приезд в Лонгборн и встреча со мной и моей семьей скорее послужит его подтверждением.

— Вы, кажется, сказали «если»?! Вы что же, хотите прикинуться, что вам о нем ничего не известно? Разве это не вы сами ухитрились его пустить? И вы же не знаете о его существовании?

— До меня ничего подобного не доходило.

— Вы можете подтвердить, что для него нет *никаких* оснований?

— Я отнюдь не притязаю на ту искренность, которая свойственна вашей светлости. Вы способны задавать мне вопросы, на которые я предпочитаю не отвечать.

— Я этого не потерплю! Мисс Беннет, я требую, чтобы вы дали мне исчерпывающие объяснения. Правда ли он — в самом ли деле мой племянник сделал вам предложение?

— Ваша светлость сочла это невозможным.

— Это должно было быть невозможным, этого не могло случиться, если только ему не изменил рассудок. Но вы могли попытаться его завлечь и заставить уловками и соблазнами забыть в ослеплении свой долг перед собой и своей семьей. Вы могли заманить его в сеть.

— Если бы я так поступила, от меня труднее всего было бы добиться признания в этом поступке.

— Вы понимаете, мисс Беннет, с кем вы имеете дело? Я не привыкла, чтобы со мной так разговаривали. Будучи чуть ли не самой близкой его родственницей, я вправе знать, что таится в его душе.

— Но вы не вправе знать, что таится в *моей*. А ваше поведение тем более не может склонить меня к откровенности.

— Я хотела бы, чтобы вы правильно меня поняли. Подобному браку, о котором вы имели дерзость мечтать, не суждено состояться. Да, да, не суждено. Мистер Дарси обручен с моей дочерью. Ну-с, что вы теперь мне скажете?

— Только одно. Если это действительно так, вы не могли бы предположить, что он просил моей руки.

Леди Кэтрин минуту поколебалась, но потом сказала:

— Они обручены несколько необычным образом. С раннего детства они предназначались друг для друга. Это было заветным желанием их матерей. Союз был скреплен в ту пору, когда наши дети еще покоились в колыбелях. И теперь, когда материнская воля должна была осуществиться в их браке, поперек дороги встала женщина низкого происхождения, без положения в свете и ничем не связанная с нашим семейством! Разве для вас ничего не значит воля его родных? Разве его молчаливое обязательство перед мисс де Бёр для вас ничто? Неужели вы полностью лишены всякого чувства порядочности и деликатности? И разве вы не слышали от меня, что с первых же дней жизни он предназначался в супруги своей кузине?

— О да, я слыхала об этом прежде. Но разве меня это касается? Если бы моему вступлению в брак с вашим племянником мешало только такое обстоятельство,— разумеется, сознание, что его мать и тетка хотели женить его на мисс де Бёр, не могло бы меня остановить. Обе вы сделали, что могли, задумывая его женитьбу. Осуществить ее дано другим. Если мистер Дарси ни словом, ни чувством не связан с вашей дочерью, почему он не вправе остановить свой выбор на другой женщине? И если бы его выбор пал на меня, почему я не могла бы принять его руки?

— Потому что честь, приличие, благоразумие, наконец, собственная ваша выгода запрещают вам это сделать! О да, мисс Беннет, именно выгода. Ибо не ждите какого бы то ни было внимания к себе со стороны его семьи и друзей. Вы будете осуждены, отвергнуты и заклеены презрением каждого близкого ему человека. Союз с вами будет считаться позором. Никто из нас даже не вспомнит вашего имени.

— Что ж, потеря и вправду велика,— отвечала Элизабет.— Но супруга мистера Дарси будет располагать такими необыкновенными источниками радости, присущими ее положению, что в конечном счете ей не придется особенно печалиться.

— Упрямая, вздорная девчонка! Мне стыдно за вас. Вот какова благодарность за внимание, которым я удо-

стоила вас прошлой весной?! По-вашему, вы мне за это ничем не обязаны? Ну-ка, присядем. Извольте понять, мисс Беннет, я прибыла сюда с твердым намерением добиться того, что задумала. Ничто не сможет мне помешать! Мне еще не приходилось потакать чьим-либо капризам. И я не имею привычки уступать.

— Это усугубляет затруднительность положения вашей светлости. Но меня это не касается.

— Я не позволю, чтобы меня прерывали! Выслушайте меня молча. Моя дочь и мой племянник созданы друг для друга. По материнской линии оба они происходят от единого знатного рода. Отцы их принадлежат к уважаемым, благородным и древним, хоть и не титулованным, семьям. Обе стороны располагают прекрасными состояниями. Они предназначены друг для друга в глазах каждого представителя того и другого дома. И что же встает между ними? Притязания выскочки, молодой женщины без средств, без связей. Разве подобное допустимо? Нет, этого не должно быть и этого не будет. Если бы вы были способны понять, в чем состоит ваша собственная выгода, вы бы сами не пожелали покинуть тот круг, в котором росли.

— Но, выходя замуж за вашего племянника, я, по моему, вовсе не покидаю этого круга. Он дворянин. Я дочь дворянина. Мы в этом смысле равны.

— Ну что же, вы дочь дворянина, допустим. Но из какой семьи ваша мать? Кто ваши дяди и тетки? Не воображаете ли вы, что мне неизвестно, чем они занимаются?

— Кем бы ни были мои родственники,— сказала Элизабет,— если против них ничего не имеет мистер Дарси, это не должно беспокоить и вас.

— Скажите без обиняков, вы обручены?

Элизабет не стала бы отвечать на этот вопрос, чтобы ублажить леди Кэтрин. Однако, после короткого раздумья, она не могла не сказать:

— Нет, не обручена.

Леди Кэтрин, казалось, была довольна.

— И вы даете мне слово никогда с ним не обручаться?

— Подобного обещания я не дам.

— Мисс Беннет, я поражена и возмущена! Я считала вас более разумной девицей. Но не обманывайте себя ложной надеждой, будто я могу пойти на уступки. Я не уеду, пока вы не дадите требуемых мной заверений.

— А я ни за что их не дам. Меня нельзя запугать, толкнув на подобную нелепость. Вы, ваша светлость, желаете, чтобы мистер Дарси женился на вашей дочери? Но если бы я дала требуемое обещание, разве брак между ними стал более вероятным? Разве при его склонности ко мне я могла бы, отвергнув его руку и сердце, побудить мистера Дарси сделать предложение его кузине? Позвольте, леди Кэтрин, сказать, что доводы, которыми вы подкрепляете ваше из ряда вон выходящее требование, настолько же легковесны, насколько само оно безрассудно. Вы, видимо, совершенно не разобрались в моем характере,

если могли предположить, что на меня подействуют подобные рассуждения. Мне неизвестно, в какой мере ваш племянник одобряет ваше вмешательство в его дела. Но у вас, во всяком случае, нет никакого права вмешиваться в мои. А потому я вынуждена просить вас избавить меня от дальнейших посягательств такого рода.

— Ну, ну, не так скоро, если позволите. Я ведь еще не кончила. Ко всему сказанному я вынуждена добавить еще одно обстоятельство. Для меня не является тайной позорный побег вашей младшей сестры. Я знаю о нем решительно все. В том числе, что женитьба на ней молодого человека была кое-как состряпана задним числом на средства папаши и дядюшки. И что же, подобной особе суждено стать сестрой моего племянника? А ее мужу, сыну управляющего его покойного отца,— его братом? Небо и ад! О чем вы думаете? Неужто сень Пемберли может подвергнуться подобному осквернению?!

— Больше вы уже ничего не сможете мне сказать,— гневно ответила Элизабет.— Вы оскорбили меня *всеми* возможными способами. С вашего позволения, я возвращаюсь в дом.

При этих словах она встала. Леди Кэтрин также поднялась, и они пошли обратно. Ее светлость была в ярости.

— Значит, вам дела нет до чести и репутации моего племянника? Эгоистичная, бесчувственная девчонка! Неужели вы не понимаете, что, связав себя с вами, он опозорит себя перед всем светом?

— Леди Кэтрин, мне больше нечего вам сказать. Мои чувства вам известны.

— И вы, стало быть, решили его заманить?

— Я не говорила подобных вещей. Я решила лишь поступать сообразно собственному представлению о своем счастье и не считаясь при этом ни с вами, ни с какой-либо другой, столь же далекой мне персоной.

— Ну что же, отлично. Итак, вы отказались выполнить мою просьбу. Вы решили погубить его в глазах друзей и вызвать к нему презрение всего света.

— Ни долг, ни честь, ни благодарность,— ответила Элизабет,— ни к чему меня сейчас не обязывают. Мой брак с мистером Дарси не нарушил бы никаких заповедей. А что касается чувств его родни и презрения всего света, то меня бы едва ли особенно огорчило, если бы наш брак вызвал у его родных известное беспокойство, тогда как весь свет достаточно разумен, чтобы не отнестись к этому столь серьезно.

— Так вот ваш действительный образ мыслей?! И это ваше последнее слово? Прекрасно. Теперь я знаю, как мне поступить. Не воображайте же, мисс Беннет, что ваши притязания увенчаются успехом. Я приехала, чтобы вас испытать. Мне казалось, что у вас больше здравого смысла. Но будьте уверены, я добьюсь своей цели.

Леди Кэтрин продолжала говорить в том же духе, пока они не подошли к ее карете. Быстро обернувшись, она произнесла:

— Я не приму ваших прощальных приветствий, мисс Беннет. И вовсе не прошу передать от меня привет вашей матери. Вы не заслуживаете подобных знаков внимания. Я возмущена до глубины души.

Элизабет ничего не ответила и, не пытаясь пригласить ее светлость вернуться в дом, преспокойно вошла в него сама. Поднимаясь по ступенькам, она услышала шум отъезжавшей кареты. В холле ее с нетерпением встретила миссис Беннет, которой хотелось знать, почему леди Кэтрин не зашла, чтобы немного отдохнуть.

— Она предпочла сразу уехать,— ответила ее дочь.

— Ее светлость оказалась мне очень приятной дамочкой! И ее визит к нам — необыкновенная любезность! Ведь, насколько я поняла, она заехала сюда лишь для того, чтобы сообщить нам о здоровье Коллинзов. Должно быть, она куда-то направлялась и, проезжая Меритон, подумала, что ей следует тебя навестить. Надеюсь, у нее не было к тебе никаких особых дел, Лиззи?

Элизабет пришлось здесь несколько покривить душой, настолько немислимо было попытаться передать матери содержание их беседы.

ГЛАВА XV

Волнение, вызванное этим необыкновенным визитом, было нелегко успокоить. В течение многих часов Элизабет была совершенно не в силах думать о чем-то другом. Итак, леди Кэтрин в самом деле пустилась в путешествие из Розингса с единственной целью расстроить ее предполагаемую помолвку с мистером Дарси! Другого разумного объяснения этой поездки не существовало. Элизабет, однако, была не в состоянии понять, как мог возникнуть слух об их помолвке. И, наконец, ей пришло в голову, что в то время,

когда ожидание одной свадьбы заставляло всех угадывать следующую, дружба между Дарси и Бингли и ее близость с Джейн могли послужить достаточным основанием для подобного слуха. Она и сама иногда подумывала, что замужество сестры сделает ее встречи с Дарси более частыми. А их соседи из Лукас Лоджа (из переписки которых с Коллинзами леди Кэтрин, очевидно, почерпнула эти сведения) могли считать решенным то, что ей казалось возможным в далеком будущем.

Перебирая в памяти слова леди Кэтрин, она, однако, не могла избавиться от беспокойства по поводу возможных последствий ее вмешательства. Фраза о том, что она непременно помешает их браку, заставляла думать, что она собирается воздействовать на племянника. И Элизабет боялась себе представить, как он отнесется к перечислению всех зол, которые повлекла бы за собой эта женитьба. Она не знала, насколько сильна его привязанность к тетке и в какой мере леди Кэтрин влияет на его образ мыслей, но легко было предположить, что Дарси придерживается более высокого мнения о ее светлости, чем Элизабет. И казалось несомненным, что, перечисляя все отрицательные стороны женитьбы на девушке столь низкого круга по сравнению с его собственным, тетка затронет в нем самое уязвимое место. Ему, с его понятиями о семейной гордости, доводы, выглядевшие для Элизабет вздорными и неубедительными, вполне могли представляться разумными и заслуживающими внимания.

Если он до того колебался, — а ей часто казалось, что это именно так, — то совет и настояния близкой родственницы могли укрепить его решимость. И тогда он позволит себе быть счастливым лишь настолько, насколько это совместимо с достоинством его семьи. В этом случае он уже больше сюда не приедет. Леди Кэтрин может встретиться с ним, проезжая через Лондон, и он будет вынужден отказаться от обещания вернуться в Незерфилд, которое он дал Бингли.

— Итак, — решила Элизабет, — если в ближайшие дни он извинится перед другом в невозможности выполнить данное ему слово, мне будет ясно, с чем это связано. И я выброшу из головы всякую надежду на его постоянство. Если руку и сердце, которые я готова ему отдать, могут заменить этому человеку сожаления о нашей разлуке, он не стоит того, чтобы я пожалела о нем.

Остальные члены семьи, узнав, кто их посетил, были крайне удивлены. Однако они удовлетворились тем же объяснением, которое успокоило миссис Беннет. Элизабет была, таким образом, избавлена от весьма неприятных разговоров.

На следующее утро, спускаясь по лестнице, она встретила мистера Беннета, который вышел из библиотеки, держа какое-то письмо.

— Лиззи,— сказал он,— ты как раз мне нужна. Зайди, пожалуйста, ко мне.

Элизабет последовала за отцом, недоумевая, что бы такое он хотел ей сказать. Она догадывалась, что это могло быть связано с полученным письмом. Внезапно ей пришло в голову, что письмо написано леди Кэтрин. И она с ужасом представила себе неизбежное в этом случае объяснение.

Они сели перед камином, и мистер Беннет сказал:

— Я получил утром письмо, которое меня чрезвычайно удивило. Поскольку оно касается тебя, тебе следует знать его содержание. Я и не предполагал, что еще одна моя дочь находится на пороге замужества. Позволь мне поздравить тебя с выдающейся победой.

Щеки Элизабет вспыхнули, когда она вдруг подумала, что письмо это написано не теткой, а племянником. И она не могла определить, какое чувство в ее душе окажется при этом сильнее: радость ли по поводу его сватовства или досада из-за того, что он не обратился к ней самой. Мистер Беннет между тем продолжал:

— Ты у меня большая умница. А молодые девицы вообще удивительно проницательны в подобных делах. Но боюсь, даже твоей смекалки недостаточно, чтобы отгадать имя поклонника. Это письмо от мистера Коллинза.

— Мистера Коллинза! Что же он мог написать?

— Самые дельные вещи, разумеется. Начинает он с поздравлений по поводу предстоящего бракосочетания Джейн. Об этом он, по-видимому, извещен кем-нибудь из милейших сплетничающих Лукасов. Я не стану испытывать твое терпение, перечитывая, что он говорит по этому поводу. Тебя касаются следующие строки:

«...Выразив Вам, таким образом, искренние поздравления миссис Коллинз и мои собственные по поводу этого радостного события, мне бы хотелось с Вашего разрешения весьма осторожно намекнуть Вам и на другое об-

стоятельство, о котором мы осведомлены из того же источника. Предполагается, что Ваша дочь Элизабет будет носить фамилию Беннет немногим дольше, чем ее старшая сестра, и что избранный ею спутник жизни вполне обоснованно может считаться одной из наиболее выдающихся личностей этой страны».

— Ну-ка, Лиззи, попробуй догадаться, кто бы это мог быть?

«Этого молодого дворянина небо особенно щедро наделило всем, чего только может пожелать смертный: благородным происхождением, богатством и властью над человеческими судьбами. И все же, невзирая на эти его достоинства, мне бы хотелось предостеречь мою кузину Элизабет, а также и Вас в отношении печальных последствий, связанных с излишне поспешным ответом на его предложение, очевидная привлекательность которого могла бы заставить Вас сразу его принять».

— Ну как, Лиззи, ты еще не смекнула, что это за дворянин? погоди, сейчас выяснится.

«Предостерегая Вас, я руководствуюсь следующими соображениями: у нас есть все основания предполагать, что тетка этого дворянина, леди Кэтрин де Бёр, посмотрела бы на этот брак крайне неодобрительно».

— Мистер Дарси — вот это кто! Что ж, Лиззи, славно я тебя озадачил? Скажи, пожалуйста, мог ли он с Лукасами отыскать среди наших знакомых какого-нибудь другого человека, имя которого так явно разоблачало бы лживость их болтовни? Умудриться выбрать мистера Дарси, которому достаточно посмотреть на любую женщину, чтобы сразу увидеть все ее недостатки, и который, возможно, вообще ни разу на тебя не взглянул! Это великолепно!

Элизабет попыталась сделать вид, что ей тоже необычайно весело. Но она могла изобразить на лице только весьма натянутую улыбку. Еще никогда до сих пор отец не упражнялся в остроумии столь неприятным для нее образом.

— Ну, как, здорово это тебя насмешило?

— Да, конечно. Но читайте, пожалуйста, дальше.

— «Когда вчера вечером я упомянул ее светлости о возможности подобного брака, она тотчас же со свойственной ей снисходительностью весьма прямо выразила свои чувства по этому поводу, дав понять, что, ввиду некоторых неблагоприятных родственных связей моей кузины, она ни за что бы не согласилась на этот, по ее словам, столь недостойный союз. Я счел своим долгом как можно скорее оповестить об этом мою кузину, дабы она и ее благородный поклонник были осведомлены о том, что их ожидает, и не спешили сочетаться браком, который не получит должного благословения». Ко всему этому мистер Коллинз добавляет: «Я искренне обрадовался, узнав, что достойный сожаления поступок моей кузины Лидии удалось так благополучно замаять, и печалюсь лишь о том, что сведения об их совместной жизни до свадьбы приобрели столь широкую огласку. Однако мне не подобает пренебрегать обязанностями, присущими моему сану. И я не могу не выразить моего недоумения в связи с известием о приеме, который Вы оказали молодой чете в своем доме сразу после их бракосочетания. Увы, этот шаг был не чем иным, как поощрением порока. И если бы Лонгборн находился в моем приходе, я не преминул бы воспрепятствовать этому весьма решительно. Вам, разумеется, следовало простить их как христианину. Но они вовеки не должны были являться Вашему взору, а их имена никогда не должны были тревожить Ваш слух».

— Вот, оказывается, как он представляет себе христианское всепрощение! Остальная часть письма посвящена делам его дорогой Шарлотты и ожидаемому им появлению юной оливковой ветви. Но, Лиззи, у тебя почему-то такой вид, как будто все это не доставило тебе удовольствия. Надеюсь, ты не собираешься превращаться в недотрогу и строить оскорбленную мину по поводу всякой дурацкой болтовни? Разве мы не живем лишь для того, чтобы давать повод для развлечения нашим соседям и, в свой черед, смеяться над ними?

— О нет,— воскликнула Элизабет,— меня письмо очень рассмешило. Но это так странно!

— Еще бы, вся прелесть в том и заключается. Если бы они выбрали кого-нибудь другого, было бы не так интересно. Но его равнодушие к тебе и твоя неприязнь к нему превращают это в изумительную нелепость! Ты знаешь, как я не люблю писать письма. И все же я ни за что не перестану переписываться с Коллинзом! Когда

я читаю его послания, я поневоле отдаю ему предпочтение даже перед Уикхемом, сколь бы я ни ценил бесстыдство и лицемерие моего дорогого зятя. Кстати, Лиззи, что сказала леди Кэтрин по поводу этого сообщения? Уж не приехала ли она для того, чтобы лишить тебя своего благословения?

В ответ на этот вопрос Элизабет только рассмеялась. И так как мистер Беннет задал его без всякой задней мысли, он больше ее не мучил дальнейшими расспросами. Еще никогда Элизабет не приходилось с таким трудом изображать чувства, которых она не испытывала. От нее требовали, чтобы она смеялась, когда ей хотелось плакать. Особенно жестоко ранил ее отец словами о безразличии мистера Дарси. И она никак не могла решить: то ли ей дивиться его недостаточной наблюдательности, то ли опасаться, что не отец на самом деле видит слишком мало, а она — слишком много.

ГЛАВА XVI

Вскоре после визита леди Кэтрин мистер Бингли, вместо ожидаемого Элизабет письма с извинениями от своего друга, привез в Лонгборн мистера Дарси собственной персоной. Молодые люди приехали рано, и, прежде чем миссис Беннет успела сообщить мистеру Дарси, что они имели честь принимать у себя его тетку (чего с трепетом ожидала ее дочь), мистер Бингли, жаждавший поскорее остаться с Джейн наедине, предложил всем отправиться на прогулку. Это предложение было одобрено. Миссис Беннет не имела обыкновения гулять, у Мэри никогда не было свободного времени, но пятеро остальных тотчас же вышли из дома. Бингли и Джейн, впрочем, охотно позволили себя обогнать. Они постепенно все больше отставали, и Элизабет, Китти и Дарси должны были развлекать друг друга как умели. Впрочем, все трое говорили очень немного. Китти лишилась языка, потому что робела перед Дарси, Элизабет набиралась рашимости перед неким отчаянным шагом, а он, возможно, был занят тем же.

Они шли в направлении Лукас Лоджа, где Китти собиралась повидать Марию. И так как разлука с Китти не могла, по мнению Элизабет, служить основанием для

Лавиния, герцогиня Спенсер.
С картины Дж. Рейнолдса, 1782 г.

общего беспокойства, они смело отправились дальше вдвоем. Наступила минута, когда она должна была проявить смелость, и, почувствовав прилив решимости, она поспешно сказала:

— Вы знаете, мистер Дарси, я ужасная эгоистка. Чтобы облегчить собственную душу, мне ничего не стоит невзначай взвалить бремя на вашу. Так вот, я больше не в силах удерживаться от того, чтобы выразить вам благодарность за вашу необыкновенную заботу о моей злосчастной сестре. С первого же дня, как мне стало известно о вашем поступке, я все время испытываю жгучую потребность сказать вам, как сильно это чувство меня волнует. И если бы о вашей роли узнала моя семья, мне, разумеется, не пришлось бы благодарить вас только от собственного имени.

— Мне неприятно, право же, очень неприятно, что вы об этом узнали,— растерянно ответил Дарси.— Пред-

ставленные в неверном свете, эти сведения могли вас напрасно беспокоить. Я не предполагал, что миссис Гардинер так мало заслуживает доверия.

— О нет, вам вовсе не следует сердиться на мою тетюшку. Ваше участие в этом деле мне стало известно прежде всего благодаря легкомыслию Лидии. И, разумеется, я не могла спать спокойно, пока мне не удалось разузнать подробности. Итак, все же позвольте еще раз вполне серьезно поблагодарить вас от лица всей нашей семьи за великодушие, с которым вы приняли на себя так много хлопот и перенесли столько неприятностей в поисках беглецов.

— Если вам непременно нужно меня благодарить,— ответил он,— пусть это исходит от вас одной. Я не могу отрицать, что желание вас порадовать было одной из причин, побудивших меня вмешаться. Остальные члены вашей семьи, при всем моем к ним уважении, не обязаны мне ничем — я думал только о вас.

Элизабет была слишком смущена, чтобы что-то сказать. После непродолжительного молчания ее спутник добавил:

— Вы слишком великодушны, чтобы играть моим сердцем. Если ваше отношение ко мне с тех пор, как мы с вами разговаривали в апреле, не изменилось, скажите сразу. Мои чувства и все мои помыслы неизменны. Но вам достаточно произнести слово, и я больше не заговорю о них никогда.

Всей душой понимая неловкость его положения, Элизабет заставила себя ответить. И сразу, хоть и не очень красноречиво, она дала ему понять, что за истекшее время стала смотреть на него совсем по-другому и теперь с благодарностью и радостью принимает его сегодняшние заверения. Такого ощущения счастья, которое при этом его охватило, он еще никогда не испытывал. И он постарался выразить его столь пламенными и глубоко прочувствованными словами, какие могли найтись только у человека, охваченного истинной страстью. Если бы Элизабет была способна взглянуть ему в глаза, она увидела бы, как красило его выражение искреннего восторга. Но хотя она не осмеливалась на него смотреть, она могла его слушать. И пока он высказывал ей, как много она для него значила, его привязанность к ней становилась для нее все дороже и дороже.

Они шли вперед, сами не зная куда. Слишком многое нужно было обдумать, почувствовать, сказать, чтобы внимание могло сосредоточиться на чем-то постороннем.

Вскоре Элизабет обнаружила, что понять друг друга им во многом помогли усилия леди Кэтрин. Тетка и впрямь встретила с ним, проезжая через Лондон, и рассказала ему о своей поездке в Лонгборн, о причине этой поездки и о разговоре с Элизабет. Особенно леди Кэтрин напирала на то, что ответы мисс Беннет ясно доказывали ее наглость и испорченность. Разумеется, она не сомневалась, что это поможет ей вырвать у племянника заверение, которого она не добилась в Лонгборне. Но, на беду ее светлости, рассказ произвел обратное действие.

— Это вселило в меня надежду на то, — добавил он, — о чем я до той поры не смел и мечтать. Я знал вашу прямоту и понимал, что если бы вы решительно были настроены против меня, то сказали бы об этом моей тетке без обиняков.

Покраснев и засмеявшись, она ответила:

— О да, вы достаточно знакомы с моей откровенностью. И вполне могли считать, что я на это способна. После того как я разбранила вас прямо в лицо, мне, конечно, ничего не стоило высказать свое мнение о вас кому-нибудь из вашей родни.

— Но разве вы что-нибудь обо мне сказали, чего я не заслуживал? И хотя ваше недовольство мной основывалось на ошибочных сведениях и исходило из ложных предпосылок, мое поведение в тот вечер было достойно самого сурового осуждения. Оно было непростительным. Я не могу о нем вспомнить без содрогания.

— Давайте не спорить о том, чья вина была в этот вечер больше, — сказала Элизабет. — Каждый из нас, если судить строго, вел себя небезупречно. Надеюсь все же, что с той поры мы оба немного набрались учтивости.

— Я не могу себя простить так легко. Память о том, что я тогда наговорил, — о моем поведении, манерах, словах, — все эти месяцы не давала мне покоя. Никогда не забуду вашего справедливого упрека. «Если бы вы вели себя, как подобает благородному человеку...» — сказали вы тогда. Вы не знаете, не можете вообразить, какую боль причинили мне этой фразой. Хотя лишь спустя некоторое время я, признаюсь, понял, насколько вы были правы.

— Но мне даже в голову не приходило, что эти слова произведут такое действие. Я вовсе не думала, что они вас так сильно заденут.

— Легко этому верю. Вы ведь в самом деле тогда считали, что я лишен естественных человеческих чувств. Я никогда не забуду выражения вашего лица, когда вы

сказали, что я не мог бы найти ни одного способа предложить вам свою руку, который склонил бы вас ее принять.

— Прошу вас, не надо больше повторять сказанного мной в тот вечер. Все это было ошибкой и должно быть забыто. Мне уже давно стыдно об этом вспоминать.

Дарси коснулся своего письма.

— Интересно,— спросил он,— сразу ли оно заставило вас обо мне лучше подумать? Когда вы его читали, вы ему верили?

Она рассказала, какое впечатление произвело на нее письмо и как постепенно рассеивалось ее предубеждение.

— Я знал,— сказал Дарси,— что оно причинит вам боль. Но это было необходимо. Надеюсь, вы его уничтожили? Мне было бы неприятно, если бы вы сейчас перечли некоторые места — особенно в первой части. Я припоминаю отдельные фразы, за которые меня можно возненавидеть.

— Если, по вашему, для прочности моей привязанности это важно, я его сожгу. Но оно не может повлиять на мои чувства — они не настолько изменчивы. Хотя, как мы оба знаем, *иногда* они меняются.

— Когда я писал это письмо,— заметил Дарси,— мне казалось, что я холоден и спокоен. Но теперь-то я знаю, что оно было написано в минуту высочайшего душевного напряжения.

— Письмо поначалу и вправду резкое, хотя дальше оно становилось совсем другим. Прощальная фраза — само милосердие. Но давайте о нем не думать. Чувства того, кто его писал, и той, которая его прочла, настолько изменились, что связанные с ним неприятные обстоятельства должны быть забыты. Одна из моих философских заповедей, с которыми я еще вас познакомлю, гласит: «Вспоминай что-нибудь только тогда, когда это доставляет тебе удовольствие».

— Признаюсь, я не очень-то высоко оцениваю подобную философию. Вам в своих воспоминаниях настолько не в чем себя упрекнуть, что ваше спокойствие зиждется не на философии, а на основании более надежном — чистой совести. Со мной все по-другому. Я не смею, не должен отвергать приходящие в голову мучительные воспоминания. Всю жизнь я был эгоистом если не по образу мыслей, то, во всяком случае, в поступках. Когда я был ребенком, мне дали понятие о правильном и неправильном, но не показали, как надо лепить свой характер. Мне привили хорошие принципы, но позволили следовать им

с гордостью и высокомерием. Будучи, на свою беду, единственным сыном (а в течение многих лет — и единственным ребенком), я был испорчен моими излишне великодушными родителями (мой отец был особенно добрым и отзывчивым человеком). Они допускали, одобряли, почти воспитывали во мне эгоизм и властность, пренебрежение ко всем, кто находился за пределами нашего семейного круга, презрение ко всему остальному миру, готовность ни во что не ставить ум и заслуги других людей по сравнению с моими собственными. Таким я был от восьми до двадцати восьми лет. И таким бы я оставался до сих пор, если бы не вы, мой чудеснейший, мой дорогой друг Элизабет! Чем только я вам не обязан! Вы преподали мне урок, который поначалу показался мне, правда, горьким, но на самом деле был необыкновенно полезным. Вы научили меня душевному смирению. Я предложил вам руку, не сомневаясь, что она будет принята. А вы мне показали, насколько при всех моих достоинствах я не заслуживаю того, чтобы меня полюбила женщина, любовью которой стоит по-настоящему дорожить.

— Неужели вы тогда считали, что я могу принять ваше предложение?

— В том-то и дело! Что скажете вы о моем тщеславии? Мне казалось, вы добиваетесь, ждете моего признания.

— Стало быть, мое поведение в чем-то было неправильным,— хоть и против моего желания, поверьте. Я вовсе не хотела вас обманывать. Но мой веселый нрав вполне мог завести меня не туда, куда следует. Как вы должны были ненавидеть меня после этого вечера!

— Вас ненавидеть? Быть может, вначале я и рассердился. Но вскоре мой гнев обрушился на того, кто его заслужил.

— Я едва решаюсь спросить, что вы обо мне подумали, встретившись со мной в Пемберли. Вы осуждали меня за то, что я там появилась?

— Что вы, несколько. Я просто был крайне удивлен.

— Вы не могли быть удивлены тогда больше, чем я. Совесть подсказывала мне, что я вовсе не заслуживаю любезного обращения, и, признаюсь, я вполне ожидала, что со мной и поступят по заслугам.

— А мне хотелось тогда,— ответил Дарси,— оказать вам все внимание, на какое я был способен, и убедить вас, что я не злопамятен. Я надеялся добиться прощения, старался рассеять дурное обо мне мнение, показав, что ваши укоры пошли мне на пользу. Не могу точно сказать,

когда у меня появились и некоторые другие желания,— думаю, что не позже чем через полчаса после того, как я вас увидел.

Он рассказал, насколько она понравилась его сестре и как Джорджиану огорчило, что их знакомство было внезапно прервано. Отсюда рассказ его, естественно, перешел к тому, чем это было вызвано. И Элизабет узнала, что решение уехать из Дербишира на поиски Лидии созрело у него еще до того, как он покинул гостиницу. Его задумчивый и печальный вид в ту минуту объяснялся переживаемой им внутренней борьбой.

Она еще раз выразила ему свою благодарность, но для обоих это была слишком болезненная тема, и они скоро умолкли.

Пройдя незаметно несколько миль и взглянув на часы, они вдруг обнаружили, что им следовало уже вернуться домой. Поинтересовавшись, куда могли запропасться Бингли и Джейн, они заговорили об этой молодой паре. Дарси радовался их обручению, о котором его друг немедленно ему рассказал.

— Скажите, вы были этим удивлены? — спросила Элизабет.

— Нисколько. Перед отъездом я уже понимал, что обручение вот-вот состоится.

— Иными словами, вы на него дали согласие? Я так и предполагала.

И хотя он стал против такого вывода возражать, она поняла, что дело обстоит именно так.

— Накануне моего отъезда в Лондон,— продолжал Дарси,— я признался ему в том, в чем, вероятно, должен был признаться гораздо раньше. Я рассказал, насколько грубо и безосновательно вмешался в его судьбу. Он был крайне удивлен, ибо ему это даже не приходило в голову. Я сказал также, что, вероятно, ошибся, считая, что ваша сестра не отвечает на его чувства. При этом я убедился, что его склонность к ней не исчезла, и поэтому будущий счастливый союз не вызывал у меня сомнений.

То, как свободно он распоряжался поведением друга, не могло не вызвать ее улыбки.

— Вы сказали ему, что Джейн его любит,— спросила Элизабет,— на основе собственных наблюдений или со слов, услышанных от меня весной?

— Я убедился в этом своими глазами. Присмотревшись к ней во время двух последних визитов в Лонгборн, я больше не мог сомневаться в ее чувствах.

— Ну, а ваши слова убедили его сразу, не так ли?

— О да. Бингли и впрямь необычайно скромнен. Неуверенность в себе не позволяла ему положиться в таком важном деле на собственное суждение. Но благодаря тому, что он мне вполне доверяет, все встало на свое место. Я должен был открыть ему одно обстоятельство, которое поначалу его справедливо раздосадовало. Я не позволил себе оставить его в неведении, что ваша сестра провела три зимних месяца в Лондоне, что мне это было известно и что я об этом сознательно ничего ему не сказал. Он был рассержен. Но гнев его, я уверен, рассеялся, как только он перестал сомневаться в чувствах вашей сестры. Сейчас он уже от души меня простил.

У Элизабет вертелось на языке замечание о том, каким незаменимым другом является Бингли, готовый следовать любым советам своего старшего товарища. Но, вспомнив, что ей еще предстояло приучить его к своим шуткам, она сдержалась. Приниматься за это сейчас было еще слишком рискованно. Остаток пути заняли рассуждения ее спутника о будущем семейном счастье Бингли, которое будет уступать только счастьем самого Дарси.

В холле они расстались.

ГЛАВА XVII

иззи, дорогая, где вы так долго пропадали? — Этим вопросом встретила ее Джейн сразу, как только Элизабет вошла в комнату. Тот же вопрос задали ей и остальные члены семьи, пока все рассаживались за столом. Покраснев, она сумела только ответить, что они забрели в незнакомые места. Но ни краска на ее лице, ни какие-нибудь другие обстоятельства не вызвали ни малейших подозрений.

Вечер прошел тихо, без происшествий. Признанные влюбленные болтали и смеялись, непризнанные — молчали. Дарси не было свойственно искать выхода своим счастливым чувствам в бурном веселье, а взволнованная и смущенная Элизабет скорее сознавала свое счастье, нежели его переживала. Помимо обычной неловкости, которую при таких обстоятельствах испытывает всякая молодая девица, ее угнетали и многие другие опасения. Она заранее представляла себе, как примут известие об их

помолвке члены ее семьи. И, хорошо зная, что, кроме Джейн, все относятся к Дарси с большой неприязнью, она боялась, как бы это чувство не оказалось настолько сильным, что ни его состояние, ни положение в обществе не смогут его рассеять.

Перед сном она призналась во всем своей сестре. И хотя обычно Джейн не сомневалась в ее словах, на сей раз она проявила крайнюю недоверчивость.

— Ты шутишь, Лиззи? Этого не может быть! Помолвлена с мистером Дарси! Нет, ты меня обманываешь. Я знаю, это невозможно.

— Что ж, начало и впрямь малообещающее. Я только на тебя и надеялась. Если даже ты мне не веришь, как же я заставлю поверить других? Джейн, милая, я говорю серьезно. Чистую правду. Он до сих пор меня любит, и мы помолвлены.

Джейн недоверчиво взглянула на сестру.

— Ах, Лиззи, это совершенно невероятно. Я знаю, ты ведь его терпеть не можешь.

— Ты ничего не знаешь. Старое следует начисто забыть. Быть может, я не всегда его любила так, как сейчас. Но хорошая память при таких обстоятельствах непростительна. И сейчас я вспоминаю об этом в последний раз.

Мисс Беннет не знала, что и подумать. Элизабет снова и еще более серьезно уверила ее, что все сказанное — сущая правда.

— Боже милостивый! — воскликнула Джейн. — Неужели это могло случиться? И, однако, я должна тебе теперь верить. Лиззи, дорогая, я хотела бы, я была бы рада тебя искренне поздравить. Но ты уверена, — прости мне этот вопрос, — ты вполне убеждена, что будешь с ним счастлива?

— Можешь в этом не сомневаться. Мы уже решили, что будем счастливейшей супружеской парой на свете. Но ты не огорчена, Джейн? Сумеешь ли ты полюбить такого брата?

— Конечно же, всей душой! Для нас с Бингли это самая большая радость. Мы с ним говорили о такой возможности и, увы, решили, что она исключается. Но ты вправду его любишь? Ах, Лиззи, делай все что угодно, но только не выходи замуж без любви! Ты убеждена, что испытываешь к нему достаточно сильное чувство?

— О да! Когда я тебе признаюсь во всем, ты найдешь, что я его люблю слишком сильно.

— Что ты имеешь в виду?

— Что, по совести говоря, я люблю его больше, чем мистера Бингли. Боюсь, ты на меня за это рассердишься!

— Лиззи, родная, постарайся удержаться от шуток. Нам же нужно поговорить серьезно. Расскажи мне сейчас же все, чего я не знаю. Ты давно его любишь?

— Чувство росло во мне так постепенно, что я сама не могу сказать, когда оно возникло. Пожалуй, однако, началом можно считать тот день, когда я впервые увидела его восхитительное поместье в Дербишире...

Новый призыв к серьезности достиг желанной цели. И Элизабет вскоре вполне убедила сестру в своей глубокой привязанности к мистеру Дарси. Когда наконец Джейн полностью в этом уверилась, ей больше ничего не оставалось желать.

— Теперь я по-настоящему счастлива! — сказала она. — Твоя жизнь будет такой же радостной, как и моя. Я всегда была высокого мнения о мистере Дарси. Одна только любовь к тебе служила ему в моих глазах прекрасной рекомендацией. Но теперь, в качестве друга Бингли и твоего мужа, он станет для меня самым дорогим человеком на свете после тебя и Бингли. Но, Лиззи, откуда в тебе столько лукавства? Оказывается, ты от меня так много скрывала! Я ведь почти ничего не знала, что произошло в Пемберли и Лэмтоне. Все, что мне об этом было известно, я узнавала от других.

Элизабет объяснила ей причины своей скрытности. В то время она не хотела напоминать сестре о мистере Бингли. И, еще недостаточно разобравшись в собственных чувствах, она в равной степени избегала имени мистера Дарси. Однако теперь ей уже не к чему было скрывать роль Дарси в замужестве Лидии. И после того как все было сказано, они провели в разговорах еще половину ночи.

— Боже мой, — воскликнула на следующее утро, стоя у окна, миссис Беннет. — Неужели этот несносный мистер Дарси опять увязался за нашим дорогим Бингли? О чем только он думает, проводя у нас с такой назойливостью целые дни? Я бы несколько не возражала, если бы он отправился на охоту или занялся другими делами и не стеснял бы нас своим присутствием. Что же мы сегодня будем с ним делать? Лиззи, придется тебе

опять вытащить его на прогулку, чтобы он не мешал Бингли.

Элизабет едва удержалась от улыбки, настолько ее устраивало это предложение. Вместе с тем то, что ее мать постоянно сопровождала его имя подобными эпитетами, не могло ее не уязвлять.

Как только молодые люди вошли, Бингли посмотрел на нее так выразительно и пожал ей руку с таким жаром, что нельзя было сомневаться в его осведомленности. Вскоре он сказал:

— Миссис Беннет, не найдется ли здесь в округе еще каких-нибудь мест для прогулок, где Лиззи снова могла бы заблудиться?

— Я бы посоветовала мистеру Дарси, Лиззи и Китти отправиться с утра на Оукхемский холм,— отвечала миссис Беннет.— Это отличная прогулка, а мистер Дарси еще там не бывал.

— Что касается остальных участников,— сказал мистер Бингли,— им это вполне подойдет. Но Китти, пожалуй, будет трудно туда добраться, не правда ли, Китти?

Китти подтвердила, что она предпочла бы остаться дома. В то же время мистер Дарси необыкновенно заинтересовался видом с холма, и Элизабет молча согласилась его туда проводить. Когда она пошла к себе, чтобы приготовить к прогулке, миссис Беннет, выйдя за ней, шепнула ей по дороге:

— Мне жаль, Лиззи, что тебе приходится брать на себя заботу об этом несносном человеке. Но ты, я надеюсь, не возражаешь? Тебе ведь понятно,— все делается ради Джейн. И тебе вовсе не нужно с ним разговаривать. Довольно сказать одно-два слова, пусть это тебя не тревожит.

Во время прогулки было решено испросить в этот вечер согласие мистера Беннета. Объяснение с матерью Элизабет взяла на себя. Как она воспримет известие, было трудно предвидеть. Иногда Элизабет начинала сомневаться, сможет ли все богатство и знатность Дарси смягчить ее неприязнь к этому человеку. Но приведет ли ее будущий союз в негодование или восторг,— поведение матери в эту минуту все равно не могло оказать чести ее уму. И для Элизабет было одинаково невыносимо, чтобы Дарси присутствовал при первом взрыве восторга или приступе негодования миссис Беннет.

Вечером, вскоре после того как мистер Беннет удался в библиотеку, Элизабет увидела, как мистер Дарси последовал за ним. Она испытывала крайнюю тревогу. Едва ли она боялась, что ее отец откажет мистеру Дарси. Но ему предстояло большое огорчение, и то, что она, его любимое дитя, должна опечалить отца своим выбором и вызвать в нем опасения за ее судьбу, было ей очень неприятно и заставляло ее сильно волноваться. В нервическом беспокойстве просидела она до возвращения Дарси и, только взглянув на него и заметив легкую улыбку на его лице, почувствовала некоторое облегчение. Через несколько минут он подошел к столу, за которым она вместе с Китти занималась шитьем, и, сделав вид, что любит ее работой, прошептал:

— Зайдите к отцу, он ждет вас в библиотеке.

Она сейчас же туда пошла.

Отец с мрачным и встревоженным видом расхаживал по комнате.

— Лиззи, — обратился он к ней, — что с тобой случилось? В уме ли ты? Неужели ты вздумала выйти за него замуж? Разве ты не относишься к нему всегда с неприязнью?

Как горько жалела она в эту минуту, что в своих прежних высказываниях не проявляла достаточной сдержанности и осторожности! Если бы раньше она вела себя по-другому, сейчас она была бы избавлена от неприятнейших объяснений. Но теперь эти объяснения были неизбежны, и Элизабет со смущенным видом заверила отца в своем чувстве к мистеру Дарси.

— Значит, другими словами, ты решила выйти за него замуж. Что ж, конечно, он очень богат, и у тебя будет больше красивых платьев и экипажей, чем у Джейн. Но разве ты от этого станешь счастливой?

— У вас есть какие-нибудь другие возражения, кроме того, что вы не верите моему чувству?

— Ровно никаких. Мы все считали его гордым и не очень приятным человеком, но это бы не имело значения, если бы ты действительно его полюбила.

— Но я же его люблю, люблю всей душой! — отвечала она со слезами на глазах. — Я люблю его. И его напрасно считают гордецом. На самом деле он превосходный человек. Вы совсем не знаете, что он собой представляет. И я прошу вас, не делайте мне больно, говоря о нем таким тоном.

— Лиззи, — проговорил мистер Беннет, — я дал согласие. Он принадлежит к тем людям, которым я не осме-

ливаюсь отказывать, если они соизволят меня о чем-то просить. Теперь от тебя зависит — быть ли ему твоим мужем. Но позволь дать тебе совет — подумай об этом хорошенько. Я знаю твой характер, Лиззи. Я знаю, ты не сможешь быть счастливой, не сможешь себя уважать, если не будешь ценить своего мужа, — смотреть на него снизу вверх. Твое остроумие и жизнерадостность грозят тебе, в случае неравного брака, многими бедами. Едва ли при этом ты сможешь избежать разочарования и отчаянья. Дитя мое, избавь меня от горя, которое я должен буду испытать, увидев, что ты потеряла уважение к спутнику жизни. Ты плохо себе представляешь, что это такое на самом деле.

Еще более взволнованная, Элизабет отвечала серьезно и искренне. Повторно заверив его, что мистер Дарси — ее настоящий избранник, она рассказала отцу, как постепенно менялись ее взгляды на этого человека. С восторгом перечислив его достоинства, она выразила абсолютную уверенность, что любовь Дарси к ней не мимолетное увлечение, поскольку эта любовь уже выдержала многие месяцы серьезного испытания, не встречая ответного чувства. И в конце концов ей удалось рассеять недоверие мистера Беннета и примирить его со своим предстоящим замужеством.

— Что ж, дорогая, — проговорил он, когда она замолчала. — Больше мне нечего тебе сказать. Если все, что я услышал, — правда, он заслуживает того, чтобы стать твоим мужем. Я не мог бы, Лиззи, расстаться с тобой ради менее достойного человека.

Для того, чтобы еще больше поднять в глазах мистера Беннета своего жениха, она рассказала отцу о том, что Дарси добровольно сделал для Лидии.

— Сегодня у нас в самом деле вечер чудес! Значит, все эти переговоры, расходы по свадебному контракту, выплата долгов Уикхема и покупка офицерского патента — дело рук Дарси? Что же, тем лучше. Это освобождает меня от множества забот и расходов. Если бы все сделал твой дядя, мне бы следовало — мне бы пришлось с ним рассчитаться. Но эти неистовые влюбленные молодые люди всегда поступают по-своему. Завтра я предложу ему вернуть долг. Он начнет протестовать и наговорит всякий вздор, настаивая на своей страстной любви к тебе. И тогда с делом будет покончено.

Тут мистер Беннет вспомнил, как она была смущена несколько дней тому назад при чтении письма мистера Коллинза. И, вдоволь посмеявшись над ней, он в конце концов отпустил ее, сказав:

Принцессы Софья и Амелия, дочери Георга III.
С картины Дж. Синглтона Копли, 1785 г.

— Если какие-нибудь молодые люди явятся за Мэри и Китти, можешь их направить ко мне, у меня сейчас есть свободное время.

С души Элизабет свалилась величайшая тяжесть. И после получасовых сосредоточенных размышлений у себя в комнате она смогла достаточно успокоиться, чтобы вернуться в гостиную. Пережитые волнения были еще слишком свежи в ее памяти, чтобы она могла предаваться веселью, и остаток вечера прошел очень тихо. Но дальше ей уже нечего было бояться, и ее постепенно охватывало ощущение легкости и спокойствия.

Когда ее мать поднялась перед сном к себе в гардеробную, Элизабет отправилась за ней и сообщила ей важную новость. Слова ее произвели ошеломляющее действие. Выслушав их, миссис Беннет некоторое время сидела в полном молчании, будучи не в силах что-нибудь произнести.

Хотя обычно ее ум достаточно быстро усваивал все, что было выгодно для ее дочерей или хотя бы отдаленно касалось какого-нибудь их поклонника, прошло немало времени, прежде чем она смогла уразуметь смысл того, что ей рассказала Элизабет. В конце концов она начала приходить в себя, стала вертеться в кресле, вскакивала, садилась, изумлялась и благословляла судьбу.

— Боже праведный! Благословение неба! Подумать только! Что со мной делается? Мистер Дарси! Кто мог бы себе представить? Это на самом деле правда? Лиззи, душенька моя! Какая ты будешь богатая и знатная! Сколько у тебя будет денег на мелкие расходы! Сколько драгоценностей, карет! Джейн даже и сравниться с тобой не сможет. Я в таком восторге, так счастлива! Какой очаровательный молодой человек! Такой статный! Такой высокий! Ах, Лиззи, миленькая! Ради бога, извинись перед ним за то, что я раньше его недолюбливала. Надеюсь, он об этом забудет. Душенька, душенька Лиззи! Дом в городе! Любая роскошь! Три дочери замужем! Десять тысяч в год! Боже! Что со мной будет? Я теряю рассудок.

Этого было достаточно, чтобы больше не сомневаться в ее согласии. И Элизабет, радуясь, что все душевные излияния матери были услышаны ею одной, вскоре удалась к себе. Но ей довелось провести в одиночестве не больше трех минут. Миссис Беннет сама прибежала к ней в комнату.

— Девочка моя! Десять тысяч в год, а может быть, даже больше! Все равно что выйти за лорда! И особое разрешение, — ты непременно должна будешь выходить замуж по особому разрешению. Но, дорогая моя, скажи, какое кушанье мистер Дарси больше всего любит к обеду? Я его велю завтра же приготовить.

Это было не слишком хорошим предзнаменованием будущего обращения матери с ее женихом. И Элизабет поняла, что даже после того, как она убедилась в самой нежной привязанности к ней мистера Дарси и заручилась согласием родителей, у нее останутся неосуществленные желания. Однако утро прошло гораздо более благополучно, чем она ожидала. Миссис Беннет испытывала такое благоговение перед будущим зятем, что была не в состоянии с ним разговаривать, кроме тех случаев, когда могла оказать ему какую-нибудь услугу или выразить согласие с его мнением.

Элизабет обрадовалась, увидев, что отец старается ближе познакомиться с Дарси. И вскоре мистер Беннет уверил

ее, что с каждым часом его мнение о Дарси становится все более благоприятным.

— Все три зятя кажутся мне великолепными. Боюсь, правда, что Уикхем останется моим любимцем. Но твой муж будет мне нравиться, возможно, не меньше, чем Бингли.

ГЛАВА XVIII

Изабелт вскоре опять пришла в достаточно веселое расположение духа, чтобы потребовать от мистера Дарси отчета о том, как его угораздило в нее влюбиться.

— С чего это началось? — спросила она. — Я представляю себе дальнейший ход, но что послужило первым толчком?

— Мне теперь трудно назвать определенный час, или место, или взгляд, или слово, когда был сделан первый шаг. Слишком это было давно. И я понял, что со мной происходит, только тогда, когда уже был на середине пути.

— Не правда ли, сначала моя внешность вам не понравилась? А что касается моих манер, — мое обращение с вами всегда было на грани невежливого. Не было случая, чтобы, разговаривая с вами, я не старалась вам досадить. В самом деле, не влюбились ли вы в меня за мою дерзость?

— Я полюбил вас за ваш живой ум.

— Вы вполне можете называть это дерзостью. Да оно почти так и было. Ведь в том деле и заключалось, что вам противопоставили любезность, внимательность и угодничество, с которыми к вам относились все окружающие. Вас тошнило от женщин, у которых в мыслях, в глазах и на языке была лишь забота о том, как бы заслужить вашу благосклонность. Я привлекла к себе ваше внимание и интерес именно тем, что оказалась вовсе на них не похожей. Не будь у вас золотого сердца, вы бы меня за это возненавидели. Но при всех ваших стараниях скрыть свою истинную натуру чувства ваши всегда были благородны и справедливы. И в душе вы питали глубокое презрение ко всем, кто за вами так прилежно ухаживал. Что ж — вот я и избавила вас от труда давать мне какие-нибудь объяснения. В самом деле, принимая во внимание все обстоятельства, то, что я говорю, кажется мне разумным. Конечно, о настоя-

щих моих достоинствах вы и не подозреваете. Но ведь, когда влюбляются, о них и не думают.

— Разве вы не доказали свою доброту, нежно заботясь о Джейн во время ее болезни в Незерфилде?

— Джейн — ангел! Кто бы не сделал для нее того же? Впрочем, пусть вам это кажется добродетелью. Мои хорошие качества находятся теперь под вашей опекой, и вам следует превозносить их как можно больше. А мне подобает выискивать в ответ любые поводы для того, чтобы с вами ссориться и вас поддразнивать. И я собираюсь приступить к этому без промедления. Позвольте-ка спросить — почему вы так долго уклонялись от решительного объяснения? Что заставляло вас упорно меня сторониться при вашем первом визите и позже, когда вы с Бингли у нас обедали? Ведь вы вели себя, особенно при первом посещении, так, будто вам до меня нет дела.

— У вас был неприступный и мрачный вид. И вы меня ничем не ободрили.

— Но ведь я была смущена!

— И я тоже.

— И вы не смогли со мной переговорить, когда приезжали к нам на обед?

— Человек, который испытывал бы меньшее чувство, наверно, бы смог.

— Экая беда, — у вас на все находятся разумные отговорки. А я оказываюсь столь рассудительной, что сразу с ними соглашаюсь. Но интересно, долго ли вы откладывали бы объяснение, будучи предоставлены себе самому? Когда бы наконец вы мне признались, если бы я на это не напросилась? Не правда ли, немалую роль сыграло мое решение поблагодарить вас за спасение Лидии? Боюсь даже, непозволительную. До какой безнравственности мы дойдем, если построим свое благополучие на нарушении обещания держать язык за зубами? Плохи же наши дела!

— Вы не должны огорчаться. И не тревожьтесь за свои моральные принципы. С моей нерешительностью покончила моя тетка, которая так бесцеремонно пыталась нас разлучить. И сегодняшним блаженством я обязан не вашей решимости выразить мне благодарность. Я не собирался ждать первого шага с вашей стороны. Сообщение леди Кэтрин позволило мне надеяться, и я решил сразу узнать о своем приговоре.

— Леди Кэтрин оказала нам неоценимую услугу. Ее это должно радовать. Приносить повсеместно пользу — ее страсть. Но скажите, с какой целью вы приехали в Незер-

филд? Неужели только чтобы почувствовать себя смущенным при посещении Лонгборна? Или у вас были более далеко идущие планы?

— Моей истинной целью было — повидать вас. Я хотел понять, есть ли у меня какая-то надежда добиться вашей любви. А признавался я себе только в одном — желании проверить, сохранила ли ваша сестра привязанность к Бингли. И в случае если бы я в этом удостоверился, я решил перед ним исповедаться. Позднее я на самом деле так поступил.

— Хватит ли у вас когда-нибудь смелости сообщить леди Кэтрин о том, что ее ожидает?

— Скорее мне не хватает не смелости, а времени. Но это должно быть сделано, и, если вы дадите мне лист бумаги, я сделаю это тотчас же.

— А я — если бы не должна была сесть за письмо сама, — могла бы усесться рядом и восхищаться вашим умением ровно выводить строчки, — как уже однажды делала некая молодая леди. Но у меня тоже есть тетка. И я не имею права больше о ней забывать.

Элизабет до сих пор не ответила на пространное письмо миссис Гардинер. В свое время ей было трудно признаться, что догадки тетушки о ее отношениях с мистером Дарси были сильно преувеличены. Но теперь она могла сообщить ей необыкновенно приятную новость. И Элизабет почувствовала себя пристыженной, вспомнив, что ее тетя и дядя уже потеряли три дня, в течение которых могли бы радоваться ее счастью. Поэтому она отправила им следующее послание:

«Я должна была сразу поблагодарить Вас, моя дорогая тетушка, за Ваш подробный, дружеский и столь исчерпывающий ответ. Но, говоря по правде, мне было трудно писать. Своими догадками Вы опередили события. Зато теперь Вы уже можете предположить все что хотите. Дайте волю Вашей фантазии. Разрешите ей нарисовать в Вашем воображении любую картину. И все же, если только Вам не придет в голову, что я уже замужем, Вы ошибетесь не очень сильно. Вы должны написать мне еще раз как можно скорее, перечислив при этом достоинства моего избранника гораздо подробнее, чем Вы это сделали в прошлом письме. Еще и еще раз благодарю Вас за то, что Вы не захотели поехать в Озерный край. Как я была глупа, когда об этом мечтала! Ваша идея о низеньком фаэтоне мне очень понравилась. Мы будем с Вами кататься по парку каждое утро. Я теперь — самое счастливое существо на земле. Быть

может, то же самое произносили до меня и другие. Но ни у кого не было для этого столько оснований. Я даже счастливее Джейн. Она только улыбается, а я — хохочу! Мистер Дарси выражает Вам всю свою любовь, которую он утаил от меня. Вы должны непременно приехать в Пемберли на рождество.

Ваша и т. д.».

Письмо мистера Дарси к леди Кэтрин выглядело совсем по-другому. И совсем непохожим на оба послания был ответ мистера Беннета на последнее письмо мистера Коллинза:

«Дорогой сэр,

вам придется еще раз позаботиться о поздравлениях. Элизабет вскоре станет супругой мистера Дарси. Утешьте леди Кэтрин, насколько это будет в Ваших силах. Но будь я на Вашем месте, я бы поставил на племянника. У него больше возможностей.

Искренне Ваш и т. д.».

Поздравление мисс Бингли, полученное ее братом в связи с его предстоящей женитьбой, было необыкновенно приторным и фальшивым. Она написала даже Джейн, выразив ей свой восторг и напомнив об их прежних дружеских чувствах. И хотя Джейн не была обманута этим письмом, оно все же настолько ее тронуло, что она не удержалась и ответила, как она сама сознавала, гораздо приветливее, чем заслуживала ее будущая невестка.

Радость, которую выразила по такому же поводу мисс Дарси, была столь же искренней, каким было письмо, полученное ею от брата. Ей явно не хватило четырех страниц для выражений восторга и горячей надежды на то, что Элизабет сможет полюбить ее, как родную сестру.

Еще до того как мог быть получен ответ от мистера Коллинза или поздравление от его жены, жители Лонгборна узнали, что сами Коллинзы пожаловали в Лукас Лодж. Причина их столь поспешного приезда вскоре стала достаточно ясной. Леди Кэтрин была приведена письмом племянника в такую ярость, что Шарлотта, искренне радовавшаяся предстоящему браку, сочла за лучшее исчезнуть на то время, пока буря несколько не утихнет. Приезд подруги в такой момент несказанно обрадовал Элизабет. Однако, видя, как мистеру Дарси приходится во время их встреч переносить

назойливые и напыщенные любезности ее мужа. Она начала думать, что эта радость приобретает слишком дорогой ценой. Впрочем, мистер Дарси проявлял необыкновенную выдержку. Он даже научился более или менее спокойно выслушивать жалобы сэра Уильяма Лукаса на похищение величайшей драгоценности этого края, а также его надежды на встречу в Сент-Джеймсе. И если он по временам и пожимал плечами, то делал это, только когда сэр Уильям от него отворачивался.

Другое и, пожалуй, еще более тяжкое испытание ему приходилось выдерживать из-за вульгарности миссис Филиппс. Правда, она, так же как и ее сестра, настолько благоговела перед ним, что не решалась с ним разговаривать с фамильярностью, какую посматривал в ней добродушный нрав Бингли. Однако любая сказанная ею фраза непременно звучала вульгарно. Почтение к Дарси заставляло ее быть молчаливой, но не улучшало ее манер. Элизабет делала все что могла, стараясь защитить Дарси от излишнего внимания мистера Коллинза и миссис Филиппс. Благодаря ее стараниям большую часть дня он проводил либо с ней, либо в обществе тех ее близких, разговор с которыми не был ему в тягость. Хотя из-за подобных беспокойств период помолвки стал для Элизабет несколько менее радостным, будущее счастье казалось от этого еще более привлекательным. И она с восторгом предвкушала то время, когда они смогут вырваться из столь неприятного для них окружения и зажить спокойной и достойной семейной жизнью в Пемберли.

ГЛАВА XIX

частливым для материнских чувств миссис Беннет стал день, в который она распростилась с двумя самыми достойными своими дочерьми! Легко можно себе представить, с каким восторгом и гордостью она после этого навещала миссис Бингли и говорила о миссис Дарси. И, ради ее семейства, я была бы рада сказать, что исполнение заветной мечты — выдать в короткое время замуж чуть ли не всех дочерей — произвело на нес такое благотворное влияние, что в конце жизни она наконец стала приятной и рассудительной женщиной. Однако, увы, она несколько не поумнела и время от времени по-прежнему была подвержена нервическим припадкам —

быть может, к счастью для своего мужа, который в противном случае не смог бы насладиться непривычным для него домашним уютом.

Мистеру Беннету очень доставало его второй дочери, и его привязанность к ней заставляла его выезжать из дома чаще, чем любой другой повод. Он очень любил навещать Пемберли, в особенности когда его меньше всего там ждали.

Мистер Бингли и Джейн прожили в Незерфилде только около года. Столь близкое соседство с ее матерью и меритонскими родственниками оказалось нежелательным даже при его мягком нраве и ее нежном сердце. Заветная мечта его сестер наконец осуществилась, и он приобрел имение в графстве, граничащем с Дербиширом. Таким образом, Джейн и Элизабет, в дополнение ко всем другим радостям, оказались на расстоянии всего тридцати миль друг от друга.

Китти стала, с большой пользой для себя, проводить время в обществе двух старших сестер. Характер ее благодаря этому заметно улучшился. Она не была так упряма, как Лидия. И теперь, освобожденная от ее влияния, она под руководством Джейн и Элизабет стала менее раздражительной, менее вялой и менее невежественной. Разумеется, ее всячески оберегали от общества Лидии. И, несмотря на то что миссис Уикхем частенько приглашала ее к себе, соблазняя сестру балами и обществом молодых людей, мистер Беннет никогда не соглашался на такую поездку.

Единственной дочерью, которая продолжала оставаться в Лонгборне, была Мэри. Ей поневоле пришлось бросить заботу о самоусовершенствовании, так как миссис Беннет ни на минуту не могла оставаться в одиночестве. Таким образом Мэри стала принимать большее участие в жизни, хотя по-прежнему была способна читать наставления по поводу всякого пустяка. И уже не чувствуя себя уязвленной тем, что она менее красива, чем ее сестры, она, как и предполагал ее отец, согласилась с этой переменной без особых возражений.

Что касается Уикхема и Лидии, замужество старших сестер не отразилось на их характерах. То, что Элизабет должна была теперь узнать до конца о его непорядочности и неблагодарности, было принято им с философским спокойствием. Несмотря ни на что, он, возможно, не расставался с надеждой, что Дарси все же примет на себя заботу о его благосостоянии. Поздравительное письмо,

полученное Элизабет ко дню свадьбы, свидетельствовало, что подобные надежды питал если и не он сам, то, во всяком случае, его жена. Вот что там говорилось:

«Моя дорогая Лиззи,

желаю тебе всяческих радостей. И если ты любишь мистера Дарси хотя бы наполовину так сильно, как я люблю моего дорогого Уикхема, ты должна себя чувствовать очень счастливой. Хорошо, что ты станешь такой богатой! Надеюсь, когда тебе нечем будет заняться, ты вспомнишь о нас. Я уверена, что Уикхем был бы не прочь получить место при дворе, и боюсь, у нас не будет хватать денег, чтобы прожить без некоторой поддержки. Думаю, что нам подошло бы любое место с доходом в триста — четырехста фунтов в год. Однако, если ты не найдешь нужным, пожалуйста, не говори об этом мистеру Дарси.

Твоя и т. д.»

Так как ее сестра *вовсе* не находила это нужным, она постаралась в своем ответе положить конец всяким надеждам и притязаниям подобного рода. Тем не менее Элизабет нередко посылала им то, что ей удавалось отложить благодаря экономии в собственных тратах и находилось, таким образом, в ее личном распоряжении. Она отлично понимала, что средства, которыми располагали Уикхемы, были недостаточны для покрытия расходов двух людей, столь неумеренных в своих потребностях и столь мало заботящихся о будущем. И всякий раз, когда им приходилось переезжать с места на место, Элизабет или Джейн непременно должны были ждать просьбы о помощи в расплате с долгами. Образ жизни Уикхемов, даже после того как заключение мира позволило им вернуться на родину, остался крайне безалаберным. Они вечно переезжали, стараясь устроиться подешевле, и вечно тратили денег больше, чем могли себе позволить. Привязанность Уикхема к Лидии очень скоро уступила место полному безразличию. Ее привязанность к мужу просуществовала немногим дольше. И, несмотря на свою внешность и происхождение, она по-прежнему имела полное право на ту репутацию, которая за ней утвердилась, когда она выходила замуж.

Хотя Дарси никогда не соглашался принимать Уикхема в Пемберли, он все же, ради Элизабет, продолжал оказывать ему поддержку в его карьере. Лидия иногда гостила у них, в то время когда ее муж развлекался в Лондоне или Бате. А у Бингли оба проводили нередко так

много времени, что против этого восставал даже его ангельский нрав, и он начинал говорить о необходимости намекнуть Уикхемам, что им пора убираться.

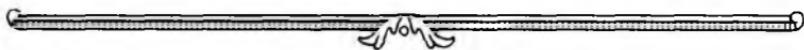
Женитьба Дарси нанесла мисс Бингли глубокую рану, но, так как она сочла полезным сохранить за собой возможность навещать Пемберли, она подавила в душе обиду, еще больше восторгалась Джорджианой, была почти так же, как прежде, внимательна к Дарси и вела себя безукоризненно вежливо по отношению к Элизабет.

Пемберли стал теперь для Джорджианы ее постоянным пристанищем. И между невестками установилась та близость, на какую рассчитывал Дарси. Они даже полюбили друг друга именно так, как когда-то об этом мечтали. Джорджиана продолжала придерживаться самого высокого мнения об Элизабет, хотя поначалу с удивлением, почти близким к испугу, прислушивалась к ее задорной и веселой манере разговаривать с братом. Человек, к которому она всегда питала бесконечное уважение, иногда даже более сильное, чем любовь, теперь нередко оказывался предметом веселых шуток. И она постепенно уразумела то, что ей раньше никогда не приходило в голову. На опыте Элизабет она поняла, что женщина может позволить себе обращаться с мужем так, как не может обращаться с братом младшая сестра.

Женитьба племянника привела леди Кэтрин в крайнее негодование. И, отвечая на письмо о состоявшейся свадьбе, она дала полную волю свойственной ее характеру прямоте. В ответе, таким образом, содержались настолько оскорбительные выражения, в особенности по адресу Элизабет, что на некоторое время всякое общение с Розингсом было прервано. Однако позже Дарси по настоянию Элизабет решил пренебречь чувством обиды и сделал шаг к примирению. После некоторого отпора леди Кэтрин, то ли из-за своей привязанности к племяннику, то ли желая узнать, как себя держит его жена, сменила наконец гнев на милость. И она снизошла до того, что навестила Пемберли, хотя сень его и была осквернена не только присутствием недостойной хозяйки, но также визитами ее дяди и тети из Лондона.

С Гардинерами у них установились самые близкие отношения. Дарси, как и Элизабет, любил их по-настоящему. И оба они навсегда сохранили чувство горячей благодарности к друзьям, которые привезли ее в Дербишир и тем самым способствовали их союзу.

ЧУВСТВО И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Работу над эпистолярным романом «Элинор и Марианна», послужившим основой для «Чувства и чувствительности», Остен начала между 1795—1796 годами. Первоначально роман предназначался для чтения вслух в кругу семьи. В 1797—1798 годах Остен основательно переделала текст, изменила и заглавие на более выразительное «Чувство и чувствительность», тем самым в такой емкой и эпиграмматической форме обозначив главную проблему своего повествования. Подобные «этические» заглавия характерны для Остен: «Гордость и предубеждение», «Доводы рассудка» — они дань ее связи с нравственным каноном Просвещения.

Исправления в текст Джейн Остен продолжала вносить вплоть до публикации книги в 1811 году. Окончательной редакции роман подвергся между 1809—1810 годами.

Переговоры с издателем, Томасом Эджертоном, не относившимся, в отличие от Маррея, к числу видных английских издателей того времени, вел брат Остен, Генри. Эджертон, принимая к публикации рукопись неизвестного писателя, к тому же «леди», не хотел рисковать. Поэтому он оговорил, что в случае неудачи автор возместит ему убытки. Известно, что Джейн Остен откладывала деньги на такой случай. Объявление о выходе романа появилось в «Морнинг кроникл» в октябре в разделе «Новинки»: «Чувство и чувствительность». Роман в трех книгах, сочинение леди. Вышел роман в ноябре в количестве 1000 экземпляров, стоимость каждого составляла 15 шиллингов. Роман был распродан за двадцать месяцев, принес Остен доход в 140 фунтов. В 1813 году Эджертон предпринял второе издание романа.

Никто, кроме близких, не знал, кто же эта «леди». Не знали и рецензенты, опубликовавшие отзывы на роман. Первая рецензия появилась в феврале 1812 года в «Критическом обозрении». Рецензент писал, что «герои хорошо обрисованы, а сам роман отлично написан. В нем мы знакомимся с изысканной публикой... события правдоподобны, и нам интересно о них читать; конец отвечает

ожиданиям читателей. А объем книги как раз такой, чтобы доставить удовольствие, но при этом не утомить. К чести автора, настоящего знатока людских характеров, в романе счастливо сочетается здравый смысл с остроумием». Рецензент в «Британском критике» в статье, которая появилась через два месяца, в мае 1812 года, отметив запутанность родственных связей, в целом дал очень высокую оценку роману. С его точки зрения, герои очерчены превосходно, автор проявил и знание жизни, и понимание женских характеров. Отметил он и «поучительность книги, которая подана ненавязчиво и в изящной форме».

Семья Джейн Остен очень сдержанно отнеслась к роману, считая его излишне сатиричным. Видимо, поэтому они его так редко упоминали в разговорах и письмах. Возможно, их суждение было близко тому, что век спустя высказала Вирджиния Вулф: «Кажется, что Джейн Остен создает своих героев с единственной целью доставить себе удовольствие и отрубить им голову».

Роман, безусловно, автобиографичен, что в первую очередь проявилось в образах двух сестер — Элинор и Марианны, которые и внешне, а главное внутренне, похожи на Джейн и Кассандру. Надо отметить, что пары таких сестер появятся и в других книгах писательницы.

Стр. 49. *Каупер* Уильям (1731—1800) — английский поэт-сентименталист. Картины природы и сельской жизни, изображение простых тружеников сочетаются в поэзии Каупера с интимными картинами домашнего быта.

Стр. 74. *Поуп* Александр (1688—1744) — английский поэт, эссеист, один из наиболее ярких представителей просветительского классицизма.

Стр. 84. ...*Королева Мэб будет вас ждать.*— Мэб, или Маб, королева фей в кельтском фольклоре, распространенный образ и персонаж в романтической литературе. Возможно, Остен сознательно называет лошадь Уиллоби этим именем, выражая таким образом свое отношение к романтической эстетике и романтическим героям.

Стр. 113. *Томсон* Джеймс (1700—1748) — английский поэт-сентименталист; наибольшую известность получило его первое произведение «Времена года» (1726—1730), в котором, используя жанр дидактической поэмы, Томсон создал новую его разновидность — описательную поэму, в которой картины природы из вспомогательного элемента стали главными.

Стр. 117. ...*я мало разбираюсь в живописности...*— Слова Эдварда Феррарса воспринимаются как своего рода реалистический манифест Джейн Остен, направленный против «живописно-

сти» произведений «готических романистов», а также полемический по отношению к предисловию к «Лирическим балладам» Колриджа и Вордсворта, которое, в свою очередь, является манифестом романтиков. Слова Эдварда свидетельствуют, что Остен была поклонницей У.-С. Гилпина (1762—1843), известного английского акварелиста и художника по планировке садов, изложившего свои взгляды в эссе «О живописной красоте», «О живописных путешествиях», «О писании ландшафтов», в которых он выступал поборником классической простоты и естественности.

Стр. 124. *...многие молодые люди, подвизающиеся в Темпле...*— Темпл — название двух из четырех лондонских «Судебных корпораций».

...поскольку я мог вести блестящий и расточительный образ жизни не только в красном мундире...— В XVIII в. мундиры офицеров и солдат английской регулярной армии были красного цвета. Исключение составляли некоторые привилегированные полки, носившие синие мундиры.

...я полагаю, ваши сыновья получат воспитание, которое подготавливает их для стольких же занятий, профессий, служб и ремесел, как сыновей Колумелы.— «Колумела, или Страдающий анахорет» (1779) — роман английского писателя Ричарда Грейвза (1715—1804). Видимо, Остен имеет в виду отрывок из книги 2, главы 28, где говорится, как Колумела распорядился будущим своих сыновей: «Третьего сына он решил посвятить заботам очень достойного человека... который овладел несколькими профессиями: был лекарем, хирургом, повивальной бабкой, костоправом, зубодером, танцмейстером, торговцем спиртным. Колумела тешил себя надеждой, что, если его сыновья овладеют этими специальностями, их минует скука жизни, которая его самого порой доводила до состояния крайнего отчаяния и постепенно превратила в праздного и вялого человека...»

Стр. 137. *Эксетер* — один из древнейших городов Англии в графстве Девоншир.

Стр. 170. *...отправить это письмо с двухпенсовой почтой.*— Во времена Джейн Остен почтовые отправления оплачивались не отправителем, но адресатом. Оплата была довольно сложной, зависела не только от расстояния, но и числа листов. Случалось, что адресат отказывался от уплаты и получения письма. В пределах Лондона существовала особая почта. Оплата городских писем была унифицирована: в XVII в.— одно пенни, с конца XVIII в.— два пенса.

Стр. 202. *В книжной лавке на Пэлл-Мэлл...*— Пэлл-Мэлл — улица в центральной части Лондона, на которой расположены известные клубы; название восходит к старинной игре в шары.

Стр. 217. *...перенесла их свадьбу с иванова дня на михайлов...—* По церковному календарю иванов день, или праздник Иоанна Крестителя, приходится на 24 июня и обозначает середину лета; тогда как михайлов день, или день архангела Михаила, падающий на 29 сентября, знаменует начало осени. В Англии эти дни обычно называются квартальными: к ним приурочивают важные события, связывают сроки платежей и т. п.

Стр. 220. *...проводит их в магазин Грея на Секвилл-стрит...—* Известно, что Остен была очень точна в деталях, работала с календарем и справочником. Действительно, в ежегоднике за 1800 г. есть упоминание фирмы «Грей и Констебль, ювелиры, Секвилл-стрит, 41, Пикадилли».

Стр. 221. *...повезли Гарри на Эксетерскую биржу посмотреть диких зверей...—* Такого рода зрелища были организованы в Эксетере в конце XVIII в., демонстрация диких зверей продолжалась там до 1828 г.

Стр. 248. *Пошли вы его не к мистеру Прэтту, а в Вестминстер...—* Подразумевается, что образование, которое мог получить молодой человек в Вестминстерской школе, одной из девяти старейших привилегированных частных школ, было лучше, нежели в обычной школе. Вестминстерская школа была основана в 1560 г., в ней обучалось около 470 учащихся.

Стр. 249. *Бономи Джозеф (1739—1808) —* известный и очень модный во времена Остен архитектор.

Стр. 252. *Харли-стрит...—* Обычно в сознании читателей XIX и XX вв. эта лондонская улица ассоциируется с приемными дорогих врачей. Однако в конце XVIII в. и начале XIX здесь находились дома состоятельных людей, в один из которых и приезжает доктор Донаван, сам не имеющий приемной на Харли-стрит.

Стр. 267. *...даже если он примет сан, как порой подумывал, то прихода не получит...—* Место настоятеля прихода (ректора, кем был, например, отец Джейн Остен, Джордж Остен) передавалось по наследству или покупалось. Крупные землевладельцы, как правило, сами представляли церковным властям кандидатов для утверждения в должности ректора.

Стр. 297. *...послала за палмеровским аптекарем...—* Аптекарями во времена Джейн Остен называли медиков, практикующих в сельской местности. В медицинской иерархии аптекарь занимал вторую ступень после врачей; иногда он не имел специального образования. На низшей ступени медицинской иерархии стояли хирурги, которые вплоть до 1745 г. объединялись в одну гильдию с цирюльниками.

Стр. 318. *...ее письмо вместе с другими мне принесли туда из моей квартиры...—* Во времена Остен конвертов не существовало; письмо писалось на одной стороне листа, потом складывалось

и заклеивалось облатками; адрес писался на обороте; иногда употребляли самодельные конверты. Бумага стоила дорого, поэтому письма писались мелким, убористым почерком.

Стр. 320. *Вчера в коридоре Друри-Лейна...*— Имеется в виду лондонский музыкальный театр «Друри-Лейн».

Роман иллюстрирован Хью Томсоном (1860—1920), английским художником-графиком. Расцвет деятельности Томсона как книжного иллюстратора приходится на конец 80-х гг. Томсон преимущественно иллюстрировал английских классиков: Джейн Остен, Элизабет Гаскелл, Шекспира, Вальтера Скотта, Уильяма Теккерея, Джордж Элиот. Для его рисунка характерен стиль ретро, его отличает изящество и точность линий.

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

В записях Кассандры помечено, что первый вариант романа, который назывался «Первые впечатления», создавался между октябрём 1796 года и августом 1797 года, то есть сразу после завершения «Элинор и Марианны». 1 ноября 1797 года отец Джейн Остен, Джордж Остен, отправил письмо издателю Кэделлу, в котором предлагал напечатать «за счет автора или каким-то другим способом рукопись романа в 3-х книгах, объемом, приблизительно равным «Эвелин» миссис Берни». Предложение Джорджа Остена было отклонено. Больше упоминаний о «Первых впечатлениях» в семейном архиве нет. Окончательный вариант получил название «Гордость и предубеждение». Первоначальный текст романа не сохранился, поэтому трудно сказать, насколько отличается от него последняя редакция.

Причиной изменения заглавия послужило, видимо, то обстоятельство, что в 1801 году в свет вышел роман М. Холфорда под названием «Первые впечатления».

Новое название позаимствовано из романа Фанни Берни «Цецилия» (1782). В пятом томе «Цецилии» один из героев, доктор Листер, так резюмирует мораль романа: «Вся эта грустная история — результат Гордости и Предубеждения. Однако запомните: если горести наши происходят от Гордости и Предубеждения, то и избавлением от них мы бываем обязаны также Гордости и Предубеждению, ибо так чудесно уравновешены добро и зло в мире».

Возможно, что роман «Гордость и предубеждение» был задуман как пародия на «Цецилию». Во всяком случае, такую

возможность допускает известный английский литературовед Ф. Ливис, которая пишет, что «Гордость и предубеждение» — это, безусловно, «реалистический вариант «Цецилии». Другой крупный специалист по творчеству Остен, Б. Саутем, полагает, что «Гордость и предубеждение» — пародия на «Сэра Чарлза Грандисона». Его предположение подкрепляется тем обстоятельством, что в 90-е годы Джейн Остен работала над пародийной драматической версией романа Ричардсона. Дж. Халперин высказывает мнение, что в первоначальной редакции «Гордость и предубеждение» был по форме романом эпистолярным, то есть написан в жанре, наиболее характерном для «Ювенилий» Джейн Остен. В общей сложности Остен работала над текстом семнадцать лет.

28 января 1813 года в «Морнинг кроникл» появилось сообщение о выходе в свет «Гордости и предубеждения» в издательстве Т. Эджертон. 27 января Джейн Остен получила первый авторский экземпляр, а 29 января роман появился на прилавках книжных магазинов. На титульном листе значилось: «Гордость и предубеждение». Роман в 3-х книгах автора «Чувства и чувствительности». Стоимость 18 шиллингов».

Право обладания романом, или, как бы теперь сказали, авторские права, Остен продала Эджертому за 110 фунтов, хотя просила 150. Было отпечатано 1500 экземпляров, которые к июлю месяцу оказались распроданы. В ноябре Эджертон принял решение о втором издании, правда, ничего не сказав об этом Джейн Остен. Поэтому она даже не имела возможности исправить опечатки, замеченные в первой публикации. Третьим изданием роман вышел еще при жизни Остен в 1817 году.

В день выхода «Гордости и предубеждения» Джейн Остен писала Кассандре: «Мое любимое дитя прибыло из Лондона», подразумевая три экземпляра книги, присланные ей издателем в Чотэн.

На роман сразу же появились отзывы. Журнал «Британский критик» писал: «Гордость и предубеждение» превосходит все романы такого рода, недавно представленные на суд публики». Особую похвалу анонимного рецензента заслужили образы Элизабет, Дарси, Коллинза. Рецензент из «Критического обозрения» сравнил Элизабет с просвещенными героинями Шекспира и был убежден, что этот персонаж сообщает роману «особое очарование и интерес».

О романе говорили в обществе. На одном обеде Шеридан заметил, что «не читал ничего остроумнее этой книги». Анабелла Милбанк, будущая жена лорда Байрона, в одном из писем назвала роман «самым модным произведением сезона... и самым верным жизни». Сама же Джейн Остен, озадачив многих критиков, осо-

бенно XIX в., как-то заметила: «Роман этот слишком легковесен, слишком блестит и сверкает; ему не хватает рельефности: растянуть бы его кое-где с помощью длинной главы, исполненной здравого смысла (да только где его взять!), а не то с помощью серьезной и тяжелой бессмыслицы, никак не связанной с действием, — вставить рассуждение о литературе, критику Вальтера Скотта, историю Буонапарта или еще что-нибудь, что дало бы контраст, после чего читатель с удвоенным восторгом вернулся бы к игривости и эпиграмматичности первоначального стиля».

Но были у нее на этот счет не только иронические суждения. В одном из писем к Кассандре Джейн Остен рассказывает, как она выбирает своих героинь. Большую помощь ей оказывает посещение картинной галереи в Лондоне. Там она нашла портрет, совпавший с образом Джейн Беннет, впоследствии миссис Бингли, который она нарисовала в своем воображении. «Это сама миссис Бингли, до малейших подробностей, рост, прелестное выражение лица. Нет, в самом деле, она удивительно похожа! И одета она в белое платье с зеленой отделкой, что лишний раз убеждает меня в том, что я всегда подозревала: зеленый — ее любимый цвет. Думаю, что миссис Дарси (Элизабет Беннет. — *Е. Г.*) будет в желтом». В этом же письме она отмечает, что побывала на выставке Дж. Рейнолдса, но портрета Элизабет там не нашла. «Мне остается только думать, что мистер Дарси настолько ценит любое ее изображение, что не захотел выставлять его на обозрение публики. Я полагаю, что у нас тоже было бы подобное чувство — смесь любви, гордости и сдержанности».

Сохранилось несколько высказываний Джейн Остен о работе над стилем романа. Подхватывая слова Вальтера Скотта, сравнившего ее произведения с миниатюрами на слоновой кости, она говорит, что «они не более двух дюймов в ширину, и я пишу на них такой тонкой кистью, что, как ни огромен этот труд, он дает мало эффекта». «Наверное, — добавляет она, — читатель был бы столь же доволен, будь узор менее тонок и закончен... впрочем, художник ничего не может делать неряшливо».

Пейзаж в романе почти отсутствует: несколько строк описания Розингса и Пемберли. Они приводятся писательницей лишь потому, что важны для характеристики психологии Элизабет. Кстати, названия городов и поместий нередко бывают вымышлены, например, Незерфилд-парк, Меритон, Пемберли, Хансфорд, Уэстерхем и др.

Имена некоторых персонажей Джейн Остен стали нарицательными, а фамилия преподобного Коллинза вошла в английский язык как слово, обозначающее высокопарное витиеватое послание.

Стр. 377. *Лонгборн* — название селения вымышлено.

Стр. 378. *Буланже* — танец, весьма популярный в светских домах во времена Остен.

Стр. 380. *...домом с прилегающими охотничьими угодьями...*— По старым законам, действовавшим до 1808 г., правом на охоту пользовался лишь сам помещик либо его лесничий, имевший на то специальное письменное разрешение. Однако право на охоту могло передаваться арендаторам.

Стр. 382. *Лукас Лодж* — название поместья вымышлено. Получив дворянское звание, сэр Уильям Лукас, составивший себе состояние торговлей, называет свое поместье так, словно оно из поколения в поколение переходило в семье по наследству.

...представление ко двору в Сент-Джеймсе...— Сент-Джеймс был официальной резиденцией английских королей, хотя королевская семья, находясь в Лондоне, располагалась в Букингемском дворце, купленном Георгом III в 1769 г.

Стр. 394. *...полку милиции...*— Милиция — территориальные войска в Англии, которые не выводились за пределы страны и формировались во время войн или внутренних волнений.

Стр. 401. *...жаркое она предпочитает рагу...*— В определенных слоях английских дворян, претендующих на изысканность и вкус, отдавали предпочтение французской (хотя бы по названию) кухне. Над этим и иронизирует Остен: любовь к отечественному жаркому была достаточной — для таких кругов — характеристикой, свидетельствующей о «плебейских» вкусах.

Стр. 402. *Чипсайд* — одна из центральных магистралей в Сити, деловом районе Лондона.

Стр. 413. *...выискивать четырехсложные словечки...*— Намек на изысканность или претенциозность стиля. Английский язык, как известно, изобилует краткими словами. Четырехсложные слова обычно не англосаксонского происхождения.

Нет ничего более обманчивого, чем показная скромность. Под ней часто скрывается равнодушие к посторонним мнениям, а иногда и замаскированная похвальба.— Эти слова Дарси позволяют до некоторой степени судить о его начитанности и литературных вкусах. В них видят ссылку на книгу Джеймса Босвелла «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791), где цитируются слова последнего: «Всякое порицание самого себя есть замаскированная похвальба». Примечательно, что Джейн Остен, высоко ценившая Джонсона, вкладывает эти слова в уста Дарси.

Стр. 417. *Рил* — веселый шотландский танец.

...представители одной и той же профессии... хотя и разных ее сторон.— Дед Дарси — судья, дядя Элизабет — стряпчий. Они стоят на противоположных концах судебной иерархии. Судьи были членами юридических корпораций, так назы-

ваемых «иннов». Стряпчие, получавшие практическую подготовку в адвокатских конторах, не имели в «инны» доступа.

Стр. 421. *...наготовит достаточно белого супа...*— Комментаторы расходятся в толковании этого термина. Некоторые полагают, что это старинное блюдо, которое подавали к ужину в конце бала. Другие думают, что это особый клейстер, которым мазали волосы под пудру.

Стр. 431. *Кадриль* — карточная игра для четырех игроков, весьма распространенная в XVIII в.

Стр. 433. *Общественная библиотека.*— Так называемые общественные, или «циркулирующие», библиотеки существовали в крупных городах и курортах Англии уже с начала XVIII в. Там время от времени устраивались также публичные лекции или концерты.

Стр. 434. *Фордайс* Джеймс (1720—1796) — пресвитерианский священник, оставивший ряд трудов богословского и нравоучительного содержания. Известностью пользовались его «Наставления молодым девицам», а также «Обращения к божеству», где, в частности, есть интересная характеристика Джонсона, другом которого он был.

Триктрак — старинная игра для двух игроков, в которую играют на доске, разделенной на две части. У каждого игрока — пятнадцать деревянных фигурок (шашек), которые он передвигает, бросая кости.

Стр. 483. *Гровнор-стрит* — улица в Уэст-Энде, аристократическом районе Лондона.

Стр. 508. *Грейсчёрч-стрит* — улица в одном из районов Лондона, где жили так называемые средние слои.

Стр. 522. *Озерный край* — живописный район на северо-западе Англии, где находятся самые крупные английские озера, включая озеро Уиндермэр, и самые высокие в Англии горы. Красоты Озерного края издавна привлекали внимание многих художников и писателей.

Стр. 534. *Казино* — карточная игра для четырех партнеров, где выигрывает тот, кто первым наберет 11 очков.

Стр. 551. *...младшему сыну графа...*— По существующей традиции, имение наследовал старший сын; младшие сыновья должны были выбирать между армией, юриспруденцией и церковью. На покупку прихода, офицерского патента и юридическое образование выделялась определенная сумма; порой старший сын выплачивал младшим пожизненно годовое содержание.

Стр. 569. *Рэмсгейт* — порт в восточной части графства Кент, известный также как курорт.

Стр. 577. *...путешествовали на почтовых лошадях...*— В 1784 г. парламент принял закон о реформе почтового транспорта. Госу-

дарство взяло на себя организацию сети почтовых контор, отправлявших в другие города специальные почтовые кареты. В отличие от прежних, пассажирских, почтовые кареты ходили по расписанию; они перевозили не только почту, но и пассажиров.

Стр. 601. *Мэтлок* — курорт с минеральными источниками в центральной части графства Дербишир.

Четсуорт — городок на севере Дербишира, известный своей картинной галереей.

Давдейл — красивая долина в Дербишире, место паломничества английских художников.

Пик — горный район на севере Дербишира, славящийся своими известковыми пещерами.

Стр. 602. *Уорик* (или Уорвик) — город в графстве Уорикшир, расположенный на реке Эвон.

Кенилворт — город в Уорикшире, расположенный на одном из небольших притоков Эвона. Знаменит развалинами средневекового замка (см. «Кенилворт» Вальтера Скотта).

Стр. 604. *Пемберлейский лес*. — Лесом в те времена нередко называли парк, окружавший помещичий дом.

Стр. 632. *Гретна-Грин* — местечко в южной Шотландии, на границе с Англией, где можно было оформить брак без долгих проволочек, ибо действие английских законов о бракосочетании, требующих трехкратного оглашения в церкви либо специальной лицензии Доктора Коммонс, то есть корпорации юристов гражданского и церковного права, на Шотландию не распространялось.

Эпсом — город в графстве Суррей, известный своими минеральными источниками и ежегодными скачками («дерби» и «оукс»).

Хэтфилд — город в Хартфордшире, расположенный в 17 милях к северу от Лондона. Знаменит старинным парком и архитектурой.

Стр. 655. *...свожу тебя на какое-нибудь обозрение*. — Имеются в виду музыкальные обозрения в так называемых «музыкальных залах», которых в те времена было немало в различных увеселительных садах и парках Лондона. Наибольшей известностью пользовались «музыкальный зал» в парке Воксхолл и «Ротонда» в Ранелагских садах, где, помимо концертов и музыкальных обозрений, давались также и балы-маскарады.

Стр. 672. *...настрелять птиц первого сентября*. — Первое сентября — начало осенней охоты в Англии.

Стр. 673. *Малый театр* — театр в Лондоне (построен в 1720 г., снесен в 1821 г., при завершении строительства нового здания Хеймаркетского театра). Помимо Малого театра, в Лондоне во времена Остен существовало еще два — Оперный театр в Ковент-Гардене и Королевский на Друри-Лейн.

Стр. 677. *Твоего отца уже не было...*— Здесь, по-видимому, вкралась ошибка, одна из немногих в книгах Остен. Миссис Гардинер не могла приехать после отъезда мистера Беннета и последовавшего за ним разговора Дарси и Гардинера, так как она приехала в карете, которая была послана за Беннетом в Лондон.

Стр. 693. *Скарборо* — город в графстве Йоркшир, известный своими минеральными источниками.

Роман иллюстрирован Чарлзом Эдмундом Броком (1870—1938), английским художником, последователем Хью Томсона. Иллюстрировал произведения Джейн Остен, Эмили Бронте, Чарлза Диккенса, Элизабет Гаскелл и др. Для его иллюстраций характерны гармония, соразмерность линий и четкость рисунка.

Е. Гениева и Н. Демурова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Гениева. Обаяние простоты . . . . .</i>	5
* ЧУВСТВО И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ. Роман. Перевод <i>И. Гуровой . . . . .</i>	37
ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ. Роман. Перевод <i>И. Мар-</i> <i>шака . . . . .</i>	367
Комментарии <i>Е. Гениевой и Н. Демуровой . . . . .</i>	739

Остен Дж.

0—76   Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Чувство и чувствительность; Гордость и предубеждение: Романы. Пер. с англ./Редкол.: Г. Анджапаридзе, Е. Гениева, М. Климова и др.; Предисл. Е. Гениевой; Коммент. Е. Гениевой и Н. Демуровой; Ил. Х. Томсона и Ч. Брока.— М.: Худож. лит., 1988.—750 с., ил.

ISBN 5—280—00304—2 (Т. 1)

ISBN 5—280—00303—4

В первый том Собрания сочинений Джейн Остен (1775—1817) входят романы «Чувство и чувствительность» и «Гордость и предубеждение».

О 4703000000-132 подписное
028(01)-88

ББК 84.4 Вл

ДЖЕЙН ОСТЕН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 3-х ТОМАХ
Том 1

Редактор Н. Б у д а в е й
Художественный редактор
Л. К а л и т о в с к а я
Технические редакторы
Л. П л а т о н о в а и О. Я р о с л а в ц е в а
Корректоры
Г. В о л о д и н а и Т. М е д в е д е в а

ИБ № 4914

Сдано в набор 18.06.87. Подписано к печати 28.03.88. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,48 + 1 вкл. = 39,53. Усл. кр.-отт. 155,87. Уч.-изд. л. 42,85 + 1 вкл. = 42,89. Тираж 200 000 экз. (2-й з-д 100 001—200 000 экз.). Изд. № VI-2810. Заказ № 703.

Цена 6 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Ново-Басманная, 19

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93